

1891—1900

ДЕТОНИСЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ

ДЕТОНИСЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ
В РОССИИ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.
(1891 — октябрь 1917)

Выпуск 1

1891—1900

Выпуск 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

Л Е Т О П И С Ь
литературных событий
в России
конца XIX — начала XX в.
(1891 — октябрь 1917)

Выпуск 1

1891–1900

Москва
ИМЛИ РАН
2002

Под общей редакцией члена-корреспондента РАН А.В.Лаврова

Редактор-составитель к.ф.н. М.Г.Петрова

Ответственный секретарь издания И.С.Багдасарян

Рецензенты:

доктор филологических наук О.А.Клинг,

доктор филологических наук Д.М.Магомедова

Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Выпуск 1 (1891-1900). — М.: ИМЛИ РАН, 2002. — 528 с.

Панорама литературного движения 1890-х годов разворачивается на материалах, извлеченных из периодики, книжных изданий, а также на подлинных документах эпохи (письма, дневники и т. п.). Издание адресовано литературоведам, историкам и преподавателям.

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-04-06112а*

От редакции

«Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в.» воссоздает свободную от идеологической и концептуальной схематики картину литературного движения одной из самых ярких и событийно наполненных эпох отечественной истории.

Современное историко-литературное изучение этого сложного периода идет с необычайной интенсивностью. Параллельно огромному количеству публикаций и исследований происходит освобождение от всякого рода догматических рамок, обедняющих, а порой искажающих многоцветную картину литературной жизни.

XX век пришел под знаком динамического развития всех форм жизни и литературы. Со второй половины 1890-х годов возрос спрос на журналы и книги и соответственно растет поток изданий, увеличиваются тиражи, крепнет и распространяется периодическая печать, множатся альманахи и сборники. Возникают новые литературные течения и группы, ведущие оживленную полемику между собой. Появляются всякого рода литературные союзы, общества, объединения, музеи и т.п. Растет количество издательств. Входят в широкий обиход публичные вечера, лекции, диспуты. Газеты печатают интервью и писательские анкеты на злобы дня. Юбилеи классиков становятся ареной литературных битв. Возвращаются имена и произведения, десятилетиями пребывающие в опале (А.Н.Радищев, Н.Г.Чернышевский, Д.И.Писарев, А.И.Герцен и др.). Это вызывает новую волну оценок и переоценок. Издания русской классики постепенно освобождаются от цензурных искажений и запретов. Начинается широкое изучение русской общественной мысли и литературы, связанной с освободительным движением. Публикуются труды по истории цензуры. Интенсивно развивается религиозно-философская мысль. Литература и общество размышляют о судьбе России, на долю которой в начале века пришлось две войны и три революции.

Вся эта совокупность событий не может уложиться в рамки обычного историко-литературного исследования; она требует особых форм изучения и подачи.

Первый опыт создания «Летописи литературных событий» с 1892 по 1917 г. (в составе трехтомного коллективного труда «Русская ли-

тература конца XIX — начала XX в.». М.: Наука, 1968–1972) показал возможности этого нового жанра, использующего приемы монтажа, отличного от обычных хроник, библиографий, персональных «летописей жизни и творчества». Панорама литературного движения разворачивается на материалах, извлеченных из периодики, книжных изданий, и на документах эпохи (письма, дневники и т.п.). При всех своих несовершенствах, в значительной мере обусловленных господствующими в советской историко-литературной науке культурно-идеологическими приоритетами, а также цензурными ограничениями, — прежняя «Летопись» имела успех и вошла в постоянный обиход литературоведов и историков.

Новое издание «Летописи» не только значительно увеличено в объеме (с присоединением дополнительно 1891 года), но основано на более углубленной проработке и новом осмыслении событий, значительном увеличении круга источников, совершенствовании способов подачи фактического и документального материала. Историко-литературный кругозор эпохи расширен за счет новых пластов сведений, ранее подлежавших изъятию или оценочному толкованию по тем или иным мотивам. Использован обширный круг новых публикаций, вышедших в свет за три последние десятилетия. Приводятся архивные материалы.

Культурный контекст эпохи расширен за счет философско-религиозной проблематики, историко-литературных трудов о русской классике, новейшей западной литературы, оказавшей влияние на русскую культуру, художественных выставок и театральных событий. Предпринято сквозное освещение материала по темам и персоналиям, в первом издании недостаточно или предвзято трактованным (Вл.С.Соловьев, В.В.Розанов, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, полемика народников и марксистов, консервативная печать, авангард и др.). Добавлен раздел «Отклики» на октябрьские события 1917 года (см. Выпуск 3).

Выработана более объективная структура «летописной статьи» — без оценочного вмешательства составителя; используются лишь средства отбора и монтажа материала, относящегося к исходному литературному, культурному или общественному событию.

Главный стержень «Летописи» — информация о развернутой в хронологической последовательности художественной прозе, поэзии, критике, публицистике в журналах, сборниках, газетах, книгах, с подборкой наиболее выразительных и при этом разносторонних отзывов современников. Широко освещаются публичные вечера, лекции, диспуты, деятельность писательских союзов, съезды, выставки, газетные интервью, литературные анкеты, юбилейные даты русских классиков, становившиеся общественными событиями, и т.п.

«Летопись», опирающаяся исключительно на документальные первоисточники, призвана воскресить живые голоса времени и дать многокрасочную картину эпохи *в ее самооценке*. Такая картина никогда не утратит ценности и будет служить опорой многим поколениям исследователей.

Новое издание «Летописи», в главных чертах, сохраняет приемы подачи материала, принятые в первом издании:

1. Материал внутри каждого летописного месяца размещен в следующей последовательности: а) журнально-газетные публикации художественных произведений (по старшинству имен: Л.Н.Толстой, Н.С.Лесков, А.П.Чехов и т.д.) с отзывами современников; б) журнально-газетная критика и публицистика; в) события с датой, а также письма, дневниковые записи в хронологической последовательности и композиционной целесообразности; г) альманахи, сборники, книги.

Многомесячные публикации, как правило, даны по месяцу окончания. Однако возможны исключения, когда отмечается и начало публикации: «Воскресение», «Что такое искусство?» Л.Толстого, «Фома Гордеев», «Детство» М.Горького, «Мелкий бес» Ф.Сологуба и др.

2. Так как каждая страница «Летописи» имеет колоннотитул с обозначением года, то внутри летописного года *данный год* — при ссылках на периодику, переписку, дневниковые записи — не повторяется. Отдельные издания, в библиографических данных которых значился год текущий или будущий (на титульных листах книг, выходящих в свет, начиная с сентября-октября, часто указывался будущий год), — даются всегда с обозначением года.

3. Выход книг по месяцам дан, как правило, на основании *Книжной Летописи*. В случае ее неполноты (1906 год) — по «Известиям книжных магазинов М.О.Вольфа». В редчайших случаях, когда книга не зафиксирована в *Книжной Летописи*, — по первой рецензии. Если существует другая дата выхода, расходящаяся с *Книжной Летописью*, то возможны два решения: а) при недостаточных мотивировках сохраняется дата *Книжной Летописи*, с оговоркой в сноске другой даты (см. напр.: январь 1913 г., выход сборника «Пощечина общественному вкусу»); б) при точных документальных свидетельствах и наличии печатных откликов описание дано по времени фактического выхода, с указанием в сноске даты, зафиксированной в *Книжной Летописи* (см. напр.: март 1912 г., выход сборника А.Ахматовой «Вечер»).

4. При ссылках на газеты дается только число, при ссылках на ежемесячные журналы — номер (месяц указывается при расхождении счета номеров с месяцем, напр.: № 1, окт.). Еженедельники да-

ются с номером и числом. Если газета имела два выпуска — утренний и вечерний, то оговаривается только последний (веч. вып.). Приложения к газете также оговариваются.

5. Малоизвестные псевдонимы раскрываются в тексте в квадратных скобках. Анонимы (если они раскрыты в научных трудах или сборниках данного автора) также раскрываются в тексте в квадратных скобках. Например: а) неподписанные рецензии в журнале «Русское богатство» раскрыты в «Указателе анонимных рецензий», составленном М.Д.Эльзоном (ЛН, т. 87; дополнительная расшифровка и отдельные поправки даны по архивным источникам); б) анонимные рецензии в журнале «Русская мысль» (1893–1898) — по сборнику П.Ф.Николаева «Вопросы жизни в современной литературе» (М., 1902).

6. При ссылках воспроизводятся лишь содержательные заголовки статей и рецензий. Если просто констатируется заголовок рецензируемого произведения (напр.: «Воскресение» Л.Толстого), то указывается только автор статьи и ссылка на печатное издание. При этом постоянная рубрика раздела («Критические заметки», «Литература и жизнь») не повторяется.

7. Ссылки на журналы и сборники даются, как правило, без указания страницы, но так, чтобы читатель мог найти необходимый материал. В отдельных случаях, когда это затруднено, дается и страница.

При подготовке — по некоторым темам и персоналиям — составители пользовались дополнительными материалами, представленными: И.С.Багдасарян (*Книжная Летопись*, поэтические сборники, художественные выставки и др.), О.А.Богдановой (Вл.С.Соловьев, В.В.Розанов, С.Н.Булгаков), О.А.Клингом (В.Я.Брюсов), И.В.Корещкой (Ин.Ф.Анненский, Вяч.И.Иванов), А.Е.Парнисом (авангард).

Компьютерный набор В.М.Введенской; последующая компьютерная доработка И.Л.Ровинской.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Арт. — «Артист» (журнал)
Бирж. Вед. — «Биржевые ведомости» (газета)
В. Л. — «Вопросы литературы» (журнал)
Вест. Евр. — «Вестник Европы» (журнал)
Волж. Вест. — «Волжский вестник» (газета)
Волж. Л. — «Волжский листок» (газета)
Вопр. Фил. и Псих. — «Вопросы философии и психологии» (журнал)
Вс. Иллюстр. — «Всемирная иллюстрация» (журнал)
Гражд. — «Гражданин» (газета)
Ежегодник РО ПД — Ежегодники Рукописного отдела Пушкинского Дома
Еж. Соч. — «Ежемесячные сочинения» (журнал)
Ист. Вест. — «Исторический вестник» (журнал)
Киев. Сл. — «Киевское слово» (газета)
Кн. Нед. — «Книжки Недели» (журнал)
Кур. — «Курьер» (газета)
ЛЖТ Горького — Летопись жизни и творчества А.М.Горького, вып. 1. М., 1958.
ЛЖТ Толстого — Н.Н.Гусев. Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1891–1910. М., 1960.
ЛЖТ Чехова — Н.И.Гитович. Летопись жизни и творчества А.П.Чехова. М., 1955.
Л. Г. — «Литературная газета»
ЛН — «Литературное наследство»
Мир Б. — «Мир Божий» (журнал)
Мир Иск. — «Мир искусства» (журнал)
Моск. Вед. — «Московские ведомости» (газета)
Н. Вр. — «Новое время» (газета)
Н. Л. — «Нижегородский листок» (газета)
Н. М. — «Новый мир» (журнал)
Н. Сл. — «Новое слово» (журнал)
Набл. — «Наблюдатель» (журнал)
Науч. Обзор. — «Научное обозрение» (журнал)
Нач. — «Начало» (журнал)
Нед. — «Неделя» (газета)
Нов. — «Новости» (газета)
Нов. Дня — «Новости дня» (газета)
Обр. — «Образование» (журнал)
Од. Л. — «Одесский листок» (газета)
Од. Нов. — «Одесские новости» (газета)

Пб. Газ. — «Петербургская газета»
Правит. Вест. — «Правительственный вестник» (газета)
Р. Бог. — «Русское богатство» (журнал)
Р. Вед. — «Русские ведомости» (газета)
Р. Вест. — «Русский вестник» (журнал)
Р. Ж. — «Русская жизнь» (газета)
Р. Л. — «Русская литература» (журнал)
Р. Мысль — «Русская мысль» (журнал)
Р. Обзор. — «Русское обозрение» (журнал)
Р. Сл. — «Русское слово» (газета)
Рос. — «Россия» (газета)
С. Вест. — «Северный вестник» (журнал)
С. Кур. — «Северный курьер» (газета)
Сам. Газ. — «Самарская газета»
Сар. Л. — «Саратовский листок» (газета)
Сев. — «Север» (журнал)
СПб. Вед. — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета)
Сын От. — «Сын отечества» (газета)
Т. и Иск. — «Театр и искусство» (журнал)
Тр. — «Труд» (журнал)

При ссылках на следующие собрания сочинений указываются лишь том и страница (особые случаи оговорены ниже):

- А.Блок. Собрание сочинений в 8 томах. М.; Л., 1960–1963.
И.А.Бунин. Собрание сочинений в 9 томах. М., 1965–1967.
М.Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1949–1955.
Т. 23–27 (публицистика).
М.Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. М., 1968–1976 (с указанием: ПСС).
В.Г.Короленко. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1953–1956.
В.И.Ленин. Полное собрание сочинений в 55 томах. М., 1958–1965.
Н.С.Лесков. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1956–1958.
Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. М.; Л., 1928–1959.
А.П.Чехов. Полное собрание сочинений в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Письма в 12 томах. М., 1974–1983 (первая серия с указанием: Сочинения).

1891 год

Январь

К итогам 1890 литературного года: Литература не создала «первоклассных художественных произведений», но «обнаружила жизненность и силу» (Р. Вед., 3 янв.). «Бесцветный» год, хотя «всюду просвечивают струи новых умственных течений». Отмечен двумя изданиями сборника рассказов А.П.Чехова «Хмурые люди», появлением новых журналов — «Русское обозрение» и «Артист». Главное событие — выход в свет комедии Л.Н.Толстого «Плоды просвещения»; критику больше всего занимали этико-богословские взгляды писателя (Н. Вр., 1 янв.). Хороши только старые поэты, а «новых нет» — «лиру сменила бесструнная балалайка» (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 5 янв.).

Л.Н.Толстой — статья «О вине и табаке» (Н. Вр., 24, 25, 27 янв.). Обратный перевод с английского статьи «Для чего люди одурманиваются?», напечатанной в лондонском журнале «Contemporary Review» (№ 7). В 1891 г. статья напечатана в трех изданиях XIII тома Сочинений Л.Н.Толстого общим тиражом 58000.

Главная мысль Л.Толстого, писал Н.К.Михайловский, «об омрачении совести наркотиками». Смысл его проповеди — «в успокоении совести, оскорбленной прошлою греховной жизнью», и в «умерении потребностей», но она «поражает своей прямолинейностью и односторонностью». Ведь «пьянствуют не только сознательно виноватые, а и без вины виноватые и совсем не виноватые, и наконец такие, перед которыми другие виноваты» («О гр. Льве Толстом и наркотиках», Р. Вед., 16 февр.). Nemo [А.В.Амфитеатров] отмечает, что статья получила множество отзывов иностранных деятелей, которые в целом считают мнения Толстого преувеличенными и даже ложными (Бирж. Вед., 25 окт.).

Л.Н.Толстой записал в дневнике 17 февраля: «В «Р[усских] В[едомостях] статья Мих[айловского] о вине и табаке. Удиви-

тельно, что им нужно. Но еще удивительнее, что меня в этом трогает и занимает» (т. 52, с. 13).

Н.С.Лесков — сказание «Невинный Пруденций» («Родина», 1-6 янв.); рассказ «Дурачок» («Игрушечка», № 1); литературная заметка «Обуянная соль» (Пб. Газ., 13 янв.). Полемика Лескова с критиками его рассказа «Под Рождество обидели» (Пб. Газ., 1890, 25 дек.), которые укоряли автора в проповеди всепрощения.

Л.Н.Толстой выписал 100 экземпляров «Петербургской газеты» с заметкой «Обуянная соль» и раздавал их знакомым (Н.С.Лесков, т. 11, с. 489-490). «Ваша защита — прелесть... — писал Толстой автору 21-22 января. — Какая ясность, простота, сила и мягкость» (т. 65, с. 225). Рассказ «Дурачок» Толстому не понравился: «нет искренности» (т. 87, с. 68).

И.А.Гончаров — очерк «По Восточной Сибири, в Якутске и Иркутске» (Р. Обзор., № 1).

Это «поскребышки, оставшиеся еще в сусеке» Гончарова от «Фрегата “Паллады”». Но в них — могучий талант (А.Скабичевский, Нов., 21 февр.). Достоинство очерка — в ярких и образных портретах Н.Н.Муравьева и апостола-миссионера Сибири Иннокентия («День», 24 янв.).

В № 1 «Русской мысли» (издатель В.М.Лавров, фактический редактор В.А.Гольцев) — Гл.И.Успенский «Письма переселенцев», статья Н.В.Шелгунова «Очерки русской жизни», стихи Д.С.Мережковского и др. Неизданные письма Белинского к Герцену.

«О Белинском у нас в последнее время говорится много необдуманных вещей». Между тем это — «лучший русский критик, еще никем не заслоненный...» (А.Волынский, С. Вест., № 2).

В № 1 «Вестника Европы» (издатель и редактор М.М.Стасюлевич) — повесть К.М.Станюковича «Первые шаги», последняя прижизненная публикация Г.З.Елисеева «Из далекого прошлого двух академий», трагедия Эсхила «Скованный Прометей» в переводе Д.С.Мережковского, стихи А.М.Жемчужникова и др.

В № 1 «Северного вестника» (официальный редактор-издатель Б.Б.Глинский) — П.Боборыкин «В отъезде», К.Баранцевич «Деревенская идиллия», святочный рассказ П.В.Засодим-

ского «Перед потухшим камельком», стихи Я.П.Полонского, Д.С.Мережковского, К.Льдова, С.Фруга и др.

А.Волынский в «Литературных заметках» ведет полемику о природе таланта в связи с главой из романа Н.К.Михайловского «Карьера Оладушкина. Видение натуралиста». Отмечает важность журнала «Вопросы философии и психологии» для выработки «правильно обоснованного философского мирозерцания».

По поводу рассказа П.В.Засодимского «Перед потухшим камельком» Л.Н.Толстой писал 13 января автору: «Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце...» (т. 65, с. 219). В.Г.Короленко в письме к В.Н.Григорьеву от 21 марта размышлял: «Нетрудно... навалить на него [человека] порок и негодяйство, старое, как мир, и казнить затем этот порок, воображая, что борешься с... современностью. Засодимский... доводит этот прием до абсурда» (Избр. письма. Т. 3. М., 1936, с. 67).

В Петербурге начал выходить новый ежемесячный литературный журнал «Книжки Недели» (редактор-издатель П.А.Гайдебуров), литературное приложение к газете «Неделя». В № 1 — рассказ Гл.Успенского «Тягота», стихи К.М.Фофанова и др., статья И.И.Янжула «Искусство писательства». В «Беседах о литературе» «1» [В.Л.Киги] отмечал, что беллетристика последних лет дала лишь «скромных бытописателей, без руководящей идеи», чему причиной — отсутствие критики, способной осмыслить современную жизнь и дать идеи художникам. Это относится и к А.П.Чехову, «крупному художнику», близкому Л.Толстому по способности изображать чужую душу.

«Хорошее дело», писал Н.К.Михайловский о намерении «Книжек Недели» расширить программу. Но «первый номер страдает некоторой случайностью состава». Пять лет назад «Неделя» объявила войну «отцам» от имени «детей», т.е. «нового литературного поколения», и вела ее под знаменем «реабилитации действительности» и поисков «светлых явлений». Теперь преувеличивает «мрачные явления» (критик «Единица»). Между тем, литературе нужны не «новые слова», а «хорошие» («О новых мозговых линиях», Р. Вед., 26 янв.). В.Буренин писал по поводу статьи «Единицы», что на деле призвание критики — руководство читателями, а не талантами. Кроме того, нельзя возвеличивать «увядающих» «средних» писателей, как Гл.Успенский, Короленко, Чехов, Альбов (Н. Вр., 11 янв.).

14 января А.П.Чехов написал сестре: «Буренин ругает меня в фельетоне, хотя нигде не принято ругать в газетах своих же сотрудников...» (т. 4, с. 162).

В.А.Гольцев — «Об искусстве». Публичная лекция, прочитанная 2 декабря 1890 г. (Арт., № 12, янв.). Пренебрежение к эстетике сменилось противоположным течением, забывающим о нравственном достоинстве литературы.

А.Волынский — «Нравственная философия гр. Льва Толстого» (Вопр. Фил. и Псих., № 1, янв.; перепечатана в С. Вест., № 10). Эмпиризм философских произведений Толстого приводит к ошибочному отрыву христианской метафизики (идеи индивидуального бессмертия) от морали (правил поведения, данных Христом).

Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок] — «Сила вещей. По поводу журнала “Вопросы философии и психологии”» (Моск. Вед., 19 янв.). «Идея христианская» (народная) растет, а «идея прогресса» (интеллигентская) — умалется, происходит поворот от традиций 60-х годов к идеализму.

5 января А.П.Чехов писал А.С.Суворину из Москвы: «Был у меня два раза поэт Мережковский. Очень умный человек» (т. 4, с. 157).

18 января в Петербурге умер публицист Г.З.Елисеев, в прошлом редактор «Современника» и «Отечественных записок». Его безымянные «внутренние обозрения» — «история русской жизни за три десятилетия» (Н.К.Михайловский, Р. Вед., 24 янв.). Умер «народник-практик», смотревший на жизнь с «русской точки зрения, а не с точки зрения отвлеченных теорий Запада» (П.Б-ов [П.В.Быков], Вс. Иллюстр., № 8, 16 февр.).

Н.С.Лесков по поводу смерти Г.З.Елисеева писал Л.Н.Толстому 20 января: «Отходят все люди лучших умов и понятий» (т. 11, с. 477).

25 января Л.Н.Толстой записывает в дневнике: «Читал ... журналы» (т. 52, с. 303). Из русских журналов он получал в 1891 году «Вестник иностранной литературы», «Книжки Недели», «Северный вестник», «Русское богатство», «Русское обозрение», «Русскую мысль», «Русский архив», «Вопросы философии и психологии».

30 января А.П.Чехов отвечал на первое письмо И.А.Бунина: «Присылайте мне Ваши рассказы, но только не те, которые уже были напечатаны» (т. 4, с. 172).

Н.В.Шелгунов — второй том «Сочинений» в 2 т. Со вступ. ст. Н.К.Михайловского в I т. СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1890–1891, тираж — 6000.

Это издание единственно полное по объему («Письмо в редакцию», Нов., 23 февр.). Статьи Шелгунова полезны для воспитания юношества, ценность «Воспоминаний» — в освещении преемственности между 40-ми и 60-ми годами (А.Скабичевский, Нов., 31 янв.). Произведения Шелгунова возвышаются над «произведениями того же направления, но не того же нравственного и умственного изящества» (А.Волынский, С. Вест., № 3). А.В-н [А.Н.Пыпин] вслед за Н.Михайловским считает, что «старый отец» моложе своих старообразных «детей», несправедливо отрицающих наследие 60-х («Писатель шестидесятых годов», Вест. Евр., № 5). Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], полемизируя с этой статьей, называет движение 60-х годов «сором», «шелухой», а Шелгунова — легковесным и не слишком добросовестным популяризатором науки (Моск. Вед., 18 мая). К нему присоединился М.Южный [М.Г.Зельманов] (Гражд., 10 мая). «Русская мысль» приветствует признание А.В-ным литературных заслуг Шелгунова (№ 3 и 6, Библиограф. Отд.). Верность «идеям высшего порядка» — вот причина возросшего в последние пять лет жизни значения статей Шелгунова (М.А.Протопопов, Р. Мысль, № 7). Нынешние «отцы» (Шелгунов и Михайловский) не хотят уступать без боя «детям» (Волынскому); последний не только не сказал «нового слова», но и «потерял способность членораздельной речи» (Vox [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 28 янв.).

Февраль

В № 2 «Северного вестника» — П.Боборыкин «В отъезде», К.Баранцевич «Деревенская идиллия», И.Потапенко «Крылатое слово», «петербургская поэма» Д.Мережковского «Смерть», стихи Я.П.Полонского, Н.Минского, Л.Пальмина, С.Фруга и др.

Баранцевич изображает двойной адюльтер, однако сюжет интересен «по живой струе современности» («Знакомый», Нов. Дня, 1, 15 февр.). Грубая физиология, пришедшая к нам с Запада под термином «натурализм» (Бирж. Вед., 9 янв.).

Рассказ Потапенко — «прелестная бытовая картинка», с ярким колоритом малоросской патриархальной деревни (Р. Мысль, № 6, Библиограф. Отд.). А.Скабичевский отметил «силу юмора» в «Крылатом слове» (Нов., 28 февр.).

В № 2 «Русского вестника» — постоянные авторы журнала: П. П. Гнедич «Пустыня», Д. И. Стахеев «Карточный вор», В. В. Розанов «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского»; стихи А. Н. Апухтина, А. Н. Майкова «Двадцать пять стихотворений. 1888–1890 гг.»

А. Н. Майков контрастирует с «оскудением молодых поэтических сил» в наше время; его поэзия отмечена «суровой и созерцательной» духовностью (Р. Вест., № 7).

1 февраля В. Г. Короленко поддержал протест Вл. С. Соловьева против травли евреев в русской печати, подписанный Л. Н. Толстым, В. А. Гольцевым, Н. Я. Гротом и др. (т. 10, с. 149–150; В. Г. Короленко. Избр. письма. Т. 2. М., 1932, с. 17). В статье «“Декларация” В. С. Соловьева» (1909) Короленко вспоминал: «...Пока Соловьев хлопотал и собирал подписи, толки об его затее широко распространились... Тревогу подхватила... антисемитская и ретроградная пресса. ... Последовал циркуляр главного управления [по делам печати], и затеянная В. С. Соловьевым декларация в то время в России так и не появилась... Она была напечатана за границей» (В. Г. Короленко. ПСС. СПб., 1914, т. 9, с. 260).

8 февраля в Обществе искусства и литературы в Москве, в помещении Немецкого клуба на Софийке, — первое представление «Плодов просвещения» Л. Н. Толстого в постановке К. С. Станиславского.

Комедия «была разыграна... так интеллигентно, как не играют хоть бы у Корша... Станиславский... талантливый и умный любитель» (Гобой [Вл. И. Немирович-Данченко], Нов. Дня, 10 февр.). «Артист» (№ 13, февр.) назвал постановку блестящей, а пьесу талантливой, хоть и тенденциозной.

14 февраля Л. Н. Толстой записал в дневнике, что современная критика не есть «уяснение писателя», а «затемнение его»: «под их руками большие писатели делаются маленькими, глупые — мелкими и мудрые глупыми» (т. 52, с. 8).

20 февраля — премьера пьесы А. П. Чехова «Предложение» в Малом театре в Москве.

«Странно, что пьесы этого талантливого писателя странствовали до сих пор только по частным театрам» (Гобой [Вл. И. Немирович-Данченко], Нов. Дня, 16 февр.).

А.Н.Бекетов — «Нравственность и естествознание» (Вопр. Фил. и Псих., № 2). Не мистика и метафизика, а естествознание должно стать опорой христианской нравственности.

6 февраля Л.Н.Толстой писал Н.Н.Страхову, оспаривая теорию Бекетова: «нравственность... всегда вредна, и для индивида, и для рода, для всего матерьяльного, точно так же как огонь всегда вреден для сала свечи» (т. 65, с. 244), а 26 февраля записал в дневнике: «Материальными законами» невозможно «объяснить духовную жизнь» (т. 52, с. 15).

Вл.С.Соловьев в статье «Русская философская литература» говорит о невозможности естественнонаучного обоснования христианской нравственности (Нов., 12 июня). Эльпе [Л.К.Попов] считает, что механистическая необходимость исключает понятие о нравственности (Н. Вр., 7, 21 марта, 4, 18 апр.). Л.Е.Оболенский согласен с Бекетовым в том, что мораль полезна человеку и физически, и психически (Р. Бог., № 2).

Н.Я.Грот — «Еще о задачах журнала» (Вопр. Фил. и Псих., № 2, февр.). Господство идеализма в журнале отражает философские интересы общества. В основу самобытной нравственной философии должна лечь «русская идея» Достоевского.

Вл.Соловьев уточняет позицию Н.Я.Грота: присоединяясь к всечеловеческому идеалу Достоевского, мы не можем сочувствовать его «выходкам» против других народов и вероисповеданий («Русский национальный идеал», Нов., 23 янв.). Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок] расценил статью Грота как «грубую, раздраженную брань» против носителей православно-национальной идеи, бесосновательно обвиняемых в «человеконенавистничестве», и требовал либо отрицать Достоевского, либо принимать целиком, а не «раздваивать», подобно Вл.Соловьеву (Моск. Вед., 12 янв., 2 февр.).

«1» [В.Л.Кигн] — «Средние писатели, великие писатели и разные попутные мысли и замечания» («Беседы о литературе», Кн. Нед., № 2). Наряду с талантами и гениями, необходимы ремесленники, способные донести открытия первых до массы, но они «портят себя технической неумелостью и распушенностью» (Потапенко).

Д.С.Мережковский — критический очерк «А.Н.Майков» (Тр., № 4, 15 февр.). Посвящен личности поэта, его отношению к античности, христианству и современному миру.

Март

Гл. Успенский — очерк «Кочевники и переселенцы» (Р. Мысль, № 3).

В № 3 «Вестника Европы» — повести В. М. [В. Микулич, Л. И. Веселитской] «Мимочка на водах» (№№ 2–3) и К. М. Станюковича «Первые шаги»; стихи А. М. Жемчужникова, Н. Минского и др.; статья Алексея Н. Веселовского «Мертвые души».

Л. Н. Толстой указал А. С. Суворину на повесть «Мимочка на водах» как на талантливую вещь, не без влияния «Крейцеровой сонаты». Иронический тон возвышает автора над безнравственной жизнью героев (А. С. Суворин, Н. Вр., 7 июня). Н. С. Лесков 20 июня писал Л. Н. Толстому: «Суворин хорошо сделал, что сказал о “Мимочке”. Это заставило многих с нею познакомиться и, может быть, над нею позадуматься» (т. 11, с. 492).

«Судя по критике Суворина и по выдержкам из “Мимочки”, сие произведение представляется мне не столько блестящим, сколько вычурным и манерным», — писал А. П. Чехов Е. М. Шавровой 20 июня (т. 4, с. 244).

После похвалы Л. Толстого повесть попала в разряд «литературных достопримечательностей» (Ното повус [А. Р. Кугель], Пб. Газ., 9 июня). По мнению А. Скабичевского, у автора «Мимочки...» недюжинный талант, с преобладанием оригинального, сильного юмора (Нов., 28 февр.). А. Волынский отметил «эстетическую обработку» при отсутствии «серьезного и глубокого художественного замысла» (С. Вест., № 4). «Посредственная и банальная вещь», написанная в претенциозной манере. Похвала Л. Толстого безосновательна (В. Буренин, Н. Вр., 16 авг.).

Д. Мережковский — «Смерть. Петербургская поэма» (С. Вест., №№ 2–3).

Талантливый поэт в плохой поэме «ударился в подражание гр. Л. Толстому», правдиво изобразив семейную жизнь (А. Скабичевский, Нов., 7 марта, 18 июля). Поэма «певца расслабления» Мережковского — «шуточное подражание “Евгению Онегину”» (В. Буренин, Н. Вр., 8 февр.).

З. Гиппиус — рассказ «В Москве» (С. Вест., № 3).

«При всей своей эскизности, беглости, недоделанности деталей» рассказ подкупает «безыскусственностью, непосредственностью тепла и чувства» (Нов. Дня, 19 марта).

Гр. Д[жанши]ев — историческая справка «По поводу двадцатипятилетия “Вестника Европы”» (Р. Вед., 21 марта). Журнал отличают «безусловная порядочность и редкая терпимость», несмотря на «озлобление и неразборчивость в средствах... его литературных противников».

В «Книжках Недели» (№ 3, Лит. летопись) публицистика «Русской мысли» названа «идейно бессодержательной». Исключение — два автора, тоже не дающие «обобщающей идеи», но хотя бы «раздражающие умственную жажду» (Н.В.Шелгунов) и «жажду живой работы» (Г.И.Успенский).

9 марта Л.Н.Толстой писал В.Г.Черткову: «Есть рассказ Потапенко “Проклятая слава”, прекрасный. Хорошо бы приобрести и напечатать в “Посреднике”» (т. 87, с. 75).

В.Г.Короленко в письме к В.Н.Григорьеву от 21 марта называл «Здравые понятия» Потапенко «плохим рассказом талантливого автора»: «Под видом якобы некоторой язвы нашего времени — выводится нечто такое, что всегда было присуще всякому времени...» (Избр. письма. Т. 3. М., 1936, с. 67).

Н.С.Лесков в письме к В.А.Гольцеву от 18 марта характеризовал И.Н.Потапенко: «умен, ...чувствуется художественная простота и чувство меры, хороший вкус и благородство, чуждое искаательства... Словом — он мне понравился более всех, кого я видел привходящими в литературный кружок за последние 25 лет» (т. 11, с. 481).

16 марта Гл.И.Успенский писал В.А.Гольцеву: «... в “Русских ведомостях” было помещено три очерка Серафимовича из жизни и природы крайнего севера [“На льдине”, “В тундре”, “На плотах”]... это большой художественный талант» (Архив Гольцева. Т. I. М., 1914, с. 103).

21 марта В.Г.Короленко извещал из Н.Новгорода В.Н.Григорьева о разразившемся скандале вокруг местного дворянского банка. В 1890–91 гг. писатель напечатал до 60 статей в «Русских ведомостях» и «Волжском вестнике» с разоблачением дворянских хищений. В 1891 г. Нижегородским отделением «Волжского вестника» была издана его брошюра (без указания имени автора) «О Нижегородском Александровском дворянском банке».

24 марта в Венеции встретились А.П.Чехов и А.С.Суворин, вместе путешествовавшие по Италии, — с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус. В тот же день Чехов пометил в записной книжке: «Вечером разговор с Мережковским о смерти» (Сочинения. Т. 17, с. 8)*, а также написал брату Ивану: «Мережковский ... с ума сошел от восторга. Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь, в мире красоты, богатства и свободы, не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться»; 27 мая — А.С.Суворину: «Надо быть быком, чтобы, приехав первый раз в Венецию или во Флоренцию, стать “отклоняться от запада”...** Но желательнее было бы знать, кто... оповестил... о том, что будто за граница мне не понравилась? Господи ты Боже мой, никому я ни одним словом не заикнулся об этом...» (т. 4, с. 202, 237). А.С.Суворин вспоминал: «Венеция захватывала его... жизнью, серенадами, а не дворцом дождей и проч...» (Н. Вр., 1904, 4 июля).

27 марта Л.Н.Толстой записал в дневнике: «Газеты и журналы раздражают меня. Хочу не читать их вовсе» (т. 52, с. 25).

Г.Мачтет — «Новые рассказы». М.: изд. журн. «Русская мысль», 1891, тираж — 1200.

Это «живые и верные картинки», проникнутые гуманным чувством (Р. Мысль, № 5, Библиограф. Отд.). «Вы скажете: это не художественно, не реально. Пусть..., но зато как просто, ясно, наглядно...» (С. Вест., № 8, Нов. Кн.).

А.М.Скабичевский — «История новейшей русской литературы (1848-1890)». СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1891, тираж — 5100.

А.П.Чехов писал Ф.А.Червинскому 2 июля: «Мне попалась недавно в руки... “История...”; я прочел кусочек и бросил — не понравилось. ...Вообще труд этих господ, живущих паразитарно около чужого труда и в зависимости от него, представляется мне сплошным недоразумением» (т. 4, с. 245). Н.К.Михайловский

* Позднее Д.С.Мережковский вспоминал: «Я восторженно говорил с Чеховым об Италии... Он также в первый раз был в Италии..., но никакой восторженности в нем не замечалось... Он занимался мелочами: внешностью встречных, ценами на проституток» (Чеховский юбилейный сборник. М., 1910, с. 204).

** Д.В.Григоревич писал А.С.Суворину 1 июня: «Чехов принадлежит к поколению, которое заметно стало отклоняться от Запада и ближе присматриваться к своему» (Письма русских писателей к А.С.Суворину. Л., 1927, с. 31).

нашел книгу «полезной», при серьезных пробелах из-за невнимания к истории журналистики. В частности, говоря о «большом таланте» Чехова, «тратящемся... на поверхностное и бесцельное творчество оборванных картинок», следовало объяснить это сотрудничеством в газетах и иллюстрированных еженедельниках («Литература и жизнь», Р. Мысль, № 6). В следующей статье того же цикла Н.К.Михайловский упрекает Скабичевского в узкой трактовке критики Белинского и одностороннем отрицании эстетики Чернышевского, Добролюбова, Писарева и др. (Р. Мысль, № 7). В своем ответе А.Скабичевский подчеркивал: чтя заслуги деятелей 60-х годов, нельзя не отметить их пренебрежения к эстетике (Нов., 8 авг.). В статье А.Скабичевского «Эстетические понятия г. Михайловского» содержался упрек в «слепой нетерпимости» к эстетическому «роду критики» (Нов., 15 авг.). Раскол между «великанами либерализма» показал их истинный, «лилипутский» масштаб (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 19 авг.). По мнению П.О.Морозова, оправдан пессимизм Скабичевского по отношению к современной прозе и особенно поэзии (Кн. Нед., № 6). Книга ценна как первая попытка систематического обзора нашей новейшей литературы, но ее портят «европейски-прогрессивные» и «либерально-демократические» тенденции (Ан.Ал[ександров], Моск. Вед., 31 июля). В.Буренин нашел книгу «недалекой», наполненной «мелкими подробностями о мелких писателях» и уснащенной «критическими приговорами крупным писателям»; откликнулся на нее пародией (Н. Вр., 2, 9 авг.). А.В-н [А.Н.Пыпин] возразил против лишения Гоголя роли родоначальника новой русской литературы (Вест. Евр., № 7). Получается, что русская литература развивалась чуть ли не помимо крупных талантов единственно силами «прогрессивного лагеря», что совершенно не соответствует истине (Д.А.Коропчевский, «Роковая ошибка», Р. Обозр., № 8). «Младший помощник старшего писателя» в либеральном лагере, Скабичевский слепо превозносит «господ» — Салтыкова, Некрасова и т.п. — и травит всех неугодных (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], «Конкуренты Никольского рынка», Моск. Вед., 14 сент.). «История...» пренебрегает идеальными, художественными «элементами» и бедна психологически. Неприемлема также резкая и поверхностная критика современных поэтов: Апухтина, Фофанова, Голенничева-Кутузова и др. (С. Вест., № 7, Нов. Кн.).

Апрель

Каронин (Н.Е.Петропавловский) — повесть «Учитель жизни» (Р. Мысль, №№ 1-4).

Гл.И.Успенский писал редактору «Русской мысли» 25 марта: «Каронин плоховат» (Архив В.А.Гольцева. Т. 1. М., 1914, с. 104).

По мнению А.Волынского, «толстовство» раскрыто Карониным на газетно-фельетонном уровне, главный герой «не натурален» (С. Вест., № 2). В повести, разоблачающей «толстовство», выведен вполне жизненный тип, заслуга которого — в пробуждении общества от нравственной спячки (А.Скабичевский, Нов., 28 марта, 25 апр.). «Новый герой молодого поколения, сочинений по “учению” графа Толстого», — непригоден для жизни своими «детскими теориями» (В.Буренин, Н. Вр., 12, 19 апр.). Внутреннее крушение героя в конце повести — «категорический приговор народническим увлечениям и доктринам, отжившим свой век», неволью «вылившийся» из-под пера народника («Знакомый», Нов. Дня, 4 июня). «Самое любопытное произведение в беллетристике нынешнего года»: показан новый и интересный тип (И.И.Иванов, Арт., № 15, сент.).

К.К.Случевский — рассказ «Профессор бессмертия» (Р. Вест., № 4).

Отражает происходящий в обществе поворот от рационального к мистическому, однако не художествен (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], «Нечто о вере и неверии», Моск. Вед., 27 апр.). Есть «жизненная правда» и типичность главного героя (Знакомый, Нов. Дня, 25 апр.).

К.М.Станюкович — повесть «Первые шаги» (Вест. Евр., №№ 1-4).

Одно лишь ново: «героини и герои либеральных повестей... начинают признавать... поэзию любви» (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 13 апр.). Повесть «серьезна по своим задачам, с прекрасно обрисованными типами, особенно отрицательными» (Созерцатель [Л.Е.Оболенский], Р. Бог., № 3). «Безукоризненный образец пустопорожной литературы» с «идиллическим» героем (И.И.Иванов, Арт., № 15, сент.). Занимает «выдающееся место» в беллетристике года за «порожденные современностью» типы «интеллигентного Петербурга» (Р. Мысль, № 6, Библиограф. Отд.).

А.Виницкая — роман «Поленова и Ярославцевы» (С. Вест., №№ 1–4).

От первой части «веет свежестью непосредственных наблюдений» (А.Скабичевский, Нов., 10 янв., 11 апр.). Иллюстрация «идейной беспозвоночности» и «натянутой сочиненности» женской беллетристики, с «порнографическими струйками» (Р. Мысль, № 6, Библиограф. Отд.).

Гр. А.А.Голенищев-Кутузов — 31 стихотворение (1880–1890) (Р. Вест., № 4).

Этот «журнальный сборник» контрастирует со скучным поэтическим фоном современности, в нем господствует «устало-меланхолическое» настроение, присущее в «безыдейное» и «лживое» время стосковавшейся по идеалу душе (Р. Вест., № 7).

Н.В.Шелгунов — «Очерки русской жизни» (Р. Мысль, №№ 1–4). Критика мировоззрения «восьмидесятников»: теории «малых дел», прославления «среднего человека», равнодушия к большим общественным проблемам. Одобрение поворота 90-х годов к другой психологии и другим идеям.

В.Буренин присоединился к мнению автора о «восьмидесятниках», однако пророчество о «девяностодесятниках», по его мнению, лишено оснований (Н. Вр., 19 апр.).

Н.К.Михайловский — «Литература и жизнь» (Р. Мысль, №№ 3, 4). Воспоминания о начале литературной деятельности в 60-х годах и работе в «Отечественных записках» вместе с Н.А.Некрасовым и М.Е.Салтыковым-Щедриным.

«Наиболее удавшиеся писания» Михайловского, интересные, содержательные, подкупающие «задушевым тоном» (Кн. Нед., № 5, Лит. летопись). «Если бы не... пристрастные до очевидности полемические выходки, не совсем уместные в мемуарах, воспоминания г. Михайловского имели бы ценный исторический интерес» (Бирж. Вед., 3 апр.). «Умысел» воспоминаний — «попутно» сообщить о «текущей минуте», со свойственными автору «орнаментациями» (Сев., № 14, апр.).

М.А.Протопопов — статья «Женское творчество» (Р. Мысль, №№ 1, 2, 4). Женская литература, лишенная «умственной самостоятельности», возвысилась от индивидуально-нравственных идеалов (у Н.Кохановской [Н.С.Соханской] и Н.Д.Зайончковской) до общественных (у С.И.Смирновой и О.А.Шапир); это заслуга общественного прогресса в целом.

Статья оскорбительна для человеческого достоинства женщин (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 25 янв.). «Самоуверенный приговор над общей духовной сущностью женщины» дается с мужской точки зрения, принятой за единственный образец (О.Шапир, Нов., 14 мая).

В.В.Розанов — «“Легенда о Великом инквизиторе” Ф.М.Достоевского» (Р. Вест., №№ 1–4).

Прочитавший работу в рукописи Н.Н.Страхов писал автору 16 октября 1890 года, что должен его «похвалить за глубину и тонкость понимания — как верно Вы угадали его [Ф.М.Достоевского] мучения и отсутствие в нем веры!», но и «побранить» за то, что «статья» «написана пренеудобно»: «ее немногие прочтут и немногие поймут» (В.В.Розанов. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913, с. 251, 253).

Работа Розанова — «исключительное явление в современной критике», крупный шаг к уяснению Достоевского. Суд над Гоголем — пристрастный и односторонний (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 11 янв., 3 мая). П.Скриба [Е.А.Соловьев] находит статью «какого-то» Розанова «неудобочитаемой», а его отношение к Гоголю — «поразительно безграмотным» (Нов., 25 янв.). Прекрасная, серьезная, но не свободная от ошибок и увлечений (отрицания Гоголя) статья (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 26 янв.).

Отвечая Ю.Николаеву, Розанов назвал Гоголя «родоначальником иронического настроения в нашем обществе и литературе», которое придало им нехристианский склад («Несколько слов о Гоголе», Моск. Вед., 15 февр.). В свою очередь Ю.Николаев, упрекая автора в одностороннем понимании Гоголя, признал заслугу Розанова, впервые поставившего литературную критику на религиозно-философскую почву (Моск. Вед., 16 февр., 2 марта). В.Буренин осудил розановскую «склонность к богомольности» и мнение о Гоголе (Н. Вр., 17 мая; см. также Р. Мысль, № 3, Библиограф. Отд.).

А-т [В.К.Петерсен] — статья «Крайности индивидуализма» (Н. Вр., 30 апр.). Эволюция взглядов Л.Н.Толстого от признания истины за массой («Война и мир») до призыва к личному самоусовершенствованию свидетельствует об общем повороте мировой культуры к индивидуализму — признанию носителем истины отдельного человека.

12 апреля в Петербурге умер Н.В.Шелгунов. 15 апреля на Волковом кладбище состоялись похороны, «отличавшиеся большой торжественностью и привлекшие многочисленную публику» (Нов., 16 апр.).

Н.К.Михайловский в письме к В.А.Гольцеву рассказывал: «Мне пришлось объявить о смерти Шелгунова на литературно-музыкальном вечере... Концерт был немедленно прекращен, часть публики... отправилась к покойнику... А на другой день уже с раннего утра квартира была переполнена...» Накануне похорон явился частный пристав с требованиями, имеющими целью не допустить демонстрации. Однако «молодежь... все же устроила грандиозное уличное шествие» до Волкова кладбища. Вскоре «пошла расправа... аресты, высылки, исключения... из учебных заведений... Из сочинителей поплатились Засодимский и я; обоих нас высылают. Засодимского за то, что речь на могиле говорил... а меня уж и придумать не могу, за что» (Архив В.А.Гольцева. Т. 1. М., 1914, с. 208–210).

Некрологи появились во многих журналах и газетах. Имя крупного шестидесятника, борца за правду, проповедника гуманности пользуется глубоким уважением (Р. Вед., 15 апр.). Шелгунов «работает до самой смерти и снисколько не увядающим талантом», его «Очерки» «придавали цвет» журналу «Русская мысль» (А.Волынский, С. Вест., № 6). Восхваление покойного — «либеральная агитация», на деле же «умер публицист самого посредственного дарования, человек... честный, но... служивший делу отрицательной школы», идеи которого не заслуживают публичного сочувствия (Моск. Вед., 27 апр., 20 мая).

13 апреля С.А.Толстая была принята Александром III и получила разрешение напечатать «Крейцерову сонату», но только в собрании сочинений Л.Н.Толстого, потому что «не всякий в состоянии его купить, и большого распространения быть не может». Однако сам Толстой был недоволен: «говорил, что теперь мы как будто приняли на себя какие-то обязательства, которые не можем исполнить, а что прежде он и государь игнорировали друг друга...» (С.А.Толстая, Дневники. Т. I. М., 1978, с. 168–180).

17 апреля Л.Н.Толстой подписал дарственную бумагу, где отказывался от прав собственности на землю и имущество в пользу жены и детей. Раздел имущества в семье Толстых длился с осени 1884 г. по июль 1892 г.

С 13 марта по 20 апреля проходили гастроли итальянской драматической актрисы Э.Дузе в Петербурге, в Малом театре. Она сыграла в «Антонии и Клеопатре» и «Ромео и Джульетте» Шекспира, «Трактирщице» К.Гольдони, «Даме с камелиями» А.Дюма-сына и др. пьесах современных французских драматургов. «Замечательная актриса», поражающая «необыкновенною правдой и простотой игры», близкая русским «по своему реализму, по задушевности» (А.С.Суворин, Н. Вр., 13 марта).

А.П.Чехов 17 марта писал из Петербурга сестре: «Сейчас я видел... Дузе в... “Клеопатре”... и меня разбирала тоска от мысли, что свой темперамент и вкусы мы должны воспитывать на таких деревянных актрисах, как Ермолова...» (т. 4, с. 198).

А.Н.Апухтин — «Стихотворения». Изд. 2-е. СПб.: тип. А.С.Суворина, 1891, тираж — 1000.

Отзвук «великой поэзии минувших дней» на «бледном фоне» молодых поэтов (А.Волынский, С. Вест., № 11). «Лирический, оригинальный и симпатичный» талант, главная черта которого — страстность (Р. Вест., 1892, № 1, Нов. лит-ры).

Владимир Соловьев — «Стихотворения». М., 1891, тираж — 600.

А.Скабичевский высоко оценил стихотворения за «отсутствие всякой деланности и искусственности», в особенности же — за «очаровательный» философский мистицизм (Нов., 4 июня). Поэзия не является главным делом «блестящего» публициста (С. Вест., № 6, Нов. Кн.). «Новое время» (20 мая) высмеяло «курьезный» характер поэзии Вл.Соловьева.

Май

И.Н.Потапенко — повесть «Генеральская дочь» (Кн. Нед., №№ 3-5); очерк «Общий взгляд» (Р. Вед., 9 мая), призывающий к сердечному отношению к отдельному человеку.

Н.С.Лесков 22 мая писал Б.М.Бубнову: «Она [“Генеральская дочь”] замечательна и достойна внимания во всех отношениях, и между прочим — в том, что тут есть настоящий поэтический тип и глубокое, поэтическое положение» (т. 11, с. 490).

Повесть понравилась Л.Н.Толстому (С.А.Т о л с т а я. Дневники. Т. I. М., 1978, с. 161, 190).

Потапенко рисует нравственную чистоту сельских учительниц, вышедших из привилегированной среды (А.Скабичевский, Нов., 16 мая).

А.П.Чехов 13 мая в письме к А.С.Суворину одобрительно отозвался об «Общем взгляде» (т. 4, с. 228).

И.И.Ясинский — роман «Ординарный профессор» (Набл., №№ 1–5).

«Развязный беллетрист» пытается «опаскудить русского профессора и русский университет» (Знакомый, Нов. Дня, 21 янв., 15 февр., 25 апр.). Роман «русского Гюи де Мопассана» — «беллетристический протокол», имеющий скандальный интерес из-за узнаваемости лиц (В.Буренин, Н. Вр., 3 мая). Роман изображает частную драму, нетипичную для профессорской среды (М.К[уплет]ский, Сын От., 16 мая).

З.Н.Гиппиус — этюд «Одинокий» (Вест. Евр., № 5).

«Случайный альбомный набросок карандашом, приемы которого «обличают эстетическую чуткость, художническую натуру, к сожалению, ушедшую на изящные миниатюры» (А.Волынский, С. Вест., № 6). «Институтская вещь», по «наивности» напоминающая поэмы Мережковского (В.Буренин, Н. Вр., 10 мая). «Общее свойство молодых беллетристов: сиденье в затхлой мурье, незнание, о чем писать, и искусственность и эфемерность» (А.Скабичевский, Нов., 30 мая). Неправдоподобность фабулы, чрезмерная увлеченность биологической наследственностью, «манерный, претенциозный слог», заимствованный у французских декадентов (Р. Мысль, № 6, Библиограф. Отд.).

М.Н.Альбов — рассказ «В тихих водах» (С. Вест., № 5).

«Все та же история “среднего” человека, его серенького, будничного прозябания в омуте столичной жизни». Пессимизм, унаследованный от Достоевского (Знакомый, Нов. Дня, 4 июня).

Вл.С.Соловьев — статья «О подделках» (Вопр. Фил. и Псих., № 4, май). О современных подменах христианства.

Мысли Вл.Соловьева верны, но идут вразрез с другими его высказываниями о христианстве (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 11 мая). Соловьев выдает за христианство собственные фантазии (С.С.Б. [Антоний Храповицкий, архиепископ Волынский], Моск. Вед., 1 авг.).

А.А.Козлов — «Письма о книге гр. Л.Н.Толстого “О жизни”» (Вопр. Фил. и Псих., №№ 1–4, янв., февр., март, май). Философское учение Толстого является «фанатическим» «пророчеством и проповедничеством», набором элементов рационализ-

ма, идеализма и эвдемонизма; а этика невыполнима, так как не соответствует человеческой природе.

5 марта Л.Н.Толстой записал в дневнике: «Я читал статью Козлова против меня, и мне не было нисколько больно. И думаю, это от того, что... я... стал менее тщеславен» (т. 52, с. 17).

Вопрос о ненаучности учения Толстого, над которым «копошится» Козлов, безразличен читателю (Р. Бог., № 2, Журн. Обзор.). Самое резонное в печати возражение на «учение» Толстого (В.Буренин, Н. Вр., 29 марта).

«1» [В.Л.Кигн] — «Беседы о литературе. А.П.Чехов» (Кн. Нед., № 5). Самый талантливый из молодых авторов пишет не взирая на «направленскую цензуру»; умеет передавать «общий тон русской жизни» — невежество и произвол внизу, нервическую разбитость и апатию вверх.

А.Н.Плещеев писал 14 мая из-за границы: «Скажите, кто же это в “Неделе” Чехова восхвалил? Ведь там иногда и похвалят-то так, что лучше бы выругали...» (Письма русских писателей к А.С.Суворину. Л., 1927, с. 130).

А.Скабичевский — «Чем отличается направление в искусстве от партийности (По поводу сочинений Н.С.Лескова)» (С. Вест., №№ 3-5). Направление выражает «высшие, философские, идеи своего века», близкие писателю. Партийность свойственна «мелким талантам» и процветает в переходные эпохи, а именно в 60-е годы, когда возникли две ее волны: огульное отрицание старого и огульное же отрицание нового. Ко второй примкнул Лесков, писатель «второстепенного дарования», «рассказчик-фотограф», не способный создать типы, вмещающие существенные черты поколения.

«Суд глупца» над писателем, впервые создавшим положительные типы духовенства (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 13 апр.).

Н.Рубакин — статья «К характеристике читателя и писателя из народа» (С. Вест., №№ 4-5). «Нарастает» новый читатель: крестьянин, рабочий и т.п., что вызывает расширение книготорговли. Предрассудок интеллигенции: будто народу нужна «особая», упрощенная литература. На деле «народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак».

Статья интересна, мысль об интеллигентности как внесловном качестве верна (Кн. Нед., № 5, Лит. летопись; то же — Р. Мысль, № 6, Библиограф. Отд.).

Каронин (Н.Е.Петропавловский) — «Рассказы». Т. 2 и 3. М.: тип. т-ва И.Н.Кушнерев и К^о, 1891, тираж — 1200 каждый том.

Типичность изображаемого и гуманность автора: под «звериным образом» мужика жив «человек» (Р. Мысль, № 10, Библиограф. Отд.).

Июнь

Вышли «Сочинения» Л.Н.Толстого, ч. XIII, «Произведения последних годов». Изд. 1-е. М.: тип. М.Г.Волчанинова, 1891, тираж — 14400. Допечатка — тиражом 3600. Изд. 2-е и 3-е вышли в июле и октябре общим тиражом 40000. Впервые напечатана «Крейцерова соната» с «Послесловием» к ней, а также — «Плоды просвещения» и статьи «В чем счастье», «О том, в чем правда в искусстве», «Последние главы из книги “О жизни”», «Трудолюбие или торжество земледельца» и др.

15 апреля Л.Н.Толстой писал В.Г.Черткову о «Крейцеровой сонате»: «Она мне страшно опротивела... Что-нибудь было дурное в мотивах, руководивших мною при писании ее, такую злобу она вызвала» (т. 87, с. 83).

А.П.Чехов писал А.С.Суворину 8 сентября: «Я третьего дня читал его “Послесловие”. Убейте меня, но это глупее и душнее, чем “Письма к губернаторше” [Н.В.Гоголя], которые я презираю. Черт бы побрал философию великих мира сего! ... Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же Диоген, которого в участок не поведешь и в газетах не выругаешь. Итак, к черту философию великих мира сего! Она вся... не стоит одной кобылки из “Холстомера”» (т. 4, с. 270).

«Крейцерова соната» еще до печатания ходила по рукам во множестве литографированных экземпляров с подзаголовками вроде «повесть о том, как муж убил свою жену», «изображениями брачного ложа... с приподнятым пологом, который поддерживает скелет в саване и с косой, ...кругом нарисованы ноты и книги, а с другой стороны — соха, лопата и край крестьянской избы» (Моск. Вед., 11 марта). Это «всего только анатомическая правда, не вся правда, и много лжи на природу человеческую», причина которой — отход от Христа (Ю.Н.Елагин [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Р. Вест., № 2). А.С.Суворин сначала полагал, что Толстой в «Крейцеровой сонате» опроверг мысль Позднышева о невозможности христианского брака. Но «Послесловие» показало, что писатель

вложил в уста героя собственные идеи, ослабив тем самым значение и силу повести (Н. Вр., 5 февр.).

А.П.Чехов 6 февраля писал А.С.Суворину: «Ваша статья о Толстом сплошная прелесть... И сильно, и деликатно» (т. 4, с. 175). В «фактических показаниях» Позднышева много горькой, но не полной правды; он «обвиняет все человечество поголовно в разврате, а природу — в неестественности», потому что сам «ничего, кроме чисто-животного увлечения», в жизни не испытал и усвоил «опасливо-брезгливое отношение к плотской любви» (Н.К.Михайловский, Р. Мысль, № 6). В «Крейцеровой сонате» преобладает уже не художник, а мыслитель (А. Скабичевский, Нов., 20 июня). Это произведение, «преисполненное злобы и человеконенавистничества». Позднышев — как богатый помещик — выразитель мнений и опыта очень узкого круга, и его выводы никак нельзя принять за общечеловеческие истины (М.А.Протопопов, «Психологический вопрос», Р. Мысль, № 8). Это «глубокое, полное правды и потрясающей силы произведение» (В. Буренин, Н. Вр., 30 авг.). Повесть отличается глубокой мыслью и редкой художественной красотой (Кн. Нед., № 9). Трудно согласиться с осуждением брака и отрицанием умственного труда... Толстовское «опрощение» — путь к озверению человека (Р. Мысль, № 8, Библиограф. Отд.). Сила и смысл проповеди Л.Толстого — не в содержании, а в самой постановке общих вопросов морали, слишком часто забываемых в современную эпоху (Л.З.Слонимский, «Учение истины» и практическая мораль графа Л.Н.Толстого», Вест. Евр., № 9). Нельзя считать Л.Толстого ни учителем поколения, ни центральной личностью для общества, так как, во-первых, число обращенных им в «свою веру» незначительно, а во-вторых, он «баловник мысли», сам не верящий в свое «учение» (Ното [В.Г.Авсеев], Пб. Вед., 20 окт.).

А.П.Чехов — рассказ «Бабы» (Н. Вр., 25 июня).

Автор писал А.С.Суворину 16 июня: «Посылаю Вам... летний, т.е. жиденький, рассказ... Скучно писать из мужицкой жизни. Надо будет за генералов приняться» (т. 4, с. 241).

Д.С.Мережковский — поэма «Семья» (Р. Мысль, № 6).

Здесь столько «художественности при полной простоте и незащепленности содержания», «звучный, легкий стих, ...яркая поэтическая образность, ...задушевность». Однако автор отнюдь не первооткрыватель семейной идиллии в русской литературе (А.Скабичевский, Нов., 11 июля). Мало «творческой силы», «общие места» и «готовые фразы» (Кн. Нед., № 8, Лит. летопись).

Вл.С.Соловьев — статья «Идолы и идеалы» (Вест. Евр., №№ 3, 6). «Национальное мессианство» превращает народ из служителя всечеловеческого христианского идеала в «идола антихристианского национализма».

Н.С.Лесков 10 мая писал В.А.Гольцеву о статье Вл.С.Соловьева: «Это очень умно и очень ловко написано. Я со всеми положениями и взглядами автора согласен» (т. 11, с. 483).

«Блестящий» очерк, однако неверно, что Л.Н.Толстой не отвечает за своих последователей (Р. Мысль, № 5, Библиограф. Отд.). Верна характеристика «крепостников», трактовка же «народников» «страдает далеко не полным пониманием... предмета» (Кн. Нед., № 4, Лит. летопись). Проповедует невозможное — христианство без христиан, ибо называет либерально-прогрессистские идеи по существу христианскими, хоть и чуждыми клерикализму (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 9 марта). Смешивает «ограничения религиозной пропаганды», необходимые для спокойствия в государстве, с религиозными преследованиями (Р. Обзор., № 6, Совр. летопись).

20 июня Н.С.Лесков писал Л.Н.Толстому в связи с «неурожаем хлеба, угрожающим голодом»: «...я изверился во все “благие начинания” общественной благотворительности и не знаю: не повредишь ли тем, что сунешься в дело, из которого как раз и выйдет безделье? А ничего не делать — тоже трудно» (т. 11, с. 491–492). «Я же думаю, — отвечал Л.Н.Толстой 4 июля, — что добрых дел нельзя делать вдруг по случаю голода... И потому против голода одно нужно, чтобы люди делали как можно больше добрых дел... всегда. — Доброе же дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых. И любить важнее, чем кормить, потому что можно кормить и не любить... но нельзя любить и не накормить» (т. 66, с. 12).

25 июня Л.Н.Толстой записал в дневнике: «все заботятся о голодающих, хотят помогать им, спасать их. И как это противно! Люди, не думавшие о... народе, вдруг почему-то возгораются желанием служить ему. Тут или тщеславие — высказаться, или страх; но добра нет» (т. 52, с. 44).

Д.Ф.Щеглов — статья «Своеобразный журнальный конкурс» (Р. Вест., № 6). Полемика с Н.Михайловским и Вл.Соловьевым, критически оценившими книгу Щеглова «История социальных систем». Т. 2. СПб., 1889. Автор настаивает на необходимости энергичных мер против распространения в России со-

циалистических и коммунистических идей, а также культ материализма.

В лже-охранительном («назадническом») лагере — «удивительно понижение духовного уровня»: от И.С.Аксакова и Страхова до Щеглова (Вл.С.Соловьев, «Запоздалая вылазка из одного литературного лагеря (Письмо в редакцию)», Вест. Евр., № 7). Письмо Соловьева — безнравственный обман читателя с помощью «уверток, сознательной лжи», подлогов (Д.Щеглов, Н. Вр., 1 окт.; сходная оценка: М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 1 июля). «История социальных систем» — прекрасный труд, несправедливо обруганный «главой либеральных “пустоплясов”» Михайловским и «штатным звонарем при храме либерализма» Вл.Соловьевым за «ересь» против их учения (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 15 июня).

Н.Рубакин — статья «Читающая публика» (Нед., 2 июня). На основе отчетов провинциальных общественных библиотек обследован круг чтения городских сословий.

В течение июня произошла окончательная смена редакции журнала «Северный вестник»: издательницей стала Л.Я.Гуревич, редактором — М.Н.Альбов. Фактическим соредактором — А.Л.Волынский.

А.П.Чехов 18 мая писал А.С.Суворину: «М-elle Гуревич и М-г Филоксера [А.Л.Флексер (Волынский)] ничего не сделают из “Северного вестника”; они внесут в него дух еврея-философа, ими переведенного [Спинозы], но не внесут его мудрости и таланта...» (т. 4, с. 233).

Июль

4 июля Л.Н.Толстой писал Н.С.Лескову о том, что надвигающийся голод нельзя предотвратить раздачей хлеба: «Только новый соблазн представят те деньги, которые вновь соберут и будут раздавать» (т. 66, с. 11). Н.С.Лесков отвечал ему 12 июля: «я, разумеется, послушаюсь Вас и в затеваемый “сборник” не пойду» (т. 11, с. 494)*.

* Н.С.Лесков не принял участия ни в одном из литературных сборников, доход с которых предназначался на помощь голодающим.

И.Н.Потапенко — рассказы «Шестеро» (Р. Мысль, № 7); «Добрые люди» (Вест. Евр., №№ 6–7).

«Шестеро» — живая картинка из жизни сельского духовенства, но без глубокого знания изображаемой среды (М.К[уплет]ский, Сын От., 1 авг.). Лучшее произведение писателя, согретое «нежным состраданием», без претензии, без модных «вопросов» (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 29 июля). Нет нового шага в развитии таланта (Кн. Нед., № 9, Лит. летопись). «Хватающий... за сердце... трагизм» (А.Скабичевский, Нов., 19 дек.).

«Добрые люди» (о земских нравах) проникнуты светлым юмором, лишены избитых приемов (Аристархов [А.И.Введенский], Р. Вед., 23 июля). «Юношеская свежесть таланта» в передаче черт «нашего национально-бытового характера» (Р. Мысль, № 8, Библиограф. Отд.). «Плохая газетная статейка», с либеральными жалобами на административное угнетение (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 11 июня).

В.Розанов — статьи «Почему мы отказываемся от наследства?», «В чем главный недостаток “наследства 60–70 годов”?», «Два исхода» (Моск. Вед., 7, 14 и 29 июля). «Дети» 80-х обращаются к людям 40–50-х годов, ибо не прощают шестидесятникам «цинизма умственного», отторжения человеческой природы от мира поэзии и религии. Л.Толстой-проповедник остался при ограниченных воззрениях «отцов».

Н.К.Михайловский заметил, что В.Розанов «затрагивает события огромного трагизма и огромной важности», но сводит их к анекдотам и крикам: «победихом! победихом!» Между тем, именно 60-е годы ввели в «повседневный обиход» нравственное требование — «ни в каком человеке не переставать видеть человека» (Р. Вед., 25 июля).

К.Н.Леонтьев — неподписанные статьи цикла «Записки Отшельника» (Гражд., 5–8 марта, 9–10 апр., 25–27 июля). О необходимости укрепить общественный строй России путем привилегий для дворянства.

Равенство политических, имущественных и других прав — разрушительно для культуры, но ошибочно смешивать неравенство естественное с «произвольно сословным» (А-т [В.К.Петерсен], «Заблуждение отшельника», Н. Вр., 20 марта). Сословность необходима России, ибо демократизация ведет к разложению общества (Моск. Вед., 11 апр.).

В.А.Гольцев — «Заметки о современном романе»* (Р. Мысль, № 7). Жалобы на «упадок современного романа» не вполне обоснованы, хотя он и не дает «цельной, стройной картины общественного движения»: в нем отражено народничество, особенно «в форме учения Л.Н.Толстого с примыкающей к нему гуманной проповедью Н.С.Лескова», а также нравственный индивидуализм, например в повести П.Боборыкина «Помнел» (1890).

Ф.Булгаков — статья «Смерть натурализма и нервная поэзия» (Н. Вр., 18 июля). Натурализм (Золя, Гонкуры, Доде, Флобер, Бурже) умирает. Господства добиваются «декаденты», или «символисты» (Бодлер, Верлен — их «отцы»), провозгласившие отказ от внешнего правдоподобия, «новый романтизм», примат настроений, стремление к мистическому, безграничному и чудовищному.

15 июля исполнилось 50 лет со дня смерти М.Ю.Лермонтова. Почти во всех городах служились панихиды, Одесса и Пятигорск учредили стипендии и народные читальни имени поэта. Сочинений Лермонтова в Петербурге за один день продано 16000 экземпляров («День», 17 июля). Несмотря на духовную родственность русской интеллигенции, Лермонтов до сих пор не изучен биографически, не имеет достойного издания сочинений (П.Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 27 июня). Поборник «гуманности, истинного патриотизма и подавляемой личности человека» (В.П.Острогорский, «Мотивы лермонтовской поэзии», Р. Мысль, №№ 1-2). Лермонтов — героическая личность, в понимании Т.Карлейля. «Резко отрицательный тон» его поэзии — реакция на «безвременье», разъединенность мысли и действия. «Великий и могучий дух» расточал себя в светской суете, мелкой мести, однако голос разума и совести противился безнравственным проявлениям «психической силы» (Н.К.Михайловский, «Герой безвременья», Р. Вед., 15 июня, 8 и 27 авг., 1 окт.). Поэзия Лермонтова жива, потому что созвучна русскому «национально-религиозному» настроению — грусти, т.е. надежде и вере без самоуверенности, сострадательной любви, сознанию возможности счастья при личной неспособности к нему (К. [В.О.Ключевский], «Грусть», Р. Мысль, № 7). Смысл поэзии Лермонтова — в поисках безусловной,

* Из публичных лекций «Об искусстве». 1-я и 3-я лекции были напечатаны в журнале «Артист», 1891, №№ 12, 14 (январь, апрель).

христианской правды и красоты, в этом же ее народность (Ю. Николаев [Ю. Н. Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 15 июля). Пессимизм Лермонтова вызван не гражданской скорбью, а «внутренним разладом между идеалом и действительностью», характерным для высокого сознания в любую эпоху (Р. Обзор., № 7, Совр. летопись).

Через 50 лет после смерти право на издание сочинений Лермонтова стало всеобщим. В 1891 году вышли, в частности, издания В. Ф. Рихтера под ред. П. А. Висковатова в 6 т. и А. Ф. Маркса под ред. А. И. Введенского в 4 т. (А. В-н [А. Н. Пыпин], «Лермонтовская литература в 1891 году», Вест. Евр., № 9). Все семнадцать изданий 1891 года «неудовлетворительны, полны опечаток, ошибок, пропусков, искажений» (Набл., № 11, Нов. Кн.).

К. М. Станюкович — «Моряки. Очерки и рассказы». СПб., 1891, тираж — 1500.

Беспристрастная, трезвая художественная правда (А. Скабичевский, Нов., 26 сент.). «Колоритные картинки морского быта», «типичные, оригинальные фигуры наших моряков» (Гражд., 16 сент.). Симпатичный талант, хотя и слишком специального характера: «сухопутное» не очень удается (Нед., 10 ноября, Нов. Кн.).

Вл. С. Соловьев — второй выпуск книги «Национальный вопрос в России». СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1891, тираж — 1200 (3-е изд. первого выпуска вышло в мае, тираж — 1200). Сборник статей 1889–1891 гг.

«Софистические измышления» и «антинациональная пропаганда» (Д. Иловайский, Моск. Вед., 4 ноября).

Август

А. Фет — статья «Гром не грянет, мужик не перекрестится» (Моск. Вед., 21 авг.). Мужик — раб общины, тормозящей культурное земледелие.

Н. К. Михайловский — «Письма о разных разностях» (Р. Вед., 23 авг.). Письма Л. Н. Толстого к Фету о пользе физической нагрузки (сначала в виде гимнастики, затем — крестьянского труда) показывают, что «в этом великом писателе сидит... неисправимый барин», свободный от мыслей о заработке.

А. П. Чехов писал 28 августа А. С. Суворину о фельетоне Михайловского о Толстом: «хорош, но... напиши таких фельетонов хоть

тысячу и все-таки дело не продвинется ни на шаг и все-таки непонятным остается, для чего все эти фельетоны пишутся» (т. 4, с. 264).

Ю. Николаев [Ю. Н. Говоруха-Отрок] — «Современный либерализм» (Моск. Вед., 31 авг.). Михайловский и Скабичевский — «отставные будочники прогресса», занятые «праздной забавой праздных людей»: по поводу смерти Шелгунова устроено «много шума из пустяков».

А. П. Чехов писал А. С. Суворину 28 августа: «Наступает годный год. Вероятно, будут всякие болезни и мелкие бунты». 30 августа: «Увы, никогда я не буду толстовцем! В женщинах я прежде всего люблю красоту, а в истории человечества — культуру, выражающуюся в коврах, рессорных экипажах и остроте мысли» (т. 4, с. 266, 267).

Н. Котляревский — «Михаил Юрьевич Лермонтов. Личность поэта и его произведения. Опыт историко-литературной оценки». СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1891, тираж — 1200.

Это «самое талантливое из всего появившегося о Лермонтове за последние месяцы» (Е. С. [Е. А. Соловьев], Нов., 26 сент.). Мысль о том, что Лермонтов — певец сомнений и колебаний, особенно созвучна современной переходной эпохе (Нед., № 45, 10 ноября, Нов. Кн.). Не стоит превращать Лермонтова в оптимиста — пессимизм «полезен, пригоден, как один из факторов развития человечества» (В. Д. Спасович, Вест. Евр., № 12).

Сентябрь

А. Фаресов — «Л. Н. Толстой о голоде» (Нов., 4 сент.). Возражая на письмо Л. Н. Толстого к Н. С. Лескову от 4 июля (см. наст. Летопись), автор заметки призывает к «кормлению голодных» как к возвышающему нравственному «упражнению».

6 сентября Н. С. Лесков объяснял Л. Н. Толстому: «Я этого печатания не устраивал и им смущен», — однако признался, что дал Фаресову «списать» копию письма (т. 11, с. 499).

16 сентября С. А. Толстая записала в дневнике: «К вечеру пришло письмо от Лескова с вырезкой из газеты... Левочкино письмо нескладно... и... не для печати... он не спал ночь и на другое утро говорит, что голод не дает ему покоя, что надо устроить народные столовые... и что он едет немедленно в Пирогово, чтоб начать это

дело и напечатать о нем» (Дневники. Т. I. М., 1978, с. 210–211).

17–26 сентября — первый выезд Л.Н.Толстого в голодающие деревни для организации практической помощи крестьянам.

Вина толстовского письма в том, что в обществе побеждает холодный рациональный принцип: не стоит помогать конкретно, а надо уничтожать общие причины голода (Номо повус [А.Р.Кугель], «Кормить или любить?», Пб. Газ., 8 сент.). По Л.Толстому, выходит, что правительственная помощь, собранная «без любви», не будет уже «добрым делом» (Р. Обзор., № 9, Совр. летопись). Письмо Толстого «исполнено ума и сочувствия к претерпевающим бедствие» (Н. Вр., 13 окт.). Не думая пока об уничтожении беды «в корень», «будем жертвовать, жертвовать и жертвовать!..» (С.Мирнов, Сев., № 37). Толстовское письмо о голоде вызвало множество недоумений. И лишь на днях адресат сообщил, что без его согласия из письма напечатали произвольные выдержки (Пб. Газ., 6 ноября).

19 сентября Л.Н.Толстой напечатал в газетах «Русские ведомости» и «Новое время» открытое «Письмо в редакцию» с отречением от издательских прав на все свои произведения начиная с 1881 г.

Он позволяет даром перепечатывать лишь два тома (XII и XIII) из своих тридцати, причем наименее ценное художественно. Лучше бы «граф отдал доход от своих сочинений не издателям», а голодающим (Моск. Вед., 24 сент.).

А.Фет — «Письмо к издателю» (Моск. Вед., 28 сент.). Об излишестве в сельской жизни праздничных дней, приводящих к необузданному пьянству, несмотря на «предстоящую голодовку».

А.Фет — против даровой раздачи пожертвований голодающим крестьянам, так как это может их развратить, и предлагает устроить платные работы (Н. Вр., 12 окт.). «Сладковзвучный лирик» обвинил голодающих крестьян в нежелании зарабатывать себе на хлеб на Курско-Воронежской железной дороге (Буква [И.Ф.Василевский], Р. Вед., 27 окт.). «Отрезвляющий голос» Фета не дает чрезмерно увлечься состраданием к голодающим и препятствует панике (А.Павловский, Гражд., 26 окт.). Нарисованная Фетом картина поражает «односторонностью и тенденциозностью» и противоречит массе других свидетельств о положении крестьянства (В.Г.Земский [В.И.Чернолуцкий и Г.А.Фальборк], Р. Бог., № 10).

Н.Н.Страхов — психологический этюд «Толки о Толстом» (Вопр. Фил. и Псих., № 5, сент.). Против разделения Толстого, содействующего повороту общества от материализма к нравственности и религии, — на художника и проповедника.

Прочитав текст статьи до публикации, Л.Н.Толстой писал Н.Н.Страхову 7 апреля: «мне неприятно было читать про то преувеличенное значение, которое вы приписываете моей деятельности. Но, оставив это в стороне, статья ваша поразила меня своей задушевностью, своей любовью и глубоким пониманием того христианского духа, который вы мне приписываете» (т. 65, с. 286).

Рационализм Толстого мало совместим с христианством (Р. Мысль, № 10, Библиограф. Отд.).

Н.Н.Страхов, отвечая на письмо читателя, упрекающего его за «панегирик» толстовству в ущерб православной церкви, раскрыл свою цель: показать серьезность и глубину исканий Толстого, а не обсуждать истинность его учения (Вопр. Фил. и Псих., 1892, янв.).

И.И.Мечников — «Закон жизни» (Вест. Евр., № 9). Л.Толстой выводит практические правила о необходимости физического труда и вреде умственного, о деторождении как единственном уделе женщины и т.п., — отбрасывая дарвиновское учение об эволюции организмов и теорию «сознательного, искусственного» отбора в области культуры.

Едва ли не первый «энергический» отпор науки против «глумлений» со стороны «дикого» и «грубого» невежества, защитником которого стал Л.Толстой (А.Скабичевский, Нов., 19 сент.). Давно пора остановить «поход знаменитого писателя против просвещения и... достоинства науки» (Р. Мысль, № 10, Библиограф. Отд.). Статья Мечникова — бессознательная сатира на наших доморощенных «дарвинистов» (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 7 сент.). Автор неверно понял суть учения Л.Толстого: непротивление злу, призыв к всеобъемлющей любви не могут основываться на правилах поведения, взятых из животного мира (Кн. Нед., № 10, Лит. летопись). «Я во многом стал бы на сторону гр. Толстого, если бы можно было стать, не слепотствуя и холопствуя, на сторону человека, который сам колеблется из стороны в сторону...» (Н.К.Михайловский, Р. Мысль, 1892, № 1).

М.А.Протопопов — «Письма о литературе» (Р. Мысль, № 9). Убежденность писателя важнее, чем талант. «Творцы мысли» сейчас нужнее, чем «творцы формы».

14 сентября Д.С.Мережковский писал А.П.Чехову: «В Петербурге царствует необычайное уныние. “Северный вестник” — жидовное царство. Там же — Потапенко... Я его не люблю за неискренность и фальшь... сообщите мне адрес Суворина... Какой он редко простой и милый человек! Если бы он отторг от себя Буренина! ...я хочу ему предложить издать мою вторую книжку стихотворений» (сб. «Чехов и серебряный век». М., 1996, с. 262).

15 сентября в Петербурге умер И.А.Гончаров. Похоронен 19 сентября в Александро-Невской лавре. Душеприказчик покойного М.М.Стасюлевич сообщил о создании в Историческом музее в Москве особой Гончаровской комнаты, где будут расположены обстановка кабинета писателя и его рукописи (Пб. Газ., 1 окт.). «Вот и предпоследнего корифея русской литературы не стало. Остался один Лев Толстой, да и тот полоумный» (письмо Вл.С.Соловьева от 20 сентября. М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. СПб., 1913, с. 361). Похороны отличались торжественностью и привлекли многочисленную публику из всех слоев общества, а также много учащейся молодежи (Вс. Иллюстр., № 14, 28 сент.). Из-за того, что Гончаров — художник, а не проповедник, критика сомневалась в «огромном воспитательном значении» его творчества, проникнутого «идеальными стремлениями» (А.Волынский, С. Вест., № 10). Обломов — «племенной, всеславянский тип», «высшее обобщение, до которого поднималось русское художественное творчество» (Scr. [Е.А.Соловьев], Нов., 19 сент.). Гончаров — узкий доктринер-западник, идеал которого — европейски «цивилизованный» человек. С позиции такого идеала он и увидел в русской жизни одну «обломовщину», но, вопреки замыслу, сделал Обломова душевно красивым (Ю.Н.Елагин [Говоруха-Отрок], Р. Вест., 1892, № 1). Библиографический очерк Д.Д.Языкова «Литературная деятельность И.А.Гончарова» поднял вопрос о будущем образцовом собрании сочинений «лучшего русского автора» (Р. Обзор., № 10).

Д.С.Мережковский в записной книжке 1891 года описал панихиду по Гончарову: «Было много народу», «царствовало в толпе суматное, тяжелое и лицемерное настроение»; «я всегда любил этого... человека, чья душа открывала моей душе великое и прекрасное...» «Тишина и примирение» были его «творческой силой» (Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994, с. 352–354).

20 сентября исполнилось 100 лет со дня рождения С.Т. Аксакова, «одного из замечательных художников русского слова», своеобразного и глубокого мыслителя (Гражд., 21 сент.). Свобода от тенденции «надолго сохранит ... свежесть впечатления и художественное значение» произведений Аксакова (Н. Вр., 20 сент.). К юбилею вышли: издание сочинений С.Т. Аксакова, книга В. Острогорского «С.Т. Аксаков. 1791–1891. Критико-биографический очерк». СПб., 1891.

21 сентября произошла реорганизация Театрально-литературного комитета при Дирекции императорских театров; во вновь образованные отделения были назначены: в Петербургское — Д.В. Григорович (председатель), А.А. Потехин, П.И. Вейнберг, П.П. Гнедич; в Московское — Н.С. Тихонравов (председатель), Алексей Н. Веселовский, Н.И. Стороженко, Вл.И. Немирович-Данченко.

«Новости дня» (28 сент.) приветствовали «сближение театра с литературой». П-о [П.Ф. Левдик] скептически отнесся к деятельности комитета, который, по его мнению, будет собираться лишь для карточной игры (Пб. Газ., 21 сент.).

26 сентября в Александринском театре в Петербурге — премьера «Плодов просвещения» Л.Н. Толстого.

Наплыв публики огромен, но она не понимает смысла пьесы и спектакль кажется ей «водевилем» (Диоген [В.В. Билибин], Нов., 29 сент.). Сценическое воплощение пьесы Л. Толстого — «поверхностная карикатура и шарж» (В. Буренин, Н. Вр., 29 сент.). Комедия выигрывает на сцене благодаря «балаганному характеру своей сатиры» и «бесподобному» языку («День», 28 сент.). Мужики, якобы носители правды, по сути «плуты, эгоисты, материалисты», а господа пребывают хоть и в ложном, но все же духовном мире (Нов., 1 окт.). Подлинная героиня комедии — горничная Таня, насмехающаяся над «уродливо утонченной жизнью господ» (Ив. Иванов, Р. Вед., 16 дек.). Отступления от правил драматургии в пьесе производят «свежее... впечатление» (Буква [И.Ф. Василевский], Р. Вед., 13 окт.).

26 сентября В.Г. Короленко обратился к редактору «Северного вестника» М.Н. Альбову: «Есть у меня знакомый молодой человек, Константин Дмитриевич Бальмонт. Уже несколько лет он пишет стихи... Стихи... недурны, хотя... недурных стихов теперь масса и сказать наверное, что недурные стихи превратятся в стихи хорошие — я не берусь... Он едет в Петербург

искать работы... Переводит хорошо, знаком с философскими течениями на Западе, склоняется... слегка к пессимизму... и владеет пером» (Избр. письма. Т. 3. М., 1936, с. 68–70).

Впервые в русском переводе вышла книга Т.Карлейля «Герои и героическое в истории. Публичные беседы». Пер. В.И.Яковенко. СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1891, тираж — 2600.

«Поклонение героям, возведенное в религиозное начало» у Карлейля, «есть сила, парализующая» остальных; человек не должен становиться на место Бога (А.Волынский, С. Вест., № 12). Борец против идей XIX века, Карлейль отрицал либерализм во имя высшего принципа героизма как самоотверженного труда (М. [М.О.Меньшиков], Нед., № 52, 29 сент.). «Богатая фантазия, дивный юмор, удивительный по красоте и смелости слог» (П.Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 9 окт.).

Октябрь

Д.Мамин-Сибиряк — повесть «Братья Гордеевы» (Р. Мысль, №№ 9–10).

«Бытовой, эпический» писатель создал «широкую этнографическую картину», однако без философской и психологической глубины и «мощного темперамента» (А.Волынский, С. Вест., № 11). Производит сильное впечатление, однако грубое изображение заводского священника как «болтающегося пугала» — «непростительная оплошность» (М.К[уплет]ский, Сын От., 7 ноября).

Вл.С.Соловьев — воззвание «Наш грех и наша обязанность» (С. Вест., № 10); статья «Народная беда и общественная помощь» (Вест. Евр., № 10). Призыв к русскому обществу покаяться и исполнить свой долг культурной помощи народу, без которой его и постиг голод.

Рискованно основывать экономическое благосостояние крестьян на нравственной обязанности интеллигенции (Р. Обзор., № 10, Совр. летопись). «Один философ, как граф Л.Н.Толстой, советует любовью уничтожать голод, а другой — покаянием...» (Современник, Пб. Газ., 4 окт.). Либеральная интеллигенция не имеет общих с народом духовных интересов, чувств и мыслей — поэтому просветить народ не в состоянии (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 12 окт.). «Бестактная выходка, огульное бросание грязью в русское общество», которое давно ведет самоотверженную борьбу с народными бедствиями

(В.Г.Земский [В.И.Чарнолуцкий и Г.А.Фальборк], Р. Бог., № 10; то же: Р. Мысль, № 11, Библиограф. Отд.; 1892, № 1, Библиограф. Отд.). Рассуждения Соловьева заслуживают полного сочувствия (Кн. Нед., № 11, Лит. летопись).

А.П.Чехов — заметка без подписи «Вопрос» (Н. Вр., 11 окт.) о лебеде как народной пище в голодные времена.

В ответ профессора А.Баталин и Куцынский утверждали, что в семенах лебеды содержатся белок и крахмал (Н. Вр., 13 окт.).

16 октября А.П.Чехов писал А.С.Суворину: «А на нашу лебеду откликнулись. Но я не удовлетворен. Почти все наши травы, в том числе и ядовитые, содержат крахмал, однако же ведь их не едят» (т. 4, с. 284).

Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок] — «Нечто о национализме. По поводу иных современных настроений» (Моск. Вед., 5 окт.). Мнение о «крайностях национализма» в России (Вл.Соловьева) — недоразумение, связанное с обилием народной беллетристики. Но и Гл.Успенскому, и Златовратскому недоступна «душа народная», они изучают народ как «особую породу зверей».

А.Волынский — «Нравственная философия гр. Льва Толстого» (С. Вест., № 10).

11 октября Д.С.Мережковский писал А.П.Чехову из Петербурга: «В литературе всеобщее утомление. Даже Буренин перестал ругаться и заговорил о добродетели, что совсем неестественно и мрачно. Флексер [А.Волынский] пишет в «Северном вестнике» о необходимости бессмертия души. В самом деле, это единственное, на что нам остается надеяться» (сб. «Чехов и “серебряный век”». М., 1996, с. 263).

15 октября Л.Н.Толстой послал Н.Я.Гроту статью «О голоде» для опубликования в журнале «Вопросы философии и психологии» (не пропущена цензурой). С большими сокращениями напечатана в «Книжках Недели» (1892, № 1) под заглавием «Помощь голодным».

19 октября на закрытом заседании Психологического общества в Москве, под председательством Н.Я.Грота, Вл.С.Соловьев прочитал реферат «О причинах упадка средневекового мирозерцания» (Критическое движение последних веков ведет

к торжеству уже не внешнего, а подлинного христианства — общественного, универсального, перерождающего человеческую жизнь) (Вопр. Фил. и Псих., кн. 10, ноябрь).

Доклад Соловьева вызвал многочисленные статьи-протесты в «Московских ведомостях». Одобрение слушателей, аплодисменты свидетельствуют о религиозном невежестве общества (Ю. Николаев [Ю.Н. Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 21 окт.). «Популярное и сплошное глумление» над православной церковью, превознесение неверующих «прогрессистов» (М.Афанасьев, Моск. Вед., 21 окт.). «Ловкий и дерзкий софист, мнящий себя новоявленным пророком, имеющим задачу разрушить национальность, патриотизм и веру Русского народа» (Моск. Вед., 22 окт.). Соловьев не заботится о логике и точности, его реферат по сути провозглашение нового догмата — об особой «нравственно-практической благодати», действующей в наших либералах (Старый Книгоед, Моск. Вед., 10 ноября). Как и Л.Толстой, Вл.Соловьев переносит в Россию «отбросы и уродливости цивилизации Запада» (Моск. Вед., 20 ноября).

В ходе полемики Вл.С.Соловьев несколько раз выступил с «Письмами в редакцию» (Моск. Вед., 22, 26, 30 окт., 3 ноября), в которых упрекал публицистов газеты в недобросовестности и враждебном изложении его позиции.

Спор между Вл.Соловьевым и авторами «Московских ведомостей» — пустой, движимый задетыми самолюбиями, чуждый духу православия и религиозной совести (А.С.Суворин, Н. Вр., 14 ноября). «Московские ведомости» «набросились» на Вл.Соловьева, «закусив удила», «выпустили сразу всю стаю своих славных сотрудников и напечатали 101 опровержение реферата», все «переврав» и «передернув» (П.Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 17 ноября).

В октябре журнал «Север» перешел от Вс.С.Соловьева к новому издателю, Е.А.Евдокимову, и под редакторство В.А.Тихонова (Пб. Газ., 9 ноября).

14 сентября А.П.Чехов согласился прислать рассказ в ответ на просьбу В.А.Тихонова помочь журналу «встать на ноги»: «Кому же быть редакторами, как не литераторам? Только... вот Вам мой завет: читайте все присылаемое и не относитесь недоверчиво к новичкам. Заведите статейки по естественным наукам и не давайте места шарадам и критическим статьям» (т. 4, с. 271).

Ноябрь

А.П.Чехов — повесть «Дуэль» (Н. Вр., 22, 23, 25, 29, 30 окт., 5, 12, 13, 19, 26, 27 ноября). Отд. изд. вышло в декабре, СПб., изд. А.Суворина, 1892, тираж — 1200.

А.П.Чехов, узнавший от брата Александра, что нововременцы называют его «узурпатором» из-за долгого печатания «Дуэли», писал ему 24 октября, что сотрудничество в «Новом времени» не принесло ему как литератору «ничего, кроме зла»: «Отдал я повесть, потому что был должен «Новому времени», и если бы не последнее обстоятельство, то повесть моя печаталась бы в толстом журнале, где она вошла бы целиком, где я больше бы получил и где не было бы жужжания моих уважаемых товарищей» (т. 4, с. 288).

В.В.Билибин писал Н.М.Ежову 17 ноября: «Главный ее [“Дуэли”] недостаток, что она печатается в газете. Впечатление разбивается. Подождем отдельного издания. Одни очень хвалят повесть, другие говорят, что не узнают прежнего Чехова» (там же, с. 523).

Д.С.Мережковский писал А.П.Чехову 16 декабря: «Тип Лаевского — прелесть — он как живой, если бы не самая последняя глава, которая все-таки фантастична. Зачем эта добродетельная метаморфоза? ... Но очень многое в “Дуэли” привело меня в восторг. Это все-таки самая умная и глубокая из Ваших вещей наряду со “Скучной историей”» (сб. «Чехов и “серебряный век”», М., 1996, с. 264).

Одна из самых глубоких вещей после «Скучной истории»; «действующие лица живы, сюжет представляет психологический интерес, диалоги... не лишены характеристичности и замысла». Однако перерождение Лаевского после дуэли «недостаточно определено» (А.Волынский, С. Вест., 1892, № 1). «Превосходное произведение», как бы полемический ответ на «Крейцерову сонату» Л.Толстого: поженившись, герой и героиня стали другими людьми, что, однако, выглядит неправдоподобно (Тр., 1892, № 2, Нов. Кн.). «“Дуэль”... написана с... талантом, умом, оригинальностью и необычайно тонкой наблюдательностью» (Сев., 1892, № 4, янв., Б-фия). Повесть «неудачная» (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 31 дек.).

Л.Н.Толстой — статья «Страшный вопрос» (Р. Вед., 6 ноября). О необходимости выяснить реальные запасы хлеба в России, чтобы в случае нехватки заранее закупить его в других странах.

«Страшный вопрос»... чуть ли не обвиняют в революционных намерениях» (С.А.Толстая. Дневники. Т. I. М., 1978, с. 217).

«Наивная», «узкая», неоригинальная статья, интересная лишь именем Толстого. Хороша только мысль о том, что голодающих «кормить» надо, а не только любить, как он проповедовал раньше (Scr. [Е.А.Соловьев], Нов., 10 ноября). «Тенденциозное разглагольствование» о мнимых преимуществах общества перед правительством, которое давно собрало сведения о запасах хлеба в России (Моск. Вед., 11 ноября). Эта верная по мысли статья доказывает «совершенную неприменимость к жизни» многих прежних взглядов Толстого: так, «чтобы купить хлеб в Америке или Австралии и привезти его в Россию, нужны пароходы, железные дороги, международные отношения, государственная и общественная организация и... деньги» (Р. Обзор., № 11, Совр. летопись).

27 октября — 30 ноября — второй выезд Л.Н.Толстого в голодающие деревни. 9 ноября Л.Н.Толстой писал к Н.Н.Ге, отцу и сыну, из Бегичевки (Данковского уезда, Рязанской губ.): «Мы живем здесь и устраиваем столовые, в которых кормятся голодные... Тут... деньги от Софьи Андреевны и жертвованные, тут отношения кормящих к кормимым, тут греха конца нет, но не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать, что-то делать». 23 ноября — И.Б.Файнерману: «Сам не знаю, как... я оказался распределителем той блевотины, которую рвет богачей... устраниться... недостает сил» (т. 66, с. 81, 94).

С.А.Толстая — письмо «К редактору “Русских ведомостей”» (Р. Вед., 3 ноября; перепечатано другими газетами). Просьба к обществу присылать деньги для устройства бесплатных столовых для голодающих.

«Как сочувственно, как трогательно отозвалась публика к моему письму! Некоторые плачут, когда приносят деньги» (С.А.Толстая. Дневники. Т. I. М., 1978, с. 217)*.

В то время как С.А.Толстая в газетах «возвещает России», что «все высокое семейство... разъехалось для оказания помощи голодающим», тысячи людей, взявшихся за это раньше Л.Н.Толстого с семьей, отдают себя «святому делу» скромно, незаметно (Моск. Вед., 7 ноября). Деятельность Толстого и его семьи в уездах по

* За все время голода Толстыми было получено более 200 тыс. руб. пожертвований.

устройству столовых — «истина» (Ср. [Е.А.Соловьев], Нов., 10 ноября).

А.И.Эртель — роман «Смена» (Р. Мысль, №№ 1-3, 5-11).

Л.Н.Толстой 17 февраля отозвался в дневнике о романе А.И.Эртеля: «плохо» (т. 52, с. 12).

Гл.И.Успенский 25 марта писал В.А.Гольцеву: «Александр Иванович не утерпел, чтобы не изобразить религиозного фразера-самолюбца. Не думает ли он, что это хороший русский народный тип. Думаю, что не думает, а тогда — очень хорошо изображен прохост — пророк будущего» (Архив Гольцева. Т. I. М., 1914, с. 104).

«Толпа разношерстных» персонажей вместо художественных образов и стремление придать им индивидуальность с помощью речевых неправильностей (Н.К.Михайловский, «Фальсификация художественности», Р. Вед., 19 дек.). Самое выдающееся из всех литературных явлений прошедшего года, но лишь «материал для романа» (А.Волынский, С. Вест., 1892, № 2). Не литература, а «нечто, написанное по Тургеневу, по Толстому, по Достоевскому», о смене дореформенной и пореформенной эпох (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 23 февр., 30 ноября). Автор лишь «сфотографировал» современную действительность, но не смог ее осмыслить (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 17 дек.). Разоблачение и осмеяние «толстовства» как «позорного явления нашей жизни» делает роман выдающимся в беллетристике последних лет (М.К[уплет]ский, Сын От., 5 дек.). Слишком огульно бранит студенческую молодежь (Кн. Нед., № 8, Лит. летопись).

Гл.Успенский — «Бесхлебье (Сообщения поволжской печати)» (Р. Мысль, № 11).

М.А.Протопопов — «Гончаров» (Р. Мысль, № 11). «Чистейший психолог-индивидуалист», писатель не может претендовать на «позицию идейного, руководящего художника».

Статья Протопопова — «грубое, неумелое и нелепое» развенчание покойного писателя (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 24 дек.).

В № 11 «Северного вестника» — И.Потапенко «Не герой» (см. наст. Летопись, декабрь), К.Баранцевич «Последняя воля», И. Ясинский (Максим Белинский) «Новая жизнь», Д.Мамин-Сибиряк «Платина». Стихи Д.Мережковского,

Ив. Бунина, О. Чюминой, К. Льдова. В «Литературных заметках» А. Волынского дается общая характеристика современных «молодых беллетристов»: художник в Короленко «часто ниже и слабее человека»; «блестящий новеллист» Чехов обещает стать превосходным романистом, если выработает «всеобъемлющее мирозерцание»; Потапенко свойственны «наблюдательность без глубокого изучения, юмор, не согретый поэтическим дыханием», «рассудочность и трезвость». «Бледный фон современной поэтической литературы» — это Надсон, Минский, Мережковский, «люди... рассудочные, ... искусственно приподнятые в тех случаях, когда следует быть людьми непосредственного чувства. Поэтическая литература находится в декадансе».

Повесть И. Ясинского «Новая жизнь» — об увлечении героя толстовским учением — не лишена современного интереса, но разработана «чрезвычайно небрежно и странно» (В. Буренин, Н. Вр., 29 ноября). У Ясинского «все... эскизно, грубо, бледно, пошло» (А. Скабичевский, Нов., 21 ноября).

К. Н. Леонтьев — рассказ «Из воспоминаний консула» (Р. Вест., № 11).

А. Скабичевский — «Кое-что из моих личных воспоминаний» (Нов., 3, 31 окт., 7, 14 ноября). О студенческих годах и начале литературной деятельности в 60-х.

Несамостоятельный в суждениях Скабичевский «передразнивает» «Литературные воспоминания» Н. Михайловского в «Русской мысли» (Vox [Ю. Н. Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 7 окт.).

Ф. Булгаков — «Против материализма в литературе» (Н. Вр., 7 ноября). О тяготении к идеализму в живописи (мода на прерафаэлитов), в лирике (обращение к народной песне), в драме (стремление к сказочным странам, химерам, царству мечты).

Буква [И. Ф. Василевский] — «Последний учитель натурализма» (Р. Вед., 11 ноября). Вдохновителем А. Стриндберга, чьи драмы — «прямой результат идолопоклонства перед действительностью, провозглашенного натуральной школой», назван Ницше, с его «ненавистью» и «презрением» к людям.

Н. Рубакин, Н. Есипов — статья «Из жизни одной бесплатной читальни» (Р. Бог., № 11). Спрос на книгу в народе растет, несмотря на голод.

С 8 по 30 ноября Э.Дузе вторично в 1891 г. гастролирует в Москве в помещении театра Корша. Ее репертуар пополнился «Кукольным домом» [«Норой»] Г.Ибсена.

Пьесы Ибсена несценичны в обычном смысле слова, так как «центр» перенесен из области «натуры» в область «идей» (Ив.Иванов, Р. Вед., 9 дек.). Нора — самая удивительная роль гениальной артистки (Нов. Дня, 9 дек.).

12 ноября в Сергиевом Посаде умер К.Н.Леонтьев. «Это был замечательно самостоятельный и своеобразный мыслитель, писатель редкого таланта, ... сердечно религиозный, а главное, добрый человек». Многие его взгляды «фантастичны» и «совершенно несостоятельны», но интересны с точки зрения философии истории. В общей картине русской жизни эта «яркая фигура займет хотя и небольшое, но заметное место» (Вл.С.Соловьев, Р. Обзор., 1892, № 1). «Выдающийся талант» не дождался «должной себе оценки» из-за прямоты и резкости своих суждений. Журналы «мстили» ему «упорным и злостным замалчиванием» (Вс.С.Соловьев, Р. Вест., № 12). Леонтьев видел в либерализме язву, более опасную, чем анархизм, нигилизм, революционная пропаганда (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 13 ноября). «Переживши все переходные явления в русской жизни»: «европейские» идеализм, нигилизм, социализм, материализм, — Леонтьев умер «самобытным... и православным русским человеком» (Ф.Ч.[Ф.В.Четыркин], «Последние дни К.Н.Леонтьева в Троице-Сергиевом посаде», Гражд., 20 ноября).

15 ноября в Петербурге состоялся литературно-музыкальный вечер в честь М.Ю.Лермонтова, устроенный Литературным фондом. Выступали П.И.Вейнберг, С.А.Андреевский, В.Л.Величко, Н.М.Минский, Д.С.Мережковский, М.В.Крестовская, Я.П.Полонский, К.К.Случевский, И.Н.Потапенко, К.М.Фофанов и др. (Литературный фонд. Отчет за 1891 год. СПб., 1892, с. 14).

17 ноября Н.Я.Грот сообщает С.А.Толстой, что во все газеты разослан циркуляр Главного управления по делам печати с запрещением печатания статей Л.Н.Толстого (Л.Н.Толстой, т. 52, с. 286).

26 ноября А.П.Чехов писал А.С.Суворину: «Была у меня издательница “Северного вестника” Гуревич. Девушка добрая и

образованная, но не журнальная. В литературных делах она так же мало смыслит, как испанец в русских мужиках. Бранила Михайловского, а я, видя в этом влияние Филоксеры [А.Л.Волынского (Флексера)], хвалил». 30 ноября — ему же: о встрече с П.Д.Боборыкиным, который «отмахивается обеими руками от Гоголя и не хочет считать его родоначальником Тургенева, Гончарова, Толстого... Он ставит его особняком, вне русла, по которому тек русский роман. Ну, а я этого не понимаю» (т. 4, с. 304, 307).

30 ноября в Харькове умер литературовед и лингвист А.А.Потебня. Он принадлежал к уже уходящему типу многостороннего ученого, способного «обнять» различные области науки: языковедение, фольклор, книжную древнюю литературу, народную мифологию и др. (Р. Вед., 3 дек.). Смерть ученого «весьма чувствительно отзовется не только на русской, но и на всей славянской науке» (И.Мандельштам, Нов., 2 дек.).

Вышел «Сборник в пользу голодающих». Изд. журн. «Русская мысль», 1891, тираж — 3000 (рассказ В.Г.Короленко «Черкес», очерки и рассказы Г.Мачтета, А.Лукиянова, М.Ремезова; стихи Д.Мережковского, В.Величко, Н.Минского и др.; статьи В.Гольцева, М.Протопопова, Гр.Джаншиева и др.).

Декабрь

Н.С.Лесков — «Полунощники (пейзаж и жанр)» (Вест. Евр., №№ 11–12).

8 января Лесков писал Л.Н.Толстому: «Ее [повесть] по нынешним временам, верно, никто и печатать не станет. Там везде сквозит кронштадтский “Иван Ильич” [о. Иоанн Кронштадтский]...» (т. 11, с. 475). Однако 19 января Вл.С.Соловьев взял у автора рукопись «Полунощников» для публикации в «Вестнике Европы». 11 декабря Лесков писал М.М.Стасюлевичу: «Извините... что я некоторым образом был причиною к грубостям, выраженным за меня вашему изданию. Утешаю себя только тем, что я тут ничем не виноват» (т. 11, с. 504).

«Несмотря на чрезмерную деланность языка, это превосходный, чрезвычайно оригинальный рассказ, в котором огромный литературный талант ярко выступает почти во всех главных сценах и разговорах». «Симпатично-гуманная тенденция» очевидна: «темное царство» [т.е. вера в чудесного целителя] еще сильно, но светлый луч в нем идет из мешанско-купеческой среды, составляющей

большую часть населения России (А.Волынский, С. Вест., 1892, № 1). «Вычурная кисть г. Лескова» вновь рисует праведницу, но «это выходит так слащаво и так далеко от житейской и художественной правды». В другом герое разработана «глубоко-комическая и вместе с тем глубоко-жалостная психология», однако все тонет «в преизобилии остроумно и неостроумно исковерканных словечек» (Н.К.Михайловский, «Фальсификация художественности», Р. Вед., 19 дек.). Неопрятность письма, слишком явные намеки на личности, пуганица, невероятно причудливый язык. Странно встретить такое произведение на страницах «Вестника Европы» (А.А.Слепцов, «Литература в 1891 г.», Р. Бог., 1892, № 1). Отсутствие художественного чутья и меры, «верхом безобразия... представляется язык» (А.Скабичевский, Нов., 12 дек.). «Скверная повестушка» с «либеральной гримасой» (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 24 дек.). «Станный мир бессвязных вымыслов», оставляющих «смутное удручающее недоумение» (И.Залетный [И.А.Гофштеттер], Р. Бог., № 11). Нужно привести доказательство, прежде чем бросать тень на народный идеал — о. Иоанна Кронштадтского (П.Б., «День», 1892, 30 янв.).

9–30 декабря — новый выезд Л.Н.Толстого в Бегичевку для помощи голодающим крестьянам. 14 декабря он писал оттуда В.Г.Черткову: «как невыгодна для души та деятельность, которою мы заняты, тем, что нас все хвалят.., но теперь оказывается, что нас ругают и... считают меня антихристом... И то, что было в первую минуту огорчительно, стало радостно» (т. 87, с. 117).

Н.С.Лесков писал А.К.Чертковой в январе 1892 г.: «Что над Л.Н. [Толстым] “смеются”, это ничего. И над нами смеются, и я знаю, когда этому надо радоваться, и радуюсь...» (т. 11, с. 513).

Народные столовые Л.Н.Толстого — самый легкий, дешевый и верный способ помощи наиболее бедным, почти исключаящий злоупотребления (Р. Обзор., № 12, Совр. летопись).

Н.Лесков — письмо в редакцию «О кормильцах» (Нед., 22 дек.). Из-за недостатка в людях, способных правильно распределять помощь для голодающих, стоит призвать к этому делу молодых дьяконов.

11 декабря А.П.Чехов писал А.И.Смагину о своей работе в Нижегородской губернии для поддержания крестьянских хозяйств, пострадавших от голода (т. 4, с. 320–321, 256, 325).

В № 12 «Русской мысли» — Вл.Г.Короленко «Тени (Фантазия)», П.Д.Боборыкин «Обречена», Г.А.Мачтет «В тундре и в тайге»; стихи Д.С.Мережковского.

Очередная статья Н.К.Михайловского «Литература и жизнь» анализирует проблемы «культы героев» и «социального гипнотизма» в связи с книгами Т.Карлейля «Герои и героическое в истории», Ж.Тарда «Законы подражания» и биографической библиотекой «Жизнь замечательных людей» Ф.Ф.Павленкова.

Статья М.А.Протопопова «Больной талант (Собрание сочинений Н.С.Лескова. В 10 т. СПб., 1889–1891)». Поддаваясь субъективному озлоблению на крайности прогрессивного движения 60-х годов (в «Соборных», «На ножах», «Некуда»), писатель искажил свой «значительный и оригинальный талант», ставший поистине «больным». Со второй половины 70-х годов «улеглась раздражительность», «теперешнего г. Лескова... одушевляют... светлые моральные идеалы» Евангелия.

Н.С.Лесков писал 20 декабря В.А.Гольцеву о Протопопове: «Статья очень хорошая, обстоятельная, ясная и справедливая...», однако «название “Больной талант” не метко». 23 декабря — Протопопову: «Критике Вашей (вообще мне приятной) — недостает историчности: Вы забываете, что писатель — дитя своего времени. Не “больной талант”, а “трудный рост”. «Я просто заблуждался — не понимал, иногда подчинялся влиянию... Но Вы обо мне все-таки судили лучше всех прочих... В Вашей критике есть трезвая правда и польза для меня самого». 18 декабря, в письме к Д.Н.Цертелеву, редактору журнала «Русское обозрение», сетовал: «Что бы Вам хоть словом обмолвиться о Собрании моих сочинений! Конечно, я не ишу похвал и мирволенья, но ишу внимания... — Я ведь проработал 31 год... Талант ли у меня или не талант, но почему же он “больной”? Почему он не глупый, не неуклюжий, или, вернее всего, — не непослушный? Был ли бы он здоровее, если бы я их слушался?» (т. 11, с. 767, 508–509).

Фантазия Короленко «Тени» — историческая картинка, вызванная «стремлением выбиться из оков натурализма и облечь в живые образы те философские и моральные идеи, которые бродят в умах общества» (А.Скабичевский, Нов., 1892, 9 янв.). Не прибавляет к «физиономии писателя» ничего нового (А.Волынский, С. Вест., 1892, № 2).

Повесть Боборыкина «Обречена» — «живая и яркая страничка из скверных нравов нашего общества», написанная немножко на французский лад, с ненужными подробностями (В.Буренин, Н. Вр., 29 ноября). Свидетельствует о связи писателя с текущей жизнью, с ее нарождающимися типами. Боборыкин «описывает с оди-

наковой объективностью... наружность человека и его душу, цвет его панталон и его чувства» (И.Залетный [И.А.Гофштеттер], Р. Бог., № 11).

В № 12 «Северного вестника» — И.Потапенко «Не герой» (№№ 9–12), К.Баранцевич «Последняя воля», Д.Мамин-Сибиряк «Платина». Стихи Я.Полонского, Д.Мережковского, Н.Минского, В.Величко и др.

«Не герой» — «безобразный роман»; в результате многописания автор вступил на «скользкий и гибельный путь» утери таланта (А.Скабичевский, Нов., 17 окт., 21 ноября, 19 дек.). «Пережевывание старой жвачки... шестидесятих годов» под «более современным соусом» (В.Буренин, Н. Вр., 1 ноября). Показано, что умеренно-либеральные убеждения интеллигенции «лишь стремление к физическому и нравственному комфорту» (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 9 ноября, 7 дек.). Отход от беспретенциозного изображения действительности в область «психоза», «проклятых» вопросов (Современник, Пб. Газ., 11 сент.). Автор придает идиллические тона пошлой буржуазной среде (Р. Мысль, 1892, № 2, Библиограф. Отд.). Изобразив «подонки либеральствующих продажных журналистов», Потапенко вызвал травлю со стороны избалованных им «умеренных либералов» (М.Долинский, «День», 17 ноября).

М.О.Меньшиков — «О литературе и писателях» (Кн. Нед., №№ 11, 12). О духе «уличной» демократизации и ремесленничества, характерном для «теперешней цивилизации», которую отрицают «великие представители» литературы (Л.Н.Толстой).

К умной статье М.О.Меньшикова необходимо добавление: толпе уже набил оскомину натурализм, ее стремление к идеальному могли бы развивать истинные таланты (А.Скабичевский, Нов., 28 ноября).

М.Крестовская — роман «Артистка» (Вест. Евр., №№ 4–12).

«Пестрое одеяние, ...сшитое из массы чужих лоскутков». Героиня олицетворяет модное стремление женщин к личному успеху и славе и свободу от обязанностей по отношению к семье, обществу, народу (Л.Оболенский, «Гетеризм и героизм», Нов., 8, 11 дек.). «Местами довольно талантливо написанный» роман о женском тщеславии (А.А.Слепцов, «Литература в 1891 г.», Р. Бог., 1892, № 1). М.Крестовская не сумела возвыситься над изображаемой

буржуазной средой, вытеснившей показ широкого общественного движения (Р. Мысль, 1892, № 2, Библиограф. Отд.). «Захватывает широкую сферу жизни», но «мелочные ненужные подробности» «затирают... яркость» его содержания (А.П-ва [А.В.Погожева], «Мотивы женского творчества», Кн. Нед., 1892, № 2). Отмечен «многоглаголием»: «массой тщательно написанных, но совершенно ненужных страниц»; героиня — «женщина, пожираемая заботой первенствовать и блистать» (М.Протопопов, «Ярмарка женского тщеславия», Р. Мысль, 1892, № 4).

З.Н.Гиппиус — рассказ «Чрезвычайное событие» (Вс. Иллюстр., № 25, 14 дек.).

П.Скриба [Е.А.Соловьев] — «Заметки об искусстве» (Нов., 1 дек.). Философская основа натурализма (утилитаризм) доживает последние дни; искусство идеализма побуждает личность к активности.

12 декабря — премьера «Плодов просвещения» Л.Н.Толстого в Малом театре в Москве. Карикатура превратилась в «выхваченную из жизни картинку». Однако спектакль уступает постановке Станиславского в передаче аристократического духа дома Звездинцева (Арт., 1892, № 19, янв.).

25 декабря А.П.Чехов писал А.Н.Плещеву: «Мережковский по-прежнему сидит в доме Мурузи и путается в превыспренних исканиях и по-прежнему он симпатичен» (т. 4, с. 336).

Вышел научно-литературный сборник «Помощь голодающим». М.: изд. «Русских ведомостей», 1892, тираж — 6000. (Л.Н.Толстой «Сказка», А.П.Чехов «Беглые на Сахалине», В.Г.Короленко «Река играет», Гл.И.Успенский «Из памятной книжки», а также Н.Н.Златовратский, Д.Н.Мамин (Сибиряк), Н.М.Астырев, Вл.И.Немирович-Данченко, И.Н.Потапенко, К.С.Баранцевич, Г.А.Мачтет, К.М.Станюкович и др.; стихи и поэмы Д.С.Мережковского, В.Л.Величко, Н.М.Минского, К.М.Фофанова, К.Д.Бальмонта, А.Н.Плещеева, А.М.Жемчужникова и др.; статьи: Л.Н.Толстого «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», Н.К.Михайловского «Декамерон», Вл.С.Соловьева «Личная нравственность и общее дело», В.А.Гольцева «Благотворительность и предусмотрительность», П.Д.Боборыкина «Цена жизни» и др.). Содержательный сборник подготовлен той частью интеллигенции, которую

обвиняли в чуждости народу. Издание разошлось в течение месяца (Вест. Евр., 1892, № 2). Весь материал предоставлен авторами безвозмездно. Это произведения почти всех выдающихся современных писателей, неизданные письма, отрывки из классиков. Особо отмечены статья Л.Толстого, лекция Боборыкина «Цена жизни» о самоубийстве, статья Михайловского о «Декамероне» Боккаччо (Р. Мысль, 1892, № 1, Библиограф. Отд.).

Сборник дал валовой прибыли 18 тысяч рублей, которые были переданы земским учреждениям в районах голода (Д.Н.Анучин, «Из воспоминаний», сб. «Русские ведомости». 1863–1913». М., 1913, с. 84).

О своей статье для сборника Л.Н.Толстой писал В.Г.Черткову 25 ноября из Бегичевки: «Жалко будет, если запретят, потому что она описывает способ устройства самой лучшей формы помощи... (т. 87, с. 113).

«Толстой-то, Толстой! Это, по нынешним временам, не человек, а человечище, Юпитер. В “Сборник” он дал статью насчет столовых, и вся эта статья состоит из советов и практических указаний, до такой степени дельных, простых и разумных, что, по выражению редактора “Русских ведомостей” Соболевского, статья эта должна быть напечатана не в “Сборнике”, а в “Правительственном вестнике”» (А.П.Чехов, письмо к А.С.Суворину от 11 декабря, т. 4, с. 322–323).

Лучшее в сборнике — рассказ Вл.Короленко «Река играет», исполненный сильного поэтического таланта, достойный кисти Тургенева. Рассказ Гл.Успенского «Из памятной книжки», полный жизни и юмора, изображает своеобразный тип нового помещика, разговаривающего с крестьянами с револьвером в кармане. В «Старых тенях» Златовратского — теплое участие к людям из темной массы. В «Сказке» Л.Толстого — двусмысленная аллегория: прославление «мужицкой силы» рядом с призывом к «непротивлению злу». Стоит еще отметить статьи Л.Толстого, Вл.Соловьева, В.Гольцева и «поучительный» очерк А.П.Чехова «Беглые на Сахалине» (Н.В., Р. Бог., 1892, № 1). Рассказ «Река играет» «показывает, в какой степени чистый натурализм... не свойственен таланту г. Короленко»; его философия «выходит крайне неопределенною и туманною» (А.Скабичевский, Нов., 1892, 16 янв.).

Вышел литературный сборник в пользу голодающих «Отклик». Одесса: тип. «Одесского листка», 1892, тираж — 2000.

Интересен уже тем, что представлены литературные силы одной из провинций («Нива», 1892, № 4, 25 янв., Б-фия).

И.Н.Потапенко — «Повести и рассказы». Т. 3 и 4. СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1892, тираж — 5100 каждый том. (Т. 1 и 2 вышли в декабре 1890 г.).

После выхода первых двух томов Н.К.Михайловский заметил, что у талантливого автора нет «объединяющего пункта», но нет и нравственного безразличия. Повесть «Здравые понятия» — «ниже всякой критики», «На действительной службе» — прекрасная, лучшая в сборнике вещь. «Успех или неуспех в жизни как результат верного или неверного расчета сил» — главный мотив Потапенко, слишком мало занятого содержанием целей своих героев (Р. Вед., 4 янв.). Пора дать оценку писателю, работающему в литературе более 10 лет, писал А.Скабичевский после первых томов, «у г. Потапенки сильным и преобладающим качеством является юмор»; «в драматических же положениях он слаб, бледен и слишком оптимистичен» («Не понимающий себя талант», С. Вест., № 1). Крупные произведения Потапенко, кроме повести «На действительной службе», неуклюжи, деланны, недодуманы. Мелкие же поражают цельностью, жизненностью, талантом, полным то светлого юмора, то задушевности... Из-за многописания большинство его очерков, повестей, романов уже не творчество, а «просто какая-то стряпня» (А.Скабичевский, Нов., 17 окт., 19 дек.). «Не видно следов художественного развития». Потапенко пасует перед широкими и сложными задачами. «Психологического содержания в 4-х томах его рассказов меньше, чем в каком-нибудь одном удачном рассказе Гаршина, Чехова или Короленко» (А.Вольнский, С. Вест., 1892, № 2).

К.Фофанов — сборник стихотворений «Тени и тайны». СПб.: изд. М.Попова, 1892, тираж — 2000.

Отмечен истинным талантом, искренностью чувства, силой фантазии и музыкальностью стиха. Главное настроение — тоска доверчивой души, обманувшейся в своих ожиданиях (Нед., 1892, № 4, 26 янв.). «В нем нет ходульной, деланной декламации», «раздражающей подражательности»; он все больше поддается «волне мрачных чувств и настроений» (А.Вольнский, С. Вест., 1892, № 1).

Н.К.Михайловский — «Литература и жизнь (Письма о разных разностях)». СПб., 1892, тираж — 3100. Статьи 1890–1891 гг., печатавшиеся в журнале «Русская мысль» и газете «Русские ведомости» (о Г.Елисееве, Н.Шелгунове, Л.Толстом, Н.Минском, А.Чехове, И.Потапенко, художественных выставках и др.).

Книга «отмечена печатью грусти», производит «целостное впечатление» мировоззрением, сложившимся «в эпоху, когда “кипела кровь” во всем интеллигентном обществе». В современной молодой литературе, по мысли критика, нет целостности миропонимания, так что «при всей своей талантливости г. Чехов не писатель, самостоятельно разбирающийся в своем материале и сортирующий его с точки зрения какой-нибудь общей идеи, а какой-то почти механический аппарат» (Д.С., Р. Бог., 1892, № 1).

В течение года печать уделяла постоянное внимание выходу в свет переводов на русский язык пьес Г.Ибсена и их постановке в русских театрах. (Отд. изд. вышли: «Доктор Штокман». М., 1891, тираж — 130; «Привидения». СПб., 1891, тираж — 1200; «Нора». М., 1891, тираж — 600; «Гедда Габлер». М., 1891, тираж — 1200. В журналах: «Эллида» (Арт., № 14, апр.), «Гедда Габлер» (С. Вест., № 7), «Призраки» (Вест. Иностр. Лит-ры, № 9), «Доктор Штокман» (Арт., № 15, сент.). Интерес к Ибсену, главный пафос которого — освобождение личности, ненависть к эгоизму и косности, растет в России (Арт., № 18, дек.). Ибсен, как и Л.Толстой, проповедник своеобразно понятой христианской морали, ибо современная жизнь построена на лжи и самообольщении (А.Э., Пб. Вед., 2 мая). «Пошлейшие» пьесы (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 28 дек.).

Л.Н.Толстой писал 14 сентября П.Г.Ганзену об Ибсене: «Его драмы я... все читал, и его поэма Бранд, которую я имел терпение дочесть, все выдуманы, фальшивы и даже очень дурно написаны в том смысле, что все характеры не верны и не выдержаны» (т. 66, с. 45).

А.А.Фет печатал стихи в журналах «Русский вестник» (№№ 3, 10-12), «Русское обозрение» (№№ 1, 4, 5, 7, 12), «Артист» (№ 13, февр.).

Я.П.Полонский помещал стихи в журналах «Северный вестник» (№№ 1, 2, 10, 12), «Русский вестник» (№№ 3, 5), «Книжки Недели» (№ 3), «Русское обозрение» (№ 2) и др.

К.К.Случевский печатался в журналах «Книжки Недели» (№№ 4, 5, 10, 11), «Русский вестник» (№№ 1, 11), «Север» (№№ 7, 11), «Труд» (№ 1), «Всемирная иллюстрация» (7 дек., № 24).

А.М.Жемчужников печатал стихи в журнале «Вестник Европы» (№№ 1-3, 6, 10-12).

К.М.Фофанов печатался в журналах «Книжки Недели» (№№ 1-7, 11, 12), «Наблюдатель» (№№ 1-3, 5, 9, 10, 12), «Труд» (№№ 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 14), «Нива» (№№ 24, 28), «Север» (№ 48), «Всемирная иллюстрация» (21 дек., т. XLVI, № 26), в газетах «Новое время» (постоянно), «День» (1 янв., 28 апр., 4 авг.).

Вл.С.Соловьев печатал стихи в журналах «Вестник Европы» (№№ 2, 9, 11) и «Русское обозрение» (№ 11).

Д.С.Мережковский помещал стихи в журналах «Северный вестник» (№№ 1, 4, 11, 12), «Русская мысль» (№№ 1, 2, 12), «Север» (№ 42), «Наблюдатель» (№ 12), «Труд» (№ 2), «Артист» (№ 16, окт.), «Всемирная иллюстрация» (30 ноября, № 23).

Н.М.Минский печатался в журналах «Северный вестник» (№№ 2, 12), «Вестник Европы» (№ 3), «Русская мысль» (№ 2), «Наблюдатель» (№ 2).

Итоги литературного года

Ушедший год отмечен «рядом тяжелых утрат» (И.А.Гончаров, Н.В.Шелгунов, Г.З.Елисеев), «не представляет ярких, выдающихся явлений» (Л.Н.Толстой и А.П.Чехов в обзоре не упомянуты). «Наиболее крупные литературные силы» сосредоточивались вокруг трех журналов — «Вестника Европы», «Северного вестника», «Русской мысли» (Р. Вед., 1892, 4 янв.). «Отличается ли он [1891 год] чем-нибудь от любого из восьмидесяти годов, имеет ли он свою физиономию, оставил ли он нам сколько-нибудь ценное наследие? Нет, не отличается, не имеет, не оставил!» (М.А.Протопопов, «Письма о литературе», Р. Мысль, 1892, № 1).

Наибольший читательский успех — у сборников А.П.Чехова «В сумерках» (5-е изд.), «Хмурые люди» (3-е изд.), «Пестрые рассказы» (2-е изд.) и повести «Дуэль» (Н. Вр., 1892, 1 янв.).

Главные тенденции беллетристики — заимствование сюжетов и идей из последних произведений Л.Н.Толстого (Каронин

[Н.Е.Петропавловский], А.И.Эртель, Н.С.Лесков, И.И.Ясинский и др.) (Сын От., 1892, 1 янв.).

М.Южный [М.Г.Зельманов] приветствует «заметное ослабление либерализма», признаки которого: в «расколе» между Н.К.Михайловским, А.М.Скабичевским и М.А.Протопоповым; в «разгроме» реферата Вл.С.Соловьева «О причинах упадка средневекового мирозерцания»; в возвеличении «мелкой» фигуры Н.В.Шелгунова за неимением крупных (Гражд., 31 дек.).

«Толстые» журналы теряют не только руководящее влияние на общество, но и «сколько-нибудь определенную физиономию», «старое все переговорили, а нового ничего не знают» (Кн. Нед., 1892, № 1, Лит. летопись).

1892 год

Январь

Выпущена нелегальная листовка о голоде «Свободное слово», написанная Н.К. Михайловским: «Печать не смеет говорить о размерах бедствия... Благотворительная деятельность семьи гр. Толстого ограждается только именем знаменитого романиста... Люди, желающие подавать милостыню, должны просить разрешения и не всегда получают его... Правительство... боится революционной пропаганды». Чтобы все не кончилось «новым террором, политическим обессиливанием и раздроблением России, народным бунтом, потопленным в народной крови», нужно созвать «выборных представителей земли» и начать «свободное обсуждение настоящего положения», что «вызовет энтузиазм самоотвержения, который всегда спасал Россию» (Н.К. Михайловский. Полн. собр. соч. Т. X. СПб., 1913, с. 71–72).

М.А. Протопопов — «Письма о литературе» (Р. Мысль, № 1). «Давно ли остроумные люди смеялись над “мужиковствующей” частью нашей литературы, давно ли говорили они, что от мужика в литературе... “проходу нет”, и Глеб Успенский с нервным раздражением возражал им, и вот теперь вся литература и все общество преисполнены заботами или хоть только разговорами о мужике и все начинают понимать... что беда, его постигшая, есть грозная туча на нашем горизонте». Другой важный симптом времени — демократизация читателя: «Разночинец вступил в ряды читателей... Пусть толпа не умеет держать себя с привычною для нас чинностью — дело не в этом... а в том, что религиозная жажда истины, быть может, чувствуется ею сильнее, нежели очень многими, стоящими в самом алтаре храма».

2 января тяжело больной Г.И. Успенский сообщает редактору «Русской мысли» В.А. Гольцеву о своем намерении написать

«летопись народного разорения» (Г.Успенский. ПСС. Т. 14. М., 1954, с. 512).

Л.Н.Толстой — статья «Помощь голодным»* (Кн. Нед., № 1). Призыв не ограничиваться «деятельностью внешней», а стремиться разрушить «перегородки, отделяющие нас от народа». По поводу помощи, оказываемой народу государством и обществом, Толстой писал: «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается».

И.Потапенко — очерки «По голодным местам» (Нед., №№ 1, 3; 5, 19 янв.).

Ив.Сергиевский [Н.С.Русанов] — «Голод в России». С предисловием и послесловием П.Лаврова. Женева: изд. кружка старых народовольцев, Вольная рус. тип., 1892 (лекция, прочитанная в Париже 22/10 января 1892 г.): «Голод охватил 20 губерний, треть Европейской России», 40 миллионов крестьян. «И хотелось бы думать, что... раздирающие душу сцены — прелюдия русской революции». Полезную роль в борьбе с голодом, за редкими исключениями, сыграла русская печать и земство, администрация же отличалась бездействием.

Г.В.Плеханов предлагает начать решительную борьбу с абсолютизмом, оставляя в стороне конкретную помощь голодающим крестьянам: голод — это «экономический пролог предстоящей нам политической революции» (Г.В.Плеханов. Всероссийское разорение. 1892. Женева, с. 1 и 37). Одновременно он отмечал: «Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль “мужичка”...» (Г.В.Плеханов. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. 1892. Женева, с. 39).

14 января А.П.Чехов уезжает в Нижегородскую губ. для участия в организации помощи голодающим. «...Голод газетами не преувеличен. Дела плохи. Правительство ведет себя недурно, помогает, как может, земство или не умеет или фальшивит,

* В полном виде статья появилась в английской газете «Daily Telegraph» (14 янв.) под названием «Почему голодают русские крестьяне». Ссылаясь на эту публикацию, «Московские ведомости» (22 янв.) писали: «Письма г. Толстого... являются открытою пропагандой к неспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя».

частная же благотворительность равна почти нулю» (письмо к А.С.Суворину от 22 янв., т. 4, с. 347).

А.П.Чехов — «Попрыгунья» (Сев., № 1-2); «Жена» (С. Вест., № 1).

Критика отметила лишь рассказ «Жена»: М.К[уплет]ский назвал рассказ «тяжеловатым и туманным» (Сын От., 9 янв.). Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок] писал, что в повести Чехова «ровно ничего и понять нельзя» из-за «отсутствия объединяющей мысли» и «коротенького» отношения к жизни (Моск. Вед., 18 янв.). М.Южный [М.Г.Зельманов] находил, что «Жена» написана «весьма недурно», но Чехову «нечего сказать», «поэтому бесплодны все его усилия создать что-нибудь крупное» (Гражд., 21 янв.). Чехов хотел «доказать, что принципы, направления, клички и т.д. — вздор, что надо иметь только доброе сердце, чтобы действовать хорошо и справедливо» (М.А.Протопопов, Р.Мысль, № 2). «Образец не совсем удачно проведенной тенденции», однако «заслуживает всяких приветствий», так как до сих пор автор оставался «верным служителем “чистого слова”» (Ив.Иванов, Р. Вед., 20 янв.). Если раньше Чехов «отличался полным отсутствием какой бы то ни было идейности», то теперь в его произведениях заключены «ложные мысли», «философия скудомыслия и равнодушия» (А.Скабичевский, Нов., 13 и 20 февр.). «Чехов — дарование выдающееся и весьма своеобразное, но размеры его несколько преувеличены критикой»; по своему характеру его талант напоминает талант Фета — обоим одинаково удается «все детальное, миниатюрное, мимолетное», но «чем крупнее, сложнее замысел, тем менее удачно выполнение», чему примером служит повесть — «Жена», в которой «много живых сцен, метких замечаний, образных сравнений, но весь этот материал не хочет подчиниться творческой власти автора...» (Кн. Нед., № 2, с. 199-200). «Трудный момент испытания переживает теперь» Чехов: «Что бы он ни выпустил в свет, наши критики принимают с разочарованной гримасой. И — помяните мое слово — они так же проглядят его лучшую вещь, как проглядели зарождение его успеха и спохватились только тогда, когда он и без критики пробил себе дорогу к сердцам читателей» (В.Н., Нов. Дня, 16 февр.).

Д.Мережковский — «Возвращение» («Милый край, с улыбкой ясной Я умру, как жил, Только б знать, что не напрасно Я тебя любил!») (Р. Мысль, № 1).

А. Скабичевский писал в связи с рассказами В. Короленко «Сон Макара», «Тени» и др.: «стремлением выбиться из оков натурализма и облечь в живые образы те философские и моральные идеи, которые бродят в умах общества, не находя соответствующих форм в мелких фактах будничной жизни, — объясняются в нашей литературе и все те сказки, легенды, аллегории, какие ныне так часто являются в нашей литературе... нельзя не видеть в них первых ростков молодой зелени, идущей на смену старой и увядшей» (Нов., 9 янв.).

Ю. Николаев [Ю. Н. Говоруха-Отрок] — «Литературные заметки. По поводу драмы Ибсена “Нора”» (Моск. Вед., 4 янв.): «С некоторых пор стали кричать об Ибсене», в связи с этим критик прочел «Гедду Габлер» и «Нору» и пришел к выводу, что эта «пошлость» заимствована у русской литературы: «мы первые стали упражняться «в выкраивании разных “пьес” “с прогрессивной начинкой”».

Вох [Ю. Н. Говоруха-Отрок] — «Растрепанные гении» (Моск. Вед., 13 янв.). Начиная с прихода разночинцев в 60-х годах, в России «оборвалась связь с прошедшим», с «великими подвижниками» типа Тихона Задонского. «Смерд идет!» — вот смысл нового общественного движения.

В Москве устроены две выставки: И. Е. Репина в залах «Исторического музея» и одиннадцатая периодическая выставка картин Московского общества любителей художеств. О первой писали В. В. Стасов, защищая Репина от «эстетиков, док и знатоков» («Вот наши строгие судьи», С. Вест., № 1), и Ан. [М. Н. Ремезов], отмечавший впервые выставленных «Запорожцев», картины «Явленная икона», «Арест в деревне» и два портрета Л. Н. Толстого (Р. Мысль, № 3). О второй выставке обозреватель «Русских ведомостей» (18 янв.) писал, что преобладает пейзаж с заметным влиянием «французских плэнеристов» (среди участников: Левитан, Серов, Шестеркин, Ярцев и др.).

Л. Н. Толстой — брошюра «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая». М., 1892. Тираж — 6000. Сбор от продажи передан в распоряжение Комитета грамотности.

Л. Толстой, после «странных мыслей по поводу голода» (см. наст. Летопись, сентябрь 1891) «переменил их на дело» устройства деревенских столовых, которые народ прозвал «сиротскими призрениями»; выражена надежда, что давнее недоверие народа к

высшему классу будет со временем преодолено (Вест. Евр., № 2, с. 902).

Н.К. Михайловский — «Литература и жизнь» (Р. Мысль, № 1). О своем критическом отношении «к толстовским колониям, равно как и вообще к учению гр. Толстого», с его «умственными скачками». Еще недавно он высказался против сбора пожертвований и кормления голодающих, а теперь «собственным примером показал», что «организация даровых столовых» — это дело не только любви к народу, но и умения помочь ему.

Д.С. Мережковский — второй сборник стихотворений «Символы (Песни и поэмы)». СПб.: тип. А.Суворина, 1892, тираж — 1000.

А.Л. Вольнский в неподписанной рецензии «Северного вестника» (№ 4) указал на пропасть, отделяющую первую книгу стихотворений Мережковского (1888) с ее гражданскими мотивами от второй. «Символы» представляют собой «почти сплошное философствование на религиозную тему» и свидетельствуют о «декадентском таланте мелкого пошиба»: «черты мистицизма, рассеянные в “Символах”, являются какими-то случайными придатками к совершенно обычным и банально разработанным сюжетам». Рецензент «Русской мысли» (№ 7) писал: «Никаких символов мы... не нашли. Повести “Смерть”, “Франциск Ассизский”, “Вера” и проч. ... прочитываются не без удовольствия... Содержание этих повестей сводится к довольно ничтожным событиям, равно как и “Конец века” — в стихах изложенные впечатления и мысли, навеянные... пребыванием в Париже». П.П. [П.П. Перцов] «не находил у Мережковского “ясных и твердых идеалов”». Если бы «не удаляясь в область чистого пантеизма», поэт взирал бы на «земные тревоги», он «скорее услышал бы голос Неведомого ему Бога», которого знают «старики»-литераторы, и не стал бы в ожидании «нового века» «подписывать нам всем смертный приговор» (Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). «Может быть в этом версификаторе когда-то тлела искра настоящего таланта», но Мережковский «не пожелал занять принадлежащего ему в современной поэзии скромного, но пристойного места и решил быть «оригинальным» и «великим» во что бы то ни стало», но на это «не хватает пороху» (К.М[едвед]ский, Сев., № 28, 12 июля). Н.Чубаров предсказывал книге «большой и заслуженный успех», но призывал автора выражать свое религиозное чувство «строже, церковнее, православнее» (Р. Обозр., № 7).

Впоследствии В.Я. Брюсов писал в автобиографии: «Два имени стали мне особенно дороги: Фофанов и Мережковский... Появле-

ние “Символов” было некоторым событием в моей жизни. Эта книга сделалась моей настольной книгой» (Русская литература XX в. Т. I. М., 1914, с. 107).

Вышла первая книга И.А.Бунина «Стихотворения. 1887–1891». Орел, 1891, тираж — 1250.

«Книжка издана изящно и... разослана в виде приложения к газете “Орловский вестник”»; помещенные в ней 39 стихотворений дают представление о даровании Бунина: «это поэт природы, тихой деревенской жизни, тенистых аллей, пахучих лугов», «привольной помещицкой, немного патриархальной, немного эгоистически мечтательной жизни» (Сев., № 9, с. 495). «Преобладающий тон» поэзии Бунина «мрачный, унылый» — воспеваются «душевные муки, тайные страдания, глубокая скорбь» (Набл., № 3). «Тяжелое, грустное впечатление производят унылые песни в устах молодого поколения. В тяжелую годину, когда благо родной страны требует работников... обязанность поэта — призвать всех и каждого к плодотворной работе, а не сесть в сердцах уныние» (Мир Б., № 4). Рецензент «Артиста» (№ 2) заметил: в этих стихах «все так ясно, так просто», что можно не «беспокоиться» о размере и ритме, лучше «совсем не писать стихов, чем облекать в них голую прозу... Быть может, г. Бунин — прекрасный прозаик. В таком случае, пусть он скорее покидает занятие поэзией».

Февраль

2 февраля А.П.Чехов вместе с А.С.Сувориным едет в Воронежскую губернию для помощи голодающим. 6 февраля пишет Е.П.Егорову: «Воронеж кипит. Голодное дело поставлено здесь гораздо основательнее, чем в Нижегородской губернии. Выдают не только хлеб, но даже переносные печи и каменный уголь. Устроены мастерские, много столовых. Вчера в театре был спектакль в пользу голодающих — сбор полный» (т. 4, с. 357).

Конец февраля — начало марта В.Г.Короленко работает в Лукояновском уезде Нижегородской губернии по организации помощи голодающим (т. 10, с. 597). 29 марта делает доклад в Нижегородской губернской продовольственной комиссии о бедственном положении крестьян Лукояновского уезда, по которому были приняты срочные меры (Р. Вед., 14 апр.; Вест. Евр., № 5, Внутр. обзор.).

В «Русском обозрении» напечатана анонимная статья «Идеал и действительность (по поводу учения и деятельности графа Л.Н.Толстого)». Автор говорит о возросшем моральном авторитете Толстого, который после некоторого колебания не только включился в борьбу с голодом, но и первый указал простейший и практический способ помощи — организацию бесплатных столовых.

17 февраля Л.Н.Толстой писал из Бегичевки Н.Н.Ге (сыну): «Измучился я, голубчик, от этой деятельности, не физически, но нравственно. Если было сомнение в возможность делать добро деньгами, то теперь его уже нет — нельзя. Нельзя тоже и не делать того, что я делаю, т.е. мне нельзя. Я не умею не делать... Тяжесть в том, что... удерживаешь их [крестьян] в их требованиях, попрошайничестве, уличаешь в неправде и вызываешь в них недобрые чувства» (т. 66, с. 165). 26 февраля сообщал С.А.Толстой: «А сделано, как оглянешься назад... не мало. Столовых более 120 разных типов; устраиваются детские, с завтрашнего дня поступают на корм лошади, и много сделано разными способами в помощи дровами. Часто страшное испытываешь чувство: люди вокруг не бедствуют, и спрашиваешь себя: зачем же я здесь, если они не бедствуют? Да они не бедствуют-то оттого, что мы здесь, и через нас прошло — как мы умели пропустить — тысяча 50» (т. 84, с. 125–126).

Н.С.Лесков — «Легендарные характеры (Опыт систематического обозрения)» (Р. Обозр., № 2).

«Божественно и пикантно. — писал 11 марта А.П.Чехов А.С.Суворину. — Соединение добродетели, благочестия и блуда. Но очень интересно» (т. 5, с. 22).

З.Гиппиус — «Я истинному верен останусь до конца...» («...Что в мире нет свободы и, волею судьбы — Любя и умирая, мы вечные рабы!») (С. Вест., № 2).

Ан. [М.Н.Ремезов] — «Современное искусство» (Р. Мысль, № 2). В связи с постановкой в январе «Северных богатырей» Г.Ибсена в Малом театре (с участием Г.Н.Федотовой, М.Н.Ермоловой, А.И.Южина, А.П.Ленского и др.). Это первое появление Ибсена на московской казенной сцене разочаровало публику. «Надо полагать, что не драмою “Северные богатыри” приобрел Ибсен то значение и славу, которыми он пользуется в своем отечестве и в немецких землях»; для дебюта норвежского

драматурга нужно было выбрать какую-нибудь из лучших его «идейных пьес», а не «картины из жизни викингов».

И.Щеглов [И.Л.Леонтьев] — повесть «Около истины» (Р. Вест. № 2).

Одобрительные отзывы Ю.Николаева [Ю.Н.Говорухи-Отрока] (Моск. Вед., 29 февр.) и А.Александрова (Гражд., 30 марта), сопоставившего с книгой Н.Ильина «Дневник толстовца» (СПб., 1892), которую в свою очередь приветствовал редактор-издатель «Гражданина» (11 февр.) князь Мещерский как произведение «разоблачающее «фальшь духовно отравленного лицемерия Толстого». Повесть Щеглова — «грубейший шарж» на «петербургский кружок последователей гр. Толстого, занимающийся изданием народных книжек»; «собрав в один букет все отрицательные черты», добавив собственные фантазии и «остроты из уличной прессы», автор потерял всякую «литературную чуткость и чувство порядочности» (Р. Бог., 1894, № 4, Нов. кн.). «Литературный пасквиль на людей», известных «почти всей интеллигентной России» своим делом народного образования ([А.Волынский], С. Вест., 1894, № 4, Б-фия).

Л.Н.Толстой писал 23 марта толстовцам И.И.Горбунову-Посадову и Е.И.Попову по поводу повести Щеглова: «Самому не надо быть причиной поругания, а поругание без причины в себе — баня» (т. 66, с. 182).

А.П.Чехов назвал новое произведение Щеглова «дикой, изуверской повестью», «мракобесием 84-й пробы» (т. 5, с. 41, 52).

28 февраля Л.Н.Толстой пишет С.А.Толстой: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет» (т. 84, с. 128).

В феврале (или марте) толстовец Е.И.Попов пишет Н.К.Михайловскому, упрекая его в затушевывании христианского смысла «толстовства» и того, что революционеры — только «соперники» государства, а толстовцы — «уничтожители» его. Н.К.Михайловский ответил, что «учение Л.Н.» о «непротivлении» «мешает разрушению условий современной жизни» и противоречит формуле Христа «не мир, а меч» (Р. Бог., 1909, № 1, с. 231).

А.Волынский — «Литературные заметки» (С. Вест., № 2). О собрании сочинений И.Н.Потапенко: «психологического содержания в четырех томах его рассказов меньше, чем в каком-нибудь одном удачном рассказе Гаршина, Чехова или Короленко». Чехов — «лучшая из наших молодых надежд»: «Последние его произведения, вместе с наиболее удачными из прежних, придают этой литературной надежде какую-то особую уверенность».

В связи с выходом русского перевода книги Томаса Карлейля «Герои и героическое в истории» (СПб., 1891) высказывались различные суждения. «Великое произведение» «поэта-мыслителя» с научной точки зрения «лишено всякого значения» (С.А.-в [С.А.Адрианов], Ист. Вест., № 2). Книга дает отпор «чувствам рабским»: «не надо “героев”... не надо покорности, не надо благоговения» (Ю.Н.Елагин [Говоруха-Отрок], Р. Вест., № 3). Н.С.Лесков рекомендовал 17 марта Б.М.Бубнову заняться переводами «величайшего» из «английских прозаических писателей» Карлейля: «он весь велик, интересен и любим» — этот «очень поэтический писатель-мудрец», нужный людям, «ищущим уяснения неотразимых вопросов в истории, философии и обыденной этике жизни» (т. 11, с. 532). 8 июля, разговаривая о Карлейле с Н.Н.Страховым и К.Тернером, Л.Н.Толстой сказал, что «его увлечение героями, аристократизм и презрение к массам — отвратительно» (ЛЖТ Л.Н.Толстого, т. 2, с. 142). «Книга Карлейля может служить превосходным противоядием для многочисленных у нас поклонников “научного материализма”, слепо верующих в него» (Ю.Николаев [Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 8 февр.). Через несколько лет, в разгар полемики с русскими марксистами, Н.К.Михайловский писал: «Карлейль приглашал преклоняться перед великими людьми», с точки зрения экономического материализма «великий человек есть нечто “мимолетное” и надо не им объяснять историю, а еще самого его объяснить. Поэтому на смену культа героев явилось учение о всемогуществе идеи», имеющей свои корни в «социальной среде». Однако под этой доктриной, выдающей себя за «фундаментальную» и «научную», скрывается «слепая вера», отмечающая «без предварительного процесса исканий, сравнений, сомнений, проверок» все прежние исторические теории («Литература и жизнь», Р. Бог., 1896, № 1).

К.Гамсун — «Голод», СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1892, тираж — 5100. Перевод Всев.Е.Чешихина.

«Отношения героя к окружающим слишком исключительны», он «голодает одиночно, упорно представляясь сытым и счастливым, а голодающие русские крестьяне несут свою беду... миром» (Д.С., Р. Бог., № 2).

Март

В первом номере обновленного «Русского богатства», вышедшем в начале марта*, помещена заметка «Об издании в 1892 г. журнала “Русское богатство”»: «с января 1892 г. журнал перешел в другие руки и будет издаваться, сохраняя научный характер, с значительным расширением литературного отдела». Среди участников объявлены: Н.Ф. Анненский, М.А. Антонович, К.С. Баранцевич, Н.Г. Гарин, Н.Н. Златовратский, Н.Е. Каронин, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Г.А. Мачтет, И.Н. Потапенко, А.М. Скабичевский, А.А. Слепцов, К.М. Станюкович, Г.И. Успенский, А.И. Эртель и др. Издатель Е.М. Гаршин, редакторы — П.В. Быков и С.И. Попов (до ноября 1892 г. фактическими руководителями журнала были С.Н. Кривенко и К.М. Станюкович).

В первой книжке опубликованы «Детство Темы» Н.Г. Гарина, «Учено горе» Д.Н. Мамина-Сибиряка, «Бесшабашный (Из современных нравов)» Скромного писателя [К.М. Станюковича], рассказы Р. Киплинга. В программной статье А.А. Слепцова «Литература в 1891 г.» «свидетели и друзья реформы» (1861 г.), «душою преданные идее о дальнейшем развитии русской жизни», противопоставлялись как «исконным крепостникам», так и «жалким недомкам, воспитанным в примирении с старыми традициями», «пумневшим либералам», «адептам пессимизма», толстовцам и т.п. Среди беллетристов, «с большей или меньшей удачей стремящихся уловить общественные течения», названы Потапенко, Мамин-Сибиряк, Мачтет, Эртель. Из их числа исключен Чехов, «талантливо рассказавший об одной “дуэли”», хотя «и не расскажи он о ней — никто ничего бы не потерял». В вышедшем следом № 2: рассказ И.Н. Потапенко «Задача» (о шаткости честных принципов у молодого поколения) и «Письма из деревни» Н.Г. [Гарина] (о голоде).

«Журнал сделался ныне органом передовой русской литературы», — писал обозреватель «Русской мысли» (№ 4, с. 196). А.Скабичевский подчеркивал, что новая редакция намерена придерживаться «честного направления» и выделил «Детство Темы» Гарина как произведение «глубоко осмысленное» и «блещущее недюжин-

* Дата цензурного разрешения — 27 февраля.

ной художественностью» (Нов., 19 марта и 30 апр.). М.К[уплет]ский писал: «то обстоятельство, что в корне журнала стоят бывшие сотрудники покойных “Отечественных записок” и “Дела”, позволяет «предугадать ту роль, которую обновленный журнал намерен играть в нашей ежемесячной журналистике. Гарин рисует картину крайне неудачного и неумелого воспитания ребенка... Мамин рисует невеселую семейную картину, изображающую подавленное положение женщины... Фон русской жизни, разрисованный в этих рассказах, получается, таким образом, крайне невеселый и мрачный» (Сын От., 19 марта).

Н.К.Михайловский писал о судьбе нового журнала А.Н.Плещеву: «...Я решительно отказался, потому что не верю в это предприятие. Ему грозят опасности и со стороны цензуры (Р.Б. подцензурно), и со стороны денежной, и со стороны семи нянек, в числе которых и Гаршин не последнюю роль играет. Он собственно фиктивный издатель, но... уже поговаривает, что в качестве служащего человека... не может подписывать все, что вздумается писать сотрудникам... Дай им Бог успеха, но очень боюсь, что они лопнут... Принимать участие в этом сраме мне не хочется. В “Русской мысли” я чужой человек, отвечающий только за себя, а тут другое дело, тут если не все свои люди, то много своих» [т.е. бывших сотрудников «Отечественных записок»] (РГБ, ф. 359, карт. 8226, ед. 16).

17 марта П.И.Вейнберг пишет А.Н.Плещеву стихотворное послание о современных журналах:

*На литературной бирже с фондами тихо.
Вылетела недавно, как фейерверочная «шутиха»,
Одна книжка «Русского богатства» —
Нового органа ультра-либерального братства,
Но, вероятно, наподобие тех же шутих
Погаснет и затея великих мужей сил.
А жаль: уже одно то, что критику в руки
Взял такой камень литературы и науки,
Как Антонович, которого возрожденье —
От времени до времени — мне представляется, как знамёнье
Чего-нибудь вроде пожаров, глада, чумы,
Иль пришествия Антихриста, духа тьмы...
...Пошла очень в гору
Гайдебуровская «Неделя»: у нее по сию пору
Уже за десять тысяч перевалило, — а что еще будет потом?
Вот мамзель Гуревич с Иозелем Глистом
(Как удачно Флексера прозвал Буренин),
Все уверяет, что успех их несомниен,
Но я, как генерал Сухозанет, «сумлеваюсь,
штоп»,
Не готовился для «Северного Вестника» гибельный
потоп,*

*Хотя ведь, беспристрастно говоря,
Редактируется он хорошо... Светлая заря,
По словам Давыдовой и ее клира,
Занимается для ее «Божьего Мира»...*

(РГБ, ф. 359, карт. 8225, ед. 19).

11 марта А.П.Чехов пишет А.С.Суворину: «Писарев дедушка и папенька всех нынешних критиков, в том числе и Буренина. Та же мелочность в развенчивании, то же холодное и себялюбивое остроумие и та же грубость и неделикатность по отношению к людям» (т. 5, с. 22).

24 марта в помещении Исторического музея открылась выставка картин и художественных произведений из частных собраний Москвы в пользу пострадавших от неурожая (Р. Вед., 18 апр.).

Н.Михайловский — «Литература и жизнь» (о полемике И.И.Мечникова с Л.Н.Толстым о задачах науки) (Р. Мысль, №№ 1–3). «Почтенный ученый» «идет со знаменем науки напролом», «разрубая узлы там, где их можно развязать», «готовый заклать на ее алтаре все живое», «даже то, чему сама наука призвана служить — человеческое счастье!» «Оспариваемые им идеалы гр. Толстого несравненно более соответствуют справедливости и человеческому достоинству». Не разделяя крайности таких отрицателей науки, как Руссо и Толстой, Михайловский понимал, почему их проповедь может увлечь и даже «теперь это сделать легче», чем в XVIII веке (№ 3).

Прочитав статью в мартовской «Русской мысли», В.В.Розанов написал Н.К.Михайловскому о своем «давнем намерении... познаться... лично», чтобы «дружески обсуждать кой-какие вещи»: «Настоящая Ваша статья превосходна: без каких-либо неправильностей, уклонений в опасности... Это — чистая правда; защита — чисто лучшего; ограничение (науки) — правильное и в меру сделанное. С одной строкой лишь я не согласен — что счастье есть общая цель жизни: тогда ведь (хоть и далекий вывод, но верный) цель оправдывает средства» (РГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. 19).

Житель [А.А.Дьяков] — «Идеализм наших дней» (Н. Вр., 8 марта). «Новые люди» 60-х годов были «теоретики-фразеры», они «несли авторскую проповедь в жизнь» и становились «кодексом личного поведения для всех». Нынешние авторы «идейных романов» пытаются изображать «героев житейской практики» вместо того, чтобы «держаться поодаль от жизни и от народа»

своих героев, позволяя им лишь «изучать Маркса и Лассаля», «верить в господство демократии» и прочие «прекрасные попугайские слова».

Житель [А.А.Дьяков] — «По поводу выставки» (о выставке в Академии художеств) (Н. Вр., 1 марта). Теперь изучение классиков «считается как бы вредным, устарелым», а за первый сорт идет «подражание вульгарной парижской моде» на «подслеповатых импрессионистов».

Буква [И.Ф.Василевский] — «Петербургские наброски (Ежегодная академическая и XX “передвижная” художественные выставки)» (Р. Вед., 8 марта). Наши художников много упрекали за преобладание «идей, тенденций, серьезного исторического и реального материала». Теперь они стремятся искупить этот грех, занимаясь «какими-то туманными и маленькими» впечатлениями (на академической выставке главная картина «Вакханалия» К.Маковского). Даже у передвижников (Вл.Маковский, Н.Ярошенко, Л.Пастернак и др.) «пустячки заручаются все большими и большими правами гражданства» и скоро «танцующие дамочки» во вкусе К.Маковского «и сюда ворвутся».

В.Микулич [Л.И.Веселитская] — дилогия «Мимочка» («Мимочка-невеста». «Мимочка на водах»). СПб., 1892, тираж — 2000.

Вызвала «восхищение» Л.Н.Толстого (т. 66, с. 275). Н.С.Лесков писал Л.И.Веселитской (Микулич) 20 янв. 1893: «...манера писания чрезвычайно искусна и приятна. «Мимочку» нельзя оставлять: ее надо подать во всех видах, в каких она встречается в жизни». «Это своего рода Чичиков, в лице которого “ничтожество являет свою силу”» (т. 11, с. 526).

А.М.Жемчужников — «Стихотворения». В 2-х тт., с портретом и автобиографическим очерком. СПб.: тип. М.Стасюлевица, 1892, тираж каждого тома — 1200.

Жемчужников — поэт-гражданин, но не принадлежит ни к какой литературной партии; его муза, по собственным словам поэта, «не обладает ни лиризмом, ни красотой», но проникнута «мужественной энергией» и негодованием по поводу того, что среди «забытых слов», оказались такие, как «Отчизна, совесть, честь» (М.А.Протопопов, «Поэт “забытых слов”», Р. Мысль, № 7). Воспитанный на идеях 40-х годов, Жемчужников верен истинному идеализму, отстаивает «духовную силу человека» (А.Вольнский, С. Вест., № 7).

Апрель

В «Русских ведомостях» в течение месяца печатаются корреспонденции В.Г.Короленко о бедственном положении голодающих крестьян Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Отд. изд.: «В голодный год». М.: тип. И.Д.Сытина, 1894, тираж — 7200.

И.И.Ясинский — роман «Петербургские туманы» (Набл., № 1-4).

Ясинский — «средний беллетристический талант», «чуть-чуть похуже г. Боборыкина и значительно лучше и добросовестнее г. Потапенки»; он небезуспешно подражает «новой манере» французских беллетристов, но в его романах лишь повторение «чужих и собственных» работ (В.Буренин, Н. Вр., 11 сент.).

Софокл — «Антигона» (перевод Д.С.Мережковского) (Вест. Евр., № 4). Д.Мережковский — «Сплин (из Бодлера)» (Сев., № 4).

29 апреля С.А.Толстая сообщает Льву Николаевичу о намерении московского митрополита «торжественно отлучить» Толстого от церкви (С.А.Т о л с т а я. Письма к Л.Н.Толстому. М., 1936, № 261).

30 апреля в «Русских ведомостях» помещен отчет Л.Н.Толстого о помощи голодающим в Епифановском, Ефремовском, Данковском и Скопинском уездах.

Old Gentleman [А.В.Амфитеатров] в фельетоне «Брильянтовый год» пишет о процветании в голодный год в Москве ювелирных магазинов, ресторанов и увеселительных заведений, в частности, об открытии кафе-шантана Омона, рядом с которым померк «прежний московский мирок кутежа и разврата»: «Дикая пляска вокруг блудницы... — нечто слишком невероятно некрасивое и безумное, когда представишь себе, что в каких-нибудь двухстах верстах от этих столов с устрицами и шампанским едят лебеду...» (Н. Вр., 4 апр.).

В петербургском еженедельнике «Звезда» (№ 16, 19 апр.) литературный дебют Леонида Андреева — рассказ «В холоде и золоте» (за подписью Л.П.). Первоначально рассказ был послан в редакцию «Недели», откуда его «вернули с улыбкой», как вспоминал Л.Андреев в своей автобиографии (Р. Л., 1963, № 2, с. 183-187).

В.Л.Дедлов [Кигн] — очерки «В переселенческой конторе» (Кн. Нед., №№ 1, 2, 4).

Помимо «талантливости и свежести» очерки обращают внимание «необыкновенно теплым отношением автора к “меньшому брату”, что мы редко замечали» у Дедлова (К.М[едведский], Сев., № 24, 14 июня).

В заметке «Накануне нового века» литературный обозреватель «Книжек Недели» (№ 4, Из рус. изд.) пишет, что формы искусства требуют обновления, так как реализм «начинает вырождаться в какую-то механическую имитацию действительности». Золя признает необходимость «идеального начала». Гонкур предлагает «дать перевес психологии над физиологией». Метерлинк призывает «изображать не случайное, а вечное». О.Мирбо — за «более тесное сближение с социальным движением».

Д. [В.Л.Дедлов-Кигн] — «А.П.Чехов» (с портретом) (Сев., № 15, 12 апр.): «Чехов занимает бесспорно первое место среди своих сверстников... Его слог и сжат и образен, идеи ясны, настроение цельное. Чехов не только художник и наблюдатель, но и мыслитель... Вероятно, мы дождемся от Чехова крупного произведения общественного характера, где автор развернет свою способность не только живописать внешнюю жизнь, но и понимать ее внутренний смысл... сама современная жизнь влечет Чехова на путь общественного писателя».

А.П.Чехов писал 26 апреля редактору «Севера» В.А.Тихонову: «За изображение внешнего вида моей наружности приношу Вам мою благодарность... Статья Дедлова... приписывает мне достоинства, каких я никогда не имел и иметь не буду» (т. 5, с. 56).

19 апреля Л.Н.Толстой пишет жене: «Kipling совсем слаб, растрепан, ищет оригинальности...» (т. 84, с. 138).

Р.И.Сементковский — «Шестидесятые годы и современная беллетристика» (Ист. Вест., № 4); против добролюбовско-писаревских традиций в критике Н.К.Михайловского, А.М.Скабичевского. Между тем «корифеи нашей художественной мысли относились отрицательно к движению шестидесятых годов» и «эта черта еще резче обозначена в произведениях современных беллетристов» (Чехова, Потапенко). «Даже сам г. Короленко», которого Скабичевский в своей «Истории новейшей русской литературы» «чуть ли не боготворит за его мнимую

преданность» традициям, в повести «С двух сторон» (1888) «высказывает сомнение» в «спасительности» этих традиций.

Отвечая Сементковскому, Н.К.Михайловский (Р. Мысль, № 5) утверждал, что традиции 60-х годов не устарели, так как «неотложная историческая задача», поставленная в те годы, «осталась по обстоятельствам не решенною». Вмешавшийся в полемику Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] обрушился на Н.К.Михайловского за его стремление возродить эпоху 60-х годов, когда разночинец — «раб, спущенный с цепи», — «ворвался на литературную и общественную арену» («Новая апология шестидесятых годов», Моск. Вед., 30 мая).

Д.Коропчевский — «Характер современной журналистики» (Р. Обзор., № 2). «Толстые журналы» преобладают над книгой и служат «оплотом против наводнения нашей литературы “легким чтением”». При этом «старая школа» дает «вещи законченные» («Полунощники» Лескова), «новая» — отличается «эскизностью, незаконченностью, беглостью письма» («Дуэль» Чехова), а «самое серьезное произведение 1891 года — роман «Смена» Эртеля — демонстрирует отрядный симптом «ослабления тенденцииности».

Ин.Анненский — «Гончаров и его Обломов» («Русская школа», № 4). «Писатель чисто русский, глубоко национальный»; на его «общественной и литературной репутации» «нет не только пятен, с ней даже не связано ни одного вопросительного знака»; ему был чужд лиризм и «обличительное, тенденциозное творчество: он не написал бы ни “Взбаламученного моря”, ни “Некуда”, ни “Бесов”, ни даже “Нови”».

Май

Л.Н.Толстой — «Первая ступень» (Вопр. Фил. и Псих., № 13, май). Призыв к опрощению и «доброй жизни» путем воздержания, первая ступень которого вегетарианство («добродетель несовместима с бифштексом»).

В редакционном обзоре «Периодические издания» (Р. Мысль, № 5) с удовлетворением отмечается «вторжение мужика и мужицких интересов» на страницы печати в связи с голодом: «История показала, как вредно отразилась умственная апатия последних лет и на самой жизни, и на прогрессе

идей, выставленных передовою литературой 60-х — 70-х годов. Желательно поэтому, чтобы эти идеи снова вызвали к себе внимание, чтобы вместе с тем наблюдения и выводы “народнической” литературы вспоминались и служили точкой отправления для дальнейшей работы в том же направлении. Наконец, сами выводы эти требуют пересмотра... чтобы быть согласованными с жизненным опытом последних лет и у нас, и на Западе».

А.П.Чехов — «В ссылке» (Вс. Иллюстр., № 20, 9 мая).

А.П.Чехов писал редактору журнала П.В.Быкову 4 мая, что на него «самое неприятное впечатление произвел анонс, где его величали “высокоталантливым”, а заглавие рассказа напечатали “буквами вывесочного размера”». «Это похоже на рекламу зубного врача или массажистки и во всяком случае неинтеллигентно. Я знаю цену рекламе и не против нее, но для литератора скромность и литературные приемы в отношении к читателю и товарищам составляют самую лучшую и верную рекламу» (т. 5, с. 59).

В.Буренин не преминул заметить, что через год-два «услужливая критика» будет величать Чехова и др. уже не «высокоталантливым», а «наш высокогениальный», отчего «у самих высокогениальных не прибавится ни ума, ни таланта, ни образования» (Н. Вр., 1 мая).

Н.Г.Гарин — рассказ «Ицка и Давыдка» (Р. Бог., №№ 4, 5).

И.Потапенко — повесть «Земля» (Мир Б., №№ 3-5).

12 мая в Саратове умер от туберкулеза горла Н.Е.Каронин-Петропавловский. «Эта безвременная кончина должна больно отозваться в сердце всех, кому близки и дороги интересы русской литературы» (Р. Бог., № 6, с. 85; см. также: Д.С-ряк [Мамин-Сибиряк], Мир Б., № 7). Г.А.Мачтет писал, что Каронина «причисляют к разряду так называемых писателей-народников». Если так «определяется писатель, глубоко верующий в свой народ и любящий его, то покойник действительно был таковым; если же этим термином хотят указать, что в современном деревенском строе он видел идеал, а в современном народе одни идеальные типы, — то это грубая ошибка» (Р. Вед., 16 мая). Это был «народник-пессимист, прямолинейный последователь... идей о тлетворном влиянии города, о тшете культуры, о банкротстве интеллигенции» (Нов. Дня, 14

мая). «Крайний пессимизм», «узость направления» искупались «глубокой правдивостью описаний», «сердечной теплотой», «высоким душевным строем» и «неподдельной любовью» к народу (Вс. Иллюстр., № 25, 13 июня). М.П. [М.П.Протопопов] подчеркнул, что Каронин был «писателем-аскетом, писателем-ригористом, относившимся к своему долгу, как к служению»; «превознесение мужика» над интеллигенцией «лежало в основе миросозерцания Каронина», что накладывало «печать идеализма» на его творчество, однако он «не фальсифицировал народную жизнь» («Народник-идеалист», Р. Мысль, № 7).

16 мая В.Г.Короленко пишет В.Н.Григорьеву: «Теперь многое обо мне ты уже знаешь из газет: лукояновская история треплется на все лады — обычное явление! А между тем я глубоко уверен, что таких Лукояновских уездов — сколько угодно и у нас, и в других губерниях, некому только приподнять завесу над этими крепостническими безобразиями, над этим систематическим мужиконенавистничеством, которое взяло силу повсюду» (т. 10, с. 156).

21 мая Н.С.Лесков пишет Б.М.Бубнову: «Ты напрасно так огорчаешься на литературу. Являются вещи превосходные и оживляющие» (т. 11, с. 515).

К.М[едвед]ский — «Один из забытых поэтов» (о Ф.И.Тютчеве) (Сев., № 22, 31 мая). Русская поэзия должна вернуться к своему «до-идейному периоду»; день, когда «хорошо вспомнят» Тютчева, будет «последним днем стихотворного Содома» «конца века», в котором царят: «“скромная образность” Надсона», «малограмотная диалектика г. Минского», «бледная риторика г. Мережковского».

Ф.Булгаков — «Диоген новейшей поэзии» (Н. Вр., 28 мая). О Поле Верлене и новом течении во французской поэзии, которое чаще всего именуется «декадентством» по названиям двух главных печатных органов новаторов: «Le Décadent» и «La Décadance». Под этим словом подразумевается «способность прочувствовать всякие умственные и душевные противоречия нашего идущего к концу века», стремление к индифферентному взвешиванию всяких вопросов, изыскание всяких «болезненных явлений» и «нового слова для нового ощущения» (поэтическая «теория цветов» в сонете Артура Рембо).

Дедлов [В.Л.Кигн] — повесть «Сашенька». СПб., 1892, тираж — 1000.

А.Волынский в неподписанной рецензии сравнил «Сашеньку» с «шарлатански разнузданным лганьем» памфлетов И.И.Ясинского (С. Вест., № 12). В.Буренин нашел, что «Сашенька» — «самое превосходное из всех произведений Дедлова» (Н. Вр., 1893, 2 апр.). Д.А.Коропчевский увидел в повести толстовскую идею — упование на «свежий, нетронутый слой» крестьянства, который придет на смену «отцам», идейным шестидесятникам, и «детям» без догмата и идеала («Отцы и дети “нашего нервного века”», Кн. Нед., 1893, № 3).

Позднее Горький в статье «Разрушение личности» (1909) сравнивал повесть Дедлова с «Саниным» Арцыбашева, отмечая, что «Сашенька в наглости своей наивнее Санина» (т. 24, с. 55).

Июнь

В конце мая в Туркестанском крае появились первые случаи холеры, которая в течение июня распространилась по Закавказью и Поволжью. Холерные беспорядки возникли в Астрахани, в Саратове, в Хвалынске, в слободе Покровской и в других местах. «К глубочайшему сожалению,— писал внутренний обозреватель «Русской мысли» (№ 7),— темная масса остается во многих еще местах России такую же темною, какою была шестьдесят лет назад, при первом появлении у нас холеры в 1830 г. Как тогда, так и теперь она верит всяким нелепым слухам... волнуется, дико безумствует, чему примеры мы видели в Астрахани и через несколько дней потом в Саратове... В обоих городах толпы, возбужденные бессмысленными толками, разгромили и сожгли холерные больницы, разбили полицейский дом (в Саратове), избивали врачей, фельдшеров и сестер милосердия, причем дело не обошлось и без убийства, громили частные квартиры врачей».

25 июня А.П.Чехов писал А.С.Суворину о холере: «Гнусная гостя. После голодовки она должна бы в сущности жестоко потрепать приволжский край, но этого не будет. На будущее взираю я без печали и без боязни. Холера *asiatica* делает широкие скачки, но она вяла и нерешительна, как Подколесин. Что-нибудь из двух: или она вырождается, или же поддается культуре» (т. 5, с. 84).

Н.Г.Гарин — «Несколько лет в деревне» (Р. Мысль, №№ 3–6).

Жена писателя Н.В.Михайловская вспоминала, что в очерках рассказана подлинная история, произошедшая в середине 80-х гг.

в их имении Гундуровка. Конфликт вызван тем, что Гарин-Михайловский задался целью гундуровских крестьян, «переписавшихся в мещане», «вернуть... к земле, к общине», «научив... более культурной обработке земли». Рукопись была прочитана и одобрена в кружке писателей (Н.К.Михайловский, Г.И.Успенский, Н.Н.Златовратский, К.М.Станюкович) и передана Михайловским в редакцию «Русской мысли», где он в то время постоянно сотрудничал («Как Н.Г. стал писателем Н.Гаринным», РНБ, ф. 1000).

«Петербургская газета» (21 марта) оценила очерки «Несколько лет в деревне» как «нелицеприятное наблюдение», имеющее «большую цену, чем все тенденциозные разглагольствования Глеба Успенского или г-на Златовратского». Герой Гарина — «не отвлеченный носитель» «возвышенного идеала» народолюбства, «а живой человек, имеющий достоинства и слабости»; когда крестьяне сожгли его хлеб, «все гуманные идеи куда-то улетучились и разгулялась зверская натура дикого самодура» (А.Скабичевский, Нов., 16 июля). Гарин предстает «человеком мятущимся, алчущим правды» (М.О.Меньшиков, Кн. Нед., № 4, с. 189).

27 октября А.П.Чехов писал А.С.Суворину: «Прочтите... “Несколько лет в деревне” Гарина. Раньше ничего подобного не было в литературе в этом роде по тону и, пожалуй, искренности. Начало немножко рутинно и конец приподнят, но зато середка — сплошное наслаждение. Так верно, что хоть отбавляй» (т. 5, с. 126).

Д.Мамин-Сибиряк — роман «Золото» (С. Вест., №№ 1–6).

М.К[уплет]ский утверждал, что изображенная Маминым жизнь рабочих золотых промыслов отошла в далекое прошлое (Сын От., 4 июня). М.Южный [М.Г.Зельманов] писал, что Мамин-Сибиряк возрождает «народническую традицию в изображении жизни народа», состоящую в том, чтобы «выкапывать одну только грязь, одну скверность быта и ее делать центром своих произведений» (Гражд., 9 июня). В связи с выходом в конце 1894 г. отдельного издания романа (М., 1895) рецензент «Русского богатства» (1894, № 12) писал: «Запас наблюдений г. Мамина велик и обилен, но порядка в нем мало»; поражает «хладнокровный тон», каким переданы самые ужасные сцены из жизни рабочих приисков. «Читатель не обогатит свой ум никакими новыми идеями относительно внутренней жизни человека, но он приобретает довольно большой запас новых сведений относительно своеобразного и неизвестного ему мирка наших золотопромышленников и золотоискателей».

П.Д.Боборыкин — роман «Василий Теркин» (Вест. Евр., №№ 1–6).

«При низком уровне нашей современной беллетристики роман г. Боборыкина рисуется перед нами положительно каким-то колоссом, напоминая нам давно минувшие годы... и хорошие годы...» (А.Скабичевский, Нов., 16 апр.). Д.Коропчевский в статье «Герой нового типа» писал, что Боборыкину не удалось воссоздать «центральное лицо русской жизни», которому предстоит восторжествовать и над узким кулачеством, и над выродившимся дворянством»; его герой — «победоносный разночинец», «тип хищника», с «чутьем не одной поживы», но и «веяний времени» (Р. Обзор., № 7). А.Волынский назвал роман «широко задуманным, талантливым литературным произведением», однако выразил неудовлетворенность характером главного героя, «неспособного на настоящий бескорыстный подвиг», хотя и «взыскующего народного блага» (С. Вест., № 7). Рецензент «Русской мысли» (№ 8) находил у Боборыкина подтверждение мысли о том, что «только община и мирской инстинкт... спасают голытьбу от окончательной кабалы богатеев». М.Южный [М.Г.Зельманов] возмущался тем, что Боборыкин «оклеветал» «высшее сословие государства» — дворянство, возвеличив «крестьянского подкидыша» Теркина («Клеветническая литература» и «Нечто о «разночинец», Гражд., 20 мая и 4 июля). В сравнении с «бурсацким кружковым полуневежеством и нахальным строчением» современных «потопенцев», тут выступает, «если не художник», то «старательный исследователь и наблюдатель русской действительности» (В.Буренин, Н. Вр., 1 мая). «Идея просвещенной, деятельной и энергичной буржуазии — одна из основных и любимейших тенденций г. Боборыкина» («Дельцы», «Китай-город», «Василий Теркин») (М.А.Протопопов, «Беллетрист-публицист», Р. Мысль, № 12). Боборыкин рисует своего героя-разночинца «розовыми красками», чтобы сохранить свою позицию «шефа либерализма» (Ю.Николаев [Говоруха-Отрок], «Апофеоз разночинца», Моск. Вед., 23 мая). Попытка создать «героя искусственным путем из дельца-практика на модной подкладке борьбы с лесоистреблением» (Д-т [Н.Е.Эфрос], Нов. Дня, 9 июня). Изображает «дальнейшие стадии, через которые прошло “темное царство”», в частности, «вторжение разночинца», занявшего «культурную позицию» (Дебютант [Г.Н.Жулев], Пб. Газ., 16 июня). К.М[едвед]ский трижды обращался к роману Боборыкина. То находил роман «скудным и неудачным», несмотря на попытку изобразить homo novus'a — «волгаря, сына народа», «ищущего не только наживы, но и бессмертия в веках». То видел личность «типическую современную», причем

не в общероссийском, а в местном масштабе. Наконец, заключил, что Василий Теркин — «торжествующий разночинец», гаже Колупаева и Дерунова, так как не довольствуется материальным «обдиранием людей», а, прикрываясь «идейными мотивами», претендует на их душу (Сев., № 24, 14 июня и № 28, 12 июля; Набл., № 12). Герой «не гонится за алчным зашибанием копейки», а ищет справедливого распределения прибыли (М.К[уплет]ский, Сын От., 4 июня).

Впоследствии М.Горький писал в «Беседах о ремесле»: «В литературе знал только одну попытку изобразить политически мыслящего купца — Василия Теркина в романе Боборыкина... “Василий Теркин” был признан критикой романом более удачным сравнительно с другими романами этого автора, но мне кажется, что это было признано только потому, что в купце Теркине... критики узнали хорошо знакомого им либерала-интеллигента и обрадовались: “Нашего полку прибыло”, — дикий замоскворецкий житель, купец Островского, переродился почти в европейского буржуа» (т. 25, с. 308).

Н.Лесков — «Юдоль (Рапсодия)» (Кн. Нед., № 6).

Н.И.Тимковский — рассказ «Сон» (Р. Мысль, № 6).

18 июня В.Г.Короленко пишет А.С.Короленко: «От Соболевского получил письмо по поводу моих фельетонов*. “Пишите, пишите и пишите!” Он говорит, что в Москве “все читают и все довольны”, думает, что “несомненно читают и те, от кого зависит изменение к лучшему изображаемых мною порядков”... Говорит, между прочим, что ему особенно нравится общий тон, “правдивый, без ламентаций и восклицательных знаков”, производящий “впечатление неотразимой правды”» (т. 10, с. 160).

Между 20 и 27 июня в Саратове состоялось совещание членов нелегальной организации «Народное право», в котором приняли участие Н.К.Михайловский и В.Г.Короленко. Революционер-народник Н.С.Тютчев пишет в своих воспоминаниях: «Задачей минуты тогда являлось создание подпольного органа — газеты**, насколько возможно приближающейся по

* В.М.Соболевский — редактор «Русских ведомостей», где печатались корреспонденции В.Короленко из Лукояновского уезда.

** Издание не было осуществлено.

своему влиянию на общественное мнение к герценовскому “Колоколу”» ... Состав редакции и сотрудников был по тому времени выдающийся: полновластным редактором был Н.К. Михайловский. В.Г. Короленко («долго отнекивался», «заявив себя неревolucionером»), Н.Ф. Анненский, П.Ф. Николаев, А.И. Богданович и М.А. Плотников (автор «Манифеста» «Народного права») согласились быть постоянными ближайшими сотрудниками; вопрос о терроре не ставился, так как вызвал бы «разномыслие». Для первого номера «дал статью о веротерпимости и Вл. Соловьев» (В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 85–88).

М.А. Протопопов — «Жертва безвременья» (Повести г. Антона Чехова) (Р. Мысль, № 6). «Значительный литературный талант» Чехова «не подлежит сомнению», но «это писатель ищущий и не нашедший, писатель без опоры и без цели». В творческом пути Чехова Протопопов усматривает «три фазиса»: «беспредметную и беспричинную грусть» («Степь»), «превознесение пессимизма» («Огни»), «примирение с жизнью» и проповедь «малых дел» («Скучная история» и все последующие произведения). Критик выражает надежду, что Чехов в будущем проникнет в «царство чистого идеала», «из индифферентного созерцателя превратился в борца», ибо его «коробит нравственно всякая ложь жизни, всякая фальшь в человеке».

С. Волконский — «Художественное наслаждение и художественное творчество» (Вест. Евр., № 6; отд. изд. СПб., 1892, тираж — 1000). «Единственное назначение искусства — заставить полюбить искусство» («любовь к человеку» — не цель, «а один из результатов»), в этой цели «духовная радость и упокоение», а не «праздная забава».

А. Скабичевский откликнулся статьей «Сатурналии последних эстетиков», в которой выражал удивление, что «подобного рода ультраэстетические эксцентричности» печатаются не в «Русском вестнике», «Гражданине» или «Московских ведомостях», а в журнале, где недавно «на первом месте» печатался Салтыков (Нов., 20 авг.). А. Волынский увидел в позиции Волконского «проблески эстетического идеализма»: он полагает, что искусство должно служить «злобе человека», а не «злобе дня», но при этом произвольно расчленяет «тенденциозность» и «художественность». Между тем, «если в произведении нет никакой идеи, оно не может быть художественным» (С. Вест., № 7).

Июль

В течение июля холера распространилась по Волге вплоть до Рыбинска, захватив среднюю Россию. А.П.Чехов занят организацией холерных участков в округе (но эпидемия до Мелихова не дошла); 3 июля он писал А.С.Суворину: «В прошлом году голод, теперь страх. Жизнь берет много от народа, но что она ему дает?»; 13 июля — Н.А.Лейкину: «По случаю холеры, которая еще не дошла до нас, я приглашен в санитарные врачи от земства... и я теперь разъезжаю по деревням и фабрикам и собираю материал для санитарного съезда. О литературной работе и подумать некогда» (т. 5, с. 88 и 92).

А.П.Чехов — рассказ «Соседи» (Кн. Нед., № 7).

А.Скабичевский увидел в рассказе лишь «игру в бирюльки вместо серьезного и основательного дела» (Нов., 3 сент.). П.Перцов обнаружил «недостаток умения понять весь смысл данного явления и дать ему надлежащее освещение» (Волж. Вест., 4 авг.).

И.Н.Потапенко — роман «Любовь» (Р. Мысль, №№ 1-7).

Роман соответствует «гражданским убеждениям» и «низменным и грубым литературным вкусам нашей разношерстной “интеллигенции”» (Ю.Николаев [Говоруха-Отрок], «Пакостные понятия», Моск. Вед., 2 мая). Напоминает «тенденционные, сентиментальные» произведения Шеллера-Михайлова, Решетникова, Омуревского; напрасно противопоставляет современное «поколение дела» прошлым «людям слова», ибо «детям» «нечем величаться» перед «отцами» (Д-т [Н.Е.Эфрос], Нов. Дня, 3 авг.). Вопреки современным беллетристам, изображающим «одно животное влечение», Потапенко «изображает истинно человеческое чувство любви» (М.К[уплет]ский, Сын От., 23 июля). В.Буренин недоволен «семинарской» тенденцией романа, в котором «представитель порочной дворянской семьи» преобразуется под воздействием «просвещенной особы» из «честной плебейской среды» (Н. Вр., 7 авг.). «Это плохая проза... без надлежащего психологического материала», это «уверенное резонерство... о великом значении маленьких людей» и «маленьких дел» (А.Волынский, С. Вест., № 10).

В.Вересаев «Подземное царство» [очерки о шахтерах] (Кн. Нед., №№ 6-7).

К.Баранцевич — повесть «Петербургский случай» (С. Вест., №№ 5-7). Быт городских низов.

В.В.Розанов — «Может ли быть мозаична историческая культура?» (Моск. Вед., 20 июля). Упрекает Н.К.Михайловского за «эклектическое» стремление «брать хорошее отовсюду» и противопоставляет ему «коренную правоту» славянофильской «цельности».

Н.К.Михайловский отвечал: «Известной доли истины в славянофильстве я никогда не отрицал и не отрицаю, как... и в западничестве, но “коренной правоты” признать не могу»; призвал «не отказываться от наследства» «сплошь огулом», а искать в нем «известную ценность». «Творцу целостной и самостоятельной системы» необходим лишь собственный критерий, чтобы заимствовать из предшествующих философских систем «долю истины»; «литература 60–70 годов имела совершенно ясный критерий политического добра и зла» — принцип «интересов только что освобожденного народа» («О г. Розанове и о том, почему он отказывается от наследства. О мозаичности культуры», Р. Мысль, № 9).

В.В.Розанов продолжил спор в статье «Еще о мозаичности и эклектизме в истории» (Моск. Вед., 17 окт.).

Август

Вл.Соловьев — «Там, где семьей столпились ивы...» и «Тесно сердце твое для меня...» (Вест. Евр., № 8).

«Если уж... патентованный ученый и философ, способен не только сочинять, но даже печатать в серьезном “Вестнике Европы” подобные почти бессмысленные... стихи, то на что же могут посягать теперь молодые современные поэты, большинство которых никаким наукам не обучается, а логику отрицает даже “по принципу”, ибо она мешает их декадентским откровениям?» (В.Буренин, Н. Вр., 7 авг.).

К.Бальмонт — статья «Бьернстjerne Бьернсон (По поводу его предстоящего 60-летнего юбилея)» (Р. Вед., 29 авг.). «Провозвестник нового мирозерцания, стремящегося связать всех людей в одну братски любящую семью».

Ф.Булгаков — «Новое светило английской литературы» (О Р.Киплинге) (Н. Вр., 20 авг.).

В.В.Розанов — «О трех фазисах в развитии нашей критики» (Р. Обзор., № 8): эстетический фазис (Белинский), этический (Добролюбов), научный (Ап.Григорьев, Н.Страхов); совре-

менная критика должна рассматривать художественные произведения «как ряд прежде всего индивидуальных миров».

В.Буренин — «Критические очерки» (Н. Вр., 14 авг.). «Да, декадентские бессмыслицы, к сожалению, начинают понемножку прививаться в современной литературе» и, может быть, скоро сделаются «ходким товаром»; «нам, видите ли, наскучил трезвый, точный и глубокий реализм Толстого, Достоевского», стало принято «боготворить Бурже, восхищаться Боделером», «клясться Бесконечным», «цитировать афоризмы Шопенгауера, храбро рассуждать о биологии и законах морали».

Житель [А.Д.Дьяков] — «Декаденты» (Н. Вр., 16 авг.): «Нахлынули новые силы — канцелярские, шкловские, кунавинские, — силы страшные, неодолимые, стадные, бездарные и бессмысленные, тяготеющие всецело к протокольной записи факта и совершенно неспособные критически оценить факт. В литературе не осталось красоты, поэзии, иллюзии. Она выродилась в кремнелобое варварство грубой чувственности, в фотографию мрачного fin de siècle. Нет ума, нет идеи, нет выдумки — одна фотография — лубочная, отвратительная, непристойная. Хам пришел».

Гиппиус З. — рассказ «Злосчастная», М.: тип. И.Сытина, 1892, тираж — 12000; 2-е изд. М., 1895, тираж — 13000.

Сентябрь

3 сентября В.Г.Короленко пишет В.А.Гольцеву: «С этим голодом, — все оставил; и в душе, и в голове, и в сердце — были все только эти мотивы» (Архив В.А.Гольцева. М., 1914, с. 175).

В сентябре отмечалось 40-летие литературной деятельности Л.Н.Толстого (В-в [В.Е.Якушкин], Р. Вед., 13 сент.; К.М[едвед]ский, Сев., № 40, 4 окт.).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — повесть «Охонины брови» (Р. Мысль, №№ 8–9).

12 сентября в тифлисской газете «Кавказ» появился первый рассказ М.Горького «Макар Чудра».

М.Протопопов — «Из истории нашей литературной критики» (Р. Мысль, №№ 8–9). Главные деятели публицистической критики — Н.А.Полевой, Н.И.Надеждин, Белинский, Добролюбов, Писарев [Чернышевский еще не упоминаемое имя].

Житель [А.А.Дьяков] — «Люди конца века» (Н. Вр., 13 сент.). Эти «рыцари фурура» величают себя «учениками» Поля Бурже, Катулла Мендеса, Гюи де Мопассана, Поля Верлена, но с каким «мучительным ужасом эти талантливые люди отвернулись бы от наглых обезьян».

З.Венгерова — «Поэты-символисты во Франции» (П.Верлен, Ст.Малларме, А.Рембо, Ж.Лафорг, Ж.Мореас) (Вест. Евр., № 7). «Самая плодотворная школа в новейшей французской поэзии», «соответствует полуйдеалистическому, полумистическому настроению, все более охватывающему современные умы».

Рецензент «Русской мысли» (№ 10), находя, что статья З.Венгеровой представляет «своеобразный интерес», оспаривает выводы ее автора о том, что «полумистическое настроение делает такие завоевания; хотя оно, несомненно, оживилось и распространилось в последние годы, но дни его сочтены, овладеть обществом ему, к счастью, не удастся» (с. 474). З.Венгерова «с большим знанием дела» и «наивной восторженностью» «описывает деяния и произведения литературных психопатов Запада» (Б.Б.Глинский, «Болезнь или реклама?», Ист. Вест., 1896, № 2, с. 633).

«Наконец появилось “Entartung” Нордау, а у нас статья З.Венгеровой в “Вестнике Европы”. Я пошел в книжный магазин и купил себе Верлена, Малларме, А.Рембо и несколько драм Метерлинка. То было целое откровение для меня» (В.Брюсов. Из моей жизни. М., 1927, с. 76).

16 сентября исполнилось 90 лет со дня смерти «великого человеколюбца» А.Н.Радищева, а его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» «до сих пор остается под спудом. Неужели сочинениям Радищева ждать XX века?» (В.М. [В.А.Мошолова], Р. Вед., 25 сент.).

Сб. «Памяти А.А.Потебни», Харьков, 1892. Поминальные материалы, библиография, обзор архива, статьи и воспоминания. Н.Ф.Сумцов, помимо «живого увлечения наукой», выделил «уважение к личности человека и к личности народа». А.Г.Горнфельд говорил о «высоком академическом такте» про-

фессора, чье «духовное влияние» было громадным, мирозерцание — возвышенным и широким, далеким от «партийной узости».

Октябрь

В.Г.Короленко — рассказ «Ат-Даван (Из Сибирской жизни)» (Р. Бог., № 10).

А.Скабичевский писал, что рассказ «подкупает... не одною только нравственною чистотою и высотой автора... но и присутствием того высшего творческого дара, какой присущ лишь немногим истинным художникам, вооруженным основательным знанием жизни и глубоким проникновением в ее сокровенные тайники» (Нов., 26 ноября).

К.Станюкович — «Пассажирика. Из воспоминаний бывшего моряка». Посвящается Н.Г.Гарину (Р. Вед., июль–октябрь; отд. изд. СПб., 1893).

«Нельзя не поблагодарить г. Станюковича за эту «потревоженную тень», вызов которой особенно уместен в наше время, когда так часто раздаются лицемерные вздохи о потерянном рае беспардонного самодурства» (Р. Бог., 1893, № 1, Нов. Кн.).

Д.С.Мережковский — стихотворения «Любовь-вражда» (Р. Мысль, № 10), «Парки» (С. Вест., № 10):

*...Будь что будет — все равно!
...Все наскучило давно
Трем богиням, вечным пряхам,
Было прахом — будет прахом...*

Позднее Горький в статье «Еще поэт» (о первой книге стихов Ф.Сологуба) процитировал эти строки, отметив сходство поэзии Мережковского с пессимистической и безучастной к действительности лирикой Сологуба (Сам. Газ., 1896, 28 февр.).

Н.Минский — «Генрих Ибсен и его пьесы из современной жизни» (С. Вест., №№ 9 и 10). О возникновении нового искусства, «полного диссонансов», «чуждого гармонии», которое автор называет «аналитическим» или «разлагающим» (Флобер, Гонкуры, Золя, Л.Толстой, Достоевский, Ибсен); оно обличает «не отдельных людей или сословия», а «все человечество». Основная черта Ибсена — «дух протеста, стремление к оригинальности», «преобладание идеи над образным содержанием».

И.И.Ясинский — «Карьера» (Набл., № 10).

В.Буренин готов простить автору рассказа все недостатки за «наглядное изображение» того, как «жидки втираются в литературу», в доказательство ссылается на деятельность А.Волынского («Портрет израилева сына», Н. Вр., 16 окт.).

Н.К.Михайловский — «Случайные заметки» (Р. Вед., 17 окт.). В связи с голодом и холерными беспорядками говорит о равнодушии общества к судьбе медиков, погибших в холерных бараках и во время холерных бунтов. О нападках правой печати: «Московские ведомости» сообщили, что Л.Толстой прослыл в народе «антихристом», который использует «добрые дела» для своей «окончательной злой цели», а «известный фрондер против здравого смысла» кн. Мещерский в «Гражданине» завел «перенятую у волка» песню о вреде просвещения, порождающего «подстрекателей беспорядков». Но самым «диким, ужасным» фактом Михайловский назвал «подозрительную мужицкую мысль», видящую «в карболовой кислоте распространительницу холеры». «Это даже больше, чем факт...»

К.Бальмонт — статья «Сердце сердец (Перси Биши Шелли)» (Р. Вед., 23 окт.).

26 октября Д.С.Мережковский прочел в Русском литературном обществе в Петербурге лекцию «О причинах упадка русской литературы». Хроникер «Нового времени» (28 окт.) сообщал: «Мы стоим на краю бездны...» — провозгласил Мережковский, рекомендуя искать спасения у современных французских декадентов.

Л.Н.Толстой пишет С.А.Толстой [конец октября — начало ноября]: «Страхов пишет очень интересно о чтении поэта Мережковского о литературе. Признаки совершенного распада нравственности людей fin de siècle и у нас» (т. 84, с. 166).

29 октября Серпуховский санитарный совет постановил «благодарить врача А.П.Чехова за его бескорыстное и полезное участие в деле борьбы с угрожавшею Серпуховскому уезду холерною эпидемией» (ЛЖТ Чехова, с. 330).

31 октября в «Русских ведомостях» напечатан последний отчет Л.Н.Толстого о помощи голодающим: «...мы все, занимавшиеся в прошлом году кормлением народа, находимся в положении доктора, который бы, быв призван к человеку, вывихнувшему ногу, увидал бы, что этот человек весь больной».

Ноябрь

6 ноября Л.Н.Толстой записал в дневнике: «От Страхова письмо о декадентах. Ведь это опять искусство для искусства. Опять узкие носки и панталоны после широких, но с оттенком нового времени. Нынешние декаденты, Baudelaire, говорят, что для поэзии нужны крайности добра и крайности зла. Что без этого нет поэзии. Что стремление к одному добру уничтожает контрасты и потому поэзию. Напрасно они беспокоятся. Зло так сильно — это весь фон — что оно всегда тут для контраста» (т. 52, с. 76).

А.П.Чехов — «Палата № 6» (Р. Мысль, № 11).

А. Скабичевский, до той поры не признававший Чехова, называет «Палату № 6» лучшим его произведением, разоблачающим философию, близкую «толстовщине» (Нов., 3 и 10 дек). Правду и трагизм рассказа отмечал рецензент, подписавшийся: Современник (Пб. Газ., 5 дек.). Н.К.Михайловский посвящает очередные «Случайные заметки» разбору «Палаты № 6», которую сравнивает с «Красным цветком» Гаршина, отдавая предпочтение последнему, так как в нем «все ясно, определено, все вылито или высечено из цельного куска». Признавая «большой талант» Чехова, Михайловский говорит об отсутствии у него «общей идеи». Предполагая, что «Палата № 6» направлена против теории «реабилитации действительности», критик в то же время «отнюдь не уверен, что такова именно мысль самого автора. До нее добраться не легко» (Р. Вед., 4 дек.). М.О.Меньшиков увидел в этой «самой удачной вещи Чехова» «старую печальную истину о безжизненности нашей интеллигенции», а в докторе Рагине «обломовский тип» с его «нравственной бездарностью», «равнодушием к добру и злу» и «сном совести». «Хотя в рассказе г. Чехова ни разу не упомянуто имя гр. Л.Н.Толстого и даже нет выражения “не противься злу”, однако весь рассказ построен как бы ради опровержения этого принципа», в его ходячей формуле, так как в действительности Толстой проповедует «нравственную борьбу со злом, противление любви» («Без воли и совести», Кн. Нед., 1893, № 1). А.Волынский назвал «Палату № 6» лучшим произведением Чехова после «Скучной истории»: «Ни единого фальшивого штриха, ни одного ложного слова. Все люди живы, все события соединены между собою неразрывною логическою связью, все разговоры полны содержания, смысла. Повсюду... печать ума простого, ясного, презирающего ходульные эффекты, неестественную, риторическую декламацию». Вместе с тем находил в рассказе «узкую и фальшивую» тенденцию — будто всякая отвлеченная мысль «противоречит про-

грессу», ибо у Чехова «ум... не сильный, не волнуемый идеями широкими, смелыми», отсюда «ограниченный философский кругозор, при совершенном отсутствии внутреннего жара, вдохновенных порывов, поэтической возвышенной мечты о людях, об искусстве, о литературе» (С. Вест., 1893, № 5).

Рецензенты охранительных органов печати выражали свое неудовольствие «Палатой № 6». «Откуда автор взял этот мертвый город»; «манера письма» «взята напрокат у Л.Н.Толстого» (М.Южный [М.Г.Зельманов], Гражд., 24 ноября). М.К[уплет]ский сетовал, что Чехов в «Палате № 6» и Короленко в «Ат-Даване» выводят «уродливые экземпляры в современном нам обществе» вместо того, чтобы показывать «здоровых, нормальных... деятелей на разных поприщах государственной и общественной службы» (Сын От., 10 дек.). Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] находил, что на единственном «положительном типе» (отец Христофор в «Степи») «дарование г. Чехова как бы истощилось» и смысл «Палаты № 6» «затемнен» «неясным отношением... самого автора и неясностью изображения» (Моск. Вед., 3 дек.).

Л.Н.Толстой пишет 14 декабря И.И.Горбунову-Посадову: «Какая хорошая вещь Чехова “Палата № 6”» (т. 66, с. 288).

Вл.И.Немирович-Данченко писал Чехову 12 декабря: «“Палата № 6” имеет успех огромный, какого у вас еще не было. Да Вы видите ли газеты? Только о ней и речь» (Ежегодник МХАТ. Т. 1. М., 1946, с. 99). «Какая мастерская и глубокая вещь “Палата № 6”, хотя и не без ущерба в смысле пушкинской ясности и трезвости» (Письмо А.И.Эртеля В.М.Лаврову от 14 дек. Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 94). «Какая страшная сила впечатления поднимается из этой вещи,— писал И.Е.Репин А.П.Чехову.— Даже просто непонятно, как из такого простого, незатейливого, совсем даже бедного по содержанию рассказа вырастает в конце такая неотразимая, глубокая и колоссальная идея человечества!» (ЛЖТ Чехова, с. 333). Н.С.Лесков назвал «Палату № 6» «прекрасным произведением» (т. 11, с. 559).

П.Д.Боборыкин — повесть «Перед чем-то» (С. Вест., №№ 10 и 11). Дневник идейного банкрота и пессимиста.

И.Потапенко — рассказ «Исполнительный орган» (Кн. Нед., № 11). Тема борьбы с холерой.

А.Скабичевский пишет о герое Потапенко, дьяке Амвросии, что он принадлежит к категории маленьких людей, величие которых «заключается в неисчерпаемом обилии божественной любви» ко всем «страждущим и обремененным» (Нов., 19 ноября).

С ноябрьской книжки журнал «Русское богатство» стал выходить под редакцией Н.К. Михайловского. Материальную ответственность на первых порах взял на себя Н.Г. Гарин-Михайловский, официальной издательницей стала его жена Н.В. Михайловская (фактически журнал издавался на паях: материальных и литературных), заведование редакцией перешло к А.И. Иванчину-Писареву, который писал В.Г. Короленко 12 октября: «Теперь я верю, что “Русское богатство” пойдет. Гарин так поставил вопрос, что он вместе с своей женой решил жертвовать всем своим состоянием для журнала, если издание попадет в условия, обещающие успех. Такими условиями он считает образование редакции из Николая Константиновича, Кривенки и меня — на должность распорядителя по хозяйственной части. Николай Константинович согласился принять на себя редакторство, но с условием, что до нового года будет действовать под спудом, а там — судя по настроению Главного управления по делам печати» (Ежегодник РО ПД. 1973. Л., 1976, с. 9). Короленко приехал в Петербург и участвовал в редакционном собрании 8 ноября, на котором журнал был передан новым владельцам, ибо ранее дал обещание Михайловскому, «если у него будет журнал, явиться на его зов» (Дневниковая запись В.Г. Короленко от 2 мая 1904 г., РГБ, ф. 135, разд. 1, карт. 46, ед. 2). 6 ноября он пишет жене из Петербурга: «Нероскошное учреждение эта редакция. Она занимает себе “комнату” в частной квартире! Бедно, и судьба журнала неопределенна» (т. 10, с. 163). 9 ноября: «В “Русском бог-ве” пока дела неблестящи, но работа у Ник.К. закипела» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 3, ед. 39). Приезжал на совещание и Гл. Успенский (специальным решением общего собрания пайщиков 26 апреля 1893 г. больному писателю подарен пай журнала, который был выплачен членам семьи после смерти Гл. Успенского). «“Русское богатство” — писал Н.К. Михайловский В.М. Соболевскому, — название несколько юмористическое, и журнал наш богат больше надеждами, чем деньгами» (Р. Бог., 1918, № 1–3, с. 352).

7 ноября в Главное управление по делам печати поступило секретное донесение Цензурного комитета, в котором говорилось, что новые владельцы журнала в лице Н.Г. Гарина-Михайловского «в переговорах с цензором довольно бесцеремонно объяснили, в чем состоит характер и направление журнала “Русское богатство”» — «цель их “мирный переворот” в государстве; направление журнала, как выразился один из них открыто: “оппозиция правительства”». Цензурный комитет запретил шесть статей, предназначав-

шихся для одного только номера (В.Евгеньев-Максимов, «Из истории “Русского богатства”», Р. Бог., 1917, №№ 11–12, с. 60–61).

17 декабря В.Г.Короленко сообщал Н.К.Михайловскому из Н. Новгорода: «Публика, Ваша публика, уже прослышала про “Богатство”, в провинциальных рецензиях встречаешь доброжелательство и похвалы, поистине расточаемые пока больше в кредит, “в надежде славы и добра”, из нескольких уже мест меня спрашивали, правда ли, что Вы вошли в “Русское богатство” и отчего в таком случае еще нет ни одной Вашей статьи?»* (В.Г.Короленко. Письма 1888–1921. Пб., 1926, с. 28).

15 ноября в связи с исполнившимся 50-летием Н.К.Михайловский получил «многочисленные телеграммы, адреса и письма» (Р. Вед., 20 ноября).

15 ноября Л.Н.Толстой пишет жене: «Baudelaire получил [«Маленькие поэмы в прозе»]. Не стоило того. Это только, чтобы иметь понятие о степени развращения *fin de siècle*'а. Я люблю это слово и понятие» (т. 84, с. 173).

21 ноября умер А.А.Фет. «Когда умер А.С.Пушкин, то извещение было о смерти камер-юнкера; полвека спустя о смерти камергера А.А.Шеншина сообщали, что умер Фет» (Сын От., 28 ноября). Либерально-демократический лагерь ограничился информацией о кончине Фета. Другие органы печати писали о Фете как о «последнем из могикан “чистого искусства”» (Дебютант [Г.Н.Жулев], «Трели соловья», Пб. Газ., 24 ноября). Фет обладал «недюжинным гражданским и литературным мужеством», позволившим ему пронести знамя «чистого искусства» «в самое неблагоприятное для этого время, под градом насмешек слишком односторонних литературных судей со спутавшимися эстетическими понятиями» (Р. Обзор., № 12). Начав свое «служение музам» в начале «блестящих, бредивших поэзией и красотой сороковых годов», Фет сохранил «эстетические заветы того времени» (Нов. Дня, 23 ноября).

В «Книжках Недели» (№ 12) появилась заметка «Фет и его судьба», в которой поэт рассматривался как предшественник декадентов; но «не в современном опошленном значении этого слова, а

* В этом время Н.К.Михайловский еще продолжал сотрудничать в «Русской мысли» и «Русских ведомостях». В «Русском богатстве» его статьи появляются с января 1893 г.

в благородном, возвышенном смысле. На полстолетия ранее Бодлера и Верлена и несравненно выше их он начал говорить на каком-то сомнамбулическом языке, какими-то вещими словечками, навевающими очарование на читателя» (с. 229).

22 ноября А.П.Чехов писал А.С.Суворину: «Литературный журнал составляет теперь гвоздь его [Д.С.Мережковского] мечтаний, и, очевидно, он согласен со мной, что я не гожусь в редакторы. Сотрудником и советником я был бы охотно, и охотно отдал бы 4–5 зимних месяцев новому делу, если бы оно обещало быть серьезным» (т. 5, с. 131). 25 ноября А.П.Чехов отвечает на упрек А.С.Суворина, что в «Палате № 6» он «угостил... сладким лимонадом»: «Разве Короленко, Надсон и все нынешние драматурги не лимонад? Разве картины Репина или Шишкина кружили Вам голову. ...Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное... и не видит этого только Стасов, которому природа дала редкую способность пьянеть даже от помоев... Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель... А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тпру ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей... Политики у нас нет, в революцию мы не верим, Бога нет, привидений не боимся... Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником». А в следующем письме от 3 декабря уточняет свою позицию: «Я пишу, что нет целей, и Вы понимаете, что эти цели я считаю необходимыми и охотно бы пошел искать их...» (т. 5, с. 133–134, 138).

В.П.Преображенский — «Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма» (Вопр. Фил. и Псих., кн. 15, ноябрь). Первое обстоятельное изложение на русском языке «возмутительной по своим окончательным выводам нравственной доктрины Фр.Ницше», как говорилось в примечании от редакции, осуждавшей беспристрастный тон изложения. Ранее, 24 октября Преображенский прочитал доклад на заседании Психологического общества под председательством Н.Я.Грота, вызвав «живой интерес и обмен мнений» (Вопр. Фил. и Псих., 1893, кн. 1(16), с. 110). Возражения докладчику и излагала редак-

ция: «Талантливый писатель и мыслитель... Фр.Ницше, ослепленный ненавистью к религии, христианству и самому Богу, цинически проповедует полное снисхождение... к самому страшному разврату и нравственному падению во имя идеала усовершенствования отдельных представителей человеческой породы, причем масса человечества кощунственно признается пьедесталом для возвеличения разнузданных и никакими границами закона и нравственности не сдерживаемых “гениев”»; «несчастный гордец» кончил сумасшествием.

Ницше «суждено в недалеком будущем сделаться столь же популярным... как Шопенгауэр у нас в недавнем прошлом» (В.Чуйко, «Русская литература в 1892 году», Од. Л., 1893, 1 янв.). «Учение всевозможных Ницше — только крошечная заноза, воткнувшаяся в мизинец ноги человечества» (М.А.Протопопов, «Письма о литературе», Р. Мысль, 1893, № 2).

В статье «Разрушение личности» (1909) Горький вспоминал, что книжки «Вопросов философии и психологии» со статьями о Ницше молодежь того времени читала тайно, «стараясь скрыть свое желание познакомиться со взглядами еретика, антисоциалиста... как бы боясь оскорбить своих учителей, старых радикалов, заставлявших читать Чернышевского и Лаврова, Михайловского и Плеханова» (т. 24, с. 60).

Вл.Соловьев — «Мнимые и действительные меры к подъему народного благосостояния» (Вест. Евр., № 11). Русский народ в лице своей интеллигенции должен избавиться от «мании величия и мании вражды к нему всех и каждого», без этого всякая мера, даже «самая практическая и целесообразная», будет лишь «мнимую мерою».

Вышла первая книга Н.Гарина «Очерки и рассказы». СПб., 1893, тираж — 2012 (включила произведения 1892 г.).

«Гарин выступает на журнальном поприще с очень скромными художественными ресурсами, — писал в анонимной рецензии на сборник А.Волынский, — это не Гаршин, не Короленко, не Чехов, а порядочный и, быть может, добросовестный труженик, заслуживающий сочувствия за чистоту его писательских намерений, но не дающий серьезного материала для литературной критики» (С. Вест., 1893, № 4). У Гарина «проницательный взор художника и чувство всепрощения по отношению к “маленьким людям”, беспомощным и беззащитным» (Ив.Иванов, Р. Вед., 19 апр.). Юдофобствующий журнал «Наблюдатель» (1893, № 3) выразил неудовольствие, что в сборник вошли очерки, изображающие «жидов» [«Ицка и Давыдка», «На станции»].

Декабрь

А.П.Чехов — «Страх (Рассказ моего друга)» (Н. Вр., 25 дек.).

Н.Лесков — «Импровизаторы (Картинка с натуры)» (Кн. Нед., № 12).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — «Детские тени» (Р. Бог., №№ 11, 12) и «Любовь» (Вест. Евр., № 12).

К.Станюкович — «Решение» (Р. Бог., № 12).

Д.С.Мережковский — «Свет вечерний» (С. Вест., № 12).

*Я жду с улыбкою блаженной,
Я рад тому, что жизнь пройдет,
Что все прекрасное — мгновенно,
Что все великое умрет.*

Ив.Щеглов [И.Л.Леонтьев] — рассказ «Убыль души» (Р. Обозр., № 12). Самоубийство журналиста, который испытывает отвращение ко всему строю своей жизни.

В рассказе Щеглова та же «программа», что и в «Смерти Ивана Ильича» и «Крейцеровой сонате» Толстого: «показать нам жизнь ничтожных людей, угадав и трагедию этой жизни (Моск. Вед., 24 дек.). Показана «личная, а не идейная, общественная драма», которая «вытекает из потребности покоя и счастья», а не «тоски по идеалу» (Ив.Иванов, Р. Вед., 1893, 11 янв.).

8 декабря Д.С.Мережковский повторил свою лекцию «О причинах упадка русской литературы»: «Он напал на современную критику, на издателей и редакторов, на мелкую прессу, громил капитализм в литературе и систему гонораров, оплакивал порчу русского литературного языка, словом, как мог старался доказать упадок... и все-таки не доказал» (Петербургец [В.С.Лялин], Н. Вр., 9 дек.). «Это бессвязный, младенческий лепет, бесцельное самоупоение декадента и символиста» (Житель [А.А.Дьяков], «Напрасные жалобы», Н. Вр., 20 дек.).

«Изложение этих лекций в “Новом времени” и других газетах прямо безобразное и балаганное, — писал П.П.Перцов Д.П.Шестакову 18 декабря. — Лекции эти не совсем ясны для меня, но все же в них было много дельного, например о свободе творчества, о красоте как главном мериле произведения искусства, о близости

истинной красоты и истинной свободы и т. п. ... Он ругал узко-публицистическую критику, и я сочувственно внимал ему» (П.П.Перцов. Литературные воспоминания. М., 2002, с. 375).

«В публичной лекции Мережковского, — писал А.П.Чехов А.С.Суворину 17 декабря, — если судить о ней по печатным отзывам, немало правды и хороших мыслей. Но она не политична, или, вернее, не этична... Дома у себя, т.е. в журнале или в литературном обществе, бранись и бей себя по персям сколько хочешь, но на улице будь выше улицы и не жалуйся барышням, полицейским, студентам, купцам и всем прочим особам, составляющим публику. Это раз. Во-вторых, как бы низко ни пала литература, а публика все-таки ниже ее. Стало быть, если литература провинилась и подлежит суду, то уж тут публика все, что угодно, но только не судья» (т. 5, с. 143–144).

«Ох, уж эта русская критика! — писал П.И.Вейнберг А.Н.Плещееву 10 января 1893 г. — Недавно наш друг Мережковский написал и читал лекцию о “падении” и литературы, и критики... Но все это — хоть есть там немало умного и справедливого — довольно бесцветно и слабо; слаба особенно полемическая часть — поход против Буренина, Скабичевского, Флексера; так — общие места и витиевато-поэтические полеты! Не так нужно пробираться Буренина, например... не с красивою тросточкой поэта-мистика... выходить на такую скотину, как Буренин. А выйти на него необходимо, ибо, благодаря огромной распространенности “Нового времени”, он представляет собой силу — и эта сила имеет... развращающее, пагубное влияние...» (РГБ, ф. 359, карт. 8225, ед. 19).

14 декабря А.М.Жемчужников пишет И.А.Бунину: «Для меня нет никакого сомнения, что вы одарены очень симпатичным поэтическим талантом» («Путь», 1912, № 12, с. 34).

М.О.Меньшиков — «О литературе будущего» (Кн. Нед., № 12). Вместо господства натурализма с его «ничтожными Петрами Иванычами Бобчинскими», литература будущего станет отыскивать совершенные, идеальные типы — «живые цели общества».

25 декабря редакция «Недели» отмечала 25-летний юбилей газеты. Присутствовали: Д.В.Григорович, Я.П.Полонский, Ц.А.Кюи, А.М.Скабичевский, С.А.Венгеров, Д.Н.Мамин-Сибиряк, И.И.Каблиц-Юзов и др. Приветствия прислали А.Ф.Кони, А.П.Чехов, К.К.Случевский, Н.М.Минский,

Ф.Ф.Павленков, Р.И.Сементковский, А.К.Шеллер-Михайлов, Г.А.Мачтет, К.М.Фофанов и др. (Нед., 1893, № 1, 3 янв.). В своих воспоминаниях редактор П.А.Гайдебуров особо выделял «самостоятельность и свободу от условной партийности», в частности, эпизод примирения с М.Н.Катковым на Пушкинских торжествах 1880 г. (Кн. Нед., 1893, №№ 1–3).

М.А.Протопопов — «Беллетрист-публицист (Романы и повести г. Боборыкина)» (Р. Мысль, №№ 11, 12). Этот «второстепенный, но замечательный талант» работает более тридцати лет, но «общей оценки своей деятельности... до сих пор не дождался». «Писатель-эхо», лишенный «последовательного мирозерцания», он «то реалист в духе русской реалистической школы (“В путь-дорогу”, “Жертва вечерняя”), то французский натуралист (“По-американски”, “Поделители”), то чуть не народник (“В усадьбе и на порядке”), то почти антинародник (“На ущербе”), то пессимист (“Поумнел”), то оптимист (“Василий Теркин”) и т.д.»

24 декабря А.И.Эртель пишет П.А.Бакунину: «Л.Толстой кончил большое сочинение о войне или, вернее сказать, о государственности*. Я читал семь глав из двенадцати. Есть места, поразительные по верности мысли и силе лиризма, но в общем мне не понравилось; однако же недавно я слышал от человека, прочитавшего последние пять глав, что еще никогда Толстой не доходил до такой энергии и красоты выражений и что обычная, основная его мысль развита здесь в размерах едва ли не революционных. Сочинение, конечно, не может появиться в России» (А.Эртель. Письма. М., 1909, с. 292–293).

В конце года Н.К.Михайловский пишет В.А.Гольцеву: «Случай натолкнул меня на французских декадентов, которых я до сих пор очень мало знал. А это оказалась целая литература. В нее-то я теперь и погружен и до такой степени заинтересовался ею, что взять другую тему уже не могу» (Архив В.А.Гольцева. М., 1914, с. 215).

«Дневник Марии Башкирцевой» (С. Вест., №№ 1–12; отд. изд. в декабре, тираж — 1000).

* Имеется в виду «Царство Божие внутри вас».

У автора дневника, в котором обнаруживается «недюжинный литературный талант», «пустое сердце, начиненное тщеславием», при отсутствии «великих принципов», поэтому Башкирцева достойна жалости, а не восхищения (Н.К.Михайловский, Р. Бог., 1893, № 1). В том же духе выдержана статья М.А.Протопопова «Ярмарка женского тщеславия» (Р. Мысль, № 4). Вл.Михневич находил, что «Башкирцева жалкий пигмей, претенциозное и тщеславное ничтожество» («Барышня-баловница», Нов.; 25 окт. и 1 ноября). Это «повесть измученной женской души», то «изнемогающей, то ропшущей и бунтующей», это «жертва нашей новейшей истории» с ее «рабским, слепым подражанием» всему европейскому (М.Г.Ю-ый [М.Г.Зельманов], «Человеческий документ», Р. Вест., № 1).

А.П.Чехов писал 27 октября А.С.Суворину: «Читаю “Дневник” Башкирцевой. Чепуха, но к концу повелею чем-то человеческим» (т. 5, с. 127). «Вещь эта мне в высшей степени несимпатична,— писал В.Г.Короленко 24 мая 1893 г.,— какой-то неприятный, нездоровый тон лежит на всех ее признаниях. Это настоящий тип того, что называется у нас теперь *fin de siècle*, характеризующий конец больного, изверившегося и разочарованного буржуазного века» (В.Г.Короленко. Письма к П.С.Ивановской. М., 1930, с. 35).

«Никто так не воскрешает меня, как дневник М.Башкирцевой. Она — это я сам, со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 5).

В.Г.Короленко — 2-я книга «Очерков и рассказов» («Река играет», «На затмении», «Ат-Даван» и др.). М.: изд. «Русской мысли», 1893, тираж — 2000.

В рецензии «Русских ведомостей» (23 дек.) Короленко назван «художником, одушевленным верой в человека и умеющим... найти человека и спасти человеческое, как бы ни грязнил и топил его омут житейской борьбы». По мнению Ю.Н.Говорухи-Отрока, Короленко ищет «нового отношения к жизни», «пьет из маленького, но своего стакана», из его произведений «ясно вырисовывается симпатичный образ самого автора», для которого главное «отыскать искру Божию в душе человеческой» (Ю.Николаев, Р. Обзор., 1893, № 1; его же рецензия, Моск. Вед., 1893, 21 янв.). А.Волынский в неподписанной рецензии отмечал: Это «писатель-жанрист», «радующий глаз свою молодею энергией, своей готовностью работать на каждом поприще... таит в глубинах своей души горькую печаль о человеческой непросвещенности, живое сочувствие всякому смелому научному порыву, всякому светлому, фило-

софскому и религиозному настроению» (С. Вест., 1893, № 7, с. 42–44).

В течение 1892 года вышло три сборника статей Н.Г. Чернышевского, впервые появившиеся в России отдельным изданием. Однако запрет на имя Н.Г. Чернышевского не был еще снят и книги вышли без указания автора, а лишь с пометой «Издание М.Н. Чернышевского»: в марте — «Очерки гоголевского периода» («Современник», 1855–1856). СПб., 1892; в сентябре — «Критические статьи» («Современник», 1854–1861 гг.). СПб., 1893; в декабре — «Эстетика и поэзия» («Современник», 1854–1861 гг.). СПб., 1893; в последний сборник вошла работа Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности».

Рецензент «Вестника Европы» (1893, № 2) отметил своевременность появления эстетических трудов Чернышевского, так как современная литература обнаруживает полное забвение «преданий и уроков» прошлого, как со стороны нынешних поклонников чистого искусства — декадентов, так и со стороны «проповедников устоев». М.А. Протопопов назвал «Очерки гоголевского периода...» «истинной критической историей одного из важнейших фазисов нашей литературы» (Р. Мысль, № 8, отд. II, с. 134), а также откликнулся статьями: «Умная книга» (о втором сборнике) и «Этика и эстетика», в которой писал: Чернышевский «отлично исполнил отрицательную сторону задачи, с большой проницательностью определил “эстетические отношения искусства к действительности”». Но положительная и важнейшая сторона — определение этических отношений искусства к действительности — оставлена им совершенно в тени» (Р. Мысль, 1893, №№ 1 и 4). Об «Очерках гоголевского периода русской литературы» рецензент «Недели» (24 мая) писал, что они «поражают своею необыкновенною дельностью, добросовестностью, ярким и глубоким захватом предмета». «Исследование об “Эстетических отношениях...” не раз подвергалось суровой и незаслуженной критике», как родоначальник «антиэстетического» движения; и хотя «эта работа как теоретический трактат не выдерживает критики» и как «руководство для критика или художника» не годится, — она навсегда сохранит свое историческое значение (В.Г., Кн. Нед., № 3). П.П. Перцов в неподписанной рецензии утверждал, что «Критические статьи» «ничего не потеряли от времени». «А где же враждебная им фаланга? ... Кто теперь читает противников Белинского? Кого интересуют противники Добролюбова до Аполлона Григорьева включительно?» (Р. Бог., № 12, Нов. Кн.). А. Волынский писал, что теорети-

ческие рассуждения эстетического трактата Чернышевского «не только устарели, но... никогда не были ни юными, ни жизнеспособными. Это ряд полудетских ошибок мысли», которые оказали «сильное воздействие на неразвитое сознание русского общества» (С. Вест., № 7, с. 159). По поводу сб. «Критические статьи» А.Волынский заметил, что Чернышевский «совершенно не владел теми эстетическими взглядами, без которых невозможна настоящая литературная оценка» и «чуть не погубил эстетический вкус читающей публики». «Утилитарная критика бессильна именно потому, что она элементом второстепенным, историческим, житейским, подчиняет то, что... важнее всего — метафизическое начало нравственной свободы, теоретическое представление о природе, общефилософское мирозерцание человека» (С. Вест., 1893, № 1).

В 1892 г. в Женеве вышел № 4 «Социал-демократа», литературно-политического сборника, выпускаемого плехановской группой «Освобождение труда», со статьей В.И.Засулич о романе Степняка «Карьера нигилиста»*, рисующем жизнь русских революционеров в период 1878–1879 гг. «Автор стоит на точке зрения своих героев-террористов... Тем сильнее действует оставляемое романом общее впечатление полной, роковой безнадежности борьбы, в которую вступает выведенная в нем горсть революционеров, одиноко стоящих между не знающим их народом, дрожащим от страха обществом и освидрепевшим правительством... Русским людям необходимо выйти из круга идей, дозволивших им забыть совершенно азбучную для каждого европейца истину, что без рабочей массы немислима никакая революция».

Итоги литературного года

В газетах охранительного направления литературные итоги 1892 г. получают самую мрачную окраску. Обозреватель «Гражданина» (1893, 6 янв.) М.Южный [М.Г.Зельманов] характеризует современную литературу как «одно серое пятно», «какой-то густой туман», сквозь который ничего толком нельзя

* Роман «Карьера нигилиста» вышел в Лондоне на английском языке в 1889 г. В 1890 г. несколько глав из этого романа в переводе В.Засулич были помещены в № 2 «Социал-демократа». Целиком роман вышел на русском языке в Женеве лишь в 1898 г. под названием «Андрей Кожухов».

разобрать: П.Д.Боборыкин («Василий Теркин») нарисовал «кулака двужильного» в качестве «спасителя отечества», А.П.Чехов («Жена», «Палата № 6») дал «произведения, которые гораздо ниже его дарования», и походил на «человека с завязанными глазами». Обозреватель жалуется на «нашествие» демократии, на падение искусства, которое приспособливается «к требованиям и вкусам толпы, массы, улицы» (то же в годовом обзоре Сына От., 1893, 1 янв.). Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] (Моск. Вед., 1893, 7 и 14 янв.) называет единственными «заслуживающими внимания беллетристами» Чехова и Короленко, однако для первого считает характерным «растерянность мысли» и «нежелание вникать в общий смысл жизни», для второго — опять-таки «растерянность мысли при сильном стремлении проникнуть в общий смысл жизни». Минский и Мережковский причислены к представителям «грязной» поэзии.

Демократическая оценка литературного года, как правило, спорит с подобным пессимистическим взглядом. В этом отношении характерна статья А.М.Скабичевского «Спор Нового года со Старым». Отвечая на упрек Нового года в серости и неприметности («не попасть тебе ни в какую хронологию!»), Старый год перечисляет свои литературные заслуги: роман П.Боборыкина «Василий Теркин» и повесть А.Чехова «Палата № 6», которые свидетельствуют о несомненном прогрессе литературы; кроме того, в течение года плодотворно работали Короленко, Мамин-Сибиряк, Потапенко, на литературное поприще вступил «новый талант» — Н.Гарин. Особой своей заслугой Старый год считает горячий и единодушный отклик литературы на голод и холеру, что составляет «залог ее процветания» вопреки прогнозам «декадентиков и символистов», которые «вздумали свое собственное жалкое ничтожество распространить на весь состав современной русской литературы» (Нов., 1893, 7 янв.). В.Чуйко находит «неуместным» разговор о символистах, возникший на страницах русской печати в основном в связи с лекциями Д.С.Мережковского, так как «маленькие симптомы символизма» заметны лишь на «задворках русской журналистики», но о них «не принято говорить в приличном обществе». К выдающимся событиям в целом неблагоприятного для литературы года В.Чуйко относит повести А.Чехова «Жена» и «Палата № 6», в которых видит «желание разобраться в проблемах русской жизни», роман П.Боборыкина «Василий Теркин», рассказ В.Короленко «Ат-Даван» и др. («Русская литература в 1892 году», Од. Л., 1893, 1 янв.).

1893 год

Январь

Л.Н.Толстой — «Суратская кофейня», Н.С.Лесков — «Пустоплясы» (С. Вест., № 1).

10 января Н.С.Лесков по поводу «Пустоплясов» сообщает Л.Н.Толстому: «...Рассказ пришел в голову сразу... после спора о Вас... “Что бы сказали мужики, да что бы сказал он мужикам?” Я и сделал наскоро такой диалог в мужичьей среде на темы, которые лезут в разговорах о Вас. — Третьего дня была у меня Люб[овь] Як[овлевна]* и говорила, что ей цензор сказал, что “он все узнал”, а узнал он то, что его “подвели”, потому что пустоплясы — это дворяне, а на печи лежал и говорил Толстой» (т. 11, с. 522).

М.К[уплет]ский заявил, что «Северный вестник» превращается в «орган толстовщины», сотрудники его — в «безусловных последователей и поклонников яснополянского прорицателя», сам же Толстой в рассказе «Суратская кофейня» проповедует «крамольную» идею «ненужности внешней стороны религии» (Сын От., 14 янв.).

Д.С.Мережковский — пьеса «Гроза прошла» (Тр., № 1); перевод «Ипполита» Еврипида (Вест. Евр., № 1).

24 февраля 1892 г. Мережковский сообщал А.П.Чехову о злоключениях своей пьесы, которую сначала запретил цензор, затем отверг «Северный вестник», причем А.Волынский «написал, что эта драма ниже всякой критики и что мне надо ее стыдиться. Я не поверил и отдал Ясинскому для передачи в “Наблюдатель” — Ясинский говорит мне, что эта драма — моя лучшая вещь... что я по призванию драматург...» (сб. «Чехов и серебряный век». М., 1996, с. 265).

Чехов отозвался о пьесе в письме к А.С.Суворину от 5 февраля: «Мережковский перешеголял даже Жана Щеглова [“Около исти-

* Л.Я.Гуревич — издательница «Северного вестника».

ны"]]. Литературное ханжество самое скверное ханжество» (т. 5, с. 163).

В. Чуйко отметил, что в своей драме Мережковский развивает ту же мысль, что в недавних лекциях: «все ложь в русской литературе», но «вечная правда» рано или поздно победит (Од. Л., 21 янв.).

На перевод Еврипида откликнулся Пл. К[раснов] («Три Федры», Кн. Нед., № 2).

А. И. Эртель — очерк «Макарьевское попечительство (Из истории недавнего голода)» (Р. Мысль, № 1).

С. Юшкевич — «Без воли (психологический очерк)» (Од. Л., 12 янв.). О страдающем манией убийства, направленной на горячо любимую мать.

П. П. Перцов — «Изъяны творчества (Повести и рассказы А. Чехова)» (Р. Бог., № 1). Наряду с признанием выдающегося таланта Чехова повторены упреки в «отсутствии общей идеи», фотографичности, неспособности к «синтезу» и «анализу», неумении осветить «общественную сторону» действительности (в отличие от Потапенко, Мамина-Сибиряка и Боборыкина).

Д. С. Мережковский — «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1893, тираж — 1100. Автор провозгласил возрождение «художественного идеализма» в искусстве, пришедшего на смену «мертвенному позитивизму». Назвав «тремя главными элементами нового искусства» «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности», в мистико-символическом духе истолковывает творчество Тургенева и Гончарова, Некрасова и Кольцова, Толстого и Чехова, Гаршина и Короленко, Фофанова и Минского. Одна из главных причин упадка — состояние русской критики, которая, за исключением лучших статей Белинского, Ап. Григорьева, Страхова «всегда являлась силой противонаучной и противохудожественной»; на современном этапе царят: «педагогическая мораль» Протопопова, «убийственная банальность» Скабичевского, «литературная безнравственность» Буренина. Некрасова, Гл. Успенского, Михайловского и Короленко Мережковский причислил к «новому идеализму», оговорив однако, что Михайловский-критик — позитивист, чуждый «мистическому чувству».

Книга, воспринятая как манифест нового художественного течения, вызвала большое количество отзывов, как правило, отрицательных. Лишь Ю. Николаев [Говоруха-Отрок] назвал автора книги «прозревающим» — за отход от радикальных традиций 60–70-х годов и за обращение к «бесконечному и бессмертному» (Моск. Вед., 29 апр.). А. Вольтинский, несмотря на сочувствие идеалистическим позициям автора, отметил в книге «идеализм, низведенный на степень пошловатого восторга перед русским народом, символизм, отождествленный с учением о художественных типах, мистицизм, истолкованный в смысле невежественного суеверия», а также отсутствие у автора «критического таланта, продуманной теоретической мысли»; оспорил мысль Мережковского об «упадке» литературы в России (С. Вест., № 3). М. О. Меньшиков возражал против «крестового похода» на критику, которая объявлена виновницей всех литературно-общественных бед («Пределы критики», Кн. Нед., № 9). В. Буренин назвал книгу Мережковского «претенциозной болтовней литературного подростка» и призвал «злой смех» против «Бердичевских, Шкловских, Минских, Вольтинских» «двухвершковых гениев» (Н. Вр., 19 марта). Современная литература переживает не упадок, а «смутный период»: «гибель тенденциозной литературы, уже не подлежащая теперь никакому сомнению, — есть начало широкого творчества», но «только ограниченный ум и ограниченный талант могут сознательно вступить на декадентскую или символистскую дорожку» (Набл., № 3, с. 261–263). Представители либерально-народнического лагеря отрицали «бездну», перед которой находится реалистическая, народолюбивая литература, и высмеивали ее новоявленных «спасителей» — декадентов и символистов (И. Иванов, «Заметки читателя», Р. Вед., 1 марта; Р. Мысль, № 2). А. Скабичевский называет Мережковского «изменником родной русской литературы», толкающим ее на путь, который ведет «к смерти целого поколения»; главное зло, по Мережковскому, заключено в критиках (Скабичевский, Протопопов, Буренин), а современные беллетристы и поэты «вызывают в г. Мережковском один восторг» (Нов., 11 и 18 марта). Два «серьезных критика» (Михайловский и Вольтинский) «заинтересовались плохой книжкой Мережковского», с которой «пресловутый французский символизм вторгается в русскую литературу» (В. Чуйко, Од. Л., 8 марта). Н. К. Михайловским символизм Мережковского расценивается как философская реакция на позитивизм и литературная — на натурализм, реакция, опирающаяся на мистическое мировоззрение, рожденное «боязнию жизни». При «благородстве настроений» и «добрых намерениях» «Мережковский не пророк и не герой нового течения», так

как из-за «неясности, незрелости мысли» сам не имеет «того всеохватывающего начала, за отсутствие которого громит русскую литературу» («Русское отражение французского символизма», Р. Бог., № 2).

«С великим наслаждением прочитал я Вашу статью о Мережковском, — писал В.Г.Короленко Михайловскому 3 марта, — и особенно рад был встретить строки об истинном религиозном чувстве и об истинном идеализме. Вы ведь знаете: я тоже немножечко... того! Впрочем — не то же, потому что и якобы философские идеализмы Воынского с реабилитацией гоголевской переписки, и “собачьи”* мистицизмы Мережковского — меня глубоко возмущают... Нужно глядеть вперед, а не назад, нужно искать разрешение сомнений, истекающих из положительных знаний, а не подавления их в себе...» (В.Г.Короленко. Письма, 1881–1921. Пг., 1922, с. 30). 11 марта Короленко записал в дневнике: «Мережковский интересует меня как искренний человек, в душе которого проснулась потребность в широких формулах мировой жизни, стремление к тому, что называют верой. На днях я купил его книжку о причинах упадка нашей литературы. Много красивых фраз, порой красивых мыслей, полет и поэтическое парение, но мало стройности, ясности и тьма противоречий... Как истый символист, Мережковский ищет правды в эмоции, в... лирическом порыве... Он жалуется на сухую логичность нашей критики, ему нужна критика с лиризмом, с образами, с художественностью, но он забывает, что все это хорошо при строгой логической системе, а без нее... выйдет не критика, а черт знает что. Такое черт знает что выходит у Воынского, стремящегося во что бы то ни стало к “колоратурному стилю”. Немножко черт знает что — и у самого Мережковского. Мечется и парит за идеалами выше облака ходячего, а находит идеализм — в мистицизме, низменном и жалком» (Дневник. Т. I. Полтава, 1925, с. 230).

В связи с изданием в 1892 г. сочинений Чернышевского А. Воынский выступил с критикой «утилитаризма» 60-х годов, испортившего эстетический вкус целого поколения русских читателей (С. Вест., № 1), в частности назвал «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя «оклеветанной», но «великой» книгой (с подобной же реабилитацией гоголевской переписки выступил В. Буренин, Н. Вр., 12 авг.).

* Мережковский в своей книге отмечает мистицизм рассказа Тургенева «Собака», ставя его выше «Рудина» и «Отцов и детей».

Точка зрения Волынского была поддержана газетой «Гражданин» (статьи М.Южного [М.Г.Зельманова] «Давнишняя ложь» и «Ни этика, ни эстетика», 29 апр. и 21 мая). Это дало повод «Вестнику Европы» в заметке «Поход на прежнюю русскую критику» (№ 5) указать, что позиция Волынского ничем не отличается от позиции публицистов Страстного бульвара*. Волынский пытался отвести от себя упрек в реакционности, доказывая, что между «poleмикой против утилитарной критики и ретроградными жизненными теориями нет ничего общего» (С. Вест., № 6, с. 115). Против А.Волынского выступил и М.О.Меньшиков: своей «неслыханной расправой» со знаменитыми русскими критиками Волынский повергнул либеральную печать в «скорбное недоумение», а ретроградную — «в восторг и песнопение» («Критический декаданс», Кн. Нед., № 7).

Журнал «Вопросы философии и психологии» продолжает печатать статьи о быстро входящем в моду Ф.Ницше: в № 1 — «Нравственные идеалы нашего времени (Фридрих Ницше и Лев Толстой)» Н.Я.Грота и «Генезис нравственного идеала декадента» П.Е.Астафьева, в № 2, март — «Большая искренность» Л.М.Лопатина. В этих статьях мировоззрение Ницше трактуется как отказ от «религиозных основ» нравственной философии. Н.Я.Грот видит общее между Ницше и Толстым: протест «против всего внутреннего духа и строя жизни современного культурного человечества», против церкви и государства, стремление освободить личность от всяческих «оков и цепей». Различия в том, что Ницше находит зло в религиозно-нравственном мирозерцании христианства, а Толстой — «в отступлении от нравственного закона» христианства, любви. Оба односторонни: Ницше — в своем материализме, Толстой — «в чрезмерном и узком идеализме», ведущем к отрицанию искусства, науки, церкви и государственности.

С.Я.Елпатъевский — «Очерки Сибири», М., 1893, тираж — 1200.

В «местных картинах... получается изображение общих условий и положения нашей народной и общественной культуры» (Вест. Евр., № 3, с. 417). Продолжает традицию писателей-гуманистов (вслед за Достоевским и Короленко), стремящихся показать «про-

* Местонахождение газеты «Московские ведомости».

блески добра и света в истерзанной и обезображенной человеческой личности» (Ив.Иванов, Р. Вед., 19 апр.).

Февраль

9 февраля в Петербурге, в залах Академии художеств, открылась выставка скульптуры «великого художника-мыслителя» М.М.Антокольского (А.Х., Пб. Газ., 9 февр.). Буква (И.Ф.Василевский) отметил, что скульптура Антокольского, как и живопись Репина, служит «большим идеям и художественной правде» (Р. Вед., 14 февр.). «Новое время» разразилось потоком брани: Житель [А.А.Дьяков] назвал Антокольского «маленьким виртуозом из Шклова и Бердичева» (10 февр.); главным отрицательным аргументом В.Буренина было замечание, что Антокольский «из жидов» (26 февр.); А.Суворин подчеркивал «нелепость» и «неудачу» скульптур «Нестор», «Сократ» (18 февр.). Вл.Михневич отметил юдофобствующий характер критики «Нового времени», возмущенного, что «виленский еврей» посягает на создание «чисто русских» образов Нестора, Ермака, Ивана Грозного, Петра Великого, и назвал «красноречивейшими защитниками» скульптора — «сами его произведения — эти мраморные и бронзовые глаголы» (Нов., 21 февр.). «Не только живая сила, но и веяние будущего» чувствуется в «здоровом реализме» Антокольского, соединенном «с мистическим идеализмом внутреннего содержания»; «слышен громкий голос молодой свежей культуры, начинающей открывать новые тайны мира» (Нед., № 7, 14 февр.). Но главный бой со «зловонным гнездом» принял В.В.Стасов, в течение месяца, с 16 февраля по 17 марта, напечатавший в «Новостях» пять статей, изобличивших «невежество, злость, ложь, притворство и ненависть» «трех нововременцев». И.Е.Репин писал А.С.Суворину: «Как Вы могли допустить в Вашей газете такой бред сумасшедшего, как статья “Жителя” против Антокольского?! Антокольский — уже давно установившаяся репутация, европейское, всесветное имя...» А «Житель» — это «взбесившаяся шавка», «визжит от бессилия укусь несокрушимое, вечное...» (И.Е.Р е п и н. Письма. М., 1950, с. 97–98).

Против «Нового времени» выступила и «Русская мысль» (№ 2), где М.А.Протопопов подверг резкой критике А.А.Суворина-сына, который, пытаясь защитить «Новое время» от обвинения в продажности (в связи со скандальным Панамским процессом), позволил себе говорить от имени всей русской печати.

24 февраля А.П.Чехов отвечает А.С.Суворину, который жаловался на «грубые» приемы полемики либерального лагеря: «У меня

физическое отвращение к брани... говорю — физическое, потому что после чтения Протопопова*, Жителя, Буренина и прочих судей человечества у меня всегда остается во рту вкус ржавчины, и день мой бывает испорчен. Мне просто больно. Стасов обозвал Жителя клопом; но за что, за что Житель обругал Антокольского? Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, ненасытная злоба... Зачем этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах?» (т. 5, с. 173). Далее произошел инцидент, о котором А.П.Чехов пишет М.П.Чеховой 11 марта: «Алексей Алексеевич Суворин дал пощечину Лаврову**. И приезжал за этим. Значит, с Сувориным у меня все уже кончено, хотя он и пишет мне хныкающие письма. Сукин сын, который бранится ежедневно и знаменит этим, ударил человека за то, что его побранили. Хороша справедливость. Гадко» (т. 5, с. 185). Окончательный разрыв лично с А.С.Сувориным на этот раз не произошел, однако с этого момента Чехов в «Новом времени» больше не печатался.

С.Я.Надсон — «Из посмертных стихотворений» (Кн. Нед., №№ 1–2).

В.В.Чуйко — «Общественные идеалы Фридриха Ницше» (Набл., № 2). Ницше открыл перед современным обществом «низменный», но «гармонирующий с новыми инстинктами и потребностями» идеал — «культ силы, оправдание низших инстинктов, всякого насилия, всякого эгоизма».

Март

А.П.Чехов — «Рассказ неизвестного человека» (Р. Мысль, №№ 2–3).

Ю.Николаев [Говоруха-Отрок], объявив нигилизм болезнью интеллигенции, принесенной с Запада и чуждой «вековым идеалам» русского народа, упрекал Чехова в «психологическом пустословии», тогда как следовало столкнуть героев-нигилистов (принципиального и житейского) «с народной стихией» и заставить их признать правоту ее христианского смирения («Нигилисты», Моск. Вед., 4 и 25 марта). В том же плане высказался М.Южный [М.Г.Зельманов] (Гражд., 2 и 8 апр.). К-ский [К.П.Медведский]

* Вышеупомянутой статьи Протопопова Чехов тогда еще не прочел.

** В.М.Лавров, редактор-издатель «Русской мысли».

говорил о «скверной замашке... приурочивать явления жизни к лакейскому мировоззрению» («Лакейская беллетристика», Набл., № 4). А.Волынский увидел в рассказе «неспособность к широкому и вдумчивому анализу русской жизни»: «Ничто не объяснено, не мотивировано, вся драма построена фальшиво, произвольно, туманно», герой — «бледен, неясен, вульгарен» (С. Вест., № 5). Ив. Иванов обвинял героя рассказа в беспочвенности его разочарования, противопоставив «изумительным похождениям» этого бывшего народника-революционера «настоящую борьбу», о которой свидетельствует нынешняя деятельность журнала «Русское богатство» и, в частности, очерки Короленко «В голодный год» (Р. Вед., 25 марта). Рецензент «Книжек Недели» (№ 5) в заметке «Объективизм как метод жизни» упрекает Чехова в том, что он «развенчивает все идеи, все стремления и не хочет указать ни одной светлой полоски в этом ужасном, беспросветном мраке бессельного человеческого бытия» (с. 258). Едва ли не единственный в печати голос в защиту чеховского рассказа принадлежал А.М.Скабичевскому («Есть ли у г. Чехова идеалы?», Нов., 1, 8 и 15 апр.), утверждавшему, что в «Палате № 6» и в «Рассказе неизвестного человека», как и в произведениях Гоголя и Щедрина, скрыт идеал «светлой, разумной и желательной жизни», противопоставленной изображаемой «мрачной картине».

Высоко был оценен рассказ в письмах Н.С.Лескова (сб. «Памяти В.А.Гольцева». М., 1910, с. 252) и позднейшем отзыве Л.Н.Толстого (ЛЖТ Толстого, с. 582).

2 марта В.Г.Короленко отвечал на вопрос С.С.Вермеля, издавать ли для народа рассказ из еврейской жизни Н.Наумова (Н.Л.Когана) «В глухом местечке»: «Все хорошее — для народа годится. Пора давно — бросить этот предрассудок и не кормить народ умственной мякиной сюсюкающей и шепелявящей морали, детскими побасенками о добрых и злых мужичках, о погибельности города и о преимуществах деревни... Я бы поставил просто “Жида”. Пусть знают, о чем идет речь, а прочитают — узнают еще лучше» (т. 10, с. 173–174).

4 марта А.И.Эртель пишет М.В.Эртель: «В сущности наличные силы нашей художественной литературы — не считая стариков — выражаются только тремя именами: Чехов, Короленко и моим. Ты знаешь, что самообольщение мне мало свойственно, и я, например, отлично знаю, что по силе непосредственного таланта я уступаю не только Чехову, но и Короленко. Однако эта сила таланта, оказывается, может быть увеличена

силою общественного и философского сознания, и в этом-то я никак не уступаю Короленко и, весьма вероятно, что имею преимущество над Чеховым...» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 91).

4 марта А.П.Чехов пишет А.С.Суворину: «Вчера на обеде [у редактора-издателя «Русской мысли» В.М.Лаврова] я познакомился с литератором Эртелем, учредителем воронежских столовых. Впечатление очень хорошее. Умный и добрый человек. Он просил сходить вместе к Толстому, который стал ко мне благоволить особенно, но я отклонил сие предложение, ибо мне некогда, а главное — хочется сходить к Толстому solo» (т. 5, с. 180).

П.В.Засодимский — роман «Грех», с посвящением С.Н.Кривенко (Р. Бог., №№ 1–3; в апреле вышло отд. изд. СПб., 1893, тираж — 1200); о перерождении деревенского кулака под влиянием угрызений совести и бесед с «книжным человеком».

По отзыву рецензента «Русской мысли» (№ 11, с. 516), роман согрет «добрыми чувствами гуманности и глубокой любви к своему народу». Роман «Грех», хотя и появился до статьи Толстого «Неделание», служит «наглядной иллюстрацией» к ней, но без ее «парадоксальности и утрировки», и даже способен примирить читателя с толстовской идеей, так как показывает, что сам по себе труд — не добродетель (А.Скабичевский, Нов., 14 и 21 окт.).

Н.Лесков — «Сибирские картинки XVIII века» (Вест. Евр., №№ 3–4).

П.Д.Боборыкин — повесть «Наши люди» (Р. Мысль, №№ 1–4).

26 апреля Н.С.Лесков писал редактору журнала В.А.Гольцеву: «У Боборыкина изучение всего холопства превосходно, но... повествования нет» (сб. «Памяти В.А.Гольцева». М., 1910, с. 252).

Ив.Иванов — «Метерлинк и его драмы» (Арт., № 3). Утверждается закономерность возникновения декадентства на Западе и «несомненный поэтический талант» в творчестве «Шекспира декадентов» — Метерлинка, к восприятию которого русский читатель подготовлен «мистическим реализмом» Достоевского.

В том же номере журнала помещена пьеса Метерлинка «L'Intruse» под названием «Втируша», а в «Северном вестнике» (№ 4) — драма «Семь принцесс».

Несколько позднее «Русские ведомости» (13 мая) опубликовали корреспонденцию «У символистов» о первой постановке в Париже драмы Метерлинка «Пелеас и Мелисанда», оговорившись, что символисты «играют теперь такую видную роль во французской литературе и искусстве», что «поневоле приходится останавливаться и на их произведениях».

18 марта В.Г.Короленко записал: «Гражданин» — орган вполне невменяемый, но теперь трудно даже отыскать вполне вмменяемый консервативный орган» (Дневник. Т. 1. Полтава, 1925, с. 239).

Апрель

Апрельский номер «Русского богатства» открывается дебютом И.А.Бунина в прозе «Деревенский эскиз» (впоследствии в переработанном виде рассказ «Танька»), написанным по впечатлениям «голодного года».

Прочитав рукопись, редактор журнала Н.К.Михайловский написал автору, что из него выйдет «большой писатель» (И.А.Бунин, т. 9, с. 265).

Рецензент «Русской мысли» (№ 6) отметил появление «новичка в литературе», выступившего с «очень симпатичной вещицей, проникнутой искренним чувством и гуманной мыслью».

С апрельской книжки «Русского богатства» Н.К.Михайловский возобновил печатание своих статей под заголовком «Литература и жизнь», в 1891–1892 гг. появлявшихся на страницах «Русской мысли». В этой статье он вновь отказывается от «клички народника»*, в которую «разные люди вкладывают разный смысл», и анализирует понятие «толпа» и «народ», отмечая, что «энергию народа» можно направить и на «холерные бунты», и на «благородный подвиг».

Несколько ранее В.Г.Короленко в письме от 15 марта сообщал своей корреспондентке: «Не так давно Мережковский, поэт и критик, в своих лекциях, появившихся теперь отдельной книгой, — причислил к “народническому” лагерю — между прочим — Ус-

* См. также статью Михайловского в № 2 «Русского богатства», отд. II, с. 62.

пенского, Михайловского и меня. Отвечая на это в февральской книжке “Русского богатства”, Н.К.Михайловский отклоняет от нас это название. Это значит, что мы не считаем “народ” носителем всей правды, не подчиняем своего мнения и своей совести “гласу народа”, который далеко не всегда глас божий, и думаем служить ему, как велит наша совесть, а не как велит преобладающее мнение этого же народа. В этом — весь смысл того, что мы пережили и передумали за последние годы» (В.Г.К о р о л е н к о. Избранные письма в 3-х томах, т. II. М., 1932, с. 70).

Н.К.Михайловский — «Еще о декадентах, символистах и магах» (Р. Мысль, № 4). «Видное место во всем этом движении» европейской литературы занимает недовольство натурализмом Золя и «научным детерминизмом», но законная реакция против этих ограниченностей «толкнула кучку недисциплинированных умов в противоположную, еще более нелепую и не художественную крайность»: они стали «подкапываться» под детерминизм со стороны мистицизма, проповедуя «бесмысленную прикровенность и символическую темноту». Проповедуя синтез различных искусств (поэзии, музыки, цветовых ощущений), символисты стремятся воздействовать на все органы чувств человека, но «весь человек» для них «отнюдь не значит существо мыслящее, чувствующее и действующее, а существо слышащее, видящее, обоняющее, осязающее и вкушающее»; «при всей своей узости» задача символистов «может иметь свое значение» для «расширения художественной впечатлительности». Однако современная «духовная пустыня» собирает вокруг нового течения «ерундистов разных толков».

И.И.Ясинский — «Лицемеры» (Набл., №№ 1–4). Pamфлет на литературную среду.

В.Буренин нашел, что писатель «пересолил», изобразив «совсем черную» картину (Н. Вр., 23 апр.). Писатель правдиво изобразил «упадок литературных нравов» (Набл., № 6, с. 318). Если писатели, выведенные «под более или менее прозрачными псевдонимами», действительно лгуны и интриганы, то почему Ясинский «не выступил с открытым разоблачением» (Пл.Краснов, «Фотография в литературе», Тр., 1894, № 4).

Н.Н.Златовратский — рассказ «Мечтатели» (Р. Бог., № 4). О правдоискателях-мастеровых и ренегате-интеллигенте, бывшем мечтания юности и ставшем директором завода.

«Нет ничего рискованнее и фальшивее, чем... идиллический тон писателя, изображающего жизнь и характер русского народа»: герой повести, крестьянин Дема представлен в виде «красной влюбленной девушки, “задумчиво” блуждающей по полю и делающей “букетик”». Но это не лишает произведение черт привлекательности и человечности (изображение рабочих) (Ив.Иванов, Р. Вед., 14 июня).

Ф.Нефедов — повесть «Детство Протасова (Из жизни и нравов фабричного мира)» (С. Вест., №№ 1–4).

«Северный вестник» начинает систематически публиковать поэтов-символистов: цикл сонетов Н.Минского: «Cum grano venepi»*, «Смерть», «Усталость», «Сон», «Бездействие», «Молчание» и пр. (№№ 2 и 4); стихотворение Ф.Сологуба «Творчество» (№ 4):

*Темницы жизни покидал,
Душа возносится твою
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.*

Ив.Иванов пишет, что поэзия, подобная сонетам Н.Минского, вызвана «большим воображением, скованным вздорной теорией» современного декаданта (Р. Вед., 17 мая). М.О.Меньшиков замечает, что «молодые поэты... заразились дурной манерой изображать из себя философов и пророков. Гг. Фофановы, Минские, Мережковские... из всех сил бьются, чтобы открыть какие-то тайны природы и загадки мудрости... ежеминутно перемножают вечность на бесконечность, громоздят религию на философию, буддизм на психологию» («Две правды», Кн. Нед., № 5, с. 222).

Д.С.Мережковский — «Мистическое движение нашего века» (Тр., № 4); призывает к «основанию нового религиозного культа», к «научному и художественному мистицизму».

Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] — критический этюд «В.Г.Короленко» (Р. Обзор., №№ 1, 2, 4; отд. изд. под загл.: «Очерки современной беллетристики. В.Г.Короленко». М., 1893). Критик, объявив себя «искренним почитателем прекрасного дарования» Короленко, подчеркивает его «бессознательное христианство», «настроение любви и смирения» и при-

* С примесью яда (лат.).

зывает отречься от «предрассудков современности» и признать «правду Христову».

В связи с этим В.Г.Короленко писал 24 мая: «После первой же статьи редакция прислала мне книгу и затем... пригласила меня в число своих сотрудников. Разумеется, я поблагодарил за внимание, но весьма категорично отклонил этот призыв к сослужению соборне с гг. Тихомировым и Ю.Николаевым. Свои взгляды на этот предмет я выразил в рассказе “Тени”, который Ю.Николаев почему-то тщательно обходит в своих критических статьях, — вероятно, потому, что он совершенно не укладывается на Прокрустово ложе, в которое он меня усиленно старается втиснуть» (В.Г.К о р о л е н к о. Письма к П.С.Ивановской. М., 1930, с. 37).

С протестом против «утилитарной» критики во имя утверждения «эстетической» выступили П.Д.Боборыкин («Красота, жизнь и творчество», Вопр. Фил. и Псих., №№ 1 и 2) и С.М.Волконский («Искусство и нравственность», Вест. Евр., № 4). Боборыкин писал: «у нас эстетическая критика считается чем-то нераздельным с... ретроградством»; «воинствующая» русская критика сорок лет преследует не «интересы искусства», а «интересы морали и публицистики», и лишь в последнее время намечается «слабый поворот». Волконский предлагал «искать нравственную ценность эстетических волнений».

М.А.Протопопов увидев в позиции С.М.Волконского «неожиданную поддержку» моральной, утилитарной критике, а П.Д.Боборыкину возразил: «беспечальному созерцанию» предаются лишь немногие (умерший Фет, Фофанов), а все прочие, от «Нового времени» до «Северного вестника», «по силе-разумению, воюют, полемизируют, морализируют, обличают, укоряют» (Р. Мысль, № 5). Н.К.Михайловский нашел в работе С.М.Волконского «зерно истины», а по поводу «легкомыслия и празднословия» Боборыкина на тему о «чистом искусстве» и «строго научном методе» критики заметил, что сам беллетрист пишет только «тенденциозные романы и повести», а когда берется за критику — то выходит именно «публицистическая», «отличающаяся от гонимой им критики не приемами, а содержанием идей» (Р. Бог., № 8; в прилож. дана пародия на Боборыкина «Матье Латош» из романа Михайловского «Карьера Оладушкина»). А.Скабичевский увидел в С.Волконском «яркий образец человека, старающегося уместиться между двумя стульями» (Нов., 10, 17, 24 июня). Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок] упрекает позицию С.Волконского в перевесе «плоти над духом» вместо поисков «религиозного аскетического

идеала» (Моск. Вед., 15 апр.). В.Гольцев считает взгляд Боборыкина на эстетические идеи Чернышевского «односторонним и узким» и оспаривает тезис о бессознательности творчества (Вопр. Фил. и Псих., № 3, май).

В.Гольцев — «Разночинец и дворянская культура» (Р. Вед., 14 апр.). На материале романов «Смена» Эртеля, «Василий Теркин» Боборыкина и др. делает вывод о «могущественном общественном течении» просвещенного труда, которое образуется в настоящее время.

А.Эртель — «Письма о трюизмах» (Р. Вед., 26 апр.). События голодного года показали, что «не существует тех твердынь, в которые можно замкнуться от мужика».

8 апреля М.А.Плотников в письме к Н.К.Михайловскому излагает план своей статьи «об основных идеях» В.Г.Короленко, «писателя стоящего на уровне высших интересов и знания эпохи»: «В очерке “Ночью” раскрывается... умственная анархия в развитой части общества (тоже “три веры в одном доме”), отсутствие органического мировоззрения... В “Слепом музыканте” я оттеняю защиту... метафизических посягательств. В фантазии “Тени” защиту роли сомнения, как необходимого агента в создании нового религиозно-философского идеала. В рассказе “С двух сторон” взаимная противоположность и примирение двух мировоззрений — идеалистического и материалистического. Основное стремление Вл.Короленко отыскать синтез философии и религии, веры и знания, чувства и мысли» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. 535; в Р. Бог. — не появлялась, там не печатали статей о ближайших сотрудниках).

17 апреля на заседании общества русских драматических писателей и оперных композиторов Грибоедовская премия за 1892 год присуждена «Плодам просвещения» Л.Толстого (Р. Вед., 18 апр.).

29 апреля на похоронах историка и общественного деятеля Нижегородского края А.С.Гацисского выступил В.Г.Короленко, призвавший соединять «слово и живое дело любви и самоотречения», уважать «возвышающую мысль и ее могучее орудие — печатное слово» (Р. Мысль, № 5, с. 211). Присутствовавший на похоронах М.Горький написал об этом взволновав-

шем его события рассказ «Исключительный факт» («Волгарь», 24 и 26 ноября).

В Москве, в залах Училища живописи, ваяния и зодчества, открылась 21-я выставка Общества передвижников, на которой преобладали портрет и пейзаж; жанр представлял «вереницу унылых, больных, этапных, озлобленных, обиженных, ругающихся типов», «мало интересных по их внутреннему содержанию и по внешнему виду» (Р. Вед., 17 и 19 апр.).

М.В.Нестеров писал А.А.Турыгину 11 апреля: «...Я называю художником того лишь, кто имеет “индивидуальность”», «дело гения или таланта навязать, заставить людей верить в его личную правду, а не условную (какую-то “передвижную” или “академическую”)». Что касается “декадентства”, то с ним я знаком поверхностно, по образчикам французской литературы... оно как реакция известному направлению и, конечно, при талантливом выражении — может быть занимательно, я далек от него, хотя и не раз мне друзья и недруги навязывали его» (Письма. Л., 1988, с. 108).

Май

В середине мая Л.Н.Толстой окончил философско-религиозный трактат «Царство Божие внутри вас», над которым работал три года. Ввиду невозможности появления трактата в России рукопись была передана за границу, где впервые была издана в октябре 1893 г. в Париже на французском языке. На это издание в России тотчас же был наложен цензурный запрет, о чем Н.Н.Страхов сообщил Л.Н.Толстому: «Ваша книга «Царство Божие» встречена тихо, но очень враждебно, как и следовало ожидать. Цензура объявила, что эта самая вредная книга из всех, которые ей когда-нибудь пришлось запрещать». Первое русское издание вышло в начале января 1894 г. в Штутгарте, после чего трактат стал появляться в России в огромном количестве гектографированных и машинописных экземпляров, что вызвало особый секретный циркуляр Главного управления по делам печати, пытавшегося приостановить распространение крамольного произведения. В.В.Стасов, ознакомившись с «Царством Божиим внутри вас», назвал автора — «разрушителем и нарушителем скверных твердынь и казематов». В России книга впервые была издана лишь в 1906 г. (Л.Толстой, т. 28, с. 366–369).

Г.А.Мачтет — роман «На заре» (Р. Мысль, №№ 4-5; начато в 1892, №№ 11-12).

В романе Мачтета тенденция выставлена напоказ, ради нее автор «переделывает всю действительность на иной лад» (А.Скабичевский, Нов., 8 июля).

В.А.Поссе — очерки «На холере» (Кн. Нед., №№ 1-3 и 5).

Д.Мамин-Сибиряк — «Охотничьи рассказы» (Р. Вед., 23 и 25 мая).

В.В.Вересаев — рассказ «Товарищи (уездная картинка)» (Кн. Нед., № 5). Об интеллигенции, превращающейся в «пошехонцев», любителей пива.

30 мая В.Г.Короленко послал Н.К.Михайловскому стихотворения Горького, сопроводив их отзывом: «...это самородок с несомненным литературным талантом, еще не совсем отыскавшим свою дорогу». Михайловский нашел стихотворения «неудачными»: «Первое проникнуто настоящим поэтическим чувством, но очень уж хромает формой, а остальные два, гораздо более выдержанные по форме, бессодержательны» (письмо к Н.Ф.Анненскому) — и просил прислать прозу молодого автора, которая, по словам Короленко, «свидетельствует о таланте» (ЛЖТ Горького, с. 96-97).

П.М. [П.О.Морозов?] — «В.Г.Короленко» (с портретом) (Сев., № 19, 9 мая). «Свежесть и оригинальность» таланта, почти неумеющего «сочинять», но и «не фотографа» по натуре: «все факты, все лица... прошли через его душу и получили... идеальное освещение».

Я.П.Полонский — «О законах творчества» (Р. Вест., № 5). Идеалы (гражданские, социальные, семейные) «иногда мешают, иногда нисколько не мешают поэту», но первенствующий закон творчества — «идеал правды и красоты».

М.О.Меньшиков — «Две правды» (Кн. Нед., №№ 4-5). Человечество переживает «страшный культурный перелом»; «отвращение к настоящему» у консерваторов выливается в «признание прошлого», у либералов — будущего; возникают «два враждующих лагеря». «Разрыв с действительностью» порождает «сумрачные раздумья Чехова, злую нервность Дедлова,

тихую, затаенную печаль» Короленко, Розанов погибает в «деб-
рях метафизики и теологии». Культуре необходим как «истин-
ный консерватизм» (принцип охранения), так и «истинный ли-
берализм» (принцип развития), но все великие поэты и проза-
ики, в отличие от философов, «держались тверди»; человечест-
во идет к «пробуждению христианства».

П.Н.Милюков — «Разложение славянофильства (Данилев-
ский, Леонтьев, Вл.Соловьев)» (Вопр. Фил и Псих., № 3,
май). Порывая со «старым славянофильством», Соловьев пред-
принимает «ультраславянофильскую попытку» слить «религию
и прогресс», «божественное и человеческое» в мистической идее
«богочеловечества».

Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок] нашел анализ П.Н.Милю-
кова несостоятельным (Моск. Вед., 27 мая).

В связи с выходом книги Николая -она [Н.Ф.Даниельсона]
«Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»
(СПб., 1893) Н.К.Михайловский в неподписанной рецензии
говорит о «необходимости бережного отношения к старым усто-
ям народной хозяйственной жизни»; к охотникам разрушать
эти устои добавились те, «кто замахивается во имя Маркса» (Р.
Бог., № 5, Нов. Кн.).

Д.Мамин-Сибиряк — «Летные. Рассказ о жизни сибирских
беглых». М.: изд. В.Я.Муринова, 1893, тираж — 6000; 2-е
изд. М., 1896, тираж — 12000.

В неподписанной рецензии Н.К.Михайловский отметил, что рас-
сказ рассчитан на «невзыскательную публику», которая еще не расста-
лась с «Милордом Георгом английским». Критика обходит этого писа-
теля, возможно, из-за его плодовитости и «этнографического элемен-
та», порою заслоняющего «общечеловеческие стороны». Мамин «от-
крыл нам Урал», от его произведений веет «чем-то сильным, но суро-
вым и жестким», ибо он, «не моргнув глазом», рисует «сцены ужасаю-
щих мерзостей и преступлений» (Р. Бог., № 10, Нов. Кн.).

Июнь

В июньской книжке «Русского богатства» помещены очерк
Г.И.Успенского «Подкидыш» (о спившемся обитателе Вяземской
лавры), статья А.А.Слепцова «Николай Ельпидифорович Петро-
павловский (Каронин)».

В связи со статьей о Каронине К.С-в отметил, что с переходом в другие руки «Русское богатство» «стало петь и другие песни»: Л.Е.Оболенский «искал ответов» «в надзвездных пространствах» — «новая редакция спустилась на землю» (Сар. Л., 21 июля).

М.О.Меньшиков — «Литературная хворь» (Кн. Нед., № 6). Выступает, с одной стороны, против декадентства, которое отказывается признать явлением искусства и называет «новым пороком», вроде курения опия (Мережковский «стареется изо всех сил привить у нас и эту ересь»), с другой стороны, против «пессимизма» современной интеллигенции как «детища безверия, грубого материализма». Задачи литературы не в «отрицательных образцах», а в «образах желательного, совершенного, идеального», поэтому такой «изящный и сильный талант», как Чехов, — «не совсем на верном пути», показывая, «до какой степени дрянен и дрябл русский интеллигент».

Позицию Меньшикова поддержал критик «Гражданина» (25 июня) М.Южный [М.Г.Зельманов], как «протест против обличения и отрицания», исходящий из среды «благоверных либералов».

Вл.С.Соловьев — «Из вопросов культуры. Исторический сфинкс» (Вест. Евр., № 6). О веротерпимости и национальной терпимости как принципах подлинного православия.

В связи с выходом 3 тома «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С.А.Венгерова рецензент под псевдонимом «Тверитянин» писал: «с высоты престола» было провозглашено «возвращение России на путь национальный», и либералам «пришлось бросить наступательную тактику» и изыскивать пути «для мирного завоевания общественного мнения», что и делает словарь Венгерова, в котором можно встретить писателей «евреев, армян и т.д.» и нет сочувствия к «чисто-русскому направлению» (В.Г.Авсеенко, Д.В.Аверкиев, В.Г.Бенедиктов и др.) («Пасквиль на русскую литературу», Моск. Вед., 12 июня). А.Ш. [А.А.Шевелев] находил, что «симпатичное по цели и существенно-полезное издание» Венгерова носит «следы чересчур партийного отношения»: в виде западничества, либерализма, отсутствия авторов духовного звания (Р. Обзор., № 8).

А.А.Рейнгольд — «Драматург-реформатор» (Г.Гауптман) (Кн. Нед., № 6). Как «истый сын своего века», это «драматург

нервных состояний, болезненных настроений», поэт «маленьких людей с большим горем», «поэт скорби и страданий», «поэт добра... духовного просветления», отказавшийся «от дешевой театральной рутины».

Июль

В.Г.Короленко «В голодный год» (Р. Бог., №№ 2, 3, 5–7)*. Отд. изд. вышло в октябре 1893 г., СПб.: изд. ред. журн. «Русское богатство», 1894, тираж — 1000; 2-е изд. — в апреле 1894 г., всего до 1917 г. вышло семь изданий.

«В литературе голодовок русского народа книга г. Короленко займет одно из видных мест, как по совершенной правдивости, так и по необыкновенной талантливости глубоко захватывающего рассказа», и послужит поучением для тех, «кто умеет понимать уроки истории» (Р. Мысль, 1894, № 3, Библиограф. Отд.). Короленко «приближается к действительности в такой мере, которую поклонники чистого искусства должны считать совершенно непозволительной», но которая законна как результат «естественных запросов жизни», нашедших отражение «не в сухом “реферате”, а в живом, образном наблюдении замечательного художника» (Вест. Евр., 1894, № 1, Лит. Обзор.). «Один из самых отзывчивых» русских писателей уловил «бодрую ноту» «рядом с горьким отчаянием» (В-зов [В.В.Водовозов], Мир Б., 1894, № 1).

В июле В.Г.Короленко по дороге на Всемирную Чикагскую выставку посетил Лондон, где познакомился с жизнью русских политических эмигрантов, в частности, с С.М.Степняком-Кравчинским.

В «Русском богатстве» (№№ 6–7) появилось новое писательское имя — А.Куприн (повесть «Впотьмах»).

К.Баранцевич — «Семейный очаг» (С. Вест., № 1–7). Роман рисует три женские судьбы, посвященные разным идеалам: семье, свободной любви и служению народу.

А.Скабичевский отметил, что Баранцевич является типичным представителем школы беллетристов 80-х годов, «любит изображать все самое мрачное: дождь и слякоть осенних непогод, клад-

* Цензор, пропустивший последнюю публикацию очерков Короленко в июльском номере «Русского богатства», получил нагоняй от Главного управления по делам печати; (см. ст. В.Евгеньева-Максимова «Из истории “Русского богатства”», Р. Бог., 1917, № 11–12, с. 62).

бища, преждевременные смерти, вертепы разврата и пр.», но тем не менее исповедует не мизантропию, а «розовую веру в человеческую природу». (Нов., 19 авг.). «Скромная, но почтенная» задача «многолистного романа» — «апофеоз семейного начала»; «петербургская полумещанская, получиновничья сфера» (Кн. Нед., № 8, Из рус. изд.).

Н.С.Лесков писал Л.И.Веселитской (Микулич) 13 июня: В романе Баранцевича «есть усилие изобразить “толстовца”, и для модели взят Пав.Ив.Бирюков; но делается это довольно неискусно и без достаточных знаний...» (т. 11, с. 541).

Д.Мережковский — «Бумажные цветы» (Мир Б., № 7). О цветах, принесенных к иконе Божьей матери: «Пыльный венчик дорожке / Всех душистых цветов... / О, помилуй нас, Боже, / Твоих грешных рабов!»

М.О.Меньшиков — «Критический декаданс» (Кн. Нед., № 7). В связи с А.Волынским и его «новой мозговой линией» (отношение к старым русским критикам, Ибсену и др.) заключает: «все внутренние признаки декаданса налицо: ненависть к здравому смыслу, символизм, мистицизм, враждебность к гражданской жизни, тяготение к смерти». И предсказывает: нападки на русскую критику будут продолжаться «общим хором русских декадентов».

Н.С.Лесков пишет 7 июля А.И.Фаресову: «Флексер [А.Волынский] возбудил против себя многих, и в июльской книжке “Недели” есть горячая и умная статья о нем Меньшикова [“Критический декаданс”], которая должна быть очень горька и Ф-ру и издательнице журнала. Стало быть, они за свои ошибки получают и уязвление и урон. Но все-таки их ошибки хотя и имеют вредные стороны, но они бескорыстны и не вызывают того негодования, какое рвется из сердца при виде подличания, растворяемого в радости, что это поощряется врагами литературы и нравится пошлым людям в обществе. Это надо различать» (т. 11, с. 550–551).

10 июля Л.Н.Толстой пишет Н.С.Лескову: «Начал было продолжать одну художественную вещь [“Кто прав?”], но поверите ли, совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повести отживают, или я отживаю? Испытываете ли Вы что-нибудь подобное?» (т. 66, с. 366).

13 июля Л.Н.Толстой отвечает Н.Н.Страхову, который расхваливает петербургскую «колонию славянофилов» (особенно

В.В.Розанова), «с таким же жаром отдающихся консерватизму, с каким когда-то нигилисты бросались в нигилизм» (Переписка Л.Толстого с Н.Н.Страховым. СПб., 1914, с. 443): «Вам нравится славянофильский кружок, а мне бы он очень не понравился, особенно если Розанов — лучший из них. Мне его статьи в “Вопросах” и в “Русском обозрении” кажутся очень противны. Обо всем слегка, выпренно, необдуманно, фальшиво возбужденно и с самодовольством ретроградно. Очень гадко» (т. 66, с. 367).

15 июля И.А.Бунин посылает Л.Н.Толстому первую книжку своих стихотворений (Орел, 1891); «Посылаю ее Вам, как человеку, каждое слово которого мне дорого, произведения которого раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страстную жажду творчества...» (Н. М., 1956, № 10, с. 198).

В связи с 25-летием со дня смерти Д.И.Писарева Н.К.Михайловский помещает в «Русских ведомостях» (4 июля) критико-биографический очерк с положительной оценкой деятельности Писарева, а в октябре выходит в павленковской серии «Жизнь замечательных людей» книга Е.А.Соловьева «Д.И.Писарев, его жизнь и литературная деятельность» (СПб., тираж — 8100). А.Ш. [А.А.Шевелев] в попытке «развенчать» нарисовал картину исключительной популярности Писарева: «Владельцы этой редкости* считают себя особыми счастливыми, им завидуют, их осаждают просьбами одолжить Писарева для прочтения. Я знаю лиц, которые после длительных просьб получали сочинения Писарева, но не более как на один-два дня, не разгибая спины, без перерыва читали они... спеша освободить драгоценные книги к сроку» (Гражд., 3 окт.). Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] назвал автора биографического очерка, Е.А.Соловьева, «архаическим гимназистом шестидесятых годов» («Запоздалая апология», Моск. Вед., 2 дек.).

Выходит научно-литературный сборник «Путь-дорога» «в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам», СПб.: изд. К.М.Сибирякова, 1893, тираж — 3000. Помимо статей по переселенческому вопросу, напечатаны «Ходите в свете, пока есть свет» Л.Н.Толстого, «Продукт природы» Н.С.Лескова, «Хористка» А.П.Чехова (в переработанном

* Собрание сочинений Писарева, не периздававшееся 25 лет.

виде), два очерка Н.Гарина — «На ходу» и «Сочельник в русской деревне».

Рецензент «Русского богатства» (№ 8, Нов. Кн.) выделяет очерк Гарина, «задевающий животрепещущую действительность» и отдает предпочтение рассказу Златовратского перед повестью Толстого, «написанной как проповедь» на евангельскую тему.

Август

5 августа в газете «Русские ведомости», впервые на страницах столичной прессы, появилось имя М.Горького под рассказом «Емельян Пиляй», посланным в редакцию без ведома автора его другом Н.З.Васильевым. Рассказ остался не замеченным современной критикой. Два другие рассказа М.Горького «Граф Нелепо и все тут» (потерянный) и «На соли» (позднее появившийся в Сам. Газ., 1895, 22 янв.) были отвергнуты редакцией «Русских ведомостей» и возвращены В.Г.Короленко, хлопотавшему об устройстве произведений молодого автора. «Один — “Граф Нелепо и все тут” (!), — писал Короленко брату 25 ноября 1893 г., — произведение нелепое в высокой степени, хотя и задуманное оригинально. Другой — “На соли” — недурной очерк, пострадавший очевидно, из-за нелепого графа... Съест его очень скоро эта литература, тем более что разные дамы и барышни уже успели напоить его ядом преувеличенных ожиданий и похвал... Меня пристегнули тоже, — (будто я сказал, что так не начинал и вообще считаю его значительно выше себя по таланту) и т.д. и т.д. Разумеется, я-то в этой оценке не повинен. Наоборот, даже по поводу всем так понравившегося рассказа о цыганах [“Макар Чудра”] я старался немного расхолодить автора указанием на некоторую романтическую искусственность фабулы и вообще пытался внушить ему осторожность. Как бы то ни было, — общие крики вскружили бедняге голову» (А.М.Горький и В.Короленко. М., 1957, с. 202).

А.Усов — «Несколько слов о декадентах (Бодлер, Верлен, Малларме, Рэмбо)» (С. Вест., № 8). У декадентов есть общие черты с романтизмом (отвращение к жизни) и с натурализмом («изображение всего отвратительного»); декаденты имеют свои «эстетические заслуги»: обновление литературного стиля, выработка нового языка для «тонких оттенков» «душевных состояний», привнесение музыки в язык поэзии. Но в «погоне за *звучностями*» они иногда наносят «ущерб смыслу» и доходят до «ребячества». Со временем «декадентизм» «сам разрушит себя»,

ибо, по словам Верлена, «слишком большая изысканность и утонченность вызывают стремление вернуться к простоте».

Л.Тихомиров — «К вопросу об упадке творчества» (Р. Обзор., № 8). Современное «слабосилие», в том числе и литературное, вызвано утратой «культурным слоем» религиозного и национального чувства; разночинец, зачастую сын мужика, дальше от народа, чем «русский барин-крепостник».

17 августа в Петербурге умер А.Н.Апухтин. «Современная поэзия лишилась... одного из талантливых своих представителей, сохранивших традиции доброго старого времени», когда поэзию не превращали в ремесло (Н. Вр., 18 авг.).

Внутри народнического лагеря вспыхивает полемика в связи с выходом книг И.И.Каблица-Юзова «Основы народничества» (ч. I-II. СПб., 1888-1893; в 1893 г. выходит второе дополненное издание второй части) и В.В. [В.П.Воронцова] «Наши направления» (СПб., 1893).

А.Скабичевский охарактеризовал книгу Каблица как книгу «псевдонародника», противопоставив автору «истинных народников» (Н.К.Михайловский, С.Н.Кривенко, В.И.Семевский, Г.И.Успенский, Н.Н.Златовратский, Н.И.Наумов и др.), которые не замыкаются в «фанатическую секту», распинающуюся «против двух-трех марксистов, существующих в нашей литературе», а «тщательно и беспристрастно изучают быт народа» и ищут путей для его улучшения (Нов., 29 июля, 5 и 12 авг.). М.А.Протопопов возражал против основы основ «истинного народничества» Каблица — следования за народными мнениями, даже если они «первобытны», и признания «общественно-нравственного превосходства» народа над интеллигенцией. В.В. близок в своих формулировках к Каблицу, но выдвигает дополнительную задачу «умственного подъема массы», под чем готов подписаться и Протопопов («Воинствующее народничество», Р. Мысль, № 10; там же В.А.Гольцев «Еще о народничестве»).

26 октября Н.С.Лесков писал А.И.Фаресову: «Ни Гольцев, ни Протопопов не дураки и не неучи, а люди умные, образованные и с определенными взглядами известного политического направления... у которого есть очень много сторонников высокой пробы умственной и нравственной... Каблиц же поступал со всеми вопросами как крыловская “Мартышка” с очками... и говорить о нем все-рез как о выразителе чего бы то ни было, кроме ломанья — я не

почитаю ни за возможное, ни за достойное траты времени» (т. 11, с. 563).

Н.К. Михайловский находил, что путаная книга Юзова, отличающегося «цепкостью непонимания», только «компрометирует защищаемое им дело», и критиковал труд другого «официального представителя народничества», В.В., «добросовестного, но узкого и одностороннего работника», не выходящего за пределы двух понятий «либерализм и народничество»; даже на «такой крупный элемент» «наших направлений», как толстовство, он не обращает внимания, не говоря о «символистских и декадентских влияниях», о «возрождении мистицизма и метафизики» и проч. При этом «свои благожелательные фантазии подставляет на место суровой и неприглядной действительности», привержен «национальной гордыне и самохвальству» и ставит мужику «огромный плюс по сравнению с “интеллигенцией”», что «составляет характеристическую особенность русского народничества». Михайловский полагает, что «вовсе не обязательно выбирать между двумя доктринами»: «русский марксизм» и «народничество» (Р. Бог., №№ 9 и 10).

По поводу этой полемики В.И. Ленин писал в статье «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» (1894): «Когда г. В.В. в прошлом году попробовал было толковать о том, что община воспитывает народ к солидарной деятельности, служит очагом альтруистических чувств и т.п., — то даже г. Михайловский усомнился и стыдливо стал выговаривать г-ну В.В., что “нет такого исследования, которое бы доказывало связь нашей общины с альтруизмом”» (т. 1, с. 271–272).

Сентябрь

Л.Н. Толстой — «Неделание» (С. Вест., № 9). Возражая Э. Золя, призывавшему молодежь к труду на пользу науки, Л. Толстой утверждает, что путь к познанию истины (любовь к ближнему) идет через созерцание и размышление.

«Эта статья, — писал Л. Толстому Н. Я. Грот 31 октября, — написана Вами в плохую, ненавистническую минуту, когда Вы всех нас, малых сих, презирали...» (Л.Н. Толстой, т. 66, с. 427).

Статья вызвала многомесячную журнально-газетную полемику, состоявшую в подавляющем большинстве своем из опровержений «догмата неделания», однако характер этих опровержений был не однороден. Первым по поводу «сумасбродства» «яснополянского лжепророка» высказался М.К[уплет]ский: «презрительное отношение» Толстого к современному обществу позволяет истолковать его статью как «гимн полнейшему безделью» (Сын От., 9 сент.).

Ю. Николаев [Говоруха-Отрок] (Моск. Вед., 30 сент. и 7 окт.) и Л. Тихомиров (Р. Обзор., № 11) единодушно ратовали за «христианскую концепцию о труде» как о «наказании», которое нужно добросовестно выполнять во имя нравственного религиозного долга. «Неделание» ведет к «факирской неподвижности», так как критерий полезного и бесполезного, предложенный Толстым, «зыбок, расплывчив и неопределенен» (Вл. Михневич, «Чем мы живы?», Нов., 12 сент.). Учение Толстого, отвергнув последовательно государство, промышленность, банки, деньги, искусство, науку, половую любовь, ополчилось на «основу человеческого существования» — труд и, несмотря на силу своего отрицания язв современной жизни, превращается в безжизненное сектантство (А. Скабичевский, Нов., 14 окт.). «Ясно, что, по мысли Толстого, спасение не в „неделании“, а, наоборот, в „делании“ того, что кажется ему „настоятельно нужным“, но его совет „грешит самою крайнею непрактичностью“, как „благожелательный, но неудобно-исполнимый совет „во Христе барствующего“, человека». «Без малейшего усилия» «старые формы нигде и никогда не распались», а новые — не возникли (М. Протопопов, Р. Мысль, № 7). Под «неделанием» Толстой имеет в виду «те формы и категории труда, которые ему несимпатичны» (Вест. Евр., № 10, с. 860). Толстой учит не делать зла, предлагает искать «царства Божия и правды Его, а остальное приложится Вам»; его позиция предполагает три фазы: неделание, мысль, любовь, и лишь «фельетонная философия» выводит из этого «проповедь нравственного сибаритства» (П. Н. Обнинский, «Из области современной этики», Р. Бог., № 11). «Идеал великого писателя неопределенен, растяжим... что же касается критики... то ее достаточно, чтобы чувствовать благоговение пред мыслителем Толстым» (К. С-в, «Совет гр. Л. Н. Толстого», Сар. Л., 23 сент.). Поддержал позицию Толстого М. О. Меньшиков: «Мы живем „в век Толстого“, но не ценим этого: „редакции завалены рукописями в обличение Толстого“». Между тем, великий писатель не делает «идола из труда», призывает не к праздности, а к «жизнеполезным формам» труда, которые требуют «могучего напряжения совести» («Работа совести», Кн. Нед., № 11).

Л. Н. Толстой отозвался о статье Меньшикова с высокой похвалой в письме к Н. С. Лескову от 10 декабря (т. 66, с. 445).

Статья Меньшикова о Толстом говорит о том, что «проповеди яснополянского отшельника вызывают работу мысли и совести даже и в наших либералах» (М. Южный [М. Г. Зельманов], Гражд., 21 ноября).

Проповедь неделания распространяется лишь на «пустые и зло- вредные» дела, но критики пытались представить ее «в жалком, комическом виде» (А.Волынский, С. Вест., 1895, № 7, с. 62).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — рассказы «Великий грешник» (Р. Мысль, №№ 8–9), «Тени богов», «Темная вода», «Главный барин» (Р. Вед., 2, 12 и 28 сент.).

М.Горький — «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любители истины. (История, к сожалению, правдивая)» (В. Вест., 4 сент.).

26 сентября в Париже умер А.Н.Плещеев. «В поэзии Плещеева, — писал Н.К.Михайловский, — нет сомнений в ценности жизни, нет и культа так называемой чистой красоты, нет и демонического парения “над” грешною землей. Она вся на земле, но здесь она является отражением идеального неба» (Р. Бог., № 10, отд. II, с. 141). К.Д.Бальмонт откликнулся стихотворением: «Он был всегда певцом добра и света; К униженным он полон был любви» (Р. Вед., 8 окт.; см. также стих. К.М.Фофанова «На смерть Плещеева» и ст. Пл.К[раснова] «Поэзия Плещеева», Кн. Нед., № 12; стих. Ив.Белюсова и ст. В.Острогорского, Мир Б., № 11).

А.Волынский — «Наука, философия и религия (Cogitata metaphysica)» (С. Вест., № 9). «Когда заглушится гражданская энергия людей», «идея Бога... кидая волны света во всех направлениях», соединит «в одно целое интересы науки, философии и морали».

В «метафизике» Волынского господствует «полное смешение понятий». «Плохо переваренное учение Канта, обрывки гегельянизма и спинозизма» превратились «в набор громких слов, направленных якобы против материализма, а, в сущности, против всякого научного исследования» (М.М.Филиппов, «Ребяческий идеализм», Р. Бог., № 9). Волынские «не понимают ни духа народа... ни характера общества, перед лицом которого действуют». Русских людей «отталкивает фразерство» с его «персидскими метафорами и турецкими гиперболами», за которыми угадывается «ложь и фальшь» (М.Протопопов, Р. Мысль, № 12). В.Буренин разделил возмущение Протопопова и добавил от себя, что Волынский призывает к возрождению «еврейского завета» (Н. Вр., 24 дек.).

Л.Е.Оболенский — «Реклама или безумие (По поводу декадентов, символистов и т.п.)» (Од. Л., 11 сент.). Люди «с весьма небольшими дарованиями и внутренним содержанием... стремятся наверстать этот недочет совершенством формы и выражения».

Пл.Краснов — «Что такое декаденты? (Сочинения М.Метерлинка и Ст.Малларме)» (Тр., № 9). Французским декадентам «как настоящим продуктам вырождения... недостает творческого дара», «ни один декадент никогда не мог подняться до синтеза», воссоздать «новый мощный образ»; «воображая удалиться... от натуралистов, декаденты зачастую спускаются еще ниже их»; фантазия декадентов «извращена» и «крайне бедна», «трагические эффекты... примитивны», «самая слабая сторона... их форма». Однако «наряду со скукой и бездарностью, чувствуется еще что-то новое, чего ни они сами, ни читатели... понять не умеют».

Октябрь

4 октября умер И.И.Каблиц-Юзов, о котором В.В.Розанов писал, как о главе течения, «отделившегося от радикального лагеря» и «частью слитого со славянофильством», с вниманием к «нравственному и умственному строю» народа, но «без какого-либо признания за собою права насильственно изменять его» (Р. Обозр., № 11). О нищих похоронах «народного заступника» писал М.О.Меньшиков (Кн. Нед., № 12).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — роман «Весенние грозы» (Мир Б., №№ 1–10). Герои из бедноты выбиваются в адвокаты, учителя, врачи.

А.Скабичевский испытал «отрадное чувство» от того, что «микроскопические герои» Мамина интересуются теми же проблемами, какие «занимают передовых людей»: думают о пользе обществу, обязанностях перед народом, о «новой русской женщине» (Нов., 28 окт.).

31 октября в Петербурге отмечалось 50-летие литературной деятельности Д.В.Григоровича. На юбилее было зачитано письмо от Л.Н.Толстого, в котором были следующие строки: «Помню умиление и восторг, произведенные на меня, тогда 16-летнего мальчика, не смеявшего верить себе, — Антоном Горе-

мыкой, бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика — нашего кормильца и — хочется сказать: нашего учителя, — можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом» (т. 66, с. 409). Письмо было напечатано во многих русских газетах. В.В.Стасов пишет Л.Толстому о впечатлении, которое произвело чтение этого письма: «Я прямо с юбилея Григоровича. Там вот что произошло. Сначала парадная музыка, для входа, — потом несколько слов великой княгини, потом тотчас “Боже, царя храни”, потом несколько сот адресов, депутатов, разукрашенных пергаментных листов в красках и с золотом, дипломов, серебряных венков, рисунков — и пошла писать губерния! Но часа через три после всего этого вдруг выдвинулась откуда-то громадная львиная лапа, опустилась на нас всех и всех собою покрыла. Как все показалось дрянно, бедно, мизерно, плохо, глупо и казенно против этой силы, против этих великанских, но все-таки столько простых слов и речей... Зала загремела и загрохотала как сумасшедшая... Стены тряслись от рукоплесканий... уже при первых строках, полных такой нежности, сердечных воспоминаний, у многих потекли слезы... Но когда дочитали последнюю строку, вся зала наполнилась страшными ура! ура! ура!, которые целых четверть часа не смолкали. Поражены, глубоко тронуты до корней души были все. Да, Россия знает и понимает своего великого человека» (Л.Толстой и В.В.Стасов. Переписка. 1878–1906. Л., 1929, с. 111).

10 октября на страницах «Русских ведомостей» завершается печатание повести К.Станюковича «В море!», начатое в июне (отд. изд. СПб., 1894).

«Как растянуто и мало интересно все, что на сухом пути происходит, и как ярко и живо то, что в море. Если бы г. Станюкович нуждался в наших советах, мы бы ему сказали: “В море!”» (Р. Бог., 1894, № 7. Нов. Кн.).

В октябрьской книжке «Артиста» напечатаны стихотворения К.Д.Бальмонта «У берегов Скандинавии» и Д.С.Мережковского «Песнь Маргариты» («Склони твой взор, / О мать Скорбящая...»).

И.Потапенко — «Семейная история» (С. Вест., №№ 8–10); «На пенсию» (Р. Мысль, №№ 9–10).

Первая повесть, проповедовавшая необходимость компромиссов для поддержания семейных основ, вызвала негодующий отклик Л. Толстого, который писал 20 октября Н.С. Лескову: «Вся наша беллетристика всех этих Потапенков положительно вредна. Когда они напишут что-нибудь не безнравственное, то это нечаянно. А критики-то распинаются и разбирают, кто из них лучше. Все хуже. Эта повесть Потапенки была для меня *сoup de grâces**. Я давно уже подумывал, что вся эта беллетристика со включением, и очень, всех Золя, Бурже и т.п., есть бесполезная пакость, а теперь это стало для меня полной несомненностью» (т. 66, с. 406).

Оба произведения Потапенко были отрицательно оценены В. Бурениным как повести «на известные либеральные задачки» (Н. Вр., 24 сент.). М.К[уплет]ский обнаружил «устаревшую либеральную идейку», напоминающую «пресловутый роман» «Что делать?» (Сын От., 28 окт.). М.Южный [М.Г. Зельманов] увидел неудачную попытку создать «нового человека», вслед за «новыми людьми» 40-х и 60-х годов (Гражд., 2 окт.). А. Скабичевский причислил Потапенку к «беллетристам-публицистам», необходимым для массового демократического читателя, с «уважением и благодарностью» встречающего новые произведения Потапенко, талантливо «задевающие какой-нибудь существенный вопрос», чтобы, однако, завтра забыть их (Нов., 4 и 11 ноября).

В. Микулич — «Мимочка отравилась» (Вест. Евр., №№ 9–10).

Критика отзывалась о повести доброжелательно, но мимоходом: «незаурядное» произведение, героиня которого — женщина «с птичьей головкой и с птичьим сердцем» (Р. Мысль, № 11; см. также Кн. Нед., № 11; В. Чуйко, Од. Л., 20 сент.). Лишь критик «Сына отечества» (28 окт.) упрекнул автора в порнографичности.

Л.Н. Толстой отозвался в письме к жене 26–27 октября: «Хорошо, но есть преувеличения и подражания самой себе» (т. 84, с. 200).

М.О. Меньшиков — «Пределы литературы» (Кн. Нед., № 10). О спорах защитников и противников «чистого искусства»: «Общественная стихия столь же законна в литературе, как любовь и красота». «Здоровое искусство», руководствуясь «совестью, здравым смыслом, вкусом», восходит от «изображения жизни» к «преображению ее».

* Счастливым случаем (*франц.*).

3 октября П. П. Перцов пишет Д. С. Мережковскому: «В нашей современной литературе я нахожу лишь отрывками и изредка нечто сходное с Вашими идеями, нечто родственное “новым течениям”. У Воынского попадаются отдельные места ... аналогичные — Вашим статьям. Андреевский — чрезвычайно талантливый критик... уже весьма близок к Вам. Я нахожу много родственного с Вами и у молодого критика “Недели” Меньшикова, к числу поклонников которого я принадлежу... Словом, зерна будущего есть повсюду — зерна *идеализма*. Еще больше их в обществе, в молодежи. Наряду с типичными представителями запоздалой писаревщины... наряду с людьми, поверившими в Маркса, Чернышевского, Михайловского, Золя, Ницше... наряду, наконец, с людьми беззаботными насчет идей — пробиваются, как трава из-под снега, новые всходы» (П. П. Перцов. Литературные воспоминания. М., 2002, с. 379).

В середине октября В. Я. Брюсов заявлял в черновом письме, обращенном к Полю Верлену: «Вы — создатель новой поэзии, я робкий новичок как в поэзии, так и в своем декадентстве... Россия мною только начинает декадентство в поэзии» (ЛН, т. 98, кн. I, с. 612).

25 октября умер П. И. Чайковский. «Мы похоронили Чайковского, которого называют великим музыкантом и который во всяком случае известен цивилизованному миру» (Н. Михайловский. Р. Бог., № 12). 27 октября А. П. Чехов написал брату композитора: «Я глубоко уважал и любил Петра Ильича, многим ему обязан» (т. 5, с. 240).

27 октября Вл. Соловьев просил М. М. Стасюлевича прислать диссертацию Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» для работы над статьей [«Первый шаг к положительной эстетике»]; в ней будет «некоторое заступничество за Чернышевского против Боборыкина, который недавно боборыкнул покойного в нашем московском философском журнале» [«Красота, жизнь и творчество»] (Вл. Соловьев. Письма. Т. I. СПб., 1908, с. 114).

Н. Наумов — рассказ «В глухом местечке». СПб., 1894, тираж — 3000.

Рассказ «почти этнографической сферы — еврейского быта»; автору (недавно умершему молодому человеку) удалось избежать

«юдофильских и юдофобских тенденций», руководствуясь «высшей человеческой правдой» ([Н.К.Михайловский], Р. Бог., № 12, Нов. Кн.).

Гр. Мачтет — «Силуэты». 2-й том. М.: изд. ред. «Русского богатства», тираж — 2000.

Н.К.Михайловский в неподписанной рецензии отмечал, что Мачтет «всегда руководится прекрасными мыслями и добрыми чувствами», но прибегает к такой «превосходной степени», что изображение утрачивает «живые черты». Так в рассказе «Жид», в отличие от Н.Наумова («В глухом местечке»), дана «ходячая абстрактная добродетель» (Р. Бог., № 12, Нов. Кн.).

Г.Мопассан — Сочинения, избранные Л.Н.Толстым. Перевод М.А.Лазаревой. С портретом Мопассана и прилож. краткой его биографии. Т. 1, 2. М., 1894, тираж — 2400 каждого тома. 1-й том вышел в октябре 1893, 2-й — в феврале 1894, с прилож. статьи Л.Н.Толстого, в которой говорилось, что из трех условий художественного творчества («нравственного отношения автора к предмету»; «ясности изложения», «красоты формы»; искренности) Мопассан обладал двумя последними и «был совершенно лишен первого».

«Принадлежа по возрасту... к группе реалистов школы Гонкуров и Золя», Мопассан, как «слишком живой и неиндифферентный человек», не может показывать «жизнь буржуазного слоя Франции» «спокойно и беспристрастно», как это делает Золя; «отсюда трагическая черта неудовлетворенности», «иронические нотки» и стремление выводить «чистые натуры» (Р. Бог., 1894, № 1, Нов. Кн.).

Ноябрь

7 ноября В.Г.Короленко записал: «Моя книга “Голодный год” выпущена в продажу. Я и доволен и недоволен. Доволен потому, что она чуть не погибла, висела на волоске,— и все-таки вышла, и все-таки хоть что-нибудь в ней сказано из того, что у нас погибает в цензуре. Но мне грустно видеть, как она неполна и бледна... И никто не боится, что факты именно слишком резки в действительности, что целые массы раздражаются ими и накаплиют чувства вражды и ожесточения. Лишь бы эти резкие факты не появлялись в газетах...» (В.Г.К о р о л е н к о. Дневник. Т. II. Полтава, 1926, с. 184–185).

Н.С.Лесков — «Рассказы кстати (à propos)»: «Загон», «Тяготение к желудю и к корыту», «Шут Севацкой», «Лечение сажей», «Всевозможные бетизы», «Интервал», «Возвышенные порывы», «Апофеоз» (Кн. Нед., № 11). Рассказ «Загон» Н.С.Лесков называет в письме к Л.Толстому «иллюстрацией к превосходной статье Меньшикова о “китайской стене”»*.

Л.Н.Толстой писал Н.С.Лескову 10 декабря о «Рассказах кстати»: «Мне понравилось, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать» (т. 66, с. 445).

Критика не обратила внимание на новые рассказы Н.С.Лескова, лишь М.К[уплет]ский назвал их «болтовней досужего человека» (Сын От., 25 ноября).

А.Куприн — рассказ «Лунною ночью» (Р. Бог., № 11).

Упомянут в статье А.Скабичевского «Еще несколько слов о связи мистицизма с больною совестью»: «очень недурен, хотя жалко, что автор слишком уж подражает Достоевскому» (Нов., 1894, 13 янв.).

Ив.Иванов — «Новая культурная сила» (лекция, прочитанная в Москве 25 февраля 1893 г.) (Р. Мысль, № 11). 10-15 лет тому назад русская литература вступила на европейскую сцену и в «несколько лет достигла неслыханных результатов, о каких не грезилось всем патриотическим поклонникам русского могущества и самобытности». Русская литература завоевала западный мир своей гуманностью, идейностью и правдивостью, а все эти качества основаны на любви к своему народу.

М.Южный [М.Г.Зельманов] увидел в позиции И.Иванова «мелкое и пошловатое народничество на фоне полнейшего раболепства перед западноевропейской культурой» и одновременно «славянофильскую тенденцию» (Гражд., 1 дек.). Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] нашел, что западничество разлагается и начинает проповедовать славянофильские взгляды в «искаженном виде», не понимая, что «свет, который вносит русская художественная литература»

* Статья М.О.Меньшикова «Китайская стена» была помещена без подписи в «Неделе» 12 сентября. В связи с «таможенной войной» между Россией и Германией Меньшиков выступает против обособления России китайской стеной от Запада (полемика с «Новым временем»). Л.Толстой отозвался об этой статье с горячим сочувствием в письме от 17 сентября 1893 г. к редактору-издателю «Недели» П.А.Гайдебурову (т. 66, с. 396-397).

ра во мрак европейских мыслей и чувств», состоит в «высокой идее примирения (вместо западной «идеи раздора»), в убеждении, что «человек существует не для счастья», что «жизнь его есть подвиг страдания и искупления» (Моск. Вед., 9 дек.).

И.Е.Репин — «Письма об искусстве» (Театр. Газ., 31 окт., 5, 7, 12, 17, 19 ноября). Искусство существует «само в себе»; никакие «идеи» и «благие намерения», представленные «плохим холстом», не могут сравниться с «бесполезным пустяком, исполненным художественно тонко» (31 окт.).

На письма Репина откликнулся Н.К.Михайловский: от талантливого художника «мы ждем произведений не пера, а кисти», «теперь, после какого-то перелома, покаяния и отречения», какими произведениями «подарит нас г. Репин?» («Литература и жизнь», Р. Бог., 1894, № 5).

Двумя изданиями, в Петербурге (предисловие и перевод Р.Сементковского, тираж — 4100) и в Киеве (предисловие В.Авсеенко, тираж — 3050), вышла книга Макса Нордау «Вырождение», рассматривающая явления «конца века» (мистицизм, эготизм, символизм, «ложный реализм» и др.) как «обозрение больницы», в которой пребывает современное человечество. К «вырождению» отнесена и религиозно-нравственная философия Л.Толстого (смещение материализма, пантеизма, христианства, аскетизма, коммунизма и руссоизма). Символизм «не имеет ни общих эстетических законов, ни ясной художественной цели» и лишь стремится «наделать шуму» (Ибсен — мистик, эготист и анархист, Уитмен — «сумасшедший американец», Метерлинк — «бедный идиот» и т.д.). Нужно не лечить этих «психопатов», а оберегать от них общество. В предисловии В.Авсеенко говорилось: «В остроумной беседе, исполненной лукавого и приятного яда, он выщупывает всю современную культуру...»

Еще в январе Н.К.Михайловский заметил: «Нордау ошибается, когда всех символистов и всю новейшую французскую поэзию ставит за одну скобку вырождения» (Р. Мысль, № 1). Михайловский вновь полемизирует с Нордау, видя причину распространения декадентства не в биологическом вырождении, вызванном техническим прогрессом, а, с одной стороны, в реакции на литературный протоколизм, отмеченной «невежеством и художественным безвкусием», а с другой — социальными причинами — «духовной пустыней», разгромленными и разъеденными скептицизмом идеалами современного общества (Р. Мысль, № 4). Книга этого пос-

ледователя Ломброзо содержит «что-то легковесное» в суждениях и выводах: в «ненормальности» обвиняется и «талантливый поэт» Поль Верлен, «наделенный болезненными чертами», и «вполне нормальный, здоровый, без всяких признаков вырождения» Метерлинк ([Н.К.Михайловский], Р. Бог., 1894, № 2, Нов. Кн.). Ив.Иванов признал, что Нордау правильно раскрыл основные черты современного вырождения (культ самого себя, «отвращение к внешнему миру», «пристрастие к идеям зла и разрушения»), не показав исторические корни вырождения («Заметки читателя», Р. Вед., 31 мая). З.Венгерова писала, что Нордау, маниакально навязывая «признаки сумасшествия здоровым людям» (Р.Вагнеру, Л.Толстому, Г.Ибсену), противопоставляет вкусам декадентов вкус «нормального человека из публики», который «наслаждается самыми отсталыми формами искусства, предпочитает романы Ж.Онэ всем символистам... скучает и зевает, слушая Ибсена и Вагнера, предпочитает олеографические снимки кабацких сцен всяким импрессионистам...» Именно «презираемое Нордау меньшинство двигает вперед эстетические идеалы» (Нов., 13 июля). А.Вольнский в анонимной рецензии писал, что книга М.Нордау свидетельствует о кризисе, переживаемом обществом, но кризисе, имеющем «не реакционный, а прогрессивный характер» (С. Вест., 1894, № 1). Литература и искусства страдают не «вырождением», а «нравственной болезнью» — жаждой успеха и материальных благ (Р.И.Сементковский, «Вырождение или невежество», Ист. Вест., 1894, № 1). В.Авсенко согласен с тем, что вырождаются отдельные «переокультурившиеся типы», хотя «здоровая масса бодро продолжает идти столбовой дорогой прогресса и цивилизации» («Вырождаемся ли мы?», СПб. Вед., 27 окт.). Буква [И.Ф.Василевский]: «“маленькая книжечка Нордау” встречает исключительный запрос и успех», но автор ее смотрит на современность через закопченное стекло (Р. Вед., 28 ноября). Свой «угол зрения» на книгу Нордау выразило «Новое время» в статье А-та [В.К.Петерсена] «Гений на суде психиатра»: «грубые и жестокие выводы семита, судящего христиан» (1 дек.) и в фельетоне В.Буренина о философе Кляксе Ерундау («тоже из евреев»), расправившемся с Шекспиром (10 дек.).

А.П.Чехов писал А.С.Суворину 27 марта 1894 г.: «Рассуждения всякие мне надоели, а таких свистунов, как Макс Нордау, я читаю просто с отвращением» (т. 5, с. 284).

В.В.Стасов в письме к Л.Толстому от 11 августа 1894 г. как бы подводит итог шуму, поднятому вокруг книги Нордау: «На днях я прочитал “Entartung” Нордау. Какой странный человек. Умен, талантлив (по форме) и блестящ, а имеет какой-то особенный дар

вечно попадать мимо... Впрочем, читать-то его читают много, но ни один человек никогда с ним не соглашается...» (Л.Толстой и В.В.Стасов. Переписка 1878–1906. Л., 1929, с. 137).

23 ноября В.Г.Короленко записал: «У Чехова в одном рассказе говорится: в каждом городе есть свой человек 60-х годов, от которого разит затхлым погребом [“Именины”; в дальнейших редакциях устранено Чеховым]. Характеристика злая и несправедливая, — но нужно сказать, что действительно “в каждом городе” есть люди, себя пристегивающие к 60-м годам, а от них разит плесенью всех периодов русской истории». Теперь в нашу жизнь вторгается «развязность борьбы» с покойниками: «эти храбрецы не находят ничего лучшего, как “мужественно ополчаться” против теней Добролюбовых и Чернышевских» («новое слово г. Воынского»). «К сонму этих людей “нового слова”, прибавился г. П.Перцов... Сделав экскурсию в С.-П-бург, где он пытал свои силы в критике», «стараясь совершенно неподходящим. И вот теперь он берет критический жезл в Казани и примыкает к “новаторам”. В “Русск. Бог.” он еще недавно иронизировал над взглядами Мережковского. Здесь он объявляет того же Мережковского вместе с Андреевским и Меньшиковым... глубокими критиками, сказавшими уже “новое слово”. В чем же оно? В идеализме! В чем же идеализм? В том, что художник не должен только списывать с натуры, но еще и воссоздавать. Первого якобы требует “реализм”! ...При сем Тургенев разбивается критическим молотом г. Перцова на 2 части: в мужских своих типах — он реалист (точно списывает, не воссоздавая?), в женских — идеалист! Все эти глупости... напечатаны в № 295 “Волжского Вестника”, который я и откладываю на всякий случай в собрание литературных курьезов, как материал. Куда-то еще дальше пойдет это младенчески нахальное невежество и развязность...» (В.Г.Короленко. Дневник. Т. II. Полтава, 1926, с. 219, 221–223).

Декабрь

3 декабря Л.Н.Толстой сообщает о своих занятиях Г.А.Русанову: «Теперь пишу о Тулоне*, гипнотизации патриотизма, кажется

* В 1893 г. в Тулон прибыла русская эскадра с дружеским визитом для укрепления франко-русского союза. Статья о Тулоне Л.Толстого впоследствии получила название «Христианство и патриотизм».

кончил. На очереди теперь предисловие к Мопассану — написано начерно, предисловие к Амиелю, послесловие к Царству Божию тоже написано почти, статью об искусстве. И тогда только буду в состоянии взяться за художественное, начатое и не начатое, к которому особенно тянет» (т. 66, с. 436–437).

А.Чехов — рассказ «Володя большой и Володя маленький» (Р. Вед., 28 дек.).

«Ах, мой рассказ в “Русских ведомостях”, — пишет Чехов А.С.Суворину в тот же день, — постригли так усердно, что с волосами отрезали и голову. Целомудрие чисто детское, а трусость изумительная. Выкинь они несколько строк — куда бы ни шло, а то ведь отмахнули середку, отгрызли конец, и так облинял мой рассказ, что даже тошно» (т. 5, с. 256).

В «Русской мысли» (№№ 10–12) началась публикация путевых записок А.П.Чехова «Остров Сахалин». «Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит!» (Письмо Чехова Суворину от 2 янв. 1894 г., т. 5, с. 258).

Обозреватель «Книжек Недели» (№ 12, с. 262–263) сожалел, что Чехов (и Короленко в очерках о голоде), стремясь «принести непосредственную пользу», «спускаются как бы до рядовых работников», между тем «даровитый художник» может дать много больше, «не описывая, а поучая, не наблюдая, а провидя...»

18 декабря А.П.Чехов пишет А.С.Суворину из Москвы: «На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею». Договаривается с И.Д.Сытиным об издании сборника своих рассказов (т. 5, с. 253).

Н.Гарин — «Гимназисты (Из семейной хроники)» (Р. Бог., №№ 1–4, 9, 11–12; отд. изд. СПб.: изд. журн. «Русское богатство», 1895, тираж — 1200). «С болью в сердце прочел искорверканную и бесцветную работу; моя манера писать мазками; мазки и блики дают картину; одни мазки — только мазня, обес-

цвеченная цензурой и корректурой» (телеграмма Гарина Н.К. Михайловскому от 26 марта, Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 17).

В повести Гарина нет «новых типов» молодежи (Л.Е. Оболенский, Кн. Нед., № 5). «Произведение незаурядное, но отрывочное и спутанное; герои — обладатели “расплывчатого идеализма”» (Р. Мысль, №№ 2 и 11, Библиограф. Отд.). Автор «не душит читателя мрачными картинками и уродливыми типами» (К-ский [К.П. Медведский], Набл., № 11). В связи с отдельным изданием А. Скабичевского писал, что «книга г. Гарина подходит к типу таких безыскусственно-праведных, автобиографических и в то же время художественных произведений, как “Детство” и “Отрочество” гр. Л. Толстого, как повесть Решетникова “Между людьми” и т. п.», и производит «очень грустное впечатление» «крайним нравственным убожеством педагогического персонала» и «умственной праздностью» гимназистов с «преждевременным развитием чувственности» (Нов., 1895, 27 июля).

Д.Н. Мамин-Сибиряк — рассказы «Детские тени» (Р. Бог., №№ 3, 5, 7–10, 12) и «Жид» (Мир Б., № 12; о враче-еврее, который умирает, заразившись в тифозном бараке).

[П.Ф. Николаев] пишет, что для читателя, привыкшего видеть в «почтенном и несомненно талантливом писателе скорее холодного, немного равнодушного беллетриста-этнографа, замечательно правдивого наблюдателя», в «Детских тенях» открывается новая поэтическая грань таланта Мамина-Сибиряка. При этом трагические судьбы детей не превращают писателя в пессимиста, не исключают «стремления к лучшему, к борьбе со злом и жестокостью жизни» (Р. Мысль, № 11).

А.И. Эртель — рассказ «Духовидцы» (Р. Мысль, № 12). Самоубийство на почве безверия.

«Есть поэзия и что-то страшное в старинно-сказочном вкусе. Это одна из лучших московских новостей» (Письмо А.П. Чехова к А.С. Суворину от 25 января 1894 г., т. 5, с. 265). В рассказе показана «связь между мистицизмом и больной совестью» (А. Скабичевский, Нов., 1894, 6 янв.).

К.М. Станюкович — «Ужасный день (Рассказ из морской жизни)» (Р. Бог., № 12).

П.В.Засодимский — повесть «Блудный сын» (Мир Б., №№ 10–12); о благородстве нелюбимого сына с «мужицкими» повадками.

Д.Мережковский — «В сумерки» (Тр., № 12): «Мы все одни, всегда — одни, Я жил один, один умру»*.

А.Волынский напечатал три статьи о Белинском (С. Вест., №№ 10–12), назвав критика «отважным литературным ратоборцем по вдохновению», но без «философских убеждений»; «увлекшись утилитарною задачей», Белинский «не оставил в наследство грядущим поколениям никакой системы... никаких отправных посылок для эстетической оценки, никаких положений для исторического и психологического объяснения фактов литературы».

В.Буренин назвал статью о Белинском «последним пределом еврейской наглости» («По поводу писем от читателей против Волынского», Н. Вр., 8 окт.). В.Чуйко защищал право Волынского идти против «кодекса эпигонов», относясь «свободно, критически» к «почтенным деятелям прошлого» («Письмо в редакцию», С. Вест., № 10).

Н.А.Рубакин — «Книжное оскудение (К характеристике читателей из привилегированных классов)» (Р. Бог., №№ 11, 12). Ежегодно в России печатается более 5 тыс. названий русских книг, общим тиражом около 20 млн. «Общее число журналов и газет в России — около девяти сот, в семь раз меньше, чем в Германии, почти в 5 раз меньше, чем во Франции, почти в 4 раза меньше, чем в Англии». Отмечает дороговизну книг, захудалость книжной торговли, «библиотечное запустение» в провинции. «Радуется только приближение новой волны читательской, идущей из глубины народной массы».

Л.Е.Оболенский — «Проповедник человечности (По поводу новых этюдов Бьернсона)» (Кн. Нед., № 12). Норвежский писатель представляет европейскую культуру в «модели любви и человечности» и, несмотря на трагизм, от его произведений «веет на душу теплом, надеждой».

* В течение года в журн. «Труд» печатались стихотворения Д.С.Мережковского и рассказы З.Гиппиус «Богиня» (№ 8), «Тети Лиза» (№ 12).

Алексей Веселовский — «Этюды и характеристики» (Джордано Бруно, легенда о Дон-Жуане, Мольер, Вольтер, Дидро, Бомарше, Свифт, Гюго, Фонвизин, Гоголь, Грибоедов и др.). М., 1894, тираж — 1500.

Н.К.Михайловский в неподписанной рецензии отметил: А.Веселовский никогда не был «баловнем публики», не вызывал «шумных разговоров», в отличие от Н.Страхова или Д.Мережковского, потому что не трогает «последних дней русской словесности, не идет дальше Гоголя и Грибоедова»; однако он не только эстетик, «сведущий человек» и «блестящий стилист», но и «публицист, всегда призывающий к бодрости и всегда стоящий на почве гуманных и просветительных идей» (Р. Бог., 1894, № 6, Нов. Кн.).

Ф.Д.Нефедов — Сочинения. Т. I. М.: изд. К.Т.Солдатенкова, 1894.

Принадлежит к числу беллетристов-народников, занятых «проблемой о мужике», которая «не находит выражения в современной литературе». Эти картины народной жизни, с их «привязанностью к факту» и отсутствием выдумки, «унизят значение» его произведений в глазах эстетика, но «обыкновенный читатель» увидит в них «глубокую правду» (Р. Бог., 1894, № 3, Нов. Кн.).

Итоги литературного года

1 января 1894 г. «Русские ведомости» помещают редакционный обзор «Литература в 1893 г.», посвященный характеристике русских журналов: новая редакция «Русского богатства», окончательно сформировавшаяся в 1893 г., поставила журнал «интересно и серьезно», и он занимает теперь «виднейшее место в среде лучших наших журналов; на его страницах было напечатано произведение, относящееся к числу наиболее замечательных явлений литературы 1893 г.», — очерки В.Короленко «В голодный год». «Русское обозрение», перейдя в руки нового редактора-издателя А.Александрова, стало «органом обскурантизма» и «складом бездарных произведений». «Северный вестник» совершенно «уронил» себя в глазах читателя, поместив на своих страницах критические нападки А.Волынского на Чернышевского и Белинского, что обозреватель называет «одним из самых печальных явлений в истории русской журналистики».

А.Скабичевский отказывается от традиционного обзора литературы, так как не считает прошедший год «достопамятным», хотя

«кое-что... дельное и прекрасное» он все-таки принес (Нов., 1894, 6 янв.).

«Оскудение, полное оскудение!» — восклицает М.Южный [М.Г.Зельманов] (Гражд., 1894, 3 янв.): Чехов дал «бесцветные рассказы», Короленко — «случайные заметки о голодном годе», Боборыкин «иссяк», Мамин-Сибиряк, Мачтет и Поталенко «составляют альфу и омегу нашей беллетристики». «Нечего отметить» и В.Буренину (Н. Вр., 7 янв.).

1894 год

Январь

Л.Н.Толстой — предисловие к переводу «Дневника» А.-Ф.Амиеля, сделанному М.Л.Толстой (С. Вест., № 1).

11 января на закрытии IX съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве присутствует Л.Н.Толстой. «Публика точно потеряла всякое чувство меры и понимание приличия. Бешеным потоком хлынула она в залу при вести о появлении на эстраде гр. Л.Н.Толстого, — пишет корреспондент «Гражданина» (16 янв.). — Шум стоял невообразимый: особенно неистовствовали студенты, занимавшие хоры. Несколько раз бурные восторги на мгновение прекращались, чтобы затем возобновиться с удвоенной силой!» Корреспондент «склонен думать», что приветствия адресовались не Толстому — автору «Войны и мира» и «Анны Карениной», а Толстому — «врагу церкви и государства».

А.П.Чехов — «Черный монах» (Арт., № 1) и «Бабы царство» (Р. Мысль, № 1).

На страницах «Русских ведомостей» «Черный монах» отнесен к числу лучших произведений Чехова: герой рассказа — не обычный для Чехова «мелкий» человек, это «человек ума, чувства и стремления на пользу ближнего», но «согласно... изображению сильное стремление и истинная благородная страсть возможны только в погоне за призраком». Рассказ «Бабы царство» рецензент находит «растянутым», перегруженным «мелкими подробностями» (24 янв., Д.М. «Журнальные новости»). Противоположную точку зрения высказал А.М.Скабичевский: «Черный монах» производит «удручающее впечатление», главным образом «отсутствием идеи»; «Бабы царство» более «содержательно», так как «со смерти Островского не появлялось еще у нас такого замечательного типа из купеческой среды». Чехов стремится показать жизнь в «состоянии разложения»: «Если порою он и выводит каких-нибудь здоровых и

сильных людей, то они ставятся им в такие тяжкие, растлевающие и ненормальные условия жизни, что на глазах читателя условия эти начинают перетирать героев в своих жерновах так, что только кости трещат у них и кровь брызжет во все стороны», хотя русская действительность дает основания и для других наблюдений (Нов., 17 февр.). Ив.Иванов называет героиню «Бабьего царства» «жалким потомком энергичного и сильного поколения», чья «трудовая жизнь» была бы несовместима с «паразитизмом» адвоката Лысевича, «страдающего модной душевной болезнью» — вырождением (Арт., № 3). Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] приписывает Чехову «неверие интеллигенту» с его «развратом мысли и чувства» и, наоборот, симпатию к «простым» людям, верующим в Бога. И в «Бабьем царстве» в благочестивом лакее Мишеньке критик видит нечто «прочное», противостоящее Анне Акимовне и развращающему ее интеллигентному окружению (Моск. Вед., 27 янв. и 3 февр.). «Этот молодой писатель сосредотачивает на себе внимание публики, которое не дается даром». «Черный монах» — «настоящий рассказ», а «Бабье царство» — «только отрывок», ибо «черты характера героини неопределенны» (Д.А.К. [Д.А.Коропчевский], Сев., № 7, 13 февр.). «Бабье царство» — «великолепный набросок, прекрасный намек и только» (М.Полтавский [М.И.Дубинский], Бирж. Вед., 19 марта). «Неоконченный», «залежавшийся набросок» (Р. Обзор., № 10, Летопись совр. бел-ки).

А.И.Эртель писал 2 февраля В.А.Гольцеву: «Опечален я был “Бабьим царством” Антона Павловича: кропотливая канитель, в которой основной мотив рассказа потонул без возврата. Так “скулить” (по выражению Тургенева) позволительно Григоровичу, но зачем же Чехову-то это понадобилось? А между тем вещь могла бы быть очень интересной, если бы не этот культ подробностей и нравственного безразличия» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 93).

Отзыв Л.Н.Толстого о «Черном монахе» был передан Чехову Г.А.Русановым в письме от 14 февраля 1895 г.: «Лев Николаевич с живостью и с какой-то особенной нежностью сказал: “Это прелесть! Ах, какая это прелесть!”» (Сочинения, т. 8, с. 493).

П.Д.Боборыкин — «Неизлечимые» (С. Вест., № 1). Герой с «оскуделой душой» предается любовным историям без души, его сестра — с душой.

В.Буренин обвинил автора в «эротомании» и охарактеризовал «основные свойства боборыканья: шарлатанское фразерство, летание по верхушкам мнимо-европейского знания, беспардонная болтовня и т.д.» (Н. Вр., 7 янв.).

К.Фофанов — «Толпа» (Набл., № 1): «...И смеется надменно толпа мне вослед... / Я борьбою сильна, ты тоскою томим,— / Я, как бездна, шумна, ты — всегда одинок...»

Посылая в Лондон С.М.Степняку-Кравчинскому свою книгу «В голодный год», Короленко советует: «Выпишите “Гражданина” и “Московские ведомости”... и Вы получите из них неисчерпаемый клад самых кричащих сведений, от которых Ваши заграничные читатели разинут рты... Если бы еще 10–12 лет назад кто-нибудь осмелился так характеризовать цели и намерения правительства, как они теперь характеризуют, то за это, вероятно, выслали бы в места отдаленные как за попытку оклеветать правительство» (Р. Л., 1962, № 4, с. 170).

Ив.Иванов — «Современный герой» (Арт., № 1). «Образцовая тишь да гладь» царствует в современной литературе, изображающей в основном «обычного романического героя», не дающего представления о «переживаемом времени и современных людях». Единственный писатель, в произведениях которого «сказалось стремление литературы отдать отчет в знамениях времени», — это Чехов. Вопреки несостоятельным утверждениям критики о «бесцельном» характере его творчества, «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека» и др. — это дума о современном больном поколении, которое «само себе изрекло смертный приговор». И.Иванов надеется, что на смену «неврастеникам», «нытикам», «скептикам-эгоистам» придут другие герои, а литература превратится во «вдохновляющую общественную силу».

Вл.Соловьев — «Первый шаг к положительной эстетике» (Вест. Евр., № 1). «К числу многих литературных реакций последнего времени... присоединилась и реакция в пользу “чистого” искусства», которую нужно признать *«извинительной»*, так как она вызвана «противоположной крайностью»; однако «вместо законной автономии для художественной области» проповедуется *«эстетический сепаратизм»*. «Первый шаг к истинной положительной эстетике» сделан «около сорока лет тому назад автором эстетического трактата», теперь «весьма кстати» перепечатанного [подразумевается трактат Н.Г.Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»; имя автора не называется]. Отстаивая этические предпосылки искусства, Соловьев упоминает талантливого немецкого писателя [Ницше], который стал проповедовать, что «со-

страдание есть чувство низкое... что нравственность годится только для рабских натур» и т.д. И эти идеи, годные для «поданных египетских фараонов и царей ассирийских», были встречены в Европе «как что-то необыкновенно оригинальное и свежее».

В отклике «Русских ведомостей» (24 янв.) подчеркивалось, что Чернышевский сказал «не последнее, а только первое слово истинной эстетики».

К.Медведский — «Символизм на русской почве» (Набл., № 1). Течение, представленное Фофановым, Минским и Мережковским, а также «первым русским символистом» (мистерия «Белая лилия» в сб. «На память», М., 1893), «мистиком и эротоманом» Вл.Соловьевым, — это «копеечная свечка», от которой ни Москва, ни Петербург не сгорят: пока литераторы «не забывают о своем русском происхождении — они не страшны. Но тот час, когда они обратятся к спасительным теориям космополитизма и предстанут перед нами в образе людей без рода, племени и отечества, — будет страшным часом начала диких блужданий...»

Н.К.Михайловский — «Литература и жизнь» (Р. Бог., № 1), в частности, «Об экономическом материализме» и «Из писем марксистов». Признает ценность экономического учения Маркса, но отрицает «исторический материализм», с его идеей «исторической необходимости», исключающей «сознательное воздействие» на ход вещей; нет «общего исторического ключа ко всем историческим замкам», «национальное чувство — самостоятельный фактор», который «влияет на ход истории помимо и часто наперекор условиям производства». Не оказывая заметного влияния на научные сферы, марксизм быстро распространяется в рабочем классе «в форме извлечений, упрощений и популяризаций»; русские же марксисты сосредоточились на идее пролетаризации мужика; «приват-звонарь» марксизма П.Н.Скворцов в книге «Экономические причины голодовок в России» высчитал, что для успешного развития капитализма необходимо обезземелить 20–25 миллионов, поэтому «активные марксисты» протестовали против помощи голодающим крестьянам.

В отклике на эту статью В.Буренин (Н. Вр., 4 февр.) писал: хотя «г. Михайловский и “враг” мой», признаю его «почтенным и талантливым публицистом, с определенными убеждениями и взглядами», в отличие от «наглых еврейчиков» и «мнимо-солидных мужей мнимо-солидной науки» (В.А.Гольцев). Однако, Михай-

ловский «чересчур много распространяется о российском «марксизме», а между тем эти «пузыри от дождя» — «утомительны» и «не нужны в журналистике».

Михайловский отвечал на это: «Что выйдет из теперешних наших марксистов — неизвестно, но они во всяком случае составляют часть наших преемников на житейском поприще». «История готовит нам, может быть, такие сюрпризы, которые и “не снились нашим мудрецам”» (Р. Бог., № 2).

Вл. С. Соловьев — «Смысл любви» (Вопр. Фил. и Псих., № 1; начальные главы печатались в том же журнале: 1892, № № 14–15, 1893, № 16). «Половая любовь» рассматривается как «духовно-физический процесс восстановления образа Божия в материальном человечестве».

Позднее С. Н. Булгаков определил эту работу как «возвышенную и чистую мистику пола», в отличие от подхода В. В. Розанова, превращающего «проблему пола» в какой-то «фаллический апофеоз» («Вопросы жизни», 1905, № 2).

В. В. Розанов — «Свобода и вера. По поводу религиозных толков нашего времени» (Р. Вест., № 1).

Ответом был памфлет Вл. С. Соловьева «Порфирий Головлев о свободе и вере» (Вест. Евр., № 2), определивший розановскую позицию как «елейно-бесстыдное пустословие», за которым стоит защита веры не «словом убеждения», а «вещественным оружием», вплоть до тюрьмы и ссылки.

В свою очередь В. В. Розанов в «Ответе г. Вл. Соловьеву» (Р. Вест., № 4) назвал философа «образцом религиозной тупости», «ненавистником своей родины и православной церкви».

Февраль

А. Чехов — рассказ «Скрипка Ротшильда» (Р. Вед., 6 февр.).

М. Горький — рассказ «Дед Архип и Ленька» («Волгарь», 13, 16, 18, 20 и 23 февр.).

Д. В. Григорович — рассказ «Порфирий Петрович Кукушкин. Приключения мирного гражданина, прожившего до полной зрелости у мирной пристани, неожиданно упавшего в воду, унесенного течением и едва не утонувшего» (Р. Мысль, № № 1–

2). Герой — неудачный поэт, драматург и издатель журнала «Светоч».

Григорович «знавал гигантов нашей литературы и ее пигмеев, знавал людей чести и правды и предателей... литераторов и дилетантов... И изо всего этого огромного запаса пятидесятилетних наблюдений выбрать... маленькую, жалкую букашку-неудачника и облить эту безобидную букашку целым фонтаном насмешки... На муху с обухом...» (Н.К.Михайловский, Р. Бог., № 3).

В середине февраля в Москве на заседании Общества любителей российской словесности и на собрании художников В.А.Гольцев прочел лекцию на тему «Какое искусство выше: “чистое” или идейное?»

Еще несколько лет тому назад, писал корреспондент газеты «Новости» (19 февр.), «серьезная беседа на эту тему производила бы комическое впечатление», так как господствовала вера «в сознательное творчество», теперь же то и дело возвышаются голоса защитников «искусства для искусства». Приверженец искусства идейного, Гольцев заявил, что исходит из положений эстетики Чернышевского, за что и «удостоился очень шумных аплодисментов от многочисленных слушателей», но в то же время В.А.Гольцев признал «настоящими шедеврами... художественные пустячки, которыми баловался и прославился Фет». В результате лекция вызвала возражения с двух сторон, особенно бурные в собрании художников, на котором горячей овацией была встречена речь художника Н.Н.Ге — об обязательной тенденциозности искусства, идущего «в уровень с эпохой».

В.А.Гольцев в особом письме в редакцию (Нов., 26 февр.) протестовал против приписанного ему колебания между «чистым» и идейным искусством, оговорив, впрочем, что, предпочитая «сознательное служение» идее, не может не признавать существования и «бессознательного творчества».

В.Г.Короленко по поводу этой полемики писал В.А.Гольцеву 11 марта: «Я, конечно, вовсе не поклонник “тенденциозного” искусства, как не поклонник “чистого”. Я ишу в произведении искреннего, глубокого, нового (оригинального) чувства или строя чувств, новой, глубокой, оригинальной мысли или цепи мыслей... А тепличные тренькания чистых жрецов чистого искусства... так же скучны и противны порой, как и надутое доктринерство или детская мораль иных “тенденциозных” проповедников» (т. 10, с. 220).

22 февраля Л.Е.Оболенский пишет В.А.Гольцеву из Севастополя: «...наблюдая жизнь в провинции, я вижу, что ...декадентский тип ...есть *крупное* по своей крайней *распространенности* явление текущего момента. Его создали не статьи Волынских, Мережковских и *tutti quanti* (о них здесь мало знают и плохо их понимают), а отсутствие положительных идеалов, веры в настоящий прогресс, несчастное полужнание и какая-то полная развинченность нервной системы... Результатом этого является презрение ко всему тому, что может еще спасти: к науке, к серьезной работе общественной, к чтению, к народу... Общее трупное разложение... не встречает серьезно, продуманного, *доказательного* отпора. Михайловский, например, поострил над французскими декадентами по Марку Нордау, но сущности этого явления не коснулся, не дорылся до его *коренных*... принципов, идущих из самой почвы. ...Это направление идет якобы под новым знаменем, а для наших ротозеев это-то и главное: мода, новинка!» (сб. «Памяти В.А.Гольцева». М., 1910, с. 298–299).

К.Бальмонт — «Болото» («О, нищенская жизнь, без бурь, без потрясений, / Холодный полумрак, без звуков и огня! / Ни воплей горестных, ни гордых песнопений, / Ни тьмы ночной, ни света дня!»), «У норвежского фьорда» (Р. Мысль, № 2). Это стихотворение открывало сборник «В безбрежности» (М., 1895).

К.Бальмонт — второй сборник стихотворений «Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты». СПб., 1894*, тираж — 2000.

Пл.К[раснов] пишет, что К.Бальмонт, несмотря на общее «бледное, смутное» впечатление, обладает «собственной физиономией» и является сыном переходного времени, когда материализм «начинает готовить уже собственную могилу» и «загорается звезда идеализма» (Вс. Иллюстр., № 12, 19 марта). В.Буренин назвал сборник «кадкой стихотворного меду», в котором найдется и «ложка дегтя» — «склонность к декадентским фокусам» (Нов. Вр., 25 марта). Рецензент «Русского обозрения» (№ 12) отметил успех книги, «несомненное изящество формы» стихов и возразил против отнесения Бальмонта к декадентам. Рецензент «Русского

* Первый «Сборник стихотворений» К.Бальмонта вышел в Ярославле в 1890 г.

богатства» (№ 4) отметил «истинное поэтическое вдохновение» при «неопределенности содержания»; «тихая, нежная грусть составляет отличительную черту его поэзии», но в ней нет «ничего болезненного, вымученного, искусственного». А. Скабичевский выразил сожаление, что самый одаренный из современных молодых поэтов тратит свой талант «на возмущающие душу мелочи и побрякушки в духе Фета» и на «перлы самого чистокровного декадентства» (аллитерации в стихе «чуждый чарам черный челн») (Нов., 7 апр.). И. Иванов назвал сборник «микроскопическим исследованием своих домашних душевных треволнений» (Арт., № 4). Наиболее резко отозвался в неподписанной рецензии А. Волынский: «Художественные краски скомпилированы по современным образцам, все мотивы — бледные отзвуки чужих настроений, испорченных собственным поэтическим бессилием»; «бездушные, холодные» стихотворения, «пустой перезвон рифм и звуков» («Челн томленья») (С. Вест., № 4).

Март

Н. К. Михайловский — «О гр. Л. Н. Толстом» [в цикле «Литература и жизнь»] (Р. Бог., № 3). В связи с разговорами об упадке литературы напоминает о «великом писателе земли русской», «равного которому нет ни в одной из современных литератур, даже самых богатых», каждое слово Толстого «раздается по всему цивилизованному миру», перед его «настоящей, простой смелостью» «меркнет крикливый, деланный “натурализм” Эмиля Золя». При этом в состав толстовской «художественной красоты» входят два элемента: «правдивость изображения действительности, как она есть, без прикрас и урезок, и оценка ее с точки зрения известного нравственно-политического принципа или идеала», того, что Боборыкин презрительно именуется «морально-цивическими мотивами».

В мартовском номере «Вестника Европы», в разделе «Литературное обозрение», по поводу четвертого сборника Н. Г. Чернышевского «Заметки о современной литературе. 1856–1862» (СПб., 1894) — без указания автора — говорится о возникшей в последнее время «странной, ожесточенной вражде» к «преданию» 60-х годов, вражде, свидетельствующей об «историческом невежестве» и «современном литературном упадке».

Пл. Краснов — «В поисках идеала» (Тр., № № 2–3). Хотя изображение «идеального героя» «составляет высшую цель ху-

дожественного творчества», его нет у «самых симпатичных и талантливейших из наших современных писателей, г.г. Короленко и Чехова», в отличие от Потапенко («На действительной службе») и Боборыкина («Василий Теркин»). Короленко «занимается “этнографической” беллетристикой, изображая... сибирских дикарей, бродяг, преступников или просто русских мужиков... или совершенно исключительные психологические случаи, вроде слепого музыканта, или детской психологии». «Чехов посвятил себя описанию будничной жизни и будничных людей», «больных, надорванных, подавленных, слабовольных». Причину распространения «неидеального героя» критик видит в натуралистических традициях времен Гоголя и Щедрина, в привычке развенчивать своего героя и в условиях русской жизни, где «нет геройских дел».

А.Волынский — «Н.А.Добролюбов» (С. Вест., № № 1–3). Добролюбов встал «на почву чистейшего реализма», ограничил себя «задачами исключительно бытового, гражданского свойства», лишен пафоса в жизни и в критике.

24 марта отмечалось 35-летие литературной деятельности А.М.Скабичевского. К участию в юбилейном торжестве не был допущен А.Л.Волынский, как враг демократической критики 60-х годов, преемником которой считал себя А.М.Скабичевский. «Инцидент с Волынским» обсуждался на страницах печати: в «Книжках Недели» (№ 4, Из лит. мира) виновными были признаны обе стороны. «Новое время», «Московские ведомости», «Сын отечества» и др. заявили о нетерпимости либерального лагеря. Этой же теме были посвящены «Письмо в редакцию» А.Волынского и его статья «Вражда и борьба партий» (С. Вест., №№ 4 и 5). В первом — Волынский приводил текст своего поздравительного письма юбиляру с признанием его литературных заслуг и терпимого отношения к чужим воззрениям. Во второй — утверждал, что «утилитарная гражданственность» превращается в «тиранию, преследующую всякое свободное научное и философское искание». И.А.Гофштеттер защищал право организаторов юбилея, на котором не было «ни князя Мещерского, ни Льва Тихомирова», воспрепятствовать присутствию и А.Волынского, проповедующего, что Чернышевский положил начало литературному движению, «растлевающему прогресс и принижающему искусство» («Свобода мнений и проступки слова», Р. Ж., 9 апр.).

27 марта А.П.Чехов пишет А.С.Суворину: «...толстовская мораль перестала меня трогать... Во мне течет мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями... Но толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6-7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса. Война зло и суд зло, но из этого не следует, что я должен ходить в лаптях и спать на печи вместе с работником и его женой и проч., и проч... Очень возможно и очень похоже на то, что русские люди опять переживут увлечение естественными науками и опять материалистическое движение будет модным» (т. 5, с. 283-284).

Сборник «Русские символисты». Вып. 1. Валерий Брюсов и А.Л.Миропольский*. М., 1894, тираж — 200. В предисловии издатель В.А.Маслов [В.Я.Брюсов] пишет: «Нисколько не желая отдавать особого предпочтения символизму и не считая его... «поэзией будущего», я просто считаю, что и символическая поэзия имеет свой *raison d'être*... Цель символизма — рядом сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя, вызвать в нем известное настроение».

«Название “Русские символисты” выдуманно не мной, — писал В.Я.Брюсов П.П.Перцову в 1895 г., — да и первый выпуск показывает, что я вовсе не стремился писать непременно необыкновенные вещи... Я просто видел в символизме новое спасительное течение...» (ЛН. Т. 98, кн. I, с. 667).

«Тошная книжечка, в 44 страницы, содержит в себе 22 стихотворения двух доморощенных декадентов. И по форме, и по содержанию — это не то подражания, не то пародии на наделавшие в последнее время шуму стихи Метерлинка и Малларме» (Пл.К[раснов], Вс. Иллюстр., № 18, 30 апр.). Рецензент, подписавшийся псевдонимом «Иванушка Дурачок», в заметке «Московские символисты» отмечал, что сборник доставит наслаждение ценителям «литературных курьезов», «любящим расширить селезенку здоровым смехом», но в нем есть «два-три звучных и милых стихотвореньица», написанных Брюсовым, который «не выдержал шутовско-

* Псевдоним А.А.Ланга, гимназического товарища В.Я.Брюсова.

го тона, потому, что он человек не без дарованьица» (Н. Вр., 10 марта).

«Нас разобрали в “Новом времени”, — записал Брюсов 13 марта. — Конечно, что до меня, мне это очень лестно, тем более, что обо мне отозвались, как о человеке с дарованием. Чувствую себя истинным поэтом» (В.Б р ю с о в. Дневники. М., 1927, с. 16).

«Если гг. Брюсов и Миропольский — не вымышленные, а действительно существующие в белокаменной лица, — то им дальше парижского Бедлама или петербургской больницы св. Николая идти некуда» (Кор А-н [А.Коринфский], Сев., № 21, 22 мая). Некто «Бенедикт» назвал сборник «убежищем для неизлечимых декадентов и символистов» («Звезда», № 13, 27 марта).

В язвительно-иронической рецензии Вл.С[оловьев] писал о «Русских символистах»: «Эта тетрадка имеет несомненные достоинства: она не отягощает читателя своими размерами и отчасти увеселяет своим содержанием... В словах “созвучий розы на картинах пустоты” и “окна снов бессвязных” можно видеть хотя и символическое, но довольно верное определение этого рода поэзии... Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды... неуместны» (Вест. Евр., № 8).

Апрель

А. Чехов — «Вечером» (первоначальное название рассказа «Студент») (Р. Вед., 16 апр.).

По свидетельству брата писателя, И.П.Чехова, и И.А.Булнина, Чехов ценил этот свой рассказ как «наиболее отделанный» (Сочинения. Т. 8, с. 507). В критике рассказ прошел незамеченным.

Д.Мережковский — «Ода человеку» (Р. Мысль, № 4)*.

*Природа для меня — как царское подножье!
Я — человек, я — цель, я — радость, я — венец.
Всего живущего начало и конец,
Я — образ и подобье Божье!*

* В 1894 г. стихи Мережковского печатались почти в каждой книжке «Русской мысли» (№ № 1, 3-5, 7, 9, 10).

А.Волынский (С. Вест., № 4) выступил против статьи Н.К.Михайловского о русской литературе во французском журнале «Revue des Revues» (1894, № № 2-3), написанной с «устаревших» идейных позиций 60-х годов, оказавших «растлевающее влияние на ход умственного прогресса».

И.И.Иванов (Арт., № 5) поддерживал взгляды Михайловского, в частности его оценку творчества Достоевского («болезненный, узко-личный элемент») и Толстого («мистицизм»). Не называя имени Волынского, Иванов характеризует его деятельность как покушение на «лучшее достояние прошлого» «беспринципного общественно примитивного инородца». Б.Б.Глинский писал, что этот «злой, завистливый, неблагодарный и трусливый» «маньяк» разыскивает даже то, что Михайловский печатает за границей, ибо ему «не дает покоя» известность этого имени (а также — Вл.Соловьева), мешающая «культу собственного величия» («Болезнь или реклама?», Ист. Вест., 1896, № 2, с. 654).

23 апреля, в Москве, открылся первый съезд русских художников и любителей художеств, совпавший с передачей городу Третьяковской галереи. По этому случаю обозреватель журнала «Артист» (№ 4) назвал событие «Третьяковскими днями» и приравнял их к «Пушкинским дням» 1880 г. Н.К.Михайловский заметил, что «передача в общественную собственность единственного в своем роде собрания художественных произведений» — событие «не менее значительное, чем открытие памятника великому поэту», но «Третьяковским дням будет до Пушкинских, как до звезды небесной, далеко», ибо те протекали на фоне общественного подъема («Литература и жизнь», Р. Бог., № 5).

Пл.Краснов — заметка «Фотография в литературе» (Тр., № 4). Теория современного натурализма, сомнительная в эстетическом отношении (дает лишь «плоскую фигуру без перспективы»), в области нравственности, как правило, нарушает «законы благопристойности», «играя на самых низких инстинктах толпы» (И.И.Ясинский).

Май

8 мая Вл.С.Соловьев пишет М.М.Стасюлевичу из Москвы: «Здесь много виделся с Толстым и толстовцами, из которых некоторые... начинают от его полубуддизма переходить к христианству»

в моем смысле; не теряю надежды и относительно его самого» (Вл.С.С о л о в ь е в. Письма. Т. 4, Пб., 1923, с. 65).

В начале мая Н.К.Михайловский пишет В.Г.Короленко: «В Питере за самое последнее время творится что-то странное — обыски и аресты, в которых решительно нельзя разобраться. Зеленая молодежь отдувается, как всегда. Но арестован, например, некий Струве, молодой тоже человек, студент, но из подающих надежды молодых старичков,— чисто кабинетный теоретик, много занимавшийся рабочим вопросом. Арестован, говорят, где-то в провинции Натансон... Говорят об открытии тайной типографии в Смоленске, но ни о каких произведениях подпольной печати за последнее время ничего не было слышно. Получил я как-то гектографированный “Рабочий листок” или что-то в этом роде и немедленно уничтожил, как с удовольствием уничтожил бы и все издание, если бы была возможность. В “Листке” этом есть, между прочим, большие похвалы Вашей книге [“В голодный год”]. Похвалы, которые могли бы появиться в любом обыкновенном издании, но это-то и бестактно. Неумный народ эти наши подпольные литераторы» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 30, ед. 2).

В.Г.Короленко — рассказ «Парадокс» (Р. Бог., № 5); «В борьбе с дьяволом (Эскиз из дорожного альбома)» (Р. Вед., 28 мая): об Армии спасения.

Газета «Русская жизнь» (А.Х. «Детские мечты», 14 июня) упрекала автора в «туманности, неясности» рассказа, в том, что афоризм «Человек создан для счастья, как птица для полета» уводит из мира действительности в мир «фантазий» и «воздушных замков». Недоумевает и литературный обозреватель «Русских ведомостей» (16 июня): «Что хотел сказать своим афоризмом несчастный урод, в устах которого фраза о счастье как об одном из неотъемлемых свойств человеческой природы звучит горькой насмешкой?». Критик «Русского обозрения» (1895, № 1, «Летопись совр. беллетристики») находил, что «бытовая сторона» свидетельствует о «мастерстве талантливого художника», философская же не удалась, ибо непонятно «роковое значение» афоризма калеки. Лишь рецензент «Книжек Недели» (№ 6) в заметке «Для чего создан человек? Афоризм или парадокс» поддерживает формулу Короленко и называет рассказ счастливым исключением в современной беллетристике с ее «захватывающими» любовными романами.

24 сентября В.Г.Короленко писал П.С.Ивановской по поводу своего рассказа: «Жизнь вообще, в самых мелких и самых круп-

ных своих явлениях, кажется мне проявлением общего великого закона, главные основные черты которого — добро и счастье... Только это я и пытался сказать своим парадоксом, но собственная душа моя в это время была еще так же изломана [смертью дочери], как мой несчастный философ. И поэтому эта... мысль оказалась как-то непроизвольно с такими пессимистическими придатками, — что в общем выводе рождает недоумение и вопрос» (Избр. письма. Т. 3, М., 1936, с. 85).

Н.Г.Гарин — «Деревенские панорамы» (Р. Бог., № № 1–3, 5).

«Мрачность и безотрадность» картины, нарисованной Н.Гариным, отмечает А.Скабичевский, указывая на принадлежность очерков к «аскетическому» типу творчества («одни только документальные снимки с действительности»), на который «отваживаются лишь очень немногие мученики русского слова, вроде Решетникова и Глеба Успенского» (Нов., 3 марта). Рецензент Д.М. писал, что в «Деревенских панорамах» картина получилась мрачнее, чем того желал автор, и далеко не совсем верной, так как «импрессионистическая манера описания» не позволяет Гарину «соблюдать основные законы перспективы и заслоняет случайными явлениями события деревенской жизни» (Р. Вед., 16 июня). «Автор с каким-то наслаждением боли останавливается на мрачных сторонах народной жизни. Для него везде на первый план выступают невежество, дикость, зверообразие этой жизни...» (Р. Мысль, № 4, Библиограф. Отд.).

Д.Мережковский — «Песня во время грозы» (Р. Мысль, № 5).

*Жизни! Жизни!.. Я тоскую...
Нет ни счастья, ни скорбей...
О, пошли грозу святую,
Боже, родине моей!..
Бури! Бури! Я тоскую...
Дайте слез душе моей!..*

Ф.Сологуб — «В мае» («Злые виденья / Раненой жизни, / Спите до срока в мятежной груди!») (С. Вест., № 5).

В.А.Гольцев — «А.П.Чехов (Опыт литературной характеристики)» (Р. Мысль, № 5). Отводя Чехову «одно из наиболее выдающихся мест» среди современных беллетристов, отметив «расширение круга наблюдений» и «углубление содержания» в последних произведениях («Рассказ неизвестного человека»,

«Бабье царство»), Гольцев полагает, что «расцвет его литературной деятельности лежит еще в будущем». Оспорив обычные упреки критики в отсутствии «стройного мировоззрения», замечает, что Чехов никогда не служил «общественной неправде». Однако признает «недостаток мужественных, призывных нот», так как Чехов — «объективный художник», «художник-человек», а не «пророк освобождения», не «художник-гражданин»; «его пессимистическое мировоззрение не принимает гнетущего характера», ибо он «любит и человека, и природу».

М. Метерлинка — «Слепые» (С. Вест., № 5) в переводе и с предисловием Н. Минского, который разъясняет, что в пьесе «изображена судьба современного человечества, состарившегося, бессильного, пустившегося в поиски за истиной и беспомощно коченеющего в ожидании смерти».

Декадентство, несмотря на свои «уродливые» и «смешные» крайности, все громче заявляет свои права на существование и «требует к себе серьезного внимания»: «...отпор, каким встретило декадентство русская критика, несомненно парализовал его успех в нашей литературе, но тем не менее и наша поэзия, и наша музыка, и наша живопись в особенности подпали под общеевропейское настроение» («Защита символизма и новая трагедия Метерлинка», Кн. Нед., № 6, с. 268).

М. О. Меньшиков — «Старые и молодые таланты» (Кн. Нед., № 5). «Единственный великий из живых писателей [Толстой] потерял собственно для литературы», но находится «на верном пути» философских, религиозных и моральных исканий; у остальных, старых и молодых, «отсутствует верховное, внутреннее сознание», вырабатываемое совестью. Среди «восходящего поколения» выделяет Чехова и Короленку.

Июнь

П. Д. Боборыкин — роман «Перевал» (Вест. Евр., № № 1–6). Среди героев: «кающийся дворянин» 60–70-х гг., потом толстовец, ныне «посредник между капиталом и трудом» при просвещенном фабриканте; «амбарный Сократ», нищееанец и антисемит, выступающий против «направленства» и «дряблого морализма»; «энтузиаст общины»; князь, бывший гегельянец, ныне опростился и отдал землю крестьянам; женщина, перенесшая «мираж любви», строит школу для народа (все приходят к служению народу во время года).

Вызвал огромное количество критических отзывов, сопровождавших с января печатание романа и не умолкавших до конца года. Консервативная часть критики, отрицательно оценившая «Василия Теркина», встретила новый роман более благосклонно. Ю. Николаев [Говоруха-Отрок] усматривал «положительные» стороны романа в изображении «топтания» русской интеллигенции последнего полустолетия (начиная с деятельности Белинского) на одном месте и «пробуждения религиозного настроения» в русском обществе, которое должно положить предел «умственной и нравственной смуте»: «пока народ наш проникнут христианским настроением, никакие социалистические учения... какие бы материальные блага ни сулили впереди, не будут им восприняты». Самые положительные герои романа — старый гегельянец 40-х годов и молодой дворянин-славянофил — противостоят «глумливому движению последних десятилетий» (Моск. Вед., 24 февр. и 10 марта). «Даже шаблонное творчество г. Боборыкина», несмотря на его «фельетонную ветренность», в наше время, «среди нынешних беллетристов-декадентов», «начинает казаться чем-то необыкновенно порядочным и симпатичным» (В. Буренин, Н. Вр., 22 июля). Шовинистически настроенный критик К-ский [К. П. Медведский] признал роман свидетельством того, что «общество “переваливает”, оставляя позади и шаблонный реализм... и презренную боязнь сознавать себя именно русским, а не чухонско-немецко-жидовско-татарским или “международным” человеком» (Набл., № 8).

Либерально-народническая критика, за исключением неизменного поклонника Боборыкина — А. Скабичевского (Нов., 23 июня, 7 и 14 июля), в основном отрицательно оценила новую попытку Боборыкина «уловить время». Обозреватель Д. М. отметил, что никакого идейного «перевала» в романе нет, показаны не «новые элементы», характеризующие нарождающуюся эпоху, а все те же «поумневшие» герои, удачно или неудачно снимающие с себя тяжелое бремя общественных идеалов, благородных стремлений и нравственных устоев» (Р. Вед., 16 июня). Л. О [боленский] указал на «брезгливое» отношение писателя к разночинцам и «возвеличивающее» — к дворянской аристократии. Лыжин — просто «бесцельный шатун», «амбарный Сократ» Кострицын «с философии Ницше “свалился” в законный брак» и весь «перевал» не что иное, как «идейная прострация» героев («Что такое новый роман г. Боборыкина», Р. Мысль, № 11). Ив. Иванов резко осудил позицию Боборыкина, оправдывающего героев, бегущих от «направленства», как от «моровой язвы», и воспевающего силу и мощь капитала в лице просвещенного фабриканта Кумачева («Заметки читателя», Арт., № 7). В статье М. А. Протопопова «Свободное

творчество» разоблачается стремление Боборыкина стоять между двумя лагерями. Не осилив изображения общественно-исторического «перевала», Боборыкин дает ряд частных «перевалов» своих героев. Особый «пункт» Боборыкина — это «формирующаяся русская буржуазия и ее будущая общественно-историческая миссия» (Р. Бог., № 9). Н.К.Михайловский заметил, что Боборыкин «горячо отстаивает принцип “чистого искусства” в своих теоретических статьях и так искусно ниспровергает его в своих романах и повестях» («Литература и жизнь», Р. Бог., № 5). И.А.Гофштеттер назвал Боборыкина не «политическим писателем, а только описателем, только хроникером общественных течений». Показав в «Перевале» «грандиозную картину разброда идеалов в русском обществе, когда «герои и инвалиды недавней борьбы за высокие отвлеченные идеалы, изверившись в них, ...идут на компромисс с действительностью», Боборыкин «не дал никакого генезиса этому явлению» и не ответил на поставленный в романе вопрос «что делать?» Устройство столовых для голодающих — это скорее «дело данного исторического момента», чем определенная программа общественной партии, ибо «естественная задача интеллигенции не в том, чтобы заниматься кормлением голодающего народа, а прежде всего в том, чтобы создать такую организацию народного хозяйства, при которой не было бы голодных». Автор статьи отмечает реакционность новой, «культурной», русской буржуазии, изображенной в лице Кумачева, отсутствие у нее «каких бы то ни было самобытных политических идеалов» и стремление ее слиться с высшей бюрократией, а также тщетность попытки «посредничества между трудом и капиталом» (служба Лыжина у Кумачева) («Политический роман», Р. Ж., 24 июня, 2 и 4 июля). В галерее типов Боборыкина «есть живущие, доживающие, есть нарождающиеся... пережившие», «недостает только тех, которыми... живут все остальные» (М.Н.Мазаев, «Смотр современникам», Кн. Нед., № 9).

Ф.Сологуб — «Из Поля Верлена» («Романсы без слов») (С. Вест., № 6).

Вл.С.Соловьев — «Буддийское настроение в поэзии» (Сочинения гр. А.Голенищева-Кутузова. 2 тома. СПб., 1894) (Вест. Евр., № № 5–6). «Безнадежность» как главное настроение таит в себе опасность «культы смерти» и «проповеди бездушия».

Другую точку зрения высказал Пл.Краснов: Голенишев-Кутузов, как и Апухтин, изображает «страдания жизни сердца и ума», его поэзия свидетельствует, что в обществе «явилось уже созна-

ние, что узко личная, эгоистическая жизнь... носит в себе свое отрицание» («Поэт одиночества», Тр., № 8).

В.А.Гольцев — «Несколько замечаний о натурализме в искусстве» (Р. Мысль, № 6). Если не останавливаться «на однородностях и крайностях» школы, а взять «более выгодную позицию» в лице Тэна или Золя, то задачей натурализма будет «изображение не случайных, а типических явлений», их анализ и обобщение; кроме того «эта теория вовсе не так далека от идеализма, как думают ее представители».

Ю.Николаев [Говоруха-Отрок] — «Старая погудка на новый лад» (Моск. Вед., 2 июня). Успех в России «жалких и ничтожных произведений» Ибсена — «следствие совершенного литературного невежества... нашего так называемого образованного общества». Ибсен пользуется приемами старинной мелодрамы для проповеди своих «совершенно нелепых тенденций» о лжи всего старого и необходимости свободы — этого плода «разнузданности» современного человека, не способного к христианским чувствам — «любви, смирению, терпению».

19–20 июня В.Я.Брюсов пишет А.Л.Миропольскому о подготовке 2-го выпуска «Русских символистов»: «Наш сборник должен быть и прекрасен и символичен. Все, что у нас есть, надо превратить в шедевры... Если надо, напишем все вновь! ...Вперед!!! Составляю сборник диктаторской властью». В летние месяцы Брюсов пишет заметку «О судьбах русской поэзии»: «Вы, критики! Неужели вы вздумали остановить течение истории? Неужели вы не поняли факта, уже совершившегося много раз — старое сменяется новым, мы сменяем вас?.. О, близорукие! Еще посмеется над вами время, если только вас не забудут» («Искусство», 1928, т. III, кн. IV, с. 189, 196).

24 июня — запись в дневнике В.Ф.Лазурского: «Лев Николаевич... читал Бодлера, Метерлинка; говорит, что некоторые вещи у них не лишены интереса и своеобразной красоты; но вообще называет это движение болезненным и радуется, что оно у нас не прививается» (ЛЖТ Толстого, с. 139).

28 июня А.М.Скабичевский, в письме к А.И.Иванчину-Писареву, отказывается от публикации своей статьи в «Русском богатстве» из-за предлагаемых редакцией изменений: «Мне теперь в пору только помещать свои труды там, где их согласятся

принимать мало-мальски снисходительно, в уважение к моим прежним заслугам. А у вас для меня слишком уж мудрено и как-то вычурно. Чувствую себя в вашей редакции так неловко, как будто заставляют тебя танцевать мазурку, когда у тебя от старости ноги уже заплетаются. Бог с вами со всеми» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 3, ед. 330).

М.О.Меньшиков — цикл статей «Думы о счастье» (Кн. Нед., № № 3–6). Главный тезис: личное самоусовершенствование является «основным законом пересоздания мира» и «само по себе есть цель»; противопоставление материалистической теории прогресса как «служения телу» «истинному» прогрессу, т.е. «служению» душе, «богослужению», «общенародное искусство» должно прийти на смену «сословному».

А.Скабичевский возражал, что «безоблачному счастью» «избранников» Меньшикова, укрывшихся от городской культуры в деревне, могут помешать «объективные условия» в виде чумы и холеры. Идеализируя допетровскую старину, Меньшиков забывает, что городская, «западная» цивилизация несет не одни отрицательные стороны, а вносит «новую струю счастья», смячает нравы (Нов., 26 мая, 2, 9 июня).

И.Е.Репин — «Заметки художника (Письма из-за границы)» (Кн. Нед., № 6). Импрессионизм, «освежив искусство от рутинного академического направления», «заметно вырождается», сходя на эксцентричности, «кричащие эффекты», «условную радужную раскраску точками и штрихами».

В мае-июне В.Г.Короленко добивается разрешения на издание газеты «Волжское слово» в Нижнем Новгороде, но получает отказ от Главного управления по делам печати (В.Г.Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 189 и 571). «А кажется, что можно было повести это дело удачно,— записал В.Г.Короленко 7 августа,— и я намерен опять и опять возобновлять шаги в этом направлении. Провинциальная печать — дело с будущим, и притом хорошим... Дело не удалось, но едва о нем пронесся слух,— и я до сих пор еще получаю статьи, корреспонденции и запросы о газете» (В.Г.К о р о л е н к о. Письма к П.С.Ивановской. М., 1930, с. 61).

Е.А.Баратынский — Полн. собр. сочинений. С портретом автора, биографией и его письмами. Киев, 1894, тираж — 5050.

Н.К. Михайловский в неподписанной рецензии оспаривает суждение С.А. Андреевского («Литературные чтения») о том, что Баратынский является «забытым писателем» из-за глубины его поэзии, «мало понятной толпе», и «недоброжелательства критики», в частности, Белинского. По мнению Михайловского, именно этот «великий критик» сразу определил, что «несмотря на вражду к мысли» Баратынский «по натуре своей призван быть поэтом мысли». Баратынский признавался, что «боится нажать себе врагов» и не верит в возможность влиять «болтаньем», т.е. поэзией, «на людское естество». «Этих двух причин совершенно достаточно для того, чтобы обрезать крылья даже у самого крупного таланта», обречь его «на роль бесплодной смоковницы, и никакая красота формы не спасет его от быстрого забвения... Так случилось с Баратынским» (Р. Бог., № 8, Нов. Кн.).

Июль

Л.Н. Толстой пишет 15 июля П.М. Третьякову: «Если бы гениальные произведения были сразу всем понятны, они бы не были гениальные произведения. Могут быть произведения непонятны, но вместе с тем плохи; но гениальное произведение всегда было и будет непонятно большинству в первое время» (т. 67, с. 177).

А.П. Чехов — «Учитель словесности»* (Р. Вед., 10 июля). Рассказ остался незамеченным современной критикой.

11 июля Л.Н. Толстой, прочитав рассказ Чехова вслух, заметил: «В нем с большим искусством в таких малых размерах сказано так много; здесь нет ни одной черты, которая не шла бы в дело, и это признак художественности» (запись В.Ф. Лазурского. А.П. Чехов. Сочинения, Т. 8, с. 510).

Завершается журнальная публикация путевых записок А. Чехова «Остров Сахалин» (Р. Мысль, № № 2-3, 5-7)**, приостановленная цензурой на XIX главе. Последние четыре главы появились лишь в отдельном издании 1895 г., о котором газета

* Вторая глава рассказа, полностью появившегося в сборнике Чехова «Повести и рассказы» (М., 1894). Первая глава под заглавием «Обыватели» напечатана в газете «Новое время» 28 ноября 1889 г.

** В № 4 «Русской мысли» по распоряжению Главного управления по делам печати было напечатано опровержение Правления Высочайше утвержденного общества «Сахалин» (каменно-угольные копи) на обвинения Чехова в хищнической эксплуатации богатств Сахалина и труда ссыльно-каторжных.

«Неделя» (1895, 17 сент.) писала: «...на всей книге лежит печать таланта автора и его прекрасной души... “Остров Сахалин” — очень серьезный вклад в изучение России, будучи в то же время интересным литературным трудом».

Евг. Чириков — рассказ «Gaudeamus igitur! (Из уездной жизни)» (Р. Бог., № 7), о погибающей в уездной глуши интеллигенции.

В том же номере журнала Н.К. Михайловский в очередной статье цикла «Литература и жизнь» отмечает «стремительное» распространение философии Ницше в русском обществе и появление художественных произведений, основанных на «двойной морали» Ницше (одна для «выдающихся личностей», другая для толпы), воспринятой в ее пошло-житейском проявлении (роман Е. Ардова «Выдающаяся женщина», Р. Мысль, № № 4–5).

К. Баранцевич — повесть «Победа» (Р. Мысль, № 7).

Д.С. Мережковский — очерки «Крестьянин во французской литературе. 1. Бальзак» (Тр., № 7). Хотя в предисловии к роману «Крестьяне» Бальзак заявляет, что его цель разоблачить «заговор слабых против сильных, мужика против капиталиста», но «глубокая, бессознательная симпатия к народу» прорывается вопреки «враждебной рассудочной тенденции»: «Мужик страдает, но... будущность — за ним».

После 25-летнего цензурного запрета появилось полное собрание сочинений Д.И. Писарева в 6-ти томах (изд. Ф. Павленкова), вышедшее — огромным по тому времени тиражом — 15000 каждый том (некоторые тома двойным изд.).

Когда «господствующей чертой» времени стало отсутствие «не только идеала, но даже каких-нибудь убеждений», «благородный идеализм» Писарева может быть полезен (Т. [А.Н. Пыпин], Вест. Евр., № 9, Лит. обозр.). «Для Писарева наступила история», писал М.А. Протопопов, называвший критика «барабанщиком и застрельщиком и партизаном... поступательного движения шестидесяти годов» (Р. Бог., 1895, № 1). Правая печать уверяла, что время «развенчало» Писарева, и, несмотря на неугасающий интерес интеллигенции ко всему, что «грубо смазано яркими красками материализма, демократизма и т.д.», теперь он «потеряет свою прелесть», которая являлась «следствием запрета» (М. Южный

[М.Г.Зельманов], «По поводу изданий сочинений Писарева», Гражд., 24 окт.; то же — Дебютант, «Конец легенде», Бирж. Вед., 21 авг.). «Легенде о Писареве действительно пришел конец, но его известности, его влиянию, его литературному значению конца не наступило» (Н.Шатров [В.А.Гольцев], Р. Мысль, № 9).

«Северный вестник», отмежевываясь от реакционной прессы и настаивая на своей общности с либеральной печатью в «практических» общественных вопросах, одновременно заявлял о своем философско-эстетическом расхождении с либерализмом и устами А.Волынского доказывал несостоятельность позиции Писарева (1894, № № 8, 10; 1895, № № 2, 4-5).

П.А.Матвеев — историко-литературный очерк «Н.В.Гоголь и его переписка с друзьями». СПб., 1894.

В.Буренин приветствовал реабилитацию гоголевской переписки, которая значительно опередила свое время (Н. Вр., 12 авг.). Рецензент «Русского богатства» (№ 12) отмечал, что книга Матвеева — не исследование, а «горячая защита известного мирозерцания» против «друзей прогресса» (Белинский, Чернышевский, А.Н.Пыпин, А.М.Скабичевский и др.), которые именуются «клеветниками».

С.Т.Семенов — «Крестьянские рассказы». 2-е изд. С предисловием Л.Н.Толстого. М., 1894, тираж — 2400. Толстой отмечал искренность, значительность содержания, ибо «касается самого значительного сословия России», «идеал христианской истины», «поразительно сильный и образный язык».

Рассказы Семенова, достойные «благословения Толстого», «строго выдержаны в ... quasi-народном стиле, который был одно время очень популярным» (Р. Бог., № 7, Нов. Кн.).

Август

В.Г.Короленко — «Божий городок (Эскиз из дорожного альбома)» (Р. Вед., 6 авг.). Об арзамасском кладбище неизвестных могил, основание которому положено после усмирения булавинского казачьего бунта.

А.П.Чехов — рассказ «В усадьбе» (Р. Вед., 23 авг.).

Н.Гарин — очерки «Карандашом с натуры (По Западной Сибири)» (Р. Ж., 8, 17, 21 и 30 авг.).

А.И.Куприн — рассказ из военного быта «Из отдаленного прошлого» (Р. Бог., № 8). Первоначальное название «Экзекуция» было изменено по цензурным соображениям; впоследствии рассказ «Дознание».

15 августа А.П.Чехов в письме к А.С.Суворину дает характеристику К.С.Баранцевичу: «Это буржуазный писатель, пишущий для чистой публики, ездящей в III классе. Для этой публики Толстой и Тургенев слишком роскошны, аристократичны, немножко чужды и неудобоваримы... Станьте на ее точку зрения, вообразите серый, скучный двор, интеллигентных дам, похожих на кухарок, запах керосинки, скудость интересов и вкусов — и Вы поймете Баранцевича и его читателей. Он не колоритен; это отчасти потому, что жизнь, которую он рисует, не колоритна. Он фальшив («хорошие книжки»), потому что буржуазные писатели не могут быть не фальшивы. Это усовершенствованные бульварные писатели. Бульварные грешат вместе со своей публикой, а буржуазные лицемерят с ней вместе и льстят ее узенькой добродетели» (т. 5, с. 311).

21 августа Н.С.Лесков пишет В.А.Гольцеву в связи с прекращением сотрудничества М.А.Протопопова в «Русской мысли»: «А мне это жаль: его читали и он часто выражал мысли оч. хорошие и суждения верные» (сб. «Памяти В.А.Гольцева». М., 1910, с. 252).

К.Бальмонт — «Я мечтою ловил уходящие тени, / Уходящие тени погасавшего дня, / Я на башню всходил, и дрожали ступени, / И дрожали ступени под ногой у меня...» (Р. Мысль, № 8).

Ф.Сологуб — стихотворение «Негодование» (С. Вест., № 8).

*Но каждый день огнем страданья
Венчала жизнь твое чело, —
В твоей душе негодование,
Как семя в почве, проросло.*

Фридрих Ницше — «Вагнерианский вопрос (музыкальная проблема)» (Арт., № 8); первая публикация Ницше в русской печати (переводчик О.О.Р.). Отд. изд. в том же переводе, Киев, 1899, тираж — 1200.

Пл.К. [П.Н.Краснов] — «Первые декаденты» (Бодлер и Верлен) (Кн. Нед., № 8). Интерес, вызванный декадентами, оправдывается не новейшими французскими поэтами, а этими «первыми декадентами», причем «поэзия Бодлера интереснее поэзии Верлена для людей, интересующихся общественной жизнью более, нежели искусством».

27 и 29 августа в «Новостях дня» помещен фельетон Арсения Г. [И.Я.Гурлянда] «Московские декаденты» — интервью с В.Я.Брюсовым. Среди приверженцев нового течения, заявил Брюсов, нет единства во взглядах на природу символизма, но все согласны, что «символизм явление не случайное, что в наше время необходимо должна была появиться именно такая форма поэзии». Однако одни видят символизм в стиле, другие — в настроении, третьи — в выборе «момента движения». Ближайшей задачей В.Брюсов объявляет «объединение деятелей» нового течения в «общество русских символистов».

30 августа В.Я.Брюсов записывает: «В “Новостях дня” появилось интервью со мною. Конечно, это мне далеко не противно. Идем вперед» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 18; сохранился текст интервью, написанный рукой Брюсова — РГБ, ф. 386, карт. 4, ед. 19).

Летом 1894 г. появляется напечатанная на гектографе в нескольких десятках экземпляров работа В.И.Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», имеющая подзаголовок «Ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов», т.е. в первую очередь против статей по экономическим и социальным вопросам Н.К.Михайловского, Н.А.Карышева, С.Н.Южакова, С.Н.Кривенко и др.

В августе вышла книга П.Б.Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894)*.

Недовольство народнической позицией ведущих сотрудников «Русского богатства» выражал один из основателей журнала — Н.Г.Гарин-Михайловский, писавший заведующему редакцией А.И.Иванчину-Писареву 16 октября: «Вышла книга Струве и делает много шума в провинции. Не пройдет и нескольких лет, как теория экономическая займет в России (в сознании) настолько до-

* В конце 1892 г. «Критические заметки» П.Струве были предложены журн. «Русское богатство» и отвергнуты редакцией (Книга для регистрации рукописей «Русского богатства», РНБ, ф. 211, ед. 1248).

минирующее положение, что о разных “нутряках”, “субъективистах”, народниках-самобытниках и народниках-западниках и речи не будет. Бог даст, и мы наконец хлынем после сорокалетней запруды по естественному руслу» (Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 30).

В декабре вышла книга Н.Бельтова [Г.В.Плеханова] «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ Михайловскому, Карееву и комп.» (СПб., 1895).

Книги Струве и Плеханова вызвали серию полемических статей в «Русском богатстве» (Н.К.Михайловского, С.Н.Южакова, Н.Кудрина [Н.С.Русанова], Николая -она [Н.Ф.Даниельсона] и др.). Особые возражения вызывала фраза П.Струве о необходимости пойти на «выучку к капитализму». Это положение подверглось критике и в книге Г.В.Плеханова, назвавшего Струве «ненастоящим марксистом», что многократно обыгрывал в своих статьях Михайловский, делая предположения, что Н.Бельтов и Н.Каменский (псевдонимы Г.В.Плеханова) тоже могут оказаться со временем «ненастоящими марксистами».

По поводу книги П.Струве Н.К.Михайловский писал, что «материалистическое понимание истории» — «философски не обоснованная и фактически не проверенная теория», на которой лежит «печать самоуверенного оптимизма». Струве воспринял от гегелевской философии «уничтожающее презрение и холодную жестокость» по отношению к личности, а его ближайший экономический идеал «чисто отрицательного свойства: разрушение и недопущение экономической самостоятельности производителя» (Р. Бог., № 10). Среди нападок проповедника «материалистического монизма» Бельтова на «субъективистов» Михайловский выделил превратное толкование работ о героях и толпе («были бы герои, толпа для них найдется...»), между тем Михайловский утверждал как раз обратное: «была бы толпа, а герои найдутся и поведут ее... “бить жидов” или докторов», т.е. «российская социология», презираемая Бельтовым, занималась «объективным исследованием законов коллективной психологии», и такой взгляд не имеет ничего общего с «культом героев» Карлейля, этих «благодетелей человечества», противопоставленных массе, служащей «историческим материалом» (Р. Бог., 1895, № 1).

По поводу октябрьской статьи Н.К.Михайловского Н.Г.Гарин-Михайловский послал телеграмму автору 15 ноября: «Ваш ответ Струве блестящий по форме, но не полный по существу. Нужен целый ряд статей талантливого, европейски образованного, с широким взглядом, беспристрастного публициста, каковой чувству-

ется мне в дорогом для нас русских Николае Константиновиче» (Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 34).

Сентябрь

4 сентября Л.Н.Толстой пишет А.А.Толстой из Ясной Поляны: «Я занят теперь работой [“Катехизис”], которая, боюсь, неприятна вам, но которую я чувствую себя обязанным делать: это изложение в самой короткой и всем понятной форме своего религиозного исповедания веры. Как скоро кончу это, так хочется приняться за, или, скорее, употребить остающийся досуг на художественные работы, которые давно влекут к себе» (т. 67, с. 219).

Н.С.Лесков — «Зимний день (пейзаж и жанр)» (Р. Мысль, № 9); в рассказе изображена прислуга-«непротивленка», нравственно стоящая неизмеримо выше своей барыни-дворянки.

Д.Мережковский — «Перед зарею» (Р. Мысль, № 9) (в окончательной редакции — «Дети ночи»).

*...Дерзновенны наши речи,
По на смерть осуждены,
Мы, как ранние предтечи
Слишком медленной весны.
...Мы для новой красоты
Парушаем все законы,
Преступаем все черты...*

Пл.Краснов — «Чуткий писатель» (о А.К.Шеллере-Михайлове) (Тр., № 9). По отчетам провинциальных библиотек, Шеллера-Михайлова читают больше, чем Тургенева, Толстого, Гончарова, Писемского. Его романы, изображающие жизнь «интеллигентного класса» 50–70-х годов, «предназначены не для артистических натур, а для широкого круга нашей молодежи», которая ценит «резвые, честные взгляды на вещи», умение популяризировать современные теории, позицию «учителя жизни», терпимость к чужим мнениям, бодрый тон, заимствованный из тех лет, когда «Россия готовилась к обновлению».

В связи с обострившимся кризисом внутри редакции «Русско-го богатства» (см. наст. Летопись, декабрь 1894 г.) Н.Г.Гарин-Михайловский писал 26 сентября заведующему редакцией и правой руке Н.К.Михайловского — А.И.Иванчину-Писареву:

«Бейте же этих самобытников, упершихся в стену и мошеннически отвлекающих ваше внимание: Южакова читать нельзя, от Карышева рвет — ведь это общий вопль. А когда кончит Мамин?.. Право же, вся эта компания годится для выпивки, но не для дела нового, а ведь старое провалилось. Ничего нет свежего, и жизнь идет своим путем и не заглядывает к нам в журнал, как солнце в затхлый погреб» (Лит. архив. Т. 5: М.; Л., 1960, с. 28).

Р.И.Сементковский — «Что такое Ибсен?» (Ист. Вест., № 9). В русской литературе «воцаряется настоящий варяг», ему воздают «неумеренные похвалы» не только как «выдающемуся драматургу», но и как «провозвестнику совершенно нового миросозерцания». Между тем, Ибсен лишь «талантливый бытописатель норвежского общества», не провозгласивший никаких новых психологических, социальных, политических, философских и художественных истин; «мизантропия и озлобление» Ибсена не пригодны «для торжества истинно демократических принципов», его «ярые поклонники» — символисты и мистики.

К.П.Медведский — «Современные литературные деятели (К.К.Случевский)» (Ист. Вест., № 9). «Если г. Случевского-прозаика можно назвать писателем не общедоступным, то Случевский-поэт еще требовательнее и разборчивее по отношению к читателю. Любители нежных, но... банальных чувств... не будут удовлетворены... Не произведет он впечатления и на критиков, которые одобряют за преданность идее... и презрение к “эстетическим ценностям”... Аудитория г. Случевского — не большая... но... избранная».

А.А.Потебня — «Из лекций по истории словесности. Басня. Пословица. Поговорка». Харьков, 1894, тираж — 2400.

«Эта маленькая книжка», изданная посмертно, представляет собой курс, воспроизведенный по записям одной из слушательниц. «Глубокие, опережающие современное состояние поэтики взгляды А.А.Потебни в первый раз появляются», в изложении, «пригодном и для большой публики», что может привлечь внимание читателей на книги Потебни «Мысль и язык», «Из записок по русской грамматике», «и в общее сознание понемногу войдут те важные открытия Потебни... которые до сих пор составляли достояние небольшого круга» ([А.Г.Горнфельд], С. Вест., № 12).

Впоследствии А.Г.Горнфельд, ученик Потебни, вспоминал, что редакция «Северного вестника» проявила «ненужное своеволие»,

поместив, без согласования с автором, его статью в виде анонимной рецензии (сб. «Памяти А.Л.Волынского». Л., 1928, с. 31–32).

Л.Майков — «Историко-литературные очерки» (Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Плетнев, Погодин, Фет). СПб.: изд. Л.Ф.Пантелеева, 1895, тираж — 920.

Н.К.Михайловский в неподписанной рецензии отметил, что автор убедительно доказывает, что стихотворение Пушкина «Чернь» обращено «не к народной черни, а к пустой толпе светской», к «лицемерным судьям, как в обществе, так и в журналистике» (Р. Бог., 1895, № 1, Нов. Кн.).

Октябрь

4 октября В.Г.Короленко пишет одному из редакторов «Русских ведомостей» М.А.Саблину: «Дня три назад я послал в редакцию рукопись Пешкова... заглавие “Старуха Изергиль”. Я ее читал и послал потому, что нашел вполне литературной, местами красивой... Просьба: посмотреть и решить ее судьбу, буде возможно не в долгом времени. У вас есть еще другой его рассказ. Я его не читал, боюсь, однако, что по “графу Нелепо” — редакция предубеждена против Пешкова. Это напрасно. Он пишет очень неровно, то нелепо, то очень и очень недурно. Вообще — заслуживает полного внимания». 22 ноября Короленко вновь напомнил редакторам «Русских ведомостей» о рассказе Горького, «несомненно способного молодого писателя» (т. 10, с. 223, 224). Рассказ в «Русских ведомостях» не был напечатан.

Н.С.Лесков — очерк «Вдохновенные бродяги» (С. Вест., № 10).

В октябре завершается публикация двух романов Д.Н.Мамина-Сибиряка: «Без названия» (Мир Б., № № 1–10) и «Черты из жизни Пепко» (Р. Бог., № № 1–10), о газетных репортажах, «дне прессы».

Последний был оценен А.Скабичевским как лучшее беллетристическое произведение года и лучшее создание писателя (Нов., 24 ноября и 1 дек.). П.А.Ачкасов [П.А.Матвеев] назвал изображенный в романе Мамина-Сибиряка «умственный пролетариат» «элементами общественной гнили», «отщепенцами», отказавшимися от обязанностей, налагаемых «семьей, обществом, государством и церковью» (Р. Вест., 1895, № 3). «Было бы большой ошибкой и

несправедливостью презирать» тот уголок литературы, который рисует Мамин: там обитают не только «сбившиеся с дороги», но и «крупные таланты, пробивающие себе дорогу» (Некрасов) (Р. Бог., № 3, отд. II, с. 92).

А.Куприн — «Куст сирени» («Жизнь и искусство», Киев, 17 окт.).

Д.Мережковский — «Эту заповедь в сердце своем напиши...» («Жизнь любви, — выше нет на земле ничего...») (Тр., № 10)*.

20 октября умер Александр III и на престол вступил последний русский император Николай II. Верноподданнические органы печати выражали скорбь о царе-«миротворце», либеральные — ограничились сообщением о манифесте (Р. Мысль, Р. Бог., Кн. Нед., С. Вест.).

Петербургский градоначальник доносил в Департамент полиции о депутации, явившейся к Н.К.Михайловскому с резким протестом против возложения венка на гроб царя от редакции «Русского богатства». «По агентурным сведениям, Михайловский при приеме этой депутации оправдывался тем, что венок был послан редакторами Поповым и Быковым без ведома сотрудников, — что сам же он, Михайловский, в возложении венка не участвовал и этому факту совершенно не сочувствует» (Р. Бог., 1918, № 1-3, с. 94-95). По этому поводу А.И.Иванчин-Писарев писал В.Г.Короленко 5 ноября: «Теперь у нас еще новая полоса неприятностей. Депутации от “протестующей молодежи” по поводу венка, ходят и вручают каждому адрес, начинающийся словами: “Ваш поступок вполне обнаружил перед нами нравственное банкротство нашей прессы и ее представителей”. Сначала пришло 8 человек с вопросом — почему? затем — 4, сегодня — 2 уже с адресом... А в воздухе носится что-то новое, слухов, надежд — целый рой, даже наш цензор сказал зачем-то: “Теперь через два месяца и вы может просить о снятии цензуры”...» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 24, ед. 26).

25 октября Толстой пишет жене: «...При перемене царствования виднее вся та ложь, которая совершается, и больно и страшно видеть ее. Впрочем, манифест исключительно неприличен: “Россия сильна беспредельной преданностью к нам”» (т. 84, с. 229).

* В течение 1894 г. стихотворения Д.С.Мережковского постоянно печатались в журн. «Труд» (№ № 1, 5, 7, 9-12).

30 октября Толстой записал в дневнике: «Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет еще скорее» (т. 52, с. 152).

После смерти Александра III Вяч.Иванов писал И.М.Гревсу, что покойный был ему «глубоко симпатичен» как «личность» и выражал надежду, что «юноша царь еще долго не решится отступить от традиций отца» (Н.М., 1997, № 6, с. 160).

Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок] отметил, что Александра III «более чем кого-либо можно назвать великим монархом», ибо он «начал русский период истории России, в отличие от киевского, московского, петербургского» (Моск. Вед., 27 окт.; см. также ст. Л.Тихомирова «Носитель идеала», Моск. Вед., 30 окт.).

Выходит 2-й выпуск «Русские символисты». Стихотворения Дарова, Бронина, Мартова, Миропольского, Новича и др.* М.: изд. В.А.Маслова [В.Я.Брюсова], 1894, тираж — 400. Разделы сборника — Ноты, Аккорды, Гаммы и Сюиты — намеренно помещены в следующем порядке: III, II, IV, I. Во вступительной заметке, написанной в форме «Ответа» «очаровательной незнакомке», В.Брюсов называет символизм «поэзией намеков» и пророчит, что в недалеком будущем он займет «господствующее положение» среди литературных школ, которые, однако, должны развиваться не в ущерб одна другой, а «дружно, как сестры». Вместе с тем, Брюсов отрицает «крайности» символизма, в частности мистицизм, а «прославленное сближение поэзии с музыкой» называет лишь «средством», а не «сущностью».

Сборник вызвал единодушное осуждение и осмеяние. Бессилие «доморощенной оригинальности» (Пл.К[раснов], Вс. Иллюстр., № 20, 12 ноября). «Фантастический сборник», освобожденный «от цензуры здравого смысла», но «не лишенный некоторых намеков на даровитость» (Нед., 27 ноября). «Литературное юродство» бездарностей, питающих вздорную надежду на господствующее положение в будущем (Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). «Война против здравого смысла», объявленная «бездарными тупицами», стремление к «мистицизму и похотливости»; лишь В.Брюсов «как версификатор подает кой-какие слабые надежды» (Набл., 1895, № 2). Бессодержательность, искажение языка, «туман болезненно перемешанных ощущений», стремление «к грубо материальным идеям

* Чтобы создать иллюзию «школы», В.Брюсов подписал свои стихотворения различными псевдонимами — В.Даров, З.Фукс, К.Созонтов и др.

внешнего наслаждения», лишь некоторые стихотворения Брюсова «милы, грациозны и не без содержания» (Н.Н. [Николаев], «Русские символисты и кое-что о символизме вообще», Р. Обозр., 1895, № 9). Вл.С[оловьев] высмеивал содержание «маленькой тетрадки со стихами проблематического достоинства»: «Порода существ, именующихся русскими символистами, имеет главным своим свойством чрезвычайную быстроту размножения»; еще недавно «их было только два, а ныне уже целых десять» (Вест. Евр., 1895, № 1). А.Волынский в отзыве на первые два выпуска «Русских символистов» признал, что «новые течения... не всегда сопровождаются появлением крупных и свежих поэтических талантов». Даже «наиболее зрелые» представители нового течения (Минский и Мережковский) находятся в «болезненном процессе искания», а сборники московских символистов — это «жалкие потуги», которые «не отличаются никакими серьезными поэтическими достоинствами», лишь в двух-трех стихотворениях за подписью В.Брюсова «бьется живое и более или менее понятное человеческое чувство», но и они «не поднимаются над уровнем самой ординарной версификации» и «бесконечно ниже истинно-талантливых... декадентски-загадочных стихотворений К.Фофанова».

5 января 1895 г. В.Я.Брюсов писал об отзыве Вл.Соловьева В.К.Станюковичу: «Боже мой, он так уничтожил нас, что и клоачев не осталось» (ЛН, т. 85, с. 733).

Ноябрь

В середине ноября Л.Н.Толстой пишет Вл.С.Соловьеву: «...Вы, вероятно, ждете многого от нового царствования, а я ничего...» (т. 67, с. 272).

В.Г.Короленко «Драка в Доме (очерки из заграничной поездки)», (Р. Бог., № 11). Картина английского парламента.

Н.Гарин — «В усадьбе помещицы Ярышевой» (Р. Бог., № 11).

Рецензент «Русской мысли» (1895, № 2) писал: «Временами он [Гарин] проявляет... широту захвата... блески художественного изображения... поистине замечательную стилистику», но проглядывает и «некоторая небрежность» и «лень таланта»; русский мужик изображен в очерке в виде доброго и кроткого богатыря, которого «мыши могут заесть».

Д.Мережковский — стихотворения «Голубое небо» («Я людям чужд и мало верю / Я добродетели земной...») и «Осенью в Летнем саду» (С. Вест., № 11).

З.Н.Гиппиус — рассказ «Люди-братья» (Р. Мысль, № 11).

И.Н.Потапенко — повесть «Смертный бой» (Р. Мысль, № № 8–11).

20 ноября А.И.Куприн пишет А.И.Иванчину-Писареву: «В Киеве “Русское богатство” имеет колоссальный успех и уже оставило за собой “Русскую мысль”» (Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 10).

П.Н.Краснов начинает цикл своих статей «Осенние беллетристы» статьей «В.Г.Короленко», построенной на сравнении творчества Чехова и Короленко: оба они принадлежат к «бледному, хилому, осеннему» поколению, которому «не улыбалось с колыбели солнце общественного возрождения России». Но Чехов — объективный реалист, художественно изображающий «будни, серую жизнь», Короленко же — «идеалист», «любит яркое, живописное, исключительное», «следует заветам старших наших писателей», «будит в читателе уважение к свободе и сочувствие к несчастным и обездоленным» (Тр., № 11).

А.П.Чехов мечтает об издании литературного ежемесячника (письма к В.А.Гольцеву от 6 октября и Н.М.Ежову от 28 ноября; т. 5, с. 324 и 340).

Декабрь

2 и 4 декабря на «чрезвычайных заседаниях» общего собрания пайщиков «Русского богатства» был завершён внутренний раскол с ортодоксально-народнической группой С.Н.Кривенко, последний вышел из состава пайщиков и редакционного комитета. Н.К.Михайловский пригласил в редакционный комитет Н.Ф.Анненского, переехавшего в Петербург в марте 1895 г. В.Г.Короленко стал «трудовым пайщиком» журнала (с отчислениями от литературного гонорара); членом редакционного комитета он был избран ещё в мае 1894 г. (Протоколы общих собраний, РГАЛИ, ф. 1668, оп. 1, ед. 2).

5 декабря А.П.Чехов писал А.С.Суворину в связи с новым царствованием: «Публика ждет чего-то особенного, и газеты ее не удовлетворяют; но желания ее крайне неопределенны. Даже слухов определенных нет, а все какая-то бесформица... Но как бы то ни было, все ждут и на что-то надеются, и все при встрече улыбаются» (т. 5, с. 342–343).

19 декабря В.Г.Короленко записал в дневнике: «Эпоха, которую мы переживаем, — знаменательная... для русского прогресса. Общество ждет и надеется. Чего ждет и на что надеется? Само не двинув пальцем, само не смея не только требовать, но и просить... — оно тем не менее ждет либеральных реформ и надеется на то, что их даст “молодой царь”... Россия видела уже не один случай, когда цари становились во главе ее прогресса... Добрые желания юного царя — кажется несомненны. Но нужны выдающиеся способности, нужна энергия, знание, сила, чтобы отстранить эту стену “старых слуг”, это галдение “доброе русского народа” или вернее того, что ему выдают за народ... Да, если что будет хорошего в ближайшую минуту, то Россия еще раз будет обязана этим личности монарха, который сумеет понять и уступить вовремя... А без этого — будет в России плохо...» (В.Г.Короленко. Дневник. Т. II. Полтава, 1926, с. 316, 317, 320, 321).

21 декабря В.А.Гольцев прочел в Н.Новгороде, в Коммерческом Клубе, лекцию о творчестве В.Г.Короленко. «Лекция представляет, как все статьи Гольцева, — записал Короленко, — частью компиляцию, частью же прибирается по характеру к так называемой эстетической критике... Из лучших мест составляет нечто вроде букета — и преподносится публике, — вместо того, чтобы взяв какое-нибудь глубокое течение, к которому принадлежит то или другое литературное явление — отыскать... его связь с основной нотой, его индивидуальные особенности на этой же почве... Гольцев — как опытный лектор — всегда приберегает на конец какое-нибудь эффектное “морсо” [включенное в лекцию стихотворение Я.П.Полонского “Писатель, — если только он...” со строками: “Не может быть не поражен, Когда поражена свобода”]». «В Москве Гольцев читал ту же лекцию и с тем же концом, — и там все это выдержало цензуру. Но у нас — цензор не пропустил короткого изложения самой лекции... Строки о свободе — были вычеркнуты самой редакцией “Листка”. Осталась одна эстетическая характеристика, в которой признается, что у меня нет непосредственно “политических или социальных тенденций”»

(В.Г.К о р о л е н к о. Дневник. Т. II. Полтава, 1926, с. 327-328).

Буддийская сказка «Карма» в переводе и с предисловием Л.Н.Толстого (С. Вест., № 12).

Н.С.Лесков — «Дама и фефела» (из литературных воспоминаний) (Р. Мысль, № 12).

А.П.Чехов — «Рассказ старшего садовника» (Р. Вед., 25 дек.).

31 декабря Чехов пишет И.И.Горбунову-Посадову, высоко оценившему рассказ и просившему разрешения издать его для народа: «Русские ведомости» «ради страха иудейска выбросили в начале речи садовника следующие слова: “Веровать в Бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте”!» (т. 5, с. 351).

М.Горький — рассказ «Мой спутник» (Сам. Газ., 11, 15, 16, 25, 29, 31 дек.).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — «Исповедь» (Мир Б., № 12).

А.Б. [А.И.Богданович] высказал «большую ересь», отдав предпочтение рассказу Мамина перед «Хозяином и работником» Л.Толстого, ибо первый — «сжат» и «мораль вытекает сама собой», а не навязана автором («Два рассказа на одну тему», Мир Б., 1895, № 4).

Д.Мережковский — «Песня вакханок» (С. Вест., № 12).

*...Гряди, всесильный Вакх, дерзай,
И все преграды, все законы,
С невинным смехом, нарушай!*

А.И.Куприн — «Лидочка (Рассказ бывалого человека)» (Р. Бог., № 12).

Ф.Сологуб — рассказ «Тени» (Сев. Вест., № 12); об уходе от «грубой» реальной жизни в фантастический мир «теней».

Критика отметила талантливость автора и ложность того направления, к которому он примыкает и «главный штаб» которого «ютится» в «Северном вестнике», журнале, систематически печатавшем в течение года произведения Д.Мережковского, Н.Минского, Ф.Сологуба, К.Бальмонта. «Этот маленький рассказик

полон болезненной поэзии», которая «извращение» рисует «как высшую прелесть жизни» (Кн. Нед., 1895, № 1). «Тени — «несомненно символическое произведение», «нечто страдальчески болезненное», подобное впечатлению от «мучительного таланта» Достоевского (Р. Мысль, 1895, № 1, Библиограф. Отд.). «Первая у нас попытка перенесения французского символизма в область прозы»; рассказ оставляет «неопределенное, томительное чувство», но автор — «оригинальный писатель» с несомненным будущим (М.Полтавский [М.И.Дубинский], Бирж. Вед., 1895, 12 янв.).

Н.К.Михайловский — «Литература и жизнь» (Р. Бог., № № 11–12); о философии Фр.Ницше. Быстрое распространение в России «неправильно понимаемых идей Ницше», которые несут «свет... ярче многих признанных светил» (противостояние детерминизму, гегелевской идее «самодержавной истории», проповедь «человека-творца», восстающего против «роковых сил» и «стихийных процессов», «чрезвычайно возвышенно понимаемый идеализм») и «тени чернее черного» (теория «двух моралей»: для «господ» и для «рабов», презрение к слабым, проповедь «любви к дальнему» как отказ от традиционного гуманизма); критик предсказал «новую умственную эпидемию», которая утвердится в упрощенной форме «культы силы» и «нравственной распущенности», в то время как Ницше призывает к созданию «сверхчеловека» за счет человека путем «строжайшей нравственной дисциплины», ибо он моралист даже «строже и требовательнее гр. Л.Н.Толстого».

Русские газеты подробно освещают происходящий в Париже процесс капитана французской армии еврея А.Дрейфуса, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. «Русские ведомости» (13, 16 и 17 дек.) при вполне объективном тоне информации не скрывают сочувствия к подсудимому и к мужественному поведению адвоката Деманжа, ведущего защиту в исключительно трудных условиях и успешшего после решения о проведении закрытого процесса во всеуслышание заявить о невинности своего подзащитного. «Новое время» (7 ноября, 11, 15 и 16 дек.) еще задолго до судебного разбирательства убеждало, что «возмутительное преступление» — дело рук Дрейфуса, а после обвинительного приговора обвинило французскую прессу, защищавшую Дрейфуса, в подкупе евреями.

А.П.Чехов — «Повести и рассказы». М.: изд. И.Д.Сытина, 1894, тираж — 10000; 2-е изд. — М., 1898, тираж — 5000

(«Черный монах», «Бабье царство», «Скрипка Ротшильда», «Студент», «Учитель словесности» и др.).

Разноречивые оценки были высказаны на страницах «Нового времени»: 17 января 1895 С. Андреевский писал, что в Чехове «все видят общепризнанного наследного принца наших крупных писателей». 6 и 27 января 1895 В. Буренин заявил, что с тех пор, как Чехов от «эфемерных рассказцев» перешел к вещам «с солидно-либеральными тенденциями», он, несмотря на одобрение «семинарских педагогов-критиков», «начал постепенно утрачивать здоровую свежесть и искренность своего дарования» и через 10–15 лет его произведения будут забыты.

Пл. Н. Краснов во второй статье «Осенние беллетристы», посвященной Чехову, намечает три периода в творчестве писателя: 1) юмористические рассказы, 2) период «сумерек» и «хмурых людей», 3) стремление отразить общественное движение. Но для роли «учителя жизни» у Чехова «не хватает лиризма, не хватает веры и силы чувства», он «последователь натуралистической школы в лучшем смысле этого слова», но большинство его последних произведений носит следы «борьбы между исканием идеала и желанием правдиво изобразить действительную жизнь» (Тр., 1895, № 1).

Поль Верлен — «Романсы без слов». М., 1894, тираж — 1000. Перевод и предисловие В. Брюсова, который назвал этот сборник Верлена (1874) «первой книгой вполне выраженного, но еще не искаженного символизма». Перевод был послан Верлену с сопроводительным письмом, подписанным «Votre fidèle vassal V. Brussov» («Ваш верный вассал В. Брюсов») (ЛН, т. 98, кн. I, с. 640–642).

Брюсов «совершенно не понял Верлена: все тонкие, неуловимые оттенки мысли он принял за бессмысленный набор слов» (Нед., 1895, № 11, 12 марта). Поэтические «Романсы без слов» Поля Верлена, попав в руки «самоновейшего московского декадента», «превратились в “слова”, лишенные всякой поэзии и притом... не всегда понятные для русских читателей» (Ап. К[оринф]ский, Тр., 1895, № 2; то же — Пл. Краснов, Тр., 1895, № 11, с. 457).

Итоги литературного года

Общая оценка истекшего литературного года — скептически-отрицательная, особенно на страницах охранительной печати. 1894 год «ничем не отличался от своих сереньких предшест-

венников» и не имел «никакого общественного значения». Чехов и Короленко занимались преимущественно путевыми и этнографическими очерками, Толстой — писанием предисловий. Наиболее плодовитым автором оказался Мамин-Сибиряк, но это отрицательно сказалось на качестве его произведений (Сын От., 1895, 3 янв.). То же самое утверждает М. Южный [М. Г. Зельманов]: «Уже который год все нет как нет итогов», Боборыкин и Потапенко «первенствуют на авансцене нашей литературы», пишут много, но не обогащают русскую литературу (Гражд., 1895, 2 янв.). П. А. Ачкасов [П. А. Матвеев] жалуется, что художественное творчество оскудевает в связи с распространением материалистического мировоззрения, которое насадили «литературные вандалы» 60-х годов («Письма о литературе», Р. Вест., 1895, № 1).

В. Чуйко («Русская литература в 1894 году», Од. Л., 1895, 1 янв.) считает, что журналы заполняются произведениями Потапенко, Вас. Немировича-Данченко и т. п. беллетристами, которые благодаря своему индифферентизму одинаково подходят ко всем направлениям.

«Русские ведомости» (1895, 1 янв.) в обзоре «Литература в 1894 году» ограничились перечислением напечатанного в основных журналах, подчеркнув, что «Северный вестник» «продолжал свой постыдный поход против бессмертных писателей, которые так много способствовали развитию русского общества, — против Белинского, Добролюбова, Чернышевского». В своем ответе «Русским ведомостям» А. Волынский писал: «Цепляться за авторитеты, вопиать об их неприкосновенности и грубо поносить всех, дерзающих высказать о них свое самостоятельное мнение, — это старый прием» (С. Вест., 1895, № 3, с. 128).

1895 год

Январь

7 января Н.С.Лесков пишет А.В.Жиркевичу: «По-моему, к искусству приложимее всего запросы Л.Н.Толстого: 1) *Что* изображено (содержание). 2) *Как* (т.е. сколь искусно). 3) *Сколь* искренно?» (Р. Л., 1963, № 4, с. 204).

8 января группа ученых и писателей (М.Н.Альбов, С.А.Андреевский, К.С.Баранцевич, П.И.Вейнберг, С.А.Венгеров, Д.В.Григорович, Н.Г.Гарин-Михайловский, К.М.Станюкович, Н.И.Кареев, Н.К.Михайловский, А.М.Скабичевский, М.О.Меньшиков, С.Н.Южаков, Д.Н.Мамин-Сибиряк, С.Н.Кривенко, Н.С.Лесков и др.) обратилась к Николаю II с петицией, в которой ходатайствовали о «принятии русской литературы под сень закона», т.е. об ограждении ее от произвола светской и духовной цензуры. 18 марта особое совещание из министров внутренних дел, юстиции и обер-прокурора Святейшего синода постановило отвергнуть «вожделения авторов прошения», стремящихся возродить «брожение» 70-х годов, проповедь «вредных идей» и «неуважения к основам нашего государственного строя». Николай II наложил резолюцию: «Вполне согласен» («Красный архив», 1927, № 20, с. 237–240).

«Весьма деятельную пропаганду в пользу петиции вел Н.К.Михайловский». Н.Н.Страхов отказался участвовать, ссылаясь на «односторонний подбор подписей» и «чужой дух»: много говорится о «благе литературы» и очень смутно о «благе России» (Л.Пантелеев, «Литературная петиция 1895 г.», «Современник», 1913, № 4).

Л.Н.Толстой, по воспоминаниям Поссе, сказал: «Такого адреса я подписать не могу... Хуже написать было трудно... Он ничего не может... Так ему и следует написать: “Ты ничего не можешь сделать, пока ты царь. Единственное, что можешь сделать для народа и для себя, это отказаться от престола, перестать быть царем”» (В.А.Поссе. *Мой жизненный путь*. М.; Л., 1929, с. 181).

19 января А.И.Эртель писал В.А.Гольцеву о «петиции»: «Уместно было бы и, пожалуй, благоверенно подвинуть на подобные

же ходатайства Общ. Люб. Рос. словесности и психологии. И то, и другое, конечно, обладает компетенцией в таких вещах... и могло бы найти чересчур много поводов для ходатайства. Напр. знаменитый список книг и журналов, воспрещенных к выдаче в публичных библиотеках...» (Памяти В.А.Гольцева М., 1910, с. 239).

9 января, в Москве, в обществе искусства и литературы состоялась премьера трагедии Карла Гудкова «Уриэль Акоста» (исполнители К.С.Станиславский, М.Ф.Андреева, В.В.Лужский и др.). Хотя навыки актеров невелики, спектакль пользуется «популярностью среди московской интеллигенции». Главные причины успеха: «великая преданность искусству», с которым ведется дело, «отсутствие всего ремесленного», «художественный вкус и артистичность», безукоризненный ансамбль, слияние красоты и правды (Н.Э. [Н.Е.Эфрос], Арт., № 1).

17 января Николай II принял депутацию сословий, земств и городов, перед которой прочел речь, назвав «бессмысленными мечтаниями» либеральные надежды на новое царствование: «Пусть все знают, что Я... буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель» (В. Евр., № 2, с. 861).

19 января В.Г.Короленко записал: «Конец недоразумениям и маниловским упованиям русского общества! ... Ошеломляющее значение... заключается, разумеется, не в том, что теперь нельзя ждать конституции. На это очень мало кто и надеялся. Но огромное большинство общества ожидало начала более либерального периода, ожидало расширения прав самоуправления хотя бы в местных делах... Теперь эти скромнейшие пожелания названы "бессмысленными мечтаниями", — и новое царствование начинается с категорического и резкого их отрицания. Факт этот может иметь огромные и роковые последствия...» (В.Г.К о р о л е н к о. Дневник. Т. III. Полтава, 1927, с. 44–46).

19 января А.П.Чехов писал А.С.Суворину: «Когда уляжется всеобщее ликование по случаю великих радостных событий, напишите мне. Интересно бы наблюдать, каково будет похмелье, то состояние перегара, когда человек чувствует себя разбитым и виноватым и смутно сознает, что накануне он вел себя оскорбительно» (т. 6, с. 14–15).

26 января Л.Н.Толстой участвует в совещании либеральных общественных деятелей, собравшихся под председательством

П.Н.Милюкова для выражения протеста по поводу речи царя 17 января. Совещание не пришло ни к какому решению. Толстой считал совещание «напрасным» (ЛЖТ Толстого, с. 164–165). В оставшейся незавершенной статье Л.Н.Толстого о речи царя говорилось, что в России «самое бессмысленное и далекое от выражения воли народа правление» (т. 31, с. 192).

Л.Н.Толстой — «Противоречия эмпирической нравственности» [впоследствии «Религия и нравственность»] (С. Вест., № 1). Истинная нравственность возможна на основе христианской этики.

Н.Гарин — очерк «Бурлаки» (Мир Б., № 1).

10 ноября Н.Г.Гарин-Михайловский писал А.И.Иванчину-Писареву: «Этот “Амзя” [первоначальное название «Бурлаков»] все-таки свежим веет, это из жизни, и у наших марксистов выдергивает немного почву» (Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 33).

К.Д.Бальмонт — «Свеча горит и меркнет, и вновь горит сильней...»; «Символ смерти, символ жизни, бьет последний час...» («Лишь на краткие мгновенья мраку власть дана, / Чтоб созрела возрожденья новая волна...») (Р. Бог., № 1).

Е.Н.Чириков — «В лесу (В летопись голодного года)» (Р. Бог., № 1). Герой рассказа считает, что интеллигенция, помогающая голодающему народу, по существу находится «в услужении» у зла.

А.Скабичевский говорит о превосходстве подобных рассказов над беллетристикой, занятой вопросами «об оболщаниях, изменах и адюльтерах» (Нов., 28 февр.). Обозреватель «Русской мысли» (№ 3, Период. изд.) отмечал «большую искренность, большую горячность и отдельные блестящие таланты». «Умение хорошего наблюдателя и рассказчика» (Р. Обзор., № 3, Летопись совр. беллетристики).

В.А.Гольцев — «В.Г.Короленко (Опыт литературной характеристики)» (Арт., № 1). В статье подчеркнута «благородная нота глубокой человечности» у Короленко, его «бодрый призыв к труду, к борьбе с разными бедами, гнетущими русскую землю», «определенное социальное и политическое мировоззрение»; «он — не вполне объективный художник», «не опустошил своей души до степени автоматически воспринимающего художественного аппарата».

С.А.Венгеров — «Отзывчивый писатель (Из этюда о П.Д.Боборыкине)» (Кн. Нед., № 1), перепечатана в 4-м томе его «Критико-биографического словаря»: «Талантливый писатель лишен глубины и постоянства настроения» и лишь в виде исключения может сосредоточиться «для защиты дорогих ему идеалов» («Поумнел», 1890), недостаток этот восполняется «способностью отзываться буквально на всякое явление».

Н.К.Михайловский по поводу этой характеристики заметил: «Строго говоря, у г. Боборыкина даже совсем нет ни литературных друзей, ни литературных врагов, ибо никому такой легкомысленный враг не страшен и никому такой легкомысленный друг не дорог. В этом состоит глубоко поучительная трагическая сторона литературной деятельности г. Боборыкина, та сторона, которая его, талантливого, образованного, отзывчивого, трудолюбивого писателя, фатально приводит к “разбитому корыту”» (Р. Бог., № 4, с. 111).

Н.Страхов — «Философские очерки». СПб., 1895, тираж — 600.

В.Розанов подчеркнул, что Страхов «сохранил полную трезвость ума и обладание своими чувствами», идя против общего течения эпохи: дарвинизма, контизма, Бокля и т.п. («Смена мировоззрений», Р. Обзор., № 7).

Вацлав Серошевский — «Якутские рассказы». СПб.: изд. Л.Пантелеева, 1895, тираж — 925.

«Тонкость кисти» позволяет Серошевскому при изображении «звериной жизни» «ни разу не оскорбить ни эстетическое, ни нравственное чувство читателя»; этнографический элемент, за исключением рассказа «Хайлак», первенствует «над общечеловеческим, психологическим» ([Н.К.Михайловский], Р. Бог., № 2, Нов. Кн.). «Вводят в фантастическое мировоззрение и первобытные нравы... туземцев Восточной Сибири» (Т. [А.Н.Пыпин], Вест. Евр., № 2). «Глубоко гуманное отношение автора... навеивает... настроение тихой, сочувственной грусти» (Р. Мысль, № 4, Библиограф. Отд.). После очерков Короленко трудно дать что-либо «новое, свежее, яркое из жизни далекого северо-востока», но каждый год такие произведения появляются. «Для русской публики г. Серошевский является новичком, но в польской литературе он уже пользуется заслуженной известностью» (Мир. Б., № 6, Библиограф. Отд.).

Эдгар По — «Баллады и фантазии». Перевод К. Бальмонта. М.: тип. А.А. Левенсона, 1895, тираж — 2400.

«Надо отдать справедливость г. Бальмонту», «он ближе всех» передал «дух» и «блестящую форму» знаменитого писателя (Р. Мысль, № 3, Библиограф. Отд.).

Шарль Бодлер — «Стихотворения». М.: изд. Петровской б-ки, 1895.

Имя автора переводов — П.Ф. Якубовича, политического ссыльного, лишённого гражданских прав, не могло быть указано. В примечании издателя сообщалось, что переводчик «пожелал остаться в неизвестности». В предисловии К.Д. Бальмонт писал: «Певец зла... сохранял в своем сердце, незримо от всех, источник молитв, благоговения и светлых слез. Находясь в преисподней, он грезил о белоснежной вершине», сохранял «*молитвенное отношение к Добру*».

В связи с неосуществленным проектом 2-го изд. П.Ф. Якубович писал А.И. Иванчину-Писареву 5 июня 1896 г.: «Сам Бальмонт писал мне не так давно, что 2-е изд. вполне осуществимая вещь и даже предлагал свои услуги; но другое письмо его было такого странного, декадентски-сумасшедшего характера, что мне кажется лучше не иметь с ним дела...». 14 июля 1896 г.: «Я не знал даже, что переводы мои попались в руки Бальмонту и что он будет их редактировать. Он получил их из третьих рук от одного московского знакомого, которого я просил издать книжку на предложенных мною условиях... Ни одно из этих условий Бальмонтом и Папером [содержателем Петровской б-ки] исполнено не было. Впрочем, первый из них вину всего взваливает на второго... Только я не хочу вести дело через Бальмонта» (ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. 499).

Февраль

А.П. Чехов — повесть «Три года» (Р. Мысль, №№ 1–2). «Из моего рассказа, — писал Чехов 19 января А.С. Суворину, — цензура выкинула строки, относящиеся к религии. Ведь “Русская мысль” посылает свои статьи в предварительную цензуру. Это отнимает всякую охоту писать свободно; пишешь и все чувствуешь кость поперек горла» (т. 6, с. 15).

«Новый рассказ г. Чехова — новая неудача», — провозглашает М. Южный [М.Г. Зельманов], однако отделяет «беспорный талант» Чехова от «Богом убитого» Мачтета и «уличного» Потапенко; пишет о «бесплодности» талантливого писателя, создавшего в

«Трех годах» «странную мозаику случайных сцен, случайных положений, случайных лиц» (Гражд., 2 марта). М.К[уплет]ский считает, что «болезненные экземпляры», изображенные в повести, не являются характерным типом современного русского человека (Сын От., 30 марта). Рецензент «Русского обозрения» (№ 5) полагает, что «неудача» Чехова объясняется его приверженностью к «модной натуралистической доктрине». В.Буренин нашел повесть растянутой и наполненной ненужными мелочами, но «менее пессимистичной», чем «Скучная история» и «Палата № 6» (Н. Вр., 27 янв.). Анонимный автор «Наблюдателя» (№ 7, «Наша журналистика») нашел, что, несмотря на «большую и пока “незыблемую” репутацию», а также «изрядную бойкость», Чехов — «сочинитель малозначительный»: у него «куцая наблюдательность», «нет жизни, нет живых людей», отсутствует «широкий, свободный взгляд» и каждое изображенное им явление «угнетает свою пошлостью и ничтожностью». Как «неудачное» произведение повесть была оценена и на страницах «Русских ведомостей» (30 янв. и 27 февр.): изобразив «людей с болезненной чувствительностью и слабой волей», Чехов не показал, «что создает таких людей». Более благосклонный отзыв «Три года» получили у А.Скабичевского, увидевшего в образе героя повести Лаптева «Гамлета Замоскворечья», в отличие от «вседовольных» купцов Боборыкина и Вас.И.Немировича-Данченко (Нов., 20 апр.). В «Книжках Недели» (№ 3) повесть названа «превосходной», но «предмет ее изображения не самым нужным и значительным», последнее является «органическим недостатком большого таланта Чехова».

А.И.Эртель пишет 15 марта В.А.Гольцеву: «Ну, брат, А.П.Чехов со своими “Тремя годами” весьма оскандалился: какая это безнадежно плохая вещь, несмотря на искры большого ума и таланта, — мало того, что плохая, но говорящая о какой-то внутренней душевной импотенции автора» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8, М., 1941, с. 94).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — рассказ «Да, виновен» (Мир Б., № 2).

Пл.Н.Краснов — «Осенние беллетристы. Д.Н.Мамин-Сибиряк» (Тр., № 2). В отличие от большинства романистов, описывающих «праздные дни героев», Мамин-Сибиряк «считает самым важным в жизни — труд, и более всего он описывает труд — настроения трудящихся...» Этим, однако, объясняется психологическая и художественная неполноценность произведений Мамина-Сибиряка, так как «работа сама по себе притуп-

ляет нервы, ослабляет духовную изысканность». В его произведениях «мало психологии», «беспорядочное» построение; он «любит вычурные украшения, пестроту слога», как и Н.С.Лесков.

21 февраля умер Н.С.Лесков. В некрологах либеральная печать, упомянув «фальшивый момент» в деятельности писателя, положительно оценила остальное творчество Н.С.Лескова (Нов., 26 февр.; Р. Мысль, № 3). Консервативная же печать, наоборот, превозносила «противостояние» Лескова либеральной «свистопляске» 60-х годов (Гражд., 26 февр.). Пл.Краснов писал: «Лесков имел слишком резко выраженную личность, чтобы понимать такие чересчур общественные, до коммунизма доходившие, идеи, как идея русского социализма», «по духу он принадлежит самым последним годам», когда «общественные вопросы отошли на второй план», а на первом оказалось «совершенствование личности» («Чуткий художник и стилист», Тр., № 5). «Наблюдательный и острый ум заставлял Лескова подмечать преимущественно дурную подкладку лиц и дел человеческих, но глубокое требование нравственного совершенства побуждало его к созданию идеальных типов» («Соборяне») (Вл.С.Соловьев, Нед., № 9, 26 февр.).

А.П.Чехов писал А.С.Суворину 25 февраля: «С таким философом, как Нитче, я хотел бы встретиться где-нибудь в вагоне или на пароходе и проговорить с ним целую ночь. Философию его, впрочем, я считаю недолговечной. Она не столь убедительна, сколь бравурна» (т. 6, с. 29).

Н.К.Михайловский — «Литература и жизнь» (Р. Бог., № 2). О трудном положении провинциальной печати, ибо, с одной стороны, обыватели, с другой — администрация мечтают «о насильственном искоренении неприятных известий».

«Молодая поэзия», сборник стихов, составители П. и В.Перцовы (СПб., 1895).

Из 42 участников сборника лишь 7 остались в литературе: Надсон, Фофанов, Минский, Мережковский, Бальмонт, Брюсов, Бунин (П.П.Перцов. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. М.; Л., 1933, с. 160).

Сборник вызвал многочисленные отрицательные отклики. «Хор мелких пташек» (М.О.Меньшиков, Нед., 9 апр.). Отсутствует не только тенденциозность, но и какое бы то ни было содержание,

кроме «любовного щебета»: 42 поэта «безраздельно сливаются в одну личность» (А. Скабичевский, Нов., 13 апр.). Плод эпохи «безвременья», не давшей молодым поэтам «ни сильных чувств, ни высоких идей» (А. Б[огданович], Мир Б., № 4). «Общество Брюсовых-Шестаковых можно именовать лишь “молодой квазипоэзией”» (Ап. К[оринфск]ий, Тр., № 8). «Любовь и природа — вот исключительные мотивы современной поэзии, упивающейся “Бесцельной красотой” и с негодованием относящейся ко всякому проявлению мысли» ([М. М. Гербановский], Набл., № 9, Нов. Кн.). Рецензент «Нового слова» (№ 2, ноябрь), отметив «малосодержательность и худосочие» сборника, пишет все же, что «на улице молодых поэтов праздник», так как до сих пор публика знала их только по фельетонам Буренина. Благосклонней отзывался М. Полтавский (Бирж. Вед., 18 мая): «Шутки, насмешки, издевательства — все это посыпалось тотчас же по появлении книги на голову ее составителей, а кстати уже и на молодую русскую поэзию», в недостатках которой виновны «условия общественной жизни». Пл. Н. Краснов утверждал, что сборник «восстановил репутацию поэзии, доказал ее право на существование в наши прозаические серые дни»; ее зачинатель и глава — Фофанов («Поэзия мгновений», Кн. Нед., № 8).

Н. К. Михайловский, вопреки утверждению П. П. Перцова о «воскресении художника» в 90-е годы, шуточно пророчит участникам сборника «объятья Леты» (Р. Бог., № 6). Однако Михайловский отверг «невыдержанную» статью М. А. Протопопова о «Молодой поэзии», написав автору: «Что бы ни говорили Белинский и Писарев, а мы не можем так огульно осудить всех не первостепенных поэтов, а ведь Вы говорите о всех, а не только о тех, которых взял под свое покровительство г. Перцов... В частности, мы не можем не выделить Надсона, который чем-нибудь да достучался же до сердец десятков тысяч, и не худым достучался, и не до худых сердец» (ИРЛИ, ф. 391, ед. 38).

18 февраля В. Я. Брюсов пишет П. П. Перцову: «Я давно мечтал о таком сборнике, и, думаю, не я один. Пора, пора оглянуться, оценить Молодую Поэзию, хотя... хотя наводит она на грустные думы... Как хорошо подошло бы к ней в виде эпиграфа стихотворение “Перед зарею”^{*} —

*Пелуха ночного пенья,
Холод утра — это мы...*

* Д. Мережковский (Р. Мысль, 1894, № 9).

...Кажется, Вы лучшего мнения о молодой поэзии? Нет!! ее может оживить только сноп ослепительно ярких лучей; тогда у нее найдутся и силы и чувства; теперь же она — труп с открытыми глазами» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 7-8).

Март

Л.Толстой — повесть «Хозяин и работник» (С. Вест., № 3).

Только в течение марта повесть вышла 9-ю изданиями и была перепечатана почти всеми русскими газетами. «В первые же дни публика расхватала несколько изданий», несколько сот тысяч и даже миллионов экземпляров, если считать перепечатку в газетах* (Кн. Нед., № 5, с. 172).

Посылая повесть Н.Н.Страхову, Л.Толстой писал 14 января: «Я так давно не писал ничего художественного, что, право, не знаю, что вышло. Писал я с большим удовольствием...» (т. 68, с. 15).

Многочисленные критические отзывы единодушны в признании огромной художественной силы Толстого. Повесть произвела «значительную сенсацию», вызвав преимущественно «похвалы и восторги» (В.Чуйко, Од. Л., 16 июня). Но в оценке идейного содержания произведения обозначились разногласия. Ю.Николаев [Говоруха-Отрок]: рассказ Толстого — свидетельство глубокой патриархальности и религиозности русского народа, воспитанного «вековыми церковными воздействиями». И даже «грубая вера» кулака Брехунова является «недосыгаемым идеалом» для неверующей интеллигенции (Моск. Вед., 9, 16, 23 марта, 6, 14, 20 апр.). Рецензент «Русского обозрения» (№ 4) также увидел в «скромном, забитом работнике Никите» «русскую истину», представителя «тихого, скромного, глубоко верующего православного русского народа», а в позиции Толстого — «спасительную и плодотворную» «любовь к человеку», в отличие от «риторической» «любви к человечеству», которую проповедают либералы. Аналогично истолкован образ Никиты, «здорового русского мужика со здоровым русским мировоззрением», и М.Южным [М.Г.Зельмановым] (Гражд., 18 марта). М.О.Меньшиков поддерживает философию непротивления как «великий принцип» жизни: «именно кроткие Никиты являются «истинными создателями как нравственной, так и умственной культуры», а не «поэты-хищники», воспевающие

* Общий тираж книжных изданий повести, вышедших лишь в 1895 г., составляет более 180 тыс. экз. (Список изданий, вышедших в России в 1895 г.).

«борьбу», т.е. разрушение жизни (Кн. Нед., № 5). «Великий писатель во всеоружии своего могучего таланта» показал «смирение гордости», «нравственное возрождение» и «единодушное братство», независимое от социального положения — «в виду неминуемой смерти» (А. Скабичевский, Нов., 16 марта). А.А.Козлов не увидел в повести «единого художественного целого», ибо Толстой задался религиозно-моральными целями по преимуществу, а также «злоупотребил» подробностями крестьянского быта, речи и т.д. (Вопр. Фил. и Псих., № 3; в № 5 редакция поместила ст. М.А.Б-ча, оспаривающего суждения А.А.Козлова).

Против философии непротивления, отразившейся в «Хозяине и работнике», выступила либеральная и демократическая печать. Толстой ошибочно рассчитывает «путем устрашения смертью» наставить человечество «на путь морали самопожертвования» (Л.Е.Оболенский, Од. Л., 21 марта). Фатализм Никиты — в его положении не самостоятельного землевладельца, а батрака, для которого характерны «равнодушие, апатичное спокойствие, холодная покорность» (Д. М., Р. Вед., 30 марта). А.Б[огданович] находит, что рассказ «растянут»; изображая «двух приматов, почти дикарей», Толстой «хочет уверить нас, что в минуту смерти их осияла правда... Нет, при всем уважении к великому художнику, мы не верим ему как обладателю истины» (Мир Б., № 4). Н.К.Михайловский, признав, что своими художественными достоинствами рассказ «напоминает лучшую пору литературной деятельности» Толстого, оспаривает вывод, который вытекает из рассказа — «батраком лучше быть, чем хозяином... Боюсь, что ни хозяева, ни батраки не поверят гр. Толстому» (Р. Бог., № 3). Еще резче возразил Толстому М.А.Протопопов: задача человечества состоит не в том, чтобы «хорошо умереть», а в том, чтобы «хорошо прожить», для чего нужна не «пассивная сила долготерпения», а «жажда проявить свою личность в активных, ответственных действиях» («Удобная мораль», Р. Бог., № 4). Л.С[лонимский], отметив огромное мастерство Толстого, указывает, что возвеличенное в рассказе «душевное спокойствие» Никиты объясняется тем, что он не сознает «бессмысленности и неправильности своей жизни» (Вест. Евр., № 5).

А.И.Эртель пишет В.А.Гольцеву 15 марта: «И какой нам дан урок... здоровым, великолепным по реализму и силе изобразительности рассказом Л.Н.Толстого... Ни на секунду не упуская *нравственной нити* произведения... он с огромной силой воображения рисует самые мелкие черты конкретной действительности, не боится восстанавливать перед читателем самые простые подробности этой действительности — видно, что, помимо всяких целей,

любит в себе такую самодовлеющую изобразительность, что ему такой изобразительный рисунок самому доставляет художественное наслаждение. Мы же, несчастливые, либо совершенно изгоняем цель из наших работ (“Три года”), либо, гоняясь за этой целью, совсем утрачиваем вкус к самодовлеющей изобразительности (твой покорный слуга)» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 94).

1 апреля В.Я.Брюсов писал П.П.Перцову: «Читали ли Вы толки о “Хозяине и работнике” и о пов. Чехова “Три года”. Читали, конечно, знаете! Всякий считает своим долгом сказать что-нибудь... На меня эти толки производят самое неприятное впечатление. Учиться надо всем этим критикам, именно из тех самых произведений, которые они разбирают! ... Мы всегда только критикуем, а не читаем, ищем ошибок, а не прекрасного». 14 июня: «“Хозяин и работник” мне кажется прекрасным, блуждание по степи трагичным, а заключительные слова привели меня в какой-то экстаз» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 18-19, 29).

М.Горький — «В Черноморье» (песня) (Сам. Газ., 5 марта, первоначальная редакция «Песни о Соколе»).

«Фельетон об Уже, — писал Горький 21 июля 1896 г. Е.П.Пешковой, — кусок моего ума, кусок сердца, он хорош и дорог мне...» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 181).

Фридрих Ницше — «Так говорил Заратуштра» (перевел С.) (Сам. Газ., 5, 8, 22 янв., 5, 11, 12, 25 марта).

В начале марта В.Я.Брюсов пишет П.П.Перцову: «...Кроме Бальмонта я не знаю другого мало-мальски подающего надежды молодого поэта (исключая триумвират Минский, Мережковский и Фофанов). Многие пишут мило, красиво (Льдов), но они безнадежны... Современной поэзии недостает центрального светила... Недавно еще можно было заимствовать свет от Надсона...» (ЛН, т. 98, кн. I, с. 650).

З.Гиппиус — «Посвящение» (С. Вест., № 3).

*Беспощадна моя дорога:
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога,
Любовь мою душу спасет.*

И.Н.Потапенко — очерк «Клавдия Михайловна» (Р. Мысль, № 3).

Потапенко «льстит интеллигентной толпе», требующей «во что бы то ни стало воспеть “подвиг” женщин-врачей» (М.Южный, Гражд., 28 марта). Вполне заслуженная «ода или гимн в честь русских женщин-врачей» (А.Скабичевский, Нов., 18 мая).

Выходит сборник Общества любителей российской словесности «Почин». М., 1895, тираж — 2150. (Чехов «Супруга», Л.Н.Толстой «Три притчи», статьи П.Д.Боборыкина, А.Н.Веселовского, И.И.Иванова, Н.И.Стороженко и др.).

Н.К.Михайловский в неподписанной рецензии обращается к Л.Толстому, который в «Трех притчах» развенчивает «науку и искусство нашего времени», объявляя и свои лучшие произведения «потворством разврату»: «Граф! вы слава и гордость русской литературы как художник; мы, осмеливающиеся иногда возражать вам... мы вам не уступим, и не за себя становится нам стыдно при чтении ваших притч» (Р. Бог., № 5). «Прекрасно и правдиво написанный рассказ Чехова «Супруга» показывает, что в образованном обществе исчезает тип женщины «религиозной, доброй, любящей» (Ю.Николаев [Ю.Н.Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 27 апр.).

Г.Гауптман — «Ганнеле», СПб., 1895, тираж — 200.

«Книжку Гауптмана “Ганнеле” я купил и прочел... — пишет М.В.Нестеров А.А.Турыгину 23 апреля, — жанр этот уже не первый год разрабатывается живописцами, этот слащаво-сентиментальный образ Христа среди “добрых” поселян и проч. часто встречается и у немцев, и у французов. Во всяком случае, в этом подходе нет того глубокого чувства поэзии, которое замечается в так называемых “мистериях”, — это “модерно”, хотя и не лишено талантности» (Письма. Л., 1988, с. 133).

П.Перцов — «Письма о поэзии». «Волжский вестник» 1893–1894 гг.». СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1895, тираж — 200. Напоминает о правах «свободных художников», которые признавались «поэтами старой школы» Фета, в противовес современным, стремящимся к «битве пылающей» (Н.Минский). «Впрочем за последнее время мутная волна тенденции начинает спадать — с развитием художественного вкуса и художественного чутья» (с. 42).

Апрель

11 апреля в Петербурге, в Панаевском театре, литературно-артистический кружок поставил пьесу Г. Гауптмана «Ганнеле». Репортер охранительного «Сына отечества» (13 апр.) назвал постановку «кошунственной», так как в ней выведен Христос в виде Странника, и призвал «защитить святое», «положить немедленный предел» этому злу, ибо в России народ и без того склонен «к колебаниям в догматах веры». Такую же позицию занял М. Южный [М. Г. Зельманов] (Гражд., 25 апр.). В ответ на эти требования А. С. Суворин, председатель литературно-артистического кружка, заявил, что из пьесы было «выброшено тщательно» все, что «могло навести мысль не туда, куда следует», а смерть представлена в «поэтической и трогательной обстановке» (Н. Вр., 18 апр.). Пл. Краснов писал о большом успехе постановки, ибо она «вполне удовлетворила той потребности в идеальном и чистом, по которой ныла душа общества». У Гауптмана миру «земной неправды» противостоит «светлый мир грез», утверждая «законность и желательность идеализма» («Новый идеализм», Тр., № 6).

В. Г. Короленко — «Без языка (рассказ из заграничных очерков)» (Р. Бог., №№ 1-4).

«Среди пустыни нашей журнальной беллетристики новый рассказ В. Короленко производит впечатление живительного оазиса» (М. Полтавский, Бирж. Вед., 8 апр.). «Автор очень талантливо сумел изобразить казовые стороны американской цивилизации, закрывающие ее действительную цену» («Русские “дикари” в цивилизованной Америке», Кн. Нед., № 5). «Один из выдающихся перлов» современной беллетристики (М. К[уплет]ский, Сын От., 2 мая). Неудача «высокоталантливого художника», «случайно» и «произвольно» столкнувшего патриархального мужика с нравами капиталистического общества (Р. Мысль, № 6, Периодич. изд.). Кругозор наблюдений талантливого автора «очень ограничен и узок» («Письма о литературе», Р. Вест., 1896, № 1).

М. Горький — рассказ «Старуха Изергиль» (Сам. Газ., 16, 23 и 27 апр.).

И. А. Бунин — рассказы «Кастрюк» (Р. Бог., № 4); «Святая ночь» [впоследствии «На чужой стороне»] (Мир Б., № 4).

На фоне этнографической беллетристики выделяется «удовлетворительный» рассказ Бунина «Кастрюк» (М. К[уплет]ский, Сын От., 2 мая).

Л.Е.Оболенский — «Журнальное обозрение» (Од. Л., 13 апр.). Метерлинк и Ибсен занимают теперь общественное внимание. Первый — «представитель эстетического обновления», второй — «нравственного обновления человечества».

П.В.Засодимский — Собрание сочинений в 2-х томах. С портретом и предисловием автора. СПб., 1895, тираж каждого тома — 5012.

М.А.Протопопов выступил с отрицательной оценкой: «Графариетная скорбь и шаблонный протест, с одной стороны, неудержимое стремление к идеалистическому оптимизму, с другой,— вот вся писательская сущность Засодимского как народника» («Писатель-оптимист», Р. Бог., № 9). В ответ А.М.Скабичевский восхвалял «доблестный оптимизм» писателя, раскрывающего в деревенской жизни «светлые стороны» и разумные «нравственные устои» (Н. Сл., 1896, №№ 4–5). М.Южный [М.Г.Зельманов] утверждал, что «грубо-тенденциозная народническая литература», поставившая своей целью «во что бы то ни стало» изображать «страдающих народных», совершенно устарела (Гражд., 1 мая).

Май

М.Горький — «О маленькой фее и молодом чабане (Валашская сказка)» (Сам. Газ., 11, 14, 20, 21 и 24 мая).

И.А.Бунин — рассказ «На хуторе» (Р. Бог., № 5).

Вл.С.Соловьев — «Поэзия гр. А.К.Толстого» (Вест. Евр., № 5). Толстой «показал, что можно служить чистому искусству, не отделяя его от нравственного смысла жизни», «идейного содержания и жизненного значения».

«Русское богатство» сообщает о присуждении В.Г.Короленко золотой медали Комитета грамотности за лучшие произведения для народа: Короленко «знает и любит народ, видит его сильные и слабые стороны и считает его, несмотря на все недостатки, достойным лучшего будущего» (из доклада К.К.Арсеньева, Р. Бог., № 5, с. 102).

В мае В.Г.Короленко приобрел права на издание «Русского богатства» (соиздательницей осталась Н.В.Михайловская, жена Н.Г.Гарина-Михайловского). Начальник Главного управ-

ления по делам печати Е.М.Феоктистов запрашивает Цензурный комитет: «Не тот ли это Короленко, который пишет повести и романы и намеревался издавать газету в Нижнем-Новгороде? Направление его достаточно известно. Надо снестись с Департаментом полиции. Я думаю, что под редакцией Короленко “Русское богатство” не изменится к лучшему» (Р. Бог., 1917, № 11–12, с. 62).

«Что Короленко стал издателем “Русского богатства”, — писал 4 августа А.П.Чехов М.О.Меньшикову, — я рад, рад за журнал» (т. 6, с. 68).

Н.Ф.Анненский, один из редакторов «Русского богатства», писал В.Г.Короленко 10 июля в Н.Новгород: «Сил у нас в журнале, коренных, настоящих — слишком мало и настоящего, вполне солидарного ядра, почти нет... Карышев и Южаков в сущности ближе к отщепившейся народнической группе, чем к тому направлению, которое желательно бы видеть... Лесевич почти не пишет. Протопопов — совсем не надежен во всех смыслах — и свихнуться может и вздор написать рядом с блестящею вещью и притом, увы, блеск у него, кажется, начинает сильно тускнеть... Как я мечтаю о том времени, когда Вы будете здесь. Как было бы все легче, смелее и крепче вдвоем» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 17, ед. 46).

Июнь

Июньский номер «Русского богатства» открывался рассказом М.Горького «Челкаш», первое произведение писателя, опубликованное при содействии В.Г.Короленко в столичном журнале. В этом же номере «Русского богатства» впервые появилось имя Короленко в качестве издателя, напечатанное крупными буквами на титуле журнала.

«А Короленку-то втиснули на обложку, — писал П.В.Засодимский С.Н.Кривенко 20 июня, — только заряд пропал даром; гораздо большее впечатление произвел уход О.Н.Поповой. Спрашивают: “где же они теперь денег возьмут, ведь у Короленки никакого состояния нет?”» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 96).

Прочитав рукопись «Челкаша», Н.К.Михайловский пишет автору в ноябре 1894 г., что рассказ «превосходно» задуман, содержит «большой и идейный и художественный интерес», но советует сделать с помощью Короленко некоторые сокращения и исправления (М.Горький. Письма. Т. 1. М., 1997, с. 416).

Рецензент «Русской мысли» ([П.Ф.Николаев] № 8, Период. Изд.) отметил значительность содержания «Челкаша» и «подлин-

ный» художественный талант начинающего автора, идущего «прямым путем искусства» («Правдивое изображение заставляет вас... признать», что Челкаш, с его «высоко развитым чувством чести» и «стремлением к независимости личности» есть «прогрессивное явление по сравнению с жалким хозяйственным мужиком», «настоящим, невыдуманым народником, мужиком», «холуем денег»), но предостерег писателя от «некоторого общественного пессимизма», звучащего во вступлении рассказа. «Небезынтересным эпизодом» назвал рассказ М.К[уплет]ский (Сын От., 4 июля). М.Полтавский усмотрел в рассказе «несколько чистых зерен таланта», «живость и даже поэтичность изложения» и «бытовую правду» при отсутствии «внутренней правды» (Бирж. Вед., 20 июля). В ряд классических художественных произведений поставил «Челкаша» В.А.Поссе (Обр., 1896, № 9): «Не отражается ли в столкновении взглядов на свободу и счастье Гаврилы и Челкаша столкновение миросозерцаний деревенского мелкого собственника и городского пролетария, и их борьба не прообраз ли будущей великой борьбы?...» (с. 107). Н.К.Михайловский в критическом разборе первых книг Горького назвал «Челкаша» «одним из лучших рассказов» писателя, заметив о главном герое: «В сравнении с добродушным, работающим и глуповатым мужиком Гаврилой он, вор и пьяница, есть настоящий герой и рыцарь чести». И это вызвало ликование критики, увидевшей в «Челкаше» «унижение мужика» («теперь такая мода»). И хотя у Горького «босяк, представитель городской культуры, является антагонистом деревенского мужика и, как ни низко стоит он в обществе, смотрит на мужика сверху вниз» — делать из этого какие-либо выводы не следует, так как босяк ко всем слоям общества относится с презрением, а к его отношению к Гавриле «примешивается странное сочетание зависти и сочувствия»; «Горький не принадлежит к числу тех оптимистов, которых радует промышленный прогресс, как таковой» (Р. Бог., 1898, № 9).

Горький писал Б.В.Беру в середине июня: «Вращаясь всю мою жизнь среди разночинца — этой “новой культурной силы”, — сплошь пораженной демократизмом — и, видя изредка истинного дворянина, — я чувствую большую скорбь... О ком, о чем? О всем хорошем... Литература у нас — дворянская, музыка дворянская, архитектуру понимали только дворяне... Они внесли на своих плечах культуру в нашу жизнь и — тяжесть была не по силам — сломались. А... разночинец, к которому по крови и положению принадлежит и Ваш покорный слуга... создал смуту в умах... Не думаю я, чтоб при его нищен-

ских душевных ресурсах он родил еще что-нибудь» (Письма. Т. I. М., 1997, с. 91).

И.А.Бунин — рассказ «Неожиданность» [впоследствии «Вести с родины»] (Р. Бог., № 6). Известие о смерти от голода друга деревенского детства; стихотворение «Буря» (Набл., № 6). Призыв «не страшиться» грозной стихии («Как волны бьются об утес, Как дико стонет альбатрос, Как весел он среди тьмы и гула!..»).

Д.С.Мережковский — «Отверженный» («Юлиан Отступник») (С. Вест., №№ 1–6); отд. изд. СПб., 1896.

«Книжки Недели» (№№ 2, 5, 7 и 12) несколько раз возвращались к роману Мережковского. В заметке «Римский властитель в декадентском освещении» говорилось: «Мережковский старательно наряжает своего героя в одежду декадента конца XIX века, с его любовью к необыкновенному и архаическому» (№ 5, с. 213). Роман показал в авторе, помимо «обширной начитанности», «правовверное пристрастие к гениальному новаторству Ницше», чьи идеи «несколько механически», «без оригинальной внутренней работы» художника перенесены в отдаленную эпоху (А.Вольнский, С. Вест., 1896, № 2). «Систематическое сопоставление двух начал — христианства и язычества — напоминает собой отчасти взгляд Ницше» (Набл., 1896, № 2, Нов. Кн.). [А.Г.Горнфельд] (Р. Бог., № 11, Нов. Кн.) признал роман «значительным явлением литературы»,носящим «печать серьезного раздумья» и проповедь «отрицания морали альтруизма»; историческое обрамление не скрыло «новизну духовной жизни его модернизированных героев»: в герое романа Юлиане Отступнике изображено «последнее слово индивидуализма» — ницшеанский сверхчеловек (то же: А.Б[огданович], «Критические заметки», Мир Б., № 11). М.К[уплет]ский осудил Мережковского за то, что он не показал «злоухищенную деятельность» Юлиана «по отношению к христианству» (Сын От., 4 июля). М.Полтавский поначалу отвел роману первое место после «Войны и мира», но следующие главы «несколько охладили» критика и он заговорил о «разбросанности содержания», туманности, недоделанности, разочаровании в современности и уходе в «невозвратные сферы прошлого» (Бирж. Вед., 9 февр., 17 марта, 8 июня). В «Русской мысли» (№ 11) [П.Ф.Николаев] охарактеризовал роман как «необыкновенно тягучий и удручающе скучный», а героя назвал «ничтожным и жалким декадентом чисто современного пошиба» (с. 547–548). «Отверженный» — «вещь талантливая», написанная «хорошим русским языком», но «опасная

и ядовитая» «безумием своей морали», заимствованной у Ницше, в котором Мережковский «разобраться решительно не был в состоянии» (Б.Б.Глинский, Ист. Вест., 1896, № 2, с. 642–643).

В.Я.Брюсов писал 23 июня В.К.Станюковичу: «“Отверженный” выше всяких похвал. Такого произведения русская литература не видела уже много, много лет. Его хвалят, но я предпочел бы обычное тупоумие публики и критики этим предательским похвалам...» (ЛН, т. 85, с. 736).

М.Горький писал А.Волынскому в ноябре 1897 г.: «Я читал «Отверженного» и глубоко заинтересован идеей книги и настроением ее автора» (Письма. Т. 1, М., 1997, с. 243).

П.Д.Боборыкин — роман «Ходок» (Вест. Евр., №№ 1–6).

Роман «с фабулой бессмертной комедии Грибоедова», но герой Боборыкина в отличие от «настоящего Чацкого», «несмотря на все свои филиппики против бездушия и беспринципности петербургской камарильи... остается... фигурой вполне комической», ибо принадлежит к породе «гамлетиков Щигровского уезда». Ставить таких героев «в величественную позу протестантов и отрицателей» — значит совершать «большую ошибку в исторической перспективе». Поддерживается мысль Боборыкина о необходимости для «людей высшей культуры» своей жизни, «со своими интересами и целями, а не с одним полумистическим культом мужика» (Р. Мысль, №№ 4 и 8, Периодич. изд.). А.Скабичевский отмечал, что роман Боборыкина усердно читается, отличается «художественной цельностью»; параллель между Чацкими начала и конца века проведена «весьма тонко». «Современный Чацкий» (Таманцев) терпит «жестокое фиаско» у мужиков, которые предпочли кулака и купца, зато он получает «свою современную Софью» (Нов., 29 июня, 6 июля).

Вл.С.Соловьев — «Поэзия Я.П.Полонского» (лит. прилож. к «Ниве», №№ 2, 6). «Отзывчивый сын своего века», он откликается на все новейшие мысли: его поэзия склоняется к «рассудочной рефлексии и прозаическому реализму», но вместе с тем таит «личный источник чистой поэзии», «женственную Тень Божества».

Я.П.Полонский — «По поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л.Н.Толстого» (Р. Обозр., №№ 4–6). Книга «Царство Божие внутри вас» проникнута «нигилизмом» и «ядом всеразлагающего неповиновения». Толстовская «проповедь любви несомненно чревата будущими мятежами и убийст-

вами», ибо подобно анархисту Бакунину он отрицает государство, церковь, суды, полицию; «все, что для вас свято и дорого, для него зло, насилие, ложь или лицемерие»; «мою совесть и мое разумение насилует граф пуше, чем самое тираническое государство на свете».

М.Южный [М.Г.Зельманов] поддержал «прекрасную статью» Я.Полонского (Гражд., 21 июня).

Н.Гарин — «Очерки и рассказы». Т. II. СПб.: изд. редакции «Русского богатства», 1895, тираж — 1200.

«Невеселой книгой» назвал Гарин второй том своих очерков и рассказов; перед читателем проходят «картины деревенской жизни, одна мрачнее другой... без утешения в настоящем, без надежды на лучшее будущее», тем не менее от гаринской деревни веет «здоровой силой» и «мощью жизненности» (Мир Б., № 8, Библиограф. Отд.).

Эдгар По — «Таинственные рассказы». Перевод К.Д.Бальмонта. М., изд. А.И.Урусова, 1895, тираж — 3000.

Хотя Э.По впервые переведен на русский язык в 1885 г. (изд. Маракуева и Суворина), в настоящее время «наша читающая публика действительно начинает интересоваться этим эксцентричным американским писателем», что объясняется «поворотом в наших литературных вкусах» «в сторону идеализма, мистицизма и даже вообще всякой таинственности». Не случайно первым переводчиком Э.По во Франции был Бодлер, у нас в последнее время — Бальмонт (Набл., 1896, № 6, Нов. Кн.). «Удивительный автор» с особой силой изображает неотвратимость наступающего безумия. Переводы Бальмонта «очень хороши, часто безукоризненны», но «нет увлечения переводчика своим оригиналом» (Р. Мысль, № 11, Библиограф. Отд.). Правильнее назвать «Рассказами о разложении духа», ибо в них «сознание ума больного» и нравственность, «не умеющая доброе отделить от злого, не видящая над собой света высшего идеала» (Р. Обозр., 1896, № 3, Б-фия).

А.И.Свирский — «По тюрьмам и вертепам. Очерки». М., 1895.

В первой части книги изображены ростовские трущобы и ночлежные приюты, где ютятся «босьяки, золоторотцы, нищие, воры и публичные женщины последнего разбора». Во второй — обитатели тюрьмы. В отличие от автора, полагающего, что в трущобу ведут социальные условия, рецензент видит причины падения «в психологических изъянах подобных людей» (А.Скабичевский,

Нов., 17 и 24 авг.). В книге описаны «все проявления зоологического трушобного прозябания» (Мир Б., 1896, № 1, Библиограф. Отд.). О 2-м расширенном издании («Погибшие люди», СПб., 1898) Е.А.Соловьев в анонимной рецензии писал, что автор «недурной рассказчик» и сообщает «кое-что новое», но «философские и художественные ресурсы г. Свирского незначительны» и он напрасно выдает себя в предисловии чуть ли не за «единственного исследователя тюремно-трушобного мира», подобная литература насчитывает 30 лет существования и «очень богата психологическим и бытовым материалом» (Достоевский, С.В.Максимов, Помяловский, Мельшин [П.Ф.Якубович], Горький) (Р. Бог., 1898, № 6, Нов. Кн.).

Июль

М.Горький — «Однажды осенью... (Рассказ бывалого человека)» (Сам. Газ., 20 и 22 июля).

И.Н.Потапенко — рассказ «Речные люди» (Р. Бог., № 7).

20 июня и 7 июля А.И.Иванчин-Писарев сообщал Н.К.Михайловскому, что рассказ передан Ф.Ф.Павленковым и понравился Н.Ф.Анненскому: «Действуют попы и написаны недурно», но пришлось вычеркнуть «строк 15 похабщины» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. 272).

Ив.Шмелев опубликовал свой первый рассказ «У мельницы» (Р. Обзор., № 7).

М.Полтавский [М.И.Дубинский] обнаружил в рассказе «неестественность и ложь» (Бирж. Вед., 20 июля).

К.Бальмонт — «Отзвучали веселые песни вдали...» («...Мне послышался звук заглушаемых слез, / Чей-то горький укор и безумный вопрос») (Р. Бог., № 7).

А.Волынский (С. Вест., № 7) в связи с выходом т. XIV сочинений Л.Толстого выступил с защитой толстовских идей от либерально-демократической критики: толстовское непротивление злу насилеием не исключает противления разумом и любовью, отрицание науки распространяется лишь на ее фальсификацию, а призыв к «неделанию» имеет в виду «суетные и зловредные» дела.

Вл. Соловьев — «Смысл войны. Из нравственной философии» («Нива», ежемес. лит. прилож., № 7). Рассматривает войну как один из необходимых шагов «на пути осуществления мира».

С возражениями выступил А. Вольтинский (С. Вест., № 9), которому Л. Толстой написал в конце сентября: «Сейчас прочел вашу заметку о Соловьевском Смысле войны и почувствовал радость сознания того, что есть единомышленный орган. Кроме вас, никто не скажет этого и нигде, кроме как в вашем журнале, а сказать это было необходимо» (т. 68, с. 192).

Август

«Если бы можно было соединить Чехова с Гаршиным, то вышел бы очень крупный писатель», — говорил Лев Николаевич. «У Чехова мало того, что было у Гаршина, который всегда знал, чего он хочет, а Чехов не всегда знает, чего он хочет» (Запись С. И. Танеева от 7 авг., ЛЖТ Толстого, с. 392).

8–9 августа А. П. Чехов впервые посетил Л. Толстого в Ясной Поляне, где присутствовал на чтении отрывков из «Воскресения»: «Впечатление чудесное. Я чувствовал себя легко как дома, и разговоры с Львом Николаевичем были легки» (Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 21 окт., т. 6, с. 85). «Чехов был у нас, и он понравился мне. Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе, но до сих пор нет у него своей определенной точки зрения» (Письмо Л. Н. Толстого Л. Л. Толстому от 4 сент., т. 68, с. 158).

Д. Н. Мамин-Сибиряк — роман «Хлеб» (Р. Мысль, №№ 1–8). В августе в изд. «Русской мысли» вышел отдельной книгой, тираж — 1200.

М. Южный [М. Г. Зельманов] порицает «либеральную начинку» романа, который «тенденциозно» выпячивает «бедность и неустойчивость деревни» («На безрыбье», Гражд., 27 сент.). М. К [уплет]ский называет «Хлеб» «одним из наиболее удачных романов» Мамина-Сибиряка (Сын От., 12 сент.). «Русские ведомости» (30 марта и 5 июня) отметили изображенную Маминим-Сибиряком смену старых форм эксплуатации края новыми, хищническими. М. Полтавский назвал роман «не эпопеей, не художественным обобщением, а хроникой, «написанной со знанием дела, с любовью, с проблемами таланта» (Бирж. Вед., 7 и 14 сент.). Редакция «Русской мысли» (№ 11, заметка О. Т. В. [В. А. Гольцев]) протестовала против замалчивания «самого выдающегося произведения истекающего литературного года». После этого появилась заметка А. Б [огдановича], отмечавшего, что две силы будущего:

«сила капитала и сила знания» — разрушают мирную жизнь хлебного края, «благосостояние» которого «заклучалось в отсутствии жизни, движения, потребностей». В лице Устиньки представлена местная интеллигенция, носительница нравственной чистоты и идеи борьбы «за обездоленных» («Хлеб», роман г. Мамина, как иллюстрация хищнической стадии капитализма, Мир Б., № 12). Талантливому автору мешают «шаткие понятия о природе и душе человека вообще» (П.А.Ачкасов [П.А.Матвеев], «Письма о литературе», Р. Вест., 1896, № 1).

«Мамин-Сибиряк — очень симпатичный малый и прекрасный писатель. Хвалят его последний роман “Хлеб” (в “Русской мысли”); особенно в восторге был Лесков. У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается не хуже, чем в “Хозяине и работнике”» (Письмо А.П.Чехова А.С.Суворину от 23 марта, т. 6, с. 41).

А.И.Эртель писал о романе Мамина-Сибиряка 8 марта: «...ничего тут нет нового, и совсем это не роман, но краски свежи, а бытовые подробности очень любопытны. Во всяком случае бесконечно выше той тяжелой чепухи, которую сочинил Чехов (“Три года”), хотя в частности... этой чепухи и сквозит большой талант, чего, разумеется, незаметно в “лебе”» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 93).

В.Вересаев — повесть «Без дороги» (Р. Бог., №№ 7–8). Была отвергнута «Русской мыслью» как «негодная к печати» (В.В.Вересаев. Соч. Т. 4. М., 1948, с. 364).

И. [И.Н.Игнатов] писал, что в повести изображена «нравственная эпидемия, охватившая современную разновидность лишних людей», которые «бесплодно ищут содержимого, могущего наполнить... душевную пустоту» (Р. Вед., 6 сент.). А.Скабичевский назвал героя повести Чеканова «чересполосным» характером, в котором сосуществуют и «пассивный герой безвременья» и «активный герой», не отказавшийся от «идеалов», но вынужденный заняться сначала «крохотным делом на пользу народную», а потом пойти на верную смерть, в самое «пекло народной смуты» (Нов., 14 и 21 сент.). П.Ф.Николаев, в неподписанной рецензии, отмечал, что герой повести совсем «не изверившийся» и «не лишний человек», как Рудин; «он просто один из замолкнувших». О гибели героя критик замечает: «Нельзя же... все только хорошо умирать», нужно уметь «хорошо жить», «много и упорно работать», «искать дорогу» (Р. Мысль, № 10, Периодич. изд.).

Е.Н. Чириков — «Ранние восходы (Роман из детской жизни)» (Мир Б., № 8).

Вышел третий выпуск сборника «Русские символисты», М., 1895, тираж — 200 (с получившим скандальную известность однострочным стихотворением Брюсова: «О, закрой свои бледные ноги»). В неподписанном предисловии «Зоилам и аристархам» В. Брюсов по поводу отзывов печати на первые два выпуска говорит о «неподготовленности» критики к восприятию «нового течения».

В. Брюсов — первый сборник стихотворений «Chefs d'oeuvre. Осень 1894 — весна 1895», тираж — 400*. «Не современникам и даже не человечеству завещаю я книгу, — писал автор в предисловии, — а вечности и искусству».

Эту книгу Брюсов считал «первой более или менее серьезной» (Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. М., 1927, с. 30). «...Шедевров ты там не найдешь, — писал Брюсов В.К. Станюковичу 23 июня, — но встретишь несколько достаточно оригинальных (во всех смыслах этого слова) произведений; достоинство одно несомненное: они чужды рутине и по идее и по форме». Ему же в сентябре: «Против меня восстали все... Бесконечно возмутило всех предисловие. Сознаюсь, я там пересолил немного, но ведь надо стать в положение человека, которого полтора года безустально ругали во всех журналах и газетках» (ЛН, т. 85, с. 736, 737).

Почти одновременно появляются следующие сборники декадентских стихов: Александр Добролюбов — «Natura naturans. Natura naturata» (СПб., 1895), о котором Брюсов писал 17 сентября: «Признания со стороны публики Добролюбову придется дожидаться долго!» (ЛН, т. 85, с. 737); А.Н. Емельянов-Коханский «Обнаженные нервы» (М., 1895). Книжка напечатана на розовой бумаге, снабжена портретом автора в костюме оперного Демона с авторским посвящением «мне и египетской царице Клеопатре**»; Сергей Терзаев, Владимир Краснов и

* Второе издание «с изменениями и дополнениями» вышло в Москве в апреле 1896 г. тиражом в 600 экз.

** Свидетельство об «истории создания» этой книги дает В. Брюсов в письме к П.П. Перцову от 14 июля: «Однажды Ем.-Кох. нашел у меня на столе старую тетрадь стихов, которые я писал лет 14-15, и стал просить ее у меня. Я великодушно подарил ему рукопись, вырвав только некоторые листы. Видел я потом эти свои опыты в мелких газетках за подписью “Емельянов-Коханский”, а вот теперь они вместе с виршами самого Е.К. подносятся публике как декадентские стихи» (Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. М., 1927, с. 30).

Михаил Славянский [С.А.Патараки, В.А.Мазуркевич, М.В.Шевляков] «Кровь растерзанного сердца. Тревожные песни трех первых русских декадентов» (СПб., 1895). Книжка издана в красной обложке и напечатана красным шрифтом, все стихотворения с характерными названиями «Нервы», «Скрежет», «Ужасы», «Раны» и т.п. помечены одним и тем же числом. Появление этих сборников сопровождалось скандальной сенсацией, а В.Буренин выпустил книжку пародий: Алексис Жасминов «Голубые звуки и белые поэмы» (СПб., 1895).

Все это «творчество, холодно рассчитанное на выгоду сыграть роль публичного шута» и «быть обруганным влиятельным критиком, потому что такая ругань — для Герострата реклама» (Old Gentleman [А.В.Амфитеатров], Н. Вр., 30 сент.). «Веселая компания детей, выдумавшая новую игру» для себя и общества (М.Полтавский, Бирж. Вед., 30 окт.). «Литературная компания взаимной бездарности» (П.Безобразов, Од. Л., 14 ноября). «Бедная русская поэзия! Кто только не кощунствует перед твоим священным храмом в наши хмурые, разрушающие святую дни!» (Ап.К[оринф]ский, Тр., № 10). «Под прикрытием самой современной современности» А.Добролюбов «пророчествует как древняя пифия с высоты треножника» (Ап.К[оринф]ский, Вс. Иллюстр., 4 ноября).

А.Вольнский (С. Вест., № 11) охарактеризовал критику нового явления декадентства как «шумную, жизнерадостную экзекуцию», произведенную «журналистами всех оттенков», и, присоединившись к общему хору, назвал русских символистов «жалкой ассоциацией бездарных тружеников», имеющих «очень мало общего» с «серьезным символизмом»*.

Н.К.Михайловский писал, что русские символисты «преимущественно соревнуют Герострату», их «неоригинальный вздор» «украден у французов»; критик цитировал стихи Брюсова, чтобы доставить ему «удовольствие распространением» и выражал надежду, что поэт когда-нибудь получит «просияние своего ума» и ему станет стыдно своих теперешних глупостей» (Р. Бог., № 10). Широкий резонанс приобрела заметка Вл.С[оловьева] «Еще о символистах» (Вест. Евр., № 10). Брюсовский перевод стихотворения Метерлинка, содержащий строки «И под кнутом воспоминаний я вижу призраки охот...», заставил Вл.Соловьева посоветовать ав-

* За признание возможности «серьезного символизма» Брюсов выделял А.Вольнского из числа «зонлов и аристархов» как человека, понимающего поэзию (опубликованная посмертно статья Брюсова «Апология символизма», «Искусство», 1928, т. III, кн. IV, с. 213).

торам сборника писать не только «под кнутом воспоминаний», но и «под воспоминанием кнута». «...Моя собственная критическая свора отличается более “резвостью”, чем “злостью”, и “синее дыхание” вызвало во мне оранжевую охоту к лиловому сочинению желтых стихов, а пестрый павлин тщеславия побуждает меня поделиться с публикой... образчиками моего гри-де-перлевого, верде-мерного и фель-мортного вдохновения...

*Горизонты вертикальные
В шоколадных небесах,
Как мечты полужеркальные
В лавро-вишневых лесах.*

*Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,
И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый Пегас.*

*Мадрагоны имманентные
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вирши в вянущих ушах.*

*На небесах горят паникадила,
А снизу — тьма.
Ходила ты к нему или не ходила?
Скажи сама!
Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то смотри, как леопарды лиценья,
Острых клыки!
И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.
Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила,
В могиле — тьма».*

«Читая его пародии, писал В. Брюсов 13 октября, я искренно восхищался; слабые стороны символизма схвачены верно...» (Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. М., 1927, с. 44). Однако в заметке «Documenta» (1895) Брюсов засвидетельствовал свое недовольство: «г. Вл. Соловьев человек весьма почтенный. Я... уважаю его как критика и как поэта — но три рецензии его о наших изданиях переполнены остротами и шуточками самого дурного тона, что остается только пожалть плечами...» (РГБ, ф. 386, карт. 36, ед. 47).

Арсений Г. [И.Я. Гурлянд] называет Брюсова «главным декадентом», «декадентом-коноводом» и сетует на «непоправимую

ошибку» Вл.Соловьева, «в серьезном журнале... обратившего внимание на этих шалунов» («Московские декаденты», Нов. Дня, 5 сент.). А.Б[огданович], допуская, что в принципе искания символистов могут дать положительные результаты, вместе с тем, сославшись на предисловие Брюсова к «Шедеврам» и на его стихотворение «О, закрой свои бледные ноги», пишет, что русские символисты поражают пока своей «бесталанностью и удивительной, беспримерной наглостью». «Отличить Дарова от Брюсова, Коханского от Добролюбова нет никакой возможности», все они — подражатели, не имеющие будущего, между тем лучшие представители символизма на Западе (Метерлинк и Ибсен) отличаются глубиной содержания и совершенством формы (Мир Б., № 10). Пл.Краснов, причислив к сборникам русских символистов «почти декадентские стихи» Мережковского и Бальмонта и «декадентские повести» Ф.Сологуба, жалуется на то, что это «туманное свинство», состоящее из «мистики и порнографии», имеет несомненный успех: «их печатают, продают, о них говорят» («Русские декаденты», Тр., № 11). Н.Н.[Николаев] советует авторам сборников оставить «мысль о том, что символизм есть *новая школа*», ибо ее главные признаки — бессодержательность, «дикий, однообразный лепет», отсутствие положительных или отрицательных образов и идеалов, кроме «грубо-материальной идеи внешнего наслаждения или внешней боли», при этом все покрыто «хаотическим туманом болезненно-перемешанных ощущений». Некоторые стихотворения Брюсова «милы, грациозны и не без содержания» («Русские символисты и кое-что о символизме вообще», Р. Обзор., № 9). В.Чуйко констатирует: «Наша журналистика с рвением, достойным лучшего применения, занимается символизмом... издеваются фельетонисты и передовики, издеваются беллетристы, издеваются критики, по-видимому, не имеющие другого, более приличного дела... издается Вл.Соловьев», хотя ему, «осененному венком философской мудрости, как будто и неприлично заниматься таким глупым делом» (Од. Л., 29 ноября).

Диссонансом прозвучал голос Рыцаря Зеркал [И.И.Ясинского], выступившего с защитой стихотворений Брюсова, хотя и лишенных смысла, но обладающих «музыкальностью» и «красотой рифм»: «...А что если из этого ребяческого движения... выйдет... что-нибудь заслуживающее похвалы и серьезного внимания?»; выражает удивление, почему «Северный вестник», «орган декадентов по-преимуществу», не печатает стихов Брюсова и К^о (Пб. Газ., 11 окт.). Попыткой философско-исторического осмысления символизма явилась рецензия В.В.Розанова (Р. Вест., 1896, № 4, в более полном виде в Р. Обзор., 1896, № 9, «О символичес-

тах»). Отметив тяготение символизма к эротике и замену реального мира «опустошенным и павшим “я” поэта», Розанов относит декадентство к «историческим явлениям великой необходимости и смысла», несущим «великие странности, великое уродство, великие бедствия и опасности». «Смрадное чудовище» декадентства возникло как порождение «несвязанной личности» и «свободной человечности Запада, и противостоять этому может лишь христианская религия, православная церковь.

«Ругательства в газетях ужасно мучат, — признавался Брюсов 8 сентября» (В. Б р ю с о в. Дневники. М., 1927, с. 22). В черновой заметке, относящейся к 1895 г., Брюсов писал: «Русские символисты достигли чего хотели — исполнили свое дело. Наши выпуски служили новому в поэзии, в каких бы формах это новое ни выражалось. In tyrannos [Против тиранов] — вот каков был наш девиз. Нас упрекали — нередко даже друзья, — что мы отводим слишком много места крайностям новой школы. Допуская даже, что эти крайности отпадут впоследствии от обновленной поэзии, смеем думать, что в дни борьбы они могли бы иметь только самое благодетельное влияние. Не останавливаться ни перед чем! Дерзать на все! — вот завет» («Искусство», 1928, т. III, кн. IV, с. 218).

«Московские ведомости» (9, 16, 23, 30 авг.) опубликовали воспоминания бывшего народовольца Л.А.Тихомирова «Почему я перестал быть революционером». В примечании от редакции говорилось, что эти воспоминания, вышедшие за границу в 1888 г., сейчас «едва ли не более своевременны», а потому редакция считает своим долгом познакомить с ними русского читателя (в октябре книжка Тихомирова вышла в Москве отдельным изданием).

В.В.Розанов — «По поводу одной тревоги графа Л.Н.Толстого» (Р. Вест., № 8). Призывает покориться церкви, отречься от «презрения к миру»: «Ты не хочешь “сопротивляться злу” и сопротивляешься даже благу. Ты все умничаешь, выдумываешь, лепишь снова человека из глины, когда его уже слепил Бог»; именует Толстого человеком «мелочно придирчивым», «все выслеживающим», «все ненавидящим — при устах, полных всегда любви».

Н.К.Михайловский назвал эту статью «изумительной по наглости и дикой распушенности». «Бывали у нас в литературе случаи безобразнейшей полемики... но ничего подобного все-таки не было; ибо ко всем обычным неприличиям... здесь прибавлен еще

этот якобы свыше вдохновенный тон» — «пророка, судии и учителя». При этом Розанов — «человек, имеющий свою аудиторию, своих почитателей, свой круг солидарных людей, что, может быть, и дает ему смелость говорить с гр. Толстым тоном знаменитого архимандрита Фотия» (Р. Бог., № 10). Розанов осмеливается поучать великого писателя «слогом пьяного пономаря», что характерно для времени, когда «всякий пошляк... всякий недоучившийся гимназист, всякий невежественный бумагомаратель, всякая истерическая барыня цепляются за графа Толстого», ибо он «лучшая реклама для этих бездарных неудачников» (В.Чуйко, Од. Л., 5 сент.). Со времен «пресловутого Аскоченского... ничего подобного не появлялось в наших литературных изданиях»; Розанов требует, чтобы Толстой взамен «тревожащей душу правды» проповедовал «успокоительное фарисейство» (В.Буренин, Н. Вр., 1 сент.).

М.А.Протопопов — «Литературно-критические характеристики (В.Г.Белинский, Лев Толстой, Н.В.Шелгунов, Вс.Гаршин, С.Т.Аксаков, А.М.Жемчужников, Глеб Успенский, Ф.М.Решетников, Н.Н.Златовратский, Н.Е.Петропавловский (Каронин))». СПб.: изд. ж-ла «Русское богатство», 1896, тираж — 2000.

В августе 1897 г. зав. редакцией «Русского богатства» А.И.Иванчин-Писарев писал Протопопову, что продано лишь 686 экз. и предлагал забрать оставшиеся (ИРЛИ, ф. 181, оп. 3, ед. 322).

Сентябрь

М.Горький — «Ошибка» (Р. Мысль, № 10). Рассказ ранее был отвергнут редакцией «Русского богатства». 23 апреля В.Г.Короленко сообщил Горькому мнение Н.К.Михайловского об «Ошибке»: «Рассказ кажется ему бесцельным, а психология двух сумасшедших произвольной...» «Автор несомненно талантлив,— пишет Михайловский,— сила есть, но в пустом пространстве размахивать руками, хотя бы и сильными,— нет смысла» (т. 10, с. 227).

А.Скабичевский оценил «Ошибку» как «декадентскую повесть» и «грубейшее, рабское подражание» «Палате № 6» Чехова «не только в сюжете и положении действующих лиц, но и в самом языке» (Нов., 5 окт.). М.К[уплет]ский назвал «Ошибку» неудачным произведением с неясной идеей (Сын От., 6 окт.). М.Полтавский рекомендует читателям «прекрасный рассказ г. Горького,

глубокий по мысли и удачный по исполнению» (Бирж. Вед., 23 ноября).

Вл.И.Немирович-Данченко — «Губернаторская ревизия» (Р. Мысль, № 8–9).

Герой повести, «слабый и развинченный человек», «ищет подвигов», смотрит на все «с точки зрения вечности и бесконечного» и кончает самоубийством (М.Южный [М.Г.Зельманов], «Рыцари на час», Гражд., 31 окт.).

23 сентября Л.Н.Толстой пишет М.Л.Толстой: «...нынче вечером решил, придумал, нечто очень для меня интересное, а именно то, что не могу писать с увлечением для господ — их ничем не проберешь: у них и философия, и богословие, и эстетика, которыми они, как латами, защищены от всякой истины, требующей следования ей. Я это инстинктивно чувствую, когда пишу вещь, как Хозяин и работник и теперь Воскресение*. А если подумаю, что пишу для Афанасьев и даже для Данил и Игнатов** и их детей, то делается бодрость и хочется писать» (т. 68, с. 186).

В.Я.Брюсов писал в сентябре В.К.Станюковичу: «Ознакомился я недавно с сочинениями гр. Толстого “В чем моя вера” и “Царство Божие внутри вас”... Признаюсь, я сильно переменял мнение о Толстом, составленное на основании его напечатанных философствований (например, «О жизни») и популярных разборов... Впрочем, миросозерцание мое как раз противоположно идеям Толстого, так что все восхищения мои чисто платонические. Реальный вывод из них лишь тот, что я стал с большим уважением относиться к последователям гр. Толстого, которых прежде чуть-чуть не осмеивал» (ЛН, т. 85, с. 737).

25 сентября П.Ф.Якубович в письме из Курганской ссылки Н.К.Михайловскому требует «оправдания Бодлера»: «Я лично не знаю другого столь чистого, безукоризненно чистого поэта... несмотря на то, что в русской публике навязана ему... недобрая слава чуть ли не развратника, не порнографа... Нет, не растлевающее влияние, а напротив — возвышающее и одухотворяю-

* Закончив летом 1895 г. первую редакцию «Воскресения», Толстой продолжил работу над романом.

** Испаноляцкие крестьяне.

шее может иметь он на чистую, молодую душу» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. 810). В ответ Михайловский предложил написать для «Русского богатства» статью о Бодлере (см. наст. Летопись, апрель 1896 г.).

Д.С.Мережковский — очерки «Крестьянин во французской литературе. П. Мишле» (Тр., № 9). Точка зрения Ж.Мишле, изложенная в книге «Народ», является «характерною чертою современного психического момента»: «народ озлоблен», но он «обладает громадным преимуществом перед классом образованных людей» — твердой волей и простотой, в то время как у интеллигенции «преобладает рефлексия, бесплодный скептицизм», «ослабление воли и чувства». Единственное спасение в сближении с народом через патриотизм и «добровольную жертву».

Вл.С.Соловьев — «Стихотворения». Изд. 2, доп. СПб., 1895, тираж — 2100. По сравнению с 1 изд. (1891) включено более 40 новых стихотворений, ранее печатавшихся в периодике, и впервые — «Милый друг, иль ты не видишь...»

Вл.С.Соловьев писал 23 апреля В.Л.Величко: «...Философично ли я поступаю, предлагая публике свои стихотворные бусы, когда существуют у нее: алмазы Пушкина, жемчуг Тютчева, изумруды и рубины Фета, аметисты и гранаты А.Толстого, мрамор Майкова, бирюза Голенищева-Кутузова, кораллы, яшма и малахиты Величко?» (Вл.С.Соловьев. Письма. Т. I. СПб., 1908, с. 226).

«Стихи г. Соловьева не отличаются особой силой и звучностью, его муза... прежде всего скромна», преисполнена «тихой грусти, раздумья, по временам любви» (Н. Сл., № 2, ноябрь). Стихотворения «столь же изящные и гладкие, как веленевая бумага, на которой они отпечатаны. Но холодом веет от них...» Вл.Соловьев «разделяет участь новейших поэтов, которые в погоне за формой упускают из виду главное достоинство стихов — искренность. Зато его стихотворения выгодно отличаются от декадентских своей содержательностью, глубиной мысли и высотой мирозерцания» — например «Ex oriente lux» (Мир Б., № 9, Библиограф. Отд.). Вл.Соловьев — «последователь великого русского символизма Тютчева», его «старшие родственники» — Фет и Гейне, он «двух станов не боец», как А.К.Толстой; склонен к «вечным вопросам» религии, нравственности и эстетики, гармоническому сочетанию «строго философского мышления с мистическим созерцанием, чаадаевского пессимизма с русским мессианством Достоевского, широкой гуманности с национальной идеей и пламенного сла-

вянофильства с рациональным западничеством» (В.Л.Величко, «Философ-поэт», Кн. Нед., 1896, № 1). «Глубокое мистическое проникновение» и «восторженный религиозный лиризм» вместо воспевания «телесной любви» (Скитянин, «Поэзия аскетической любви», СПб. Вед., 1896, 6 февр.).

Октябрь

5 октября Л.Н.Толстой пишет Н.Н.Страхову: «Писание мое ужасно усложнилось и надоело мне, — ничтожно, пошло, главное писать для этой никуда ни на что не годной интеллигенции, от которой никогда ничего, кроме суеты, не было и не будет» (т. 68, с. 207).

29 сентября — 3 октября В.Г.Короленко в качестве корреспондента присутствует в Елабуге на втором процессе крестьян удмуртов (вотяков) из села Старый Мултан, обвиненных в ритуальном убийстве. После вторичного вынесения обвинительного приговора, который Короленко назвал «результатом предрассудка улицы и шулерства чиновников» (т. 10, с. 237), он выезжает на место происшествия и начинает борьбу за пересмотр дела. С 18 октября по 13 ноября «Русские ведомости» печатают составленный Короленко с двумя другими корреспондентами подробный отчет о Мултанском процессе, а в ноябрьском номере «Русского богатства» появляется первая статья Короленко о процессе — «Мултанское жертвоприношение», в которой писатель предостерегает от «страшной судебной ошибки», бросающей несправедливое обвинение целой народности.

А.П.Чехов — «Анна на шее» (Р. Вед., 22 окт.).

Рассказ написан на тему «Бедной невесты» А.Н.Островского, взятую «со стороны комической», без «возвышенного романтизма» прежней литературы, и поэтому «один из самых слабых» у Чехова (Ю.Николаев [Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 26 окт.).

Е.Н.Чириков — «Митька» (Р. Бог., № 10): рассказ о сироте, для которого пребывание в больнице явилось самым «благополучным» временем жизни.

А.Скабичевский наряду с «потрясающими картинами порока, нищеты и бесправия» отметил «сухой протоколизм» рассказа (Нов., 9 ноября). Рыцарь Зеркал [И.И.Ясинский] обвинил

«Митьку» в архаичности — «нисколько не изменился со времени “Отечественных записок”» (Пб. Газ., 22 ноября).

З. Гиппиус — рассказ «Мисс Май» (С. Вест., № 10).

17 октября состоялось первое публичное представление «Власти тьмы» Л. Толстого на сцене Театра литературно-артистического кружка в Петербурге. 26 октября «Власть тьмы» была поставлена в Москве в общедоступном театре М. В. Лен-товского «Скоморох» (ЛЖТ Толстого, с. 192).

19 октября Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук присудило Вл. С. Соловьеву золотую медаль за критический разбор сборника рассказов К. К. Случевского «Исторические картинки» (СПб., 1894), удостоенного премии имени А. С. Пушкина за 1895 г.

Во время работы над отзывом Вл. Соловьев писал К. К. Арсеневу 30 августа: «Я делаю нечеловеческие усилия, чтобы сохранить академический тон» (Письма. Т. 2. СПб., 1909, с. 93).

Отзыв Вл. Соловьева напечатан в «Сборнике Отд. рус. яз. и словесн.», 1896, № 9 (тогда же отд. оттиск): «Настоящий, лирический и отчасти сентиментальный талант Случевского «по обстоятельствам времени» [60-е годы] «не мог получить никакого литературно-критического *воспитания*» и отличается «противоудожественной склонностью к бесконтрольным рассуждениям».

С октября журнал «Новое слово», представлявший собой «нечто эфемерное и ничтожное» (Кн. Нед., № 12, с. 200), перешел в руки новой — народнической — редакции, возглавленной С. Н. Кривенко (официальным редактором был А. А. Слепцов). Сотрудниками журнала объявлены: разошедшиеся с «Русским богатством» народники-публицисты В. В. [В. П. Воронцов], Николай -он [Н. Ф. Даниельсон], критики А. М. Скабичевский и Л. Е. Оболенский, беллетристы Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. А. Мачтет, К. М. Станюкович, А. П. Чехов и др.

По этому поводу Н. К. Михайловский писал в январе 1896 г. Н. С. Русанову: «Отщепившиеся сотрудники слишком уж гнули кто в сторону “маленьких дел” и “отрадных явлений”, кто в сторону народничества, но на подкладке экономического материализма, т. е. с фырканием по адресу политики...» («Былое», 1907, № 7, с. 136). Л. Т[ихомиров] назвал «Новое слово» «бледной тенью» «Отечественных записок», а борьбу с марксизмом — «атавизмом»

и простой тратой времени, так как Струве «не страшен для нынешних людей» («Летопись печати», Р. Обзор., 1896, № 4).

В программной статье А. Скабичевского «Литература в жизни и жизнь в литературе» (Нов. Сл., № 1*) критик намечает в современной литературе четыре группы: 1) «беллетристика из народного быта» (Н.Н.Златовратский, П.В.Засодимский, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Н.Г.Гарин-Михайловский, В.Г.Короленко); 2) «беллетристы-пессимисты» (М.Н.Альбов, А.П.Чехов, К.С.Баранцевич и Д.Н.Мамин-Сибиряк); 3) беллетристика, посвященная семейному, женскому и детскому вопросу (В.Микулич, О.Шапир, А.Вишняцкая, Ю.Безродная, В.Дмитриева и др.); 4) «беллетристы без определенного характера и направления» (П.Боборыкин, И.Потепенко, И.Салов, такие произведения Короленко, как «Слепой музыкант», и мелкие рассказы А.Чехова); в остальных родах литературы — драматургии, поэзии, сатире — царит «самый печальный упадок» и «мерзость запустения», вплоть до «последнего шага падения в виде декадентства».

И.А.Бунин — очерк «На край света» (Н. Сл., № 1, окт.).

А. Скабичевский: это «уже не жанр, не бытописание, не этнография, не сухой и холодный протоколизм, а сама поэзия» (Нов., 26 окт.).

К.М.Станюкович — «Морские силуэты. Из далекого прошлого». СПб.: изд. О.Н.Поповой, 1896, тираж — 2100.

В морских рассказах Станюковича нет недостатков его «нравоописательных или обличительно-сатирических романов», писал в анонимной рецензии М.А.Протопопов, в лучшем рассказе «Нянька» автор говорит не о «жестоких временах», а о «нравственных свойствах личности, подлежащей суду истории или суду искусства» (Р. Бог., 1896, № 6, Нов. Кн.).

Ап.Коринфский — «Черные розы. Стихотворения 1893–1895». СПб., 1896, тираж — 1200.

В рецензии А.Волынского Ап.Коринфский назван «посредственным версификатором», «не без расчета на декадентские запросы современных читателей» (С. Вест., 1896, № 1). Сборник «водянистых вдохновений» (Н. Сл., 1896, № 7). «Цветочная литература», не имеющая отношения к поэзии (Мир Б., 1896, № 1). Рецензент «Труда» (№ 12), где Коринфский был постоянным со-

* Журнал вел счет номеров с октября.

трудником, причислил «милого, симпатичного автора этой изящной книги» к «истинным украшениям» молодой поэзии (вместе с Фофановым). Красочность и музыкальность стиха при отсутствии оригинальности отмечал рецензент «Наблюдателя» (1896, № 1). «Маленькое дарованьице» «думает добиться популярности ложным народничаньем и манерной вычурностью», занимая «свои вычурные даже у наших декадентов»; «свой необыкновенно жизнерадостный... сборник назвал почему-то “Черными розами”» (П.Ф.Гриневич [П.Ф.Якубович], «Обзор нашей современной поэзии», Р. Бог., 1897, № 8).

Ноябрь

А.П.Чехов — рассказ «Убийство» (Р. Мысль, № 11).

Когда же Чехов скажет «настоящее слово»? (М.Полтавский, Бирж. Вед., 15 дек.). Интересна лишь бытовая сторона жизни «искателей истины» (М.К[уплет]ский, Сын От., 1 дек.). «Как и все рассказы г. Чехова, “Убийство” закончено несколько вяло и неопределенно, но психологический процесс, выпуклость характеров и бытовая правда рассказа замечательны, как всегда» (Кн. Нед., № 12, с. 196). Рыцарь Зеркал [И.И.Ясинский] писал, что «Убийство» — «этнографическая повесть», «далеко незаурядная»; «холодность», в которой обычно упрекают Чехова, есть «редкий дар» объективности, которая сродни таланту Толстого» (Пб. Газ., 29 ноября). «Сколько еще нужно труда, чтобы пробить эту дикую чашу невежества и сделать хоть сколько-нибудь похожими на людей этих обросших дубовою корою чудовищ!» (А.Скабичевский, Нов., 30 ноября). Рассказ «свидетельствует не *против* народа, а *за* народ», «о необыкновенной нравственной живучести русского простого человека», ищущего путь к «обыкновенной вере» (церковной) в отличие от «омертвелой, расслабленной» интеллигенции (Ю.Николаев [Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 23 ноября, 7 дек.).

А.И.Эртель пишет 17 декабря В.А.Гольцеву: «Какая превосходная вещь “Убийство” Чехова, и во всех смыслах! Ужасно я рад за него за то, что полоса скучных, не “выразительных”, туманных вещей, вроде “Три года”, очевидно, прошла для него и он вновь — сильный, искренний, глубокий талант с ой-ой каким царем в голове!..» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 94).

Н.Гарин — «Студенты (Из семейной хроники)» (Р. Бог., №№ 1–6, 9, 11).

«Художественное изображение разврата» (Кн. Нед., № 4). Герои повести — «жалкие бонвиваны» и «умственные недоноски», пришедшие на место «юных граждан» (Бирж. Вед., 13 июля). Трилогия Гарина — «вклад в нашу беллетристическую литературу» и «любопытный документ современности», при «чрезмерном сгущении красок в изображении судьбы молодого поколения»: «ни в семье, ни в школе, ни в общественном отношении, ни, наконец, в университетской науке... ни малейшего просвета» ([П.Ф.Николаев], Р. Мысль, №№ 6 и 8). «Если бы учащаяся молодежь... была такова, то пришлось бы поставить крест над всей будущностью России» (Р.И.Сементковский, ежемес. лит. прилож. к «Ниве», 1896, № 2).

Н.Г.Гарин-Михайловский писал 1 сентября А.И.Иванчину-Писареву: «Прочел в “Русской Мысли” отзыв о себе: много правды», но рецензент «производит впечатление человека с расстроеными нервами», так как не понял, «к какой части общества относится “эгоизм наших дней” и чем именно деморализовано это общество» (Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 37).

К.М.Станюкович — роман «История одной жизни» (Мир Б., №№ 1-8, 10-11).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — повесть «Без особенных прав» (Н. Сл., №№ 1-2, окт.-ноябрь).

А.Серафимович — «Под землей» (Р. Мысль, № 11).

Очерк назван М.К[уплет]ским «правдивым и интересным» (Сын От., 1 дек.).

Поэтический дебют П.С.Соловьевой, под псевдонимом «Аллего» (Р. Бог., №№ 10, 11). Впоследствии она вспоминала: «Благодаря счастливой случайности стихи мои попали к Н.К.Михайловскому и стали печататься* ... Михайловский говорил мне, что некоторые заподозрили, что это он сам стал писать стихи, прикрываясь музыкальным псевдонимом» (сб. «Первые литературные шаги». М., 1911, с. 93-94).

2 и 21 ноября А.П.Чехов пишет А.С.Суворину о репертуаре его театра: «Отчего Вы не попытаетесь поставить... Метерлин-

* Стихи П.С.Соловьевой печатались в «Русском богатстве» также в 1896-1898 гг.

ка? Если бы я был директором Вашего театра, то я в два года сделал бы его декадентским или старался бы сделать», «...а по воскресеньям и праздникам днем ставил бы для народа»: «Парашу Сибирячку» Н.А.Полевого, «Женитьбу» Гоголя, «Власть тьмы» Л.Толстого. «Гамлета» и «Отелло», «напирая главным образом на декорации» (т. 6, с. 89 и 100).

28 ноября Малый театр А.С.Суворина поставил пьесу Метерлинка «Тайны души». С.Печорин [С.А.Сафонов] писал, что петербургская публика «впервые взглянула прямо в глаза новейшему символизму»: издатель «Нового времени», в котором «символизм и декадентство вышучиваются самым резким образом», выступил восхвалителем «Шекспира марионеток», его «скудодушия, скудоумия и скудоязычия» (Нов., 3 дек.). «Сценический фокус», свидетельствующий о «глубоком падении» искусства (Ю.Н. [Говоруха-Отрок], Моск. Вед., 13 дек.).

А.Волынский — «Русские критики», СПб., 1896, тираж — 1200. Статьи о В.Г.Белинском, Н.Г.Чернышевском, Н.А.Добролюбове, Д.И.Писареве, П.Д.Юркевиче, Вал.Майкове, Ап.Григорьеве, Н.К.Михайловском и др. В предисловии автор благодарит издателя и «сотоварища по литературе» Л.Я.Гуревич и провозглашает: «Я хотел не рассказывать, а судить».

30 сентября 1898 г. Л.Я.Гуревич пишет Э.И.Мешингу: «До сих пор («Русские критики» печатались в «Северном вестнике» в 1893–95 гг.) не проходит дня, чтобы люди не спорили со мною и не доказывали, что “развенчание русских богов” было преступлением» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. 56).

Рецензент «Севера» (1896, № 6, 11 февр.) приветствовал «большую смелость» и «эрудицию, повинующуюся философскому уму» критика. А.М.Скабичевский назвал Волынского «невеждофанатиком», применяющим философский идеализм как «заколдованный меч, которым он разит всех российских критиков», при этом в мозгу самого Волынского перемешаны «философия Гегеля» с «учением Л.Толстого», символизм и «площадной спиритуализм»; в целом его книга — «безобразно-жалкий памятник нашего современного невежества» (Н. Сл., 1896, № 6). Б.Б.Глинский писал, что в «битву с русскими критиками» вступил «злой, завистливый, неблагодарный и трусливый» маньяк, который служит «культу собственного величия», повергая в прах «всех русских передовых деятелей печати» («Болезнь или реклама?», Ист. Вест., 1896, № 2). «Лай с безопасного расстояния» (М.А.Протопопов, «Критик-декадент», Р. Мысль, 1896, № 3). «Полуграмотный еврей»

надругается «над всем русским» (К-ский [К.П.Медведский], Набл., 1896, № 3; сходная оценка — В.Буренин, Н. Вр., 22 дек.). Н.Каменский [Г.В.Плеханов] утверждал, что Волынский отстаивает критику философскую против публицистической с помощью поверхностного гегельянства и возводит в квадрат грехи предшествующих десятилетий, «суд и расправу» над которыми вершит (Н. Сл., 1897, № 7). В.В.Ч. [Чуйко] увидел в книге солидный и добросовестный труд, которому, однако, не хватает «исторического чутья» (Вс. Иллюстр., 1897, № 4, 18 янв.).

Декабрь

А.П.Чехов — рассказ «Ариадна» (Р. Мысль, № 12).

Либеральная критика не откликнулась на рассказ, охранительная признала его «неважно написанным» (В.Буренин, Н. Вр., 1896, 19 апр.) и лишенным «правильного взгляда на предмет» (Р. Обзор., 1896, № 3, с. 491). Фельетонист Solo [И.В.Скворцов], в стихотворном послании, укорял Чехова за «дань золаизму»: «Я враг фальшивой *grandezza* [преувеличенная скромность]: Картины жизни нам дари, Но слишком грязные детали — К чему? Оставь их тем... другим, Им протокол необходим» (Нов. Дня, 23 дек.).

Л.Н.Толстой — «Стыдно» (Бирж. Вед., 28 дек.); о телесном наказании крестьян.

«Московские ведомости» (1896, 2 янв.) назвали статью «банальнейшей прокламацией» с возмутительной ссылкой на авторитет декабристов. А.И.Эртель писал об огромном авторитете Л.Н.Толстого, к которому прислушивается весь цивилизованный мир, но в статье «Стыдно» писатель встает на ошибочный путь отрицания «юридических перемен», предлагая лишь путь «обличения и покаяния» («Падают ли русское общество?», Нед., 1896, 21 янв.).

П.В.Засодимский — повесть «Восточный магазин» (Н. Сл., №№ 1–3, окт.–дек.).

Рассказ о добродетельном торговце (М.К[уплет]ский, Сын От., 1 дек.).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — рассказ «Враг» (Р. Бог., №№ 11–12); о незаконнорожденном, обреченном умереть в воспитательном доме.

Л. Мельшин [П. Ф. Якубович] — «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» (Р. Бог., №№ 9–12).

Ф. Сологуб — «Тяжелые сны» (С. Вест., №№ 7–12); отдельное издание вышло в марте 1896 г. СПб., тираж — 1200. Герой романа, гимназический учитель Логин, противопоставленный уродливой провинциальной среде, провозглашает: «Станем, как боги, творить и создавать новые небеса, новую землю». Роман был подвергнут значительным редакционным сокращениям и переделкам, в частности, эротических сцен с учетом цензурных требований и «вкусов редакции», за что Сологуб упрекал Л. Я. Гуревич в эстетическом консерватизме, который противоречит позиции журнала, «имеющего некоторую склонность» к «новым течениям», «самая новизна которых влечет за собой некоторую их неустойчивость и приподнятую их взволнованность» (В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. М., 1930, с. 123).

«Русский вестник» (1896, № 9) обвинил автора в «проповеди разврата и преступления», которая не будет иметь успеха на «русской почве», ибо вызвана «смешанным влиянием французского декадентства, северного символизма и немецкого Ницше». М. К[уплет]ский увидел в романе одних «нравственных уродов» (Сын От., 17 авг.). «Декадентский бред», перепутанный с «пессимистическим натурализмом»; выведены «препротивные, визжащие фигуры», с наглостью лезущие, не без помощи автора, в сверхчеловеки. Герой Сологуба — человеконенавистник, человек для него — «безобразный, гниющий и зловонный труп», он «ненавидит самую жизнь», хотя воспеваает красоту ([П. Ф. Николаев], Р. Мысль, №№ 8, 10). «Это, по мысли, полное осуждение провинциальной интеллигенции, неспособной даже в лучших своих представителях к какому-нибудь плодотворному делу» (Р. Сементковский, «Что нового в литературе?», ежемесяч. лит. прилож. к «Ниве», № 10, с. 368). [М. А. Протопопов] считает, что «Тяжелые сны» — «первый декадентский роман» «со всеми особенностями этого интересного направления»: «невозможные желания», засоренность воображения автора эротикой, «извращенные понятия», интерес к преступлению и безумию. Роман дает не «изображение пошлой жизни», а «пошлом изображение жизни» (Р. Бог., 1896, № 7, Нов. Кн.). На этот «неудачный», «бессмысленно-кроваво-пьяный роман» не обратили бы внимания, если бы не «символическая оправа», претендующая «на глубокий, таинственный смысл» (Н. Сл., 1896, № 1). А. Волынский писал о романе, помещенном в редактируемом им журнале: «“Тяжелые сны” написаны с пора-

зительной мещанской грубостью и производят впечатление пустой и бессодержательной фантазии... Смесь вульгарности с талантом, меланхолическая тоска, навеянная метафизическими грезами», «мелкое чувственное извращение, отрывочный слог, доходящий иногда до острого лаконизма, рядом с бессильным декадентством в подборе особенно тонких красочных оттенков и первобытной стилистической беспутницей» (С. Вест., 1896, № 12). «Броня псевдонима» и «олимпийское спокойствие, присущее всякому истинному декаденту», защищает автора от многочисленных «пинков и подзатыльников» критики. «Не столько декадент помешал художнику, сколько неопытный художник — декаденту» (М.Полтавский, Бирж. Вед., 1896, 18 янв.).

В.Я.Брюсов писал о «Тяжелых снах» 25 августа: «Символизм у Федора Сологуба не естественный, а напускной, приделанный и заимствованный» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 38–39).

Л.Н.Толстой назвал роман Сологуба в письме к Л.Я.Гуревич от 8–9 ноября «невозможной неряшливой бессмыслицей» (т. 68, с. 250).

А.Серафимович — «Под праздник» (Н. Сл., № 3, дек.). Рассказ из жизни шахтеров.

З.Гиппиус — «Песня» («Окно мое высоко над землею...») (С. Вест., № 12).

*Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь к тому, чего не знаю,
Не знаю...
И это желание не знаю откуда.
Пришло откуда,
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!
О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает.
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает, —
По плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.*

13 декабря Брюсов писал: «безразмерное стихотворение З.Гиппиус... мне положительно нравится, как и многие другие ее стихотворения» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 52).

А. Скабичевский назвал «Песню» «бессвязным бредом души больной», «декадентской истерией» (Н. Сл., 1896, № 7, с. 78). «Содержание этого стихотворения», заметил Н.К. Михайловский, знакомо «и служителям старой красоты», добавлены лишь «истерически-капризные ноты», а по «чисто техническим приемам» — напоминает стихи Смердякова в «Братьях Карамазовых» («Г-жа Гиппиус и “ступени к новой красоте”», Р. Бог., 1896, № 3). «Изуродованная проза» (Р. Мысль, 1896, № 2, Библиограф. Отд.).

К. Фофанов — «Символисту» (Сев., № 50, 16 дек.).

*Есть тайный смысл в твоих речах,
Непостоянных и кипучих,
Есть дальний отзвук грез летучих
В твоих пророческих мечтах...*

В. Розанов — «Красота в природе и ее смысл» (Р. Обзор., № 10–12). Отд. оттиск — М., 1895, тираж — 300.

Помимо «изобилия идеями», автора отличает «лирическая мелодия стиля» (Ф.Ш. [Ф.Э. Шперк], Н. Вр., иллюстр. прилож., 1896, 8 янв.).

А. Волынский — «Оскар Уайльд» (С. Вест., № 12). Защищает «символичность искусства», возникшую «на известной стадии человеческого просветления»; сближает «оппозицию общественным нравам» у О. Уайльда со «своеобразным протестантством» Ницше, однако «социальная критика» первого «скользит по поверхности».

Л.Е. Оболенский — «Правда ли, что наша журналистика падает?» (Од. Л., 3 дек.). Об увеличении числа прогрессивных журналов по сравнению с 60–70-ми годами (Вест. Евр., Р. Бог., Р. Мысль, Н. Сл.) при отсутствии крупных имен, равных Тургеневу, Салтыкову-Щедрину и Некрасову. Направление «Северного вестника» характеризует поговоркой «темна вода во облацех».

Н.М. Минский — «Стихотворения». СПб., 1896, изд. 3-е, дополненное, тираж — 1200. В посвящении к сборнику — «Боги не свободы» — поэт провозгласил:

*Я цепи старые свергаю,
Молитвы новые пою...*

А.Б. [А.И.Богданович] видит в этом заявлении «просто маленькое антраша в декадентском вкусе», которое не к лицу поэту; основное содержание сборника — «гражданские мотивы», элегии и сонеты (Мир Б., 1896, № 2). Минский «сжигает все то, что составило ему доброе имя», и уходит в «чад мистики и символов» (Н. Сл., 1896, № 8). Отказавшись от народничества, поэт декларирует «свое презрение к толпе, к современности, к потомству» (Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 1896, 22 авг.). Минский исключил из своей книги все стихотворения старого — «гражданского» — периода; теперь у него три идеала: свобода, красота, искусство; «один из первых поднял на Руси знамя декадентства», с его «манерностью, нелепыми претензиями и искусственной болезненностью» ([П.Ф.Якубович], Р. Бог., 1896, № 6, Нов. Кн.). «Несомненно талантливый поэт... губит свое дарование рабским служением чужим теориям» (Р. Обозр., 1896, № 3, Б-фия). А.Волынский приветствовал переход Минского к «философскому символизму» и «метафизическим исканиям отвлеченной красоты», автор «дал волю естественным склонностям своего духа» и подверг «собственному смелому, вдохновенному разгрому» гражданский период своей деятельности «аффектированного певца» «с крикливыми нотами рассудочного патриотизма и народолюбия» (С. Вест., 1896, № 2). Ф.Шперк находит, что Минский более ритор, чем поэт, и рекомендует ему «не выходить за пределы своего семитизма», для которого, в отличие от «богатырского русского духа», характерно «душевное бессилие» и «тяготение к смерти и разложению» (Н. Вр., 1896, 10 марта).

З.Гиппиус — первый сборник рассказов и стихотворений «Новые люди». СПб., 1896, тираж — 1200. Посвящен А.Волынскому: «Дух того, что вы пишете, близок мне, и я дарю вам эту книгу — первую ступень к новой красоте, которая дорога нам обоим».

Произведения, ранее почти не замечавшиеся критикой, собранные в книгу, вызвали многочисленные, как правило, отрицательные отклики. Особенно часто цитировали стихотворение «Песня».

А.Б[огданович] называет сборник «маленькой книжечкой с большими претензиями», в котором Гиппиус либо «манерничает», либо остается верной «старой красоте» и старым темам (Мир Б., 1896, № 2). Н.К.Михайловский утверждал, что автор пытается «второго сорта безобидные рассказы» выдать за «первую ступень» в поисках «новой красоты»; «стихотворения г-жи Гиппиус, в отличие от прочих декадентов, не вовсе лишены смысла», но им сопут-

ствует «общий родовой признак» нового течения — «ложные жесты», вроде «капризного требования того, “чего не бывает...”» («Г-жа Гиппиус и “ступени к новой красоте”, Р. Бог., 1896, № 3). Б.Б.Глинский «пришел к категорическому заключению», что перед ним автор «с расстроенной нервной системой, не совсем чистым воображением» (Ист. Вест., 1896, № 2, с. 634). З.Гиппиус «нельзя отказать в талантливости», но изображение «новых людей» отсутствует, есть «старые литературные знакомцы». По 12-ти стихотворениям, помеченным 1889–1895 гг., «легко проследить, какое влияние имеет безобразное движение декадентства в последние годы» (Р. Обозр., 1896, № 7, Б-фия). А.Скабичевский оценил книгу как печальное свидетельство гибели «маленького талантика», зараженного «современной эстетической эпидемией» (Нов. Сл., 1896, № 7). Скриба [Е.А.Соловьев] увидел в сборнике «коллекцию уродов... нравственных и физических» (Нов., 1897, 2 янв.).

«Стихи ее безусловно оригинальны... — писал В.Я.Брюсов 20 марта 1896 г.— Рассказы, конечно, “первая ступень”, но все же не плоскость...» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 69–70).

Ф.Сологуб — «Стихи. Книга 1-я». СПб., 1896, тираж — 1200.

Книга была оценена как «мало самобытная» (Сев., 1896, № 1, 5 янв.) и «бесцветная», содержащая стихи «шаблонного или декадентского характера» (Н. Сл., 1896, № 7). А.Волынский назвал автора «неопределившимся талантом», разьедаемым какой-то болезненностью», «с оттенком мрачной фантастичности», но увидел в «немногих удачных стихотворениях» «своего рода силу и простоту» (С. Вест., 1896, № 2). Рецензент «Недели» (1896, 14 янв.) лишь в 5 из 64 стихотворений сборника нашел «яркую образность, краткость, силу, оригинальность и законченную отделку», в остальных — «подражательность и бледную вычерность» при «порнографически-патологических тенденциях». А.П. [М.Горький], сравнив сологубовские строки:

*Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы,
Мы созрели
Для могилы...*

— с «совершенно однородным по настроению» стихотворением Д.Мережковского «Парки», писал: «Пессимизм и полное безучастие к действительности, страстный порыв куда-то вверх, в небо, и

сознание своего бессилия, ясно ощущаемое отсутствие крыльев у поэтов, отсутствие святого духа в сердцах их — вот основные ноты и темы нашей новой поэзии» («Еще поэт», Сам. Газ., 1896, 28 февр.). «Сологуб неважен,— писал о сборнике В.Я.Брюсов 20 марта 1896 г., — хотя у него попадаются очень удачные замыслы. Стихи его слишком рассудочны, мало в них гениальной непоследовательности» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 70).

К.Бальмонт — сборник стихотворений «В безбрежности. 1. За пределы. 2. Любовь и тени любви. 3. Между ночью и днем». М., 1895, тираж — 1200. 2-е изд. вышло в феврале 1896 г., тираж — 600. Эпиграф из Достоевского: «Землю целуй, и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и иступления сего».

К этому времени Бальмонт публикует стихотворения на страницах самых различных журналов (С. Вест., Вест. Евр., Р. Мысль, Р. Бог., Мир Б., Набл., Р. Обзор., Тр., Вс. Иллюстр.).

В большинстве критических отзывов выражалось сожаление, что несомненное поэтическое дарование Бальмонт тратит на «болезненно-мистические» искания в духе современного декадентства. Несмотря на талант, обнаруживает «поползновение к чепухе»: «безбрежности» нет, зато есть «поэтические небрежности» (В.Буренин, Н. Вр., 1896, 26 янв.). «Болезненное искание новых формул» «при несомненном даровании» (Сев., 1896, № 6, 11 февр., Б-фия). Томик стихов, написанный «по самой последней моде» (Нед., 1896, № 8, 25 февр., Нов. Кн.). Выразил «тревожное настроение» современного общества; «приемы французских поэтов» не заслонили «личной оригинальности» (Пл.К[раснов], Вс. Иллюстр., 1896, № 11, 9 марта). Бальмонт «не захотел идти по проторенной дороге старой поэтической школы и примкнул к “новейшей” школе, которая наиболее соответствовала характеру его творчества». И хотя «мистический элемент» придает новой школе «вид нетрезвости, болезненности» — она имеет право на существование, так как отвечает «душевному и умственным потребностям общества» (Набл., 1896, № 4, Нов. Кн.). «Погоня за формой и рифмами» губит дарование Бальмонта, сближая его с «большой поэзией» декадентов (Р. Обзор., 1896, № 5, Б-фия). Бальмонт выделяется из «унылой толпы» декадентов, хотя стихи нового сборника, «за немногими исключениями, неудовлетворительны. Нет прежней... звучности, образности и настроения» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., 1896, № 2). Наиболее суровую оценку дал А.Волынский (С. Вест., 1896, № 2): заурядность «неболь-

шого литературного дарования», «банальность внутренних настроений», «декадентская риторика», «крикливость», «скудость оригинального умственного содержания» при «известной внешней красивости». [А.Г.Горнфельд] подчеркивал, что поэт «небольшого, но несомненного дарования», связан «ложной теорией», ищет «туманностей», «странных образов», «разъединения языка и мысли» (Р. Бог., 1896, № 3, Нов. Кн.).

«В своей книге Бальмонт показал себя дивным мастером стиха; такой гармонии уже давно не слыхала русская поэзия». «Его осуждают потому, что *истинно современный* дух поэзии у нас некому оценить» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 62, 65).

В 1895 г. в Петербургской (Лахтинской) подпольной типографии была издана пьеса Г.Гауптмана «Ткачи» в переводе А.И.Ульяновой, под редакцией В.И.Ленина. В Москве пьеса в том же переводе была напечатана на гектографе членами «Московского рабочего союза», которые широко использовали ее в пропагандистских целях среди рабочих (Л.Г р и г о р ь е в. Ленин и «Ткачи» Гауптмана. «Советская культура», 1968, 23 мая).

В «Ткачах», писал позднее Пл.Краснов, «нет героя» и «очень ясно сквозят социалистические симпатии автора», его реализм отрицает «все общепринятые приемы» (Кн. Нед., 1898, № 1).

В течение года в «Вестнике Европы» (№№ 2, 3, 5, 6) печатались стихотворения Вл.С.Соловьева: «Ночь на Рождество», «Сайма зимой», «Сумерки над Иматрой», «Отшедшим», «Иматра», «Сон наяву», «Опять надвинулись», «Лучей блестящих полк за полком...» и др.

В течение года в «Северном вестнике» (№№ 3, 4, 5, 7, 8, 10, 11 и 12) печатались стихотворения Д.С.Мережковского: «Леда», «Зимний вечер», «Скука», «Леонардо да Винчи», «Рабство любви», «Не надо звуков», «Темный ангел», «Ноябрь», «Пустая чаша».

Итоги литературного года

Наряду с оценками минувшего года как «мертвой зыби», со «своей беспорядочностью, неопределенностью, минорностью тона и мелочностью интересов» (А.Б[огданович], Мир Б.,

1896, № 1) в печати прозвучали голоса, отмечающие некоторое оживление литературы и журналистики. Так, в редакционном обзоре «Литература в 1895 году» (Р. Вед., 1896, 1 янв.) особо отмечалась беллетристика «Русского богатства» со свойственным ей «интересом к явлениям современной жизни» (Короленко «Без языка», Гарин «Студенты», Горький «Челкаш», Вересаев «Без дороги», произведения Мамина-Сибиряка, Мельшина, Потапенко, Чирикова, Серошевского и др.). Среди лучших русских журналов обозреватель называет также «Вестник Европы», выделяющийся не столько беллетристическим отделом, сколько своим «Внутренним обозрением» и «Общественной хроникой», и «Русскую мысль», на страницах которой был напечатан ряд произведений Чехова и роман Мамина-Сибиряка «Хлеб». Иначе оценен «Северный вестник», который, хотя и опубликовал «Хозяина и работника» Л.Н.Толстого, подлинный свой характер обнаружил в «Тяжелых снах» Ф.Сологуба — этом «смешении символизма, мистицизма, гипнотизма и “откровенной” нравственной философии». Что касается реакционных журналов «Русский вестник» и «Русское обозрение», то они заявили о себе лишь «выдающейся по грубости и распушенности полемикой против гр. Толстого».

М.О.Меньшиков в заметке «Прогресс и предание» (Кн. Нед., 1896, № 1) отмечал «новые веяния», наступившие после «мрака восьмидесятых годов», веяния, которые должны привести не к возрождению идей 60-х годов, а к созданию «облагороженного» консерватизма.

Обозреватель «Одесских новостей» (1896, 24 янв.) утверждал, что нынешнее переходное время хуже «периодов крайней реакции», так как, отступив от старых традиций, искусство клонится к ущербу, о чем свидетельствуют произведения начинающих авторов: «Без дороги» Вересаева, «Челкаш» Горького, очерки из жизни шахтеров Серафимовича.

А.Скопинский [А.А.Шевелев] жаловался на «упадок» и на Чехова, который «при несомненном даровании» обнаружил «неприятное стремление к исключительному изображению отрицательных типов и явлений жизни» (Р. Сл., 1896, 6 янв.).

1896 год

Январь

4 января литературно-художественный кружок (председатель А.С.Суворин) в бенефис артистки Л.Б.Яворской поставил пьесу Э.Ростана «Принцесса Греза» (перевод Т.Л.Щепкиной-Куперник), в апреле выпущенную отдельным изданием. Пьеса была «с блеском и треском расхвалена» на страницах «Нового времени», писал А.Волынский, назвавший ее «банальной риторикой на возвышенную тему», «сочиненной для толпы, любящей поэзию» (С. Вест., № 12). Он же назвал пьесу и постановку «расфранченным неприличием» («Начало драматического сезона», С. Вест., 1897, № 10). «Изящная безделушка» (Импрессионист [В.И.Бентовин], Нов., 6 янв.). «Пьеса, специально написанная для отвлечения мысли и воображения зрителя от всех окружающих его коварств, волнений и злоб» (Буква [И.Ф.Василевский], Р. Вед., 14 янв.).

Горький отрицательно отнесся к картине М.Врубеля, написанной по мотивам «Принцессы Грезы» и показанной на Всероссийской промышленной выставке в 1896 г., в самой же пьесе Ростана подчеркнул черты нового романтизма: «В наше скучное, нищее духом время она является призывом к возрождению, симптомом новых запросов духа, жаждой его в вере. Эта пьеса — иллюстрация силы идеи и картина стремления к идеалу» («М.Врубель и “Принцесса Греза” Ростана», Н.Л., 24 июля).

4 января нижегородская общественность дала прощальный обед в честь В.Г.Короленко, переезжающего в Петербург для работы в редакции «Русского богатства». В ответном слове Короленко говорил о значении 11-летней «нижегородской полосы» в его жизни, о необходимости сохранять «живую связь с провинцией», где берут начало ручейки, создающие общественный ледоход (Р. Вед., 8 янв.).

В.Г.Короленко — «Фабрика смерти» (о чикагских скотобойнях) (Сам. Газ., 14, 16 и 17 января).

Н.Гарин — рассказ «Жизнь бессловесная» (Мир Б., № 1). О николаевском солдате, отслужившем 25-летний срок; единственный его собеседник — собака.

В.Вересаев — очерк «На мертвой дороге (Из летних встреч)» (Р. Бог., № 1); две встречи автора в степи — с богомолкой и с рабочим, мечтающим напечатать «планты», разоблачающие неправильную вентиляцию шахт.

17 января В.Г.Короленко, отклоняя рассказ И.И.Сведенцова-Ивановича «Кошмар», писал автору: «Вопрос этот очень деликатный, особенно ввиду положения, в которое так называемые марксисты поставлены цензурой: защищаться им негде, их собственный сборник сожжен*, и потому нападать на них нужно весьма и весьма осторожно... Нельзя также закрывать глаза и на то, что их ряды пополняются далеко не одними квиетистами и индифферентными свидетелями исторического процесса... Вообще же (говорю теперь за себя) — я лично считаю вопрос этот — вопросом о факте, а не о принципах, и полагаю, что в русской жизни найдется много такого, с чем следует бороться прежде, чем с марксистами. А уж если бороться, то, конечно, так, как борются с явлением, родственным по духу и истекающим из тех же побуждений, какие одушевляют и нас» (т. 10, с. 244).

Л.Я.Гуревич и А.Л.Волынский — «Идеализм и буржуазность» (С. Вест., № 1). Отмежевав философский идеализм от политической реакции и назвав как либеральные, так и консервативные журналы «буржуазными», т.е. «стремящимися к жизненному благу внешними средствами», авторы статьи провозглашают лозунгами своего журнала «критический идеализм» и «вечное прогрессирувание».

* Имеется в виду сборник статей «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», среди авторов которого были В.И.Ленин, Г.В.Плеханов, А.Н.Потресов, П.Б.Струвс и др. Представленный в цензуру в мае 1895 г. сборник по постановлению Совета министров был конфискован и сожжен.

23 января Л.Н.Толстой писал А.К.Чертковой о своем желании поддержать редакцию «Северного вестника»: «по направлению они ближе, хотя заметка их в 1 № очень плоха» (т. 87, с. 350).

Под впечатлением от этой статьи Горький посылает 5 марта в ред. «Северного вестника» свой рассказ «Обман» [впоследствии — «Читатель»] (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 134).

Либеральная печать, решившая игнорировать «Северный вестник» после переоценки А.Волынским русских критиков-демократов, не ответила и на эту декларацию. «Русский вестник» (№ 2) усмотрел в статье покушение на «христианскую монархию», а Л.Тихомиров (Р. Обзор., № 5) оспаривал либеральную тенденцию статьи, заверявшей, что идеализм не противоречит «планам политически-социальных преобразований России и человечества». Б.Б.Глинский назвал этот «литературный манифест» редакции «простым пустословием» с претензией на «символический возвышенный смысл» (Ист. Вест., № 2, с. 651).

В «Литературных заметках», опубликованных в том же номере «Северного вестника», А.Волынский рисует Толстого как писателя, отвергающего «тяжелые мертвые пласты отживающего натурализма» и «искусственную пестроту гнилого декадентства» во имя «настоящего возвышенного искусства, которое будет органическим соединением религиозно-философских, нравственных и эстетических идей на почве поэтического творчества». Признаки такого нового искусства А.Волынский видит в пьесах Л.Толстого «Власть тьмы» и Метерлинка «Интерьер».

Н.Минский — «Холодные слова. Рождественская фантазия» (С. Вест., № 1). Поэт в разговоре с Семейнином отрекается от «чувствительных и теплых слов»:

*Боюсь любви, бегу святень,
Чуждаюсь крохотного бессилья,
Люблю подъемлящие крылья
И снег нетронутых вершин...*

Б.Б.Глинский увидел в стихах «проповедь индифферентизма и эгоизма», «нравственную летаргию» (Ист. Вест., № 2, с. 632).

В 1901 г. В.Я.Брюсов в письме к автору отмечал «небрежность стиха» (ЛН, т. 85, с. 663).

С Нового года газета «Гражданин» за отсутствием подписчиков превращается из ежедневной в полунедельную. «Русское богатство» (№ 2) увидело в этом характерное знамение време-

ни. Иегудиил Хламида [М.Горький] писал, что «Гражданин», «удалившись из сферы здравого смысла и нормальной логики, должен быть удален и из сферы культурных понятий и культурного общества» (Сам. Газ., 9 февр.).

24 января умер Н.Н.Страхов. «Свободный ум», он не справлялся с модными догматами и готовыми формулами, «его произведения — на вечные времена» (Б.Б.Глинский, Ист. Вест., № 2). Сочувственные некрологи и статьи о деятельности «стойкого» консерватора поместили журналы «Книжки Недели» (№ 3, М[еньшиков] отметил «бесстрашие» позиции Страхова), «Исторический вестник» (№№ 3 и 4), «Русское обозрение» (№№ 9 и 10, статьи В.В.Розанова), «Вопросы философии и психологии» (№№ 1 и 3, статьи Н.Я.Грота о философском мировоззрении покойного и В.А.Гольцева «Н.Н.Страхов как художественный критик»).

Февраль

В.Г.Короленко — «В облачный день (эпизод из ненаписанного романа)» (Р. Бог., № 2).

Рецензент «Русской мысли» [П.Ф.Николаев] писал, что в рассказе передано томительное ожидание перемен, в духе некрасовских строк: «Буря бы грянула, что ли, — чаша с краями полна». Такое настроение является «программой, с одной стороны, чуть ли не всего творчества автора, а с другой — программой ненаписанного романа, и, может быть, такого романа, которого и написать то нельзя» (№ 4, с. 185). Сочувственно отозвались и «Русские ведомости» (6 марта, И-т [И.Н.Игнатов]). «Заметное влияние декадентства» увидел в рассказе обозреватель «Книжек Недели» (№ 4, Из рус. изд.).

Я.Полонский — «Декадент» («...Идеал смешав с пороком, Декадент глядит пороком») (Кн. Нед., № 2).

М.Метерлинк — «Три этюда. I. Невидимая доброта. II. Внутренняя красота. III. Глубины жизни» (С. Вест., № 2).

З.Венгерова — «Поль Верлен» (в связи со смертью 8 января 1896 г.) (С. Вест., № 2). Большой поэт вне школ, отразивший веяние времени — идеализм.

А. Волынский — «Современная русская беллетристика» (С. Вест., № 2). При общем «печальном» состоянии литературы, которая имеет «все признаки эстетического декаданса и нравственного вырождения», первое место отводит Чехову, талант которого «скрывает от глаз пустоту идейного содержания», кроме того постепенно утрачивает «свежесть и сочность» под воздействием «трезвого либерализма». Второе место «по природной талантливости» отдано Короленко, но в его творчестве публицист все больше оттесняет художника. Мамин-Сибиряк — «крупное, но преимущественно этнографическое дарование» с «эпическим стилем и ограниченным кругозором в вопросах первостепенной психологической важности». Потапенко «рассудочен, сух и банален», «не имеет никакого литературного значения». Ясинский «разменялся на беллетристический цинизм самого дурного тона». Альбов, Эртель, Баранцевич, Станюкович и др. «не возбуждают... каких-либо критических толков». Лишь Боборыкин обнаруживает «заметный подъем таланта», давая ежегодно «по длинному роману, с неизменным изображением новейших бытовых типов», но «душу современных людей» изображают Микулич, Мережковский и Гиппиус.

15 февраля А. П. Чехов и А. С. Суворин посетили Л. Н. Толстого в его московском доме в Хамовниках. Толстой высказал сожаление, что в прошлое посещение* давал Чехову читать «Воскресение», поскольку «теперь там не осталось камня на камне — все переделано» (Дневник А. С. Суворина. М.—Пг., 1923, с. 80). Чехов записывает в своем дневнике о Толстом: «Он был раздражен, резко отзывался о декадентах...» (Сочинения, т. 17, с. 221).

С 22 февраля «Литературная хроника» «Новостей», которую в 1892–1895 гг. вел А. М. Скабичевский, передана П. Скрибе [Е. А. Соловьеву (Андреевичу)]. Отмежевываясь от своего предшественника, Скриба критикует народническое «Новое слово» за устаревшие позиции, а «Русскую мысль» называет «толстой московрецейской купчихой», наряженной в самый модный костюм современных умственных течений. Осудив декадентов за разрыв с демократическими традициями русской литературы, критик причисляет к декадентству и последние произведения Чехова («Три года», «Ариадна» и др.). В заключение

* См. настоящую Летопись, август 1895 г.

статьи пишет: «Литература на Руси была, есть и надолго еще будет единственным выразителем общественной мысли... Шапку долой перед ней!..»

25 февраля В.Г.Короленко и Н.К.Михайловский обратились в Главное управление по делам печати с ходатайством о расширении программы журнала «Русское богатство», об освобождении его от предварительной цензуры и об утверждении В.Г.Короленко редактором вместо значащихся на обложке журнала фиктивных редакторов П.В.Быкова и С.И.Попова. Главное управление по делам печати, запросив предварительно департамент полиции, не поддержало ходатайства, указывая в письме в Министерство внутренних дел, что «направление журнала “Русское богатство”, благодаря деятельному участию как самого Короленко, так и других авторов однородного с ним образа мыслей и убеждений, несмотря на контроль предварительной цензуры, представляется и ныне до некоторой степени тенденциозным» (В.Евгеньев-Максимов, «Из истории “Русского богатства”», Р. Бог., 1917, № 11–12, с. 62–64).

27 февраля В.Г.Короленко сообщил А.А.Дробыш-Дробышевскому, что подписка «Русского богатства», по сравнению с прошлым годом, возросла на 1000 экз., «несмотря на появление конкурирующего журнала», т.е. «Нового слова» (сб. «Памяти В.Г.Короленко». Н.Новгород, 1923, с. 17).

27 февраля Л.Н.Толстой записывает в дневнике: «...Ни в чем так не вредит консерватизм, как в искусстве. Искусство есть одно из проявлений духовной жизни человека... И потому в каждый данный момент оно должно быть — современное — искусство нашего времени. Только надо знать, где оно. (Не в декадентах музыки, поэзии, романа.) Но искать его надо не в прошедшем, а в настоящем. Люди, желающие себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющие прошедшее искусство — классическое и бранящие современное, — этим только показывают, что они совсем не чутки к искусству» (т. 53, с. 81).

В Париже, в салоне А.В.Гольштейн Вяч.Иванов выступил с докладом, о котором хозяйка салона писала И.М.Гревсу: «Иванов читал у нас конференцию о Ницше. Ужасная гадость этот Ницше, и теперь мы с Ивановым будем спорить жестоко и часто» (Н. М., 1997, № 6, с. 161).

М.О.Меньшиков — «Смысл свободы» (Кн. Нед., № 2). Отмечает общее «разочарование в свободе»; идеи социализма, которые все больше овладевают обществом, лишены «нравственного начала». «Идеал этой грубой доктрины — уничтожение личности, порабощение всех отвлеченному деспоту — “общей пользе”». В современной литературе «хоронится тип эпохи освобождения и в качестве наследников выводятся», с одной стороны, «наглые, торжествующие герои» Боборыкина, с другой — «кислые, изможденные отступники Чехова».

П.Ф.Гриневич [Якубович] упрекал Меньшикова за то, что он «современный духовный упадок сваливает» на предшествующее поколение, его «поголовную развращенность» вплоть «до восьмиспальной кровати», несмотря на отдельные образцы «высокого идеализма» («Краснобай из “Недели”», «Степной край» (Омск), 21 марта). С.К. [С.Н.Кривенко] заметил, что Меньшиков «хорошо говорит о достоинстве... человеческой личности», но укладывает ее на «мучительно крохотное прокрустово ложе» (Н. Сл., № 12, сент.). Об этой статье С.Н.Кривенко Е.В.Тарле писал автору 27 октября: «Давно следовало этого сладчайшего Иисуса пробрать» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 224).

В.Розанов — «Кому “горе от ума” в действительной жизни?» (Р. Сл., 19 февр.). Спрос на книги показывает, что «лежит» «все умное и благородное» (Страхов, Ап.Григорьев, К.Леонтьев и др.) и шумно «идет вперед» «все бесстыдное и тупое» (Писарев, Скабичевский, Михайловский, Евг.Соловьев и др.).

Д.С.Мережковский — «Новые стихотворения (1891–1895)». СПб., 1896, тираж — 1200.

Отметив влияние Ф.Ницше, А.Волынский писал: «Все, что есть в современных настроениях демонического и протестантского, — в стихах г. Мережковского выступает почти без поэтического покрова, в словах сухих и однообразных»; «при гладком, хорошо отшлифованном стихе» отсутствует «художественная искренность, умственная простота и ясность»; удачны — «Леда», «Парки» (С. Вест., № 3). С осуждением книги выступило народническое «Новое слово» (№ 11): у Мережковского-поэта «хорошее прошлое» и «скверное настоящее», «мутный источник вдохновения декадентов» порождает лишь «утрированную изысканность формы» и воспевание всевозможных «эксцессов и аномалий». Еще резче высказался П.Морозов: «изящная книжечка» содержит «мутную и грязную пену большого декадентства»; автор «поднимает змяя новой “школы” поэтов, которых он называет именем “детей

ночи”», и проповедует идеал «бесцельной жизни в холодной красоте» с «дерзостным хохотом» и любовью к одному только «беспольному» (Обр., № 12). Скриба [Е.А.Соловьев] находил, что Мережковский «до страсти любит новенькое. Прочтёт Некрасова — давай народничать», Метерлинка — «писать так, как на скрипке играют», Ницше — «быть выше всего, смеяться надо всем...» (Нов., 7 марта). В сборнике «откровенное прославление зла, себялюбия, смеха, вакханалий красоты, всего, что идет вразрез с демократическими веяниями новохристианской эпохи. Идеи Ницше, очевидно, всецело владеют теперь нашим поэтом...» (П.Ф.Гриневиц [П.Ф.Якубович], «Обзор нашей современной поэзии», Р. Бог., 1897, № 9).

М.А.Лохвицкая — «Стихотворения». М., 1896, тираж — 600.

Поэтесса «поднимает на ноги весь немудрый антураж старой поэзии. Тут есть весна, nocturno, феи, лес, рыцари и маски, и любовь — любовь без конца» (Мир Б., № 5, Библиограф. Отд.). «Неглубокий, но не лишенный искренности лиризм» (С. Вест., № 5, с. 325). Книга приторная, но обнаруживает «свежее и неподдельное дарование» (Н. Вр., 8 марта). «Сладостные песни любви» «русской Сафо» ([М.А.Протопопов], Р. Бог., № 7, Нов. Кн.). «Поэзия знойных страстей», которая «не подделывается под фальшивые звуки крикливого “страдания за родину”, не бьет в барабан общественной тревоги» (М.К-ин, «Поэзия М.А.Лохвицкой», Р. Обзор., № 12). Как «молитвенный гимн солнцу» была оценена поэзия М.А.Лохвицкой А.А.Коринфским (Сев., 1897, № 29, 20 июля и № 44, 2 ноября)*.

Март

2 марта П.П.Перцов пишет отцу из Петербурга: «Со здешними “символистами” (как Добролюбов — автор “Natura naturata”, которую Вы у меня видели), я тоже встретился. Все это, не только не безумцы, но, напротив, люди себе на уме. Правда, отчасти они изливают в своих виршах подлинные помои своей души, но всего более шарлатанят и бьют на рекламу... К сожалению, в некоторых

* В октябре 1897 г. М.А.Лохвицкой была присуждена половинная Пушкинская премия (см. «Отчет о двенадцатом присуждении премий им. А.С.Пушкина в 1897 г.», Пб., 1900).

литературных кругах находят нужным поощрять это шарлатанство...» (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, ед. 73).

20 марта В.Я.Брюсов пишет П.П.Перцову: «Вот передо мною “Новые стихотворения” Мережковского, “Новые люди” З.Гиппиус, Новое издание стихов Минского и Новый перевод Илиады [Н.Минского]. Кстати, около — “Стихи” Сологуба и “Стихотворения” Марии [Мирры] Лохвицкой. Слишком много новизны и слишком много в ней старого» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 69).

«Рыцарь Зеркал» [И.И.Ясинский] — «О символизме» (Пб. Газ., 13 марта). Будущее принадлежит символизму, так как ни одно литературное направление не было так «требовательно» и «радикально»; «символизм не против народничества, а против бездарности».

В.Розанов — «Литературные волнения» («Русь», 31 марта). Русский народ поет свои песни и ходит в церкви, ничего не зная о борьбе за свое будущее между «марксистами» (Струве, Калмыкова) и «антимарксистами» (Южаков, В.В., Михайловский); обе партии заботятся о «распределении богатств», а не о душе народа.

Spectator [В.А.Грингмут] — «Наша партия», с эпиграфом из А.К.Толстого «Мы же возбудим течение встречное против течения!» (Р. Обзор., № 3). Призыв к объединению всех консерваторов в «партию Александра III» для усиления борьбы с «либеральной партией», угрожающей «одному из высших благ» России — самодержавию и имеющей «своих признанных вождей, свои официальные и официозные органы печати, свою строгую партийную дисциплину, своих явных и тайных агентов» в редакциях, университетах, общественных собраниях, судебных заседаниях, даже в правительственных учреждениях.

Выходит первая книга А.Куприна — «Киевские типы». Киев, 1896, тираж — 100. Сборник очерков, печатавшихся ранее в киевских газетах.

Вышла составленная П.П.Перцовым антология «Философские течения русской поэзии», СПб., 1896, тираж — 1200; 2-е изд. СПб., 1899, тираж — 700. Сборник избранных стихотворений Пушкина, Баратынского, Кольцова, Лермонтова, Огаре-

ва, Тютчева, А.Толстого, Фета, Полонского, Майкова, Апухтина, Голенищева-Кутузова и критических статей об этих поэтах С.А.Андреевского, Д.С.Мережковского, Б.В.Никольского, П.П.Перцова и Вл.Соловьева.

Общее впечатление «смутной и тяжелой компиляции», писал П.Морозов. Мережковский «пытается доказать, что Пушкин был величайший из русских философов», что он «поэт разлада, внутреннего противоречия непримиренного и непримиримого» (Обр., 1897, № 2). От некоторых страниц «веет чисто русским духом» (Р. Обзор., 1897, № 2, Б-фия). А.Скабичевский раскритиковал «философские бдения» над русскими поэтами, свидетельствующие о «печальном времени упадка»: Мережковский «всецело навязывает Пушкину то мировоззрение, до которого додумался сам... не далее, как вчера», а именно, «гармонию двух начал» — христианского и языческого; Вл.Соловьев напустил в статье о Тютчеве «философского туману», увидев чуть ли не в каждой поэтической метафоре «тайны мироздания» («Курьезы и абсурды молодой критики», Н. Сл., № 9, июнь). А.Б. [Богданович] выделил «прекрасную статью» Вл.Соловьева, осудил статью Мережковского о Пушкине, в которой «ясный, чистый как кристалл, поэт» представлен «каким-то чудовищем» (Мир Б., № 7). Ю.И.Айхенвальд назвал статью Мережковского «арсеналом декадентской трескотни», а приписывание Пушкину «возмутительного аристократизма» (в анализе стихотворения «Поэт и толпа») расценил как клевету на поэта. Признавая в общем «несомненные достоинства» сборника, Ю.И.Айхенвальд сожалеет, что в нем нет Жуковского, Батюшкова, Языкова, Полежаева, Щербины, Надсона и почти все статьи его пронизаны «враждебным отношением к корифеям русской критики» (Вопр. Фил. и Псих., № 4). А.Волынский назвал статью Вл.Соловьева о Тютчеве лучшей работой об этом поэте, но оспорил суждение о Фете Б.В.Никольского (С. Вест., № 7). Позднее об антологии отозвался в печати и ее составитель: задача сборника выше его исполнения; менее всего удовлетворительна статья Вл.Соловьева о Тютчеве (Библиофил [П.П.Перцов], Мир Иск. 1899, № 12).

Апрель

А.П.Чехов — «Дом с мезонином (Рассказ художника)» (Р. Мысль, № 4).

М.Полтавский увидел в рассказе изображение спора искусства для жизни (Лида) с искусством для искусства (Женя), а в художнике «язву квиетизма», не осужденную Чеховым (Бирж. Вед., 25

апр.). И-т [И.Н.Игнатов] назвал героя рассказа представителем «хмурых людей», пессимизм которых вытекает из равнодушия к жизни (Р. Вед., 29 апр.). «Рыцарь Зеркал» [И.И.Ясинский] «бесцветному рассказу» Чехова противопоставил роман З.Гиппиус «Без талисмана» (Пб. Газ., 8 мая). М.К[уплет]ский нашел, что правильные, в основе, мысли художника доведены «до крайних пределов» (Сын От., 2 мая). Критик «Одесских новостей» (22 июня) писал, что Чехов «развенчивает» и «увенчивает» «совсем невпопад», ставя «какую-то мудреную и сложную социальную дилемму». Обозреватель «Наблюдателя» (№ 11) находил, что рассказ «напоминает собою бледные произведения символистов», так как «исполнен загадок и неопределенных намеков», и сожалел, что автор симпатизирует не «серьезной девушке» Лиде, «женщине будущего», а младшей сестре и «обленившемуся пейзажисту» — «празднолюбцам и фантазерам». А.М.Скабичевский охарактеризовал героя как представителя общественного индифферентизма и «чистокровного психопата», от которого, «к счастью», спасают Ми-сьюсь (Н. Сл., 1897, № 4).

Ив.Бунин — «Тарантелла (Из жизни деревенской интеллигенции)», впоследствии «Учитель» (Н. Сл., № 7, апр.).

М.К[уплет]ский усмотрел в рассказе «пасквиль на сельского учителя из семинаристов», «неутомимого бедного труженика» деревни (Сын От., 2 мая). «Одесские новости» (22 июля), наоборот, отметили «самостоятельность и оригинальность» в разработке «старой темы» о «бедном, жалком плебее, призванном быть носителем знаний и света для тысячной массы».

И.И.Ясинский — «Кровь (Из записок человека без убеждений)» (Набл., №№ 1–4). «Кроме хорошего ростбифа, веселых и занимательных книжек, уютного помещения, галстука с жемчужной булавкой, службы, на которой я намерен ничего не делать, винта, театра, хорошеньких женщин... у меня нет никаких других убеждений».

З.Гиппиус — «Златоцвет (Петербургская новелла)» (С. Вест., №№ 2–4). Герой повести, критик-декадент, последователь О.Уайльда, убивает отвергнувшую его женщину.

«Совершенно непривычное явление в нашей литературе»: «искания демонических эффектов в самой будничной обстановке», «высокопарный слог», «рассуждения на модные отвлеченные темы» (Е.Г., Р. Обзор., № 5). Рецензент «Русской мысли» [П.Ф.Николаев] предсказывал повести «успех скандала»: Гиппиус «очень зло

высмеяла теории и практику глашатаев новых слов и пророков новой неведомой красоты» (№ 3, с. 138). Если бы не «декадентские бредни», Гиппиус сделалась бы со временем «одною из первых русских писательниц» (А. Скабичевский, Сын От., 1898, 23 янв.).

В.Я. Брюсов писал в мае: «Что за глупая вещь “Златоцвет”, и неужели прославленная г-жа Гиппиус не стыдится своих последних писаний!» (Письма В.Я. Брюсова П.П. Перцову. М., 1927, с. 76).

П.Я. [П.Ф. Якубович] — «Бодлер, его жизнь и поэзия» (Р. Бог., № 4). Против «двусмысленной репутации» французского поэта, к которому в последнее время возник в России особый интерес: то ли «проповедник светлых стремлений и идеалов», то ли «извращенная натура, певец грязи и самых низких пороков, отец современных декадентов». Критик [начавший переводить Бодлера в конце 70-х, на карской каторге] видит в его поэзии «страстное порывание к идеалу», «смутному, неясному», «но не менее от того светлому, лучезарному, неумирающему».

А.П. [М. Горький] — «Поль Верлен и декаденты» (Сам. Газ., 13 и 18 апр.). «Декадентство — явление вредное, антиобщественное — явление, с которым необходимо бороться». Декаденты «являются как бы мстителями обществу, которое создало их, бесконечно разнообразное в творчестве дурного и отрицательного, как бы розгами, которыми судьба сечет культурные классы Европы за то, что они, существуя так давно, — не создали для себя жизни достойной людей».

Около 20 апреля Л.Н. Толстой направляет письма министру внутренних дел И.Л. Горемыкину и министру юстиции Н.В. Муравьеву с протестом против преследования людей, распространяющих его запрещенные сочинения, и предупреждает, что будет «не переставая, до своей смерти, делать то, что правительство считает злом» (т. 69, с. 86). И.Л. Горемыкин в разговоре с баронессой В.И. Иксуль назвал письмо Толстого «вызовом правительству» (ЛЖТ Толстого, с. 210).

Вышел из печати первый в России сборник пьес М. Метерлинка «Пять драм (Слепцы. Тайны души. Семь принцесс. Смерть Тантажиля. Вторжение смерти)». М., 1896, тираж — 210.

Скриба [Е.А.Соловьев] писал: «цвет и краса символизма — бельгийский алкоголик Метерлинк», «очень плохой драматург» без «дара изобразительности» (Нов., 1897, 9 янв.). «Необходимости в переводе драм Метерлинка на русский язык мы положительно не видим»; в пьесах Метерлинка выведены «абстрактные общечеловеки», «дрожашие в ожидании неминуемой смерти», и проповедуется «болезненная жалость» вместо «дейательной любви к людям». Однако бельгийский символист оригинален, создал свой жанр, «в некоторых своих элементах новый и интересный», но «жизнеспособный лишь в умелых руках своего творца»: «сам он умеет заменить интерес к личности интересом к действию», у него «нет исключительного культа формы» и «того грубого чувственного элемента, который преподносится под идейным прикрытием новоязычества» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1897, № 5, Нов. Кн.). А.П. [М.Горький] писал о «туманных пьесах» Метерлинка: «Мрачность их образов пугала воображение и заставляла ум искать в них смысл. Принимались искать, находили и удивлялись; декаденты... еще так недавно объявившие себя стоящими вне всяких моральных законов, ревностно искали Бога... проповедовали... ту же мораль, что и все проповедают: веруй, люби и надейся!» (Сам. Газ., 18 апр.).

Май

Л.Мельшин [П.Ф.Якубович] — «В мире отверженных (Из записок бывшего каторжника)» (Р. Бог., №№ 1–5; публикация начата в 1895 г. в №№ 9–12, в августе вышло отд. изд. СПб.: «Русское богатство», тираж — 3000; 2-е изд. СПб., 1899, тираж — 3000).

Записки старого народовольца, прошедшего на каторге и в тюрьме 11 лет, вызвали живой отклик у современников: «Для 95–96 годов, они такое же литературное событие, каким были “Записки из мертвого дома” для 61–62 годов», но «отверженные» Мельшина «производят более безотрадное впечатление» (В.А.Поссе, Обр., № 5–6). «Самое замечательное литературное произведение за последние три года», причем в отличие от Достоевского Мельшин рисует «истинно здоровые отношения интеллигентного человека к человеку «темному» как возможный путь «к взаимному сближению» (М.Протопопов, Од. Нов., 1897, 22 мая). Автор дал «свободную от преувеличений в ту или иную сторону картину жизни» (Вест. Евр., 1897, № 3, с. 385). Отверженные Мельшина «не отбросы из народного моря, а обломки народного мира...» (Р. Мысль, № 3, с. 132). Автор одинаково далек и от «огульного

осуждения» и от «слащавого изображения» каторжников, выдвигая на первое место не биологические, а общественные причины преступности (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 18 янв., 6 марта, 29 апр., 17 июня). В отличие от «легенды, созданной болезненным воображением Достоевского о преступнике — лучшем представителе народной души», Мельшин, бросив «народнические очки с их лживорозовым светом», указал «реальную причину огромного большинства преступлений» — «невежество на почве грубейших материальных лишений» — и полностью осудил современную систему каторги (А.Б. [Богданович], Мир Б., № 11). Н.А.Энгельгардт писал, что Л.Мельшин напрасно выступает «ходатаем пред обществом, за “подонков народного моря”, которых воскресить так же трудно, как мертвых» («Преступная душа», Кн. Нед., № 10). В.Ф. упрекал русскую литературу в пристрастии к каторжникам, ссыльно-поселенцам и другим «преступникам», к которым общество и государство и без того «слишком снисходительно» («Странный культ», Р. Вест., 1897, № 1). Автор, вопреки своим намерениям, изобразил «нравственную неразборчивость и пошлость» интеллигенции (Quidam [К.П.Медведский], «Интеллигенты на каторге», Моск. Вед., 1898, 11 мая). «Глубоко-гуманное настроение автора» помогает ему находить «человеческие черты» в этом «тяжелом кошмаре» (Н. Сл., № 2, Нов. Кн.; то же Кн. Нед., № 1, Из рус. изд.). М.Полтавский нашел, что у Мельшина любовь к «безвозвратно погибшим людям» — «только идейная», не вытекающая «из тайников его сердца», как у Достоевского (Бирж. Вед., 2 и 9 мая).

М.Горький в 1901 г. писал из Нижегородской тюрьмы: «А среди уголовных есть преинтересные физиии. Глядя на них, я готов сказать, что прав Достоевский, а не Мельшин» (Письма. Т. 2, М., 1997, с. 132).

К.Бальмонт — стихотворения «Правда» и «Эдельвейс» (Р. Мысль, № 5):

*...С голубой высоты я на землю смотрю,
И безгласной мечтой я с душой говорю,
С той незримой Душой, что мерцает во мне
В те часы, как иду к неземной вышине.*

С.Д.Протопопов, член редакции и пайщик «Нижегородского листка», писал 6 мая В.Г.Короленко: «Из “Сам. Газ.” вышли Пешков, Селецкий и Давыдов из-за ссоры с Дробышевским... Пешков просится в “Ниж. Лист.”, но сюда же хочет приехать и Чириков. Конечно, Чириков лучше, т.к. Хламида [М.Горь-

кий] — Ваш протеже — декадент во всяких смыслах» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 32, ед. 25).

Скриба [Е.А.Соловьев] в очередной «Литературной хронике» пишет о «падении» литературы и выражает «недовольство» творчеством Чехова, Короленко, Мамина-Сибиряка и Эртеля (Нов., 9 мая).

Л.К. — «Поэзия упадка» (о С.Малларме) (С. Вест., № 5). В отличие от П.Верлена и М.Метерлинка, Малларме — «сознательный и исключительный певец декаданса», ограничивающийся «поверхностным протестом против общепринятых форм искусства».

7 мая Ф.Сологуб пишет Л.Я.Гуревич: «Я действительно и безо всяких фраз отношусь с большим уважением к “Северному вестнику” и весьма дорожу возможностью печататься в нем... Я смею думать даже, — хотя, может быть, это и большая претензия с моей стороны, что писания мои по духу их более подходят к вашему журналу, чем к другим» (В.Е в г е н ь е в М а к с и м о в и Д.М а к с и м о в. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, с. 109–110).

В анонимной заметке «Из “радикальной” журналистики» «Русский вестник» (№ 5) писал: «Читая журнал г.г. Михайловского и Короленки, совершенно забываешь о существовании у нас не только предварительной, но и последующей цензуры». Н.К.Михайловский, разоблачив анонима — К.П.Медведского, заклеил его как доносчика и провокатора: «Анониму особенно хочется пристегнуть нас к “великой французской революции” и к якобинскому течению, в особенности» (Р. Бог., № 5). К.П.Медведский уже в подписанной статье «Ответ “Русскому богатству”» пытался отвести от себя клеймо провокатора, обливая грязью весь радикальный лагерь и особенно «космополита» Н.К.Михайловского — «передового бойца русского надпольного анархизма» (Р. Вест., № 7). По поводу этой статьи А.И.Иванчин-Писарев писал Н.К.Михайловскому 6 июля: «Эта гадина вдохновила Вл.Гал. [Короленко]. Он хочет дать ему плюху беллетристически, приравняв Яшку “В подследственном отделении” — Каткову, а Тимошку-остяка с козлиным голосом — Медведскому» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. 272). Почти вся русская пресса, вплоть до «Нового времени» и «Наблюдателя», встала на сторону «Русского богатства» (см. ста-

тью Н.К. Михайловского «Литература и жизнь», Р. Бог., № 9, а также: О.Т.В. [В.А. Гольцев], Р. Мысль, 1897, № 1). В январе 1897 г. В.Г.Короленко писал П.С.Ивановской об инциденте с Медведским — «недавним полурадикалом, потом юдофобом в “Наблюдателе”, потом доносчиком в “Русском вестнике”»: «В лице этого негодяя доносу в прессе нанесен жестокий удар; сам он выбит со своего места (его удалили из “Русского вестника”), вся пресса возмутилась с неожиданным единодушием, и созданлся хороший прецедент, а то ведь от этих негодяев одно время просто житья не было. Теперь на некоторое время при-смирели» (т. 10, с. 266–267).

По случаю коронавания Николая II 18 мая в Москве на Ходынском поле предполагалось народное гулянье с раздачей «царских гостинцев»* и различными увеселениями ярмарочного типа. К утру на поле, изрытом ямами, канавами, собралась густо спрессованная толпа — до 300000 человек. При раздаче подарков произошла давка. По официальным сведениям, погибло 1386 человек, не считая искалеченных и умерших впоследствии от увечий.

К часу дня «груды мертвых, полуобнаженных тел, полуприкрытых брезентами, лежавших вповалку без разбора возраста, пола и состояния, двигались по Петербургскому шоссе, обратно с места гулянья. В это же время роскошные экипажи и нарядные толпы, радостные и веселые, двигались им навстречу на гулянье...» Празднество на Ходынке и вечерний бал с участием царя не были отменены. Проповедник Иоанн Кронштадтский призывал в связи с Ходынской катастрофой к «всенародному покаянию» (Р. Вед., 20, 24, 26 мая). Кн. В.П.Мещерский писал в своем дневнике: «Бедный, бедный государь, восклицает русское сердце: какое потрясающее огорчение для его молодого сердца в такие дни» (Гражд., 23 мая). А.С.Суворин наставлял: московская «мужицкая» и «фабричная» толпа всегда несет в себе «элемент неблагонадежности», и администрация не должна давать «толпе ни повода, ни возможности распоряжаться где бы то ни было» (Н. Вр., 24 мая). В.В.Розанов в статье «Две гаммы человеческих чувств (по поводу Ходынской катастрофы)» «гамме западноевропейских чувств» интеллигенции, возмущавшейся виновниками Ходынки,

* В оранжевый платок с изображением Кремля были завернуты: эмалированная кружка с царскими гербами, фунтовая сайка, 200 гр. колбасы, вяземский пряник и 300 гр. леденцов и орехов (Моск. Вед., 19 мая).

голода 1891–1892 г., поражения в Крымской войне, противопоставил «народную гамму» чувств «кающегося мытаря»: «Блаженные голодные и не спрашивающие: почему я голоден? раздавливаемые и не спрашивающие, зачем я раздавлен? побитые и не задающиеся вопросом, в силу каких причин мы побиты!» (Р. Обзор., № 8). В другой статье, «1 марта 1881 г. — 18 мая 1896 г.», Розанов рассматривает Ходынку как «великое искупление цареубийства»: «Раной народною 18-го мая исцелен грех из народа вышедшего класса...» (Р. Обзор., 1897, № 5).

Либерально-демократической печати был зажат рот циркуляром, воспрещающим печатать материалы, «несогласные с правительственными сообщениями» («Русская пресса и цензура». СПб., [1908], с. 74). Лишь «Вестник Европы» (№ 6) откликнулся на Ходынскую катастрофу, объясняя ее «низкой культурой народа, который воспитывают в основном страхом», и нуждой масс, для которых «горсть лакомств» является «диковинкой».

31 августа Л.Н.Толстой писал членам Петербургского комитета грамотности: «Устраивается ужасающая по своей нелепости, безумной трате денег, коронация; происходят от презрения к народу и наглости властителей страшные бедствия погибели тысячей людей, на которые устроители ее смотрят как на маленькое омрачение торжеств, которые не должны от этого прерываться...» (т. 69, с. 135).

В связи с 50-летием государственной деятельности К.П.Победоносцева вышел его «Московский сборник» (М., 1896, тираж — 3000), прославляющий самодержавие и церковь и поносящий «иноземную ложь» либеральных и просветительных идей.

Сборник был встречен одобрением охранительной печати (Набл., № 9, Р. Сл., 23 ноября). «Драгоценный вклад, литературное сокровище», «высокий истинно философский ум» («Итоги государственной мудрости», Р. Вест., №№ 8 и 9). Это лишь «мертвая», а не «живая вода», ибо «останавливает разрушение, но не пробуждает жизнь» (Б.Никольский, Н. Вр., 12 июня). «Вестник Европы» позволил себе критически отозваться о книге всесильного обер-прокурора Святейшего синода (№ 10, Л. [Л.З.Слонимский], «О “великой жи” нашего времени»).

Вл.Соловьев писал в январе 1898 г., что книга К.П.Победоносцева состоит из переводов разных европейских авторов (вплоть до Макса Нордау), «извлечений из старых русских славянофилов» и «личных размышлений автора, которые дышат “буддизмом” ста-

рых маленьких людишек, у которых вера слаба, а печень большая...» (Письма. Т. 4, Пг., 1923, с. 226).

А.И.Свирский — «Смех и горе. Картинки Ростовской жизни». Ростов-на-Дону, 1896, тираж — 3600.

Июнь

А.И.Эртель — повесть «Карьера Струкова» (С. Вест., 1895, № 12; 1896, №№ 1-3, 5-6).

[П.Ф.Николаев] писал, что в повести Эртеля выступают старые тургеневские типы («жалкие люди старой культуры»), герой изображен дряблым интеллигентом, не нашедшим «дела», а героиня — твердой носительницей идеала, которая своей любовью должна «увенчать» подвиг любимого человека (Р. Мысль, № 8, Библиограф. Отд.).

П.Д.Боборыкин — «Княгиня» (Вест. Евр., №№ 1-6).

«Скучный и бессодержательный роман», изображающий «большую моральную устойчивость буржуазии» по сравнению с «вымирающим сословием» — дворянством (Р. Мысль, № 6; см. также Р. Вед., 29 апр.). А.Скабичевский увидел изображение «взаимной тяги» и одновременно антагонизма двух классов общества: дворянства и купечества (Н. Сл., № 10).

Ф.Сологуб — рассказ «Червяк» (С. Вест., № 6) (о девочке, приехавшей в город из далекого и прекрасного лесного края и погубленной жестокостью и грубостью чиновнической и учительской среды).

Ф.Ш[перк] в статье «Таланты последней формации» выделяет «сильную и выразительную кисть» Сологуба среди произведений новейшего толка, отличающихся переходом от объективных жанров (повесть, роман) к субъективным (лирический дневник, письма и т. п.), увлечением патологическим материалом и воспеванием смерти как «редчайшего, изысканного, идеально-утонченного плода» (Н. Вр., 22 июня). Скриба [Е.А.Соловьев], отмечая «неподдельный талант» Сологуба, подчеркивал «страшную язву наших дней — пессимизм», заставляющую автора изображать преимущественно «переход от здорового состояния к больному» (Нов., 25 июля). И-т [И.Н.Игнатов] отнес рассказ к «эпидемической» беллетристике (Р. Вед., 17 июня).

27 мая — 4 июня В.Г.Короленко в качестве общественного защитника выступает в г. Мамадыше на выездной сессии Казанского окружного суда, который в третий раз рассматривал дело о Мултанском жертвоприношении* и вынес, наконец, оправдательный приговор. «Это было огромное торжество,— писал Короленко брату 16 июня.— ...Между тем, пока еще тут не раскрыта и половина и даже одна десятая тех подлостей, которые проделывались над несчастными вотяками, чтобы склеить это якобы “жертвоприношение”» (т. 10, с. 256).

28 мая в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская промышленная и художественная выставка, которая функционировала до конца сентября.

М.Горький подчеркнул противоречие между «архитектурными деликатесами» и «грязными и облитыми потом рабочими»: «неприятно видеть на художественно-промышленной выставке — выставку изнурительного поденного труда чернорабочих. Это портит общий ансамбль праздника промышленности и даже как бы иронизирует над праздником» (Н. Л., 21 мая). В заключительной корреспонденции «Последнее сказанье» (Од. Нов., 11 окт.) Горький подводит итог своим впечатлениям: выставка не столько «торжество национального труда», сколько «выпукло-тенденциозное прославление успехов крупной заводской промышленности».

Оппозиционная печать всех оттенков критически отнеслась к выставке. Н.Г.Гарин-Михайловский писал, что в стране слишком много «дерева и соломы» и слишком мало «железа и камня» и что выставка наглядно продемонстрировала существование российской промышленности за счет сельского хозяйства («На выставке», Н. Л., 1 сент.). С.Я.Елпатьевский указывал на «бездну», отделяющую «выставочный» товар от обычной продукции, на то, что бедно представлены сельское хозяйство и земство (Р. Бог., № 10; см. также Н. Сл., № 11). Л.З.Слонимский назвал выставку «хорошенькой и очень дорогой игрушкой», «эфемерным волшебным уголком в пустынной местности» и отмечал «забитый» вид сельскохозяйственного отдела (Вест. Евр., №№ 11–12). Н.Ф.Анненский сравнил выставку с «демонстрацией военного могущества государства»: ядро выставки составила крупная промышленность, крестьянин «почти совсем отсутствовал... кустарный отдел тоже был «не из казовых»» («Несколько итогов Нижегородской выставки», Р. Бог., № 11).

* См. настоящую Летопись, октябрь 1895 г.

Охранительные органы печати встретили выставку восторженно. А.В.Амфитеатров [Old Gentleman] назвал ее «знамением величественного шествия» России «к благу и просвещению» (Н. Вр., 4 июня). В «Русском вестнике» выставка расценивалась как «национальный праздник» (№ 7, Я.Бутковский, «Письма с выставки в Нижнем Новгороде»). В «Русском обозрении» — как «грандиозная школа популяризации наук, искусств и промыслов» (№ 7, Ал. Букеевский, «Внутреннее обозрение»).

14 июня М.В.Нестеров писал А.А.Турыгину: «Про выставку скажу следующее: она грандиозна... Лучший отдел “Дальнего Севера” (Мамонтовский) с панно К.Коровина и многими подробностями, живо и со вкусом подобранными. ... То, что можно видеть у Сапожниковых, у Морозовых, — не встретишь и в прославленной Европе... Картина “Минин” показывается в отдельном павильоне, за отдельные 3 гривенника. ... Но Боже! как жалко Маковского. Ведь это агония большого таланта. При огромных размерах все мелко, ничтожно, даже бархаты и ткани на этот раз плохи... Общий художественный отдел беден и мал. ... Из отдела Товарищества [передвижников] убраны два панно Врубеля. Говорят, очень интересны, хотя и не без обычных странностей. Причиной тому решению и не Врубель, а то, что «паны» разбранились... Ну, а нам, признанным судьям, как было не стукнуть лишний раз по макушке такого сопутника, как Врубель, авось, мол, и пойдет ко дну...» (М.В.Нестеров в Письма. Л., 1988, с. 142–143).

По поводу инцидента с Врубелем Н.Г.Гарин-Михайловский писал: «Говорят, толпа смеялась над работой г. Врубеля... таково свойство толпы», отвергающей все новое. Жюри не должно было судить по неоконченному варианту, нужно было учесть мнение таких ценителей, как В.Д.Поленов, В.М.Васнецов («Жюри и художник», Н. Вр., 20 июня).

20 июня А.П.Чехов писал А.С.Суворину: «В Нижнем, говорят, блестящая выставка, поражающая своею роскошью и серьезностью... таковы отзывы всех моих знакомых, побывавших на выставке» (т. 6, с. 158).

К.М.Фофанов — «Стихотворения». СПб.: изд. А.С.Суворина, 1896, тираж — 1500 (каждая часть). 1 часть — «Маленькие поэмы», 2 — «Этюды в рифмах», 3 — «Снегурочка», 4 — «Майский шум», 5 — «Монологи».

«Неделя» (7 июля и 14 сент.) отводила Фофанову первое место среди молодых поэтов за «неподдельность поэтического творчества», «утонченную виртуозность стиха» и «оригинальность замысла». «Печать незаурядного литературного дарования» отметил у

Фофанова А.Волынский, писавший, что «поэзия Фофанова — самая декадентская из всех русских поэзий» (С. Вест., № 7). А.А.Коринфский назвал Фофанова «современнейшим из современников» и единственным — «ведущим начало от бога русской поэзии — Пушкина» («Минезингер наших дней», Сев., 1897, № 48, 30 ноября). Пл.Н.Краснов сравнил Фофанова с Чеховым («сумеречный поэт, подобно тому, как Чехов сумеречный прозаик»), отметил «крайне ничтожное содержание» поэзии Фофанова («Поэт нашего времени», Кн. Нед., 1897, № 8).

Июль

М.Горький — рассказ «Тоска (Страничка из жизни одного мельника)» (Н. Сл., №№ 9–10, июнь–июль).

Критик «Одесских новостей» (22 июля) оценил «Тоску» ниже «Челкаша», который был бы «безупречен», если бы не «мелодраматические эффекты». К недостаткам «Тоски» рецензент относит «крайнюю исключительность» изображенного явления, «склонность к излишнему и крайнему реализму», к обрисовке «наиболее грязных жизненных явлений». Мимоходом и в основном критически отозвались: Сын От., 7 авг.; Р. Вед., 8 авг. (анонимный рецензент отмечал подражание «Певцам» Тургенева); Нов., 29 авг., Скриба [Е.А.Соловьев]. Н.А.Энгельгардт, нападая на журнал «Новое слово» как на «будочника» «консервативного либерализма», усмотрел лженародническую тенденцию и в рассказе «Тоска», в котором автор «со злорадством» противопоставляет «своего кабацкого декадента» «чахоточному бессильному педанту — учителю» («Лженародничество», Кн. Нед., № 11). Высокую оценку «Тоски» и других произведений Горького дал В.А.Поссе: «Маленькие рассказы М.Горького, особенно “Челкаш” и “Тоска”... подобно произведениям наших лучших писателей: Тургенева, Толстого и других, — врезаются в память...» Горький «не насилует жизнь тенденцией», стиль его отличается «яркой смелостью». «Под оболочкой деревенского кулака автор отметил чуткую, тоскующую душу, пытающуюся скинуть заваливший ее житейский хлам» (Обр., № 9).

Вл.С.Соловьев — стихотворения «Сайма»: 1. «Июньская ночь», 2. «Гроза утром» (Кн. Нед., № 7).

Вас.Немирович-Данченко — «Волчья сыть» (Н. Сл., №№ 4–10, янв.–июль). В романе купцам-хищникам Безменовым про-

тивопоставлена добродетельная помещица, отдающая свое состояние голодающим крестьянам.

Резко отрицательный отзыв был дан М.А.Протопоповым в безымянной рецензии: «неудержимая склонность к шаржу», «полнейшее отсутствие чувства меры», «эскизность в обрисовке характеров» (Р. Бог., 1897, № 1; то же Р. Мысль, 1897, № 2, Библиограф. Отд.).

27 июля умер критик Ю.Н.Говоруха-Отрок. К.П.Медведский восхвалил переход покойного от юношеских увлечений (осужден по процессу народовольцев в 1874 г.) к «христианской зрелости духа» (Р. Вест., № 9). «Русское обозрение» (№ 9) поместило статьи Л.Тихомирова, В.Розанова и священника И.И.Фуделя. Розанов отнес Н.Страхова и Говоруху-Отрока к «кругу людей, остающихся еще верными заветам, смыслу и духу земли русской».

Журнал «Наблюдатель» (№ 7) отмечал, что «Русский вестник», ратуящий за «чистое искусство», не поместил ни одного произведения «с мало-мальски приличной художественной формой» и что даже «яд и ехидство», направленные на «нигилистов и врагов» России, не спасают его «от невероятной скуки». Основными беллетристами этого «столпа консерватизма» были Вс.С.Соловьев, Д.И.Стахеев (редактор журнала), Н.И.Северин.

Август

Вл.Кор[оленко] — «Современная самозванщина». 1. Самозванцы духовного прозвания. 2. Самозванцы гражданского ведомства (Р. Бог., №№ 5 и 8). «Страх и суеверие — вот два основных элемента, из которых вырастает это явление», которое «делает религию света и надежды религией непонятной грозы и неожиданных казней», а «суеверие гражданское заставляет робко преклоняться... перед всяким, кто владеет тайной хотя бы и самозванной власти».

В середине августа был написан первый вариант повести «Хаджи-Мурат» (ЛЖТ Толстого, с. 215).

Д.Мережковский — «Две новеллы XV века. 1. Наука любви. 2. Любовь сильнее смерти» (С. Вест., № 8).

Ф.Сологуб — два стихотворения: «Для чего этой тленной жизнью болеть, / И к успехам ее мимолетным стремиться? / Есть блаженство одно: сном безгрезным забыться, / Навсегда, — умереть...» и «Не опасайтесь шутки смелой...» (Набл., № 8).

К.М[едвед]ский — «Жертва безвременья (Повести и рассказы Антона Чехова)» (Р. Вест., №№ 7–8). При «незаурядном успехе» у Чехова — «отсутствие самосознания художника», «неумение проникнуть в душу человека», «желание подменить мир духовный миром внешним». «Благоприятное значение» в том, что Чехов отстал «от грубо-тенденциозной беллетристики» и смотрит «жизни прямо в глаза».

Сентябрь

13 сентября А.П.Чехов пишет А.А.Тихонову (Луговому), редактору «Ежемесячных литературных приложений к “Ниве”»: «...русский пестрый читатель если и необразован, то хочет и старается быть образованным; он серьезен, вдумчив и неглуп» (т. 6, с. 179).

14 сентября Театрально-литературный комитет (в составе А.А.Потехина, П.И.Вейнберга и И.А.Шляпкина) разрешил к постановке новую пьесу А.П.Чехова «Чайка». Среди «недостатков» пьесы в протоколе был отмечен ее «символизм», или «ибсеизм», а также малая сценичность (Сочинения. Т. 13, с. 364–365).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — роман «По новому пути» (Мир Б., №№ 1–9). Об учащейся молодежи.

Н.И.Тимковский — повесть «Сергей Шумов»; герой-гимназист (Р. Мысль, №№ 6–9); «Маленькие дела и большие вопросы» (Р. Бог., № 9): студент-медик, сотрудник городского попечительства разуверился в пользе «широких задач», но и в заботах о богадельнях ему «чего-то не хватает».

Прочитав рукопись «Маленьких дел...», В.Г.Короленко высказал пожелание в письме к автору от 8 мая «убрать резкое осуждение всякой филантропии»: «если не тупеть, не обольщаться, не погружаться в самодовольство, и хранить чуткость к человеческому страданию... то, конечно, организованная филантропия является

очень живой ступенью в движении общества по пути к “большим вопросам”» (т. 10, с. 252). Тимковский согласился с пожеланием редактора.

З.Гиппиус — роман «Без талисмана» (Набл., №№ 5-9). (Талисман — это, по Гиппиус, вера, «поиски Бога», без чего человек нравственно опускается).

Ф.Сологуб — рассказ «К звездам» (С. Вест., № 9); о мальчике, влюбленном в звезды и ненавидящем землю, солнце и жизнь с ее «визгливыми», «гнусными» звуками.

Рассказ Сологуба положительно оценен И.И.Ясинским как проявление «недожинной талантливости и понимания прекрасного» (Бирж. Вед., 8 мая, 6 сент.). [П.Ф.Николаев] писал о герое Сологуба: «это сведенный к размерам ребенка неврастеник-декадент»; однако рассказ «недурно написан», «сюжет небезынтересен», но все это «заслоняется массой чудачеств» (Р. Мысль, № 10, Библиограф. Отд.).

А.Серафимович — «Аптека ночью (Из жизни аптекарских учеников)» (Н. Сл., № 12, сент.).

К.Медведский — «В поисках нового» (Р. Вест., № 9). Французские символисты, не находя нового содержания в творчестве (кроме Верлена и Вилье де Лиль-Адана), увлекаются формальными исканиями, сближая поэзию с живописью и музыкой, «ограждают» ее «от искушений мира реального»; в будущем новое течение должно слиться с тем, во главе которого стоял Фет.

А.А.Курсинский назвал эту статью Медведского «недурной, хотя очень беглой» (письмо к В.Я.Брюсову, ЛН, т. 98, кн. I, с. 324).

В.Я.Брюсов пишет в черновой заметке «In Tigannos»: «Мы были глубоко одиноки, я и мой друг А.Л.Миропольский, когда два с половиной года тому назад подымали знамя символизма открыто — первые в русской литературе. В те дни газеты и журналы (ознакомившись с символизмом по Нордау)... считали всех западных символистов или сумасшедшими или мистификаторами... Времена меняются. Г.г. рецензентам и критикам пришлось с изумлением видеть, что символизм не погибает от раскатов их картонного грома, а, наоборот, растет, усилива-

ется, приобщает к себе все новых и новых сторонников» (РГБ, ф. 386, карт. 40, ед. 20).

А. Коринфский — «Тени жизни. Стихотворения 1895–1896». СПб., 1897, тираж — 2000.

И. А. Бунин в неподписанной рецензии* отмечал, что Коринфский (редактор журн. «Север», газ. «Правительственный вестник», неутомимый рецензент и переводчик со всех языков) «воспевает, главным образом, русалок, Поволжье, свято-русских богатырей... “грезы” и “слезы”, “роковую страсть безумную” и вызывает вопрос: «Как быть с подобными господами “литераторами”»? (Н. Сл., 1897, № 6).

Вышла первая книга Ив. Шмелева «На скалах Валаама. Путевые очерки». С рисунками. М., 1897. тираж — 2400.

«Фельетонная болтовня»; кое-где проскальзывает «некоторая наблюдательность, впечатлительность и искренность» (Н. Сл., 1897, № 6, Нов. Кн.).

Октябрь

Газета «Самарский вестник» переходит в руки марксистов П. П. Маслова, А. А. Санина, В. В. Португалова и Р. Э. Циммермана. Материальную поддержку газете еще в феврале 1896 г. предложил Н. Г. Гарин-Михайловский. «Один известный литератор сделался соиздателем “Самарского вестника”, — писал в этой связи А. Санин 20 сентября А. Н. Потресову, — выставив при этом непременно условием, чтобы газете дано было возможно более ясно выраженное материалистическое направление...» (А. А. С а н и н. «Самарский вестник» в руках марксистов. 1896–1897. М., 1933, с. 24). 13 октября вышел первый номер обновленной газеты. Среди сотрудников, кроме упомянутых выше, были объявлены: А. Н. Потресов, П. Н. Скворцов, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. Е. Федосеев и др. Тираж газеты возрос с 400 до 2000 экз. Уже в середине ноября деятельность первой марксистской легальной газеты привлекла внимание Главного управления по делам печати: «Почти в каждом отделе, будь то экономическая статья, фельетон, повесть или даже театральная рецензия, проглядывает крайне пессимистическое и мрачное воззрение на современный об-

* Авторство Бунина раскрыто в кн.: А. Б а б о р с к о. И. А. Бунин. Материалы к биографии. М., 1967, с. 61.

шественный строй в России и явное тяготение редакции к совсем иным социальным порядкам» (там же, с. 10–11). Газете удалось просуществовать пять месяцев.

В начале октября А.П.Чехов и В.А.Гольцев проектируют совместное издание дешевой газеты, в которой Чехов собирался вести ежедневный фельетон (ЛЖТ Чехова, с. 427).

Ф.Сологуб — «Тени. Рассказы и стихи», СПб., 1896, тираж — 800.

А.Волынский противопоставил декадентство как низший род «нового» искусства, отрицающий материализм, но не способный создать новые формы, — символизму, т.е. «художественному сочетанию мира явлений с таинственным миром божества». К положительным качествам Сологуба отнесена «склонность к мистическим исканиям», к отрицательным — «ограниченность внешнего и внутреннего кругозора», «мелкое чувственное извращение», «отсутствие живых характеров» «с гражданственным или культурным оттенком». В стихах «поэтическая простота» перемешана с «версификаторским бредом» (С. Вест., № 12). [П.Ф.Николаев], назвав философию Волынского «заскорузлым средневековым мистицизмом», иронизирует по поводу того, что критик «разделяет под орех» одного из своих «духовных сыновей», печатавшегося преимущественно в «Северном вестнике» (Р. Мысль, 1897, № 1, Периодич. изд.). Рецензент журнала «Образование» (1897, № 1) подчеркивает пристрастие Сологуба к изображению зла, но не «протестующего», как у Байрона, а «завистливого... врага всего живого, светлого и радостного». «Неомистические настроения» Сологуба не глубоки и не интересны при таланте «не из крупных» (Пл.К[раснов], Вс. Иллюстр., 1897, № 10, 1 марта). С.П. [С.И.Поварнин] отметил болезненность и талантливость книги («Жизнь», 1897, № 3).

Положительная оценка творчества Сологуба и требование признать «права гражданства» за символизмом были провозглашены А.А.Коринфским: «натура сложная и самобытная», «неподдельный лиризм» «мистических вдохновений поэта-символиста», изображающего «болезненно-чутких» «детей конца века» (Кор.А-н. Сев., 1897, № 17, 27 апр.).

В ноябре В.Я.Брюсов писал Сологубу: «Я уже давно получил “Тени”... Со времени Вашей “Первой книги” Вы сделали значительный шаг на пути к оригинальности» (Ежегодник РО ПД на 1973 год. Л., 1976, с. 105).

17 октября состоялось первое представление пьесы А.П.Чехова «Чайка» на сцене Александринского театра. В роли Нины Заречной выступила В.Ф.Коммиссаржевская. Чехов ушел из зрительного зала во время второго акта; на следующий день он писал брату: «Пьеса шлепнулась и провалилась с треском. В театре было тяжелое напряжение недоумения и позора. Актеры играли гнусно, глупо. Отсюда мораль: не следует писать пьес» (т. 6, с. 197). Второе представление*, 21 октября, прошло, однако, с успехом. «Сейчас вернулась из театра,— писала В.Ф.Коммиссаржевская.— Антон Павлович, голубчик, наша взяла! Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть! Как мне хочется сейчас Вас видеть, а еще больше хочется, чтобы Вы были здесь, слышали единодушный крик “автора!”. Ваша, нет, наша, “Чайка”, т.к. я срослась с ней душой навек**, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит» (А.П.Чехов. Письма. Т. 6, с. 532). С одобрением писали Чехову о «Чайке» И.Н.Потапенко, В.В.Билибин, Н.А.Лейкин, А.Ф.Кони и др. Последний 7 ноября: «Это сама жизнь на сцене, с ее трагическими союзами, красноречивым бездумьем и молчаливыми страданиями, жизнь обыденная, всем доступная и почти никем не понимаемая, в ее внутренней жестокой иронии...» (там же, т. 6, с. 547). «Ваше письмо подействовало на меня самым решительным образом...— отвечал Чехов 11 ноября.— Я теперь покоен и вспоминаю о пьесе и спектакле уже без отвращения» (т. 6, с. 223–224).

В печати в защиту «Чайки» выступил А.С.Суворин (Н. Вр., 18 и 19 окт.), обвинив в неуспехе премьеры бенефисную публику, «не умеющую слушать, не интересующуюся литературными вопросами». В большинстве же своем «пресса набросилась на “Чайку” и ее автора с завидным усердием: дошли до того, что стали отрицать какой бы то ни было талант в г. Чехове... Злорадство некоторых критиков доходило прямо-таки до цинизма» (С.Т. [С.В.Танеев], «Петербургские письма», «Театрал», № 95, ноябрь). Газеты расписывали подробности «головокружительного провала «Чайки», причисляя пьесу к декадентским произведениям: «образец уродства и декадентства драматургии» (Нов., 18 окт.); «невероятно мрачная и ужасная картина общественных нравов» (там же, 19

* Всего было дано 5 спектаклей.

** 24 января 1897 г. в журнале «Север» (№ 4) была помещена статья Юрия Беллева «В.Ф.Коммиссаржевская» с портретом и факсимиле актрисы: «Когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни» («Чайка» Ант.Чехова). В.Коммиссаржевская».

окт.); «это не чайка, просто дичь...» (Я [синский], Бирж. Вед., 18 окт.); «дику и туманно» (Сын От., 19 окт.); «Чайка» затеряется в ряду будущих произведений г. Чехова, подобно тому, как она должна была затеряться среди его ненужных бумаг» (СПб. Вед., 19 окт.); пародия К.Рылова [А.А.Соколова] «Чайка», или Подлог на Александринской сцене (комедия в 2-х выстрелах и 3-х недоразумениях)» (Пб. Газ., 23 окт.); «бесплодно затраченное на странную пьесу художественное воображение, ум и дарование» (Р. Вед., 27 окт.); неудачная попытка «по-русски написать нечто шведско-норвежское» (Пб. Газ., 27 окт.) и т.п.

И-т [И.Н.Игнатов] — «Современная русская поэзия» (Р. Вед., 20 и 26 окт.). Поэты делятся на три группы: 1) поэты «скорбной лиры», воспевающие страдание; 2) «поэты-громовержцы» с «бичеваниями, обличениями и призывами» (П.Я. [П.Ф.Якубович]) и 3) модная группа символистов, обожествляющих красоту и проповедующих «презрение к земному» (Минский, Мережковский, Фофанов, Гиппиус и др.). Между современной поэзией и читателем нет связи.

М.Протопопов — «Поэт-ветеран» (Полное собрание сочинений Я.П.Полонского. СПб., 1896) (Р. Бог., № 10). Полонского, вместе с Фетом и А.Майковым, причисляют к жрецам «чистого искусства» по недоразумению: он не чуждается общественных тем, но его «направление... состоит в отсутствии направлений», он «всеобщий конфидент, не поэт-властитель, поэт-пророк, поэт-деспот, а поэт-друг», у него есть все: «стихотворения бодрые, унылые, веселые, грустные... негодующие, сострадающие, проклинающие, благословляющие и т.д.»

Ноябрь

З.Гиппиус — «Зеркала» (С. Вест., № 11).

Расцвет патологической литературы в «Северном вестнике» отметил И-т [И.Н.Игнатов]: «дурное зеркало» Гиппиус пытается скопировать «хороший оригинал» Достоевского (Р. Вед., 30 ноября). «Нечленораздельная речь» в качестве подражания «Идиоту» Достоевского (Р. Мысль, № 12, Библиограф. Отд.). Герой наделен «всеми признаками безнадежного вырождения», но умеет «смотреть внутрь человека» («Декадентский идеализм», Кн. Нед., № 12). «Реальнейшая трагедия, разыгравшаяся между тремя психопатами», «продуктами начального разложения нашего современного общества» (А.Скабичевский, Сын От., 1898, 16 янв.).

«Два писателя расправили крылья под сенью “Северного вестника” — Сологуб и Гиппиус»; оба одарены, у обоих «смутное мирозерцание» и «символические стремления» (Я[синский], Бирж. Вед., 8 ноября).

А.М.Скабичевский — «Дмитрий Наркисович Мамин» (Нов. Сл., №№ 1–2, окт.–ноябрь). Мамин-Сибиряк превосходит Золя и стоит рядом с Чеховым и Короленко, а по «широте захвата жизни» даже впереди их. Недооценка писателя современниками объясняется недостатками «технической выработки» его произведений и пессимистической окраской «ярких картин греха, человеконенавистничества и крови».

Я[синский] назвал журнал «Новое слово» «Устарелым словом», а Скабичевского «плезюзавром», «пережевывающим кашу шестидесятих годов»; Мамин-Сибиряк всего лишь талантливый писатель-этнограф (Бирж. Вед., 22 ноября).

По поводу первой статьи Д.Н.Мамин-Сибиряк писал матери 27 октября: «Напрасно он сравнивает меня с Золя и еще более напрасно ругает последнего, чтобы вяшше превознести меня. Много крови он испортил мне раньше, то есть Скабичевский, а теперь хвалит». По поводу второй — 15 декабря: «Поверь, что никакая критика не прибавила еще никому ни вершка роста и не убавила» (Собр. соч. в 8-ми т. Т. 8. М., 1955, с. 668, 669).

Ф.Сологуб — «Настроенный мимолетных...» («...О волшебница-любовь! / Отгони своим дыханьем / Звуки жизни, злые сны... / Очаруй мой дух унылый, / Утомленный и больной...») (Сын От., 24 ноября).

30 ноября И.А.Бунин пишет брату из Петербурга: «Короленко сказал: “Я знаю Бунина, очень интересуюсь его талантом и рад познакомиться”. На той неделе поедем к нему. В “Новом слове” по пятницам скука... Попов [редактор журнала А.Н.Попов]... за что-то обозлен на милого Серг. Ник. Кривенко... Бывает еще Скабичевский, Поссе, Воронцов, Михайловский» (Р. Л., 1963, № 2, с. 180).

А.Волынский — «Аполлон и Дионис» (С. Вест., № 11). Статья о книге Ницше «Рождение трагедии»: Аполлон, «великий дух красоты», отражает лишь поверхность явлений, в глубине царит «бесформенная стихия Диониса», «закон разрушения и освобождения от всякой ограниченности». Новое искусство «возрождает старый культ Диониса», но Волынский, в отличие

от Ницше, считает, что искусство должно служить не Аполлону или Дионису, а самой «бесформенной мировой правде», т.е. Богу.

Я[синский] — «Критические наброски» (Бирж. Вед., 8 нояб-ря). Поддерживает журнал «Северный вестник» за то, что он чуток к тем авторам, которые «худо ли хорошо, но идут по... новому пути».

Вышли два первых тома «Сочинений Н.К.Михайловского». СПб.: изд. ред. «Русского богатства», 1896, тираж — 6000 (каждый том)*.

17 ноября Н.К.Михайловский писал П.Ф.Якубовичу: «Пересматривая свой багаж, я часто вспоминаю слова богучарских крестьян у Толстого: “Писали — не гуляли!”» (Р. Бог., 1910, № 1, с. 242).

Д.С.Мережковский — «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы». СПб., 1897, тираж — 1200 (статьи о Марке Аврелии, Кальдероне, Сервантесе, Флобере, Ибсене, Достоевском, Гончарове, Майкове, Пушкине и др.). 2-е изд., СПб., 1899, тираж — 750. В авторском предисловии сообщалось, что очерки появлялись в периодической печати в 1888–1896 гг.; цель их «откровенно субъективная», это «дневник читателя в конце XIX века», раскрывающий воздействие на его внутреннюю жизнь «живой души писателя».

В.Спасович отмечал противоположные наклонности Мережковского: эстет, сторонник аристократизма, не скрывающий ненависти к демократии, буржуазии и «мещанству», индивидуалист, которому свойственно «порывистое и горячее человеколюбие», Мережковский взял себе в «проводники» по современному миру Ибсена, «радикального противника современной культуры» с ее «одичанием мысли и вкуса» (Вест. Евр., 1897, № 6). Субъективная «мешанина», наполненная «наивным ребячеством» и «непроницаемым туманом мистико-символо-декадентских фантазий» (Н. Сл., 1897, № 5). А.Горнфельд назвал метод Мережковского импрессионистским, превращающим критику в «дневник читателя». Мережковский всякую объективную критику смешивает с догматической, а всякое подчинение искусства идеалам (философским, нравственным, религиозным) называет «мерзостью во святом

* См. настоящую Летопись, ноябрь 1897 г.

месте» («Критика и лирика», Р. Бог., 1897, № 3). Рецензент «Мира Божьего» (1897, № 7) обнаружил за «видимым разнообразием» лишь «утонченные эстетические эмоции» «драгоценного я» автора. З. Венгерова наиболее удачной считает статью о Флобере, очерк же об Ибсене — «свод общераспространенных толкований», представляющих драматурга «разрушителем жизненных основ современного общества» (Обр., 1897, № 4). Мережковского интересовали имена, отражающие «моменты спокойствия» в жизни человечества, позволяющие переживать «не минуты злости, а вечные наслаждения красотой и правдой» (А. Сакмаров [А. М. Хирьяков]. Сын От., 21 апр.). Хотя Мережковский своей «любовью к художественному слову» и «добросовестной работой искренней мысли» «имеет полное право на безусловное уважение», он окружен в печати «тучею недоброжелательства», как человек, «не нашедший самого себя», «постоянно идущий вперед», часто «окольными и неверными путями» (нищешанство, декадентщина). Писатель принял «умственное паломничество по всем системам и настроениям», ведущее к «модничанью ума», «эстетическому безразличию к жизни», но «потребность в любви и вере» привела к «благодетельному перелому», и «беспочвенный питомец западных идей преклонился перед величием Пушкина», проявив «высокое и чистое раскаяние блудного сына» (Б. В. Николаевский, Ист. Вест., 1897, № 11; эту статью Мережковский в письме к П. П. Перцову от 6 ноября 1897 г. назвал «очень умной и талантливой», Р. Л., 1991, № 2, с. 172). В. В. Розанов откликнулся на 2-е изд.: «темный», «неясный», но имеющий свое собственное место в литературе писатель; замечания о Достоевском «довольно проникательны» (Н. Вр., иллюстр. прилож., 1899, 31 марта). Первое издание этих «блестящих этюдов» было встречено «бесцветным и беззащитным глумлением» (Библиофил [П. П. Перцов], Мир. Иск., 1899, № 11). Д. Овсяннико-Куликовский отмечал «самостоятельность суждений», «блестящие характеристики», «прекрасное изложение», но при этом подчеркивал «неудачную попытку оправдать... субъективную критику», которая в случае с Пушкиным приводит к «критической фантазмагории», ибо поэту приписана вражда к демократии, служение красоте как высшему началу («Жизнь», 1899, № 8). На 2-е изд. откликнулся и М. Меньшиков: в блестящей статье о Пушкине Мережковский «навязывает» поэту свое «фанатическое увлечение язычеством», «свой культ насилия и сладострастия», свою «ненависть к народу» («Клевета обожания», Кн. Нед., 1899, № 10; Чехов в письме к Меньшикову назвал эту статью «образцовой», т. 8, с. 335).

Декабрь

7 декабря в Петербурге и 22 декабря в Москве отмечался 30-летний юбилей литературной деятельности К.М.Станюковича. Петербургский комитет грамотности наградил юбиляра золотой медалью А.Ф.Погосского за лучшие произведения для народа. К юбилею вышел роман К.М.Станюковича «Вокруг света на “Коршуне”» (СПб., 1896).

В статье, посвященной юбилею, И-т [И.Н.Игнатов] писал, что Станюкович, испробовав свои силы в «тенденциозном романе» и «сатирическом фельетоне», нашел себя в морских рассказах, рисуя без «плаксивого, сентиментального» тона и «страдательные типы», и «грозных адмиралов», «собственноручно выбивающих зубы матросам» (Р. Вед., 8 ноября).

А.П.Чехов — «Моя жизнь» (Ежемесяч. лит. прилож. к журн. «Нива», №№ 10-12, окт.-дек.; отд. изд. вместе с повестью «Мужики» вышло в 1897 г. в изд. А.С.Суворова 4-мя изд., каждое тиражом — 1000). «А что сделала цензура из моей повести! Это ужас, ужас! Конец повести обратился в пустыню», — писал Чехов (т. 6, с. 219).

«Какая простота, сила, неожиданность, — писал И.Е.Репин Чехову 13 декабря 1897 г., — этот серый, обыденный тон, это прозаическое мирозерцание являются в таком новом увлекательном освещении» (А.П.Чехов. Сочинения. Т. 9, с. 504).

А.М.Скабичевский назвал героя повести «жалким неудачником», из которых в прежние времена выходили «трактирные бильярдные шулера» (Н. Сл., 1897, № 4, янв.). Каждая отдельная фигура написана превосходно, но в целом «какой-то туман» (Н.Ладожский, СПб. Вед., 1897, 9 сент.). Повесть, писал А.Б[огданович], «не дает цельной картины, а ряд прекрасно выписанных отдельных моментов...»; эта жизнь «такая же ненужная, бесцельная, как и жизнь тех шестидесяти тысяч, от которых герой хотел уйти и все-таки не ушел, потому что без них и его малярный труд потерял бы значение»; здесь картина «еще безотраднее, чем в “Мужиках”», поэтому народникам «нечего жаловаться на односторонности г. Чехова» (Мир Б., № 12). Позднее, в статье «Кое-что о г. Чехове» Н.К.Михайловский замечал: Чехов «очень оригинально ответил» на похвалы марксистов за изображение превосходства «городской культуры» над деревенскою — издал «Мужиков» вместе с «Моей жизнью», где «“городская культура” изображалась в своем роде еще более мрачными красками, чем деревенская...» (Р. Бог., 1900, № 4, с. 134).

А.П.Чехов — «Чайка» (комедия в 4-х действиях) (Р. Мысль, № 12).

В связи с постановкой «Чайки» в провинциальных театрах появился ряд положительных оценок. Л.Е.Оболенский писал, что петербургской публике, которая шикала на «Чайке», но «валит валом на декадентские бульварные пьесы», не под силу оценить драму, в которой «все сценично и подчеркнуто настолько, чтобы не производить впечатления неестественности, а сохранить полную иллюзию действительной жизни» («Почему столичная публика не поняла “Чайки” Ант. Чехова?», Од. Л., 1897, 1 марта). А.А.Смирнов сопоставил «Чайку» с драматургией Метерлинка и Д'Аннунцио, где центр тяжести перенесен «с поступков и событий внешней жизни во внутренний психологический мир» («Театр душ», Сам. Газ., 1897, 10 дек.). Обозреватель «Книжеч Недели» увидел в «Чайке» «классически праздную, пустую и бессмысленную жизнь» литературно-художественной среды (1897, № 1, Из рус. изд.). К.Медведский назвал пьесу «символической комедией», требующей от читателя чрезмерной работы фантазии (Моск. Вед., 1897, 2 янв.).

Горький в письме к Чехову (дек. 1898 г.) назвал «Чайку» «*еретически-гениальной* вещью». «Не видал я “Чайку” на сцене, но читал, — она написана могучей рукой!» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 299).

А.И.Куприн — «Молох» (Р. Бог., № 12).

Критика встретила повесть Куприна сдержанно. «Несомненно талантливый», но «не совсем законченный» этюд, рисующий «нейрастению на почве... воздействий окружающей среды» (В.Поссе, Обр., 1897, № 2). «Вполне литературное», однако «по шаблону» написанное произведение; «мятущийся интеллигент», «коварная девица» и «сам Молох» — герои, «примелькавшиеся на протяжении двадцати лет» (А.Б.[Богданович], Мир Б., 1897, № 2). Неудачный центральный герой повести — «убивающийся инженер с обнаженными нервами» ([П.Ф.Николаев], Р. Мысль, 1897, № 2). Талант прогрессивного направления, изобразивший распространённый в современной литературе тип «безвольного психопата» и «эротомана» (А.Скабичевский, Н. Сл., 1897, № 4, янв.). Протест против всего направления современной цивилизации (А.Р-ов [А.А.Ростиславов], «Жизнь и искусство», 1897, 26 янв.).

Д.Мамин-Сибиряк — рассказ «Озорник» (Р. Мысль, № 12): смелый озорник Спирька противостоит трусливым хозяйственным мужикам.

Отрицательные свойства «деспотического» направления (либерализма) сказываются в произведениях Мамина, но иногда он отступает от «партийного катехизиса» и «народнического трафарета» (К.Медведский, «Отрадные явления в народнической литературе», Моск. Вед., 29 дек.).

Ф.Сологуб — два стихотворения «Золотого счастья кубок / Отдали от алых губок...» и «Снова сердце жаждет воли» (Кн. Нед., № 12).

И.А.Бунин — рассказ «Байбаки (Из быта мелкопоместных)» (Н. Сл., № 3, дек.*).

В.Розанов — «Нечто о декадентах, “лампадном масле” и о пронизательности нашей критики» (Р. Обзор., № 12). Декаденты — «общечеловеки» из западнических мечтаний, в них нет ничего русского, их религиозность «уродлива» и не связана «с исторической почвой христианства» — церковью. Пародии В.Буренина на декадентов «сильным пером... отталкивают надвигающиеся сумерки», а «лампадное масло» Л.Тихомирова, Говорухи-Отрока и др. оживляет народные традиции, которые должны противостоять декадентству.

В «Северном вестнике» в течение года печатались стихи Д.Мережковского «И вновь как в первый день создания...», «Соренто», «Перед грозой» (№№ 1, 7, 9); Н.Минского «У отшельника», «Вечерняя песня», «Песня песен», «Сонет», «Песня», «Ospedaletti», «Осенняя мелодия» («Сердце без боли теряет мечты...») (№№ 2–4, 10–12); Ф.Сологуба «Царевной мудрой Ариадной...», «Приручив себя к мечтаньям...», «Проходил я мимо сада...» (№№ 7, 8, 10); З.Гиппиус «Осень», «Любовь — одна» (№№ 9, 12); К.Фофанова «В бессоницу», «Прежние», «Мы одни», «Наслаждение — одиночество вдвоем», «Перед весной», «Исполнен мир живой надеждой и отрадой...», «Пусть наш союз язвят невежды...», «Во тьме», «Вечерние гости» (№№ 2, 4, 6–10); К.Льдова «Последний день», «Призраки», «Снега», «Небесный огонь», «Замок мира», «Одиночество», «Я с детства слышал эти звуки...», «Психея», «Пространст-

* В течение года И.А.Бунин печатал стихи в «Русской мысли», «Севере», «Ниве» и «Одесских новостях».

во меж нами легло...», «Повисли серые туманы...» (№№ 1, 3–6, 10, 11).

30 декабря К.Д.Бальмонт пишет В.С.Миролюбову: «Ни Бога, ни богов, ни добра, ни зла, ни прошедшего, ни будущего — ничего, кроме блуждающих призраков, живущих один миг для себя и никогда не умирающих перед взором Вечности. Безутешная пустота, трагическая фантазмагория. Только веря в Красоту и любя ее, можно жить, хотя не видишь смысла в жизни. Красота — мой символ веры» (Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 145).

В декабре «Московские ведомости» перешли к новой редакции, возглавленной В.А.Грингмутом. В передовой статье «Есть в России партии?» газета обратилась «к официальным органам наших врагов» — «Вестнику Европы» и «Русским ведомостям» — с требованием «категорически заявить себя верноподанными русского самодержавного царя» (19 дек.). «Русские ведомости» (20 дек.) задали вопрос — кем уполномочены «Московские ведомости» призывать людей ко вторичной присяге? Н.К.Михайловский по поводу «безобразной выходки» «Московских ведомостей» писал о бессилии консерваторов «бороться с литературным врагом литературными средствами» (Р. Бог., 1897, № 1; см. также Р. Мысль, 1897, № 1, О.Т.В. [В.А.Гольцев] «Из литературных наблюдений»).

Одновременно «Московские ведомости» (17 и 18 дек.) усилили нападки на Л.Н.Толстого в статье «Эпизод из истории “толстовщины”», призывая устами Л.Тихомирова бороться с антигосударственным учением Толстого с позиций самодержавной власти и православной церкви.

26 декабря М.В.Нестеров писал Е.М.Хруслову: «Появился в Москве артист-певец — Шалапин... поет он в Частной опере [С.И.Мамонтова]. Дар у него чудный, трагик он первоклассный... Созданный им Грозный царь в “Псковитянке” — фигура живая, трагическая, полная... болезненной и странной поэзии...» (М.В.Нестеров. Письма. Л., 1988, с. 149).

А.Н.Попов, член редакции «Нового слова» и муж издательницы журнала О.Н.Поповой, пишет 24 декабря редактору журнала С.Н.Кривенко, что неопределенность направления, ни его, ни издательницу «не сокрушает», «но ею же неоднократно была

выражена желательность придать журналу больше жизненности, больше свежести» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 180).

Н.М.Минский — «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни». 2-е изд., СПб., 1897, тираж — 1200.

Автор жалуется на общество, увлеченное «народолюбием» и равнодушное к философии, между тем его «священный мэон» — есть «пустота, прикрытая громкими фразами» (Нед., 1897, № 5, 2 февр., Нов. Кн.). «Безнадежный, поэтически-подкрашенный сумбур», «заведомо бесцельное искание того, чего нет и быть не может» (Л.С[лонимский], Вест. Евр., 1897, № 7, Лит. Обзор.). Книга «хороша и благородна», ибо автор выступает «на защиту небес против жалких притязаний земли» (М.Белинский [И.И.Ясинский], «Верховная цель жизни», Бирж. Вед., 1897, 5 янв.). «И больно, и обидно становится за поэта-философа», встреченного «враждебным равнодушием толпы читателей и глухим недоверием литературной толпы» (Кор. А-н [А.А.Коринфский], Сев., 1897, № 21, 25 мая). Минский принадлежит к фаланге «новых людей», отвергших «историческую святыню человечества» (христианство) в поисках «нового храма» (Meditator, «Из области современной мысли», Моск. Вед., 27 апр.). Н.К.Михайловский отмечал, что воздействие «отказавшегося от наследства» Минского на читателей подобно «оглушению звоном», за словами «нет подлинного состояния души автора» — он искренен только в «страхе смерти». Главный грех русского общества Минский видит в его «любви к народу» «вместо любви к вечному началу жизни»: «Сосредоточив свое внимание на нашем “народолюбии” или даже каком-то “народовластии” и усмотрев именно в нем причину холодного или враждебного отношения к его книге, г. Минский уже никаких других умственных течений за целые полвека не видит» («О совести г. Минского, страхе смерти и жажде бессмертия», Р. Бог., 1897, № 10).

«Книжка Минского понравилась мне, — писал Горький А.Волынскому в конце декабря 1897 г., — как рассказ человека о томлении его духа. Но в этой книжке нет той простоты и ясности, которая делает всякую мудрость говорящей прямо сердцу. Что в ней нет огня — этому я не удивляюсь. А порой она впадает в тон исповеди, даже покаяния. И это не нравится мне — пред кем каяться?» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 246).

Ив.Бунин — «На край света и другие рассказы». СПб.: изд. О.Н.Поповой, 1897, тираж — 2212.

Бунин соединяет, писал Л.Е.Оболенский, талант Чехова с общественной отзывчивостью Гаршина: «тихое, грустное, глубоко пронизывающее, но не кричащее негодование к отрицательным типам и явлениям жизни» (Од. Л., 1897, 31 янв.). Рассказы Бунина «несколько однотонны по настроению, всегда окрашенному какой-то неопределенной и сладкой тоской»; в них отсутствует внешнее движение сюжета, а образы «не захватывают новизной». Главная тема этого «несомненного» и «чуткого», но «не крупного» таланта — «тема поворота, распутия жизни» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1897, № 2). «Тонкая наблюдательность» и «поэтическая грусть» без «широты захвата» (Н. Сл., 1897, № 7). Дает «нравственный облик простого русского человека» с «глубокой симпатией», но без «сентиментального народнического культа» (Р. Обзор., 1898, № 1, Б-фия). «Задушевное отношение к природе, к деревне», но нет глубины и «широкого размаха сильного оригинального таланта» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир. Б., 1897, № 2, Нов. Кн.). «Автор передает не ряд событий в связном и законченном повествовании, а лишь настроения свои и чужие», «без вычур и ненужной сентиментальности» (Р. Мысль, 1897, № 5, Библиограф. Отд.). «С каждой страницей автор вырастает в глазах читателя. “Тарантеллю” г. Бунин прямо-таки вступил в среду очень немногих молодых беллетристов, подающих большие надежды»; ему «одинаково удаются как лирические восторги, так и эпически спокойное живописание» (Кор. А-н [А.А.Коринфский], Сев., 1897, № 8, 23 февр.). А.М.Скабичевский, ранее, будучи редактором «Нового слова», неоднократно печатавший Бунина, теперь назвал его «поэтом скуки», у которого тенденциозность преобладает над художественностью (Сын От., 1897, 23 мая). Рецензент «Нового времени» (12 марта, прилож.) усмотрел в рассказах «На даче» и «Тарантелла» «недостойную художника задачу» — изображение «мути и грязи» вместо «чистоты и света жизни».

В. Брюсов — «Me eum esse. Новая книга стихов». М., 1897, тираж — 600. «Моя будущая книга “Это — я” будет гигантской насмешкой над всем человеческим родом. В ней не будет ни одного здравого слова — и, конечно, у нее найдутся поклонники. “Chefs d’oeuvre” тем и слабы, что они умеренны — слишком поэтичны для гг. критиков и для публики и слишком просты для символистов. Глупец, я вздумал писать серьезно!» (Запись от 6 февраля 1896 г. В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 23). В 1898 г. Брюсов констатировал, что книга «прошла очень уж незамеченной... Во всей вселенной нашелся один че-

ловец, Федор Сологуб, приславший мне приветственное письмо...» (ЛН. Т. 85, с. 745).

Критика отметила эксцентричность заглавия и содержания «архидекадентщины» Брюсова (Кор. А-н [А.А.Коринфский], Сев., 1897, № 3, 19 янв.); «квазидемонические восхваления злобы и ненависти» («Я действительности нашей не вижу...»), «невозможные, совсем неупотребительные размеры» и «недостойное шутовство» (Пл.К[раснов], Вс. Иллюстр., 1897, 5 апр.).

В течение 1896 г. вышли 4 тома первого на русском языке 6-томного собрания сочинений Г.Ибсена, СПб.: изд. И.Юровского, 1896, тираж — 5000 (каждый том) и книга Н.М.Минского «Генрих Ибсен, его жизнь и литературная деятельность», СПб., «Жизнь замечательных людей», биогр. б-ка, Ф.Ф.Павленкова, 1896.

Основная тема произведений Ибсена, писал Н.К.Михайловский, — «трагическое столкновение» личности, пробужденной «работой чести и совести», с обществом, представляющим «роковую стихийную силу»; «не символизмом своим занял он... властительное положение и не эстетической стороной своих произведений... а тем, что вся совокупность его творческой деятельности составляет “книгу об ответственности человека”» (Р. Бог., №№ 11–12, 1897, № 1). Создателем нового театра, разоблачившим ложь современного общества и семьи, называла Ибсена З.Венгерова, отметив, что он был романтиком, потом — реалистом, а в последних пьесах перешел к символизму (Обр., № 10). «Посредственный художник», «пессимист, не имеющий нравственного и социального идеала» (Набл., 1897, № 1, Нов. Кн.).

З.Венгерова — «Литературные характеристики», СПб., 1897, тираж — 1200. (Статьи о прерафаэлитском движении в Англии, о французских символистах, о Г.Гауптмане, Г.Ибсене и др.).

Автор «внимательно следит за новыми направлениями в европейской литературе и искусстве», но у нее нет «обобщающего начала»: вместо «смелой партийной защиты индивидуалистического искусства» она «дала эклектические очерки», уверяя, что «в Англии развитие утонченного искусства... идет рука об руку с освободительным движением рабочего класса» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1897, № 4, Нов. Кн.).

Итоги литературного года

Либеральная печать отметила некоторое оживление литературной и общественной жизни: самое значительное произведение года — книга Л. Мельшина «В мире отверженных», самое заметное театральное событие — постановка «Власти тьмы» Л. Толстого (Р. Вед., 1897, 1 янв.).

[П. Ф. Николаев] приветствовал «вступление на арену общественной жизни демократии», которая «разрушает старые формы и в самой жизни, и в литературе»; о глубинном, «новом, еще неизведанном нами процессе» свидетельствует и «появление в значительном количестве русских учеников» (т. е. марксистов), учение которых журнал считает «неверным» и «догматическим» (Р. Мысль, 1897, № 1, Библиограф. Отд.).

А. Б[огданович] писал о повышенном спросе на литературу по вопросам истории, экономики и естествознания, об особом читателе, «добывающемся более широкого понимания жизни», и с удовлетворением констатировал, что затихла «шумная декадентская бравада», ознаменовавшая конец предшествующего 1895 года (Мир Б., 1897, № 1).

Пессимистически оценил прошедший год А. М. Скабичевский в статье «Больные герои большой литературы»: «безвольных психопатов» критик видит не только у Сологуба и Гиппиус, но и у Чехова («Дом с мезонином», «Моя жизнь»), и у Куприна («Молох») (Н. Сл., 1897, № 4, янв.).

Скриба [Е. А. Соловьев] в обзоре «Поэтико-беллетристические результаты 1896 года» заявил, что «литература 1896 года не дала ни одного действительно замечательного произведения», наибольшим спросом пользовались бульварные романы. «Интеллигентная литература» дала два новых имени — Ф. Сологуб и Н. Тимковский. На первого можно возлагать большие надежды как на «чисто художественный» талант «без всякой примеси публицистических элементов», опасение вызывает присутствие «чего-то большого, глубоко надорванного». Уделив в своем обзоре особое место декадентской литературе, Скриба отмечал, что она варьирует на тысячу ладов всего лишь два мотива — «похотливую чувственность и ужас смерти». «Души в этом нет, нет того действительного безнадежного утомления жизнью, которое вы чувствуете» в западном декадентстве (Нов., 2 и 9 янв.).

Л. Оболенский писал о несостоятельности современной критики, заражающей читателя неуважением к литературе (недооцененная «Чайка» Чехова и сборник «глубоко-талантливый» Бунина «На край света и другие рассказы» («Печальное и радостное в текущей литературе», Од. Л., 1897, 31 янв.).

1897 год

Январь

В Петербурге стали выходить новые газеты: «Луч» (редактор В.В.Чуйко), «Утро» (редактор-издатель И.А.Баталин), «Русь» (издатель В.П.Гайдебуров), «Гласность» (редактор А.П.Пятковский) и др. Н.К.Михайловский отметил бесцветный, в основном, характер первых номеров. Газета «Луч» тут же была приостановлена, а «Утро» запрещена для розничной продажи (Р. Бог., № 1).

4 января А.П.Чехов пишет А.С.Суворину: «Мне прислали первый № “Руси”. Да, бездарно и снаружи и внутри. Ни ума, ни нерва, а лишь одна благонамеренность чиновника-молокососа...» (т. 6, с. 263).

В начале января был разослан циркуляр Главного управления по делам печати, запрещающий всякие статьи и заметки по рабочему вопросу (Р. Бог., 1910, № 1, с. 242).

5 января А.П.Чехов пишет И.Л.Леонтьеву (Щеглову) о «Вестнике Европы»: «Это лучший журнал из всех толстых» (т. 6, с. 265).

8 января, после блужданий по улицам Петербурга, В.Я.Брюсов записал: «Художник, найди красоту в магазинах, в лестницах, в трубах! Не надо колонн: но пусть вывеска на твоём доме не безобразит его, а служит к его совершенству» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 27).

А.Жемчужников — стихотворение «Животная проза и декадентская поэзия» (Н. Сл., № 4, янв.): о двух крайностях современной литературы — «свином хрюканье» и «птичьей песне».

Максим Белинский [И.И.Ясинский] — «Тараканий бунт (Русская повесть)» (С. Вест., № 1).

«Давно уже в нашей литературе, даже в журналах консервативных, мы не встречали ничего равного по кавалерственно-нахальному отношению к народу... Только ловкая и искусная рука такого, с позволения сказать, литератора, как М.Белинский, могла святотатственно заклеить весь русский народ, всю серую, мужицкую Русь» (Р. Мысль, № 2, с. 92; то же: К.Медведский «Новый пасквиль на русского мужика», Моск. Вед., 16 янв.). Н.Ладожский [В.К.Петерсен] оспаривал это обвинение ссылкой на «Мужиков» Чехова, производящих такое же «безотрадное впечатление» (СПб. Вед., 29 апр.). М.К[уплет]ский причислил Ясинского к «беспристрастным знатокам нашей деревенской жизни» (Сын От., 13 февр.). К ним присоединился сам автор «Тараканьего бунта» (Я. «Критические наброски о “Мужиках”», Бирж. Вед., 3 мая).

М.Метерлинк — «Аглаэна и Селизета» (С. Вест., № 1). Перевод под ред. Н.Минского и его предисловие: «Не Метерлинк создал символизм, но у него одного символические настроения нашли свое чистейшее выражение» как «новый строй души», для которого внешний мир становится «невыносимым бременем». Истинный символизм (Ибсен, Метерлинк) приходит «к проповеди любви и подвига», ложный (Гюисманс и Уайльд) — «к сатанизму черных месс».

«Доморощенный декадент» Минский «восторженно рекомендует» пьесу Метерлинка, которая «огорошивает» читателя «символическою дубинкою», выдуманными людьми и положениями (А.Гермониус, Од. Л., 22 янв.).

А.Б. [А.И.Богданович] — «Критические заметки» (Мир Б., № 1). В связи с выходом 2-го изд. собр. соч. Н.С.Лескова в 12-ти томах (СПб.: изд. А.Ф.Маркса, 1897) дает характеристику писателю, чья смерть в 1895 г. прошла «почти незамеченной», ибо «еще при жизни Лесков был уже мертвым писателем»; «двенадцать томов анекдотов, заключенных в тяжелую, неудобоваримую форму»; не может быть поставлен в ряд даже второстепенных писателей, «не художник», «шут в душе», «циник по складу ума и сластолюбец по темпераменту», «лицемер, прикрывающийся высокими словами», «острослов и суеслов», но не сатирик и т.п. (см. полемику вокруг Лескова, наст. Летопись, май 1897).

Н.Пружанский «Наша книга на базаре житейском» (Нов. Сл., № 4, янв.). В России насчитывается всего до 600 книж-

ных магазинов, причем на Петербург и Москву приходится 296. Распродажа 4–5-ти тысяч экземпляров считается «блестящим и исключительным издательским делом», а читатели из народа отданы во власть Никольского рынка, сбывающего «Прекрасных магометанок» и «Атаманов-мстителей» в 90 и 100 тысячах экземплярах. Н. Пружанский предлагает создавать товарищества, объединив честных издателей и авторов.

17 января А. П. Чехов пишет о сдвигах в книжном деле: «Книжная торговля в “Русской мысли” идет шибко. Громадный спрос из провинции на серьезную научную литературу. ...А у Сытина шибко пошли его новые издания по самообразованию на английский манер...» (т. 6, с. 273).

О новой серии изданий товарищества И. Д. Сытина писало и «Новое слово» (№ 6), уже перешедшее в руки марксистской редакции: «сам король Никольского рынка» понял, что «снизу идет... серьезный запрос на хорошую книгу», и стал издавать для народа Чехова, Короленко, Мамина-Сибиряка, Станюковича, Потепенко, Мачтета и др.

25 января начал свою деятельность вновь организованный «Союз взаимопомощи русских писателей». Существовавшее в Петербурге с 1886 г. «Русское литературное общество» преследовало лишь эстетические цели (обсуждение художественных и критических произведений). «Литературный фонд» был ограничен своими узкоспециальными задачами. В уставе «Союза взаимопомощи русских писателей», утвержденном Министерством внутренних дел в декабре 1896 г., предусматривались меры по защите правовых интересов русского писателя, в частности право ходатайствовать перед правительством по вопросам печати. В списке учредителей значилось 143 чел.; в течение двух лет вступило 381 новых членов (Отчет о деятельности Союза взаимопомощи русских писателей за 1897 и 1898 года. СПб., 1899).

В Комитет Союза были избраны: П. Н. Исаков (председатель), Н. К. Михайловский (тов. председателя), Л. Е. Оболенский (секретарь), Л. Ф. Пантелеев (казначей), Н. Ф. Анненский, П. Д. Боборыкин, М. А. Загуляев, Н. И. Кареев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Семевский, А. М. Скабичевский, Э. Э. Ухтомский. В члены Суда чести при Союзе писателей избраны: К. К. Арсеньев, В. Г. Короленко, В. А. Манасеин, А. Н. Бекетов, Вл. С. Соловьев, В. Д. Спасович и др.; в члены ревизионной комиссии: А. М. Калмыкова, Г. К. Градовский, В. П. Острогорский, Н. А. Рубакин и др. (Сев., №№ 6–7, 9 и 16 февр.).

Выборы в руководящие органы Союза были встречены резкой критикой со стороны консервативной прессы. Old Gentleman [А.В.Амфитеатров] называл Союз «незаконнорожденным и недоношенным чадом» редакции «Русского богатства» (Н. Вр., 2 февр.). Ефим Простосердов [А.П.Пятковский] писал, что это союз Михайловского с юдофилами (Набл., № 3). Л.Тихомиров негодовал, что «обширные права» получил Союз, «попавший в руки самые в либеральном смысле благонадежные» (Р. Обзор., № 2). В.Розанов указывал, что Союз чужд «руссизму», это последнее «усилие 60-х годов отстоять себя... негодующее, ненавидящее... готовящееся судить, присуждать» (Р. Сл., 10 марта).

«Что касается Союза, — писал Н.К.Михайловский П.Ф.Якубовичу 18 марта, — то я... думаю, что ему придется распасться с течением времени на два или более. И это вполне естественно. Главная услуга литературе, которой я жду от Союза, состоит в его праве ходатайствовать о пересмотре цензурного устава...» (Р. Бог., 1910, № 1, с. 244). В печати Н.К.Михайловский сделал предположение: Союз «может быть и очень большим делом и круглым нулем», в зависимости от того, насколько он проникнется «серьезностью своих целей и верою в достоинство и значение печатного слова». В следующей статье Михайловский отметил, что «дикие выходки против Союза» начались после выборов членов комитета: изобличались «жиды», хотя «ни одного еврея в комитете нет»; малое представительство «ветеранов литературы», хотя в списке учредителей значатся Д.В.Григорович, Я.П.Полонский, А.А.Потехин, С.В.Максимов, А.М.Жемчужников и др.; отсутствие издателей-«фабрикантов», что может быть исправлено при следующих выборах (Р. Бог., №№ 1 и 2).

Вл.Соловьев — «Оправдание добра. Нравственная философия». СПб.: тип. М.Стасюлевича, 1897, тираж — 1200 (2-е изд., М., 1899). Отдельные главы книги печатались в 1894–1896 гг. в «Вестнике Европы», «Вопросах философии и психологии», «Книжках Недели», «Ниве» (лит. прилож.). В предисловии автор задавался вопросом о «нравственном характере» «смысла жизни» и критиковал взгляд, признающий в жизни смысл «исключительно эстетический», а также развенчивал «жалкие нападки» на христианство «талантливого и злополучного» Ницше, его «низменный уровень понимания» христианства, какой напоминает «французских вольнодумцев прошлого века».

«Яркое и отрадное событие» русской литературы; этическое мировоззрение Вл.Соловьева «окружено непроницаемой оболочкой

мистицизма»: «для всего земного ищет... окончательного оправдания в небесах», однако «все гуманное и прогрессивное» имеет в нем «горячего и неизменного поборника» (лишь «оправдание войны» вызывает у рецензента несогласие); Соловьев обвиняет экономический материализм в сближении с плутократией (Р. Мысль, № 5. Библиограф. Отд.). По выражению Скрибы [Е.А.Соловьева], это «нравственная философия верующих», ее смысл в «примирительном» отношении к жизни и проповеди аскетизма. При этом Вл.Соловьев оправдывает не только «добро», но и весь мировой процесс, включающий «насилие, войны и самое зло» (Нов., 20 и 27 марта). А.Л.Волынский, назвав книгу «туманной смесью византизма с прогрессивными рассуждениями», которую «невзыскательная публика... сочтет за философию», подверг этическую систему Соловьева, включающую в себя «убежденную защиту церкви и государства», критике с позиций внецерковного мистического идеализма (С. Вест., № 11). Консервативная печать, наоборот, винила Вл.Соловьева в недостаточной опоре на русскую православную церковь, не нуждающуюся ни в каком «оправдании» (Апокриф [Ф.Э.Шперк] «Ненужное оправдание», прилож. к Н. Вр., 26 февр.; «Двусмысленное оправдание», Моск. Вед., 9 мая). Н.А.Энгельгардт оценил книгу Вл.Соловьева как «проповедь отрезвления» от «утилитарного либерализма» 60–70-х годов, проповедь освобождения человеческой личности от обязанностей перед «так называемым общим благом» (Нед., 9, 16 и 22 февр.). Н.Я.Грот заметил, что книга «составит эпоху развития русской философии», не одобрил лишь главу «Смысл войны» («относительное добро») (Вопр. Фил. и Псих., № 1). Другой автор журнала, Г.Ф.Шершеневич, нашел, что книга не дает ответа на поставленный вопрос: «есть ли у нашей жизни какой-нибудь смысл» (там же, № 3; здесь же помещен ответ Вл.Соловьева: «Нравственная философия лишь развивает идею Добра, заложенную в нашей природе в виде основных чувств стыда, жалости и благоговения», с. 484). «Сборник бледных фельетонов», в котором нет «ни одного признака философского исследования» (Б.В.Никольский, Ист. Вест., № 5). «Легкое решение вопросов», «нескончаемые противоречия», «превосходящая всякую меру самоуверенность» и «презрение к мнениям даже величайших умов» (Б.Н.Чичерин, Вопр. Фил. и Псих., № 4). Автор «не исследует», а «вещает», давая понять читателю, что причастен к «мистической области высшего ведения» (П.В.Мокиевский, Р. Бог., № 10). В этой книге полно выразился «душевный склад Вл.Соловьева», ей свойственны «художественная цельность и мастерское изложение». Однако «постоянная полемика с ходячими современными теория-

ми» (Л.Толстого, Г.Спенсера, Ч.Дарвина, А.Шопенгауэра и др.) рождает вокруг нее споры (Э.Л.Радлов, Журн. Мин. Нар. Просв., № 11). «Проповедь теософа», который «частью сознательно, но частью и не замечая этого... "оправдывает" не только добро, но и зло» (М.Филиппов, Науч. Обзор., №№ 9, 10).

В 1909 г. В.Г.Короленко заметил о нравственной философии Вл.Соловьева: «Для него христианство было источником абсолютной морали... Многие догматические взгляды Соловьева окутаны густыми, иной раз почти непроницаемыми метафизическими туманами. Но когда он спускался с этих туманных высот, чтобы прилагать те или другие основные формулы христианства к текущей жизни, он был иной раз великолепен по отчетливой ясности мысли и умению найти для нее простую и сжатую формулу» (В.Г.Короленко. ПСС. Пг.: изд. А.Ф.Маркса, 1914. Т. 9, с. 259).

Н.Телешов — очерки «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири». М., 1897, тираж — 1200.

Немногочисленные, но сочувственные рецензии отмечали правдивое изображение действительности в книге молодого автора (Сев., № 11, 6 марта; С. Вест., № 7).

Февраль

В «Северном вестнике» (№ 2) опубликована драма Вл.И.Немировича-Данченко «Цена жизни», ранее поставленная на сцене Малого театра.

Н.Гарин — «Картинки Волыни» (Мир Б., № 2).

В отзыве «Русской мысли» (№ 3) говорилось о неустойчивости общественных воззрений Гарина, переоценивающего «идеалы народной жизни» (общину) и склоняющегося на сторону «русских учеников». Очерк свидетельствует о том, что «несостоятельность общинного хозяйства проявляется все резче» (Р.И.Сементковский, Ежемес. лит. прилож. к «Ниве», № 5).

Н.Минский — «Картины и эскизы И.Е.Репина» (С. Вест., № 2). О только что закрывшейся выставке Репина: «выразил все идеальное и возвышенное в своем поколении», но «идеалы его эпохи оказались бескрылыми». Герои Репина «живут в мире освободительных идей, а не свободных чувств», картины на евангельские темы «незначительны по содержанию и... настро-

ению», но художник, «подобно Рембрандту, гораздо выше по своей манере, чем по созданным им типам».

В начале февраля, в связи с деятельностью по оказанию помощи духоборам, подверглись обыску и высылке В.Г.Чертков, П.И.Бирюков и И.М.Трегубов. «Государство и его агенты,— писал Л.Н.Толстой 26 февраля эмигрировавшему в Англию В.Г.Черткову,— это самые большие и распространенные преступники, в сравнении с которыми, те, которых называют преступниками, невинные агнцы...» (т. 88, с. 12).

7 февраля Н.Г.Гарин-Михайловский писал Н.К.Михайловскому: «“Русское богатство” дорого Вам, дорого и мне по очень многим... причинам. Уйти из него для меня — это уход из родного гнезда и когда, когда совьешь себе новое. Я думал... в роли беллетриста... что мог бы, внося новую, может быть, жизнь, не трогать в то же время известных публицистических устоев... Журнал превращается в уважаемый исторический манускрипт и новым людям уже трудно разбираться все в том же набившем оскомину шаблоне прекрасных времен. Я говорю о беллетристике [ссылка на отзыв А.И.Богдановича о “Молохе” Куприна — см. наст. Летопись, декабрь 1896]... Короленко не годится быть заведующим беллетристическим отделом. Прекрасная комбинация Иванчина и Вас неизмеримо выше: она создала успех журналу» (Лит. архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 42–43). 24 февраля К.М.Станюкович сообщал С.Н.Кривенко: «Гарин объявил, что дает деньги большие (не свои, впрочем) на журнал марксистов и предлагал мне, с их согласия, быть редактором беллетристического отдела. Я, конечно, отказался... На днях Гарин... объявил, что вся “комбинация” расстроилась... Таким образом, хотя журнал [“Новое слово”] и куплен Семеновым и Поссе (плата пером под отчет в ноябре) и там будут работать марксисты, но денег у них, по-видимому, нет» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 220).

В феврале А.П.Чехов записал в дневнике: «Такие писатели, как Н.С.Лесков и С.В.Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все — евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора, совершенно непонятого для них, и видящие в русском человеке ни больше ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими кри-

тиками, никогда не имел успеха Островский; и Гоголь уже не смешит ее» (Сочинения. Т. 17, с. 224).

12 февраля издательница народнического «Нового слова» О.Н.Попова продала право издания журнала М.Н.Семенову, ввиду плачевного финансового состояния журнала (около 3000 подписчиков) и своих разногласий с редакторами. 13 февраля в «Новом времени» появилось письмо о выходе из состава сотрудников «Нового слова» А.М.Скабичевского, С.Н.Кривенко, Я.В.Абрамова, В.В. [В.П.Воронцова], К.М.Станюковича, Л.Е.Оболенского, Вас.И.Немировича-Данченко, Н.А.Рубакина и др. С марта эта группа обосновалась в газете «Сын отечества», которая стала издаваться товариществом «Издатель» и резко изменила ориентацию, перейдя в лагерь либеральной печати.

23 февраля И.А.Бунин сообщил С.Н.Кривенко, что послал в «Новое время» и «Русский вестник» свое заявление о прекращении сотрудничества в «Новом слове»: «Признаться, совсем не представляю себе физиономии нового журнала, чрезвычайно огорчен гибелью прежнего». 22 марта ему же: письма «почему-то не сочли нужным поместить», там же извещает о получении приглашения от марксистской редакции «Нового слова»: «На приглашение отвечал отказом. Пишут, что там будут участвовать Вересаев, Милюков, Булгаков... Мне сдается, что дело это совсем не выгорит: Милюков, Булгаков и Джаншиев... Что общего?» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 54). 26 февраля Е.В.Тарле писал С.Н.Кривенко: «Меня радует, конечно, что выбор г-жи Поповой пал все-таки на марксистов, а не на Грингмута, например, и что журнал останется порядочным, но оставаться в числе хотя бы случайных сотрудников я считаю для себя делом неподходящим» (Там же, ед. 224). Горький писал А.М.Скабичевскому в конце февраля: «Я... не возьму аванса из новой редакции "Нов. Слова". Я говорил о том, что мне будет неловко, обидно, когда рядом со Струве, Туганом и т.д. стану и я на обложке журнала. Я — не марксист и оным не буду вовеки, ибо считаю стыдом исповедовать "марксизм по-русски и по-немецки", ибо я знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на нее... Жалко журнал — он был хорош, он был очень хорош. Возможно ли надеяться на его возникновение в том же составе?» (Письма. Т. I. М., 1997, с. 220–221).

Новую редакцию «Нового слова» возглавили легальные марксисты П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский и В.А.Поссе. В первый же день работы в новом журнале В.А.Поссе пишет Горькому, чей рассказ «Коновалов» предназначался к печати еще старой ре-

дакцией*: «Ваш рассказ “Коновалов” печатается в мартовской книжке “Нового слова”. Новый издатель “Нового слова” М.Н.Семенов надеется, что Вы будете постоянным сотрудником журнала. С несколько измененным направлением его Вы ознакомитесь уже по мартовской книжке; насколько я знаком с Вашими воззрениями по Вашим беллетристическим произведениям, — направление будет Вам не менее симпатично, чем то, которого “Новое слово” держалось до сих пор...» (Архив А.М.Горького).

5 марта Н.К.Михайловский писал П.Ф.Якубовичу: «Курьезно то, что некоторые из бывших сотрудников “Нового слова” ...обвиняют меня во всей этой катастрофе. Я ничего не имею против того, чтобы Струве и Туган получили возможность высказываться с полною свободою в собственном органе, но хлопотать для них, а тем более предпринимать подпольные махинации... И однако — говорят. Дело это дойдет, пожалуй, до суда чести, в котором, надо думать, и мне придется фигурировать в качестве свидетеля. Вообще у нас здесь странная атмосфера: ссоры, дразги. Нехорошо» (Р. Бог., 1910, № 1, с. 243–244).

В апреле Я.В.Абрамов и А.М.Скабичевский обратились в Суд чести Союза писателей, который признал О.Н.Попову «нравственно неправую» в том, что она продала журнал лицам иного, хотя и прогрессивного, направления, не исчерпав всех возможностей для продажи своим бывшим сотрудникам. Супруг О.Н.Поповой, А.Н.Попов (фиктивный редактор «Нового слова»), издал брошюру «Вопрос о передаче журнала “Новое слово” в Суде чести Союза русских писателей» (СПб., 1897), в которой обвинил Союз в партийном пристрастии и недобросовестности. Брошюра эта была широко использована в прессе недоброжелателями Союза (К.Льдов, «Недобросовестное обвинение» и «К делу о недобросовестном обвинении», С. Вест., №№ 8 и 9).

А.П.Чехов — «Пьесы». СПб.: изд. А.С.Суворина, 1897, тираж — 2000** («Медведь», «Предложение», «Трагик поневоле», «Лебединая песня», «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня»).

* 8 октября 1896 г. прежний издатель «Нового слова» А.Н.Попов сообщал прежнему редактору С.Н.Кривенко: «Получена от Горького вкусная, очень вкусная вещь “Коновалов”» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 180). А.М.Скабичевский писал автору 6 декабря 1896 г.: «Ваша повесть привела всех читавших ее в редакции в восторг» (Архив А.М.Горького).

** Обычный тираж драматических произведений не превышал нескольких сотен или даже десятков экземпляров. Так, пьесу Ибсена «Джон Габриэль Бергман» А.С.Суворин издает в 300 экз., а «Потопающий колокол» Гауптмана — в 40.

11 февраля А.С.Суворин, посетивший Л.Толстого, записал в дневнике: «О “Чайке” Чехова Л.Н. сказал, что это вздор, ничего не стоящий, что она написана, как Ибсен пишет» (Дневник А.С.Суворина. М.; Пг., 1923, с. 146–147).

«За шумом, возбужденным “Мужиками”, сборник драматических сочинений г. Чехова прошел почти незамеченным», — писал Тихон Полнер, расценивая драмы Чехова как «трилогию настроения», в которой совершается переход от «бурь, волновавших Ивана», к «существованию без веры, цели и смысла» — в «Чайке» и «Дяде Ване» (Р. Вед., 3 окт.). Н.Ладожский [В.К.Петерсен], упрекая зрителей и театр в неподготовленности к восприятию «глубокой и тонкой психологии чеховских вещей», полагал в то же время, что «Чайка» и «Дядя Ваня» написаны слабее, чем «Иванов» (СПб. Вед., 6 и 13 мая). А.Скриба [Е.А.Соловьев] утверждал: «Это декадентство, это голос усталого духа, это мысль 80-х годов»; пьесы Чехова отличаются «не столько трагическим, сколько ноющим характером», но в них есть тургеневская «идея обновления русской жизни через женщину» (Нов., 10 июля).

Март

Вл.С.Соловьев — «Словесность или истина?» («Русь», 30 марта). Противопоставив «сочиненному сверхчеловеку» Заратустре «действительного» — Иисуса Христа, автор назвал эту «модную мысль» Ницше «одним из самых опасных... *соблазнов*» современной умственной жизни; «словесные упражнения базельского филолога» выражают «действительное предчувствие» грядущего Антихриста.

Вл.С.Соловьев — «Импрессионизм мысли. Стихотворения К.Случевского, кн. 1–4, 1880–1890» («Cosmopolis», № 4). «Настоящий, неподдельный поэт, всегда своеобразный и иногда глубокий» при «чрезвычайной неровности и случайности» произведений, ибо «схватывая на лету всевозможные впечатления и ощущения», он не проверяет их «критической рефлексией».

Мартовский номер «Нового слова» (№ 6) вышел со статьями П.Б.Струве и М.И.Туган-Барановского и рассказом М.Горького «Коновалов».

17 марта В.А.Поссе сообщал Горькому — «мартовскую книжку конфисковали и жестоко изуродовали Ваше произведение. Теперь перепечатаем 2 листа» (Архив А.М.Горького).

Присяжный читатель [А.А.Коринфский] подчеркнул, что рассказ Горького, писателя, недавно появившегося в литературе, но

уже стоящего «на широкой дороге к художественному развитию своего вдумчивого реализма», выгодно выделяется «на мертвенно-тусклом фоне» беллетристики, «рабски подчиненной раз навсегда облюбованному ех-руководителями этого журнала шаблону либерализма». Образ Коновалова рецензент трактует в плане «новых лишних людей» из народа, сердца которых разъедает та же «гнилая язва», что и русскую интеллигенцию (Сев., № 26, 28 июня). Отметил выход «Коновалова» и Ч.Ветринский [В.Е.Чешихин], указав на «несомненный и довольно оригинальный талант» автора, «все более останавливающего на себе внимание читателя» (Обр., № 7–8). Коновалов — самый «чувствительный» из горьковских босяков, живет в убеждении своей природной «особливости», исключенности из всякого «порядка» (Н.К.Михайловский, Р. Бог., 1898, №№ 9 и 10). В отличие от героя «Озорника», Коновалов принадлежит к числу «кротких и незлобивых существ», его «строптивость» проявляется лишь в «мучительной тоске» (А.Скабичевский, Сын От., 22 авг.).

Приветствуя мартовский номер «Нового слова», Скриба [Е.А.Соловьев] писал, что народничество, эта «почтенная, преисполненная благородства доктрина», «доморощенная утопия», во власти которой русская интеллигенция находилась 50 лет (с момента выхода «Антон Горемыки»), создав за это время блестящую литературу, обнаруживает в настоящее время свое бессилие, поэтому «переход народнического журнала в руки марксистов оказывается... чем-то совершенно естественным и необходимым», так как эта «немного суровая», «безжалостная доктрина» проникнута одним желанием — «познать правду жизни» (Нов., 3 апр.).

З.Гиппиус — «Среди мертвых» [позднейший заголовок «Живие и мертвые»] (С. Вест., № 3).

В этом рассказе «имеется все, что, по теории г. Волынского, от искусства требуется: и безбрежный и беспредельный мистицизм, и извращенная, болезненная чувственность» (Р. Мысль, № 5).

6 марта К.Д.Бальмонт пишет Л.Я.Гуревич: «Будущее “Северного вестника» мне... очень дорого; хотя я, в силу внешних обстоятельств, принимаю в нем самое скромное литературное участие, но... его задачи совершенно совпадают с теми, какие, в размере единичных сил, я ставлю самому себе» (В.Е в г е н ь е в-М а к с и м о в и Д.М а к с и м о в. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, с. 109).

8 марта умер А.Н.Майков; для одних — «послепушкинский поклонник красоты, не замутивший чистого ручья своей поэзии злобою дня и ненавистью жизни» (Н. Вр., 9 марта), для других — поэт «созерцательного настроения», отвернувшийся от глубоких общественных течений в русском обществе и литературе и подхваченный волной реакции (А.Уманьский [А.А.Дробыш-Дробышевский], Р. Бог., № 4). В.Розанов в неподписанном некрологе назвал поэта «хранителем предания», «зрителем и судьей», способным «сравнивать поколения и указывать каждому его излишества» («Свет», 11 марта). Н.Ф.Анненский свидетельствовал, что наибольшей популярностью этот «певец и поклонник чистой красоты» пользовался, как ни странно, «в бурный период шестидесятых годов» (Р. Бог., № 3, отд. II, с. 195). «Только он один и стоял величавым эллином среди мятежных рабов страстей в современной поэзии» (А.А.Коринфский, Сев., № 11, 6 марта). «Поэзия его не для званых, а для избранных» (Кн. Нед., № 3, с. 344). Скриба [Е.А.Соловьев] писал, что поэзию Майкова не только не знают, но и не хотят знать современные читатели, чему виной «бесстрастное дарование» поэта, с одной стороны, и усилия его поклонников из лагеря «чистого искусства» — с другой (Нов., 13 марта). Поэзия Майкова, отмечал Ин.Анненский, поддерживает «в нашей душе *чувство красоты*» и помогает осознать «эстетические недочеты» в развитии русского общества и литературы («А.Н.Майков и педагогическое значение его поэзии», Рус. Школа, 1898, №№ 2-3).

13 марта Н.К.Михайловский писал Н.С.Русанову: «Вы заметили может быть, что до сих пор в “Русском богатстве” ни одной драмы не было напечатано. Недавно из-за непринятой драмы [“Орхидея”], мы поссорились с Гариным (Михайловским), вследствие чего, вероятно, на обложке исчезнет имя издательницы Н.В.Михайловской...» (РГБ, ф. 358, карт. 412, ед. 5).

16 марта вышел последний номер марксистской газеты «Самарский вестник», запрещенной министром внутренних дел на основании доклада Главного управления по делам печати от 15 марта, в котором говорилось, что газета задалась «целью знакомить своих читателей с выводами экономического материализма, проповедуемого школой Маркса» (А.С а н и н. «Самарский вестник» в руках марксистов. 1896-1897. М., 1933, с. 11).

9-13 марта в Москве в помещении Малого театра проходил Первый Всероссийский съезд сценических деятелей, в работе которого принимали участие драматурги А.И.Сумбатов-Южин, Вл.И.Немирович-Данченко, П.Д.Боборыкин, Е.П.Карпов, Н.И.Тимковский и др. (Р. Мысль, № 5).

«Через все доклады, дебаты и речи» проходит одно мнение: «театр падает, искусство деградирует, актеры все более и более бедствуют («О театре», Р. Вед., 22 марта). Причина — в апатии интеллигентного зрителя, которому нужен театр идей, а не театр чувств, т.е. мелодрама. Особое внимание съезд уделил вопросу о народном общедоступном театре (Р. Бог., № 5). А.Скопинский [А.А.Шевелев] призвал к «строгому правительственному контролю» над репертуаром и постановками частных театров, где актеры — «отбросы общества» («Нечто о “свободе” театра», Р. Сл., 15 марта).

С 25 марта по 10 апреля в связи с сильным легочным кровотечением А.П.Чехов находится в московской клинике А.А.Остроумова, где его 28 марта посетил Л.Толстой.

Г.Гауптман — «Потонувший колокол. Сказка-драма». СПб.: тип. А.Суворина, 1897, тираж — 40 (перевод В.П.Буренина, печатался также в янв.-марте в прилож. к Н. Вр.).

Автор журнала марксистской ориентации В.Вановский подошел к пьесе «под углом классового сознания», но отметил, что автор ее «стоит выше классовых перегородок»; его мастер Генрих — «не перерожденный буржуа, не аграрий, но и не демократ», он просто «человек», это «лебединая песня индивидуализма», взятого в самой «возвышенной форме»; но для «великих целей» нужна «многомиллионная грудь массы», которая представлена в драме как «суеверная, невежественная толпа» (Н. Сл., № 12, сент.). Пьеса удовлетворяет «современному вкусу к таинственному и мистическому», пытается примирить «социализм с нищенством» (Пл.Н.Краснов, «Загадочная драма», Кн. Нед., 1898, № 1).

Вышли 5 и 6 тома Собрания сочинений Г.Ибсена, СПб.: изд. И.Юровского, 1897, тираж — 5000 (каждый том). В 5-м томе — этюд профессора Алексея Н.Веселовского.

Скриба [Е.А.Соловьев] отмечал, что 6-томное Собрание сочинений Ибсена издано без всякого плана, в плохих переводах, но с «прекрасным этюдом Веселовского», который может усилить «и так уже до психических размеров разросшийся у нас “ибсенизм”». Между тем «северный отшельник» — вовсе не «учитель жизни», а

лишь «ворчливый старик», стоящий в стороне от жизни и могущий «посоветовать лишь героическую смерть», при этом его пристрастие к «героизму» не имеет определенной цели: он не касается главных вопросов современности (рабочее движение, милитаризм, исцание веры) (Нов., 4 сент.).

Апрель

А.П.Чехов — «Мужики» (Р. Мысль, № 4*).

«За последние годы ни одно беллетристическое произведение не вызывало столько разговоров», — констатировал Н.К.Михайловский (Р. Бог., № 6). «Успех “Мужиков”, — вторил «Северный вестник» (№ 6), — напоминает те времена, когда появлялся новый роман Тургенева или Достоевского. О небольшом рассказе г. Чехова не только заговорили, но — можно сказать — загалдели; в журналистике появилось оживление, которого давно уже не было». «Судя по отзывам со всех сторон, — сообщал Чехову Вл.И.Немирович-Данченко, — ты давно не имел такого успеха» (Сочинения. Т. 9, с. 515). «...Твои “Мужики” — величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, — писал А.И.Сумбатов-Южин, — по крайней мере для русского человека... Удивительно высок и целен твой талант в “Мужиках”. Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного, шекспировского рисунка; точно ты не писатель, а сама природа» (Там же, с. 516).

Л.Н.Толстой выразил недовольство: «Рассказ “Мужики” — это грех перед народом. Он не знает народа», «взял одни только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать» (А.П.Чехов. Сочинения. Т. 9, с. 527).

В одном из первых откликов И-т [И.Н.Игнатов], отметив умение автора сконцентрировать на немногих страницах огромный мир, указывал на «мрачность и безнадежность» рассказа, оставляющего далеко позади толстовскую «Власть тьмы», в которой есть преступление, но есть и «нравственная чистота» (Аким), тогда как в «Мужиках» «все описываемое ordinarily, обыденно и страшно». Однако не объективизм руководил писателем, а пессимизм с затаенным состраданием (Р. Вед., 19 апр.). К.Медведский нашел, что

* В 1897 г. «Мужики», вошедшие вместе с «Моей жизнью» в книгу Чехова «Рассказы» (изд. А.С.Суворина), выдержали четыре издания по 1000 экз., в 1898 г. — еще два и в 1899 — одно в 2000 экз.

автор «не сделал ни малейшего отступления от трафаретки известного сорта “народнических” рассказов», с их «бьющей в глаза фальшью» и «антихудожественностью», так что под рассказом можно было бы поставить имя Каронина-Петропавловского (Моск. Вед., 24 апр.). Фингал [И.Н.Потапенко] поставил «Мужиков» выше «Хозяина и работника» Л.Толстого (Н. Вр., 20 апр.). Л.Е.Оболенский сетовал, что в талантливом рассказе Чехова не показаны «великие моральные задатки и семена в душе простонародья» («Народ в жизни и народ в литературе», Од. Л., 29 апр.). А.М.Скабичевский признавал: рассказ «производит впечатление ошеломляющего удара, от которого долго не можешь опомниться»; «ужас овладевает вами тем более, что это правда, правда, тысячу раз правда» (Сын От., 25 апр.). Позднее Скабичевский отмечал, что и «порицатели», и «восхвалители» рассказа Чехова «стоят на ложной почве»: «воображают, что под Холуевкой нужно разуть русскую деревню вообще» (Р. Мысль, 1899, № 4, отд. II, с. 4).

М.О.Меньшиков посвятил «Мужикам» критическую заметку (Кн. Нед., № 5), на которую Чехов откликнулся 14 июня: «Ваша статья о “Мужиках” вызвала во мне много мыслей, подняла в моей душе много шума...» (т. 7, с. 14). Чехов, писал Меньшиков, «на 26 страницах крупной печати каким-то волшебством выводит чуть ли не всю стомиллионную массу мужиков, жизнь целого океана земли русской в подводных глубинах его». «Читая точно кованные из дорогого металла рассказы Чехова, ощущаешь огромный удельный вес потраченного материала: ни одной лишней буквы. Мысль сжата у него до ее идейной сути и обладает упругостью заведенной пружины». Вопреки почти всеобщему мнению о «хмуром пессимизме» писателя, Меньшиков отметил «пленительную чеховскую свежесть, едва уловимые настроения прекрасной, бодрой души, все созерцающей точно в солнечном свете».

Эту высокую оценку пытался оспорить Ч.Ветринский, утверждая, что Меньшиков «потерял чувство меры», как и те рецензенты, которые сравнивали «Мужиков» с произведениями Толстого и Тургенева (Н. Л., 6 июня и Обр., № 7–8). Против «превознесения до небес» «Мужиков» выступил Скриба [Е.А.Соловьев], увидевший в рассказе «нечто очень микроскопическое», ибо Чехов неспособен «возвыситься до художественного синтеза», от таланта его осталась «лишь одна труха», им владеет даже не пессимизм, а «душевный маразм, духовное бессилие, соединенное с робостью и даже трусостью мысли и чувства» (Нов., 1 мая).

Основной бой вокруг «Мужиков» возгорелся после появления статьи Novus'a [П.Б.Струве] в майском номере «Нового слова»

(№ 8). Провозгласив закат «литературной эпохи без аннибаловской клятвы», т.е. восьмидесятиничества, Струве назвал «Мужиков» первой ласточкой, предвещающей приближение к новой литературной эпохе, когда искусство перестанет морализировать. Пусть рассказ развертывает «ужасающую картину человеческой зоологии, или даже деревенского озверения, т.е. процесса превращения человека в животное», его достоинством, а не недостатком, как полагают «Русские ведомости», является отсутствие светлых образов вроде толстовского Акима, так как олицетворенное «непротивление злу» есть худшее среди «прочей тьмы и грязи», собранной Л.Толстым. Даже если бы половой Николай Чикильдеев явился в деревню в роли «эксплуататора, кабатчика или кулака», то и тогда он представлял бы «высший тип человеческой личности», ибо условия развития человеческой личности более благоприятны в городе.

Рецензент «Северного вестника» (№ 6) возражал П.Б.Струве, сводящему художественное значение «Мужиков» к прямолинейному комментарию к современным спорам о деревне и городе, да еще с намерением показать превосходство «трактирной цивилизации» над деревенским миром.

Н.К.Михайловский охарактеризовал «Мужиков» как вещь «недоделанную, отзывающую черновиком», лишенную «общей идеи», и критиковал Струве за механическое противопоставление городской культуры деревенской. Нельзя, утверждал Михайловский, видеть в деревне сплошной мрак, а в «горьком каторжном существовании рабочего человека» в городе этого мрака не замечать (Р. Бог., № 6).

С.А.Венгеров писал Н.К.Михайловскому 18 июля по поводу этой статьи: «Весьма рад отпору, который Вы дали чрезмерным и подчас прямо нелепым восторгам “Мужиками” Чехова. Как литературный “документ” — для характеристики самого Чехова и нашей милой привычки либо ручку пожалуйте, либо в морду, — рассказ очень любопытен и даже важен. Но как произведение художественное — это какое-то невероятное смешение беллетристики и публицистики. Нельзя отделить, где рассказ и где обобщение...» (ИРЛИ, ф. 181, ед. 118).

В своем ответе Н.К.Михайловскому в октябрьском «Новом слове» (№ 1) Novus [П.Б.Струве] настаивал, что преодолеть «идиотизм деревенской жизни» (К.Маркс) может лишь нарождающийся в деревне капитализм, сельская буржуазия, «общественного смысла» которой Михайловский не признает.

А.Б. [А.И.Богданович] усматривал огромное общественное значение «Мужиков» в разрушении народнической идеализации де-

ревни. Чеховская повесть показала, что в деревне нет сил, способных принести спасение от зол капитализма, она сама ждет спасения извне (Мир Б., № 6). М.А.Протопопов писал, что Чехов хочет «ковшиком» вычерпать «мужицкое море», но вышедшая в свет под одной обложкой с «Мужиками», «Моя жизнь» никак не свидетельствует об апологетическом отношении Чехова к капиталистическому городу (Од. Нов., 16 окт.). П.Засодимский упрекал интеллигенцию в смаковании картин, изображающих народную темноту и невежество («Власть тьмы» в культурной среде», Сын От., 11 дек.). П.Ф.Гриневич [Якубович] писал, что «в высокоталантливой прозе г. Чехов изображает мужиков-скотов и не более возвышенных героев из культурного общества», с его «легкой руки» мужик — «опять становится у нас бранным словом» (Р. Бог., 1898, № 8, отд. II, с. 95, 105). М.А.Энгельгардт, назвавший «Мужиков» «плохенькой повестушкой», сожалел, что с некоторых пор «оплевание мужика» «вошло в моду у наших прогрессистов»: «стоило штудировать Маркса, чтобы привести нас к идеалам Держиморды!» («Оклеветание мужика», Нов., 12 ноября). Ему возражал Скриба [Е.А.Соловьев]: «теория Маркса» учит не «любви к русскому народу», а «уважению к фактам» («Марксизм и мужик», Нов., 15 ноября). Этот «маленький рассказик» оставил «крупный след в критической литературе». Чехов остался «прежним хмурым писателем», но совершил восхождение «от личности к классу»: «хмурюю в “Мужиках” является не единичная личность, потерявшая душевное равновесие, а коллективная, целый общественный класс, теряющий экономическое равновесие и мало-помалу ускользающий из-под «власти земли» (Ал.Потапов, «А.П.Чехов и публицистическая критика», Обр., 1900, № 1).

В повести была ненапечатанная по цензурным соображениям (и несохранившаяся) глава: «разговор мужиков о религии и властях» (письмо А.П.Чехова Ф.Д.Батюшкову от 24 января 1900 г.) (т. 9, с. 26). Чехов замыслил продолжение «Мужиков» (Сочинения. Т. 9, с. 344). Изображая жизнь вдовы и дочери Чикильдеева в городе, столь же убогую и безысходную, автор недвусмысленно показывает свое отношение к «трактирной цивилизации» с ее мнимым превосходством над жизнью деревни.

Н.И.Тимковский — «Приват-доцент» (Р. Мысль, № 4); дан образ интеллигента, который чувствует себя обойденным «живой жизнью» и пытается спуститься в низшие этажи жизни к «первобытным людям».

Помещенный рядом с «Мужиками» Чехова, рассказ Тимковско-го «вызывает впечатление чего-то давно уже прочитанного» (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 19 апр.).

Е. Чириков — «Хлеб везут (В летопись голодного года)» (Н. Сл., № 7, апр.); рассказ, развивающий мотивы «идиотизма деревенской жизни».

П.Д.Боборыкин — роман «По-другому» (Вест. Евр., №№ 1–4).

Скриба [Е.А.Соловьев] писал, что в романах Боборыкина «нет глубины, но захват жизни очень широк»; в изображении «другого» писатель совершил «ошибку торопливого обобщения», изобразив «старые добродетели» и «новых уродов»: «надменный, самолюбивый», «злой» марксист Шемадуров, напоминающий «прежнее изображение нигилистов», и эмансипе «последнего фасона» Студенцова (Нов., 24 апр.). Герои «разгуливают по страницам» романа, награжденные авторскими ярлыками: одинокий представитель 60-х годов, семидесятник, «пострадавший за народническую веру», марксист, все повернувший «по-другому», и «нечто вроде карикатурной Гедды Габлер» (С. Вест., №№ 4 и 5). К представителям «новых течений» автор «относится с нескрываемою враждебностью, во многом совершенно основательною»: марксист Шемадуров «ничем себя не заявил, кроме тенденциозной нетерпимости и мелочной вражды очень дурного тона к своим противникам-народникам» (Ч.Ветринский, Обр., № 5–6). Удачная тема — сопоставление людей трех-четырех поколений, всякая страница дышит «подлинной, настоящей современностью», нельзя судить о романе «с точки зрения чисто-эстетической критики». Выбор центральной фигуры — «жрицы эстетизма» — доказывает художественное чутье писателя, «проявившего истинно героическую доблесть, срывая с этого культа красоты... его... обманную оболочку» ([П.Ф.Николаев], Р. Мысль, №№ 1 и 5, Периодич. Изд.). Избрав натуральную школу Золя, Боборыкин погиб как художник (К.Медведский, Моск. Вед., 20 апр.). Статья В.Иванова [В.И.Засулич] «Плохая выдумка» содержала протест против искаженного изображения борьбы между марксистами и народниками: «травля» убежденного семидесятника Рассудина, вернувшегося из ссылки, показана автором со «злыми намерениями» — возбудить негодование против марксиста Шемадурова (Н. Сл., № 12, сент.).

В апрельском «Новом слове» (№ 7) начал печататься цикл статей Н.Каменского [Г.В.Плеханова] «Судьбы русской крити-

ки», продолжавшийся до ноября, т.е. до закрытия журнала. Идеалистической «философской критике» А.Волынского Плеханов противопоставил критику, рассматривающую историю литературы в связи с историей классов, и, в частности, утверждал, что к такой точке зрения пришел Белинский в «последние годы своей жизни».

В апрельском номере «Русского богатства» рядом с именем В.Г.Короленко появляется имя второго издателя — Н.К.Михайловского, приобретшего права издания у жены Н.Г.Гарина-Михайловского, Н.В.Михайловской. Однако имена фиктивных редакторов П.Быкова и С.Попова еще три года значились на обложке журнала, так как действительные его руководители Короленко и Михайловский не получали разрешения поставить свои имена в качестве редакторов. По этому поводу заведующий редакцией А.И.Иванчин-Писарев писал 19 апреля П.Ф.Якубовичу: «Слава Богу, отделались от одной фикции и массы беспокойств, которые по временам выпадали на нашу долю от г. Гарина: чуть усомнишься, бывало, в достоинствах его произведений, обидится, как малый ребенок, и кричит: “В таком случае ухожу из журнала и снимаю имя жены с обложки”. А вся цена-то этому имени заключалась в том, что большинство подписчиков думали, будто Н.В.Михайловская — жена Николая Константиновича» (ИРЛИ, ф. 648, ед. 42).

П.Г.Ганзен — «Современная норвежская литература в изображении Б.-Бьернсона» (С. Вест., № 4; перевод ст. норвежского писателя). Это литература «отважного, свободолюбивого» народа, «тяготеющего к светлым, здоровым идеалам и в жизни, и в творчестве». Мрачные настроения Ибсена вызваны «не болезненностью, а протестом возмущенной души», даже «необузданный малый Гамсун сознает себя завербованным на службу родине». П.Ганзен добавляет, что норвежские писатели «ко двору пришли» в России, в частности, «Северный вестник» (1896, № 5) напечатал «Пана» Гамсуна под названием «Лесной человек».

А.Рейнгольд — «Герман Зудерман. Критический этюд» (С. Вест., № 4). В произведениях немецкого драматурга соединены «элементы романтизма, натурализма, а теперь и символизма» «в умеренной... гомеопатической дозе». В отличие от Ибсена, он не считает современное общество «обреченным» и хотя «изображает его во всей... испорченности», но «стоит всецело

на почве» этого общества; примыкает скорее к французской школе (Дюма-сын, Сарду), чем к немецкой (Гауптман).

Льдов К. — «Лирические стихотворения». СПб., 1897, тираж — 1000. В предисловии автор говорит, что время поэзии «гражданской скорби» прошло и наступила эпоха «вековых запросов духа», а также благодарит А.Волынского, идеи которого отразились на его «лирическом творчестве».

Автор, «холодный декадент и бездушный ритор» (Кор. А-н [А.А.Коринфский], Сев., № 20, 18 мая, Библиограф. Обзор.). «Несомненные достоинства» («сердечные ноты», красивый, звучный стих, «идеалистические порывы к красоте») уступают двум крупным недостаткам: «он мало оригинален и крайне однообразен, не глубок и подчас напыщен» (Мир. Б., № 7, Библиограф. Отд.). «Расслабленный духом и нервами ученик» А.Волынского стремится к «вековечному», но это оборачивается «пустой фанфаронадой»; в его «любовных излияниях» «много фразистости и мало сердечности» (П.Ф.Гриневиц [П.Ф.Якубович], «Обзор нашей современной поэзии», Р. Бог., № 9).

Май

Л.Мельшин [П.Ф.Якубович] — «Юность. Из воспоминаний неудачницы» (Р. Бог., №№ 4 и 5).

Н.К.Михайловский нашел повесть «очень интересною», но в цензуре она «пострадала»: «Короленко, имеющий хождение в цензурный комитет, торгуется» (письма Н.К.Михайловского П.Ф.Якубовичу, Р. Бог., 1910, № 1, с. 241, 243).

В переписке ссыльного автора с В.Г.Короленко повесть именовалась «нашим романом», т.е. повествованием из жизни «целого поколения», кончившего свои дни в «местах отдаленных». Короленко считал, что не только цензурные условия мешают появлению такого романа, «но и недостаток объективности»: мы «сами еще не можем посмотреть назад с достаточным спокойствием» (Избр. письма в 3-х т. Т. 3. М., 1936, с. 113–115).

К.Медведский нашел, что «честная беллетристика» ничего не имеет за душой: «ни таланта, ни ума, ни живых наблюдений» (Моск. Вед., 8 мая).

В майском номере «Нового слова» (№ 8) помещена статья Н.К. [Г.В.Плеханова] «Н.И.Наумов»: «По странной иронии судьбы, лучшим беллетристам-народникам пришлось изображать торжество нового экономического порядка, который, по

их мнению, не сулил России ничего, кроме всякого рода материальных и нравственных бедствий... Надо надеяться, что с исчезновением народнических предрассудков у нас явятся писатели, сознательно стремящиеся к изучению и художественному воспроизведению положительных сторон этого процесса. Это будет большим шагом вперед в развитии нашей художественной литературы. И, чтобы сделать такой шаг, художникам не нужно заглушать в себе то сочувствие к народной массе, которое составляло самую сильную и самую симпатичную сторону народничества» (Г.В. Плеханов. Литература и эстетика. Т. II. М., 1958, с. 339). В том же номере была напечатана безымянная рецензия, написанная Г.В. Плехановым, о книге В.П. Быстренина «Житейские были» (М., 1895), автор которой сумел «совершенно отделаться от народнических предрассудков» и может принести пользу читающей публике. В июньском и августовском номерах «Нового слова» были помещены очерки В. Быстренина «Ищущий правды» и «Сын народа»; последний посвящен облюбленной журналом теме «идиотизма деревенской жизни» и был отвергнут В.Г. Короленко: «Серо, скучно, плоховато» (Ред. книги. РГБ, ф. 135/1, карт. 21, ед. 1328).

П.Ф. Гриневич [Якубович] — «Певец большого поколения» (Р. Бог., № 5). Огромный интерес к Надсону, выразителю «искренних страданий лучшей части общества», поэту, чьи стихи за 10 лет разошлись в 50000 экз. (в противоположность малой популярности А.А. Фета), хотя те, кто ищет в его стихах «главным образом эстетического удовольствия», могут ощутить скуку. Надсон близок к «самоотверженному народолюбцу» Гаршину, но его отчаяние «бывает временами безотраднее и мрачнее». Современная поэзия отражает ту «неврастению духа, на почве которой и распускаются так пышно болотные цветы жеманного и узколобого декадентства», охладевшего ко всем «высоким словам»: любовь к человечеству, к родине, гражданский долг и честность.

А. Волынский — «Литературные заметки» (о Н.С. Лескове) (С. Вест., №№ 1-5; отд. изд. вышло в апреле 1898 г.: «Н.С. Лесков. Критический очерк». СПб., 1898, тираж — 1200). В связи с выходом 2-го изд. собрания сочинений в 12-ти томах (СПб.: изд. А.Ф. Маркса, 1897) дает характеристику «громдного, поразительного таланта» писателя, у которого, однако, отсутствует «цельность внутреннего кругозора», что приводит к потере художественного такта. Романы «Некуда» и

«На ножах», а также статьи о петербургских пожарах начала 60-х гг. определили всю литературную карьеру Лескова, и лишь в последнее время «ему довелось, наконец, получить малозначашее прощение от современного русского либерализма».

Н.К.Михайловский (Р. Бог., № 6) оспаривает оценку Р.И.Сементковского, данную в предисловии к собранию сочинений Лескова, где он поставлен в один ряд с Гончаровым, Тургеневым, Достоевским, Л.Толстым*. В ответ на упреки Сементковского в критической тенденциозности Михайловский заявляет, что постарается увидеть в этом «резко тенденциозном писателе» «исключительно только художника», главная черта которого — «отсутствие чувства меры»: чрезмерные «словесные эффекты», создающие «странный язык», склонность к анекдотическим ситуациям, неумеренная растянутость, деление людей на «всесторонних извергов» и «праведников», «безмерное» пристрастие к изображению дворовых «фанатиками рабской преданности», наконец, «политическая озлобленность» в отношении к современным партиям. «Писателю, столь во всех отношениях безмерному, не место в первых рядах литературы». Не согласился с оценкой Р.И.Сементковского и рецензент «Русской мысли» (№ 1): «огромный талант Лескова» исказил «общую картину пятидесятилетия русской жизни», «недоброжелательно» изобразив людей, «державших разно... мыслить».

Н.Ладожский [В.К.Петерсен] нашел, что оценка Волынского «глупо восторженная», а Михайловского — «по-старому глумливая», «учит видеть в Лескове писателя-ретрограда», между тем он был «обличителем отрицательных сторон крепостного быта», «заслужившим ненависть православного духовенства» (СПб. Вед., 6 авг.).

В апреле 1898 г. М.Горький отозвался в письме к А.Волынскому на присланную книгу о Лескове: «Вы верно поняли этот оригинальный, своеобразный, удивительный талант, всегда приводивший меня в смущение своей радужной, спутанной игрой» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 256).

20 мая А.П.Чехов писал А.С.Суворину о В.В.Розанове и публицисте «Нового времени» Н.А.Энгельгардте: «У этой категории нет определенного мирозерцания, есть лишь громадное,

* Р.И.Сементковский полагал, что в вопросе «куда идти?» Лесков был единомышленником авторов «Взбаламученного моря», «Бессов», «Обрыва» и «Нови».

расплывшееся донельзя самолюбие и есть ненавистничество болезненное, скрываемое глубоко под спудом души, похожее на тяжелую могильную плиту, покрытую мохом» (т. 6, с. 360).

20 мая С.П.Дягилев послал письмо-воззвание Л.С.Баксту, Ал.Н.Бенуа, Ф.В.Боткину, А.М.Васнецову, А.Я.Головину, К.А.Коровину, Е.Е.Лансере, И.И.Левитану, С.В.Малютину, М.В.Нестерову, В.В.Переплетчикову, Е.Д.Поленовой, В.А.Серову, К.А.Сомову, М.В.Якунчиковой и др. с предложением поддержать организованное им в начале мая новое общество молодых художников и намеченную выставку акварели в музее барона Штиглица с 15 января по 15 февраля 1898 г.: «Русское искусство находится в настоящий момент в том переходном положении... когда принципы старого поколения сталкиваются и борются с вновь развивающимися молодыми требованиями». Молодые художники «могли бы доказать, что русское искусство... свежо, оригинально и может внести много нового в историю искусств» (Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. М., 1982, с. 24–25).

22 мая в отдельном кабинете московского ресторана «Славянский базар» встретились К.С.Станиславский и Вл.И.Немирович-Данченко. Это свидание, длившееся 18 часов, положило начало созданию нового театра (Ежегодник МХАТ. Т. 1. М., 1946, с. 26).

30 мая исполнилось 50 лет литературной и общественной деятельности редактора-издателя «Вестника Европы» М.М.Стасюлевича. «Мало имен в нашей общественной жизни можно указать столь безукоризненных и чистых, пользующихся общим уважением друзей и противников» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 6). Охранительное «Русское обозрение» (№ 7) отозвалось на юбилей: «Из органов нашей, так называемой “либеральной”, печати “Вестник Европы” ведется все же с наибольшей порядочностью, менее заметною узостью и иногда даже с признаками как бы некоторого беспристрастия».

Июнь

В «Русском богатстве» (№ 6) появилось новое литературное имя — бывший политический ссыльный Н.Тан [В.Г.Богораз] — «На стойбище (Очерк из чукотской жизни)».

Скриба [Е.А.Соловьев] объясняет преобладание этнографического элемента в современной беллетристике тем, что «якутскую область мы знаем... лучше, чем московскую губернию», т.е. политическими ссылками (Нов., 5 июня).

«Обилие беллетристики из жизни инородцев и скудость материала по части общерусской жизни», отмечал и Н.К.Михайловский в письме к П.Ф.Якубовичу от 7 октября: «Если и русские, так то в Америке, то в Румынии. И когда эта странная полоса кончится! Не в одном “Русском богатстве”, а и везде беллетристика скудная. Мы по крайней мере дали несколько новичков...» (Р. Бог., 1910, № 1, с. 247).

И.Л.Щеглов — пьеса «Затерянный мудрец» (Р. Вест., № 6).

Чехов писал А.С.Суворину: «Пьеса из жизни русских литераторов. Проникнута идейно-ненавистническим духом и фальшива...» (т. 6, с. 350).

Петербургское отделение Литературно-театрального комитета единогласно забраковало пьесу, мотивируя свой отвод «несимпатичными и бестактными тенденциями пьесы», а именно, выходками против высшего женского образования и антисемитизмом, как говорилось в письме Комитета в газету «Новое время» (20 ноября), посланном в ответ на статью Ив.Щеглова «“Шемякин суд” (по поводу собственной пьесы)» (Н. Вр., 31 окт.). Вслед за тем И.Щеглов потребовал упразднения Литературно-театрального комитета, а также отстаивал «выразительное и общеупотребительное слово “жид”» (Н. Вр., 10 дек.).

В июне К.Д.Бальмонт прочел в Оксфорде на французском языке четыре лекции «О современной русской поэзии», сообщает редакция «Северного вестника» (№ 8, отд. «Из жизни и литературы»), посвященные влиянию Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Фета на новейшую русскую поэзию, характеристику которой редакция признает «не лишенной своеобразности», но «страдающей односторонностью и преувеличениями».

Июль

П.Засодимский — «Повесть из давних лет» (Р. Мысль, №№ 6–7); изображает, как писал Присяжный читатель [А.А.Коринфский] (Сев., № 30, 27 июля), «ужасы крепостного права».

К.Медведский — «Отрицательная литература» (Моск. Вед., 3 июля). «Отрицательный реализм» со времен Гоголя укрепил-

ся в русской литературе и принят за «последнее слово» Щедриным и Гл. Успенским, которые равнодушно проходили мимо «чудных, столетних парков», описывая одних «униженных и оскорбленных» и вообще «негодных людей».

12 июля А. П. Чехов пишет А. С. Суворину: «Читаю Метерлинка... Все это странные, чудные штуки, но впечатление громадное, и если бы у меня был театр, то я непременно бы поставил “Les aveugles” [«Слепые»]... Публика наполовину идиотская, но провала пьесы можно избежать, написав на афише содержание пьесы, вкратце конечно...» (т. 7, с. 26).

22 июля В. А. Поссе пишет Горькому: «Направление “Нового слова” в главных чертах жизнеспособно... разве не слышится почти из каждой статьи “оптимизм будущего”, уверенность, что идеалы братства, равенства и свободы все яснее и яснее внедряются на темном фоне нашей действительности... Вы говорите, что Вам не нравится журнал в его делах, а не его уши, нос и т. д. Мне как раз наоборот — нос его часто меня раздражает, но в общем он внушает известное уважение. Он имеет убеждения, а они нераздельны с известной партийностью, и с этим приходится мириться» (Архив А. М. Горького).

М. Горький пишет А. Волынскому в конце июля: «Мне было очень лестно получить от Вас приглашение сотрудничать в “Северном вестнике”... ибо к Вам я отношусь как к мыслителю вполне оригинальному и как к мужественному человеку. Мне хотелось бы написать что-нибудь очень порядочное и достойное журнала, который Вы ведете с таким блеском» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 227).

М. В. Нестеров писал 7 июля А. А. Турыгину о готовящейся выставке новой живописи С. П. Дягилева: «Только вот худо в том, что, слышно, цель этой выставки есть не только выдвинуть таких художников, как Врубель и К. Коровин, но и забраковать многих им не симпатичных (Архипов)... Вот где зло и зло, которое может погубить все дело... Словом, я раньше всего “Член Товарищества передвижных художественных выставок”, а потом уже и проч., и проч. и проч.» 19 июля — ему же при чтении Шеллера-Михайлова: «Да, брат, наша литература и во вторых рядах имеет настоящие таланты: Писемский, Лажечников, Потехин — и этот немец — Шеллер, Успенских двое, из новых Чехов, Мамин-Сибиряк. В живописи мы, к сожалению, мало-

грамотны, а то бы тоже набрать можно немалое воинство. ... Русское искусство за короткое свое существование перенесло немало коренных потрясений; в иных случаях страдало само искусство, в других — школа...» (Письма. Л., 1988, с. 160, 161).

Август

А.П.Чехов заносит в записную книжку: «За новыми формами в литературе всегда следуют новые формы жизни (предвестники), и потому они бывают так противны консервативному человеческому духу» (Сочинения. Т. 17, с. 48).

М.Горький — «Озорник» (С. Вест., № 8).

Рассказ был послан в конце 1896 г. в редакцию «Русского богатства» и отвергнут В.Г.Короленко: «Очень плохо — претенциозно и выдуманно» (М.Горький. ПСС. Т. 3, с. 570).

«Ваш “Озорник” мне очень понравился, — пишет В.А.Поссе Горькому 23 августа. — Каждая Ваша самая маленькая вещица отмечена оригинальностью... Ужасно жаль, что Вы все только взмахиваете своими крыльями, но каждый взмах значительнее всех полетов таких писателей, как Потапенко, Боборыкин, Баранцевич и т.д.» (Архив А.М.Горького).

А.М.Скабичевский писал, что русский человек в массе своей принадлежит к числу «кротких и незлобивых существ», но попадают и «выродки», непригодные для жизни, — протестующие типы. «У Коновалова строптивость является лишь в виде мучительной тоски, влекущей его к запою и бродяжничеству. Гвоздев же — строптивый человек в истинном и буквальном смысле этого слова. Откуда же берутся подобного рода типы?» («Типы строптивых людей среди народа», Сын От., 22 авг.). Рецензент «Книжек Недели» (№ 9) признал, что рассказ «Озорник» представляет «некоторый интерес», так как в нем изображен тип, «очевидно нарождающийся». [П.Ф.Николаев] называет Горького писателем «не только просто любопытным, но и любопытнейшим», сумевшим ввести «в салоны российской беллетристики новые общественные слои» — сословие обескураженных («Челкаш», «Коновалов», «Озорник»), не имеющее ничего, кроме единственного достоинства — человеческой личности. Но озлобление «Озорника» «беспредметно, безыдейно, неинтеллектуально» (Р. Мысль, № 9, Периодич. Изд.).

С.Елпатьевский — «Миша» (Р. Мысль, № 8); сатирически изображенный тип вымирающего, но не унывающего русского дворянина (Р. Мысль, 1898, № 3). Очерк написан для «Русского богатства» в начале 1896 г., но не был пропущен цензурой; передан, по просьбе автора, в «Вестник Европы», где также не смог появиться (письмо Н.К.Михайловского К.К.Арсеньеву от 29 мая 1896 г. РГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. 60).

В августовской книжке «Русского богатства» появляется новое писательское имя — С.Иошкевич [С.С.Юшкевич]: «Портной (Из еврейского быта)».

18 ноября 1896 г. В.Г.Короленко писал автору: «Мы надеемся преодолеть цензурные затруднения, которые относительно рассказов из еврейского быта являются сугубыми. Быть может, придется для этого... пожертвовать заглавием “В черте оседлости”... Мы встретим с интересом Ваши дальнейшие работы» (Избр. письма в 3-х т. Т. 3. М., 1936, с. 117–118).

Д.Мережковский — историческая повесть «Микель Анжело» (Бирж. Вед., 17 июля — 4 авг.).

Сентябрь

Е.Чириков — повесть «Инвалиды (Из жизни нашей интеллигенции)» (Н. Сл., № 11–12, авг.–сент.).

Критика народнической интеллигенции была воспринята А.Скабичевским как «дрянной пасквиль», написанный «в духе беллетристики Страстного бульвара» (Сын От., 28 ноября). Чириков «дожил до радостного сознания господства капитализма» и потешается над «жалко-комическими» народниками ([П.Ф.Николаев], Р. Мысль, №№ 10 и 11, Периодич. изд.). Скриба [Е.А.Соловьев], назвавший себя марксистом, выражал недовольство неуважительным отношением в повести Чирикова марксистов к народничеству, которому они многим обязаны; герой «Инвалидов» — «рыцарь печального образа», «бесконечно жалкий», но «вырастающий во весь рост своими святыми словами: “нельзя быть жестоким к людям”» (Нов., 30 окт.). «Русский вестник» (№ 11), наоборот, возликовал, увидев в повести разоблачение своих бывлых врагов, революционных народников. Н.Ладожский [В.К.Петерсен] назвал повесть «лучшей вещью текущей беллетристики», показавшей «ожесточенную борьбу одолевающих своих противников марксистов» (СПб. Вед., 23 сент., 7 окт.). В.А.Мякотин подчеркнул «трогательное единение» «Нового слова» с «Русским вестни-

ком» в «насмешливом тоне несомненного превосходства» в отношении к 70-м годам («Новые слова о старых деятелях», Р. Бог., № 11). Н.К.Михайловский увидел в повести «опыт художественного оплевания «идеалов отцов и дедов»» (Р. Бог., 1899, № 1, отд. II, с. 99). К.Медведский назвал «Инвалидов» «марксистской повестью», где герой-народник — «бесплодная смоковница», а марксисты — «тех же шей, да пожиже влей» (Моск. Вед., 13 ноября).

П.Ф.Гриневич [П.Ф.Якубович] — «Обзор нашей современной поэзии» (Р. Бог., №№ 8 и 9). Отметая в сторону многочисленных псевдопоэтов, разного рода версификаторов, к числу которых отнесен и А.А.Коринфский, «мыльный пузырь на ниве русской поэзии», а также таких поэтов, как Я.Полонский и А.Жемчужников, являющихся «живыми памятниками» в литературе, Гриневич выделяет в качестве центральных фигур современной поэзии Н.Минского с его «холодными виршами», Д.Мережковского, откровенно прославляющего «зло», К.Фофанова («грубый талант-самородок», но «поэт абсолютно беспринципный»). Бальмонт, Сологуб и Брюсов талантливы, но это не должно помешать «со смехом или равнодушным пренебрежением встретить их шутовские в своей серьезности и нелепые в красивой звучности песнопения»; одна строка Брюсова о «бледных ногах» гораздо больше повредила декадентам, чем все критические отзывы, вместе взятые. Невеселую картину поэтической современности Гриневич заключает надеждой, что «на смену нам идет молодое поколение — бодрое, жизнерадостное, проникнутое живым интересом к вопросам научным и естественным».

Вл.Соловьев — «Судьба Пушкина» (Вест. Евр., № 9; отд. изд. СПб.: тип. М.Стасюлевича, 1898, тираж — 1200). Против «эстетического идолопоклонства» перед Пушкиным, которое встает «выше различия между добром и злом», забывая, что гений — «в высшей степени обязывает»; против «личных и партийных требований» как в критике Писарева («замечательного писателя», с его «ясностью и последовательностью»), так и у современных новых течений, прикладывающих к Пушкину «ломаный аршин нищеанского психоанализа». Статья содержала облетевшую тогдашнюю прессу фразу: «Пушкин убит не пулею Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна».

Позицию Соловьева И-т [И.Н.Игнатов] (Р. Вед., 26 сент.) сравнил с философией Пангласа из вольтеровского «Кандида», а А.Б. [А.И.Богданович] (Мир Б., № 10) — с выступлением

В.В.Розанова, писавшего о Ходынской катастрофе как о «великом искуплении» царубийства 1 марта. В.Розанов нашел, что Соловьев неверно понимает христианство как предписание практической пассивности, но христианство активно и включает «весь круг человеческих страстей», в том числе и дуэль («Христианство пассивно или активно?» Н. Вр., 28 окт.). Соловьев — проповедник, а не светский писатель: вместо «исторического Пушкина», он дает «схематический образ» (Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 11 сент.). Вл. Соловьеву «мало гениальности Пушкина, он хотел бы от него святости, он требует от него не самообладания... а самоотречения» (М.А.Протопопов, Р. Мысль, 1898, № 7, отд. II, с. 180). «Вл.Соловьев со спокойной совестью произнес над памятью поэта-язычника христианскую анафему» (Д.С.Мережковский, «Праздник Пушкина», Мир Иск., 1899, № 13–14).

23 сентября М.В.Нестеров спрашивал А.А.Турьгина о Дж.Рескине, теоретике английской школы прерафаэлитов: «В чем кроется убеждение Рескина в том, что *это* нужно и что *это* именно и есть *то самое*. В таких случаях делается страшно, тут бывает часто “пустосвятство”, та глупая “стасовщина”, которая уперлась лбом во что-либо и... брыкает копытами на все остальное, и это... приносит прогрессу (если таковой может существовать) не пользу, не услугу, а острый, долго непоправимый вред» (Письма. Л., 1988, с. 162).

Октябрь

М.Горький — «Супруги Орловы (набросок)» (Р. Мысль, № 10).

«Набросок этот стоит во многих отношениях целого романа», о нем «много и горячо говорят в обществе». Рецензент увидел в Григории Орлове своеобразный тип философа-пессимиста, а в сценах, изображающих холерные бараки, уступку «жалкой тенденции о необходимости искупления путем службы меньшему и страдающему брату» (Н.Ладожский [В.К.Петерсен], СПб. Вед., 25 ноября). А.Скабичевский отнес героя рассказа вместе с Коноваловым и «озорником» к «самоанализирующим философам в романтическом духе», «что твой Карл Моор» (Сын От., 7 ноября). В.Преображенский увидел в рассказе напоминание о том, что в простонародье живут «высшие духовные запросы и стремления», которые требуют «разумного выхода» (Од. Нов., 21 ноября). В.Чуйко сравнил рассказ Горького с «Мужиками» Чехова «по своей беспощадной правде» и «безнадежному пессимизму», а в позиции писа-

теля пытался увидеть позицию «современного народника», специализирующегося на изображении «быта рабочих» («Новь», 1 дек.). Отрицательно был оценен рассказ в «Книжках Недели» (№ 11), в заметке «Неудачный Печорин из народа».

Скриба [Е.А.Соловьев] дает характеристику «новым писателям» — Бунину, Чирикову и др., которые «склонны к меланхолически безотрадному взгляду на жизнь»; в литературе нет «ничего бодрого, энергичного, смелого»; она изображает «Сахалин, пропойцу, туберкулезный менингит». Между тем в 70-е годы, несмотря на общий мрачный колорит, литература умела показать борющегося человека. Бунин «нежно и сострадательно относится ко всем своим героям», но у него «не сильное и не крупное дарование» (Нов., 23 окт.).

Н.Михайловский — «Литература и жизнь»: «О новых словах и “Новом слове”» (Р. Бог., № 10). Poleмика с марксистами, в частности, со статьей Каменского [Г.В.Плеханова] «О материалистическом понимании истории» (Н. Сл., сент.) и заметкой П-ва «Капитал идет!» (Н. Сл., июль). Автор этой заметки утверждал, что «дни наши стали светлее, радостнее», потому что «вырос, окреп и властно заявил о своем существовании капитализм». Михайловский отвечал: «“Капитал идет!” — это несомненно, но вопрос о том, как его встретить. Пусть не говорят также о тех грядущих благах, которые принесет с собой дальнейшее развитие капитализма. Не говоря о проблематичности этих благ, надо же во что-нибудь ценить здоровье, жизнь, честь современников, которые “до радостного утра” не доживут».

М.Горький пишет А.Волынскому в октябре 1897 г. о журнале «Северный вестник»: «Это лучший русский журнал, ибо он говорит новое слово, настоящее русское и нужное для жизни. Если люди перестанут быть идеалистами — что отличит их от зверей? На сотрудничество у Вас я смотрю, как на честь для себя...» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 242).

8 октября С.П.Дягилев пишет Ал.Н.Бенуа о будущем журнале «Мир искусства»: «Теперь проектирую этот журнал, в котором думаю объединить всю нашу художественную жизнь, т.е. в иллюстрациях помещать истинную живопись, в статьях говорить откровенно, что думаю, затем от имени журнала устраивать серию ежегодных выставок, наконец, примкнуть к журна-

лу новую... отрасль художественной промышленности» (Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. М., 1982, с. 28).

И.Е.Репин — «В защиту новой Академии художеств» (Кн. Нед., № 10).

В.В.Стасов откликнулся в письме к Л.Н.Толстому от 29 октября: «Он проповедует “искусство для искусства”, ненужность *содержания*, надобность одной только *виртуозности*; наконец, великость и значительность “декадентства”, “символизма” и прочих современных безобразий. Что нынче с Репиным делается...» (Л.Толстой и В.В.Стасов. Переписка 1878–1906. Л., 1929, с. 208). М.В.Нестеров заметил в письме к А.А.Турыгину от 7 ноября 1897 г., что Репин «по обыкновению, «наводит тень», но нельзя «отвергать, что он — “мужичонка задорный...”» (М.В.Нестеров. Письма. Л., 1988, с. 165).

Ноябрь

А.П.Чехов — рассказы «Печенег» и «В родном углу» (Р. Вед., 2 и 16 ноября).

В.Г.Короленко — «Над лиманом (Из записной книжки путешественника)» (Р. Бог., № 11).

«Нужен художественный талант г. Короленко,— писал И-т [И.Н.Игнатов] (Р. Вед., 19 дек.),— чтобы из мимолетной встречи создать такие образы, которые могут символизировать собой отношение участников к делу во всякой борьбе за трудно достижимое». Ч.Ветринский видел в очерке Короленко ярко изображенный «процесс влияния культуры на различные формы религиозного фанатизма» (Н. Л., 23 дек.). «Это настоящий художник эпохи перелома в общественной жизни... как публицист — это деятельный и глубокий вдумчивый писатель, как художник — это поэт смутных, раздумчивых, переполненных грустью настроений» ([П.Ф.Николаев], Р. Мысль, 1898, № 1).

П.Ф.Якубович отозвался на очерк Короленко «Над лиманом» в письме к С.Е.Кривенко от 31 января 1898 г.: «Он дышит обычным у К[ороленко]. благородством. О талантливости очерка можно, конечно, различно судить...» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 345).

М.Горький — «Бывшие люди (очерк)» (Н. Сл., №№ 1 и 2, окт.–ноябрь).

Все ценное, что есть в героях, «дано им только и исключительно городом». «...Протест — вот слово, которое может служить ключом к пониманию босяцкой психологии в изображении г. Горького», но «будет очень жаль, если он весь уйдет на босяцкую психологию» (Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 4 дек.). Автор отдает свой сильный талант описанию «несчастных подонков общества», но это не правда природы, а «правда более высокая, правда творческая», «создающая образы, полные художественной силы» (Н.Ладожский [В.К.Петерсен], СПб. Вед., 18 ноября). «Каждый из обитателей ночлежного дома, — констатировал И-т [И.Н.Игнатов] (Р. Вед., 11 ноября), — является... носителем важных общественных и нравственных запросов», однако «подобные типы уже бесконечное число раз фигурировали в нашей литературе» — «и в качестве “протестующего элемента”, и для доказательства сохранения “божьей искры” на низших ступенях падения». «Задачи г. Горького, — писал Н.К.Михайловский, — лежат где-то в стороне от грубого противопоставления деревни и города», его «бывшие люди», будучи «отверженцами из отверженцев», ненавидят не только мужиков (как Тяпа), но и купцов (как Кувалда) и ко всем другим общественным слоям относятся свысока, «и в каких-то отношениях действительно имеют это право». «Главный философ» ночлежки «стоит на точке “переоценки всех ценностей”... как сказал бы Ницше», стирает общепринятые границы между добром и злом и своей смелостью «импонирует окружающим», однако люди типа Кувалды «выше всего ставят мотивы властного, повелительного воздействия, которое способны доводить до жестокости и мучительства» (Р. Бог., 1898, №№ 9 и 10).

В.Вересаев — «В одиночку (Из летних встреч)» (Н. Сл., № 2, ноябрь). Автор противопоставляет два типа рабочих: один — хочет устроить свое благополучие «в одиночку», перебравшись в деревню, другой — уезжает в Петербург, на Обуховский завод, где существует дружная семья рабочих, объединенных общими целями и интересами.

Скриба [Е.А.Соловьев] — «Возрождение романтизма» (Нов., 20 ноября). «Романтизм, робко спрятавшийся в суровые и деловитые 60-е годы, снова... дает знать о себе, и притом очень осязательно» в произведениях Ибсена, Гауптмана, Бьернстjerne Бьернсона, Сенкевича, в философии Ницше — везде слышится «энергичная проповедь героизма и героического отношения к жизни». «И если крупница этих романтических порывов

перейдет в нашу застоявшуюся действительность, то, право, будет хорошо».

Пл.Н.Краснов — «Неоромантическая и мистическая поэзия» (Кн. Нед., № 11). «Пессимизм и отвращение к жизни» у Балмонта выражен в неоромантической форме («прославление эгоистической жизни только для себя»), у Сологуба — в склонности к мистике, к «узкому и душному мирозерцанию», от которого веет «даже не монашеской, а скорее тюремной кельей». «Новейшая русская поэзия всего охотнее занимается бесконечными, мнимыми и неопределенными величинами».

С.Дягилев — «Современная скандинавская живопись» (С. Вест., № 11). «В северном ветре должна донестись до Европы обновляющая струя свежей художественной силы»; в своих исканиях молодые художники опираются на народное прикладное искусство.

В ноябрьской книжке «Нового слова» появилась рецензия Н.Каменского [Г.В.Плеханова] на третье издание «Истории новейшей литературы» А.М.Скабичевского. Успеху издания, писал Г.В.Плеханов, «совсем не соответствуют внутренние достоинства книги», автор которой обнаруживает полное отсутствие всяких знаний в области западноевропейской мысли, без чего нельзя понять и историю духовного развития России.

Несколько ранее эта книга была оценена «Русским богатством» (№ 2) как интересная работа, не лишенная недостатков, и «Северным вестником» (№ 2) как образец «тенденциозной критики», раздающей «формуляры с отметками не по степени и размерам дарования писателей, а по большей или меньшей приверженности к известным публицистическим идеям».

6 ноября Д.С.Мережковский пишет П.П.Перцову: «Был я у Розанова... это необычайно умный и “проницательный человек”. Но чего-то страшно важного ему не хватает, какой-то внутренней чистоты и свободы. Перед Флексером он на задних лапках ходит, все надеется... печататься в “Северном Вестнике”... Кстати, Флексер... не предупредив, исклучил мое имя и З.Н. [Гиппиус] из списка сотрудников... это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леонардо да Винчи. Смердяковская у него сущность» (Р. Л., 1991, № 2, с. 172). По этому поводу П.П.Перцов писал В.В.Розанову 3 декабря: Волынский из-за того, что его редакторство «приобре-

тено не литературными правами, а посторонними обстоятельствами», вынужден «сторониться талантливых людей (не только Мережковского, которого он ненавидит лично, но и других многих) и окружать себя штатом безграмотных бездарностей, как Льдов, Геренштейн, Зин. Венгерова и пр., потому что одни ему дают деньги взаймы, другие льстят, третьи просто неопасны ... Разрыв его с Мережковскими, т.е. характер этого разрыва с *его* стороны (вычеркивание их из состава сотрудников без их ведома — после стольких лет дружбы!), меня *не* удивил. В нем нет нравственного чужья вообще... И вообще “Северный вестник” диаметрально противоположен “Русскому богатству”: насколько у этих гг. либералов все подчинено принципу, настолько здесь во всем проявляются личные счеты-расчеты “хозяина”» (П.П.Перцов. Литературные воспоминания. М., 2002, с.405).

21 ноября В.В.Стасов пишет Л.Н.Толстому: «...Все декадентское нынче сильно всех интересует, как *новинка*, как что-то *необычное*, как что-то идущее *вперед*, — в том числе и юношество, конечно, побезмозглее!» (Л.Толстой и В.В.Стасов. Переписка 1878–1906. Л., 1929, с. 210).

23 ноября З.Н.Гиппиус пишет П.П.Перцову: «Дела “Северного вестника” ужасно плохи, но этих господ не жаль, честнее закрыть дело, чем таскаться по грязи» (Р. Л., 1991, № 4, с. 128).

С ноября в Москве стала выходить новая газета либерально-демократического оттенка «Курьер»* (редактор-издатель Я.А.Фейгин). Первый критический обзор газеты, написанный Вл.Преображенским (21 ноября), был посвящен «новому писателю» — Горькому, герои которого — мятущиеся натуры, «алчущие правды», но «не находящие разумного исхода бродящим в них силам», они «неспособны довольствоваться только личной жизнью», им свойствен «общественный инстинкт и стремление к подвигу служения ближним».

Н.Михайловский — «О страшной силе г. Novus'a, о моей робости и о некоторых недоразумениях» (Р. Бог., № 11). Слово

* «“Курьер” я получаю и читаю с удовольствием, — писал Чехов члену редакции Е.З.Коповицери 2 января 1898 г. — Газета хорошая; прошу высылать мне ее и после нового года» (т. 7, с. 141).

«народничество» в большом ходу, но «на самом деле вовсе не так точно и определенно»: «я, в смысле г. Струве, — народник», а «покойный Юзов утверждал, что я — “один из вреднейших марксистов”». Так же обстоит дело и с «гг. диалектическими материалистами», «словесные выражения» которых зависят «от приткности и беззастенчивости». Novus [П.Б.Струве] напоминает, что Маркс «не боялся писать об “идиотизме деревенской жизни” и видел заслугу капитализма и буржуазии в разрушении этого идиотизма». «Это уже не смешно, — возражает Михайловский. — Я не знаю, где именно у Маркса написаны эти грубые слова... Маркс был вообще неразборчив в выражениях... И если поколение... мучившееся над сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напрасного горя, то горе... и тому поколению, которое воспитается на презрительном отношении к “идиотизму деревенской жизни”...»

[П.Ф.Николаев], по поводу этой статьи Михайловского, заметил, что «Русская мысль» «видит оживляющее влияние, оказываемое на русскую журналистику спорами марксистов и народников, при этом отрицательно относится к первым» (Р. Мысль, 1898, № 1).

В ноябре Департамент полиции учредил особый надзор над «Русским богатством», длившийся до сентября 1899 г. В специальном донесении, сохранившемся в деле «Русского богатства», главные сотрудники журнала — Н.К.Михайловский, В.Г.Короленко, С.Н.Южаков, Н.Ф.Анненский и др. — были охарактеризованы как «старые, испытанные борцы за дело революции», с именами которых «учащаяся молодежь и либеральная публика» привыкла связывать «ненависть к православию и самодержавию» (Р. Бог., 1918, № 1-3, с. 89).

16 ноября в Москве праздновался 30-летний юбилей литературной деятельности Н.Н.Златовратского. «Юбиляра собрались чествовать почти все направления прогрессивной русской мысли», — отмечал Глазов [С.Н.Кривенко] (Сын От., 20 ноября), особо подчеркивая «такт», проявленный марксистской редакцией «Нового слова», приславшей свое приветствие. Тем не менее юбилей, как и завершенное в октябре новое трехтомное собрание сочинений Н.Н.Златовратского, явился новым поводом для полемики с марксистами. «Ныне часто можно слышать мнение, — писал Н.К.Михайловский, — что песня г. Златовратского спета... Пусть так...», но «самое его упорство в одностороннем освещении жизни имеет свои достойные уважения

стороны: искренность и мужество» (Р. Бог., № 11). А.М.Скабичевский оспаривал представление о Златовратском как об «узком и прямолинейном доктринере» народничества, называя его «типичнейшим и цельным представителем лучшей эпохи исторической жизни нашего общества», т.е. семидесятиничества (Сын От., 13 и 21 ноября). «Давай Бог побольше таких идеализаторов не только крестьянской, но и вообще всякой жизни» (Нед., 5 окт.). Остался «жарким защитником деревни и живущих в ней “устоев”» и, как 30 лет назад, проповедует, что «мирской разум» есть у деревенского человека и у городского (Р. Вед., 16 ноября). А.А.Коринфский писал о Златовратском: «русскому народу... для развития в нем идей самосознания нужны не К.Марксы и уж, конечно, не марксисты российской формации, а те же самые народники...» (Сев., № 46, 16 ноября). С другой стороны, А.И.Богданович отмечал, что современному читателю совершенно невозможно войти в настроение «декоративных очерков г. Златовратского со всем антуражем народнического жанра», ибо «даже в лучших его произведениях вы чувствуете деланность, искусственность построения, сочинительство и отсутствие здоровой, жизненной правды» (Мир Б., 1898, № 1).

В апреле–ноябре вышли последние четыре тома 6-томных «Сочинений Н.К.Михайловского». СПб.: изд. ред. «Русского богатства», 1897, тираж — 6000 (каждый том).

Пл.Кр[аснов] назвал Михайловского, в связи с выходом его сочинений, «одним из влиятельнейших современных писателей»: «его критические очерки... отличаются некоторою односторонностью освещения, усвоенною... от школы “Отечественных записок”, из которых он и сам вышел; но замечательны по искренности и цельности настроения», по «умению писать ясно, образно, остроумно» (Вс. Иллюстр., 1898, № 4, 17 янв.).

П.Я. [П.Ф.Якубович] — «Стихотворения». СПб.: изд. «Русского богатства», 1898, тираж — 1200.

Стихи П.Я. подкупают «нравственной силой, бодростью, гордою и смелою отвагой», дают утешение от «современного сумбура и столпотворения (А.М.Скабичевский, Сын От., 5 дек.). Скриба [Е.А.Соловьев] назвал П.Я. не великим, но «несомненным поэтом», владеющим при несовершенстве формы «всейскупающей искренностью» (Нов., 1898, 29 янв.). Рецензент журнала «Жизнь» (1898, № 30, 30 окт.) поддержал в лице П.Я. некрасовскую линию русской поэзии, противостоящую фетовской, но выразил

надежду, что в будущем оба эти поэтические течения, идущие от одного источника — Пушкина, «соются в одно общее, светлое русло». А.Б[огданович] заметил, что «оригинальный и сильный талант» П.Я. предпочитает форме — искренность и силу чувств, которые вызываются такими понятиями как «родина и идеал», хотя нельзя сказать, что «ему чужды... мотивы любви, грусти и тоски». Стихи его, «иногда неотделанные и грубоватые», своеобразны и стоят «совершенно одиноко» «среди современных поэтов и поэтиков, декадентов, “самоучек”» и др. (Мир Б., 1898, № 1). С противоположной оценкой выступил Кор. А-н [А.А.Коринфский], назвавший П.Я. присяжным стихотворцем «Русского богатства», «драпирующим свою стихотворную бледную немочь в тогу таинственных страданий за идеи» (Сев., 1898, № 7). «Некрасов, сидя по горло “в тине нечистот”, умел потрясать сердца, а г. П.Я. с горной высоты не в силах сделать этого»; его «дарование слишком непропорционально его энтузиазму» (М.Протопопов, «Поэты переходного времени», Р. Мысль, 1899, № 1).

31 января 1898 г. П.Ф.Якубович писал из Курганской ссылки С.Е.Кривенко: «Книжечка моих стихов, как пишут мне, расходится прекрасно: в два месяца разошлось 500 с лишком экземпляров! Трудно было и ждать чего-либо подобного — тем более, что в литературе хорошие отзывы были пока только в “Сыне От.” да в “Мире Божьем” (если не считать еще двух в сибирских газетах)...» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 345).

О 2-м, дополненном, издании «Стихотворений» П.Я. (СПб., 1899) Н.Г.[еккер] писал: «Это не дифирамбы, не победные клики... и даже не призывы к борьбе», это «литературный памятник» 70–80-х годов, это «плач о страшных утратах в борьбе» и напоминание «о душевном строе, некогда живом и весьма деятельном» (Од. Нов., 1900, 12 июля). «Одни хотят видеть в нем прямого продолжателя Некрасова», другие «очень скверно зубоскалят». Его можно «поставить рядом с Надсоном», но «гражданские мотивы совершенно не удаются П.Я.»; в его душе — тяжелая борьба между жаждой любви, личного счастья и стремлением принести себя в жертву родине» (М.Чадаев, «Жизнь», 1900, № 4).

З.Н.Гиппиус — второй сборник рассказов и стихотворений «Зеркала». СПб., 1898, тираж — 1150.

«Злые чары» кружка «Северного вестника» портят талант Гиппиус (А.Скабичевский, *Сын От.*, 1898, 16 янв.). Может, но не хочет писать в духе «правдивого, светлого, гуманного реализма, который составляет гордость нашей литературы» (М.Протопопов, *Од. Нов.*, 1898, 6 мая). «Автор умеет сочетать изысканность за-

мыслов с изображением... серых людей и обстоятельств»; «идейные замыслы» ее «идут вразрез с общепринятой моралью», «она ополчается, например, против сострадания к людям» (Вест. Евр., 1898, № 1). Это «симпатичное дарование» проявляет интерес к «натурам сложным, исключительным, загадочным, с идеалистическим складом ума» (Вс. Иллюстр., 13 дек.). «Тонкая наблюдательность и несомненный талант» миниатюристки (Обр., 1898, № 2). По книге З.Гиппиус «можно изучать как особенности направления известной группы молодых писателей, так и психологическое состояние» современной молодежи (Нов. Обзор. (Тифлис), 5 дек.). «Плодовитой писательнице-символистке нельзя отказать в таланте... но это — больной, изломанный талант» (Сев., № 52, 28 дек.). [П.Ф.Николаев] отдает предпочтение рассказам, хотя «автор злоупотребляет» «полупомешанными героями»; стихи — «холодны и деланны» (Р. Мысль, 1898, № 2). «Есть что-то искусственное, деланное и в то же время очень изящное» в этом «театре марионеток, действием которых г-жа Гиппиус распоряжается прямо мастерски» (Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 4 дек.). В неподписанной рецензии в «Русском богатстве» (1898, № 5) Е.А.Соловьев выделил тяготение к «явлениям патологическим», «экстраординарным», подражание Достоевскому («Златоцвет» взят из «Идиота»), «искание вычурных сюжетов», «боязнь перед обыденным», «порыв к чистоте», «жажду мучительства», а также «гуманное настроение» («Ведьма», «Родина» и др.). «Г-жа Гиппиус, — писал А.Б. [А.И.Богданович], — предпочтительно останавливается на странных и болезненных явлениях жизни... Она, видимо, подражает Достоевскому, но, не обладая ни его могучим талантом, ни силой психологического анализа, создает вычурные положения...». Судя по той наклонной плоскости, по которой идет «самая видная представительница символистского направления в беллетристике», «можно думать, что символизму не суждено привиться у нас» (Мир Б., 1898, № 2). Столь же неодобрительно о сборнике «Зеркала» отозвался А.Волынский: при отсутствии большого литературного таланта «бедность психологического содержания при истерической крикливости формы обрекает ее творчество на неподвижность и бесплодность» (С. Вест., 1898, № 8–9).

«Единственный умный отзыв был в Новом обозрении в Тифлисе!» — написал Д.С.Мережковский П.П.Перцову 19 декабря (Р. Л., 1991, № 2, с. 175).

Декабрь

В течение всего года Л.Н.Толстой работал над трактатом «Что такое искусство?», первые пять глав которого появились в вышедшем в декабре журнале «Вопросы философии и психологии» (№ 5)*. «Люди поймут смысл искусства только тогда, когда перестанут считать целью этой деятельности красоту, т.е. наслаждение».

А.П.Чехов — «На подводе» (Р. Вед., 21 дек.).

В тот же день Л.Н.Толстой записал в дневнике: «Сейчас прочел рассказ Чехова “На подводе”. Превосходно по изобразительности, но риторика, как только он хочет придать смысл рассказу» (т. 53, с. 172).

М.Горький — «Мальва (набросок)» (С. Вест., №№ 11-12).

И-т [И.Н.Игнатов] отметил, что героиня рассказа несет в себе «смутное стремление к подвигу, поднимающееся в душе женщины» (Р. Вед., 11 ноября). Рецензент «Русской мысли» (1898, № 1) увидел в образе Мальвы «оригинальный набросок, сделанный смелой рукой», но не цельный тип. Вл.Преображенский заметил, что «сермяжные герои» Горького очень много «доктринерствуют» по «авторской указке» (Од. Нов., 1898, 16 янв.). Рецензент «Книжек Недели» (№ 12) в заметке «Декадентское народничество» назвал Мальву — «деревенской Аспазией», а Сережку — «декадентским Диогеном». «Пошлая “Неделя”, — писал В.А.Поссе Горькому 26 января 1898 г., — написала о «Мальве», что могла — пошлость» (Архив А.М.Горького).

В ряде отзывов подчеркивалась вычурность описания моря в начале рассказа (особенно фраза «Море — смеялось»). В.Чуйко, признавший молодого беллетриста «талантливым по-новому», видел в этом описании «фальшь, напускной лиризм», «нечто вроде Марлинского» («Новь», № 23, 1 дек.; см. также Н.Ладожский [В.К.Петерсен], СПб. Вед., 18 ноября). Н.К.Михайловский отметил, что Мальва — «это тот самый женский тип, который мелькал перед Достоевским», тип, находящийся «по ту сторону добра и зла», но героиня Горького «яснее, понятнее загадочных женщин Достоевского»: «вся она состоит из переливов одного настроения... в другое, часто противоположное», вся — «между наслаждением и страданием», хотя «в таланте г. Горького нет ни силы, ни жесто-

* Многочисленные критические отклики появились после опубликования второй части статьи, в марте 1898 г.

кости, не бесстрашия Достоевского» («Еще о г. Максиме Горьком и его героях», Р. Бог., 1898, № 10).

М. Горький пишет А. Волынскому в декабре 1897 г.: «Я знаю Ваше отношение к таланту Мережковского, но я думал, что оно не распространяется на “Отверженного”. Мне нравится эта вещь, ибо и Нитцше, поскольку я его знаю, нравится мне. А это — потому, что, демократ по рождению и чувству, я очень хорошо вижу, как демократизм губит жизнь, и понимаю, что его победа будет победой не Христа, как думают иные, — а брюха» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 246).

Л. Мельшин [П. Ф. Якубович] — «Еще из мира отверженных» (Р. Бог., №№ 9–12).

«Русский вестник» (1898, № 2) с негодованием отметил, что политические заключенные в тюрьме занимаются тем же «хождением в народ, за которое они, может быть, сюда и попали. Даже приемы их — типичные приемы народников семидесятых годов». В сравнении с недостижимым идеалом «Мертвого дома» Достоевского Мельшин «скрыл» «искру Божию» в «фотографически верном» изображении ссыльно-каторжных, оставив «злобу, бессильную ненависть и всевозможные виды пороков».

К. Станюкович — «Жрецы» (Р. Бог., №№ 5–12). Роман изображает эпоху общественного безвременья на материале университетской жизни. Автор писал 21 января С. Н. Кривенко, что роман должен был идти в «Русской мысли», но редакция «испугалась»: «Роман описывает Москву, и москвичи, и московская цензура к Москве очень щепетильны» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 220).

«Станюкович — автор прелестных морских рассказов, — писал рецензент «Книжек Недели» (1898, № 1), — но “сухопутные” произведения ему не удаются...»

Пл. Н. Краснов — «Тоска по людям» (Кн. Нед., № 12). Итоговая статья цикла о современной русской и зарубежной поэзии, в которой критик слышит «отчаянный стон личности, затерявшейся в толпе ничтожеств и пошлости»; не по разным «принцессам Грезам» тоскует поэт, а «от неудовлетворенной жажды любви и сочувствия», ведь «небрежная рецензия» — «это уже громадный успех для нового поэта», а распродажа сотни другой экземпляров значит, что «книга пошла бойко».

9 декабря на сцене Литературно-артистического кружка в Петербурге (театра А.С.Суворина) была впервые поставлена новая пьеса Н.Гарина «Орхидея». Пьеса успеха не имела, и часть критики восприняла ее как драматическую пародию (Откровенный писатель [К.М.Станюкович], «Современные картинки», Сын От., 14 дек.). «Да и действительно ведь чушь,— писал В.Г.Короленко С.Д.Протопопову 13 декабря,— человек запутался между двумя юбками,— а виновато “тупорылое общество”» (РГАЛИ, ф. 389, оп. 1, ед. 61).

10 декабря совещание четырех министров во главе с обер-прокурором К.П.Победоносцевым приняло решение о закрытии «Нового слова», этого «гнезда социал-фанатиков» (Р. Бог., 1918, № 1–3). В постановлении особое внимание обращено на беллетристический отдел журнала, где «первое место дается таким произведениям, в которых раскрывается борьба классов и бедственное состояние рабочего люда. С особою яркостью эта тема разработана в талантливых повестях Горького (псевдоним Пешкова) “Коновалов” и “Бывшие люди”» (ЛЖТ Горького, с. 200). «Мне жалко “Новое слово”, — пишет Горький А.Волынскому. — Я чужд был его проповеди, но мне нравилась в нем сила его увлечения ею» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 246). Н.К.Михайловский выражал сожаление о закрытии «Нового слова» (Р. Бог., 1898, № 1). 22 декабря В.Г.Короленко написал в дневнике: «История крайне возмущающая все общество. “Нов. Слово” получает массу писем и телеграмм... Гл. Управление по делам печати играло в этом деле роль чисто провокаторскую: имея возможность налагать руку на каждую книгу, оно выпустило 8 книг без существенных изъянов, задержало одну за провинциальную хронику, совсем не “марксистского” характера и, при объяснениях по этому поводу, М.П.Соловьев (нач. гл. управления) сказал: “Занимайтесь своим «марксизмом». Вот статья Зомбарта... Против таких статей мы ничего не имеем”. Теперь статья Зомбарта, в которой действительно есть много резко-социалистических подчеркиваний, служит краеугольным камнем обвинения!» 21 декабря Короленко сообщает матери, что редакцию «Русского богатства» «взволновало закрытие “Нового слова”, тем более, что это случилось как раз в разгар полемики с нами. Правда, на эту полемику мы не шли довольно долго, а они сами все задирали... Я лично в очень хороших отношениях с Т.-Барановским и Струве. Они — славные ребята, и я за них очень огорчен» (В.Г.Короленко. Дневник. Т. III. Полтава, 1927, с. 331–332). В.И.Засулич писала

Ф.М.Степняк в декабре: «Ему сделали честь закрыть его, точь-в-точь как когда-то “Отечественные записки”... не за какую-нибудь отдельную статью, а просто “за вредное направление”. А успех оно имело громадный... За это-то, вероятно, и закрыли. Коли нравится читателям, значит вредно» (В.И.З а с у л и ч. Статьи о русской литературе. М., 1960, с. 294). «Вот как у нас! — писал Д.С.Мережковский П.П.Перцову, — Вчера были марксята, хрюкали свеженькие и розовенькие, а сегодня ни кожи, ни рожи» (Р. Л., 1991, № 2, с. 175).

М.О.Меньшиков — цикл статей «Элементы романа» (Кн. Нед., №№ 6–12; в последнем номере — «Роман хорошего человека» в связи с книгой А.Ф.Кони «Ф.П.Гааз». СПб., 1897). Отстаивает превосходство нравственного, духовного начала в человеке.

В.Розанов выступил против осуждения Меньшиковым «плотской любви» как «пошлости», «разврата», в духе «Крейцеровой сонаты»; такая позиция лишает мир «всеоживляющего, всерасцветивающего нерва», в котором «источник сострадательной любви к ближним, творческих взлетов и духовных подвигов» («Кроткий демонизм», «Смысл аскетизма», Н. Вр., 19 ноября и 31 дек.). Розанов отмечает, что в русской литературе идет спор на эту тему: с одной стороны осуждающие голоса Л.Толстого, М.Меньшикова, Вл.Соловьева, с другой — «робкие голоса» в защиту творческого начала «пола» — Б.Н.Чичерин, «О началах этики», Вопр. Фил. и Псих., № 5 («Семя и жизнь», Бирж. Вед., 29 ноября).

В заключительной статье цикла «Элементы романа (о супружестве)» (Кн. Нед., 1898, № 1) М.О.Меньшиков продолжал развивать свою тему: единственно прочное основание брака — нравственная связь.

А.И.Куприн — «Миниатюры». Киев, 1897, тираж — 1200: очерки и рассказы, появившиеся на страницах провинциальной печати.

Н.К.Михайловский в неподписанной рецензии отмечал пристрастие «несомненно очень талантливого» («маленький Мопассан») писателя изображать «изнанки жизни и человеческой души»: «Думается, что г. Куприн и слишком здоров и недостаточно силен, чтобы поднять эти исключительные, болезненные чувства до той высоты общего интереса, до которой мог их поднять Достоевский» (Р. Бог., 1898, № 4). «У автора есть и свои мысли, есть и свой талант», но «нет устойчивости перед чужими влияниями»; его

рассказы похожи на «французские подделки», а гуманность порою отдает сентиментальностью ([П.Ф.Николаев], Р. Мысль, 1898, № 3).

Позднее, в 1902 г., на предложение А.П.Чехова послать эту книгу Л.Толстому Куприн отвечал отказом: «Уж очень много в ней балласту, который может произвести удручающее впечатление, да и по своей внешности — с этой нелепой женщиной под пальмой на обложке — она имеет слишком уж легкомысленный вид» (А.И.Куприн. Собр. соч. в 6-ти тт.. Т. 1. М., 1957, с. 555).

В течение года в «Северном вестнике» печатались стихи: Д.Мережковского «Зимние цветы (№ 1), «Спокойствие» (№ 2); Н.Минского «Шелест листьев. Осенняя мелодия» («Нам не жаль ни корней, ни родимых ветвей...» (№ 5), «Сонет» (№ 12); К.Бальмонт* «Белый лебедь» (№ 3), «Бездомные» (№ 4), «Из Испании» (№ 5); Ф.Сологуб** «Короткая радость сгорела...» (№ 1), «Путь мой трудный, путь мой длинный...» (№ 4), «Порою туманной» (№ 5); З.Гиппиус «Вечер» (№ 8), «Молитва» («Кто-то из мрака молчания Вызвал на землю холодную, Вызвал от сна и молчания Душу мою несвободную...») (№ 10); К.Льдов «Друзья, не плачьте над могилой...» (№ 2), «Ночь. Не сплю. Томит забота...» (№ 4), «Демон» (№ 6), «Тополь» (№ 7), «Водопад» (№ 8), «Мне чужд холодный блеск луны...» (№ 9), «Астры» (№ 10).

В течение года в «Вестнике Европы» (№№ 2, 10, 11) печатались стихотворения Вл.С.Соловьева «Памяти А.А.Фета», «Я озарен осеннею улыбкой...», «Родина русской поэзии»; в «Книжках Недели» (№№ 2, 3, 4, 7, 8) — «Нет, силой не свернешь тяжелого покрывала...», «Другу молодости», «Око вечности», «На смерть А.Н.Майкова», «А.А.Фету», «Старому другу».

Итоги литературного года

«Русские ведомости» (1898, 1 янв.) писали, что в истекшем году «поднимались споры, давно уже не слышавшиеся в нашей

* К.Бальмонт печатался также в «Вестнике Европы», «Мире Божьем», «Русских ведомостях», «Наблюдателе» и др.

** Сологуб печатал стихи и рассказы в журналах «Свер» (№№ 21, 40, 45), в «Книжках Недели» (№№ 3, 4, 6, 9, 10, 12), в «Наблюдателе» (№№ 8, 12), в газ. «Биржевые ведомости» (апр., май, авг.).

печати». Наметилось оживление в издании дешевых книг для народа, в том числе и научно-популярного содержания. Декадентство «не представило даже тех смешных, но несомненно смелых образцов “нового” творчества, которые можно было отметить в прошлых годах». Наибольшее количество комментариев, критических отзывов, восхвалений, с одной стороны, и осуждений — с другой, вызвал рассказ А.П.Чехова «Мужики».

Н.Коробка («Новые люди и новые веяния в прошлогодней беллетристике», Обр., 1898, № 1) призывал перестать жаловаться на время, которое только кажется «тусклым и бесцветным». Попытку верно изобразить современные типы критик видит прежде всего в романах Боборыкина «По-другому», в повестях Тимковского «Приват-доцент» и Елпатьевского «Миша».

Более мрачными красками рисует А.Б. [А.И.Богданович]: «тускло, хотя и не без шума, прошел минувший год в литературе», «малое наследство оставив по себе». «Неумеренное гонение» и «неумеренную похвалу» вызывали «Мужики» Чехова, в оценке которых А.Б. занял «середину между этими крайними мнениями». Еще больше досталось «Инвалидам» Чирикова, изобразившим общественный тип, который хотя и «сыграл свою роль», но оставил по себе хорошую память. Среди поэтических явлений 1897 г. отмечает творчество П.Я. [П.Ф.Якубовича] (Мир Б., 1898, № 1).

«Минувший год,— писал Присяжный читатель [А.А.Коринфский] (Сев., 1898, № 3, 18 янв.) — ...не одними только чеховскими «Мужиками» отметил свою жизнедеятельность... Особенно большие надежды подает... один молодой беллетрист, подписывающийся псевдонимом М.Горький. Этот еще недавно как-то резавший собою ухо... псевдоним за семь-восемь последних месяцев получил полные права гражданства...»

[П.Ф.Николаеву] (Р. Мысль, 1898, № 1) кажется еще невозможной мысль о сравнении «сильного и оригинального дарования» начинающего Горького с таким зрелым художником, как Короленко, тем не менее он решается «противопоставить выражаемые ими настроения»: «Настроение г. Короленко философски спокойное, мягкое, грустное и чисто гуманистическое... Настроение г. Горького, наоборот, чисто мужественное, всегда беспокойное, всегда преисполненное волнения, страсти, часто ненависти», оно сродни настроению Помяловского, который изображал тип бунтующего против «устоев» разночинца; Горький — «изобразитель бунтующего тоже против “устоев” босяка-безработного».

«Среди журналов нельзя не обратить внимания на новый журнал “Жизнь”, выходящий три раза в месяц — первые книжки этого журнала были довольно бесцветны, но с течением времени

журнал мало-помалу улучшался, и можно надеяться, что в будущем году он вполне встанет на ноги». Среди цензурных мер редакция с сожалением отмечала закрытие «Нового слова», «отличительные идеи» которого она не разделяла, и постановление, запрещающее переход периодических изданий от одного владельца к другому без разрешения министра внутренних дел (Сын От., 1898, 1 янв.)

1898 год

Январь

К.К.Случевский — «Песни из уголка» (Кн. Нед., № 1).

Вл. С.Соловьев откликнулся стихотворным «Отзывом на “Песни из уголка”» (Кн. Нед., № 3).

*Дарит меня двойной отрадой
Твоих стихов вечерний свет:
И мысли ясною прохладой,
И тем, чему названья нет.*

Н.Гарин — пьеса «Орхидея» («Cosmopolis», № 1).

С.Елпатьевский — рассказ «Спирька» (Р. Бог., № 1).

Главный герой этого «символического рассказа» «олицетворяет собою класс современных русских промышленников» (В.А.Поссе, Обр., № 4). Критики, отмечая подражание Щедрину и Гл.Успенскому, находили, что портрет современного «чумазого» у Елпатьевского слишком архаичен (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 21 февр.). Вл.Преображенский считал, что в рассказе в одном лице изображены типы разных эпох, ибо Спирька первых глав — прожженный кулак, кабатчик, вор, убийца и насильник — может быть лишь родоначальником и предком того крупного промышленника и деятеля бюрократических сфер Петербурга, каким предстает он в последних главах (Кур., 13 апр.). Антикапиталистическая направленность сатиры Елпатьевского была воспринята современной критикой в контексте полемики «Русского богатства» с марксизмом. К.Медведский так и писал: «“Спирька” написан г. Елпатьевским-“народником” — в пику “марксистам”» (Моск. Вед., 6 марта). Народнический уклон автора, вслед за Щедриным и Гл.Успенским показывающего греховность и некультурность русского капитала, был одобрительно отмечен А.Скабичевским (Сын От., 6 февр.) и решительно осужден А.Б. [А.И.Богдановичем], который утверждал, что фигура Спирьки «вырезана по народническому трафарету». «Генезис Чумазого» в истории возвыше-

ния Спирьки повторяет старую «народническую схему капитализма»: разбойник, кулак, скупщик, обворовывающий крестьян, убийца, коммерсант, гласный думы, петербургский делец. Такая «история русского капитализма в корне неверна и дает совершенно ложное освещение вопросу о происхождении капитализма у нас» (Мир Б., № 3). Главный недостаток автора — тенденциозность, склонность рисовать «коллективные типы» (ранее «Мишадворянин»); «частные подробности зла, называемого кулачеством и мироедством, намечены... верно», но не следовало поднимать Спирьку до разряда промышленника и думского воротилы (Р. Вест., № 3, Из рус. журналов).

Л. Мельшин [П. Ф. Якубович] — «Переслащенное народолюбие. Заметка pro domo sua» (Р. Бог., № 1). Ответ критикам, упрекавшим книгу «В мире отверженных» «в холодном, отчужденном отношении к народу, в отличие от Достоевского, Короленко, Максимова, Ядринцева и др. изобразителей острожного быта». Автор желал, чтобы «правдивый рассказ о жизни отверженных был принят как голос адвоката и друга», но «розовым иллюзиям относительно каторжного мира» он предпочитает «знание истинного положения вещей», ибо «преступная душа все-таки не душа народа русского!»

Глазов [С. Н. Кривенко] — «Бюро литературно-похоронных процессов» (Сын От., 29 янв.). «Похоронами писателей известного направления» занимался сначала «Северный вестник», теперь — «Мир Божий». А. Б [огданович], «жук-могильщик», сначала «расправился со злополучным Н. Н. Златовратским», затем «досталось Н. И. Наумову», даже у Гл. Успенского критик не находит «цельного мирозерцания».

А. П. Чехов следит за газетными сообщениями о деле Дрейфуса. После опубликования открытого письма Золя президенту республики Феликсу Форю, озаглавленного «Я обвиняю», и последовавшего за ним процесса Золя уверенность Чехова в невиновности Дрейфуса еще более укрепляется. «У нас только и разговора, что о Золя и Дрейфусе, — пишет он Ф. Д. Батюшкову 23 января. — Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло... Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские — хоть брось. “Новое время” просто отвратительно» (т. 7, с. 157).

27 января В.Г.Короленко пишет В.Н.Григорьеву: «У нас в редакции я и Николай Федорович [Анненский] составляем некоторый оттенок, стоящий ближе к марксизму. Явление, во всяком случае, живое и интересное. Несомненно, что они внесут свежую струю даже своими увлечениями и уж во всяком случае заставляют многое пересмотреть заново...» (т. 10, с. 275).

31 января П.Ф.Якубович писал С.Е.Кривенко: «Ах, ничего я, оказывается, не понимаю ни в соврем. жизни, ни в современной литературе! И за “Р[усское] Б[огатство]” я заступался больше, так сказать, по доверию, а в сущности никто теперь, очевидно, не знает, “на чем сидит”!.. Не мудрено после этого, если и Сергей Ник. [Кривенко] (подобно Михайловскому) отрешивается от клички “народник”, которая обязывала бы на совершенно определенное миросозерцание и определенный план деятельности. Мы живем в переходный момент, когда к истине можно двигаться только ощупью и когда одни дураки самодовольно думают, что уже обладают ею... Отношение Богдановича к народничеству и марксизму и меня нередко возмущает: очевидно, очень мало продуманы им эти вопросы. Только я не так строго отношусь к нему... и не вижу, в чем, собственно, заключается его “либерализм” (в дурном смысле этого слова)... “С[ын] От[ечества]” во многих отношениях мне очень нравится. “Р[усские] Ведомости”, единственная (из других) вполне приличная газета, часто выводит меня из себя холодной своей академичностью и тошнотворной скучищей!» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 345).

В Петербурге, в музее барона Штиглица, открылась выставка русских и финляндских художников (устроитель С.П.Дягилев). Наиболее резко откликнулся В.В.Стасов: «Оргия беспутства и безумия», Дягилев — «декадентский староста», который везет и «приглашает» «со всех краев» «декадентский хлам», предлагая видеть в нем «самое настоящее, нынешнее и будущее, искусство». Декоративное панно Врубеля «Утро» и скульптурные головы Демона и Руслана — это «чепуха, чепуха, чепуха, — безобразия, безобразия и безобразия». Критик выделяет Серова, Ап.Васнецова и Левитана, восклицая: «Зачем они сюда попали?» (Нов., 27 янв.). Выставка, задавшаяся целью представить «квинтэссенцию» новейшей живописи, «чрезвычайно интересна»: здесь и «просто первоклассное и свободное мастерство», «обогнавшее привычные... установившиеся формы»

(Серов, Коровин, Пастернак), и «бездарные потуги», к которым обозреватель относит «Утро» Врубеля («бесформенная зеленовато-грязная мазня»), и иллюстрации Малютина (Александр Р. [А.А.Ростиславов], Т. и Иск., № 7, 15 февр.; отзвв Н.К.Михайловского см.: наст. Летопись, март 1898 г.).

29 января С.П.Дягилев послал в редакцию «Новостей» «Ответ В.В.Стасову», который редактор газеты О.К.Нотович отказался напечатать: «Вы остались одни с вашими постоянными оплакиваниями старого и пережитого, но вечно нового для вас... Припомните, кто раньше вас проклял этих бедных, ни в чем неповинных художников [Врубеля и А.Галлена]... и ужаснитесь, в ряды кого вы записались, с кем вы мирно и дружно идете об руку» (Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1. М., 1982, с. 75, 297–298).

А.Н.Бенуа вспоминал: «Мы сразу были прозваны “декадентами”, сразу нашлись и какие-то господа, которые являлись на нашу выставку только для того, чтобы вдоволь на ней посмеяться и повозмущаться. Да и среди самих участников выставки многие были смущены той бурей негодования, которое она возбудила... горой стоял за выставку в целом Серов, и больше всего за то, что было в ней особенно смелого и дерзкого». По поводу «Утра» Врубеля Бенуа писал: «И надо сознаться, нас, начиная с Дягилева, постигло разочарование... Нам превозносили его бесподобные краски, его блестящий колорит, а это панно было точно покрыто одним сплошным мутно-зеленым колером... но когда посылались со всех сторон нападки “профанов”, то пришлось поневоле кривить душой и защищать это панно» (Мои воспоминания. М., 1993. Т. 2, с. 188–189).

Вышло отдельное издание первой части трактата Л.Толстого «Что такое искусство?» М.: Посредник, 1898, тираж — 5000.

18 января В.В.Стасов пишет Толстому: «Я здесь вижу постоянно довольно много народу, и все в великом восхищении от статьи «Что такое искусство?» («Искусство», 1953, № 5, с. 71).

В тот же день В.Я.Брюсов записывает в дневнике: «Важнейшее событие этих дней — появление статьи гр. Л.Толстого об искусстве. Идеи Толстого так совпадают с моими, что первое время я был в отчаянье, хотел писать “письма в редакцию”, протестовать, — теперь успокоился и довольствуюсь письмом к самому Л.Толстому» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 32). В письме от 20 января Брюсов убеждал Толстого печатно признать его одним из своих предшественников, так как в предисловии к «Шедеврам» (1895) он «стоял на той дороге, которая должна была... привести к тем же выводам» (Н.А.Шуккин. Валерий Брюсов. М., 1929,

с. 115–117). Письмо молодого поэта Толстой оставил без ответа. Тогда Брюсов сам упомянул об этом мнимом совпадении взглядов в предисловии к своей брошюре «О искусстве» (М., 1899)*, употребив выражение, осмеянное в тогдашней печати как курьез: «И Толстой, и я, мы считаем искусство средством общения...».

26 января И.И.Левитан пишет А.П.Чехову, живущему в Ницце: «Большой переполох вызывает у нас статья Толстого об искусстве — и гениально и дико в одно и то же время» (И.И.Левитан. Письма, документы, воспоминания. М., 1956, с. 83). 27 января И.Е.Репин пишет А.В.Жиркевичу: «Со статьей Л.Н.Толстого я согласиться не могу, — красота есть. Но сам он страшно интересен! ... Какой живой и сильный этот гениальный человек. Но он имеет страсть к парадоксам» (И.Е.Репин. Письма. М., 1950, с. 143).

Ин.Анненский писал о «только что изданном начале» сочинения «Что такое искусство»: Толстой «совершенно обесценивает, по-видимому, *артистическую* сторону искусства... Театр и вообще *искусственно-массовые изображения* осуждены на первых же страницах» («А.Н.Майков и педагогическое значение его поэзии», «Русская школа», № 3, с. 53). Скриба [Е.А.Соловьев] резюмирует пункты «неправоты» Л.Толстого: 1) неосновательное обвинение немецких эстетиков; 2) забывает о русской литературе, которая полностью подтверждает его взгляды; 3) устраняет элементы творчества, таланта, наслаждения; 4) не учитывает «исторические категории» (Нов., 8 янв.).

В январе вышли две книги Д.Н.Мамина-Сибиряка: «Легенды» (СПб., 1898), где собраны обработанные автором сибирские народные сказания, и второе издание «Сибирских рассказов» (М., 1898).

«Этот общепризнанный замечательный писатель не дождался еще настоящей оценки... Критика никогда за г. Маминым не бежала, да и не бегают, как, например, за г. Чеховым...» Рецензент [Е.А.Соловьев] стремится найти причины этого равнодушия: репутация писателя-этнографа, отсутствие сенсационных тем, необузданность и чрезмерность творческой фантазии, которая порою создает «некоторое столпотворение вавилонское, в которое надо долго всматриваться» (Р. Бог., № 5, Нов. Кн.).

* См. настоящую Летопись, ноябрь 1898 г.

М.А.Лохвицкая — «Стихотворения». Т. II (1896–1898). М., 1898, тираж — 600.

«Какое право рассчитывать на некоторое общественное сочувствие имеет г-жа Лохвицкая», воспевающая лишь «объятыя среди лилий и поцелуи среди роз?» (Скриба [Е.А.Соловьев], Нов., 29 янв.). «Звучный стих» при «болезненной напряженности чувства» (Пл.Краснов, Кн. Нед., 1899, № 1). С защитой «живого и жизненного» дарования Лохвицкой выступил Кор. А-н [А.А.Коринфский] (Сев., № 14, 5 апр.). А.Вольнский указал, что «откровенно-женственная и откровенно-царственная лира» Лохвицкой грешит «банальной риторикой при музыкальности стиха» (С. Вест., № 8–9). «Новый сборник все таких же бурно-пламенных воззваний к “нему”, призывов, воплей, слез, рыданий, истерического смеха и страсти, страсти без конца» (Мир Б., № 3, Библиограф. Отд.).

8 февраля В.Я.Брюсов пишет К.Д.Бальмонту о новом сборнике М.Лохвицкой: «...Здесь много недурно, хорошо», но «все это трафарет», «все те же Боги Олимпа... но в новой одежде. Нет, не этого нужно, не этого» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 99). Впоследствии Бальмонт причислял этот сборник Лохвицкой к наиболее удачным («Весы», 1904, № 2), а Брюсов относил поэтессу к «школе Бальмонта» (Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. М., 1927, с. 78).

Февраль

8 февраля в «Русских ведомостях» опубликовано письмо Л.Толстого, сопровождавшее сообщение о бедственном положении крестьян Воронежской губ.: «...Положение большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бывает провести черту между тем, что можно назвать голодом, и нормальным состоянием...» (т. 71, с. 271).

19 февраля В.Г.Короленко писал из Петербурга: «Марксизм... здесь является господствующим настроением большинства молодежи... Я лично далеко не безусловный враг этого направления; по-моему, в нем есть кое-что верное и свежее. Но все это ужасно узко, умишки замыкаются на “экономии”, кругозор стесняется и для невежественного апломба — страшный простор... “Самарский вестник”, одно время бывший газетой “партии”, договорился до вреда народного образования (пока “мелкий буржуа”, называемый по недоразумению крестьянином, “не выварился в котле”, — образование ему не нужно). Правда, здешние марксисты хватались за голову, читая эти

прелести... Если же говорить серьезно, то мне кажется, что у марксизма есть две стороны: одна, которой суждено распуститься лишь в будущем, а пока оставаться в виде незначительной, скорее символической струйки... Другая, более широкая, несет с собой примирение с господствующим в действительности течением, и очень многие прежде всего усваивают "защиту капитализма"... Это, разумеется, не может быть поставлено в вину вожакам марксизма, но все-таки — симптом. Даже и нелепости народничества были в другом роде» (В.Г.Короленко. Письма к П.С.Ивановской. М., 1930, с. 74–75).

20 февраля В.А.Поссе пишет Горькому: «Редакция «Жизни» (люди, видимо, порядочные, но без направления) тоже целится на Вас. Не захотите ли их поддержать (№№ журнала они выслали Вам)... Просьб теперь не оберетесь, но думайте не о редакциях, а о долге перед читателями, которые Вас начинают любить» (Архив А.М.Горького).

А.П.Чехов — «У знакомых» («Cosmopolis», № 2).

Е.Чириков — «Калигула» (Мир Б., № 2). Бунт мелкого чиновника, провалившего экзамен на чин («За человека, братцы, обидно!»)

В.Микулич — «Черемуха» (С. Вест., №№ 1–2), о порывах и исканиях героини, погубленной замужеством.

По сравнению с «Мимочкой» душевная драма героини «Черемухи» обрисована «линячими красками безвременья» ([П.Ф.Николаев], Периодич. изд., Р. Мысль, № 3). «Это молодость и любовь времени общественной апатии», «без всякой активной борьбы отдающейся... житейскому опыту» (П.Ф.Гриневиц [Якубович], Р. Бог., № 8, отд. II, с. 104). Все произведения Микулич останутся «вне литературы»; натурализм открыл дорогу «дамам-писательницам», так как они любопытнее, наблюдательнее и болтливее мужчин (Н.Минский, Нов., 22 окт.). «История юной женской души» — «тема и без того не особенно богатая, а в произведениях г-жи Микулич она сведена к птичьему существованию, к птичьей философии и птичьим интересам» (А.Б.[Богданович], Мир Б., 1899, № 1).

В.В.Стасов — «Радость безмерная» (Нов., 25 февр.). О концерте Ф.И.Шаляпина в Петербурге; года три назад он высту-

пил, «еще совершенно юношей», в опере Бородина «Князь Игорь». Теперь он «вырос безмерно» и, как «великий талант», творит вне всякой «театральной рутины».

Ин. Анненский — «А. Н. Майков и значение его поэзии» (Рус. Школа, № 2). Сравнивает эстетику Лермонтова с «новыми французскими поэтами, с Бодлером и Верленом во главе», «их заслугой надолго останется, кроме обогащения языка, повышение нашей эстетической чувствительности и увеличение шкалы наших художественных ощущений»

Ив. Иванов — «Чем может и должен быть современный русский писатель» (Р. Мысль, № 2). Предостерегает от неминуемой демократизации искусства, на которое «одновременно надвинулось два страшных неумолимых врага — политика и наука»; предлагает следовать литературному завету Тургенева: идти к своей цели без всяких школ и направлений «под великой эгидой жизненной правды». «Поэты должны заговорить... языком богов», «открыть символы отрешенной красоты» и слить слово со «стихийно-чарующими звуками музыки».

К. Баранцевич — «Сказки жизни. 13 рассказов». СПб., 1898, тираж — 1200.

«Перед нами, — все те же мелкие, незаметные стороны жизни, маленькие люди с их маленькими интересами, ничтожными скорбями и радостями, с из серенькой и пошлой жизнью, монотонной, скучной и неглубокой» (Мир Б., № 5, Библиограф. Отд.). «Грустный колорит беспомощности, безволия и безвыходной сутолоки по-прежнему лежит на его рассказах»; литературная судьба Баранцевича определилась: теперь «широкая известность», «затем полное забвение» и, наконец, «непреходящее место в истории русской литературы среди второстепенных писателей, истинные заслуги которых значительно серьезнее, чем принято... думать» ([А. Г. Горнфельд], Р. Бог., № 7, Нов. Кн.).

Март

В середине марта вышла в свет первая книжка «Вопросов философии и психологии» с последней частью трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?».

21 марта И. Е. Репин пишет Л. Толстому: «Сейчас прочитал окончание “Что такое искусство?” и нахожусь всецело под силь-

нейшим впечатлением этого могучего труда Вашего. Если можно не согласиться с некоторыми частностями, примерами, зато общее, главная постановка вопроса... глубока, неопровержима...» (И.Е.Репин и Л.Н.Толстой. М.; Л., 1949, с. 16). «Очень порадовали меня своим письмом, — отвечал Толстой 24 марта. — Если моя книга помогла уяснить вопросы искусства такому художнику, как Репин, то труд ее писания не пропал даром» (т. 71, с. 334).

Не менее восторженно писал о второй части статьи В.В.Стасов 11 апреля: «Я считаю, что эти немногие страницы — последние слова и речь кончающегося XIX века. Какой это век, который способен кончатся таким величием и такую неслыханную правдою... Для меня несомненно, что от этих слов и страниц должен начаться новый поворот всего искусства» (Л.Толстой и В.В.Стасов. Л., 1929, с. 218).

Трактат «Что такое искусство?» вызвал большое количество печатных отзывов, оспаривающих взгляды Толстого с разных позиций.

Одни упрекали Толстого в забвении божественной природы искусства, служащего «откровениям красоты, высшим и истинным», а не общественным целям (А.Басаргин [А.И.Введенский], Моск. Вед., 20 марта; Серенький [И.И.Колышко], Гражд., 18 янв.). К.Медведский писал о «грубо-утилитарном взгляде» на искусство и «новом этапе литературного юродства» Толстого (Моск. Вед., 15 янв., 20 марта). Своим отрицанием красоты, отмечал Я.Полонский, Толстой «заставил многих как бы очнуться и возразить ему: красота искусства в правдивости, «а правда и добро — часто синонимы» («Навеянное», СПб. Вед., 19 мая). Скриба [Е.А.Соловьев] замечал, что в русской литературе Толстой «мог полностью найти все свои взгляды» (Нов., 8 янв.). Толстой «проповедует вместо искусства какое-то упражнение в добродетели» (С.П.Дягилев, «Сложные вопросы», Мир Иск., № 1–2). В.Буренин, напротив, поддержал взгляды Толстого (Н. Вр., 16 янв.). Н.Минский назвал статью «Что такое искусство?» «печальным, антикультурным» событием, так как Толстой проявил «сектантскую нетерпимость», «рассчитанную софистичность доказательств», «кричащую, вопиющую лживость», «жестоко расправился со всем новым искусством в Европе»; «принес молоху народолюбия последнюю жертву — все наше искусство и... все свое прошлое» (Нов., 26 марта; 1899, 28 янв.).

Иначе оценивала воззрения Толстого либеральная и радикальная пресса. А.Скабичевский горячо поддерживает стремление Толстого подчеркнуть общественные функции искусства, вопреки «новым путям», на которые толкает современное искусство дека-

дентство. Но во второй части трактата критик осудил «узость и нетерпимость», приводящие к «опрошению искусства» и отказу от него, ибо к «хорошим» образцам искусства в собственном творчестве Толстой отнес лишь «Кавказского пленника» и «Бог правду видит», забрав даже свои последние произведения — «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерову сонату» и др. (Сын От., 13, 20 и 27 марта). И-т [И.Н.Игнатов]: статья Толстого дает материал не столько для размышления, сколько для возражений, и, в частности, неудовлетворительны такие критерии «хорошего» искусства, как «заразительность», «общедоступность», связь с религиозным сознанием народа (Р. Вед., 1 апр.).

В целом разделяя позицию писателя, ставящего перед искусством внеэстетические цели (благо человека и человечества), Н.К.Михайловский показал непоследовательность Толстого, отвергающего то, что он создает как художник. Считая превосходным основное определение искусства у Толстого как умения заразить своими чувствами и переживаниями других людей, Михайловский возражает против отказа от таких критериев, как красота или эстетическое наслаждение. Последние свойства Толстой считает признаком «дурного» искусства, что, по словам Михайловского, ведет его на путь Савонаролы, сжигающего произведения искусства (Р. Бог., №№ 3 и 4). В.А.Поссе оспаривает обвинение, предъявленное Толстым современному искусству, — будто оно служит целям угнетения народа (Обр., № 3). Я.Борисов протестует против подчинения искусства религиозному сознанию, видя в этом положении Толстого сходство с реакционной эстетикой А.Григорьева, Н.Страхова и Говорухи-Отрока «без национализма этих последних» (Р. Мысль, № 4). Против этой стороны эстетических взглядов Толстого выступил и А.Б. [А.И.Богданович] в «Мире Божьем» (№№ 4 и 6), упрекая его в отсутствии исторического и социологического подхода к явлениям искусства. М.Протопопов отметил, что 8 лет назад взгляды Толстого на искусство совпадали со взглядами реалистической критики, заложенной еще Белинским, но теперь он «слишком далеко зашел в своем демократизме и в своем утилитаризме», придя к самоотрицанию, увидев идеалы искусства не впереди, а позади, в «бесхитростных сказаниях, песнях, притчах» (Од. Л., 19 июня). Ф.Д.Батюшков полемизировал с основным тезисом Толстого о всенародности подлинного искусства, отстаивая свободу искусства от какой бы то ни было прикладной роли («Утопия всенародного искусства», Вопр. Фил. и Псих., 1899, № 1). Ему возражал рецензент «Научного обозрения» (1899, № 4), журнала марксистской ориентации, указывая, что «в учении Толстого об искусстве самую ценную сторону состав-

ляет как раз борьба против кастового искусства и стремление сделать искусство доступным массам», хотя всенародность не может быть единственным критерием искусства, а лишь одной из целей, которая напоминает о «необходимости стремиться к эстетическому удовлетворению масс». П. Николаев заметил: «Граф Толстой не исследователь, а проповедник», первое достоинство которого — самостоятельность мышления; хотя он отрицает декадентство, оно уже дало «некоторые плоды на пользу человечества», разрабатывая такие сферы, как фантазия и «чистый вымысел» («Жизнь», № 28, 10 окт.).

Слабые и сильные стороны толстовской позиции подчеркнул В. А. Гольцев: «Протест графа Л. Н. Толстого... направлен не против современного только искусства, а против всего современного уклада, против европейского общества конца века». И хотя критика Толстого кончается «проповедью личного самоусовершенствования и самоограничения, религиозно-нравственной анархией», ее можно приветствовать «как мужественный и строгий призыв к нравственной ответственности искусства», родившийся в дни развращающего влияния декадентства (Кур., 20 дек.).

Подводя итоги литературных событий года, А. И. Богданович писал: «Небывалое оживление в эстетической критике вызвал труд Л. Н. Толстого... При всех преувеличениях и парадоксальности мнений автора в этом труде много верных, хотя далеко не новых, положений, повторение и популяризация которых более чем желательны именно теперь, когда новое в искусстве является у нас в уродливой форме доморощенного декадентства гг. Минских и Мережковских и “Мира искусства”» (Мир Б., 1899, № 1).

В «Северном вестнике» помещено предисловие Л. Н. Толстого к статье Э. Карпентера «Современная наука», в котором Толстой обвинил современную науку в том, что она служит целям эксплуатации.

П. В. Засодимский — «Из рассказов о героях и героинях нашего времени» («Жизнь», №№ 8 и 9, 20 и 30 марта); честная курсистка Смелова, готовящаяся посвятить всю свою жизнь деревне, противопоставлена либеральной петербургской барыне-филантропке Крикри.

Буква [И. Ф. Василевский] — «Петербургские наброски. Две выставки» (Р. Вед., 8 марта). «Разница между двумя главными лагерями наших художников» («передвижниками» и «академистами») стирается. У первых «жанр измельчал и раздробился»,

исчезло пристрастие к «русскому жанру», преобладает пейзаж (Шишкин, Мясоедов, Ярошенко и др.), «милые анекдоты» (В.Е.Маковский, Касаткин, Богданов-Бельский), «поэтические картины» Нестерова «Великий постриг», «Благовещение». У академистов тоже пейзаж (Айвазовский) и жанры (А.В.Маковский-сын).

Число художественных выставок «растет с каждым годом», отмечал Н.К.Михайловский, говоря о четырех: английской, финляндской, передвижной и академической. На английской — играет цыганский оркестр, демонстрируя «новое сочетание» художественных элементов, подобно «недавно народившемуся новому виду искусства» — мелодекламации. «Такова мода, которая заменяет «общение с душою художника», о котором говорит Л.Толстой в своем трактате. На выставке русских и финляндских художников преобладают «декоративные мотивы», «художественные капризы», подобно «желтым голым женщинам г. Боткина», «подделки под наивность» («Чудо» Нестерова), «огромное и вполне безобразное “декоративное панно” г. Врубеля “Утро”», «пустынность тоскливо монотонного пейзажа» Сомова. Все это демонстрирует «новые пути в искусстве» и «многие этими путями восторгаются». Передвижные выставки, лет 25 тому назад, тоже были «новым течением», вызывавшим восторги и негодование, теперь они «утратили яркость своей обособленности» и «ничто не мешало бы им слиться с другими художественными учреждениями и обществами»: жанр на нынешней выставке «находится в умалении, количественном и качественном», преобладает пейзаж, что свидетельствует об «удалении от жизни и жажде покоя»; когда-то «блестящий жанрист» Мясоедов «ушел в лес, в поле, “вдаль от мира”». «Христианская Дирцея в цирке Нерона» Семирадского на выставке «С.Петербургского общества художников» — «холодна и лжива» («Четыре художественных выставки», Р. Бог., № 3). Впечатление В.Чуйко от 26-й передвижной выставки (Архипов, Суриков, Нестеров, Серов, Левитан и др.) «почти безотрадное»: нет прежнего «подъема, энергии», «страстных споров» вокруг. Споры идут вокруг картины Семирадского, в которой критик находит «большое мастерство» и «эпическое значение» (Вс. Иллюстр., № 14, 28 марта). «Искусство переживает свою переходную стадию, как наша литература и наша общественная жизнь»: передвижники «утомили» «обыденностью тем и повторениями реализма», но «здоровые начала», привитые ими русской живописи, не позволят утвердиться в ней импрессионизму, «декадентской символике» и «болезненной манерности» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 4).

7 марта в Петербурге, в Михайловском дворце, состоялось открытие Русского музея императора Александра III. На открытии присутствовали И.К.Айвазовский, М.М.Антокольский, В.Е. и К.Е.Маковские, Ал.Н.Бенуа, С.С.Боткин и др., а также «особы императорской фамилии» (Н. Вр., 8 марта).

27 марта на общем собрании Союза взаимопомощи русских писателей был заслушан доклад Юридической комиссии «О нуждах русской печати» и постановлено передать его текст министру внутренних дел* (Отчет о деятельности Союза взаимопомощи русских писателей за 1897 и 1898 года. СПб., 1899, с. 10). Часть доклада была напечатана в «СПб. ведомостях», «Русских ведомостях» и «Сыне отечества». В.Г.Короленко (председатель Юридической комиссии, автор раздела о положении провинциальной печати и, совместно с К.К.Арсеньевым, общий редактор доклада) записал в дневнике: «Таким образом хоть одно достигнуто: работа комиссии увидела свет и с ее скромными требованиями ознакомилось общество прежде, чем она потонет под сукном в Гл. Управлении по делам печати» (В.Г.К о р о л е н к о. Дневник. Т. III. Полтава, 1927, с. 345–347).

М.Горький — первый том «Очерков и рассказов», СПб.: изд. С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1898, тираж — 3000**.

Апрель

К.Бальмонт — стихотворение «Избраннику» (С. Вест., № 4):

*Отчего так бесплодно в душе у тебя
Замолкают созвучья миров?
Отчего, не любя ни других, ни себя,
Ты печален, как песня без слов?
...О, раскрой перед нами узоры мечты,
Загоревшей в сердце твоём!
Покажи нам черты сверхземной красоты, —
Мы полюбим ее и поймем!*

* Об этом ходатайстве Н.К.Михайловский писал П.Ф.Якубовичу 2 ноября 1898 г., что оно «под сукном, должно быть, лежит. Оно направлено куда следует, но ни приветом, ни ответом» (Р. Бог., 1910, с. 253).

** Отзывы о первом томе см. в апреле 1898 г. в сообщении о выходе второго тома.

Леонид Андреев — рассказ «Баргамот и Гараська» (Кур., 5 апр.). До этого Андреев, будучи помощником присяжного поверенного, вел в газете судебную хронику.

Горький, тотчас же после прочтения рассказа, написал редактору «Журнала для всех» В.С.Миролюбову: «вот бы Вы поимели в виду этого Леонида! Хорошая у него душа, у черта! Я его, к сожалению, не знаю, а то бы тоже к Вам направил» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 253).

1 апреля А.Н.Бенуа писал из Парижа о программе художественного кружка, который готовился издавать журнал и устраивать выставки в России: «Действовать нужно смело и решительно, но без малейшего компромисса. Не гнушаться старины (хотя бы «вчерашней») и быть беспощадным ко всякой сорной траве (хотя бы модной...)... Отчего бы не назвать наш журнал «Возрождение» и в программе не объявить гонение и смерть декадентству, как таковому? Положим, все, что хорошо, как раз и считается у нас декадентским, но я, разумеется, не про это ребяческое невежество говорю, а про декадентство истинное, которое грозит гибелью всей культуре... Я органически ненавижу эту модную болезнь, да и моду вообще! Мне кажется, что мы призваны к чему-то более важному и серьезному...» (Ал. Бенуа. Мои воспоминания. М., 1993. Т. 2, с. 222).

Пл.Краснов — «Поэзия прозы» (к 20-летию со дня смерти Н.А.Некрасова) (Кн. Нед., № 4).

С возражениями выступил П.Ф.Гриневич [Якубович]: «Мы любим всего Некрасова, со всеми сторонами его поэзии», не считаем, что «гражданские мотивы чужды поэзии» и «думаем, что “Неделя” опоздала: песня общественного индифферентизма спета». «И уж, разумеется, не сменяем одного Некрасова на целый десяток гг. Фофановых» («Итоги двух юбилеев», Р. Бог., № 8).

Я.Абрамов — «Люди большой совести» (Кн. Нед., № 4). К 10-летию со дня смерти В.М.Гаршина. Достоинства этих людей — отрицательного свойства: они не могли встать на сторону «торжествующих», смириться с «озверением» «людей одеревенелой совести» [марксистов], которые мирятся с «шестьем прогресса по живым человеческим телам».

12 апреля Н.К.Михайловский пишет П.Ф.Якубовичу о результатах подписки на «Русское богатство»: «Дела наши недурны, но 10 тысяч подписчиков все-таки нет. Вместе со вторым

изданием печатаем 9700. Боюсь, что и на второе издание (700) Писарев* поспешил. Можно бы, кажется, рискнуть на все 10 000. Кабы беллетристика получше да бесцензурность, так и на большее можно было бы рассчитывать». 27 апреля — ему же: «А насчет стихов простите. Они у нас, действительно, в некотором небрежении, и как-то это само собой выходит. Вот, Бог даст, Вы в Петербург вернетесь, мы эту часть всю Вам предоставим» (Р. Бог., 1910, № 1, с. 251, 255)**.

18 апреля в Москве, в Колонном зале «Эрмитажа», состоялось первое учредительное собрание Литературно-художественного кружка. Устав кружка, утвержденный 25 февраля, предусматривал устройство выставок, публичных чтений, спектаклей и т. п., а также право ходатайствовать перед правительством о созыве съездов литераторов, художников и композиторов. В директоры кружка избраны: А.И.Сумбатов-Южин, К.С.Станиславский, Вл.И.Немирович-Данченко, А.И.Урусов (председательствующий), В.А.Гольцев, А.М.Кондратьев, С.В.Флеров, К.Н.Рыбаков, Н.И.Музиль и др.; в кандидаты: Г.Н.Федотова, М.Н.Ермолова, Ф.О.Шехтель, И.Я.Гурлянд, И.В.Шпажинский и др. (Р. Вед., 17 апр.; Кур., 19 апр.).

18 апреля Министерство внутренних дел вынесло первое предупреждение «Северному вестнику» «за вредное направление, выразившееся в февральской и мартовской книжках (С. Вест., № 5). Публикация в мартовской книжке «Северного вестника» первой части «Вареньки Олесовой» Горького вызвала особое сообщение цензора в Главное управление по делам печати о нарушении цензурного устава, не допускающего произведений, «в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями» (ЛЖТ Горького, с. 204). «Поздравляю с предостережением, — писал Горький А.Волынскому. — Думаю, что и за 4-ю книжку зададут вам... Но, Господи! — как небрежно напечатана “Варенька”, какая аховая у вас корректура!».

* А.И.Иванчин-Писарев, заведующий редакцией «Русского богатства».

** В 1895 г. тираж «Русского богатства» был 7000, в 1899 — 11000 (В.Евгеньев-Максимов, «Из истории “Русского богатства”», Р. Бог., 1917, № 11–12). Тираж «Вестника Европы» в 1898 г. — 6847, в 1899 — 6938. Максимальный тираж «Северного вестника» падает на 1896 г. — 4254 экз.; в 1898 г. число подписчиков падает до 2000; это был год медленной агонии журнала. Наиболее распространенным толстым журналом в 90-е годы была «Русская мысль», имевшая в 1896 г. 14000 подписчиков (Нов., 1896, 11 апр.).

Одновременно, в письме к Л.Я.Гуревич, Горький назвал «Северный вестник» «одним из важнейших постов воинствующей за правду мысли» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 255, 256)..

21 апреля министр внутренних дел объявил третье предостережение и приостановил на два месяца газету «Русские ведомости» «за сбор пожертвований в пользу духоборов с публикацией о сем в № 93» (Р. Вед., 25 июня).

М.Горький — второй том «Очерков и рассказов». СПб.: изд. С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1898; тираж — 3500.

Первое отдельное издание рассказов Горького вызвало огромное количество откликов, среди которых не было отрицательных. Однако Горький писал 27 сентября Ф.Д.Батюшкову: «Прав я или нет — но к той критике, какая есть, — отношусь только с любопытством, в уверенности, что иного отношения она не стоит. Это не дерзость, это скорее всего — грустный факт» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 273).

Первые критические отклики появились через неделю после выхода II тома (А.Скабичевский, Сын От., 1 и 8 мая): «Каждый рассказ г. Горького представляет собою нечто законченное, содержащее в себе драматический сюжет, цельный, стройный, гармонический, развитой», причем художественность и тенденциозность не мешают, а помогают друг другу. Единственный недостаток — «идеализация» героев. Критик оспаривает возможный вывод о «неомарксизме» Горького, основанный на презрительных высказываниях его героев о крестьянах. Если бы он был марксистом, «мы могли бы ждать от него некоторой идеализации фабричных рабочих насчет деревенских мужиков; но ничего подобного в рассказах его мы не встречаем! Фабричного быта г. Горький вовсе не касается...» В «Мальве» и «Челкаше» показано «развращающее влияние города и фабрики на народ». Как «знаменитые „Пьяницы“ Гл. Успенского», «в салоны российской беллетристики» вошло новое сословие «обескураженных».

Н.Минский видел в произведениях Горького «новую и рискованную» «проповедь права сильного», а в героях — «сверхбосаков и сверхбродяг, проповедников какого-то нового провинциального нищестанства и приазовского демонизма», «которым тесно в рамках старых понятий о добре и зле». Критики отнеслись с «нервным вниманием» к этому «порой даже слишком своеобразному» таланту, отдающему предпочтение «вольным... инстинктам жизни перед надуманной мудростью и святостью», которыми «насквозь пропитана» литература (Нов., 21 мая). В другой статье Минский назвал Горького «вполне законченным и крупным художником», отдаю-

щим предпочтение «отребьям городского населения» перед «представителями земли» и проповедующим «самые еретические и ницшеанские» тенденции устами «дикарей цивилизации» (Нов., 1899, 28 янв.). В очерках Горького, писал А.Б. [А.И. Богданович], «чувствуется бодрое настроение, что-то независимое и гордое, чем они резко отличаются от очерков других авторов, касавшихся того же мира нищеты и отверженности»; вопреки почти всеобщему мнению об идеализации босяков, Богданович понимает, что для Горького «бывшие люди» — это отбросы общества, но их «беспокойные души», их «любовь к свободе ради нее самой» «он вырисовывает с нескрываемым интересом...» (Мир Б., № 7).

И-т [И.Н. Игнатов] подчеркивал в героях Горького «стремление к добру, к истинной нравственности, к большей справедливости, к заботе об уничтожении зла» и намечал три типа горьковских босяков: скептики, «энергичные борцы за справедливость», «несчастные искатели истины» (Р. Вед., 22 авг.).

Герои Горького, писал рецензент «Русской мысли» (№ 8), сознают, что «так жить нельзя — не только им самим, но и целому классу людей, им подобных, что необходимо изменить что-то существенное и основное в укладе их жизни, но что надо изменить, до этого они своим умом дойти не могут...»

«Русское богатство» посвятило книжкам Горького две статьи Н.К. Михайловского и обстоятельную рецензию [Е.А. Соловьева] в № 7, где говорилось, что, «оставаясь романтиком с начала до конца», изображая «разновидности все одной и той же идеи — стихийного стремления к полной, абсолютной свободе», Горький мало уделяет внимания «оседлым людям» и положительной программе, о шаткости которой говорит аллегория «О Чиже».

В статье «О г. Максиме Горьком и его героях» Михайловский писал: «Два томика его рассказов представляют собой нечто вполне определенное, притом такое, что может доставить и художественное наслаждение, и пищу для размышления...» Основной мыслью статьи было стремление показать, что Горький «не принадлежит к числу тех оптимистов, которых радует промышленный прогресс как таковой»*, что задача его «лежит где-то в стороне от грубого противопоставления деревни и города». И хотя босякам Горького свойственно «глубокое презрение к мужику и к деревенскому житью» («Челкаш», «Мальва» и др.), с таким же презрением они относятся «ко всему окружающему», они «не столько отверженные, сколько отвергшие», все — «крайние индивидуалисты». При

* Михайловский имеет в виду марксистов.

«потрясающей правде» изображения герои Горького почти сплошь «поэты и философы», «щеголяют красотой речи и философским парением», говорят «превосходным языком самого автора», не характерным для этого слоя. При этом не показаны социальные причины босячества; Михайловский, в отличие от Горького, не считает этих людей, порвавших старые общественные связи, «новым классом», относит их к люмпенам, которым пророчит «разгром европейской цивилизации».

Во второй статье «Еще о г. Максиме Горьком и его героях» (Р. Бог., № 10) Н.К. Михайловский говорит о «большой художественной силе», которую приобрела в лице Горького русская литература; ставит вопрос о влиянии Достоевского на изображение женских образов («желание первенствовать, покорять», «тяготение к... чрезвычайному», жажда наслаждения и страдания), а также отмечает «интересные совпадения» с идеями Ницше, которые «носятся в воздухе». В «отвлеченных, очищенных» босяках, а также в аллегориях и символах Горького проглядывают «нищиеанские прирожденные господа» «в противоположность разной деревенщине», «жадным рабам» и т.п. Лучшими рассказами критик называет «Челкаша» и «Скуки ради», а в «Ошибке» видит «угрозу декадентства в творчестве Горького».

«Когда я узнал, что Николай Константинович написал обо мне, — писал Горький В.Г. Короленко в конце ноября, — у меня сердце екнуло. “Вот оно — возмездие”, — подумал я. Оказывается, что и он видит во мне нечто заслуживающее внимания и даже одобрения... Я думал, он строже отнесется ко мне... Хотелось бы мне сказать Н.К. что-то очень хорошее, да не умею. Сказать — спасибо? А зачем оно ему? Да и мне не это нужно» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 292–293).

А. Басаргин [А.И. Введенский], назвав Горького «певцом тоски и скуки», а «Песню о Соколе» — «прелестным подражанием былинному эпосу», пытался истолковать его произведения в духе славянофильства: тоска героев Горького не имеет ничего общего с экономическими, социальными и общественными идеями, т.е. грубо-материалистическим миром, в котором погряз «западный человек», заглушивший свою духовную жизнь «стуком фабрик», а вызвана «аскетическим стремлением русского человека “уйти из мира”» (Моск. Вед., 10 окт.).

В. Поссе («Певец протестующей тоски», Обр., № 11) отмечал, что тоска многих героев Горького — «дейтельная, протестующая... не от бессилья, а от избытка сил, не находящих себе разумного выхода». Назвал Горького «первым талантливым художником — представителем рабочего пролетариата», поставив знак ра-

венства между босяками и пролетариями; утверждал, что для Горького «нравственное и сильное» — «почти синонимы», «это реакция против славянской расплывчатости, мягкости и покорности».

«Отблески ибсеновских и ницшеанских идей» отмечал и А. Волынский; «апофеоз босяка» «оказался как бы живою иллюстрацией» «новейшей сверхчеловеческой философии». «Типа человека голодного, нищего, но гордого своей полной независимостью, преисполненного какой-то мировой, всечеловеческой поэзии, — такого типа не было до сих пор в литературе» (С. Вест., № 10–12).

М. Протопопов «усматривал в духовной физиономии» Горького, «идеалиста, не имеющего идеала», «удивительную амальгаму»: «воинствующий во имя идеала пессимизм», «идейный лиризм», «страстную жажду жизни», «чуткий инстинкт красоты», «потребность подвига и жертвы». Герои Горького ведут свою родословную от «бунтаря-разрушителя» Васьки Буслаева, а не от «земца-строителя» Ильи Муромца, который «нужен всегда», а Васька — «только в периоды острых кризисов», чтобы внести «движение» в «устойчивость» жизни. Босяки — это «соскочившие с рельсов локомотивы», которые «никуда, как только в лом, и не годятся...» («Пропадающие силы», Р. Мысль, 1899, №№ 5–6).

28 июля П. Д. Боборыкин просит Е. П. Леткову-Султанову прислать ему книги Горького в Баден-Баден: «Я читал только те две вещи, что были в “С[еверном] В[естнике]” — рассказ из жизни рыбаков с приморской Геддой Габлер и повесть с девицей, которая не одолела и трех страниц Боборыкина» [«Мальва» и «Варенька Олсова»]. По недавнему фельетону Минского знаком с лицами, точнее с языком других, лучших рассказов. Талант настоящий, не скажу, чтобы особенно “грубый”, но не уравновешенный и злоупотребляющий проповедью бытового “нищезнства”. Шага вперед нет, а выше — только (или больше) в области письма; а темперамент — не есть еще художественная заслуга... Горький, по «настроению»... реакция чеховскому *кисловатому* пессимизму... но заявление этих новых вопросов — впервые выражено было “амбарным Сократом”, в романе “Перевал”. Чтобы осуществить это в образах, надо было, роковым образом, пойти искать в народ, что он и сделал». 12 августа: «Спасибо... за Горького. Прочел еще несколько вещей. Талант яркий и душа мятежная: в этом его самобытность, но идет он *по прямой линии* от Левитова, Глебушки [Успенского], Альбова, а в письме... от Антона Чехова. Все их мотивы *налицо*, и всего более порыв к ницшеанскому анархизму... Минский его сильно хвалит... Но вся критика Минского — на закваске кружковщины, и ее запах и вид для меня явление такое

противное! ... Эти символистские умишки хуже всяких прямолинейных тупиц. Над нашей критикой висит вековое проклятие!» (РГАЛИ, ф. 280, оп. 1, ед. 82).

Май

М.Горький — «Варенька Олесова» (С. Вест., №№ 3–5). «Я хотел в ней противопоставить человека культуры и ума человеку простоты сердца и чувства, бессилие — силе и т.д.» (Письмо Горького А.Л.Волынскому от февраля 1898 г. Письма. Т. 1. М., 1997, с. 249). Ознакомившись с рукописью, А.Волынский писал Л.Я.Гуревич: «Прекрасно читается, интересно, талантливо» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. 105, л. 115–116).

Повесть была встречена в основном неодобрительно: возмущение по поводу «порнографичности» заключительной сцены и деланности характера героини, устами которой говорит автор (Кн. Нед., № 5 «Из русских изданий. Самобытное декадентство»; «Кавказ», 12 мая и 23 июня, В.Л. [В.Л.Величко]; Кур., 8 июня, Вл.Преображенский). В.Буренин уверял, что «внутри девицы засел сам г. Горький» (Н. Вр., 21 авг.). [П.Ф.Николаев] писал о «ядовитом и вредоносном интересе» повести, в которой дано «оголение и вместе с тем возвеличение инстинкта». Горький «не верит и в саму культуру, но зато он верит с почти фанатической горячностью в могущество, правду и красоту природы и ее сил». Впрочем, его талант «мужественный» и «активный», горящий «жаждой призыва к делу» (Р. Мысль, № 7, Периодич. Изд.). С одобрением о повести отозвался А.Скабичевский (Сын От., 14 авг.): «Как и все очень талантливое, рассказ г. Горького поражает вас своей жизненностью, свежестью и, если хотите, новизною», смелым отступлением от «беллетристической рутины». «В нем представлена та ирония или игра жизни, в силу которой очень часто под блестящею прогрессивною внешностью таится полное нравственное растление и, наоборот, жалкая неразвитость и темное невежество скрывают в себе драгоценные перлы обновленного человечества». [А.А.Коринфский] также отметил художественную удачу и «совершенно новый женский тип» (Присяжный читатель, Сев., № 18, 3 мая).

6 мая И.А.Бунин пишет редактору «Сына отечества» С.Н.Кривенко, прося предоставить ему постоянную работу в газете «в роде фельетонных обзоров исторических, педагогических, детских журналов, писем из Москвы, более или менее частых заметок по библиографии и т.п.». В частности, предла-

гает дать «несколько писем из Пензы», куда он собирается поехать «ко дню чествования памяти Белинского» (РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. 54; проект не осуществился).

В ночь на 7 мая Горький был арестован в Нижнем Новгороде и отправлен с жандармами в Тифлис, где его продержали до 28 мая в тюрьме — Метехском замке — в связи с делом Ф.Е.Афанасьева и других членов тифлиского кружка (ЛЖТ Горького, с. 209–212).

12 мая Вл.И.Немирович-Данченко пишет Чехову, добиваясь разрешения поставить «Чайку» на сцене нового театра, организованного Станиславским и Немировичем: «“Чайка” единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром» (Ежегодник МХАТ. Т. 1. М., 1946, с. 105).

П.Боборыкин — «Тяга» (Вест. Евр., №№ 1–5).

Прочитав начало романа, Л.Н.Толстой писал 20 января: «Боборыкин замечательно чуток. Это заслуга» (т. 71, с. 260).

«Роман этот в настоящее время очень усердно читается, — писал А.Скабичевский, — о нем говорят, он составляет новинку дня, а когда он дойдет до вожделенного конца, очень возможно, что им никто уже интересоваться не будет» (Сын От., 20 и 27 февр., 15 мая). Н.Минский причислил «Тягу» к лучшим романам Боборыкина (Нов., 1899, 28 янв.).

Большинство печатных откликов отмечало злободневность темы и вместе с тем нетипичность для фабричной массы основных героев, ведущих бесконечные «вычурные разговоры, весьма напоминающие споры народников и марксистов» (Ч.Ветринский, Н. Л., 26 янв.; см. также Од. Л., 10 февр.; Кн. Нед., № 2; Р. Вед., 1 июля; «Жизнь», №№ 7 и 24; 10 марта и 20 авг.). «Изображение не столько лиц, сколько... вопросов», писал [П.Ф.Николаев], напоминает романы Золя. Из современного спора о «подлой деревне — гнусной фабрике» положительный герой «Тяги» Спиридонов, «благодушный фабричный утопист-постепеновец», намерен найти выход «в обновленной деревне, с фабрикой не ссорящейся, не враждующей, а, так сказать, союзной ей», видя в них продолжение «разночинных заветов» и полагая, что «никакой особой пролетарской идеологии» нет, а есть — общедемократическая (Р. Мысль, №№ 3 и 6, Периодич. Изд.). В отличие от произведений Золя и других европейских писателей, Боборыкин показывает,

что «на нашей фабрике... вовсе нет той глубокой озлобленной завистливости рабочего к держателям дел, какая давно установилась на Западе» (СПб. Вед., 5 февр.). «Насколько раньше стояла на первом плане деревня, настолько теперь живо интересуется всех фабрика», — писал А.Б. [А.И.Богданович]. Но Боборыкин «ни одного рабочего не видел, не слышал и не знает», а просто «внимательно изучил полемику последнего времени между народниками и марксистами и целиком перенес ее в среду фабричного населения». Автору удалось «верно подметить “тягу” из деревни на фабрику и то культурное... воздействие, которое она оказывает на деревенский быт», заставляя «мозгами шевелиться», в отличие от Куприна, который «усмотрел лишь отрицательные стороны фабрики, повторяя старый мотив о растлении нравов, о тысячах жизней, принесенных в жертву “Молоху”». Утопический выход, к которому подводит своего героя Боборыкин: работать «от Михайлова дня до Пасхи» на фабрике, а остальное время — в деревне, — неприемлем для всей массы фабричного населения, стоящего перед выбором: или фабрика с ее тяжелым трудом, или голод в деревне (Мир Б., №№ 2, 6). В.Поссе дал высокую оценку роману Боборыкина, вступив в полемику с той частью критики, которая признала главных действующих лиц «Тяги» не типичными и вымышленными (Обр., № 7-8).

И.Н.Потапенко — роман «Светлый луч» (Р. Бог., №№ 1-5; первые главы — Н. Сл., 1897, №№ 1 и 2).

В основе романа «модная идея», близкая декадентству: «здоровье само по себе ведет к пошлости», «буржуазной посредственности и филистерству», хотя не исключено ироническое отношение автора к этой идее (А.Скабичевский, Сын От., 5 и 12 июня). «Потапенко постарался разжижить и разжевать оригинальную мысль, к которой гениально подошел А.П.Чехов в «Черном монахе» (Кн. Нед., № 5, Из рус. изданий). [П.Ф.Николаев] назвал Потапенко «специалистом в деле отыскивания в нашей серенькой действительности разных светлых лучей» (Р. Мысль, № 3, Периодич. Изд.).

В конце года Н.К.Михайловский писал П.Ф.Якубовичу: «Потапенко — мне стыдно вспомнить, что мы печатали его “Светлый луч”» (Р. Бог., 1910, № 1, с. 253).

22 мая Н.К.Михайловский сообщал А.И.Иванчину-Писареву: «Был в редакции Гарин, и пришлось мне беседовать с ним о его продолжении “Несколько лет в деревне”... не в весьма дружелюбном тоне [нельзя начинать печатать “неконченную

работу”]... Короленко, присутствовавший при разговоре и время от времени вставлявший смягчающие ноты, ушел в другую комнату, потому что, как он говорил мне потом, очень уж я суров был... к этому павлину, но ведь это все-таки только павлин. Об “Инженерах”, которые были бы для меня гораздо интереснее его деревни, он и не заикнулся. Зато сообщил, что “Сев. Вестник”, уже, дескать, купленный марксистами, пригласил его... Все переговоры об Сев. В. разбились о требование Любви Гуревич, чтобы Флексеру была предоставлена работа и при новых издателях» (ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. 290).

26 мая общественность России отмечала 50-летие со дня смерти В.Г.Белинского, превратившееся в «громкий всероссийский праздник» (П.Ф.Гриневиц [Якубович] «Итоги двух юбилеев», Р. Бог., № 8). 10 мая в публичном заседании Союза писателей Н.К.Михайловский прочел лекцию «Белинский — драматург», в которой подчеркнул протест против рабства, внутреннего и внешнего, против «холопства» перед авторитетами (Гегелем); Белинский «нашел самого себя» в «страстных словах»: «Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества» (Р. Бог., № 5). К юбилею вышло несколько новых изданий сочинений Белинского. Не обошлось, однако, без всякого рода препятствий. Так, была запрещена всенародная подписка на памятник Белинскому ввиду «не всеместной известности этого писателя» (Old Gentleman [А.В.Амфитеатров], Н. Вр., 31 мая). В праздновании не приняли участие столичные университеты (в Москве юбилей проходил в стенах Московского университета, но был организован Обществом любителей российской словесности). В Пензе весь педагогический мир, кроме нескольких народных учителей, демонстративно не принял участия в чествовании Белинского. В Чембаре, в доме, где жил Белинский, устроители обнаружили вывеску «питейного заведения». Дали о себе знать и «посмертные враги» великого критика. В.Розанов назвал Белинского основателем «жизненного, житейского идеализма» в России; его нравственный образ намного важнее «книжного» влияния, которое «уже подернулось археологической ветхостью» (Р. Обзор., № 5; Н. Вр., 26 мая). Розанов «усердно сплел венки... из самых изысканных цветов своего красноречия», которые «оказались грубо накрахмаленными и размалеванными тряпками» (А.Е., «Итоги “дней Белинского”», Обр., № 9; см. также: Р. Бог., № 6; Т. [А.Н.Пыпин], Вест. Евр., № 7; Мир Б., №№ 4 и 7). «Преувеличенным похвалам» противостоял

К.Медведский, назвавший Белинского «западником с нигилистическим оттенком», «разрушителем, а не созидателем русской литературы», «оклеветавшим» «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, однако «обладавшим “громадным литературным дарованием”» (Моск. Вед., 17 апр., 30 мая). Из имени Белинского сделали «боевое знамя» и народники (П.Гриневич), и антинародники (Евг.Соловьев), его цитатами можно «подтвердить все что угодно — народничество, гуманизм и даже марксизм» (А.Басаргин, Моск. Вед., 1899, 2 янв.).

А.Волинский — «Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды» (С. Вест., №№ 1-5).

Паспорту [С.П.Дягилев] — «Искусство и ремесла» (Пб. Газ., 25 мая). О необходимости нового художественного журнала, в котором заявят о себе молодые, свежие силы русского искусства, пришедшие на смену «состарившимся» передвижникам.

Э.Ростан — «Сирано де-Бержерак». Перевод А.М.Федорова. СПб.: изд. журн. «Театр и искусство», 1898, тираж — 500.

«Пьеса Ростана написана в романтической манере; в ней чувствуется сильное влияние Гюго, искание антитез и эффектов» (З.В. [З.А.Венгерова], Вест. Евр., № 2). Пьеса служит идеалам «рыцарской доблести и военной чести», поэтому с таким успехом шла во Франции в конце 1897 г. [т.е. во время процесса Дрейфуса] (Р. Вест., № 6). Этот «новый романтизм» «потокает слабостям буржуазии и любим ею». «Ростан — поэт светского лицемерия, светской позы, светской распушенности...» (Пл.Краснов, «Ложный идеализм», Кн. Нед., № 5).

Июнь

Л.Толстой вернулся к работе над повестью «Отец Сергей» (ЛЖТ Толстого, с. 288-289).

М.Горький — «Проходимец (Из воспоминаний)» («Жизнь», №№ 15 и 16, 30 мая и 10 июня*).

Появление имени Горького на страницах «Жизни» привлекло к журналу внимание печати. А.Измайлов писал: «Журнал издается

* Начало рассказа печаталось в «Нижегородском листке» 1 февраля.

всего лишь второй год и еще не успел приобрести популярность... но что издание со временем завоюет известное положение, прогрессируя в принятом направлении, это почти бесспорно. Литературность издания, умелая и серьезная постановка дела, целесообразный подбор материала — вне всякого сомнения... Рассказ М. Горького "Проходимец", лучшая вещь из помещенных в журнале, отмечен всеми особенностями таланта молодого писателя: по колоритности центральной фигуры рассказа, по основательному знанию изображаемого типа "проходимца", по манере повествования и особенностям языка, выразительного и резкого, можно угадать автора очерка», в котором выведен «герой безделья», «потерявший стыд и совесть и в конец опустившийся бродяга по призыванию» (Бирж. Вед., 13 ноября). Позднее Н.К. Михайловский заметил о герое повести: «пройдоха, лжец, шулер и альфонс... окружен некоторым ореолом красоты, так что Варенька Олесова могла бы любоваться им не меньше, чем злодеями французских романов» («О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова», Р. Бог., 1902, № 2).

Л.Л. Толстой — «Прелюдия Шопена» (Нов. Вр., 3, 9 и 16 июня); повесть полемически направлена против «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого (проповедь ранних браков вместо проповеди безбрачия).

«Отец-гигант сложил высокую, мрачную пирамиду, а сын-пигмей ополчился на нее только потому, что стоит на нижней ступеньке и смотрит в землю, не видя, что у него над головой» (Н. Минский, Нов., 2 июля). «Московские ведомости» (12 сент.) осудили «цинизм» и отца и сына, занятых проблемами «физиологии брака» и забывших, что брак — это «тайнство». Рецензент «Книжек Недели» (№ 7) подчеркнул «известную близость» двух произведений — в требовании «целомудрия до брака».

Э.Л. Войнич — «Овод. Роман из итальянской жизни 30-х годов» в переводе З.А. Венгеровой (Мир Б., №№ 1–6).

Я.В. Абрамов — «Наша жизнь в произведениях Чехова» (Кн. Нед., № 6). Автор, ссылаясь на многочисленные переиздания чеховских книг, отмечал, что «один только Лев Толстой пользуется большею популярностью, нежели Чехов», а когда «Чехов издаст полное собрание своих произведений... это издание... создаст автору репутацию писателя с очень определенным мировоззрением», ибо, вопреки бесосновательным упрекам критики в односторонности и фактографичности, Чехов-пессимист

«буквально пересмотрел все области нашей жизни», подвергнув их самой беспощадной критике; книги его «учат сознательному отношению к жизни», а не пессимизму.

Ив. Иванов — «Современный сфинкс» (об Ибсене) (Мир Б., № 6). 50-летний юбилей литературной деятельности и мировое признание не защищают Ибсена от «обвинений в мрачном пессимизме, в отрицании всякого общественного и нравственного порядка и даже возможного на земле человеческого счастья». Идея человеческой свободы — главная для Ибсена, несомненно, является «носителем жизни и счастья».

А.В. — «Современное искусство. Генрих Ибсен» (Р. Вест., № 6). «Мрачное и скептическое миросозерцание», «нам совершенно чуждое», создало «коллекцию изломанных и нравственно больных субъектов». Ибсеновские «человек воли» и «новая женщина» преследуют цели, «поражающие своей радикальностью и парадоксальностью» — «настоящие религиозно-государственные формы жизни должны исчезнуть»; тесно связан с историей символизма.

25 июня умер Н.А.Ярошенко. «Это был в полном смысле *мыслящий художник*», отмечал Н.К.Михайловский; любил писать портреты литераторов [Кавелин, Плещеев, Салтыков, Гл.Успенский, Л.Толстой, Вл.Соловьев, Короленко, Михайловский]. Его упрекали в предпочтении «мрачных сюжетов» и в том, что «у нас иронически называется совсем не смешными словами: “гражданская скорбь” теми, кто «ничего не имеют против “гражданской радости”». Ярошенко сознательно стоял на позиции, уравнивающей правду, эстетику и гражданство (Р. Бог., № 7).

Июль

Л.Н.Толстой — «Голод или не голод?» («Русь», 2-3 июля); за эту статью о хронической нищете русского крестьянства газета получила первое предупреждение от министра внутренних дел (ЛЖТ Толстого, с. 289).

В июле Толстой возобновил работу над «Воскресением», продолжавшуюся до конца года, с намерением получить деньги за печатание романа и употребить их на переселение духоборов (ЛЖТ Толстого, с. 289).

А.Чехов — «Человек в футляре» (Р. Мысль, № 7).

«Личность Беликова является замечательным художественным откровением г. Чехова; одним из тех типов, которые, вроде Обломова или Чичикова, выражают или целую общественную среду, или дух своего времени» (А. Скабичевский, Сын От., 4 сент.). «Беликов — это общественная сила, страшная своей неуязвимостью... он действует, как ядовитый микроб, — не насилем, не грубыми, жестокими приемами, самая жестокость которых могла бы возмутить людей, а незаметно, медленно, постепенно растлевая все окружающее... Его идеал — отрицание жизни», его сила — в слабости сопротивления окружающей среды (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 10). «Дело не в силе беликовых, — подчеркивал В. А. Поссе, — а в условиях жизни, в условиях, к которым легче всех остальных приспособляются мертвецы и автоматы...» (Обр., № 10). Чехов сумел «задеть самый больной нерв современности», показав, до чего доводит душу интеллигентного человека «самогипноз боязни», но он «не разъяснил, что каждый человек — кузнец собственного счастья, что каждый живет в том футляре, которого он достоин» (Ник. Нервный, «Футлярные люди», Н. Л., 23 июля). Н. Минский усмотрел в судьбе Беликова переход от комического к трагическому, а в авторе «прямолинейного и тенденциозного» моралиста и «бессердечного эстетика» (Нов., 30 июля). Свою точку зрения высказал А. Волынский: «Чехов сумел пролить на эту уродливую жалкую фигурку провинциального учителя мягкий гуманный свет...» (С. Вест., № 10–12). «Присяжный читатель» [А. А. Коринфский] не увидел в рассказе «никакой тенденциозности», ибо Беликов — «плод духовного одиночества» (Сев., № 30, 26 июля). Рецензент «Русского вестника» (№ 9) отметил, что «при всей своей карикатурности» Беликов — «общий тип», «близкий всему современному человечеству», «его чувства знакомы каждому из нас». Ал. Потапов нашел, что у Чехова появился «общественный тип»: «Воплощение косности, страха, формализма, олицетворение застоя, непримиримый враг всякой критики и самостоятельности» («А. П. Чехов и публицистическая критика», Обр., 1900, № 1). Н. К. Михайловский заметил, что «житейская пошлость», изображенная Чеховым, «не смешна, а страшна» («Кое-что о г. Чехове», Р. Бог., 1900, № 4, отд. II, с. 139). «Безыдейный чеховский анекдот» (К. Медведский, Моск. Вед., 7 авг.).

Л. Мельшин [П. Ф. Якубович] — «Конец Шелаевской тюрьмы (Из мира отверженных)» (Р. Бог., №№ 4–7).

«Русский вестник» (№ 9) с возмущением отмечал, что все рассказы этого цикла вертятся вокруг одной и той же темы — борьбы арестантов с тюремными властями.

А.Серафимович — «Сцепщик» («Донская речь», 19 июля).

Ф.Сологуб — стихотворение «Золушка» («Верь в исполнение сказки, / Жди утешительных дней...») («Жизнь», № 21, 30 июля).

Пл.Н.Краснов — «Буржуазный аристократизм» (о д'Аннунцио) (Кн. Нед., № 7). По рецепту Ницше прославляется «физическая сила», «разнузданность, гордость, роскошь и другие “аристократические” пороки»; его прельщают буржуазные драмы с кровавыми эффектами.

Вышел первый сборник В.Вересаева «Очерки и рассказы», СПб., 1898, тираж — 1212; 2-е изд. — в мае 1899 г., тираж — 2800.

Основное содержание произведений В.Вересаева сводится к показу того, что старые «верования потеряли практическую почву... от них отлетела жизненность», а те, кто продолжает их придерживаться, превратились в современных лишних людей. Жизнь на стороне молодости [т.е. марксизма], показывает Вересаев, и в этом его основное отличие от писателей типа Боборыкина, развертывающих тему нравственного падения современной молодежи (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 11 сент.). Анонимный рецензент «Нижегородского листа» (22 окт.; есть серьезные основания для авторства Горького) назвал «лучшей вещью» рассказ «Без дороги»: драма человека, «воодушевленного горячим желанием помочь темной массе», работающего «до самозабвения» и встречающего вражду, — «искреннее искание “дороги” к сердцам народа звучит в ней». «Поветрие» — «странное произведение» без сюжета, движения и характеров, одни скучные разговоры о народничестве и марксизме. В целом произведения Вересаева интересны для чтения, так как «близки к жизни». Скриба [Е.А.Соловьев] отмечал, что «Очерки и рассказы» Вересаева — это «частица художественной летописи нашего времени». Помимо современности тем (голод, холера, споры между марксизмом и народничеством), произведения Вересаева ценны «тревожным вопросом о цели, плодотворности и необходимых стимулах деятельности»; причем сам автор, не говоря о его героях, «решительно не знает, куда идти, что делать», но он блуждает с «искренностью в сердце своем», он

объективно показывает в «Поветрии», как «народники спотыкаются на ровном месте», а «марксисты храбро идут в гору» (Од. Нов., 30 дек.). А.Б. [А.И.Богданович] оценил в лице Вересаева новую незаурядную литературную силу, показавшую спор народников и марксистов объективно и рельефно, а также «невозможность примирения между ними» (Мир Б., № 12). Н.К.Михайловский увидел в сборнике демонстрацию той «наклонной плоскости», по которой движется Вересаев от повести «Без дороги» к «Поветрию», названному критиком «изложением доктрины в quasi-поэтической форме», а новые убеждения [марксизм], к которым приходит героиня повести Наташа, — «сочетанием фатализма с оптимизмом» (Р. Бог., 1899, №№ 1 и 2). Н.Минский, напротив, утверждал, что Вересаев — «это чистокровный народник, скорбящий лишь о том, что хорошие люди иногда становятся марксистами» (Нов., 1899, 28 янв.). Критику «Образования» (1899, № 3, А.Налимов) также представлялось, что в повести с таким названием, как «Поветрие», нельзя изображать единомышленников и что скорее всего Вересаев просто не знает, «каким путем пойдет развитие России». Тихон Полнер заметил: «Дарование г. Вересаева невелико» (особенно в сравнении с Чеховым и Горьким), но он «вдумчивый писатель», умеет ставить важные современные вопросы, при том что сочувствие его «как будто... на стороне нового учения» [марксизма]. Лучшее произведение — «Без дороги», где выведен «герой нашего времени», скептик (Кур., 1900, 25 сент.).

В июле Н.К.Михайловский писал политэмигранту Н.С.Русанову: «В настоящий момент я вас решительно не благословляю на возвращение, — пропадете ни за грош. У нас дело стоит вот как: старое старится, молодое не растет. Т.е. оно и растет, но ежегодно с жестокою аккуратностью скашивается. Вот уже без малого 20 лет из года в год все талантливое и энергичное из молодежи рискует быть высланным или сосланным, а затем и в тину засосаться из-за книжки, разговора, знакомства, не говоря о прочем. Из года в год снимаются и куда-то выбрасываются сливки, и остается снятое молоко... Этим объясняется вся наша смута умов и, в частности, распространение марксизма нашего, с его темными и светлыми сторонами» («Былое», 1907, № 7, с. 137).

Я.Абрамов «По разным ведомствам» — о 6-томном собрании сочинений Н.К.Михайловского (СПб., 1896–1897) (Кн. Нед., № 6). Михайловский «изображал своею особою» философа,

социолога, критика, публициста, а на самом деле он фельетонист и «замечательный популяризатор чужих мыслей».

Статья поддержана Н. Минским как «доброе литературное знамение» (Нов., 30 июля). Журнал марксистской ориентации «Научное обозрение» (№ 8) ответил Я. Абрамову, оговорив свое разногласие с Михайловским «по многим вопросам»: «Для оценки этой “критики” прежде всего необходимо помнить, что между Я. Абрамовым и Н. Михайловским есть во всяком случае одно существенное различие: Н. К. Михайловский принадлежит к числу лиц, которые создали журнал “Отечественные записки”, тогда как Я. Абрамов — к числу лиц, созданных “Отечественными записками”». «Приемы Я. Абрамова настолько не симпатичны, что даже та доля истины, которая содержится в некоторых его замечаниях, не производит впечатления», и «его упреки по адресу Н. К. Михайловского получают попросту комический характер». Даже В. Буренин отметил «презренный язык» Абрамова и его «презрение к заслугам» (Н. Вр., 21 авг.).

Август

А. Чехов — II. «Крыжовник», III. «О любви» (Р. Мысль, № 8)*

А. Скабичевский писал, что первыми во вновь полученной книжке журнала разрезаются произведения Чехова, поэтому «три вышеозначенных рассказа г. Чехова, наверно, успели уже прочитаться всею грамотною Русью с такою же жадностью, с какою некогда проглатывались новые рассказы Тургенева или Льва Толстого». И хотя в этих рассказах нет прописных истин, нет того, что привыкли называть «идейностью», каждая строка в них содержит «горький протест» против «пустой и бессодержательной» жизни (Сын От., 4 сент.). Рецензент «Донской речи» (29 сент. и 7 окт.) подчеркнул, что новые рассказы Чехова представляют собой трилогию, «художественную разработку одной и той же идеи». За внешним объективизмом у Чехова всегда присутствует «душевная боль», вызванная «напряженным, но безнадежным исканием смысла жизни»: «Вы чувствуете, что “футляр жизни”, к которому вы притерпелись и привыкли, на самом деле слишком тесен... что вам в нем душно, тяжело, что он сковал вас слишком грубо». А. Б.

* В оглавлении журнала рассказы были пронумерованы как 1-й и 2-й, по в самом тексте журнала — именно II и III, так как первым рассказом этого цикла, объединенного и замыслом и фигурами трех рассказчиков, был «Человек в футляре».

[А.И.Богданович] считал, что пора прекратить разговоры о бедности современной литературы, так как в ней происходит «немолчное биение живой силы в беллетристике, — силы, далекой от оскудения и слабости, от декадентских кривляний и жалких попыток к символизму». Однако «интерес к произведениям г. Чехова нельзя даже сравнить с тем отношением, какое высказывается к другим авторам»; А.Б. полагает, что в последних произведениях Чехова «жизнерадостное, бодрящее чувство как бы совсем покинуло автора», несмотря на то, что «жизнь в целом отнюдь не так уж мрачна...»; в писателе «назревает какой-то перелом, прорывается нечто сближающее его с другими нашими великими художниками, которые никогда не могли удержаться на чисто объективном творчестве и кончали проповедью» (Мир Б., № 10). Скриба [Е.А.Соловьев] писал, что Чеховым владеет «страшная мысль о роковом торжестве пошлости и тупого самодовольства, о ненужности и невозможности счастья для всякого, возвышающегося над идеалом собственного крыжовника» (Од. Нов., 3 дек.). А.Измайлов считал, что Чехов «болен мировой скорбью», которая заставляет его изображать «хмурых людей, печальные факты, серые и пасмурные дни, осеннюю умирающую природу», превращается в художника-субъективиста «в ущерб художественности картин», ибо «устремляется к решению вопросов жизни и религии» (Бирж. Вед., 28 авг.). Рецензент «Книжек Недели» (№ 9), полемизируя с теми критиками, которые хотят представить Чехова «отчаянным и зловредным пессимистом», утверждал, что в его «житейских элегиях» есть «что-то примиряющее с жизнью и прощающее ей...» В.Поссе находил в рассказе «О любви» «высоко нравственное» «положение Ницше: “Делай все, что желаешь, но сначала научись желать”» (Обр., № 10). «Верность долгу и уважение к себе и другим — вот что помешало им любить» (Р. Вест., № 10). В «Крыжовнике» — «умный протест против всякого суживания потребностей и запросов человеческой души»; в целом, рассказы Чехова последнего времени, несмотря на некоторую старомодность повествовательной структуры и отсутствие «новейших красок», «в гораздо большей степени принадлежат современной волне идейных исканий, чем разные тенденциозные писания...» (А.Волынский, С. Вест., № 10–12). А. -лов [А.И.Шепкалов] увидел в цикле рассказов «трилогию», изображающую разновидности «футлярной жизни», сковывающей свободу человека. Чехов настоящий «сын нашего безвременья», его постоянная «душевная боль» связана с «напряженным, но безнадежным исканием смысла жизни» («Донская речь», 29 сент., 7, 8 окт.).

Н.Нов. [А.Р.Кугель] выражает сожаление, что пьеса Чехова «Дядя Ваня», обошедшая многие провинциальные сцены, Петербургу совершенно незнакома; между тем она «проще, естественнее и понятнее “Чайки”», «порочной, так сказать, от рождения» («Т. и Иск.», № 31, 2 авг.).

В августе Художественный театр приступил к репетициям «Чайки». «Если бы ты незримо присутствовал,— писал Вл.И.Немирович-Данченко автору 24 августа,— ты немедленно начал бы писать новую пьесу!..» (Ежегодник МХАТ. Т. 1. М., 1946, с. 109–110).

П.Ф.Гриневиц [Якубович] — «Итоги двух юбилеев» (Р. Бог., № 8). В связи с юбилеями Некрасова и Белинского дана характеристика современной литературы: называют десятки имен даровитых и «высоко талантливых» беллетристов, поэтов, в которых «нельзя отрицать искры Божией»; «конечно, г. Горький и г-жа Микулич беллетристы очень талантливые; конечно, г. Чехов известен уже и за границей, как гордость современной литературы»; «конечно, гг. Минский, Бальмонт, Мережковский и даже Сологуб поэты не без дарования», «известную степень дарования» следует признать и за В.Брюсовым. «В чем же дело?» «Современный поэт, достойный этого времени должен... быть сыном своего народа и сыном века».

Гриневиц жалуется на «идейное» оскудение современной беллетристики и поэзии, не понимая, что у искусства «методы и задачи совершенно иные, чем у публицистики» (Кн. Нед., № 10, Из лит. мира).

Л.Я.Гуревич пишет Э.И.Мешингу о состоянии дел в «Северном вестнике», 19–20 августа: «Я “банкрот”. Это случилось полгода тому назад... Я тогда не застрелилась, потому что сказала себе так: “Такой журнал важнее, серьезнее всех моих долгов и всех моих унижений. Если я смогу спасти его, я должна жить”... Первую мою комбинацию, еще до банкротства, испортили Мережковские... Весною... я сорвала сама одну жизненно очень выгодную комбинацию, не сделав принципиальной уступки... При таких условиях я должна искать людей, которые пожелаю бы образовать товарищество...»; 28 августа: «Я опять сорву переговоры, потому что на принципиальные уступки не пойду... Русское общество невероятно тупо в вопросах идейных, чисто умственных и литературных»; 3 сентября: «Мое дело с марксистами уже решилось отрицательно — как я и предполагала» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. 56). 7 сентября

Д.С.Мережковский писал П.П.Перцову: «О превращении Северного Вестника в хлев для марксят я пока не слышал, но если это правда, то с восторгом пойду и в хлев» (Р. Л., 1991, № 2, с. 178).

В марте-августе вышло 6-томное собрание сочинений К.К.Случевского (СПб.: изд. А.Ф.Маркса, 1898), тираж каждого тома — 4000–5100.

Н.Минский подчеркивал в произведениях Случевского то, что он «не оптимист и не пессимист, не ретроград и не радикал, не тенденциозный писатель и не поклонник чистого искусства», «у него нет программы жизни... он не размахивает картонным мечом, ни политическим, ни религиозным, ни эстетическим». Большую ценность представляет интимная лирика Случевского, лирика «выстраданной мысли», что же касается «эпоса, и драматических отрывков, и патриотических од, и поэм, написанных на народный лад», то все это является балластом на его «поэтической ладье» (Нов., 16 июля). Случевский представляет «живой дух истинной поэзии» ([П.Ф.Николаев], Р. Мысль, № 5, Периодич. Изд.). «Чудному поэтическому дару его не суждено было заглухнуть»; не будучи народником, является «народным поэтом», бросающим вызов «петербургским кабинетикам и аудиториям», «самозванным радателям русского пахаря» и «незванно-непрошенным» «доморощенным марксистам». В «Песнях из уголка» «зовет на лоно природы», «почти видит Христа, идущего по земле» (Ап.Коринфский, «Поэзия К.К.Случевского», Моск. Вед., 14, 16, 17 марта). Поэзия Случевского поражает «свежестью и задушевностью лиризма», не утраченного «под гнетом лет», «оригинальностью мысли», но «страдает вычурностью, темнотою образов, небрежной внешней обработкой» (В.П.Буренин, Н. Вр., 2 окт.). В прежние десятилетия его «узко-индивидуальная» поэзия, с верованием в «особый трансцендентный мир», была не признана; «теперь следует ожидать большого успеха» (Пл.Краснов, «Вне житейского волнения», Кн. Нед., № 9). В раздвоенной поэзии Случевского царит «демон анализа» и «мистический рационализм», в ней — «холодный созерцатель, налагающий руку на горячий порыв» (В.Грибовский, «Художник-мыслитель», Кн. Нед., 1899, № 1). «Попытки открыть г. Случевского как ... некие стихослагательные мощи» делались уже 20 лет назад (Old Gentleman [А.В.Амфитеатров], Рос., 1900, 16 июня).

28 августа Л.Н.Толстому исполнилось 70 лет. Еще в мае было разослано секретное распоряжение министра внутренних

дел, запрещающее «празднование этого юбилея, а также и всякие о нем упоминания в печати» (Р. Бог., 1917, № 11-12, с. 66). Подписав циркуляр в качестве секретаря журнала «Вопросы философии и психологии», Ю.И. Айхенвальд поделился своими размышлениями с М.О. Гершензоном: «России, по-видимому, очень стыдно, что Толстой принадлежит ей, и она хочет замолчать его» (ЛЖТ Толстого, с. 285).

Однако промолчать о том, о чем писала пресса всего мира, оказалось невозможным. В сентябре и русские газеты стали помещать статьи о юбилее, а «Биржевые ведомости» (8 сент.) выпустили номер с портретом Л.Н. Толстого, биографической справкой и статьей А. Измайлова «Залог будущей славы»: «Вся духовно живущая Россия должна сойтись в единогласном и дружном преклонении перед колоссальным талантом художника, являющегося гордостью всего века». Розанов, упомянув о «жестокости негодования» на «уклонения» Толстого, заметил: «Коренное русское лицо, доведенное до апогея выразительности и силы», «наша родная деревня, вдруг возросшая до широты и меры Рима» (Н. Вр., 22 сент.). О.Б.А. [В.Г. Короленко] писал: «Наше время — переходное время, и Толстой, может быть, один из самых крупных и уж во всяком случае самый яркий из представителей этого “перехода”... самые его ошибки характерны и велики... могучая фигура гениального писателя, ходившего за плугом, и российского графа, надевшего сермягу, останется навсегда яркой вехой на нашем пути, самым характерным выражением... лучших стремлений нашего переходного времени» (Р. Бог., № 9). Цензурный комитет, пропустивший эту заметку, «получил нагоняй» от Главного управления по делам печати (В.Евгеньев-Максимов, «Из истории “Русского богатства”», Р. Бог., 1917, № 11-12, с. 66).

В августе вышла последняя книжка «Русского обозрения» (№ 5), основанного в 1890 г., получавшего неоднократные правительственные субсидии, но не сумевшего завоевать читателя (подписка не дотянулась и до 2000 экз.). В. Розанов вспоминал, что «Русское обозрение» было продано с аукциона за «странную сумму» — семь рублей («Судьбы нашего журнального консерватизма», Н. Вр., 1900, 30 июня).

К. Бальмонт — «Тишина. Лирические поэмы». СПб.: изд. А.С. Суворина, 1898, тираж — 1200.

[П.Ф. Якубович] назвал Бальмонта плодовитым и энергичным поэтом-символистом, повторяющим, однако, «давно и невозвратно уже пройденные зады романтизма» — «любовь ко всему туман-

ному, неземному, фантастическому, таинственному», подновляя их «ужимочками символизма», причем «музыкальность стихотворений покупается ценой утраты логической связи» (Р. Бог., № 12, Нов. Кн.). А.Б. [А.И.Богданович] использовал разговор о новом сборнике Бальмонта для полемики с Н.Минским, утверждавшим в «Новостях» (5 ноября) жизнелюбие новой поэзии: «Ни радости, ни печали, ни оптимизма, ни пессимизма в “поэзии” г. Бальмонта и следа нет. Есть одно кривлянье, пустая игра словами, рифмами и неестественно-манерными созвучиями... За один лермонтовский “железный стих, облитый горечью и злостью”, мы охотно отдали бы всю новую поэзию с г. Минским на придачу» (Мир Б., № 12). Иная точка зрения была высказана Пл.Красновым: сложившись под влиянием Шелли и Ницше, Бальмонт «все-таки остается оригинальным русским поэтом»; «влияние Ницше выразилось в презрении к человечеству, особенно слабому, в отрицательном отношении к таким чувствам, как сострадание (“Человеческого стога полюбить я не могу”), в стремлении к одиночеству, в определенном нежелании походить на людей... Наконец, — в симпатии к сильным личностям, хотя бы и не отличающимся нравственными принципами и не принесшим пользы человечеству» (Кн. Нед., 1899, № 1). А.Волынский так оценивал творчество прежнего сотрудника журнала: Бальмонт «умеет передать иногда очень тонкие впечатления от природы... и в этом отношении он стоит бесспорно выше некоторых своих товарищей по литературно-поэтическому направлению. Его стих нежнее и гибче, чем вылощенный стих г. Мережковского, музыкальнее, чем глубокомысленный, но нестройный стих г. Минского. Если что роковым образом стоит на творческом пути г. Бальмонта, так это именно его холодная душа, с ее надуманными претензиями в области поэтических отвлечений, с ее вечною рисовкою недоступными ей соприкосновениями с безбрежным и бесконечным» (С. Вест., № 8–9). Граф Алексис Жасминов [В.П.Буренин] нашел, что Бальмонт поет «темно и неосмысленно», «таскает обноски европейских мод» (Н. Вр., 13 ноября).

В.Я.Брюсов писал Бальмонту в начале 1899*: «...Ваша истинная книга — “Тишина”. В ней узнал Вас таким, как знаю, и в ней внятны мне все любви Ваши, все пути мысли. г. А.Волынский,

* Датировка, указанная в публикации, — конец августа 1898 г. — исправлена по времени фактического выхода «Северного вестника» с рецензией А.Волынского (начало 1899 г.).

хоть Вы и защищали его когда-то, конечно, не смыслит в стихах ничего, мне это ясно» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 105).

Сентябрь

3 сентября отмечалось 35-летие газеты «Русские ведомости», прошедшее особенно тепло из-за недавней приостановки газеты. По этому поводу О.Б.А. [В.Г.Короленко] писал: «многочисленные заявления горячей симпатии, письменные, печатные и устные, превратили скромное событие в настоящий праздник, вызывающий чувство некоторого удовлетворения не только у тех, кому они были адресованы, но и у всякого, кому дорого общественное признание настоящих заслуг честной печати» (Р. Бог., № 9). Отвечая на приветствия, «Русские ведомости» (17 сент.) подчеркнули свою «консервативную» верность эпохе реформ, т.е. 60-м годам, «не позволяли себе ни гаерства, ни фальшивого тона, ни увлечения преходящими веяниями».

А.Чехов — «Ионыч» (Ежемесяч. лит. прилож. к журн. «Нива», № 9).

Критика не обратила внимания на этот рассказ Чехова, что отмечал Н.Грушецкий, увидевший в «Ионыче» избитую историю о честных и светлых порывах молодости, которые «тонут в болоте ежедневной пустоты и материальных интересов» (Р. Сл., 16 ноября).

По достоинству рассказ был оценен лишь в статье Д.Н.Овсянко-Куликовского «А.П.Чехов»: если прочитать рассказ бегло и невнимательно, то можно подумать, что он написан на старую тему о том, как «среда заедает свежего человека». «У Чехова все дело представлено, так сказать, навыворот: “герой” вовсе и не выступает на борьбу со средою», потому что «пошлость, пустота и рутина» являются основными началами его собственной заурядной натуры (Журн. для всех, 1899, № 3).

26 сентября А.И.Эртель писал Б.Д.Вострякову: «Что такое Чехов? Ведь это одна из гордостей нашей литературы, одно из самых лучших ее имен, одна из самых лучших ее надежд. Ведь по таланту это писатель, быть может, не меньше Мопассана... Тургенева у нас, хотя и совсем в другом роде...» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 96).

А.Куприн — «В лесной глуши. I. Досвиток» (Р. Бог., № 9).

«В приемах и манере г. Куприна чувствуется местами ...подражание автору “Записок охотника”» (Вл.Преображенский, Кур., 12 окт.).

Леонид Андреев — «Любовь, вера и надежда» и «Алешка-дурачок» (Кур., 17, 29 и 30 сент.).

Вяч.Иванов — «Дни недели» (поэтический дебют в печати) (Вест. Евр., № 9).

*...И, полна богатств и лени,
Стала жизнь безумный мир,—
И царицу наслаждений,
Афродиту, видит мир!*

*Но опасен непрестанный
Праздник: алчность и разврат,
И вражда с тревогой бранной
Опыленных сторожат.*

М.Протопопов — «Бодрый талант» (о И.Н.Потапенко) (Р. Мысль, № 9). В отличие от Гаршина и Чехова, «тоскующих о чем-то, стремящихся к чему-то, грустных, глубоко неудовлетворенных», Потапенко «премного доволен действительностью, хотя... совершенно понимает все ее недостатки и несообразности», в отличие от Чехова и Короленко не имеет поддержки от критики, но «не унывает».

7 сентября Д.С.Мережковский пишет П.П.Перцову: «В Москве Вл.Немирович-Данченко открыл какой-то новый театр и, между прочим, ставит “Антигону” в моем переводе. Зовет меня читать лекции перед спектаклем и устраивать обстановку» (Р. Л., 1991, № 2, с. 178). Премьера в Художественном театре состоялась 12 января 1899 г.

30 сентября Л.Н.Толстой пишет П.И.Бирюкову: «Я же теперь весь поглощен исправлением “Воскресения”. Я сам не ожидал, как много можно сказать в нем о грехе и бессмыслице суда, казней» (т. 71, с. 457).

Ив.Бунин — «Под открытым небом. Стихотворения». Б-ка «Детского чтения», М., 1898, тираж — 3600.

«Среди стихотворцев и беллетристов последнего времени г. Бунин выгодно выделяется несомненной поэтической искоркой, задушевностью, простотой и подкупающей искренностью». Главное место в его творчестве занимает природа, но «человек отсутст-

вует в поэзии г. Бунина. Можно сказать, природа подавила автора... ее настроение вытеснило в нем собственное чувство: свои радости и печали, мечты и надежды, гнев, любовь...» Другой недостаток — слабость стиха: «Ни одного яркого, энергичного выражения, сильного эпитета, страстной, вырвавшейся из сердца строфы. Сплошной минорный тон его стихотворений утомляет...» (Мир Б., № 10, Библиограф. Отд.). Хотя стихотворный талант Бунина «невелик», писал в рецензии [П.Ф.Якубович], его книга «светлый оазис» «среди мертвой пустыни всякой символистской и не символистской дребедени»: «замечательная простота и безыскусственность» ее соответствует характеру русской природы (Р. Бог., № 12, Нов. Кн.).

В апреле 1899 г. Бунин послал сборник «Под открытым небом» Горькому, который отвечал: «Получил Вашу книжку. Сердечное спасибо!.. Хорошие стихи, ей-богу. Свежие, звучные, в них есть что-то детски-чистое и есть огромное чутье природы» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 337).

Каронин (Н.Е.Петропавловский) — Собрание сочинений. Тт. 1 и 2. М.: изд. К.Т.Солдатенкова, 1899, тираж каждого тома — 3600.

Все герои Каронина одержимы какой-то идеей, которая, в конце концов, и губит их (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 1 окт.). Анонимный рецензент, в котором есть серьезные основания видеть Горького, писал: «Каронин отдал дань увлечению деревней, по-сильно и порою очень оригинально пытаюсь осветить внутренний мир ее таинственных обитателей — таинственных и загадочных и по сей день. “Мой мир” — одно из задушевных произведений народнического романтизма, рисует возможность духовного слияния “интеллигента” с деревней; этот рассказ сильно волновал читателя во время оно, когда читатель еще не был так пуст, как ныне он пуст и холоден. Увлечение учением Толстого изображено... в рассказе “Учитель жизни”; “Борская колония” — грустная повесть о том, как мы в попытках “сесть на землю” — “садились в лужу”. “Бабочкин” — портрет человека середины восьмидесятых годов, эпохи, когда у нас одни начали “умнеть”, а другие всячески старались скрыть от себя и ближних свое внутреннее опустошение, которым в ту пору еще не рисовались, как теперь рисуются... В этюде “На границе человека” один из первых в русской литературе указал на новых людей — городской пролетариат — “босяков”» (Н. Л., 1 окт.). В отличие от «сладкогласования о деревне» М.О.Меньшикова и других «новых народников», Каронин, как и Гл.Успенский, «страшно жаждет правды», «уступая ему в яркости

и глубине» творчества. «Старые народники» «накопили массу материала, которым злые марксисты только воспользовались для выводов» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 11).

Октябрь

3 октября В.Г.Короленко записал: «У меня теперь есть очень хорошее средство отличить здоровое чтение от нездорового... Мне трудно читать некоторые газеты, и одно время в Петербурге я следил за новостями по “Русским Ведомостям”. Эту газету я могу читать в периоды наибольшего расстройства. Целые бессонные ночи напролет я проводил за Толстым, — перечитав “Войну и Мир”, “Анну Каренину”, “Казаков”. Теперь читаю то Берне, то Гейне...» (В.Г.Короленко. Дневник. Т. IV. Полтава, 1928, с. 23).

4 октября в Петербурге Литературный фонд и Союз писателей устроили литературный вечер в честь Л.Н.Толстого — в связи с исполнившимся 70-летием. После вступительного слова П.И.Вейнберга и выступления П.А.Сергеенко с рассказом о жизни и работе Толстого в Ясной Поляне, с чтением произведений Толстого выступили П.Я.Стрепетова, К.С.Баранцевич, А.А.Потехин, И.Н.Потапенко, Е.П.Карпов. Толстому была послана телеграмма: «Слава великому художнику, благородному поборнику вечной правды, вечного добра» (Пб. Газ., 5 окт.).

М.Горький — «Друзки» («Журнал для всех», № 10).

14 октября в Москве, в «Эрмитаже», состоялось открытие Художественно-общедоступного театра. Шел «Царь Федор Иоаннович» А.К.Толстого. «Внесет или не внесет Художественно-общедоступный театр новую живительную струю в русское сценическое искусство, об этом, конечно, говорить преждевременно, но первый спектакль, так же как намеченный репертуар, заставляет предполагать в организаторах новой сцены серьезные намерения, которым нельзя не сочувствовать. До сих пор на так называемых “образцовых” сценах видели мы иногда действительно образцовое исполнение отдельных ролей, но никогда не видели образцового репертуара» (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 16 окт.).

21 октября Чехов писал Вл.И.Немировичу-Данченко: «Судя по газетам, начало было блестящее — и я очень, очень рад, так рад,

что ты и представить себе не можешь. Этот Ваш успех еще раз лишнее доказательство, что и публике и актерам нужен интеллигентный театр» (т. 7, с. 303).

18 октября в Петербурге умер Я.П.Полонский, во многих некрологах названный наследником и носителем пушкинских заветов в поэзии (Р. Мысль, № 11; Вл.Соловьев, Вест. Евр., № 11; Жизнь, № 31, 10 октября). П.Морозов (Обр., № 12) писал, что Полонский был подлинным поэтом, но ему не дано было «глаголом жечь сердца людей». Н.М. [Н.К.Михайловский] подчеркнул «рыцарское благородство и наивность» покойного поэта: «Талант не ровный и не первоклассный, но настоящий, истинно поэтический, — с этим всякий согласится» («Памяти Я.П.Полонского», Р. Бог., № 11). А.Басаргин [А.И.Введенский] возражал против «духа партийности», который сказался в некрологах «Русской мысли» и «Русского богатства», где вместо «тихого и ласкового света поэзии» Полонского стремятся увидеть «какого-то борца за независимость литературы и мысли» (Моск. Вед., 1899, 2 янв.). В.Г.Короленко записал 23 октября: «Похоронили Полонского, — вернее, проводили на вокзал. Сегодня — пятница, Полонский принимал тоже по пятницам (это, кажется, называлось “поэтические пятницы”). Теперь в церкви говорили, — что это последняя пятница Полонского. Торжественность в эти дни все возрастала, и похороны вышли уже совсем торжественные: был великий князь Конст. Константинович и Победоносцев... Полонский уже отжил свое, он давно уходил также от близких, — и немудрено, что тут вечная трагедия, чисто личная трагедия смерти, тонула в пышности “представительства”... Он, как и Тургенев, по-видимому очень боялся смерти. Люди этого поколения начинали резким, но недостаточно глубоким отрицанием, потом переходившим в туманный мистицизм» (В.Г.Короленко. Дневник, Т. IV. Полтава, 1928, с. 46–47). «На похоронах Полонского собрались все поэты, — записал В.Я.Брюсов в своем дневнике. — Им сказал Случевский: “Вот умер тот, у кого мы собирались по пятницам, будемте теперь собираться у меня”» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 54). Посетителями «пятниц» были В.Брюсов, К.Бальмонт, Ф.Сологуб, К.Фофанов, Вл.Соловьев, П.Соловьева, Д.Мережковский, З.Гиппиус, С.Андреевский и многие другие. Кружок издал альманах «Денница» (см. наст. Летопись, дек. 1899 г.) и юмористический листок «Словцо» (Нов. Лит. Обзор., 1996, № 18, с. 232).

18 октября А.А.Блок сообщает отцу о поступлении на юридический факультет Петербургского университета: «Относительно будущего пока не думаю, да рано еще мне, кажется, думать о будущем... Пишу стихи, иногда пытаюсь писать прозу, но у меня ровно ничего не выходит» (т. 8, с. 7–8).

19 октября П.Ф.Якубович пишет Н.К.Михайловскому, откликаясь на предложение написать статью к юбилею Пушкина: «Не в том ли, думается мне, заключается “пафос” пушкинской поэзии, о чем Белинский упоминает лишь мельком... — в широкой гуманности и человечности, которою проникнуты все отношения поэта к внешнему миру, не исключая даже и природы?» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. 810). Михайловский отвечал: «Я бы только ввел в качестве иллюстрации его гуманизма его органическое отвращение к аскетизму, ко всякой вольной или невольной урезке полноты человеческого существования, — отвращение, по обстоятельствам времени и места, переходившее иногда в эпикурейство» (Р. Бог., 1910, № 1, с. 252).

Горький поместил в «Нижегородском листке» (19 окт.) заметку о «Журнале для всех», который «строго выполняет одну из своих задач — давать читателю за дешевую цену здоровую пищу для ума и духа». В конце октября Горький писал редактору «Журнала для всех» В.С.Миролюбову о необходимости объединить «здоровых, бодрых, порядочных людей», так как «журнал есть дело всероссийское», «дело историческое» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 285, 286).

Пл.Краснов — «Глава декадентов» (в связи со смертью Стефана Малларме) (Кн. Нед., № 10). Он «первый осмелился писать как никто не пишет. Пусть его отличия касались вещей вздорных... и талант его был ничтожен. Он... имел смелость пойти против общепринятого, и потому пользовался большой известностью». Философская основа декадентства — ницшеанство: они не хотят иметь дело с «толпой», «говорят только избранным», «прибегают к символическому и шарадному языку».

Л.Мельшин [П.Ф.Якубович] — «В мире отверженных». Т. 2. СПб.: изд. ред. «Русского богатства», 1899, тираж — 3000.

А.М.Скабичевский, ссылаясь на книги Ф.Достоевского, А.Чехова, Л.Мельшина и др., говорил, что мир каторги, благодаря «личному опыту» русской интеллигенции, хорошо освещен в русской

литературе, причем Мельшин показывает «новые всходы жизни», в частности, «возможность сближения интеллигенции с народом» («Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне», Р. Мысль, №№ 9–10). Рецензент «Мира Божьего» (1899, № 3) обращал внимание на «новый элемент», появившийся во втором томе, — «образованные и благородные» люди [подразумевались политические заключенные]; с ними на каторгу приходят «гуманность, самоотверженность, кротость и надежда». В целом, книга «разбивает ту идеализацию русского преступника», которой содействовал «народнический романтизм».

В конце октября Горький посылает Чехову два тома своих «Очерков и рассказов»: «...Я хотел бы объяснить Вам в искреннейшей, горячей любви, кою безответно питаю к Вам со времен молодых ногтей моих, я хотел бы выразить мой восторг пред удивительным талантом Вашим, тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 283).

Ноябрь

2 ноября Н.К.Михайловский пишет П.Ф.Якубовичу: «О том, что беллетристика “Русского богатства” плоха, я, конечно, с Вами спорить не буду. Но откуда ее взять? Сами видите: Вересаев выдохся, Горький не сегодня-завтра изломается... Это все отцветает, не успевши расцвести, — климат уж такой. А с Короленкой все что-то неладно. Слухи о его больших произведениях не основательны. В ноябре будет, надеюсь, его маленький рассказ. А об других старших что и говорить. Мамин — огромная стихийная сила, но только стихийная... Вы спрашиваете о Гарине и Пешехонове. Первый есть талантливый человек. Но не писатель, хочу сказать — не художник-работник, любящий свое дело, а капризник и модник, избалованный барич, которому что марксизм, что модного цвета сюртук — все едино. Мы с ним совсем расстались... Давит ли нас цензура? В последнее время — невероятно. Много я видел на своем веку, но такого, что мы пережили с октябрьской книжкой, не видал. Довольно Вам сказать, что Мамин, во всю свою литературную карьеру не потерявший ни одной строки в цензуре, подвергся хирургической операции*. Затем священник, зем-

* В октябрьской книжке «Русского богатства» печаталось начало повести Мамина-Сибиряка «У теплого моря».

ский начальник, дворянин, высеченный николаевский солдат, рабочий не только наш, но и французский, если он устроил стачку, — запрещенные люди»* (Р. Бог., 1910, № 1, с. 253).

В.Г.Короленко — «Необходимость (Восточная сказка)» (Р. Бог., № 11). Сказка направлена против идеи исторического детерминизма.

Вл.Преображенский (Кур., 28 дек.) нашел, что аллегория Короленко направлена «против современной теории, безусловно не разделяемой на страницах “Русского богатства”» [т.е. против марксизма]. В этом «художественно-философском тумане» скрыта «прописная мораль» (Кн. Нед., № 12, Из рус. изданий).

В том же номере «Русского богатства» за подписью В.К. был опубликован политический памфлет Короленко «Знаменитость конца века» — о разоблаченном к этому времени майоре Ф.Эстергази, подлинном виновнике преступления в котором был обвинен А.Дрейфус. Определяя основную пружину процесса как «конденсированный милитаризм», Короленко восхищается «кучкой честных людей и ничтожным меньшинством прессы», у которых было «чутье правды», позволившее им «бороться с несколькими министерствами, с штабом, в руках которого огромная сила, с ослеплением всего народа».

Д.Н.Мамин-Сибиряк — «У теплого моря» (Р. Бог., №№ 10–11).

«Но, Боже, какая неизмеримая разница между босяками г. Мамина и г. Горького, — писал А.Скабичевский, — без малейшей идеализации и романтизации показывает Мамин надломленных людей, осуждающих самих себя и не смотрящих на окружающий мир с презрением» (Сын От., 1899, 1 янв.).

М.Горький — «Читатель (Беседа)» («Cosmopolis», № 11).

«...Боюсь, что этот рассказ не вызовет столько внимания, сколько нужно его для жизни. Но если этот не вызовет, я напишу другой, хотя бы меня били по голове молотками» (Письмо Горького к Ф.Д.Батюшкову, около 14 окт. 1898. Письма. Т. 1. М., 1997, с. 278).

* В октябрьском номере цензура не пропустила две заметки В.Г.Короленко для «Хронки внутренней жизни»: «Прелести сословного земства» и «Об инквизиции» (В.Г.Короленко. Полн. посмертное собр. соч. Т. 5. Харьков, 1928, «Биографическая канва», с. 225).

Н.К.Михайловский назвал речи «читателя» «бичующими монологами совести», адресованными всей современной литературе. «Горький не только не вдохновляется “новым словом” героев “Поветрия” [Вересаева], но находится в самом резком противоречии с ним» и полагает, что на почве этого нового мирозерцания «нет места настоящему художественному творчеству»; он готов даже требовать «нас возвышающего обмана» вместо «отсутствия идеала, возводимого в достоинство марксистами» (Р. Бог., 1899, №№ 1 и 2).

В конце ноября Горький пишет Короленко, посылая ему свои книги: «Вы были моим учителем и много сделали хорошего для меня, этого я не забыл и не забуду. Крепко жму Вам руку и в конце концов думаю, что служу тому же Богу, что и Вы» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 292).

А.И.Куприн — повесть «Олеся (Из воспоминаний о Воляни)» («Киевлянин», 30 окт.–17 ноября).

Леонид Андреев — «Защита (История одного дня)» (Кур., 8 ноября).

Н.Минский — «Несколько слов о современной русской поэзии» (Нов., 5 ноября). «Между современной русской поэзией и декадентством нет ни одной общей точки соприкосновения»: первая ищет философского содержания, вторые — «тетрадки, изданные молодыми людьми в Москве» [«Русские символисты»] — гоняются «за формой и ощущениями».

10 ноября в Петербурге вышел первый, сдвоенный номер нового иллюстрированного художественного журнала «Мир искусства» за 1899 г. (редактор С.П.Дягилев, издатели кн. М.К.Тенишева и С.И.Мамонтов). Участниками журнала были названы: И.Репин (вскоре разошедшийся с редакцией), В.Васнецов, А.Васнецов, В.Поленов, Е.Поленова, В.Серов, М.Нестеров, И.Левитан, И.Остроухов, К.Коровин, М.Якунчикова, Ал.Бенуа, С.Малютин, Л.Бакст, М.Врубель, К.Сомов, А.Головин и др.

Журнал состоял из трех отделов: 1) художественного, посвященного русским и иностранным мастерам, представляющим «интерес... для современного художественного сознания»; 2) художественно-промышленного, обращавшего «особое внимание на великие образцы старого русского искусства» «с целью поднятия худо-

жественно-прикладного искусства в самобытном русском духе»; 3) художественной хроники, включавшей и рецензии на новые книги.

В программной статье «Сложные вопросы. Наш мнимый упадок. Поиски красоты» С.П.Дягилев призывал к борьбе за передовое искусство современности, отвергающее «мещанские формулы» утилитаризма, отказывающееся от «религиозного и общественного служения», за искусство «самоценное, самополезное и главное — свободное», находящее красоту «и в добре и в зле».

Эта декларация вызвала отрицательные отклики. «Сколько притязаний, самовосхваления, грубости... Подальше от такого искусства!» (В.Гольцев, Кур., 20 дек.). «Недостаточно войти в мир искусства с фразами о красоте и ее свободе, чтобы отрешиться от умственного лакейства» (А.Волынский, С. Вест., № 8–9). «Непримиримая вражда — этому негодному декадентству... Ах, если бы все тут рисованное и писанное было по крайней мере свое — а то даже и этого утешения нет!» (В.Стасов, «Нищие духом», Нов., 1899, 5 янв.). Не заявив себя «никакими солидными и видными трудами», Дягилев «переполнен желанием побежать петушком за каким-то новаторством в искусстве» (В.Буренин, Н. Вр., 27 ноября). Рецензент «Русской мысли» (1899, № 1) восклицал: «Вот какой сердитый г. Дягилев» — Толстой, Добролюбов, Чернышевский — все ему «нипочем»: «Это даже не “декадентство”, а просто гримасничанье и... глубокое непонимание задач искусства». Журнал создан для защиты нового в живописи, но в первых же номерах помещает снимки картин В.Васнецова и других старых художников, но и появившихся художников-декадентов «нельзя пройти молчанием» (П.Н.Ге, «Характерные течения современной русской живописи», «Жизнь», 1899, № 1). И лишь рецензент «Русских ведомостей» (24 ноября), по поводу одновременного выхода нового журнала «Искусство и художественная промышленность» Н.П.Собко (где видную роль играл В.Стасов), высказал пожелание, чтобы «из столкновения мнений выяснилась русская художественная мысль».

Сразу после выхода «Мира искусства» И.Е.Репин писал А.А.Куренному: «Конечно, этому журналу я сочувствую всей душой. Все же Дягилев человек со вкусом, с широкой инициативой — не чета бездарному Собке... Да, он шевелит, он на высоте потребностей времени — право молодец...» (Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. М., 1982, с. 159).

15 ноября П.М.Третьяков писал С.С.Боткину: «Уж не знаю, кто хуже — Собко или Дягилев? Внешность хороша [“Мира искусства”], но ужасно сумбурно и глупо составлено: зачем помещены

снимки с Васнецова, почему с Левитана и для чего с Поленовой?» (Там же, с. 160).

30 ноября М.В.Нестеров писал А.А.Турыгину: «Спасибо за журнал Собко. Что же! Для передвижников и то хлеб. Здорово бездарно, но благополучие образцовое... Другое дело Дягилев — тут молодость, тут самонадеянность, тут талант, все это перепуталось страшно, и получилось все же нечто, что может волновать, придавать интерес и энергию. Статья Буренина грубая и грязная... За такие статьи платят пощечинами. За Дягилева порукой те имена честных и даровитых людей, которые сознательно доверились ему, признавая в нем человека способного и с хорошим вкусом... Словом, будем верить в “звезду” (как говорит Серов) Дягилева, а мальчишество его можно ему простить» (М.В.Нестеров. Письма. Л., 1988, с. 172).

К.А.Сомов высказался 1 января 1899 г.: «Журнал вместо свободного и независимого и справедливого делается партийным и односторонним...» (К.А.Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979, с. 67).

1–2 февраля 1903 г. А.П.Чехов заметил в письме к О.Л.Книппер: «“Мир Искусства”, где пишут новые люди, производит... совсем наивное впечатление, точно сердитые гимназисты пишут» (т. 11, с. 139).

Ал.Н.Бенуа вспоминал о своем письме-отклике на выход «Мира искусства» в 1898 г., посланном редакторам С.П.Дягилеву и Д.В.Философovu; письмо было лишено «поощрений»: «претенциозная» обложка, «дразнящий» характер оформления и, главное, «мальчишество», «провокация к скандалу» вместо «солидного, веского, значительного и просвещенного органа» (Мои воспоминания. М., 1993. Т. 2, с. 228–229).

В связи с концертом в Н.Новгороде пианистки В.И.Скрябиной-Исакович Горький в неподписанном «Маленьком фельетоне» (Н. Л., 14 ноября) говорит о таланте А.Н.Скрябина, «его способности посвящать людей в тайны великого искусства — музыки, которому он служит как истинный жрец, глубоко верующий в благородную мощь своего Бога» («Советская музыка», 1986, № 7, с. 72).

16 ноября Чехов, отвечая на первое письмо Горького, пишет: «Вчера на ночь читал Вашу “Ярмарку в Голтве” — очень понравилось и захотелось написать Вам эти строки... Я очень, очень рад нашему знакомству...» (т. 7, с. 332). В ответном письме Горький рассказывает о спектакле «Дядя Ваня» в Ниже-

городском театре: «Для меня — это страшная вещь, Ваш “Дядя Ваня”, это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым Вы бьете по пустым башкам публики» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 291).

21 ноября в Одессе в Литературно-артистическом клубе состоялся вечер, посвященный Чехову, на котором выступил И.А.Бунин, «сверстник и друг Чехова», с чтением рассказа «Панихида» (Од. Л., 21 ноября).

К.Медведский в письме в редакцию «СПб. ведомостей» (29 ноября) сообщал о разрыве с «Московскими ведомостями», не сумевшими «вдохнуть новую жизнь в знаменитый орган Каткова» и сплотить вокруг себя «лучшие силы партии», т.е. монархистов и националистов.

В.Брюсов — брошюра «О искусстве». М., 1899, тираж — 500. В предисловии автор указывал на некоторую общность своих мыслей со взглядами Толстого на искусство, но при этом добавлял: «Полагаю, меня не сочтут последователем Толстого. Эта книжка никак не развитие его мыслей и не поправка к его учению. Мы исходим из общего положения, но идем к выводам противоположным. Толстой желал бы и по внешности и по содержанию ограничить область художественного творчества. Я ишу свободы в искусстве».

А.Г.Горнфельд в неподписанной рецензии писал о «грустном и комическом впечатлении» от «притязаний г. Брюсова»: «Наверное, никому в голову не придет сопоставить... ошибки большого ума с набором крикливых трюизмов». Брюсов лишь «порхает» вокруг серьезных задач, оставаясь в стороне от большой дороги, которой идет наука об искусстве (Р. Бог., 1899, № 1, Нов. Кн.).

«Вопросы философии и психологии» (1899, № 1) поместили не столько рецензию, сколько аннотацию, о которой Брюсов записал в дневнике, что ее «терпеть можно», в отличие от рецензии «Русского богатства», которая зовет на «торную дорогу» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 62 и 67).

Л.Шестов — «Шекспир и его критик Брандес». СПб., 1898, тираж — 1000.

«Это книга не о Шекспире и не о Брандесе», замечал в неподписанной рецензии А.Г.Горнфельд, «это бурный и... основанный на недоразумении протест против рационализма»; вместо «маленького модернизированного Шекспира, созданного Брандесом по обра-

зу и подобию своему», Шестов возвращает нас к Шекспиру, «поистине могучему и вечному, от сверхчеловека к всечеловеку» (Р. Бог., 1900, № 1, Нов. Кн.). Вопреки Брандесу, Шестов считает, что Шекспир «не успокоился на пессимизме, а уверовал в разумную целесообразность мира и в добрую природу человеческой души» ([Ю.И.Айхенвальд], Вопр. Фил. и Псих., № 2, Библиограф. Листок). Брандес сближает Шекспира с некоторыми философскими вениями новейшего времени, в частности с Ницше. Шестов «справедливо восстает против этого насилия» и ставит вопрос о смысле страданий, о цели человеческой жизни. Трагическое творчество Шекспира «совершенно неподсудно материалистическому пониманию» Брандеса. В книге самого Шестова, при «горячем и убедительном» изложении, много спорного (З.Венгерова, Обр., 1900, № 1, Критика и библиография).

«Я читал Вашу рецензию... — писал Л.Шестов 4 февраля 1900 г. А.Г.Горнфельду, — и очень благодарен... за внимание ко мне» (РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. 562).

Декабрь

1 декабря М.О.Меньшиков пишет А.П.Чехову: «...На именинах Михайловского Баранцевич провозгласил Фофанова Пушкиным нашей эпохи. Себя он, вероятно, метит в Гоголи...» (РГБ, ф. 331, к. 51, ед. 556).

3 декабря Чехов пишет Горькому о его рассказах: «Талант несомненный и притом настоящий, большой талант... Вы художник, умный человек, Вы чувствуете превосходно. Вы пластичны, т.е. когда изображаете вещь, то видите ее и ощупываете руками. Это настоящее искусство» (т. 7, с. 351–352).

В начале декабря Горький и В.А.Поссе от имени обновленной редакции журнала «Жизнь» настойчиво приглашают Чехова к сотрудничеству в журнале. Получив известие о согласии Чехова, Горький пишет ему в конце декабря: «Для “Жизни” Вы туз козырей, а для меня Ваше согласие — всем праздникам праздник!» Тогда же Горький пишет В.А.Чернову: «Продал всего себя в “Жизнь” — обрати внимание на сей журнал. Это будет самый живой из всех живущих. В нем постоянно будет делать беллетристику по листику и более Чехов, Чириков, Вересаев, я, Баранцевич, Ширков и еще кое-кто. В нем будут проповедовать индивидуализм» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 299, 300).

А.Чехов — «Случай из практики» (Р. Мысль, № 12).

«Из рассказа не видно, чтобы болезненное состояние богатой наследницы вызвано было процессом, аналогичным тому, который много лет назад привел к образованию “кающегося дворянина”» (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 19 дек.). «Капиталистический фрукт, возросший на русской почве», представлен у Чехова как нечто «крайне жалкое и подчас совершенно бессмысленное и несообразное» (А.Скабичевский, Сын От., 25 дек.). «Книжки Недели» (1899, № 1) отозвались заметкой «Работа на дьявола». «Русский вестник» (1899, № 2) сетовал, что «Чехов идет ощупью в темноте, отказываясь от единственного света... света религии». А.Волынский писал: «Вещь недоделанная», но «преисполненная благородных... настроений» (С. Вест., № 10–12).

В.Г.Короленко записывает в дневнике 10 декабря: «Новость: на 17 декабря был назначен литературный вечер в память Мицкевича [100-летие со дня рождения]. Вечер, по всему было видно, должен был иметь выдающийся успех. Лучшие чувства русского интеллигентного общества, казалось, на этот раз идут рядом с “примирительным” настроением государя. Приехав из Москвы, я застал на своем письменном столе городское письмо от Вейнберга: “Вечер Мицкевича запрещен...”». 16 декабря: «12 декабря открыт в Варшаве памятник Мицкевичу. Речей не было. Говорят, Сенкевич составил речь, чисто литературную. Написанная, она поступила в цензуру и — ее запретили целиком. Тогда кн. Любомирский решил, что и никаких речей не будет... У других — демонстрации сопровождаются криками. Наши власти, добившись полного молчания, полагают, что достигли цели, забывая, что бывают и демонстрации молчания» (В.Г.К о р о л е н к о. Дневник. Т. IV. Полтава, 1928, с. 88–91).

В.Я.Брюсов о посещении «пятницы» К.К.Случевского: «Пришел с Бальмонтом и Буниным, — согласно с обычаем, поднес хозяину свои книги стихов, сел и стал слушать... Было сравнительно немало народа...» [Михаловский, Гайдебуров, Ясинский, Коринфский, Сафонов, Грибовский и др.]. «Мы трое декадентов — Бальмонт, Сологуб и я — тоскливо укрылись в угол» (Запись от 11 дек. В.Б р ю с о в. Дневники, с. 54).

17 декабря на сцене Художественно-общедоступного театра состоялась премьера «Чайки». «Успех колоссальный, — телеграфировал Вл.И.Немирович-Данченко Чехову. — С первого акта пьеса так захватила, что потом последовал ряд триумфов. Вы-

зовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья». Вдгонку первой пошла вторая телеграмма: «Все газеты с удивительным единодушием называют успех “Чайки” блестящим, шумным, огромным. Отзывы о пьесе восторженные. По нашему театру успех “Чайки” превышает успех “Федора”» (Ежегодник МХАТ. Т. 1. М., 1946, с. 113-114).

Спектакль был единодушно поддержан прессой. И-т [И.Н.Игнатов] назвал «Чайку» сильной пьесой, заражающей зрителей своим настроением, но это настроение — вывод о жизни как о чем-то больном, жестоком, унылом, неясном и не нужном — осудил, так же как и форму чеховской драмы, в которой «не видит новизны, как не видит ее у Метерлинка» (Р. Вед., 20 дек.). Журнал «Театр и искусство» (1899, № 1, 10 янв.), поместив статью Арсения Г. [И.Я.Гурлянда], отметившего, что именно «Чайка», а не «Царь Федор», — первая серьезная победа Художественного театра, дал примечание от редакции о том, что «Чайка» — «посредственное произведение» [как и «Палата № 6», и «Черный монах»], которое «спасла режиссура Художественного театра». Ан. [М.Н.Ремезов] (Р. Мысль, 1899, № 1) объясняет небывалый успех «Чайки» тем, что «с первых же сцен все в театре почувствовали, что перед ними разворачивается далеко не заурядная драма, совершенно новая пьеса, по-новому задуманная, по-небывалому написанная и исполняемая как раз в том тоне, в каком автору желательно». П.П.Гнедич в статье, о которой одобрительно отозвался Чехов (в письме к автору от 4 февр. 1899), предсказывал: «В этой реабилитации «Чайки» я вижу залог светлого будущего не для одного данного театра, а для русского театра вообще... Театральное дело вступает в новую фазу. Много борьбы предстоит с представителями отживающих форм мнимой сценичности, но главное — первый шаг сделан» (Н. Вр., 1899, 18 янв.).

Леонид Андреев — «Из жизни штабс-капитана Каблукова» (Кур., 25 дек.).

Фр.Ницше — «Так говорил Заратустра, книга для всех и не для кого. Символическая поэма» (перевод Ю.М.Антоновского) (Нов. журн. иностр. л-ры, янв.-дек.); в ноябре вышло отд. изд. в неполном переводе С.П.Нани, СПб.: тип. М.Стасюлеви-ча, тираж — 1250.

Почти все рецензенты отмечали неудачи перевода С.П.Нани. «Культ Ницше в некоторых слоях русского общества становится

заметным», но его идеи «быстро опошлили и измельчали» (Р. Мысль, 1899, № 2). Представляет интерес как «болезненный симптом» современного брожения европейской мысли (Вест. Евр., 1899, № 1). Ницше становится «модным писателем в России», отмечал В. Преображенский, автор первого русского исследования о немецком философе; эстеты и декаденты, без всякого права, пытаются «пристроиться» к нему (Вопр. Фил. и Псих., 1899, № 1). «Наиболее современный из философов» создал «трагическую повесть о созидаемом духе», о преодолении «человека» и возрождении «сверхчеловека» (З. Венгерова, Обр., 1899, № 4). Н. Минский приветствовал появление на русском языке книги Ницше, идеи которой должны помочь русской интеллигенции, «привязанной к колесу народолюбия», «раскрепоститься», ибо основным догматом ницшеанства «следует признать непримиримое презрение к толпе, к народу, ко всем неизбранным». Сочувствуя в сердце словам Толстого, «дети культуры» «в жизни своей следуют заповеди Заратустры», которая посягает «на самый источник служения страждущим — на чувство сострадания» (Нов., 31 дек.).

В течение года в «Вестнике Европы» (№№ 6, 7, 8) печатались стихотворения Вл. С. Соловьева «Мимо Троицы», «Нильская дельта», «11 июня 1898 г.», «На том же месте», а также поэма «Три свидания» (№ 11); в «Книжках Недели» (№№ 6, 7, 11, 12) — «Песня моря», «В Архипелаге ночью», «Слово увещательное к морским чертям», «Ответ на «Плач Ярославны»», «Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи...»

Е. Чириков — «Очерки и рассказы». СПб.: изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1899, тираж — 3000.

М. С. [М. А. Славинский] сожалеет, что в сборник не вошли «Инвалиды» и предсказывает «молодому автору выдающееся место среди современных беллетристов» («Жизнь», 1899, № 2). Автор, «художник-наблюдатель», печатается уже около 15-ти лет, но для сборника сделал «строгий выбор» (Мир Б., 1899, № 3). Беллетрист «серьезных и весьма симпатичных настроений», демократ по чувству, пишет «о невзгодах меньшого брата» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 1899, 9 июля). «Значительно уступает по таланту М. Горькому»; «совсем нет драматических нот», на столкновение человека «с затхлой провинциальной средой» смотрит «с юмористической точки зрения». В рассказе «Прогресс» «отдал дань тому направлению, которое так охотно распространяется об «идиотизме деревни»» и вместо «народнической идеализации, расходящейся с действительностью, дает «презрительное», «карикатурное изображе-

ние» мужика и этим «не только грешит против художественной правды, но и возмущает наше нравственное чувство» (А.Скляр, «Бытописатель провинциальной жизни», Обр., 1899, № 9).

А.Вербицкая — «Сны жизни», М., 1899, тираж — 1200.

«Семь рассказов о разных видах любви женщин»; «искренность тона» при «недостатке простоты» и избытке сентиментальности (Р. Мысль, 1899, № 2). «Горячее сочувствие всему живому и страждущему», «задушевный», «местами приподнятый тон», «утомительная растянутость» (Мир Б., 1899, № 4). Изображает преимущественно «неудачников», злоупотребляет «лирическими отступлениями» (М.С. [М.А.Славинский], «Жизнь», № 2, кн. 1).

Allegro [П.С.Соловьева] — «Стихотворения». С виньетками автора. СПб., 1899, тираж — 1000.

Allegro, в свое время печатавшаяся в «Русском богатстве», тем не менее принадлежит к современным певцам «неуловимых ощущений». Собранные вместе, ее стихи выигрывают: «звучно, поэтично, удивительно тонко, но... и все тут». Однако «не все же в заоблачном мире идеалов витать и не все же гражданским заботам предаваться, непреступно порой и чисто-органической жизнью пожить», оставаясь при этом «мыслящим современным поэтом» ([П.Ф.Якубович], Р. Бог., 1899, № 3, Нов. Кн.). «Небольшая, изящно изданная книжечка... резко выделяется среди массы сборников, quasi-поэтических по содержанию и весьма претенциозных по внешности»; преобладает «оттенок меланхолии и глубокого чувства, не находящего удовлетворения в жизни» (Мир Б., 1899, № 2, Библиограф. Отд.).

В течение 1898 г. вышло три сборника сочинений М.О.Меньшикова: «Думы о счастье (Семья. Народ. Природа. Прогресс. Бог)». СПб., 1898, тираж — 1000; «О писательстве». СПб., 1898, тираж — 2000 и «О любви». СПб., 1899, тираж — 2200 — все на морально-этические и общественные темы.

«Могучие мысли и смелые рассуждения Толстого, — писал А.Волынский, — перевариваются г. Меньшиковым в какое-то подобие манной каши для детей» (С. Вест., № 10–12). «Высокое представление» о месте писателя отметил А.П. [А.Н.Пыпин], поддержав скорбь о перерождении литературы в журналистику и не одобряв отталкивание от западного литературного мира, который живет «свободною жизнью» (Вест. Евр., № 12). Позиция Меньшикова была определена А.И.Богдановичем как «выродившееся народничество на буржуазной подкладке», преображенное «в

чисто мещанскую идеализацию своего уголка на лоне природы», как «обрывки проповеди графа Толстого», «разведенной елейной водичей с доброй дозой постного масла, затаенной злобы и несомненного фарисейства» (А.Б., Мир Б., 1898, № 11 и 1899, №№ 1 и 4). Меньшицов — «не радикал, не либерал, не консерватор», он «идеалист-моралист, идеалист-народник, немножко мистик, в большей степени индивидуалист... очень симпатичный по своей искренности и серьезности писатель», смотрящий на свое дело «не как на ремесло, а как на миссию», однако «его приговоры огульны, решительны, лаконичны» (М.Протопопов, Од. Нов., 15 окт.; «Публицист-идиллик», Р. Мысль, № 11). В книгах Меньшикова «идеи Толстого слегка разбавлены и подслащены». «Осуждение всех во имя любви ко всем — вот краткая формула этого... сердитого ригоризма», «народолюбие, не находя исхода в практической деятельности, является у нас силою, враждебной культуре» (Н.Минский, Нов., 27 авг.; 1899, 28 янв.). «Мутная смесь толстовщины и соловьевства» (А.Басаргин [А.И.Введенский], «Идиллик и прозаик», Моск. Вед., 12 дек.). В связи со 2-м изд. «Дум о счастье» А.И.Потапов, отметив «искренность» и «поразительную словоохотливость» автора, назвал его «человеколюбом, проповедующим застой во имя общего блага», проклинающим современный «ложный прогресс», ибо «одно из свойств Бога — неизменность»; видит идеал благочестия в древнем раскольничьем ските («Общественная философия г. Меньшикова», Р. Бог., 1901, № 11).

«Пошленькие книжки Меньшикова “О любви” и “О писательстве”, — писал впоследствии Горький, — жадно читались мелкой служебной интеллигенцией, особенно сельскими учителями, крупной культурной силой того времени. Очень много учителей и юношества засорило и вывихнуло себе мозги этими книгами» (т. 26, с. 424).

1898 год был последним годом издания «Северного вестника». В январе 1899 г. вышла тоненькая двойная книжка (1898, № 8–9), в которой издательница Л.Я.Гуревич сообщила о прекращении журнала ввиду непосильных долгов и низкой подписки (в 1898 — 2273 экз.). Последний, тройной, номер «Северного вестника» (№ 10–12) появился лишь в апреле 1899 г.. Основной причиной, определившей эту ситуацию, издательница называла цензурные притеснения и преследования*. Другие

* См. также воспоминания Л.Я.Гуревич «История “Северного вестника”» в первом томе «Русской литературы XX века» под редакцией С.А.Венгерова (М., 1914).

объяснения она давала в письме к Э.И.Мешингу от 29 января 1899 г.: «Возможно, я нашла бы издателей для журнала, — но с кем издавать его? Кого печатать? Старые писатели уже рассыпаются прахом, “молодые” — отцвели, не успевши расцвести. Вот уже два года как Гиппиус не написала ни одной что-нибудь стоящей вещи... Минский — настоящая руина. Мережковский компилятивно стряпает роман, а стихи его уже два года не появляются, и последние из них, напечатанные в С.В., были до того отвратительны, что едва можно было напечатать их. Балмонт, этот “Хлестаков заоблачных миров”, как прозвал его кто-то, тоже не развивается, а падает. Сологуб совсем пропитан тою “известкою своего переулка”, которую он время от времени воспекает еще в одном дрянном иллюстрированном издании... о развитии не может быть и речи... Есть только один свежий, развивающийся талант в новом направлении — Горький» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. 57).

Скабичевский отмечал две основные причины: 1) превращение журнала в орган символистов; 2) «бестактность писаний г. Волинского», «оплевавшего литературные традиции Белинского, Добролюбова, Писарева» (Сын От., 1899, 22 янв.). В.Буренин нашел, что журнал «скончался... от еврейской наглости, ограниченности и невежества» (Н. Вр., 1899, 8 янв.). А.Басаргин [А.И.Введенский] отмечал «исчезновение» двух крупных журналов — «Русского обозрения» и «Северного вестника»: «несмотря на громадные отличия друг от друга», оба издания «боролись против современного узко-практического реализма и материализма мысли и жизни, — первый во имя положительных религиозно-нравственных идеалов, второй во имя философского идеализма» (Моск. Вед., 1899, 2 янв.).

Бывшие ближайшие сотрудники «Северного вестника» в лице Н.Минского отrekliсь от журнала и его критика А.Л.Волинского, упрекнув его в том, что «тою же книгой Канта», которую прежде «побивал» Чернышевского и Добролюбова, он «теперь намерен сокрушать Ницше»; исследование Волинского о Леонардо да Винчи, печатавшееся в «Северном вестнике» в 1897–1898 гг., Н.Минский назвал «издалека начатой подземной миной, которая должна взорвать на воздух современный символизм», а самого критика — «литературным погромщиком по темпераменту» и «бесноватым во храме» (Нов., 1899, 28 янв.).

Итоги литературного года

А.И.Богданович, еще недавно видевший в русской беллетристике «неумолчное биение живой силы» (Мир Б., № 10) и даже заслуживший за этот оптимизм упрек от Н.К.Михайловского (Р. Бог., 1899, № 1), теперь резюмировал: «Художественная литература истекшего года не отличалась ни богатством, ни разнообразием» (Мир Б., 1899, № 1). А.Скабичевский предлагал выработать «печатные бланки обычных новогодних сетований», которые освободили бы рецензентов от обязанности ежегодно проливать слезы о литературных неурожаях (Сын От., 1899, 1 янв.). Однако, вспомнив рассказы Чехова и Короленко, успех книжек Горького, резонанс, вызванный статьей Толстого об искусстве, юбилей Белинского и другие литературные события, те же обозреватели приходили к выводу, что литературный баланс года не так уж плох.

Н.Минский оценил прошедший год с точки зрения «новых», т.е. символистских запросов. Причислив произведения, появившиеся в 1898 г. (кроме рассказов Чехова), к разряду «мимоидущих», посвященных злобе дня, т.е. «спору между деревней и городом, землею и фабрикой», Н.Минский возложил все надежды на «новую школу», которая занята более «высокой» проблемой — борьбой между началом животным и божественным. Эта школа (Бальмонт, Гиппиус, Мережковский, Сологуб) находится в «осадном положении», «ей закрыты все журналы», но «ей принадлежит будущее», хотя в истекшем году она «не проявила себя ничем выдающимся» (Нов., 1899, 28 янв.).

Эту уверенность оспаривает А.Волынский («О символизме и символистах», С. Вест., 1898, № 10–12). «Они бессильны совершить тот желанный переворот в искусстве, который окажется по силам только ярким, чистым и вдохновенным талантам». Хотя критик «отдавал им предпочтение перед старыми шаблонистами» и старался искать в них «не символизма, даже не идеализма», а просто искусства, но находил «алхимические поиски», «все более удаляющиеся от строгой правды настоящей поэзии», и «напыщенные аллегории», как у Минского.

1899 год

Январь

Л.Н.Толстой пишет письмо М.П.Шалагинову, впоследствии напечатанное В.Г.Чертковым в «Листках Свободного слова» (1899, № 5) под заглавием «Письмо к фельдфебелю», в котором отвергает революционные и социалистические пути борьбы с «обманом правительств» — как «употребления того самого насилия, от которого хотят освободиться», и проповедует религиозное «братство всех людей» (т. 72, с. 37–38).

А.П.Чехов — «Новая дача» (Р. Вед., 3 янв.); «Душечка» («Семья», № 1, 3 янв.); «По делам службы» (Кн. Нед., № 1).

Л.Н.Толстой с большим одобрением отнесся к последнему рассказу, назвав старика «цоцкого» (сотского) «почти святым» (т. 54, с. 97). И.И.Горбунов-Посадов сообщает Чехову 24 января суждение Л.Н.Толстого о «Душечке»: «останется так же в нашей литературе, как гоголевские типы, ставшие нарицательными... Он все говорит, что это перл, что Чехов — это большой-большой писатель. Он читал ее уже чуть ли не 4 раза вслух, и каждый раз с новым увлечением» (Чехов. Сочинения. Т. 10, с. 410).

«Какое яркое развитие таланта!» — восклицал А.Волынский. — Коротенькие рассказы Чехова по своему значению «совершенно заслоняют все объемистые, многословные и претенциозно наблюдательные романы разных маститых беллетристов современности». В «Новой даче» жизнь народа изображена «без сантиментального народолюбия». «По делам службы» «проникнут философией русской действительности», «ее долготерпеливого и многострадального существования» (С. Вест., 1898, № 11–12, вышел в апреле 1899 г.).

А.Б. [А.И.Богданович] писал о рассказе «Новая дача»: «Жизнь стучится в замкнутые двери деревенского мира, и в более или менее близком будущем эти двери откроются, только не для слабых и больных душою, хотя таких искренних и добрых людей», как героиня рассказа. Лыжины («По делам службы») — в универ-

ситетские годы «всем сердцем сочувствуют» своему народу, но только «в виде священных формул», а сталкиваясь с живыми людьми, «ничего не понимают, не видят и не слышат». В целом Чехов в последних своих рассказах выступает «выразителем тех глубоко скрытых общественных настроений, которые назревают в массе общества, еще бессознательных, но уже властных и многозначительных. “Так жить дальше нельзя” — этот горький вывод воплощается в ряде грустных картин, понятных всем, кто еще имеет уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видеть». В последнем рассказе изображена растерянность «молодого деятеля в русском вкусе» [т.е. народника] перед жизнью без привычных «священных формул» (Мир Б., № 2).

Горький советовал Чехову прочесть статью Волюнского: «мне понравилось, несмотря на вздутый — по обыкновению — язык» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 333).

В.Г.Короленко — «Смиранные (Картинка с натуры)» (Р. Бог., № 1).

Некоторые толкователи видели в «Смиранных» демонстрацию преимуществ города перед деревней (Вл.Преображенский, Кур., 6 марта). Ближе к замыслу автора подошел И-т [И.Н.Игнатов], который писал, что Короленко «не уменьшает темных сторон описываемой жизни», и тем не менее деревенский круг лиц вызывает сочувствие читателя, а общий вывод о том, что «все не виноваты», напоминает деревенские очерки Гл.Успенского, в которых также вставали неразрешимые загадки жизни (Р. Вед., 20 февр.). А.Измайлов отмечал, что в «Смиранных» поставлен тот же «назревший и роковой вопрос», что и в «Новой даче» Чехова: «бессилие интеллигента, не имеющего сил ни приручить, ни возродить меньшого брата, и косность этого последнего, не идущего навстречу» (Бирж. Вед., 5 февр.). Теряющийся перед живой действительностью, газетчик Бухвостов — это «мы сами, русские интеллигенты, безвольные, дряблые книжники» (Кин [О.А.Инбер], Од. Нов., 8 апр.). «Изображен факт деревенской жизни, слишком мелкий и случайный, чтобы делать из него какие-либо выводы, кроме одного разведения рук» и выведен «тип корреспондента-обличителя с прокурорским зудом» (А.Скабичевский, Сын От., 26 февр.). Жизнь интеллигенции «скудна и сера», лишь погрузившись в народную стихию, писатель встретит истинные страдания; это понимают «такие таланты, как Чехов и Короленко» («“Смиранные” деревня и ее “грехи”», Кн. Нед., № 2). Буренин увидел в «Смиранных» «беллетристическую публицистику» «на реалистическом маргарине», как и во всем творчестве Короленко, признанного «кори-

феем современной беллетристики» не за художественные, а за либеральные заслуги (Н. Вр., 23 апр.). А.Басаргин [А.И.Введенский] утверждал, что рассказ Короленко является «поправкой» к рассказу Горького «Каин и Артем»: показывает, что «русский народ кроток и смирен сердцем, потому что сознает, что живет во грехах и должен за них расплачиваться. А интеллигент горд и исполнен ропота» — вместо того, чтобы учиться у народа «кроткому смирению» (Моск. Вед., 20 февр.; то же см. в Р. Вест., № 3). Это «компрометирующее одобрение», писал И.Иванов, не может повредить доброму имени Короленко, которое «принадлежит к самым любимым и уважаемым именам современной русской печати» (Мир Б., № 7).

Чехов писал 9 марта Л.А.Авиловой: «“Смиранные” — хороши, хотя можно было бы обойтись без Бухвостова, который своим присутствием вносит в рассказ элемент напряженности, назойливости и даже фальши» (т. 8, с. 122).

М.Горький — «Каин и Артем» (Мир Б., № 1); «Кирилка (Из записной книжки)» и «О черте» («Жизнь», № 1).

В рассказе «Каин и Артем» А.Скабичевский отметил «опасную специализацию» на «байроновских героях в рубище, разражающихся грозными проклятиями против всего человечества» (Сын От., 22 янв.). А.Измайлов видел «печать незаурядного и своеобразного дарования» при повторении главных мотивов и все более заметной идеализации босяков (Бирж. Вед., 22 янв.). «Фигура богатыря Артема невольно заставляет читателя вспомнить то “Челкаша”, то “Мальву”» (Вл.Преображенский, Кур., 6 марта). Горький — «грубый самородок без всякой шлифовки», «несмотря на все несходство приемов письма», напоминает Чехова тем, что «не навязывает читателю своих взглядов» (Присяжный читатель [А.А.Коринфский], Сев., № 4, 24 янв.).

Рассказ «Кирилка» был в основном одобрительно встречен критикой: в рассказе, как в микрокосме, отражаются явления современной русской жизни, а именно: интеллигенция, существующая за счет народа (А.Скабичевский, Сын От., 7 мая). Горький «проявил новую черту таланта, сближающую его отчасти с Гл.Успенским, который так тонко и метко умеет осветить отношение к народу других классов, живущих за счет этого последнего» (А.И.Богданович, Мир Б., № 4). «Автор покинул... декадентские замашки и свое обычное стремление доказать духовное превосходство босяков-бродяг перед оседлыми земледельцами» («Мужицкая краюшка», Кн. Нед., 1899, № 2).

Ф. Сологуб — «Красота (лирический этюд)» (Сев., № 1, 3 янв.): несовместимость красоты обнаженного тела с пошлостью жизни.

Леонид Андреев — рассказ «Случай» (Кур., 14 и 15 янв.).

Д. Мамин-Сибиряк — рассказ «Суд идет...» (Р. Мысль, № 1).

В. Буренин писал, что рассказ принадлежит к «честному направлению» в беллетристике, смысл которого никто из живущих критиков определить не может, и упрекал Мамина-Сибиряка в подражании «Смерти Ивана Ильича» (Н. Вр., 5 февр.). А. Скабичевский отрицал подражание Толстому и находил в рассказе мрачный колорит 80-х годов, отсутствие «примирительных элементов» (Сын От., 5 марта).

По поводу первой книжки «Жизни», выпущенной новой редакцией во главе с В. А. Поссе, в которой, помимо «Кирилки», печатались повести «Конец Андрея Ивановича» Вересаева, «Чужестранцы» Чирикова, «Записки» Баранцевича, а также переводы из Фр. Ницше, Метерлинка, стихотворения А. М. Федорова и др., А. П. Чехов писал Горькому 3 января: «Первая книжка обновленной “Жизни” мне не понравилась. Это что-то несерьезное. Рассказ Чирикова наивен и фальшив, рассказ Вересаева — это грубая подделка под что-то, немножко под Вашего супруга Орлова, грубая и тоже наивная. На таких рассказах далеко не уедешь. В Вашем “Кирилке” все портит фигура земского начальника, общий тон выдержан хорошо. Не изображайте никогда земских начальников. Нет ничего легче, как изображать несимпатичное начальство, читатель любит это, но это самый неприятный, самый бездарный читатель» (т. 8, с. 12). «Неутешительно, но верно то, — ответил Горький, — что Вы говорите о “Жизни”, Чирикове, и “Кирилке”, да, это так: “Жизнь” пока не серьезна, Чириков — наивен, о “Кирилке” можно сказать, что он совсем не заслуживает никакого разговора. По поводу Вересаева — не согласен. Не считаю я этого автора человеком духовно богатым и сильным, но после его “Без дороги” — “Андрей Иванович”, кажется, лучшее, что он дал до сей поры. Тем не менее для “Жизни” этого мало. Дайте Вы, Антон Павлович, что-нибудь ей! ... “Жизнь” имеет тенденцию слить народничество и марксизм в одно гармоническое целое. Такова, по крайней мере вначале, была ее задача. Теперь марксисты, которые обещали участвовать в ней, провели

Поссе за нос и основали свой журнал “Начало”» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 305). «Что Вы со мной делаете?! — отвечает Чехов 18 января. — Ваше письмо насчет “Жизни” и письмо Поссе пришло, когда уж я дал согласие, чтобы в “Начале” выставили мою фамилию. Была у меня М.И.Водовозова, пришло письмо от Струве — и я дал свое согласие, не колеблясь ни одной минуты» (т. 8, с. 25).

Сравнивая «Жизнь» с новым марксистским журналом «Начало», Михайловский видит в ней «определенную эволюцию в сторону критического отношения к недавно неколебимым грубым догматам» марксизма, сказавшуюся, в частности, в ряде статей против детерминизма и в фигуре Горького, которая представляет «резко антимарксистский элемент». Однако в статье М.Метерлинка «Эгоизм» Михайловский видит «апофеоз двусмысленного индивидуализма», в состав которого входит (как и в теорию «русских учеников») «любовь к дальнему в ущерб любви к ближнему» (Р. Бог., № 4).

10 января П.Ф.Якубович писал А.И.Иванчину-Писареву: «Марксистская “Жизнь”, говорят, имеет уже огромный успех, и — сказать Вам по совести — я вижу в ней опасного соперника “Р[усскому] Б[огатст]ву”» (ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. 499). 7 января он же — Н.К.Михайловскому о № 1 «Жизни»: «Беллетристика мне показалась подобранной очень интересно, но статья Евг.Соловьева обещает быть довольно сомнительной вещью. Что, вообще, можно теперь сказать о 70-х годах, кроме пошлостей à la “Неделя”? Уже и в первой статье есть достаточно разных недоразумений и даже прямых глупостей» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. 810).

Горький, познакомившись с № 1 «Журнала для всех», в котором были напечатаны рассказы Н.Тимковского «Среди людей», К.Баранцевича «Чего не сказал Макар Иванович», К.Станюковича «Первогодок (очерк из былой морской жизни)», стихотворения И.Бунина, К.Бальмонта, Н.Тимковского, пишет В.С.Миролюбову: «Первая книжка — прелесть! Но — да не поставят мне это в осуждение — Станюкович с Баранцевичем могли бы и лучше написать — не так ли?» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 307).

В январе А.И.Эртель пишет В.С.Миролюбову, отказываясь принять участие в его журнале в качестве беллетриста: «...Беллетристическим талантам *нашего объема* нечего пока делать в литературе. Теперь только Толстым и Чеховым дорога, ибо они настолько крупны, что им даже безвременье не страшно. А вто-

ростепенности нужны, и полезны, и даже важны лишь в такие времена, как 60-е и 70-е годы, когда такие в сущности крохотные величины, как Бажин, Шеллер, Засодимский, Златовратский, делали свое, по обстоятельствам, крупное дело» (См.: К.Д.М у р а т о в а. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966, с. 24).

26 января Чехов подписал договор о продаже права литературной собственности на все уже написанные и будущие сочинения издателю А.Ф.Марксу. 27 января Чехов послал Марксу произведения, предназначенные для первого тома (ЛЖТ Чехова, с. 538–545).

Февраль

К.К.Случевский — «Песни из уголка» (Кн. Нед., № 2).

М.Горький — «Еще о черте» («Жизнь», февр., кн. 1)*. Цензура выбросила начало очерка, где шла речь о ссыльном, звучавшее слишком злободневно на фоне студенческих волнений.

В начале февраля С.П.Дороватовский писал Горькому о делах «Жизни» и об усилившихся в связи со студенческими волнениями притеснениях цензуры: «Нам говорят: “Начало” вас убьет. Нет, тысячу раз нет! Дай Бог здоровья и долголетия “Началу”, но оно нас не убьет. Если мы справимся с цензурой, а мы все-таки на это надеемся, “Жизнь” будет процветать. Публика нам сочувствует, и мы уже имеем подписчиков в 10 раз больше, чем имела “Жизнь” в 1898 году». «Отношение к “Жизни” со стороны “Начала” и разных его прихвостней,— отвечал Горький 12 февраля,— возмущает и волнует меня до бешенства. Вы хотите цензора бить — о, полноте! Цензор — понятен: он выполняет возложенную на него обязанность затыкать все те дыры, из которых в жизнь из “Жизни” может упасть луч света» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 310, 569).

А.Куприн — «Ночная смена» (Мир Б., № 2).

14 февраля стихотворения В.Я.Брюсова впервые появились в периодической печати — одесская газета «Южное обозрение» напечатала, по протекции И.А.Бунина, четыре стихотворения

* В январе-феврале «Жизнь» была еженедельником, с марта стала ежемесячным журналом.

(позже вошли в раздел «Картинки Крыма» книги «Tertia vigilia»). Вторая подборка — в той же газете, 19 сентября.

В марте Брюсов записал в дневнике: «Конечно, газета пойдет на разные домашние нужды», но необходимо «быть где-нибудь напечатанным» (В.Б р ю с о в. Дневники. 1892–1910. М., 1927, с. 62).

В связи с выставкой, устроенной С.П.Дягилевым в Музее Штиглица, в Петербурге, В.В.Стасов восклицал: «Какой срам, какой стыд!», «староста постарался, кроме Галлена и «других безобразных финляндцев», собрал «непозволительные, нестерпимые вещи» Дега, Боннара, Беклина и др.; уже «большой выигрыш», что нет Врубеля, а «всех этих Бакстов, Бенуа, Боткиных, Сомовых, Малютиных, Головиных, с их безобразиями и разбирать-то не стоит»; есть и картины «недекадентов» — Репина, Серова, Левитана, Поленова и отдел вышивок, «якобы воскрешающий древнерусское искусство» («Подворье прокаженных», Нов., 8 февр.). На выставке «Мира искусства» русские художники занимают «совершенно второстепенное место»; выделяются два портрета Серова, гончарные изделия Абрамцева, кустарные вышивки Е.Поленовой и др. (П.Ге, «Жизнь», № 4). А.Половцев противопоставлял этому «художественному хаосу и сквернописанию, почему-то именуемому снисходительно декадентством и импрессионизмом», «нормальное искусство» СПб. общества художников, где перед картиной Сергеева «Аллея цветущей сирени» застыл «любитель-садовод», восхищенный натуральностью изображения (Моск. Вед., 2 марта).

И.Репин в письме к А.С.Суворину от 7 февраля восхищается выставкой В.М.Васнецова в Академии художеств и осуждает «художественный атавизм в образчиках» «Мира искусства»: «Здоровая русская публика сначала откровенно и просто заявляла свой протест вырождающемуся западному искусству... Но служители модных веяний энергично и последовательно приучают понемногу и наших меценатов и интеллигенцию к дичающему искусству...» (И.Е.Р е п и н. Письма. М., 1950, с. 148).

8 февраля в Петербургском университете начались волнения, быстро распространившиеся по всем университетским городам России и прежде всего в Москве и Киеве. Правительство применило массовые репрессии и объявило в специальном сообщении, что будет неуклонно применять «установленные законом меры взыскания» и против учащейся молодежи, и против тех, кто увлекает ее «на путь преступных действий, преследую-

ших противоправительственные... цели» («Правительственный вестник», 2 апр.).

13–14 февраля студенческая делегация, посетившая Л.Н.Толстого, принесла ему свои прокламации и просила написать письмо в их защиту. 21 февраля Толстой записал в дневнике: «Студенческая стачка. Они все меня втягивают. Я советую им держаться пассивно, но писать письма им не имею охоты». Сотрудник «Нового времени» Н.М.Ежов, посетив в марте Толстого, сообщал А.С.Суворину: «Толстой решительно стоит “за студентов”. Стачку учащейся молодежи он считает чем-то очень хорошим и даже разумным, так как стачка совершалась без насилия, это главное. Петербургских студентов обидели — товарищи прочих университетов и других высших заведений отозвались сразу дружно» (ЛЖТ Толстого, с. 312–315).

21 и 23 февраля А.С.Суворин в «Новом времени» осудил студенческие волнения (молодежь «должна учиться и повиноваться существующей дисциплине») и восхвалил «доброту и милость» «высочайших повелений». Это верноподданческое заявление вызвало бурю возмущения среди интеллигенции и особенно среди студентов. Ал.П.Чехов пишет 26 февраля А.П.Чехову: «Студенты всех учебных заведений делают коллективное постановление отказаться от чтения нашей газеты, впредь ее не выписывать...» В мартовских письмах к брату Ал.Чехов продолжает описывать бойкот, устроенный «Новому времени»: «Общество с удивительным единодушием восстало против “Нового времени”... Ученые общества перестали пускать к себе на заседание нововременских репортеров, бранные письма и отречения от газеты сыплются градом» (Письма А.П.Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939, с. 386, 388).

В.Г.Короленко записал в дневнике: «Своим теперь уже давно обычным тоном деланной искренности à la Достоевский, Суворин», «умилившись по поводу “доброты” государя», «обращает свои довольно суровые поучения исключительно в сторону молодежи», при этом умалчивает о «действительной причине беспорядков» («студентов избили нагайками на улице») (В.Г.Короленко. Дневник. Т. IV. Полтава, 1928, с. 153, 154).

26 февраля в «Нижегородском листке» появилась статья М.Горького (за подписью А.П.) «Ваньина литература», направленная против националистической печати, в частности, против двух «человеконенавистнических органов» — «Нового времени» и «Наблюдателя», этих «литературных вертепов», угрожающих улице.

По цензурным условиям в «Открытом письме к А.С.Суворину», написанном Горьким 26 февраля и опубликованном в «Жизни» (№ 3), студенческие волнения лишь упомянуты, однако обвинение газеты и ее хозяина в предательстве и холопстве и указание на наступившую «пору возмущения» без труда расшифровывались современниками.

А.С.Суворин записал 26 марта: «В чем дело? В том, что я просто посмотрел на столкновение полиции со студентами. Из этого случая захотели сделать политическое событие и сделали... “Третье отделение” Союза меня хочет судить. Я ему скажу, что оно стоит... Этот месяц, прожитый мною, равняется годам. Никогда я так не волновался. Мне казалось, что все против меня и что я гибну» (Дневник А.С.Суворина. М.—Пг., 1923, с. 188).

По требованию общественности Комитет Союза взаимопомощи русских писателей призвал Суворина на Суд чести*. А.С.Суворин назвал обвинительный акт Суда чести «полемической статейкой» (Дневник А.С.Суворина, М.; Пг., 1923, с. 196). Суд, несколько заседаний которого состоялось в апреле — мае, не нашел юридических поводов для осуждения Суворина, приславшего объяснительное письмо, и осудил лишь «приемы», употребленные Сувориным. 16 мая А.С.Суворин записал: «Сегодня передала приговор суда чести. Я успокоился. Признали “неправильными и крайне нежелательными некоторые приемы”: Христос с ними! В этом кто из пишущих не виноват? Комитет Союза будет очень огорчен... Что для К-та неприятно, это единогласное решение» (Дневник А.С.Суворина. М.. Пг., 1923, с. 204). Общество осталось недовольно этим решением, в частности, в адрес Союза писателей поступил протест, подписанный 88-ю нижегородцами, обвинявшими суд в «оправдании доноса». 24 июля В.Г.Короленко записал в своем дневнике: «Определение [суда] писал я. Приговор единогласный... По этому поводу было много шума, будет осенью еще больше... Многие ждали, что Суд чести осудит Суворина... “Если не за это одно, то за все вообще”... Мы строго держались в пределах только данного обвинения, и по совести я считаю приговор справедливым... Но у него [Суворина] давно уже нравственная и гражданская глухота и слепота, давно его перо грязно, слог распушен, мысль изъедена неискренней эквилибристикой... Все эти приемы в “Маленьких письмах” мы и отметили и осудили. Но мы

* Состав судей: Н.Ф.Аппенский, К.К.Арсеньев (выступивший против суворинских писем в газ. «Право»), В.Г.Короленко (чью заметку о студенческих волнениях в мартовском номере «Русского богатства» не пропустила цензура), В.А.Манасин, В.Д.Спасович и др.

считали неуместным и опасным становиться судьями всего, что носит характер “мнений” и “направлений”. С этим нужно бороться не приговорами. А от нас именно этого и ждали» (В.Г.Короленко. Дневник. Т. IV. Полтава, 1928, с. 171–172).

26 февраля А.Чехов пишет Л.А.Авиловой: «Горький, по моему, настоящий талант, кисти и краски у него настоящие, но какой-то невыдержанный, залихватский талант. У него “В степи” великолепная вещь. А Вересаев и Чириков мне совсем не нравятся. Это не писанье, а чириканье; чирикают и надуваются» (т. 8, с. 107).

Д.Овсяннико-Куликовский — «А.П.Чехов» (с портретом писателя) («Журн. для всех», № 2). (Вторая часть статьи, посвященная «Ионычу», упоминалась ранее: см. наст. Летопись, сентябрь 1898 г.). Чехов предпринял «тяжкий подвиг художественного изучения современной ему жизни во всей ее скудости и во всем однообразии ее мелких, будничных, пошлых черт», но «все яснее сказывается в последних вещах Чехова... художественное прозрение в лучшее будущее, может быть, далекое, для нас недоступное».

Н.К.Михайловский — «Еще кое-что по поводу современной беллетристики» (Р. Бог., № 2). «В последних произведениях г. Чехова вместо прежнего жизнерадостного убеждения в равноценности всего сущего звучит такая страшная тоска, такое отчаяние, какого нельзя было ожидать от автора “Налима”, “Винта” и множества других хорошеньких вещиц...» Представители «нового слова» [имеется в виду статья Струве о «Мужиках», см. наст. Летопись, апрель 1897] «обрадовались возвеличению города в лице трактирного полового и унижению деревни в лице мужиков». Но «для бывшего пантеиста все одинаково окутано флером безнадежного мрака — и деревня, и город...» В связи с вересаевским «Поветрием» Михайловский упрекал современных марксистов в скатывании к позиции «Недели» конца 80-х годов: отказ от наследства, от стремления подчинить жизнь идеалам, признание действительности с ее независимыми от личности законами, «любовь в дальнему» и равнодушие к судьбе ближнего и т.д.

С возражениями выступил П.М. [П.П.Маслов]: «Обычная мерка, которую прилагает г. Михайловский к явлениям текущей жизни и литературы, оказывается негодной; и жизнь, и литерату-

ра вышли из сферы явлений, доступных пониманию его как наблюдателя... — и публицист теряется, смешивает в одну кучу совершенно различные явления» — декадентов и марксистов. И хотя «новые слова», которые произносят Даев и Наташа [герои «Поветрия»] не без изъяна, но Михайловский критикует их со старой точки зрения, а не с точки зрения марксизма. Их нужно было упрекать не в фатализме, а в «старательном подчеркивании общего культурного значения капитализма, а не классовой борьбы» (Науч. Обзор., № 4).

В конце февраля в Петербурге вышел первый (двойной) номер ежемесячного журнала «Начало», выходившего без предварительной цензуры под редакцией группы марксистов, возглавленной П.Б.Струве и М.И.Туган-Барановским. Среди сотрудников были объявлены: К.С.Баранцевич, Э.А.Венгерова, А.А.Вербицкая, В.В.Водовозов, Н.Гарин-Михайловский, М.О.Гершензон, А.М.Калмыкова, А.А.Луговой, Д.С.Мережковский, Д.Н.Овсянко-Куликовский, С.Ф.Ольденбург, О.Н.Попова, Н.А.Рубакин, В.Серошевский, Е.В.Тарле, А.П.Чехов, Е.Н.Чириков и др.

Журнал выходил всего 5 месяцев. В начале февраля С.П.Дороватовский писал Горькому: «“Начало” еще и не вышло, а уже дни его сочтены, цензурный комитет решил прекратить его существование» (Архив А.М.Горького).

Беллетристика нового журнала была представлена повестью Н.Гарина «Клотильда», романом Д.Мережковского «Воскресшие боги» (печатался в №№ 1–4), очерком Н.А.Рубакина «Митрошкино жертвоприношение (Из рассказов о голодном годе)»; поэзия — стихотворением Тана «Моя муза»; критика — статьями Э.Венгеровой о Метерлинке (не «учитель современности», а образитель трагизма современного мирозерцания) и М.Неведомского «Художник-интеллигент» (в связи со смертью в 1898 г. Н.Ярошенко). Лицо журнала определяли статьи по экономическим вопросам П.Струве, М.Туган-Барановского, П.Маслова, С.Булгакова.

29 января, еще до выхода журнала, Л.Я.Гуревич писала Э.И.Мешингу: «moderne немножко прививаются в России: два новых журнала “Жизнь” и “Начало” (орган марксистов, которые только что свили себе гнездо) намерены допускать их на свои страницы... в “Начале” обещан пресловутый роман Мережковского о Л. да Винчи и статья Венгеровой о Метерлинке — статья, которую мы [т.е. редакция “Северного вестника”] забраковали за ее крайнюю сбивчивость и бестолковость»; у Туган-Барановского зароди-

лась «мысль о том, что символизм родственен марксизму и что они должны его поощрять... Слава Богу, что союз “Сев[ерного] в[естника]” с марксистами... не устроился. Это было бы позорно искусственно» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. 57).

Народническая печать встретила появление нового органа марксистов сдержанно: «Сын отечества» (18 и 27 марта) писал, что «Начало» по внешнему виду напоминает «Отечественные записки», но имеет иное содержание, очевидное уже из первой книжки, «наполненной почти целиком статьями, так или иначе трактующими о самых злободневных и жгучих вопросах экономии сельского хозяйства». Такую же примирительную позицию занял Л.Е.Оболенский в статье «Орган наших марксистов» (Од. Л., 1 апр.): «Нельзя не пожалеть, чтобы журнал удержался на высоте этой более беспристрастной и менее тенденциозной точки зрения, чем первоначальные походы против народничества. Сама жизнь и ее условия подсказывают необходимость изменить многое в первоначальных формулах». Оболенский отмечает, что беллетристические произведения, помещенные в «Начале», существуют «сами по себе» и «модной экономической доктрине» журнала не соответствуют. Что же касается романа Мережковского, то он проповедует декадентскую идею «безразличия великих художников... к моральным требованиям и задачам» (то же о беллетристике «Начала» писали Р. Вед., 12 марта). «Марксизм — тоже своего рода декадентство», хотя «до марксистских романов и неомарксистской лирики еще не додумались» (Кин [О.А.Инбер], Од. Нов., 15 марта).

Рецензент «Книжек Недели» писал по поводу романа Мережковского, что «странный союз экономического материализма с декадентством, эстетизмом и нищезанятием наблюдается и в другом журнале — “Жизнь”» (№ 5, «Пропаганда “эстетизма” в марксистском журнале»). В «литературном плафоне» Мережковского «все ходульно-фантастично», «все кричит против реальной правды», обращено «к заржавленному оружию романтизма» (Н.К. [Каспийский], Обр., № 5–6).

Н.К.Михайловский (Р. Бог., № 4) с удовлетворением отмечает большое количество статей по аграрному вопросу в «Начале», однако среди них печатаются труды наиболее непоколебимого и «узколобого» «ученика» — Туган-Барановского, убежденного, что нужно жить «под диктовку действительности». Не прошел Михайловский и мимо противоречия между теоретическим и художественным отделами журнала: «Туган-Барановский с большим презрением говорит о “своего рода декадентстве и эстетизме”, похороненном вместе с “Северным вестником”», и одновременно в

журнале печатается роман Мережковского, прикосновенность которого ко «всякого рода декадентству и эстетизму» — достаточно известна. В новом романе Мережковского Леонардо да Винчи изображен настоящим «сверхчеловеком», безразличным к тому, что строить — храм или публичный дом. Судя по отношению Мережковского к Иуде Искариоту, можно предвидеть, «что и здесь должна быть пущена в ход переоценка всех ценностей», которая приведет к «реабилитации предателя» (ту же тенденцию Михайловский отмечает в рассуждениях Неведомского о картине Ярошенко «Иуда»).

Фр.Ницше — «Происхождение трагедии (метафизика искусства)», перевод Н.Н.Полилова. СПб., 1899, тираж — 1200.

Эта вещь «менее эффектная», чем «Так говорил Заратустра», «но более важная для понимания мировоззрения Ницше», написана в период увлечения вагнерианством и эллинизмом. Из двух начал природы и искусства (Аполлон и Дионис) Ницше «явно отдает предпочтение первому, как силе, возвышающей человека» (Нач., 1899, № 3). «Тут Ницше дает новое философское истолкование греческой культуре: в светлом, жизнерадостном духе эллинов, который многими понимается так грубо гедонистически... открывает трагическую красоту», «дионисиевское начало» (Н.Бердяев, «К философии трагедии», «Лит. дело», СПб., 1902, с. 162).

Вышла в переводе И.А.Бунина «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло. М., 1899, тираж — 2400.

«Знаменитая поэма Г.Лонгфелло дождалась, наконец, действительно талантливого, а в большей своей части и прямо образцового перевода на русский язык» (А-ч [Е.А.Соловьев (Андреевич)], «Жизнь», № 10). Бунин «сумел сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабив могучей образности его» (Мир Б., № 5, Библиограф. Отд.).

Март

9 марта А.П.Чехов пишет Л.А.Авиловой о современной литературе: «Толстого я люблю очень. Говоря о новых писателях, Вы в одну кучу свалили и Мельшина. Это не так, Мельшин стоит особняком, это большой, не оцененный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может, и не напишет больше того, что уже написал. Куприна я совсем не читал. Горький мне нравится, но в последнее время он стал писать чепуху, чепуху возмутительную,

так что я скоро брошу его читать... Короленко чудесный писатель. Его любят — и недаром. Кроме всего прочего, в нем есть трезвость и чистота» (т. 8, с. 121–122).

13 марта в еженедельнике «Нива» началось печатание «Воскресения» Л. Толстого, продолжавшееся до декабря*. Роман печатался с иллюстрациями Л. О. Пастернака.

Буква [И. Ф. Василевский] писал о «Воскресении»: это «первый роман, последовательно резюмируемый по телеграфу для некоторых английских и американских изданий. Человечество впервые видит такое доказательство силы и влияния чисто беллетристического произведения» (Р. Вед., 28 марта).

«По всей России, от одного конца до другого, — писал Толстому В. В. Стасов 14 июня, — только и ждут нынче, что пятницы утра и звонка рассыльного с № “Нивы”. Нынче пятницы везде превратились в Воскресенья. ... Что тут везде разговоров, толков, — вы, я думаю, и вообразить себе не можете» (Л. Толстой и В. В. Стасов. Л., 1929, с. 227).

М. Горький — «Финоген Ильич» («Журнал для всех», №№ 2 и 3).

В. Вересаев — повесть «Конец Андрея Ивановича» («Жизнь», №№ 1–3). Отд. изд. вышло в январе 1900 г., СПб., тираж — 3300.

«Конечно, это не новый тип в нашей литературе...» — писал В. Гольцев, находя, однако, в герое «свежие черточки»: чувство товарищества, «смутное стремление к лучшей, светлой жизни»; на смену Андрею Ивановичу идут Барсуковы (тип сознательного рабочего, связанного с социал-демократией) (Кур., 12 апр.). Old Gentleman [А. В. Амфитеатов] причислил Вересаева к «новым корифеям» литературы, воспевающим четвертое сословие, но его рассказ «значительно уступает» «Супругам Орловым» Горького. Герой Вересаева — «последний могиқан мастеровщины», на смену которой идут рабочие с «Экономикою» Гросса в кармане (Рос., 1900, 4 апр.). А. Скабичевский поставил Вересаева «выше не толь-

* Отзывы критики см. декабрь 1899 г. настоящей Летописи. Помимо тиража «Нивы», нечисляемого журналистами в несколько сотен тысяч, и многочисленных газетных и журнальных перепечаток, только в течение 1899–1900 гг. вышло несколько десятков изданий «Воскресения», общим тиражом около 250000, не считая зарубежных изданий В. Г. Чертова с восстановлением изъятых русской цензурой мест.

ко г. Горького, но и г. Чехова», так как Горький идеализирует своих героев, а у Чехова они «слишком конкретны и эксцентричны»; Вересаев же «поражает строго выдержанной реальностью». Андрей Иванович, в отличие от Коновалова и Орлова, является «типичным столичным мастерским, со всей его двойственностью» (Сын От., 16 апр.). О художественной слабости повести писал рецензент «Книжек Недели» (№ 4), утверждавший, что о Вересаеве и Чирикове можно говорить только ввиду общей скудости в беллетристике (см. также А.Измайлов, Бирж. Вед., 19 сент.). С обстоятельной неподписанной рецензией на отдельное издание повести выступил [А.И.Потапов]: «Нельзя не приветствовать этой попытки лишний раз приподнять завесу над трудовой жизнью нашего четвертого сословия, познакомиться с его повседневным бытом, разобраться в его психологии. Подобных попыток в нашей текущей литературе встречается немного, можно сказать, даже слишком мало». Андрей Иванович — «переходный тип от старого к новому, от дикого, отупевшего в работе человека-машины к просветленному сознанием человеку будущего». Однако повесть вышла «менее яркой», чем «Без дороги», «местами несколько искусственной», читатель не найдет здесь ни «тонкого душевного анализа», ни «захватывающего», «торжественно-приподнятого», «скорбно-рефлектирующего настроения» первой повести (Р. Бог., 1901, № 1, Нов. Кн.).

В.Вересаев — «В сухом тумане (Из летних впечатлений)» (Нач., № 3).

«Очерк г. Вересаева — один из признаков характерного для данного времени отрицательного отношения к деревне» (В.Гольцев, Кур., 3 мая).

Е.Чириков — «Блудный сын» (Мир Б., № 3); идейный студент, исключенный из университета, не может жить под одной крышей с консервативным отцом и братом, поклонником «Нового времени».

Рецензент «Книжек Недели» (№ 4) нашел, что автор сгустил краски до неправдоподобия, придав естественной розни в современной семье «грубые формы».

Леонид Андреев — рассказ «Молодежь» (Кур., 16 и 18 марта).

В связи с выставкой картин Московского товарищества художников Н.Рок [Н.С.Ракшанин] замечает, что русское дека-

дентство «родилось именно в Москве»: здесь появились сборники поэтов-символистов, «вырашен» Врубель, а также К.Коровин, «импрессионист в самом настоящем парижском стиле». Панно Врубеля «Богатырь» — «это декадентский гвоздь выставки», «нечто... странное, грубое, аляповатое... крикливое и полное претензии», а между тем спрос на «врубелевщину» большой, и «купеческие палатки» уже украшаются его произведениями (Нов., 27 марта).

7 марта в Петербурге открылись две выставки: Передвижная и Академическая. А.Половцев отмечал «богатые задатки» первой: В.И.Суриков «Переход Суворова через Альпы», картины В.Е.Маковского, И.Шишкина, Г.Мясоедова, Н.Дубовского и др. «Приятное впечатление от пейзажей передвижников нарушается лишь работами И.И.Левитана, который никак не хочет отделаться от небрежной манеры...» На Академической — интересны «старцы» Н.К.Рериха, «очень симпатичный исторический жанр, который можно назвать ожившей археологией» (Моск. Вед., 12 марта). Из четырех обязательных выставок, устраиваемых каждую зиму в Петербурге (передвижная, академическая, Общества СПб. художников и новая выставка «Мира искусства»), первая и последняя имеют «очевидные для всех направления». «Распространенное мнение об исторической изжитости передвижников» неосновательно, ибо внутри товарищества существует «движение русского искусства», которое захватывает импрессионизм (Левитан, А.Васнецов) (П.Ге, «Жизнь», № 4). Все новые «направления» и «школы» «заимствованы с Запада». Раньше между Передвижной и Академической выставками была пропасть, теперь они отличаются только названиями (М.Неведомский, «О современном искусстве», Нач., № 5).

Живя в Ялте с 19 марта до середины апреля, Горький часто видится с Чеховым и знакомится в его доме с А.И.Куприным и И.А.Буниным (ЛЖТ Горького, с. 231–232).

С.Елпатьевский — «Очерки и рассказы». СПб., 1899, тираж — 2050.

Положительно оценены демократической печатью. Правдивость и гуманная идея (Р. Мысль, № 6). «Огромный материал наблюдений», «живость и интерес современности»; в рассказе «Миша» (о дворянине) и «Спирька» (о капиталисте из крестьян) чувствуется «публицистическая струйка», влияние Щедрина и «свойственные старому народничеству взгляды на капитализм» (Мир Б., № 6). В «Очерках Сибири» показал ужас интеллигента,

лишенного воли, перед грозной природой (А.О.Недолин, «Жизнь», № 6). «Все чары творческого гения... не привлекут того сочувствия... какое окружают скромное и, быть может, даже недолговечное произведение человеколюбца. Человеколюбием нельзя, конечно, заменить талант... Но еще меньше можно заменить человеколюбие талантом — в сущности так же мало, как хорошим почерком» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 9/12, Нов. Кн.).

Апрель

П.Д.Боборыкин — «Куда идти?» (Вест. Евр., № 1–4).

«Куда собирается пойти этот новый Алеша Карамазов — трудно уяснить, — писал о герое романа рецензент «Книжек Недели» (№ 5), — но, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что как этот выродок аристократической фамилии, так и его искание “истины” у подножия святейшего престола едва ли характерно для настоящего момента русской жизни». Вл.Преображенский увидел «современный раскол между отцами и детьми» (Кур., 29 янв.). А.Басаргин [А.И.Введенский] остался недоволен тем, что «несомненно *нарождающийся тип*», «с преобладающим интересом к религиозному и мистическому» изображен в его «заграничной» ненормальной разновидности вместо истинно русской, православной (Моск. Вед., 25 апр.).

Ив.Бунин — «Без роду-племени. Из повести о современных людях» с эпиграфом «*Vae divilibus*»* (Мир Б., № 4).

А.Басаргин [А.И.Введенский] одобрил «свежую тему» — «саморазложение декадентства», но выразил недовольство, что героя рассказа, «декадента-неврастеника», дошедшего до сознания своей непригодности для жизни, «изобличает ...типичная курсистка» (Моск. Вед., 10 апр.).

Из демократического лагеря также раздалось голоса, недовольные бунинским героем-неврастеником, хотя и совсем по другой причине. В.Гольцев писал: «Были у нас лишние люди и стали предметом вполне законного внимания со стороны даровитейших наших писателей. Но лишний человек неврастеником не был, он представлял собою общественное явление» (Кур., 3 мая). А.Скабичевский отнес бунинского героя к «Гамлетам Щигровского уезда», с которыми русской литературе давно пора перестать нян-

* Это латинское выражение в тексте рассказа переведено как «Горе слабым, одиноким — и праздным!»

читься, оглянувшись на такие «мощные фигуры», как Игнат Гордеев Горького (Сын От., 14 мая).

Леонид Андреев — «Памятник» (Н. Л., 15 и 17 апр.) и «В Сабурове» (Кур., 18 апр.).

23 апреля Л. Андреев записал в дневнике: «...В начале апреля передано приглашение от “Горького” участвовать в “Нижегородском листке”... В среду на Страстной неделе телеграмма: “Немедленно пришлите хороший рассказ Миролубову... М. Горький”. ...18 апреля вышел в “Курьере” пасхальный рассказ “В Сабурове”. Похвалы крайние. Смысл их: “рассказ лучше всех бывших”. Чехов приехал в Москву. Сегодня был у него (согласно его желанию). Отзыв: “рассказ талантливый, техника (в частности, “фразы”) никуда не годна» (ЛН, т. 72, с. 63).

Вл. С. Соловьев — «Идея сверхчеловека» (Мир Иск., № 9, апр.). В данную «историческую минуту» господствуют три «модных идеи»: экономический материализм (К. Маркс), «отвлеченный морализм» (Л. Толстой), «демонизм сверхчеловека» (Ф. Ницше), последняя — «самая интересная». Не касаясь «дурной стороны нищестанства», Соловьев указывает на его «истину» — недовольство наличным состоянием человека.

«В своей искусственной и несколько насмешливой статье» Вл. Соловьев верно определил три «новейших идейных течения русской интеллигенции», однако нищестанство правильнее было бы именовать символизмом или мистицизмом (Н. Минский, «Заветы Пушкина», Мир Иск., № 13–14).

Андреевич [Е. А. Соловьев] — «Антон Павлович Чехов» («Жизнь», № 4). Отводит Чехову первое место после Толстого, «...“Историчность” произведений г. Чехова, его поразительная близость к думам и исканиям своего времени»; изображает жизнь «обреченного поколения», «вереницу людей, загубленных средой». Ставит Чехова выше Короленко, «литературное дарование которого — такая же несомненная величина, как и шаблонность его мировоззрения» (народничество). Чехов устоял, пережив весь сумбур эпохи 80-х годов. Теперь общественный кризис миновал, и «мы опять выбрались на дорогу с помощью одного из величайших умов XIX века» [Маркса].

24 апреля Горький писал Чехову об этой статье: «Мне она не нравится там, где он о Вас говорит, а вообще — бойкая статья и даже веселая. Но, однако — когда же явится настоящая критика?» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 332).

Н. Г. [Н. Н. Гусев] — «Книга о “погибших людях”» («Жизнь», № 4), в связи с 3-м изданием «Погибших людей» А. И. Свирского (СПб., 1898). Сравнивает с произведениями Горького: «Рассказы г. Горького — это правдиво, искренно написанные художественные произведения ... а очерки г. Свирского — ряд картин, снятых им с натуры... Горький любовно относится к своим лохмотникам», у Свирского они вызывают чувство «гадливости и омерзения», им противостоит «образованный класс», который и должен спасти «меньших братьев» от гибели при помощи благотворительности. Между тем «только с уничтожением капитализма, с заменой его другой, высшей экономической формацией возможно исчезновение люмпен-пролетариата».

8 апреля на заседании Литературно-театрального комитета в составе Н. И. Стороженко, Алексея Н. Веселовского и И. И. Иванова пьеса Чехова «Дядя Ваня» была признана «достойной постановки» лишь «при условии изменений и вторичного представления в Комитет». В протоколе заседания указывалось, что характеры и положения пьесы нуждаются «в большем выяснении», а сама пьеса в устранении «длиннот». Истинной причиной неодобрения Комитета было недовольство фигурой профессора Серебрякова, за которого на Чехова обиделась профессорская корпорация. Вскоре пьеса была передана Московскому Художественному театру, который с решением ученой комиссии не посчитался (ЛЖТ Чехова, с. 560).

23 апреля состоялось общее собрание Союза взаимопомощи русских писателей, на котором было принято решение о созыве осенью 1899 г. первого всероссийского съезда писателей («Жизнь», № 5. «Хроника общественной жизни»). Однако это решение не было осуществлено.

23 апреля Горький пишет С. П. Дороватовскому: «“Жизнь” меня радует» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 329).

27 апреля В. И. Ленин пишет А. Н. Потресову о журнале «Жизнь»: «...недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!» (В. И. Ленин и н. Полн. собр. соч. Т. 46, с. 25). Центральной вещью беллетристического отдела был печатавшийся с февраля роман Горького «Фома Гордеев».

В этом же письме В. И. Ленин критикует позицию журнала «Начало»: «...ведь такой журнал... все же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (à la “Мир Божий”, “Научное обозрение” и проч.), а орган направления. Поэтому для такого жур-

нала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех “посторонних” вообще. Только тем и объясняется громадный успех “Нового слова”, что редакция вела его именно как орган направления, а не как альманах» (Там же, с. 23).

29 апреля Горький пишет А.П.Чехову: «Стал читать рассказы Бунина. Порой у него совсем недурно выходит, но замечаете ли Вы, что он подражает Вам? ...но это нехорошо выходит. Вам и Мопассану нельзя подражать. Но у этого Бунина очень тонкое чутье природы и наблюдательность есть» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 335).

В 20-х числах апреля Горький пишет И.А.Бунину: «В “Жизни” марксисты не столь жестокие, как в “Начале”, — доказательство апрельская книга. Давайте работать в одном органе!? Давайте соберемся — вся молодежь — около этого журнала, тоже молодого, живого, смелого» (Там же, с. 327).

А.К-р-ий [А.Н.Потресов] — «Не в очередь (Критические наброски)» (Нач., № 4). Об общественной драме русского интеллигента, нашедшей, в частности, отражение в лирике П.Я. [П.Ф.Якубовича]: двадцать лет назад интеллигенция «признала себя банкротом и ликвидировала свои непосредственные отношения к нему [народу]. Она сказала — народ не хочет нас знать, будем действовать *пока* без него...» Это было «больное поколение» — «последыши замечательной семьи». Большинство же интеллигенции перешло в «общепрогрессивный» лагерь, который «отлично выполнял роль укромного общественного приюта-богадельни». В глухое, безнадежное время 80-х годов другого выхода не существовало, теперь, в 90-е годы, общественные отношения дали почву для иных типов, которые попытался воплотить Вересаев в повести «Поветрие», но представители народничества в лице Михайловского отказываются признать их новой общественной силой.

Весной 1899 г. В.Я.Брюсов пишет В.К.Станюковичу: «Как относишься ты к пресловутому марксизму? Менее всего можно счесть его за движение ничтожное. У нас в университете — треть (а то и половина) студентов — “экономические матерьялисты”. В Петербурге диспут за диспутом. Из “толстых” журналов едва ли не половина полумарксистские (“Начало”, “Жизнь”, “Знамя”, отчасти “Мир Божий”, более “Научное обозрение”...) ...Марксизм последняя вспышка матерьялизма, ибо прежний научный, но не философский, матерьялизм уже

стал невозможен... Я среди крайних идеалистов (в созерцательном смысле). Но “знамени врага отстаивать честь” я готов и буду. Не хочу проклинать. Истин не одна, а много... Моя мечта — пантеон, храм всех богов. Будем молиться дню и ночи, Митре и Адонису, Христу и Дьяволу» (ЛН, т. 85, с. 746–747).

И.Е.Репин — письмо в редакцию «По адресу “Мира искусства”» («Нива», № 15, 10 апр.). Объявляет о своем «бесповоротном устранении от всякого участия в журнале», на выставках которого демонстрируются только произведения, «отвечающие направлению и вкусу журнала», игнорируется «русская школа», утверждается дилетантизм (А.Н.Бенуа, К.А.Сомов, С.В.Малютин). Однако «нельзя отказать» журналу «во внешнем интересе», а его организатору С.П.Дягилеву в энергии, образованности и «разностороннем интересе ко всякого рода искусствам».

Письмо было перепечатано в «Мире искусства» (№ 10) с ответом С.Дягилева «Письмо по адресу И.Е.Репина», в котором художник упрекался в непостоянстве взглядов.

Разрыв Репина с «Миром искусства» приветствовал В.П.Буренин, назвавший Дягилева «шарлатанящим дилетантом» (Н. Вр., 16 апр.), и В.В.Стасов («Чудо чудесное», Нов., 18 мая).

В.Стасов писал Л.Н.Толстому 14 июня: «...с Репиным тоже случилось “Воскресение”, светлое и неожиданное. Когда Репин напечатал свое изумительное отречение, я... тотчас нацарапал ему несколько слов карандашом, и он прилетел ко мне спустя всего лишь несколько часов; как мы обнялись после 6-и лет разлуки и вражды!» (Л.Толстой и В.В.Стасов. Переписка. Л., 1929, с. 227).

М.В.Нестеров писал А.А.Турыгину 20 апреля: «Ругательное письмо Репина в “Ниве” не имеет цельности и убежденности и только лишь — раздражение». 10 мая: «...накануне Светлого праздника не один Илья Репин получил от Дягилева хороший ответ, но и Буренин дождался также достойной платы. Быть может, и не по-европейски Дягилев поступил, отхлестав Буренина по щекам, но согласись — другого выхода нет» (Письма. Л., 1988, с. 174).

25 апреля Чехов пишет Горькому из Москвы: «Третьего дня я был у Л.Н.Толстого; он очень хвалил Вас, сказал, что Вы “замечательный писатель”. Ему нравится Ваша “Ярмарка” и “В степи” и не нравится “Мальва”. Он сказал: «Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у

Горького попадают именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал". Вот Вам» (т. 8, с. 157).

«Давно хотел я знать, как смотрит на меня Толстой, — отвечал Горький 26 апреля, — и боялся знать это; теперь узнал и проглотил еще каплю меда. В бочку дегтя, выпитого мной, таких капель только две попало — его да Ваша. Больше и не надо мне» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 333).

С 28 апреля в Петербурге стала выходить без предварительной цензуры новая газета «Россия» под редакцией А.В.Амфитеатрова с постоянными фельетонами В.М.Дорошевича, Фингала [И.Н.Потапенко] и Мордвина [В.А.Тихонова]. «Наше дело молодое, сладилось на скорую руку, — писал Амфитеатров. — 20-го апреля мы организовали издательскую компанию, а 28-го газета уж вышла в свет...» (Рос., 1900, 16 янв.). Отход от «Нового времени» ряда сотрудников во главе с А.В.Амфитеатовым был вызван событиями, связанными со студенческими волнениями, однако общественная линия новой газеты, по мнению В.Г.Короленко в статье «О сложности жизни», не поддается пока определенной квалификации (Р. Бог., № 8/11). «Россия» до сих пор не решила, на какой стул ей сесть, а потому постоянно садится между двумя стульями (Л.Е.Оболенский, Од. Л., 2 ноября).

В конце концов, вызвав неудовольствие и справа и слева, газета решила несколько прояснить свою позицию и впервые вступила в открытую полемику с «Новым временем» (поводом послужили нападки на роман Потапенко «Встреча»). Old Gentleman [А.В.Амфитеатров] отметил, что отказ И.Н.Потапенко от сотрудничества в «Новом времени» был обусловлен «именно антипатичным поведением этой газеты» во время студенческих волнений. Упомянул Амфитеатров и о собственном «душевном перевороте, тяжело и болезненно пережитом... в прошлую весну. Он указал мне новые цели, новые светлые точки... Он указал мне, где грех и где раскаяние. Он научил меня не страшиться прошлого и верить в будущее» (Рос., 1900, 8 и 16 янв.). Другой член редакции, В.А.Тихонов, в начале 1900 г. покинул «Россию», написав А.С.Суворину 1 августа 1900 г., что «кроме горечи воспоминаний и поздних раскаяний» сотрудничество в ней ничего не оставило: «Как был я верным другом Вашей газеты и самым искренним и глубоким почитателем Вашим, таким и оставался всегда» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. 4235).

Н.Телешов — «Повести и рассказы». М., 1899, тираж — 2000.

Телешов — «не художник, не творец, не новатор». Он — талантливый рассказчик, с большим жизненным опытом и с «глубоким сочувствием ко всем униженным и оскорбленным, тесным и преследуемым...» (А.Скабичевский, Сын От., 21 мая). П.С.Коган отметил «коренное различие» между героями Горького и героями Телешова. «Первые не только стоят вне общества, они враждебны ему; это опасные элементы, грозящие гибелью всему современному социальному строю». Герои Телешова — «смирненные и несчастные люди... изредка решаются они возвысить протестующий голос, но... это скорее мучительное заявление о своих страданиях, чем стремление к избавлению от них» («Жертвы жизни», Обр., № 7–8). В книге преобладают «отрывочные эпизоды», «грубый мелодраматизм» и «сухость тона» при «некотором умении наблюдать» (Мир Б., № 9).

Май

4 мая министр внутренних дел принял решение приостановить на три месяца журнал «Русское богатство» «ввиду вредного направления» и «тенденциозного толкования законов» в связи с вопросом о финляндском сепаратизме (Р. Бог., № 5, авг.).

Ф.Сологуб — рассказ «Утешение» (Сев., №№ 15–21, 11, 25 апр., 2, 9, 16, 23 мая); о самоубийстве мальчика, затравленного жестокой действительностью.

А.М.Скабичевский — «Мужик в русской беллетристике (1847–1897)» (Р. Мысль, №№ 4–5). Те, кто увидел в «Мужиках» Чехова «новую эру народной беллетристики», тем самым обнаружили «пренебрежительное забвение славного прошлого нашей литературы». Каронин, хотя и считался «ультранародником», рисовал «поистине трагическую картину деревенской жизни», превышающую своим ужасом изображения Решетникова и Чехова. Идеализация возникала лишь при сопоставлении мужиков с интеллигентами (Златовратский, Каронин).

М.Неведомский (Нач., № 5) оспаривает обвинение Н.К.Михайловского (Р. Бог., № 4), будто бы марксисты встали на путь отказа от наследства, и называет 70-е годы лучшей страницей нашей истории — в отличие от «выдохшегося, выцветше-

го народничества наших дней», делающего из «жаления» «начало всех начал».

П.Перцов — «Психология русского марксизма» (Н. Вр., 21 мая). Критика марксизма как последнего слова «социальной концепции мира», которая подходит к искусству с утилитарными требованиями и не приемлет «понятия самодовлеющей личности», являясь еще более «бедной формой мышления», чем народничество и толстовство. Отмечая огромное распространение марксизма как «современной формы духовных волнений незрелой части нашего общества», успех марксистской литературы, которая быстро расходуется и зачитывается до дыр*, Перцов говорит о бесполезности спора с марксизмом, предлагает «переждать» его, как припадок инфлюэнцы, и строить на русском фундаменте.

26 мая исполнилось 100 лет со дня рождения Пушкина. В отличие от Пушкинских празднеств 1880 г. (открытие памятника в Москве), в нынешнем чествовании нет единодушия общества, хотя все восхваляют поэта. «Московские ведомости», «присвоившие себе монополию “патриотизма”», напечатали 29 мая передовую статью «Клеветникам Пушкина» — против речи В.Е.Якушкина в Обществе любителей российской словесности об отношении Пушкина к декабристам, а также поместили статью А.Шевелева, объявившего Пушкина и М.Н.Каткова «родственными по духу и по гению» («Из общественной хроники», Вест. Евр., №№ 6, 7). Протест всей демократической прессы вызвало то обстоятельство, что «всенародную подписку» на памятник Пушкину в Петербурге объявило «Новое время». Г-в [С.Н.Кривенко] замечал, что этот памятник нужно будет поставить «около торжища, т.е. около Гостиного двора», и написать на нем «Суворин — Пушкину» (Сын От., 12 марта). Общественное настроение нашло свое выражение в стихотворении Тана [В.Г.Богораза] «Разбойникам пера» («Жизнь», № 5):

*Оставьте праздник наш! Не место здесь глумленью!
Разбойники пера, не место здесь для вас...*

* По сведениям «Известий книжного магазина Вольфа» (1898, окт.), последнее издание первого тома «Капитала» Маркса в количестве 3020 экз. разошлось в несколько дней.

Современники точно угадывали адрес этой поэтической инвективы: «новременские молодцы» и «добровольцы со Страстного бульвара» (местонахождение редакции «Московских ведомостей»), эти потомки Булгарина, прежде всех явившиеся на пушкинский праздник и больше всех шумевшие на нем, как писал А.В.Пешехонов, негодуя на «официальную всенародность» чествований Пушкина, в то время как лишь семь пушкинских произведений разрешены для публичных народных чтений («Неудавшийся праздник», сб. «Русского богатства», 1899). «Народ Пушкина не знает», писал Е.А.Ляцкий, в окрестностях Святых гор его могилу чтут как «генеральскую», юбилейная литература состоит из «мертворожденных», «компилятивных» трудов и все праздничные ликования выглядят «горькой иронией» («Итоги Пушкинской годовщины», Обр. № 7–8).

26 мая на торжественном заседании Императорской академии наук в честь Пушкина был утвержден разряд изящной словесности, вошедший в отделение русского языка и словесности (Вест. Евр., № 7, с. 372).

Редакция «Жизни» устроила 27 мая вечер, о котором В.Г.Короленко писал: «Здесь были члены редакции “Жизни”, “Журнала для всех”, “Мира Божьего”, “Начала”, “Русского богатства”... Было прочитано несколько стихотворений (одно из них, написанное г. Таном и напечатанное в “Жизни”, произвело особенно сильное впечатление)». Выступали Н.Ф.Анненский, В.Г.Короленко, Н.К.Михайловский, П.Б.Струве, В.А.Поссе, А.М.Калмыкова и др. «Общая нота — единение на почве широких литературных заветов, которые необходимо охранять прежде всего. Различные оттенки прогрессивной русской мысли... должны играть роль обмена сигналами на дружественных судах. Боевые же выстрелы должны быть приберегаемы лишь для врагов тех великих идеалов, которые идут непрерывно одним курсом еще со времен Пушкина и его друзей». Собравшиеся послали приветствие Л.Н.Толстому и Э.Золя, в ответ на недавнюю телеграмму союзу писателей (W., P. Вед., 1 июня).

Пушкинский номер «Мира искусства» (13–14) состоял из статей Н.Минского, В.Розанова, Д.Мережковского и Ф.Сологуба. Н.Минский в статье «Заветы Пушкина» заявил, что на улице русской литературы будет произведен «парад Пушкинского юбилея», а истинный «праздник красоты и духовной свободы» состоится «лишь в одном из литературных переулков, именно в том, где обитают поклонники символизма и эстетики». В качестве «заветов Пушкина» Минский называет идеи, выдвинутые модернистами:

превосходство эстетического идеала над этическим, победу инстинкта над рассудком, равнодушие к добру и злу. Ф. Сологуб выразил сожаление, что «великое имя становится достоянием толпы». Д. Мережковский к хвалам Пушкина присоединил хвалы в адрес Суворина за «всенародный» сбор денег на памятник. В. Розанов заметил: хотя Пушкин «богаче» Гоголя, Лермонтова, Достоевского, но они — «живые руководители толпы», а ему остаются «академическая пустыньность и обожание».

Это «особое и достопримечательное чествование», устроенное «господами оргиастами», было высмеяно Вл. Соловьевым: Минский приписывает Пушкину свои мысли, а Розанов объявляет поэта «бессодержательным для нас» из-за отсутствия «пифизма» (Вест. Евр., № 7). Д. Философов назвал отзыв Вл. Соловьева «небрежными щелчками»: критик «совершенно забыл о Ницше» (Аполлон и Дионис) и поэтому не уяснил себе понятия «оргазм» («Ответ Вл. Соловьеву», Мир Иск., № 16–17). В свою очередь, Вл. Соловьев ответил, что авторы «Мира искусства» из «оргазма, пифизма, демонизма» «делают свое божество» и этот «разлагающийся труп» сговорились называть «новой красотой», которая «должна заменить устарелые идеи истины и добра» («Против исполнительного листа», Вест. Евр., № 10).

Июнь

Е. Чириков — «Чужестранцы (Очерки из провинциальной жизни)» («Жизнь», №№ 1–4, 6*), с эпиграфом из Некрасова:

*В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война...
А там, во глубине России,
Там вековая тишина!..*

Повесть не вызвала особого внимания критики. А. Измайлов писал, что она «производит неясное и неотчетливое впечатление. Если герои... дельные и серьезные люди... как объяснить в таком случае их жестокое поражение, их непригодность к жизни, сведение к нулю их деятельности» (Бирж. Вед., 19 сент.). Н. К. Михайловский заметил, что вместо «глубины России» и ее «тишины» автор показывает губернский город с веселящимися «местными нотаблями» и «кучку интеллигентов,

* «Чужестранцы» вошли во второй том «Очерков и рассказов» Е. Чирикова, вышедший в октябре 1899 г.

главным образом марксистов», задумавших издавать газету, быстро прекратившуюся «за отсутствием подписчиков» [история марксистского «Самарского вестника»]; при этом Чириков совершает «легкомысленно-ребячливые экскурсии в область нравственно-политических вопросов» (Р. Бог., 1902, № 1).

Л.Е.Оболенский — «Молодые таланты. I. З.Н.Гиппиус» (Од. Л., 13 июня). «Этот свежий, тонкий, оригинальный талант встретил настоящую бурю насмешек, пародий, цинических издевательств и отвратительных шуток».

Л.Е.Оболенский — «Журнальное обозрение» (Од. Л., 26 июня). До сих пор журнал «Жизнь» «представлял странную двойственность, а именно — марксизма с декадентством». Теперь отрицательное отношение журнала к декадентству прояснилось. Л.Оболенского не устраивает позиция Андреевича, утверждающего, что «народничество рухнуло», ибо рухнула лишь славянофильская его разновидность, а западническая, «основной принцип которой есть служение народу в силу долга интеллигенции перед народом», — осталась.

[В.Розанов] — неподписанные статьи «Путанные идеи» и «Обманчивые слова» (Н. Вр., 1 и 11 июня). Разграничивая в книге «Национальный вопрос в России» «национальность» и «национализм», Вл.Соловьев лишает Россию «национального ядра» — православия; у его последователей боязнь шовинизма приводит к предательству интересов России.

Июль

К.Ф.Головин — повесть «Второе поколение» (Вест. Евр., №№ 5–7). Напечатано при посредничестве Вл.С.Соловьева.

В связи с «оскудением и обнищанием» реакционной печати, даже Головин-Орловский, «неустанно и бодро искоренявший нигилизм» по рецептам М.Каткова и Б.Маркевича, теперь перешел из «Русского вестника» в «Вестник Европы», где стал, в подражание Боборыкину, изображать «самоновейшие течения», «чтобы засвидетельствовать свой новоиспеченный либерализм» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 8).

В.Серошевский — повесть «Риштау» (Мир Б., №№ 5–7); из быта переселенцев-колонистов на Кавказе.

Ляр. [А.С.Скляр] полемизирует со статьей М.А.Протопопова «Пропадающие силы» (см. наст. Летопись, апрель 1898 г.), утверждающей, «что г. Горький — фаталист. Нам кажется, наоборот, что г. Горький — поклонник активной силы, энергии и инициативы. Г. Протопопов утверждает, что г. Горький проповедует философию квиетизма, нам кажется, наоборот, что он проповедует философию активного творчества, деятельной любви... Достаточно вспомнить хотя бы «Песню о Соколе», чтобы убедиться, что философия г. Горького как раз противоположна проповеди квиетизма» (Кур., 26 июля).

29 июля утверждены «Временные правила» об отдаче в солдаты «воспитанников высших учебных заведений... за учинение скопом беспорядков» (Мир Б., № 9, с. 9–10).

Август

Леонид Андреев — «У окна» (Кур., 5 и 7 авг.). В рассказе изображена рабская психология маленького чиновника, в «омертвевшей душе» которого живет лишь страх перед жизнью и жажда покоя.

В разговоре с Горьким Толстой одобрительно отозвался об этом рассказе (см. письмо Горького Л.Андрееву от 23 декабря 1901 г. Письма. Т. 2. М., 1997, с. 229).

4 августа Д.С.Мережковский написал П.П.Перцову: «Воскресшие боги» начнут «снова воскресать с января в Мире Божьем... веселенькое местечко для богов! В Жизнь не отдал, потому что она тоже колеблется, а Мир Божий хоть противен, да прочен... Здесь я занят Л.Толстым и Достоевским... Хочу написать статью под заглавием *Человекобог и Богочеловек*, иначе Христос и Антихрист в русской литературе... Будущее лето поедем вместе открывать Россию... потому что ни славянофилы, ни народники, ни Толстовцы, ни птенцы гнезда Александра III (Васнецов, Нестеров) еще не были в России. А ведь и в самом деле без нее-то нет спасения... А В.Соловьев — действительно проходимец... как, впрочем, проходимцы все русские либералы... Ведь и марксисты либералы будущего» (Р. Л., 1991, № 2, с. 132–133).

После трехмесячного цензурного запрета вышел августовский номер «Русского богатства» (№ 5). Одновременно был ра-

зослан подписчикам «Сборник журнала “Русское богатство”», под редакцией Н.К.Михайловского и В.Г.Короленко. СПб., 1899, тираж — 11000; в марте 1900 г. — переиздан.

В журнале помещен очерк А.Серафимовича «На заводе (Из записной книжки)», полемически направленный против марксистского тезиса о «культурной роли капитала». В статьях В.А.Мякотина о книге М.И.Туган-Барановского «Русская фабрика» и Н.К.Михайловского «Литература и жизнь» журнал возобновил полемику с марксизмом. Н.К.Михайловский выступил против статей М.Неведомского в «Начале», критикующих народничество; против позиции «свободного искусства», осуждающей передвижников за «ложную эстетическую теорию», требующую идейности и содержания как необходимых атрибутов искусства. В ответ на упреки Неведомского в «идеализации мужика», «унизительной» тенденции «жаления», самопожертвования, «долга перед народом», устаревшей морали и др., Михайловский называет такое отношение «легкомысленно огульным», отстаивает право на «искреннюю идеализацию» при «горькой правдивости», напоминает, что под «народом» подразумевается не исключительно «мужик», а «вся совокупность людей труда» и, наконец, призвал не обольщаться «новыми этическими горизонтами», ибо «новое» — не обязательно «шаг к лучшему».

В сб. «Русского богатства» были также напечатаны: роман Н.К.Михайловского «Карьера Оладушкина (В провинции)»; рассказы: В.Г.Короленко «Маруся» (впоследствии «Марусина заимка»), Д.Мамина-Сибиряка «У святых могилок», Л.Мельшина «На службе общества» и др.; статьи П.Ф.Гриневича [Якубовича] «А.С.Пушкин», А.Г.Горнфельда «Муки слова», В.А.Мякотина «Из Пушкинской эпохи» и др.

Н.Г. [Н.Геккер] приветствовал возобновление журнала и выход сборника как двойной праздник, литературный и общественный, и выражал надежду, что и марксисты должны ценить своего «сурового, но справедливого и дельного противника» (Од. Нов., 18 ноября). В.Буренин назвал сб. «Русского богатства» кирпичом из «либеральной глины», заодно разругав и Горького, и Тана, и «жидовские газеты», и всех «либералов», мешавших «Новому времени» делать «живое дело» сбора денег на памятник Пушкину (Н. Вр., 3 и 10 сент.). П.Перцов назвал сборник «археологией либеральных ценностей», по-прежнему отстаивающих «“полезность” поэта, как насадителя “чувств добрых”» («Литературные окаменелости», Мир Иск., № 24).

По поводу сатирического романа Н.К.Михайловского А.Б. [А.И.Богданович] писал, что замысел — показать псевдогероя,

«бессознательного ренегата, случайно пострадавшего за убеждения», — заслуживает внимания, но осуществить его в полную меру может лишь «огромный художник тургеневского пошиба» (Мир Б., № 10). Л.Е.Оболенский нашел, что повесть Михайловского о «псевдогерое» художественнее профессиональных произведений (Од. Л., 12 окт.). «Серьезную и строгую работу автора» «Карьеры Оладушкина» отметил А.Измайлов (Бирж. Вед., 4 сент.). М.Филиппов нашел, что роман Михайловского [написан в 80-е годы] характерен для того «фазиса упадка», в котором находится в 90-е годы автор «формулы прогресса», «отвернувшийся от нового течения» [марксизма] («Новый талант г. Михайловского», Науч. Обзор., № 11).

Сам Михайловский писал 11 сентября Н.С.Русанову: «Рад, что начало моего романа Вам понравилось. Зачат он лет 15 тому назад, и уже в 1885 г. был из него напечатан отрывок в “Русских ведомостях”. Отрывок понравился... но скоро я охладел и вот теперь вытащил на свет собственно потому, что для сборника было мало подходящей беллетристики, а мой роман — уже по одному тому, что он мой, человека чужого в беллетристике, — должен привлечь внимание. Это моя жертва на алтарь журнала... В плане-то роман у меня действительно интересен: охватывает разные слои общества в бурю 70-х и реакцию 80-х годов» (РГБ, ф. 358, карт. 412, ед. 5. Роман остался незавершенным, отд. изд. СПб., 1906).

В рассказе Короленко некоторые критики увидели лишь интересные «бытовые особенности поселенческой жизни» (И-т [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 27 авг.) или «богатый этнографический материал», как и в рассказах Мамина-Сибиряка и Мельшина (А.Измайлов, Бирж. Вед., 4 сент.). А.Скабичевский поздравил русского читателя с тем, что Короленко «восстал от многолетнего сна» и взялся за ту же тему, которой посвящена большая часть произведений Горького, — тему «антагонизма оседлого и бродячего типов», при этом «симпатии г. Горького склоняются к бродячему типу», а Короленко считает, что «оба одинаково необходимы для жизни» (Сын От., 17 сент.). Назвав Короленко незаслуженно «раздутым» беллетристом «не ахти какой величины», В.Буренин заметил, что в рассказе выведены два типа ссыльных: один является «олицетворением народной удали», «героической силы», «руководствуется идеей власти», другой — «прирожденный пахарь», олицетворение «пассивного упротства» и «власти земли» (Н. Вр., 10 сент.).

И.И.Иванов — «Поэзия и правда мировой любви» (Мир Б., №№ 7–8). Отмечались составные элементы мировоззрения В.Г.Короленко: пантеизм, «панкордизм» (пантеизм сердца), «действенный романтизм», «религия деятельной правды и сострадания», «любовное отношение ко всякому жизненному процессу», «терпимость ко всякой человеческой душе, снисходительное и сострадательное воззрение на всякий факт человеческой жизни», «эпическое благоволение» по отношению к народу.

А.Басаргин [А.И.Введенский] назвал статью И.И.Иванова «ужасной», а самого автора «архипутанником», и отстаивал точку зрения Ю.Н.Говорухи-Отрока о «шаткости» мировоззрения Короленко, который, однако, в рассказах «Смиренные» и «Маруся» вступил на путь, указанный ему покойным критиком — перестал поклоняться разуму и смирил свою «интеллигентскую гордыню» (Моск. Вед., 18 сент.).

Андреевич [Е.А.Соловьев] — «Антон Павлович Чехов» («Жизнь», № 8). Посвящена разбору драматургии Чехова, основного героя которой критик называет типичным восьмидесятиником, «талантливым неудачником», близким к лишним людям Тургенева.

Горький писал Чехову об этой статье: «Недурно о “Дяде Ване”, но все это не то, что надо... В общем — он легковесен» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 354).

П.Н.Ге — «Художественные журналы» («Жизнь», № 8). Критика позиции «Мира искусства» как позиции декадентской, отрицающей связь искусства с жизнью и выгораживающей для искусства «совершенно особый мир, мир рифм, звуков и линий», при этом редакция «не дает последовательного ряда серьезных статей об искусстве», основываясь «на одних полемических статьях», а «иллюстрации далеко не всегда соответствуют направлению журнала».

Сентябрь

5 сентября в журнале «Семья» (№ 36) в статье Д.М.Городецко-го «Два портрета. Горький и Вересаев» была опубликована без разрешения Горького его автобиография (выдержки из письма автору статьи).

М. Горький — «Фома Гордеев» («Жизнь», №№ 2–4, 6–9). Как явствует из писем Горького этой поры, публикация сопровождалась многочисленными цензурными изъятиями. Отдельное издание вышло в январе 1900 г. в переработанном виде с посвящением А. П. Чехову (СПб., Б-ка «Жизни», 1900, тираж — 1000).

Повесть Горького «наделала, что называется, шуму», — писал Мордвин [В. А. Тихонов] (Рос., 17 дек.). Обсуждение не прекращалось в течение двух лет, причем многие критики писали по несколько раз.

Горький «открыл перед нами новый социальный слой» и дал ему «совершенно иное толкование», писал Н. К. [Н. Каспийский], недовольный однако образом Фомы Гордеева. Герой мечется в поисках «системы верований», способной разъяснить жестокий хаос современности, но не находит в большом приволжском городе людей, натолкнувших бы его на мысль, «как изменить установившуюся тягостную систему жестокой нелепости». Фома и Ежов («деньги и энергия», с одной стороны, и «интеллигентская сила» — с другой) должны были «выработать план кампании», а не пьянствовать совместно. В итоге Фома Гордеев — всего-навсего «тип чисто русского безобразника», напрасно окруженный Горьким «ореолом своеобразного чисто русского титанизма» («Преступное бездействие сверхсреднего человека», Обр., 1900, № 1). Мордвин [В. А. Тихонов] увидел в Фоме не купца, а «мятушуюся», но «духовно слепую» душу, не нашедшую «пути-дороги», но Горький всегда «на стороне силы и молодости», которой говорит: ищи! (Рос., 17 дек.). «Что же такое Фома Гордеев?» — спрашивал А. Яроцкий. — Это «цельный, красивый, сильный человеческий тип», не приспособленный для того, чтобы стать «хозяином миллионного состояния» (С. Кур., 1900, 28 янв., 22 февр.).

Трижды писал о романе А. И. Богданович: «Широко захваченная картина быта купеческой семьи» свидетельствует о том, что «этот свежий и сильный талант крепнет, растет и становится все серьезнее» (Мир Б., № 4). Если Любим Торцов у Островского — жертва своей среды, то «Гордеев меньше всего похож на жертву»: «это олицетворение протеста лучших сил человека против царящей пошлости и убаюкивающей тишины застоявшейся жизни. Какой исход найдут эти силы, пока не видно, но важно, что они есть, что их нельзя подавить...» (Мир Б., № 9). Дочитав роман, А. Богданович заключил: «этот странный конец не вяжется с представлением о бесспирной силе, какую ... все время являлся Фома, смело и резко ставящей свой вопрос “Как надо жить”. Автор бессознательно повторяет Островского, и в этом большая ошибка». «Ха-

рактерной черточкой» Горького является предубеждение против интеллигенции, и поскольку «спившийся Ежов с его народническим сумбуром в башке» является единственным наставником Фомы, то герою «действительно остается или кабак, или сумасшедший дом». Наиболее удавшимся лицом романа Богданович, как и многие другие рецензенты, считает Якова Маякина (Мир Б., № 11).

Обратным путем, от недооценки к признанию, шел рецензент «Книжек Недели». Вначале он отметил опоэтизирование «хищнических проявлений человеческой природы» в лице Игната Гордеева (№ 3). Затем признал Маякина «очень удачным типом», но упрекнул автора в том, что он придал эгоистическим инстинктам купца «характер идейной политической программы» (№ 9). И, наконец, заключил: «Уже давно в русской беллетристике не встречалось такой широкой картины... не выдуманной жизни, написанной такими сочными красками, такими смелыми штрихами... Фома Гордеев — это Любим Торцов современного купечества», но «драма жизни его шире и глубже, тип его сложнее, как усложнилась и жизнь всероссийского купечества со времен Островского»; теперь повсеместно торжествует купеческое «строительство», осужденное Фомой (№ 10). М.Меньшиков увидел в Маякине «неукротимого хищника», сверхчеловека, «не боящегося греха», которому симпатизирует автор («Красивый цинизм», Кн. Нед., № 9, с. 241).

Безоговорочно высокую оценку дал Львов [А.Л.Цитрон]: «Талант Горького — призывная труба, к которой молодежь — этот боевой конь — чутко прислушивается, с радостью приветствует своего трубача». Горький впервые показал купечество как класс, в его развитии, но рядом с энергичными и целеустремленными «героями наживы» «купеческая среда начинает выделять иные типы». Фома — «белый ворон», отделившийся от своей стаи и не приставший к другой, новый в русской литературе тип «кающегося буржуа». «Слепая сила» Фомы и «зрячее бессилие» Ежова показывают «всю тщету единичных усилий, направленных на отдельные проявления зла...» (Од. Нов., 25 окт. и 11 ноября).

И-т [И.Н.Игнатов] назвал Фому искусственным героем, «лабораторным типом» (Р. Вед., 17 июня). В.Гольцев сначала объявил, что роман свидетельствует о кризисе даровитого писателя, исчерпавшего свою тему, затем назвал его произведением талантливым, но «несуразным». И, наконец, заключил: «Ничего не вышло у Горького из Фомы Гордеева. Зато великолепно написан Яков Тарасович Маякин» (Кур., 19 июля, 9 авг., 6 сент. и 11 окт.).

А. Скабичевский увидел в романе «основательное знание волжского купечества», «искание сильных и дерзновенных людей по Ницше», два типа молодого купечества: «кающийся» (Фома) и «негоцианты на западноевропейский манер» (Тарас Маякин и Смолин), а также «растянутость, рождающую скуку» (Сын От., 6 авг. и 19 нояб.). Другой рецензент «Сына Отечества» (1900, 29 и 30 марта), П. О. Ст-ий, считал, что Фома — этот «босьяк в купеческом сюртуке» — «дает автору возможность высказать самый энергичный протест против тех цепей, которые выковали новые варяги земли русской», однако истолковать отношение Горького к буржуазии в свете воззрений «русских субъективистов» [т.е. народников] нет никаких оснований, так как оно имеет «в конечном счете совсем иной источник». В образе журналиста Ежова представлен «потерпевший историческую аварию разночинец». И если антипатия Горького к буржуазии читатель разделяет, то вторую — к интеллигенции — он разделить никак не может.

«Философию купеческой среды» увидел А. Басаргин [А. И. Введенский]: роман следовало назвать «Яков Маякин», так как «все положительное, типовое для купечества и характерное вмещено именно в этом образе» и в его «бодрой философии дела». «В лице Маякина проснулось доселе как бы дремавшее самосознание коренного, исконного русского купечества», которое, если и судит «криво», то лишь под влиянием интеллигенции, «оторванной от жизни, утопичной, бесцельной». Фома только разрушает и протестует, он представляет «сырую, стихийную» совесть (Моск. Вед., 1900, 12 и 19 авг.). С этой точкой зрения соприкасается и статья М. Чуносова [И. И. Ясинского]: Горький «не представляет себе более сильных, мощных и жизненных идеалов, чем те, какими... руководствуются в своем “строительстве” все эти Маякины, Смолины и Щуровы... Он выводит богатырей и рисует образы несокрушимой энергии, удалства, наглости, хитрости, хищничества, кровожадности и безжалостности... Но все протестующие, все обойденные, но все поедаемые представлены им в презрительном виде»; Фома — просто «жалкий выродок человечества». «Как художник, Горький отрицает именно то, что признает, как учитель» (Еж. Соч., 1900, № 9).

А. П. Чехов писал в феврале 1900 г. В. А. Поссе, пославшему ему отдельное издание романа: «... “Фома” имеет успех, но только у умных, начитанных людей, у молодых также». И затем, уже после прочтения книги: «“Фома Гордеев” написан однотонно, как диссертация. Все действующие лица говорят одинаково; и способ мыслить у них одинаковый... Места в “Фоме” есть чудесные. Из

Горького выйдет большущий писателище, если только он не утомится, не охладет, не обленится» (т. 9, с. 54 и 63).

Леонид Андреев — «Петька на даче» («Журн. для всех», № 9).

А.Измайлов — «Литературное обозрение» (Бирж. Вед., 19 сент.). «Среди молодых русских журналов, успевших в последние годы возникнуть, укрепиться и дать задатки успеха впереди, одно из наиболее видных мест должно быть уделено журналу “Жизнь”. ...Журнал ведется умелой рукою, с видимою любовью, и каждая книжка его, составленная разнообразно и живо, предлагает интересный и свежий материал».

2 сентября Д.С.Мережковский писал П.П.Перцову по поводу слухов о прекращении журнала «Мир искусства»: «Вы напрасно злорадствуете. Серьезно, я вашего крайнего презрения к Адонисам не разделяю. Что из того, что журнал смешон и глуповат. Не надо этого слишком бояться. Все-таки *что-нибудь*. Всего хуже — “ничего”... А если и Мир Искусства погибнет, то ведь будет совершенное *ничего*» (Р. Л., 1991, № 2, с. 135–136).

24 сентября Ф.И.Шаляпин, перешедший из частной оперы на сцену Большого театра, впервые выступил в партии Мефистофеля, вызвав «грандиозную манифестацию» зрителей: «Этот спектакль... исторический спектакль, про который в свое время будут писать мемуары и значение которого трудно предугадать в его настоящем объеме...» (Кур., 25 и 26 сент.). «Поклонение перед ним публики достигает эпических размеров» (Н.Рок [Н.О.Ракшанин], Нов., 30 ноября).

29 сентября В.Г.Короленко отвечает С.С.Юшкевичу: «“Записки студента Павлова” тоже не пойдут в “Русском богатстве”... Ни одного живого лица, туманные разговоры о народничестве и марксизме, под которыми не чувствуется личностей, и совершенно, так сказать, “произвольная” психология... Едва ли беллетристика может стать Вашей профессией...» На письме начинающего автора имеется позднейшая пометка Короленко: «Юшкевич. Моя ошибка» (В.Г.К о р о л е н к о. Избр. письма в 3-х тт.. Т. III. М., 1936, с. 126–127).

А.И.Свирский — сборник «Смертная казнь и другие рассказы». СПб., 1900, тираж — 3000.

А.И.Свирский — «скромный бытописатель хорошо изученного им трущобного мира», теряющий почву под ногами, как только он «выходит из сферы непосредственных наблюдений» («Жизнь», 1900, № 2). Рецензент «Мира Божьего» (№ 12) отметил элемент анекдотичности и «слащавость тона».

Октябрь

Андреевич [Е.А.Соловьев] — «Прекрасное есть жизнь» («Жизнь», № 10). В статье выражена позиция журнала: «Мода на уныние и неверие, на дух, изъеденный молью, должна пройти, если не прошла уже... Вера нужна, бодрость духа», нужны настроения, выраженные еще Чернышевским и другими шестидесятниками.

В октябрьской книжке «Жизни» помещены рассказы В.Серошевского «Чукчи» и Е.Чирикова «В ложине между гор» (об обывательской трясине уездного города, против которой оказывается бессильным протест отдельной личности). С октября Е.Чириков начинает вести в журнале постоянный раздел «Провинциальные картинки» (по материалам провинциальной печати).

10 октября В.А.Поссе пишет Чехову: «Вас не хватает “Жизни” ... Мне кажется, книжка “Жизни” с Вашим рассказом непременно должна выйти улыбающейся, а то, как я ни стараюсь, а “Жизнь” все какая-то хмурая» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 53–54). А 19 октября Горький обращался к Чехову: «Дайте “Жизни” рассказ!.. Поддержите этот, право, недурной журнал» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 371). Чехов передал «Жизни» рассказ «В овраге».

В октябре В.Я.Брюсов пишет В.К.Станюковичу: «В “Жизни”... я не пишу; известно тебе, что как символист я подлежу всеобщему остракизму. Пока только два издания дали мне доступ: стихи мои (которые попроще и поплоще) печатаются иногда в “Южном обозрении” (какая-то одесская газета...), а библиографические статьи (о Тютчеве, о Баратынском; из работ по истории лирики) в “Русском архиве”... “Мир искусства” я выдаю и журнал этот люблю... № о Пушкине был любопытен» (ЛН, т. 85, с. 748).

Горький, впервые прибывший в Петербург, знакомится с литературными кругами столицы. «Сколько сражений я выдержал здесь, сколько экзаменов! — писал он Е.П.Пешковой 18 октября. — Экзаменуют меня все, и все спрашивают объяснения моей ненависти к интеллигенции» (Письма. Т. 1. М., 1997, с. 370). На банкете (присутствовали Н.К.Михайловский, В.Г.Короленко, М.А.Протопопов, А.Ф.Кони, П.Б.Струве, И.Е.Репин и многие другие), устроенном редакцией «Жизни» 4 октября в честь Горького, произошел эпизод, о котором виновник торжества Чехову: «Разумеется, натворил здесь массу нетактичностей и нелепостей. Так, например, на ужине, в присутствии 60-ти знаменитых русских людей, занимающихся от люльки спасением России, я сказал о себе, — в ответ на комплимент, — что цену себе я знаю, знаю, что я — на безрыбье рак, на безлюдье — Фома. Это не понравилось никому, и даже мне не очень понравилось» (Там же). 13 сентября 1900 г. Горький писал В.В.Вересаеву: «Уезжая в прошлом году из Питера, я увез с собой только три глубоких и ценных впечатления — одно из них я получил от знакомства с Вами, другое дал Струве, третье — Михайловский» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 54).

21 октября Горький выступает на литературно-музыкальном вечере в зале Петербургской городской думы с чтением «Песни о Соколе» и рассказа «Однажды осенью». «Гвоздем программы было чтение М.Горьким отрывков из своих произведений. Неловкой походкой взошел на эстраду в простой куртке молодой писатель. Немного боком, сгорбившись, исподлобья глядел он на своих почитателей, встретивших его оглушительными аплодисментами, и нервно оправил волосы, длинными прядями закинутае назад. Волнение улеглось не скоро» (Львов [А.Л.Цитрон], «На литературном вечере», Од. Нов., 3 ноября).

26 октября в Московском Художественном театре состоялась премьера «Дяди Вани» Чехова. Первым представлением были не вполне довольны сами исполнители. «Моменты разочарования» отмечал и хроникер «Курьера» (27 окт.), газеты, дружелюбно относящейся к молодому театру и его автору. Это настроение почтительно высказывал Чехов, писавший О.Л.Книппер 30 октября: «В телеграммах только и было, что о вызовах и блестящем успехе, но чувствовалось в них что-то тонкое, едва уловимое, из чего я мог заключить, что настроение у вас всех не так чтобы уж очень хорошее. Газеты, полученные сегодня, подтвердили эту мою догадку» (т. 8, с. 291). На втором представлении

«Дяди Вани» 30 октября театр добился полного успеха. Вл.И.Немирович-Данченко телеграфировал Чехову: «Пьеса слушается и понимается изумительно. Играют теперь великолепно. Прием лучшего не надо желать. Сегодня я совершенно удовлетворен» (Ежегодник МХАТ. Т. 1. М., 1946, с. 123).

«“Дядя Ваня” — здоровая пьеса больных настроений и поэтическое воссоздание величайшей прозы...» (-ф— [Н.Е.Эфрос], Нов. Дня, 31 окт.); «Пьеса Чехова — маленькое окошечко с тусклым стеклом, закопченным авторским пессимизмом, через которое глядишь на всю безграничную Россию, где в глухих углах бесплодно гибнут хорошие силы...» (В.Дадонов, Сын От., 11 ноября); И.Игнатов видел во всех основных действующих лицах «обломовские черты» («Семья Обломовых», Р. Вед., 24 ноября). Большую пронизательность проявил Н.Рок [Н.О.Ракшанин]: «Чехов несомненно пришел на сцену с “новым словом”, которое давно и тщетно разыскивали многие из наших современных драматургов... суть этого слова заключается в поэтическом символизме произведения... Мы несомненно присутствуем и ныне при борьбе нового направления драматического творчества с давно установившимися формами, и Антон Чехов идет во главе движения» (Нов., 6 ноября). Новаторство молодого театра отмечал П.П.Гнедич («Театр будущего», Мир Иск., 1900, № 3-4).

Чехов писал Вл.И.Немировичу-Данченко 3 декабря: «Я читал рецензию о “Дяде Ване” только в “Курьере” и “Новостях дня”. В “Русских ведомостях” видел статью насчет “Обломова”, но не читал; мне противно это высасывание из пальца, пристегивание к “Обломову”, к “Отцам и детям” и т.п. Пристегнуть всякую пьесу можно к чему угодно, и если бы ...вместо Обломова взяли Ноздрева или короля Лира, то вышло бы одинаково глубоко и удобочитаемо» (т. 8, с. 319).

Горький после второго посещения «Дяди Вани» в Художественном театре писал Чехову: «...Содержание в ней огромное, символическое, и по форма она вещь совершенно оригинальная, бесподобная... Вообще этот театр произвел на меня впечатление солидного, серьезного дела, большого дела» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 14).

М.Горький — «Очерки и рассказы». Т. I—III, 2-е изд. С.Дороватовского и А.Чарушника с прибавлением третьего тома. СПб., 1899, тираж каждого тома — 4100. Издание включало новую редакцию «Песни о Соколе», ставшей революционным художественным манифестом эпохи.

Первым приветствовал выход трех томов Горького В. Гольцев, выражая сочувствие идеям его программного очерка «Читатель» (Кур., 25 окт.). «Личность г. Горького, — писал Северов [П. О. Морозов], — как писателя талантливого и оригинального, можно сказать, уже вполне определилась. Он появился в литературе недавно и сразу заставил говорить о себе даже тех, кто уже махнул рукой на современное “безвременье”...» Горький прежде всего правдив, он не идеализирует своих героев, но старается разглядеть человеческие черты «под густым слоем покрывающей их грязи». Такие произведения 3-го тома, как «Варенька Олесова», этюды о черте, рецензент не одобрил. «Неожиданный исход “Фомы Гордеева” стоит в прямой связи с теми мрачными воззрениями на литературу и на интеллигенцию вообще, какие высказывает автор устами своего “читателя” и почти одновременно с ним Ежова: в ее деятельности нет веры, от нее нечего ждать помощи...» (Нов., 4 ноября).

Н. К. Михайловский, отметивший, что книжки Горького выделяются на фоне безликих «Очерков и рассказов» «новым рудником наблюдений» и «ярким дарованием», предостерегал писателя от погони за оригинальностью и вычурностью (Р. Бог., № 11). «Оригинальное творчество г. Горького слишком мало изучено, — писал Н. Г. [Н. Л. Геккер], — и содержание его произведений еще меньше объяснено и истолковано, несмотря на массу заметок и рецензий». Изображение городских низов является для писателя переходным этапом «по пути широкого воспроизведения трудовой жизни вообще, не только ее отбросов и осколков, но и главного ее русла...» (например, типографские рабочие в «Фоме Гордееве»). Горький уже дал «великолепные страницы с описаниями массовой работы и ее условий в гавани, на пристани, на пароходе и даже отчасти в мастерской. Мы имеем чудные картины труда, гармония и красота которого заразительно действует на постороннего наблюдателя... Мы имеем также и другие картины чисто каторжного труда, отупляющего, принижающего и доводящего человека до положения животного и раба» (Од. Нов., 1900, 6 янв.).

«Русская мысль» (№ 12) отдала предпочтение первым двум томам Горького перед третьим и романом «Фома Гордеев». Затем поместила статью М. А. Протопопова «Беллетристы новейшей формации», посвященную Горькому, Вересаеву и Таню (1900, №№ 3–4). Критик сближает свободолобивые стремления новейших писателей, их убеждение, что «мир принадлежит человеку», их воспевание бесстрашия и «безусловной и неограниченной дерзости» с ницшеанским «все дозволено», «без дерзкого ницшеанства не было бы и самоуверенного марксизма». «Личные счета поколе-

ний не позволяют г. Протопопову сказать беспристрастного, правдивого слова...» — писал рецензент «Мира Божьего» (1900, № 6). Номо Novus [А.П.Пятковский], напротив, поддержал мысль Протопопова о связи марксизма с нищенством, об «игнорировании христианских нравственных начал» и назвал «отличительной чертой писаний» Горького парадоксальность (Набл., 1900, № 12). А.Басаргин [А.И.Введенский] упрекал Горького в «бедном босяцком репертуаре», «убогой» философии, в нищенском презрении к слабым и в отходе от «объективных» вещей («Каин и Артем», «Дружки», «Кирилка») к «балладам с тенденцией» («Мой спутник», «Однажды осенью», «Проходимец», «Читатель» и др.) (Моск. Вед., 1900, 29 апр.). Мордвин [В.А.Тихонов] отметил связь «Читателя» с речами Вареньки Олесовой, оба протестуют против излишней погони русской литературы за реализмом, не выходящим из рамок «будничной жизни»; «писатель без идеала» — «опасный болтун», но «художник должен стоять вне всяких сложившихся партий, чужих теорий». Если Горький сохранит свое «горячее свободолюбие» и «не поддастся влиянию какой-нибудь партии ... тогда русская литература будет иметь большого и талантливого писателя» (Рос., 19 ноября). Герои Горького — «сверхбосяки, сверхбродяги», «благородные и великодушные», «презирающие деревенщину»; этот «четвертый класс» нашел защитников в современных журналах. Обитатель тюрем «надвигается на русскую литературу, как Атилла» (М. Чуносков [И.И.Ясинский], «Кошмарное время», Еж. Соч., 1900, № 1).

Чехов, которому Горький в дополнение к двум томам первого издания послал 3-й том своих «Очерков и рассказов», писал 2 января 1900 г.: «...Мне очень понравился в Вашем третьем томе "Мой спутник". Это такой же силы, как «В степи». Я бы на Вашем месте из трех томов выбрал лучшие вещи, издал бы их в одном рублевом томе — и это было бы нечто в самом деле замечательное по силе и стройности. А теперь в трех томах как-то все переболталось; слабых вещей нет, но впечатление такое, как будто эти три тома сочинялись не одним, а семью авторами — признак, что Вы еще молоды и не переболдали» (т. 9, с. 8).

Е. Чириков — «Очерки и рассказы». Книга вторая. СПб.: изд. С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1900, тираж — 4200.

Это «сплошной мартиролог русского провинциального либерализма», но «повальная практическая несостоятельность идеалистов ни на минуту не заставляет г. Чирикова усомниться в справедливости и жизненности самого идеала» и в уверенности, что «в провинции жива еще и крепка старая либеральная аввакумовщи-

на», которая несет огонь шестидесятничества. Но в фельетоне он был бы сильнее, чем в беллетристике (Old Gentleman [А.В.Амфитеатров], Рос., 1900, 1 февр.). А.И.Потапов отмечал, что первой книге «Очерков и рассказов» Чирикова свойственно «преобладающее настроение беллетристики 90-х годов», а именно: настроение «общественно-идейной растерянности». На второй же книге отразился тот подъем общественного настроения, который определился к середине 90-х годов не «социально-экономическими условиями», а «властным психологическим импульсом»; Чириков, в излишнем увлечении «новым словом» (марксизмом), занял «крикливое амплуа партийного подголоска» (Р. Бог., 1900, № 2). Бытописателем провинциальной жизни, преимущественно ее культурных слоев, назвал Чирикова А.Скляр, также недовольный тем, что сочувствие марксизму в «Инвалидах» проявляется «в виде крайне нехудожественной, грубой тенденциозности» (Обр., 1900, № 5-6). А.Б. [А.И.Богданович] назвал недоразумением (отчасти вызванным самим автором) упреки в карикатурном изображении родственников, в то время как в Крюкове — «перед нами один из симпатичнейших типов интеллигенции» (Мир Б., 1900, № 4). Рецензент «Русской мысли» (1900, № 8) заметил, что Чирикова охотно читают, но он «не из таких писателей, которых можно перечитывать».

Тан [В.Г.Богораз] — «Чукотские рассказы». СПб.: изд. С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1900, тираж — 4100.

Одним из первых откликнулся Горький: рассказы Тана, «несмотря на их этнографический характер, являются художественными вещами и производят глубокое впечатление» (М.Г-кий, Н. Л., 30 ноября). И-т [И.Н.Игнатов] отмечал, что от авторов этнографических рассказов, как правило, ускользает психология «примитивного человека» (Р. Вед., 16 ноября). Вл.И. подчеркивал реализм и объективность автора: «у него нет никаких предвзятых тенденций, нет ни снисходительного заигрывания с инородцем, ни искания в нем, в поучение детям культуры, первобытных добродетелей» («Жизнь», 1900, № 1). А.Б. [А.И.Богданович] указывал, что художественное значение этнографических очерков Тана меньше, чем сибирских очерков Короленко или Серошевского (Мир Б., 1900, № 2). В.Г.Короленко писал о Тане: «...Несмотря на иссушающее обилие этнографических комментариев, его описания художественно пластичны» (Р. Бог., 1900, № 5, рецензия без подписи). М.Протопопов утверждал, что «по таланту г. Тан не уступает Горькому и значительно превосходит г. Вересаева», он не ограничивается «ролью статистика и этнографа», «а является в

своих рассказах истинным художником-психологом». Протопопов сближает зоологический закон сильного, господствующий у чукчей в очерках Тана, с проповедью силы, которой увлекаются «беллетристы новейшей формации», группирующиеся вокруг «Жизни» (Р. Мысль, 1900, № 4). Против завышенной оценки Тана выступил Н.Г. [Н.Л.Геккер], писавший, что нельзя даже сравнивать Тана с Горьким, но можно сопоставлять с В.Серошевским, ибо только в пределах этнографической беллетристики Тан представляет «крупную величину» (Од. Нов., 1900, 3 июня).

М.О.Меньшиков — «Критические очерки». СПб., 1899, тираж — 1200.

«В роли воинствующего критика г. Меньшиков сохраняет ту же лампадно-деревянную елейность, как и в роли моралиста» (М.Протопопов, «Критика критиков», Р. Мысль, 1900, № 8). «При раздраженном отчитывании Меньшикова г. Протопоповым» читатель «не получает почти никакого понятия о самой книге» (Мир Б., 1900, № 10, отд. II, с. 34).

Ф.Д.Батюшков — «Критические очерки и заметки». СПб., 1900, тираж — 600. (О Горьком, Потапенко, «Слепом музыканте» Короленко, «Хозяине и работнике» Л.Толстого и его эстетических воззрениях, о современной живописи и др.).

Автор одушевлен современной доктриной «научного духа», но не забывает и о «нравственной стороне». Современной «прозревшей мысли» свойственно «былое уважение к науке... но ей стала невыносима сухая “научность”, связанная с нравственным и общественным безразличием исследователя» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1900, № 7, Нов. Кн.).

Ноябрь

С 1 ноября в Петербурге стала выходить без предварительной цензуры новая газета «Северный курьер» (издатель В.В.Барятинский, редакторы В.В.Барятинский и К.И.Арабажин). В качестве сотрудников беллетристического отдела газеты были объявлены: Вересаев, Гарин-Михайловский, Горький, Григорович, Станюкович, Серошевский, Тан и др.

14 сентября М.О.Меньшиков сообщал А.П.Чехову: «С ноября выходит новый конкурент “Нов. Времени” — “Сев. Курьер”, издает кн. Барятинский, муж Яворской. Редакцию составляют Головинский, Мазаев (наш секретарь ред.), Арабажин, Льдов, Жиркевич» (РГБ, ф. 331, карт. 51, ед. 556).

В.И. Ленин писал М.А. Ульяновой 17 октября из Шушенского: «Слышал о новой газете в Питере “Северный курьер” — собираюсь выписать ее, как только увижу в газетах объявление» (т. 55, с. 178).

В первом номере был помещен рассказ Вересаева «Лизар (из летних впечатлений)» и стихотворение Тана, прославляющее человека.

*Не бойся вечности, не уступай судьбе!
Будь смел, будь дерзок и бесстрашен!
Огромный этот мир принадлежит тебе,
Лишь для тебя так пышно он украшен.*

*И верь в свою звезду и имя — человек
Носи, как символ высшей чести!*

Под этим стихотворным манифестом, писал М.А. Протопопов, могли бы подписаться и Горький, и Вересаев (Р. Мысль, 1900, № 3).

7 и 8 ноября в «Северном курьере» печатался путевой дневник Н. Гарина «Из окна вагона (Из Петербурга до Триеста)».

13, 14 и 15 ноября “Северный курьер” поместил рассказ Клавдии Гросс с предисловием и послесловием М. Горького. Говоря о мотивах, побудивших его напечатать эту исповедь проститутки, Горький писал: «Вот теперь Лев русской литературы могуче рычит на весь мир о жизни и страданиях Масловой... Если б одна из подруг этой Масловой рассказала о своей жизни своими словами — это, быть может, еще несколько увеличило бы интерес общества к погибшим людям...» Свое послесловие Горький закончил словами: «Литература есть трибуна для всякого человека, имеющего в сердце горячее желание поведать людям о неустройстве жизни и о страданиях человеческих, о том, что надо уважать человека, и о необходимости для всех людей — свободы! свободы! свободы!»

Д. Мамин-Сибиряк — «Падающие звезды» (Р. Бог., №№ 1-8, янв.-ноябрь).

А. Скабичевский истолковал повесть в свете современной полемики народников и марксистов: «...Капитал деморализует и растлевает вместе с тем и интеллигентные классы, которые ставятся в зависимость от него...» (Сын От., 3 дек.).

Е. Чириков — «Как это случилось» (Мир Б., № 11). Рассказ о цензоре, не знающем, что «дозволять», что «запрещать».

К. Бальмонт — страницы из книги «Лирика современной души (Дневник поэта)», включающие стихотворения «Отчаяние» («Мир должен быть оправдан весь, / Чтоб можно было жить»), «Избранный» («О, да, я — избранный, я — мудрый, просвещенный, / Сын солнца, я — поэт, сын разума, я — царь»), «Разрыв» («Живя у самого себя в неволе, / Я ранен на смерть разумом моим»), «Полночь и свет» («Вечно я буду рабом?..»), «Скифы» («Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов...»). Всего 15 стихотворений («Жизнь», № 11).

В. Гольцев увидел в стихах Бальмонта «притязания немалые» и «нелепые строки»: «зеленый мрак», «скрип всемирных осей» и т. п. (Кур., 20 дек.).

По поводу выставки Московского товарищества художников Сергей Глаголь [С. С. Голоушев] писал, что тут нет «никаких экстравагантных новшеств», даже «Пан» Врубеля не расстроит «впечатлительных сердец» приверженцев старины, ибо «полный задорной дерзости г. Врубель обратился в правовежного натуралиста», выписывающего «все пальчики, и все суставы». Кроме того представлены Милютин, Переплетчиков и др. (Кур., 6 ноября).

Н. А. Бердяев писал П. Б. Струве 23 ноября о переводе книги немецкого социалиста Людвиг Вольтмана, что она «может рассчитывать на успех уже потому, что называется “Исторический материализм”, под этим заглавием даже бессмысленный набор слов имел бы успех, т. е. покупался бы» (Лица. Вып. 3. М.; СПб., 1993, с. 124–125).

Вл. Кор. [В. Г. Короленко] — «О сложности жизни»* (Р. Бог., № 8, ноябрь). Статья поднимала вопрос об общих задачах передовой русской печати, подчеркивая, однако, что живая почва действительности рождает «элементы нового мировоззрения», оставляя постоянным главный девиз — «во имя человека и человечества», существующих «не для того, чтобы служить материалом для тех или других схем», для «социальной алхимии» или «шестивия истории».

В письме к жене от 20 ноября Короленко назвал статью «программой» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 3, ед. 52).

* В 1914 г. статья получила авторский подзаголовок «Из полемики с “марксизмом”» (В. Г. Короленко. ПСС, изд. А. Ф. Маркс, 1914, т. 5).

Горький писал 10 декабря Ф.Д.Батюшкову: «Превосходно написал Владимир Галактионович “О сложности жизни”, это лучшая его публицистика. Очень хорошо» (Письма. Т. I. М., 1997, с. 383).

«Теплое чувство и примирительный тон, отличающие прекрасную статью г. Вл.Кор., конечно, не могут заменить теоретического обсуждения вопроса об отношении между “единством основного принципа” и “сложностью” практической программы. Те или другие частные положения автора могут вызывать дальнейшие споры... Но его призывы к “человечности”, к “борьбе за индивидуальность” не могут остаться без сочувственного отклика, так же как его указание на то, что есть такая почва для обсуждения, на которой “все мы союзники» (Мир Б., 1900, № 1, Из рус. изданий). Ч.Ветринский выразил надежду, что «программная» заметка Вл.Кор. послужит сближению марксистов и народников (Н. Л., 29 дек.).

Е.Соловьев — цикл статей «Семидесятые годы» («Жизнь», №№ 1–11). Основная мысль работы сводилась к тому, что народничество — сословная идеология старого барского духа, пусть даже выраженная в «кающихся» формах, «окончательно ликвидировала свои дела». Два ее исходных пункта: «вера в мужика» и «отрицание за человеком права на его личное счастье, во имя грядущих поколений». «Было признано, что стремиться к личному счастью — пошло, скверно, греховно. Было признано, что *надо* страдать. Над короткой человеческой жизнью, над ее жаждой света, приволья и счастья — требовательная, ригористическая этика набросила мрачную, пугающую тень...» (№ 8, с. 316).

В полемику с Е.А.Соловьевым вступил А.Скабичевский, назвавший Соловьева самозванным «глашатаем новой эпохи» и продолжателем А.Волынского (Сын От., 8 и 15 окт.). Н.К.Михайловский в статье «О г. Соловьеве как “моменталисте-трансформисте” и развязном человеке вообще» возражал против прямолинейного применения «сословного принципа» к сложным литературно-общественным явлениям. «Будущий историк этих годов... может быть, сурово осудит их ошибки и увлечения», но «вздорная» работа Соловьева, «ухарски джигитующего по усеянному мертвыми костями полю», вызовет у него лишь «изумление и негодование» (Р. Бог., № 7, окт.).

В ноябрьском номере «Жизни» вместе с последней статьей цикла Е.А.Соловьев поместил полемическую заметку «О сословном духе литературы (ответ гг. Михайловскому, Скабичевскому и

др.)», в которой отстаивал свой взгляд на народничество как на идеологию дворянства, сострадающего бесправному мужику. При этом он считал, что основы народничества заложены Радищевым, Герценом, Тургеневым, Григоровичем, относил к нему Л.Толстого, Щедрина и отчасти Достоевского.

3 декабря В.В.Вересаев пишет Горькому: «Читали статью Михайловского против Евг.Соловьева? Я с нею во всех существенных пунктах согласен» (Архив А.М.Горького).

О реакции Горького на эту полемику можно судить по ответам редактора «Жизни» В.А.Поссе на несохранившиеся горьковские письма. 20 ноября: «Ты не прав, восторгаясь Михайловским и нанося свой удар Соловьеву, которого травят безбожно и несправедливо». 22 ноября: «Может быть, к Михайловскому я не прав. Чувствую, что защищать Соловьева трудно». 2 декабря: «Не сыграл бы Соловьев для “Жизни” роли Волынского. Сам чувствую, что пишет он складно, а толку нет» (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 91).

Полемика была продолжена в статьях П.Б. [Л.Э.Шишко], упрекавшего Е.А.Соловьева в попытке изолировать 70-е годы «из цепи тех явлений, в которых выразилось главное прогрессивное течение русской общественной мысли» (Р. Бог., № 9/12), и В.Г.Подарского [Н.С.Русанова]: «Конечно, был и аскетизм, были и страдания», но семидесятники знали цену жизни, и, в частности, любовь была в их сознании «одною из величайших и интенсивнейших радостей жизни» (Р. Бог., 1900, № 12).

Вышел первый том произведений А.П.Чехова в издании А.Ф.Маркса — «Рассказы», СПб., 1899, тираж — 6100. В марте 1900 г. переиздан тиражом 15000.

Даже в «самых веселых рассказах чувствуется грустное настроение автора» (Мир Б., 1900, № 11). В этих ранних рассказах можно найти будущий «мрачный реализм» автора «Палаты № 6» и «Мужиков» (Н.Г[еккер], Од. Нов., 1900, 25 янв.). Общее настроение ранних рассказов «и сложно, и значительно»: слышится голос Гоголя, но «смягченный, ослабленный и как бы обессиленный» (А.Басаргин [А.И.Введенский], Моск. Вед., 1900, 5 февр.). «Время для полной и всесторонней оценки произведений Чехова, конечно, еще не пришло... Впрочем, и теперь уже можно сказать, что с общественной точки зрения Чехов примыкает к знаменитым писателям земли русской... потому что он из осколков дал нам собирательный тип хмурого человека, заставил его жить и чувствовать в тех сумерках, которые мы зовем восьмидесятыми годами», но в «тайниках чеховского творчества» живет «немного надлом-

ленная надежда на более светлую, изящную и радостную жизнь» (Р. Мысль, 1900, № 3).

«Книга раздумий». СПб., 1899, тираж — 1000. (Стихотворения К.Д.Бальмонта, Валерия Брюсова, Модеста Дурнова, Ив.Коневского).

«Вышла, наконец, “Книга Раздумий”, которую ждали долго и томительно. Вышла, но что дальше, не знаю» (В.Брюсов. Дневник. М., 1927, с. 77).

Сборник дал пищу для ряда насмешливых рецензий, несколько смягченных лишь по отношению к стихам Бальмонта. Так, Д.Шестаков в приложении к «Торгово-промышленной газете» (1900, 20 февр.) писал: «Обозревая эту “выставку отверженных”, мы невольно поражены какими-то кошмарными образами, темнотой и невразумительностью мысли, вложенной иногда в безобразные, а иногда в превосходные по внешности формы» (к последним отнесен «Ассаргадон» Брюсова). «Все четверо поэтов, — язвил Old Gentleman (А.В.Амфитеатров) (Рос., 1900, 24 марта), — раздумывают так похоже друг на друга, что весьма трудно различать, где кончает раздумывать г. Бальмонт и начинает Валерий Брюсов, где свершился мысленный путь г. М.Дурнова и началась поэтическая тропа г. Ив.Коневского». Даже рецензент «Мира искусства» В. [Вл.В.Гиппиус] (1900, № 5–6) был беспощаден: «г. Бальмонт владеет плавным стихом, несколько чуждым поэтического движения; стих Ив.Коневского, не чуждый поэтического движения, выразителен, но уродлив; г. Брюсов писал бы, вероятно, недурно, если бы свои несложные настроения выражал не таким притязательным стихом; г. Дурнов... вовсе не имеет литературной способности... Какое направление соединило четырех авторов, и отсюда — в чем значение такой брошюрки? — остается неясным» (с. 107). Книга двух известных поэтов-декадентов и двух малоизвестных — «совсем не крупное явление». Бальмонт назвал свои «раздумия» «Лирикой мысли и символиккой настроений», у него есть талант, есть и настроение, но оно «выражено бледно, слабо, отягчено ненужной сутолокой слов»; у остальных участников сборника таланта меньше, «а притязания — больше» (Р. Мысль, 1900, № 7).

Ив.Коневской [И.И.Ореус] — сборник стихов и прозы «Мечты и думы. 1896–1899». СПб., 1900, тираж — 400.

Рецензент «Мира искусства» (1900, № 5–6) [Вл.В.Гиппиус] заметил, что, несмотря на талантливость автора, сборник «остает-

ся вне литературы», пока Коневской «не научится писать грамотно».

В.Я.Брюсов написал К.Д.Бальмонту в январе 1900 г.: «Книга Ореуса хороша» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 111).

А.Вербицкая — повесть «Первые ласточки». М., 1900, тираж — 1200.

«Первые ласточки» «женского вопроса» «прилетели 40 лет назад» и «экзальтированные» страницы Вербицкой отдают «чем-то институтски-наивным» и даже производят «комическое впечатление»; «тут припахивает немножко и Ницше, и Гауптманом» и «даже французской “Марсельезой”» (ее стилем, а не идеей), но, по существу, все сводится к «эгоистическому желанию личной удачи и славы» ([П.Ф.Якубович], Р. Бог., 1900, № 3, Нов. Кн.). Повесть «написана очень горячо и талантливо», но «феминистический элемент» сужает настроение автора (Андреевич [Е.А.Соловьев], «Искание смысла жизни», «Жизнь», 1900, № 1, с. 240–243).

Декабрь

1 декабря, на «пятницах» К.К.Случевского, И.И.Ясинский прочел реферат о поэзии В.Брюсова, подчеркнув, что ее новизна состоит в отходе от исчерпавшей себя «натуралистической» художественности пушкинской школы и приближении к «мистическому» прозрению лирики Тютчева и Баратынского (опубл. в Еж. Соч., 1901, № 1, «Новый поэт»). Присутствовавший А.А.Коринфский записал в тот же день: «Большинство оказалось при особом мнении, хотя и согласилось, что *теперь* у автора “Бледных ног” действительно есть *стихи* и даже хорошие» (Нов. Лит. Обзор., 1996, № 18, с. 248, 316). 15 декабря, там же, З.Гиппиус прочла реферат «О декадентах и об Александре Добролюбове» (опубл. в Мире Иск., 1901, № 1, «Критика любви») — о проблеме «я-самства» у декадентов, не уводящей от Бога, а ведущей к нему, к религии «общения, соединения многих — во имя единого» (Нов. Лит. Обзор., 1996, № 18, с. 249).

2 декабря на сцене Александринского театра состоялась премьера комедии П.Д.Боборыкина «Накипь»* (с участием В.Ф.Коммиссаржевской, Ф.П.Горева, А.П.Ленского и др.),

* Отдельное издание пьесы вышло в январе 1900 г., СПб., тираж — 200.

которая была признана газетными репортерами «гвоздем сезона». В стремлении «уловить момент», писал Н.К.Михайловский, Боборыкин изображает «декадентскую декламацию», «ницшеанские словечки», модный танец, балалаечников и марксистов — «все, что в данную минуту имеет характер “моды”... К сожалению, вышла не сатира, а поверхностный шарж». Затронут современный мотив «откровенного эгоизма», восстающего против «всяких правил, преданий, требований общественного мнения». «Что мне за дело до голодных, когда есть на свете красота!?» — говорит один отрицательный персонаж «Накипи». «Условия русской жизни» пока еще ограничивают «обнаженность эгоизма» в сравнении «с европейски-откровенным пороком», но и «в речах с чужого голоса есть нечто серьезное — и грозное» (Р. Бог., 1900, № 2). В пьесе высмеиваются и опошляются «новые течения и модные увлечения в русской экономической, художественной и общественной жизни», в частности, представлены «лейкинские марксисты» (Н.А.Селиванов, С. Кур., 4 дек.). Боборыкин с обычной своей восприимчивостью подметил «связь между эстетизмом и капитализмом», но он полагает, что достаточно купцу «не увлекаться декадентством и плевать на Ницше», чтобы «заслужить почтение» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., 1900, № 3). Лишь Буква [И.Ф.Василевский] назвал «Накипь» «несомненно лучшей, самой крупной и литературной пьесой нынешнего сезона» со «здравой и простой морализующей тенденцией» (Р. Вед., 1900, 30 янв.). А.Волынский писал, что с «могучим умственным поветрием, которое несетя из Европы... нужно и можно считаться только всерьез», а не совершать, подобно Боборыкину, «дешевую расправу», «в компании с малокультурными актерами» (Рос., 4 дек.). В пародии В.Дорошевича «По ту сторону здравого смысла...» высмеивались и Боборыкин, и Волынский, и Дягилев, и Философов (Рос., 6 дек.). Old Gentleman [А.В.Амфитеатров] одобрил Дорошевича за то, что тот «артистически высек» Волынского; сам же назвал «Накипь» обзорением в опереточном и фарсовом театре (Рос., 10 дек.). По этому поводу Н.А.Селиванов заметил, что стиль «России» — «только сколок и фотография с бесшабашности “Нового времени”» (Кур., 11 дек.).

В декабре в журнале «Нива» (№ 52) закончилось печатание «Воскресения» Л.Толстого, сопровождавшееся большим количеством цензурных изъятий. 18 декабря Толстой записал в дневнике: «Кончил “Воскресение”. Нехорошо. Не поправлено.

Поспешно. Но отвалилось и не интересует более» (т. 53, с. 232).

«Произведение великого писателя, как и следовало ожидать, вызвало в литературе самые разнообразные толки, — писал Северов [П.О.Морозов] (Нов., 30 дек.), — маленькие фарисеи постарались придать своим физиономиям выражение блаженного восторга; большие фарисеи уныло покачивали головами, повторяя, что Толстой окончательно сбился с пути и стал заговариваться; находились и такие критики... которые восклицали, что Толстой хочет подрвать доверие к суду присяжных и, таким образом, играет в руку реакционерам»*. Н.К. [Н.Каспийский] указывал на неуместность романа Толстого на страницах журнала, предназначенного для «семейного чтения», и называл метод Толстого «анархическим реализмом, шагающим через тысячи препятствий прямо к сущности дела» (Обр., № 5–6). В.Дадонов считал, что к роману больше подходит заглавие «Разложение», так как в нем показан распад существующих общественных форм, а в последних главах изображены продукты этого распада [революционеры], способные создать новые формы жизни (С. Кур., 1900, 26 февр.). Пл.Краснов полагал, что, «несмотря на захватывающий интерес и подавляющую художественность романа», «Воскресение» скорее разочаровывает, ибо «изображает не идеалы современного общества, а действительную жизнь, какова она есть» и является «лучшим образцом натуралистического романа во всемирной литературе» (Кн. Нед., 1900, № 1).

В.Розанов доказывал, что в романе Толстого никто не воскресает, что характеры Нехлюдова и Катюши — «оба замечательно пассивны». Толстой учит «как бы благочестиво умереть», а не «каким образом совершить великую правду жизни, бытия» («Пассивные идеалы», Н. Вр., 1900, 11 янв.).

По поводу этой статьи В.В.Стасов писал Л.Толстому 15 января 1900 г.: «Вдруг какой-нибудь идиот Розанов, наполовину ханжа, наполовину неотесанная дубина, вылезает из какой-то собачьей норы и лает на “Воскресение”, глупо, нелепо, бестолково, смрадно и гадко. А разве кто-нибудь дает ему отпор, разве хватит его

* Внутренний обозреватель «Вестника Европы» (№ 12) писал, что переполох в судебном ведомстве, вызванный новым романом Толстого, возник как результат непонимания того, что в романе, в полном соответствии с теоретическими воззрениями Толстого, показаны «неизбежные результаты системы, страдающей внутренним неизлечимым пороком», а не обличаются несимпатичные и бесчестные судьи.

колом по голове, как он того стоит? Никто и никогда» (Л. Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878–1906. Л., 1929, с. 238).

П. Перцов утверждал, что «новый роман не удался великому старику — не удался в целом, несмотря на гениальные частности». «Бесконечные обличения направо и налево», ценимые учениками Толстого, кажутся критику «недостойными» настоящего искусства (Н. Вр., 1900, 18 февр.). С тех же позиций выступил А. Басаргин [А. И. Введенский]: не «воскресение», а «нравственная смерть» и «апофеоз греха» изображены Толстым, написавшим «вовсе не роман, но, так сказать, обвинительный акт» (Моск. Вед., 1900, 29 янв.).

«В этом великом произведении, — писал А. Б. [А. И. Богданович], — равного которому не появлялось за последние десятилетия ни у нас, ни в иностранной литературе, больше чем достаточно материала для самых разнообразных выводов и заключений»; основная его тема — «борьба воскресающего человека с общественной неправдой»; «сжатость описания доведена до виртуозности, что придает всему роману особую силу, крепость и выразительность». Роман Толстого «сильнее его проповеди, как вообще жизнь сильнее самых умных и строго логических рассуждений» (Мир Б., 1900, № 2). Кроме «гениального таланта» в романе воплощены «лучшие наши литературные традиции» (Л. Е. Оболенский, Од. Л., 2 сент.). Плоды цивилизации достаются «небольшой кучке людей», а остальные «отданы в жертву Молоху общественного организма» (А. Хирьяков, «Лишние люди накануне XX века», Обр., 1900, № 4).

Н. К. Михайловский назвал «Воскресение» в целом «далеко не лучшей из работ гр. Толстого», несмотря на многие превосходные страницы: «фон» в романе ярче, чем его «ядро», конец «скомкан», а главные «враги», с которыми борется автор, — «все» (т. е. сложившиеся общественные условия) и «физическая любовь» — не могут столь «пагубно» влиять на «благородные сердца и здоровые умы» (Р. Бог., 1900, № 3). М. М. Филиппов увидел в романе соответствие принципу «непротivления злу насилieм» и требованиям статьи «Что такое искусство?», и заметил, что от Нехлюдова, занятого «вечными попытками к самоисправлению», нельзя ждать «серьезного общественного дела» (Науч. Обзор., 1900, №№ 6 и 7). «Великий художник путем нравственного совершенства хочет возродить мир», но общество не может оставить всеобщий закон борьбы за собственное благополучие и думать лишь о душе, как предлагает Толстой (Львов [А. Л. Цитрон], Од. Нов., 21 сент.). А. Измайлов полагает, что, хотя Нехлюдов не воскресает, «человек современной толпы достоин развязать ремень сапога Нехлюдова»

(«Нехлюдовщина», Еж. Соч., 1900, № 2–3). Толстой дал «колоссальную картину» общественного неустройства, как бы говоря: «Горе обществу, у которого на первом плане стоят удовольствия, а дела и обязанности на последнем» (А. Скабичевский, Сын От., 1900, 21 янв.). М. А. Протопопов видел не «Воскресение», а «Погребение» всей современной культуры. «Никакой психологии в романе нет, да нет и никакого вообще романа, а есть страстный социально-моральный памфлет», «это не христианство, а узкое сектантство». Толстой «смотрит на нашу жизнь с такой головокружительной высоты, что нам, людям, по земле ходящим... очень трудно войти с ним в непосредственное общение» («Не от мира сего», Р. Мысль, 1900, № 6). Журнальный обозреватель «Мира Божьего» заметил, что Протопопов критикует анархические идеи Толстого с точки зрения буржуазной морали (1900, № 8). «Владыка русского самосознания» «написал самый отрицательный роман»: «Отребья общества, гниющие в тюрьмах среди зловонных параш, нашли себе в нем певца и защитника», «как бы в оправдание евангельских слов, что будут последние первыми». Затем в неподписанной заметке «XXXIX глава “Воскресения”» — о непропущенной русской цензурой главе, восстановленной в заграничных изданиях, — редакция упрекала Толстого в «поругании над церковной православной службой», в «странном убожестве мысли и чувства» и т. д. (М. Чуносков [И. И. Ясинский], «Кошмарное время», Еж. Соч., 1900, №№ 1, 12).

В. В. Стасов писал Л. Толстому 1 января 1900 г. о «Воскресении»: «Это такая штука, которой не было подобной во весь наш XIX-й век... потому что тут ни единой ниточки идеальной, чего-нибудь выдуманного и литературного, а все только само мясо и плоть жизни» (Л. Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., 1929, с. 235).

В. Я. Брюсов записал 12 января 1900 г.: «Прочел “Воскресение”. Хорошо, несомненно. Это свод всего, что в разное время Толстой говорил, его завещание. Начало более обработано, в конце он изнемог под громадностью материала» (В. Б р ю с о в. Дневники. М., 1927, с. 80).

А. П. Чехов писал 28 января 1900 г. М. О. Меньшикову: «Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пусто место... Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором... Скажу еще о “Воскресении”, которое я читал не урывками, не по частям, я прочел все сразу, залпом. Это замечательное художественное произведение. Самое неинтересное — это все, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное — князя, генералы, тетушки, му-

жики, арестанты, зрители... Конца у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из евангелия, — это уж очень по-богословски» (т. 9, с. 29–30).

А.П.Чехов — «Дама с собачкой» (Р. Мысль, № 12).

А.Скабичевский негодовал по поводу маленьких драм маленьких человечков, которые не имеют сил прорваться сквозь «паутину обычаев, приличий, толков, пересудов, косых взглядов... расстройств служебных отношений и положений» (Сын От., 1900, 1 февр.). В.Буренин назвал «Даму с собачкой» незавершенным водевилем, который Чехов «ошибочно принял за драму» (Н. Вр., 1900, 25 февр.). Андреевич [Е.А.Соловьев] нашел, что Чехов смотрит «на жизнь людей, целых поколений» «с космической точки зрения», как будто видит «иронический образ... судьбы», совершающей над людьми «самые неожиданные эксперименты» («Жизнь», 1900, № 1, с. 246).

«Это все Ницше, — записал недовольный рассказом Л.Н.Толстой 16 января 1900 г. — Люди, не выработавшие в себе ясного миросозерцания, разделяющего добро и зло. Прежде робели, искали; теперь же, думая, что они по ту сторону добра и зла, остаются по сю сторону, т.е. почти животные» (т. 54, с. 9).

Горький откликнулся письмом к Чехову в начале января 1900 г.: «Читал “Даму” Вашу. Знаете, что Вы делаете? Убиваете реализм. И убьете Вы его скоро — насмерть, надолго. Эта форма отжила свое время — факт! Дальше Вас — никто не может идти по сей стезе, никто не может писать так просто о таких простых вещах, как Вы это умеете... Огромное Вы делаете дело Вашими маленькими рассказиками — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни — чорт бы ее побрал!» (Письма. Т. 2, М., 1997, с. 8–9).

М.Горький — «Двадцать шесть и одна (поэма)» («Жизнь», № 12).

Н.Г. [Н.Л.Геккер] (Од. Нов., 1900, 6 янв.): «Бессрочные каторжники, у которых жизнь отнимает последний кумир... будут опять гоняться за светлыми и согревающими иллюзиями... пока не найдут твердую и сильную опору внутри себя, в своей среде, в своем самосознании, в понимании лучшего идеала...»

«“Двадцать шесть и одна” — хороший рассказ, лучшее из того, что вообще печатается в “Жизни”, в сем дилетантском журнале. В рассказе сильно чувствуется место, пахнет бубликами» (Письмо А.П.Чехова Горькому от 15 февраля 1900 г., т. 9, с. 53).

В декабрьском номере «Жизни» напечатаны также повесть М. Коцюбинского «Ради общей пользы» и драма Н. И. Тимковского «В борьбе за жизнь».

Н. Геккер (Од. Нов., 22 дек.): «Первый год существования “Жизни” показал не только жизнеспособность этого журнала, но и блестящий успех, которым он заслуженно пользуется в интеллигентных кругах нашего общества». Критик отметил беспочвенность сопоставлений марксизма и декадентства, течений, диаметрально противоположных друг другу. «Некоторое сближение их на журнальных страницах», которым грешит «Жизнь», — «явление случайное и, во всяком случае, не характерное ни для одного из них»; «беллетристика “Жизни” составляет более живо, оригинально и интересно, чем в каком-нибудь другом из существующих журналов».

К. Станюкович — роман «Равнодушные» (Мир Б., №№ 1–8, 10, 12).

«Почтенный автор задался очень интересною целью — проследить в разных общественных кругах проявление того возмутительного индифферентного отношения не только ко всяким общественным вопросам и интересам, но даже и к личности и судьбе ближнего...» (Северов [П. О. Морозов], Нов., 16 дек.). Станюкович отметил «равнодушие к чистой идее» и «грубый материализм» как черты «современного распада» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 5, отд. II, с. 10).

И. Н. Потапенко — роман «Встреча» (Р. Мысль, №№ 7–12).

Потапенко владеет «очень ценным... умением затрагивать всегда живые и жизненные темы». Герой его нового романа — студент, ищущий «собственной выстраданной правды», соответствия между словом и делом, которое воплощает его ссыльный дядя, принадлежащий к «немногим истинным героям старого времени» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 10).

Н. Гарин — «Карандашом с натуры (Из путешествия вокруг света чрез Корею и Маньчжурию)» (Мир Б., №№ 2–8, 10–12).

Автор наглядно показывает «экономическое владычество китайцев во Владивостоке» (Кн. Нед., № 5, с. 264). Гарин показывает, как «меняется весь быт наших азиатских владений», сохраняя «дикость и грубость нравов» (Р. Вест., № 4).

Леонид Андреев — «Большой шлем (Идиллия)» и «Ангелочек» (Кур., 14 и 25 дек.).

А.Куприн — очерк «В огне» (о Юзовском заводе) («Донская речь», 13, 14 дек.).

Вл.Соловьев — «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (Вест. Евр., № 12). Поэзия Пушкина доказывает, что «прекрасное» есть «по самому существу своему... и нравственно доброе».

А.Б. [А.И.Богданович] — «Критические заметки» (Мир Б., № 12). Полемика с «воинствующим декадентством» З.А.Венгеровой (статья «Das jüngste Russland» в немецком журн. «Das Magazin für Literatur»), воспевающей «новое направление» как «юную Россию», «юную не только по летам, а по духу», противостоящую и народничеству, и марксизму, но стремящуюся «к единению с народной душой на почве... “мистических первоисточников народной жизни”» (Мережковский, Минский, Сологуб, Розанов). А.Б. считает, что экзотизм «декадентски-символического направления» и его «юмористического органа» «Мира искусства» «есть полное отрицание именно народного», поэтому «новое направление» и «не прививается в нашей родной атмосфере».

«Мир искусства» (№ 23, с. 81) выразил недовольство, что Академия наук присудила половинную Пушкинскую премию 1899 г. П.Я. [П.Ф.Якубовичу], «эпигону Надсона» и «либеральному плакальщику», наравне с К.К.Случевским, «поэтом Божьей милостью».

22 декабря умер Д.В.Григорович: «Литература похоронила в Григоровиче не надежду, каковую она питает, например, по отношению к Льву Толстому, вечно так или иначе движущемуся... а заслугу, притом очень давнюю». Григорович «ушел с так и приставшим к нему высоким титулом автора “Антон Горемыки”» (Н.К.Михайловский, Р. Бог., 1900, № 1; то же В.Острогорский, «Поэт «сермяжных героев», Мир Б., 1900, № 2).

29 декабря в «Северном курьере» напечатана заметка «Ужин литераторов», в которой говорилось, что для оживления работы Союза писателей, кроме «союзных пятниц», устраиваемых Комитетом Союза, решено «устроить ряд свободных собраний в Союзе по неопределенным дням... На собраниях этих, имеющих целью единение и сближение литераторов, не придержи-

ваться определенной программы, а заниматься тем, что в данное время окажется наиболее важным и интересным...»

Л.Шестов — «Добро в учении гр. Толстого и Ф.Ницше (Философия и проповедь)», СПб., 1900, тираж — 1000.

Н.К.Михайловский «рекомендовал вниманию читателя» эту «интересную и красиво написанную» книгу, хотя сочинения Толстого и Ницше представлены в ней «в совершенно неверном освещении». Шестов «преклоняется перед Ницше-философом и отмечает почти презрительно Ницше-проповедника», приписывая ему собственное «равнодушие к общественным вопросам»; «распоряжается в душе Ницше, как хозяин в собственном доме», «выкидывает», «как вещи, внимания не стоящие», такие понятия, как «аристократический радикализм» (определение Г.Брандеса, поддержанное самим Ницше), «пафос расстояния», «сверх-человек». О Толстом-«проповеднике» Шестов судит «слишком прямолинейно и слишком произвольно» (Р. Бог., 1900, №№ 2 и 3). Андреевич [Е.А.Соловьев] одобрил книгу Шестова и ее главную мысль о «сумасшествии эгоизма» («Жизнь», 1900, № 2). П.Перцов приветствует в лице Л.Шестова «серьезную умственную силу», которая предпочитает «холодное» искание истины «горячей» проповеди добра, т.е. «гениального немецкого философа» — Л.Толстому, «укрывшемуся от бездны философского сомнения под гостеприимную сень самоудовлетворенного проповедничества» (Мир Иск., 1900, № 5–6).

Л.Шестов писал 4 февраля 1900 г. сотруднику «Русского богатства» А.Г.Горнфельду, сообщившему в письме об отзыве Н.К.Михайловского: «Я думаю, что Вам я обязан и тем, что Михайловский обратил внимание на мою вторую книгу. Для меня это, конечно, много значило...» (РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. 562). 14 января 1900 г. Л.И.Шестов писал жене: «По-видимому, моей книге не суждено уже так бесследно пройти, как первой [«Шекспир и его критик Брандес»]. Видимо, тема много значит. И здесь в Киеве она производит бóльшую с[енсацию], чем первая, хотя, признаться хвалят ее маловато» (Н.Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. Paris, 1983, с. 44).

9 марта 1900 г. Д.С.Мережковский писал о книге Шестова П.П.Перцову: «Книга его замечательная. Хотя несомненно семитичная — так написана, как будто ни Христа, ни христианства вовсе не было. Да и вообще... *то да не о том, или о том да не то*» (Р. Л., 1991, № 2, с. 142–143).

Н.Тимковский — «Повести и рассказы». Т. 1. СПб.: изд. С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1900, тираж — 4200.

«Любимые герои автора — ничтожные мира сего, маленькие люди, обойденные, обиженные судьбою» (А.Скляр, Обр., 1900, № 12). Лишь одна вещь Н.Тимковского — «Сергей Шумов» — «положительно достойна общего внимания», так как в ней показано, что «теперешняя гимназия — это та же бурса времени Помяловского, где нет ни воспитания, ни образования, а есть лишь мучительная подгонка детей к данному шаблону...» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., 1900, № 6). От этой «обыденной жизни обыденных людей» «становится жутко» (А.Н. [А.О.Благодаразумов], «Жизнь», 1900, № 10). «Необыкновенная гуманность автора», верящего в «существование лучшей жизни» (Р. Мысль, 1901, № 1).

Альманах «Денница», под редакцией П.П.Гнедича, К.К.Случевского и И.И.Ясинского. СПб.: изд. А.С.Суворина, тираж — 2400. «Этот альманах, — сообщалось от редакции, — первое проявление издательской деятельности кружка поэтов, возникшего 23 октября 1898 г.* и собирающегося для товарищеских беседований еженедельно по пятницам...» Среди участников названы: Allegro [П.С.Соловьева], С.А.Андреевский, К.Д.Бальмонт, В.В.Барятинский, И.А.Бунин**, В.П.Буренин, П.И.Вейнберг, В.Л.Величко, В.П.Гайдебуров, З.Н.Гиппиус, П.П.Гнедич, А.А.Голенищев-Кутузов, В.М.Грибовский, А.А.Коринфский, М.А.Лохвицкая, К.Н.Льдов, Д.С.Мережковский, Н.М.Минский, К.К.Случевский, Ф.Сологуб, К.М.Фофанов, О.Н.Чюмина, Т.Л.Щепкина-Куперник, И.И.Ясинский и др. Альманах «не преследует никаких партийных целей», кроме стремления к «идеалам Добра и Красоты» и намерен «воскресить полузабытые издательские предприятия незабвенной пушкинской плеяды».

«Денница» — сборник не во вкусе «Северных цветов» Дельвига, но во вкусе «Ста русских литераторов» Смирдина, так зло и беспощадно осмеянных Белинским, — издания, где рядом с Пушкиным печатался Булгарин и рядом с Одоевским — Сенковский и Греч...» (Old Gentleman [А.В.Амфитеатров], Рос., 1900, 18 янв.). В.Грибовский, напротив, приветствовал «забытую форму общения» вне групповой или идейной борьбы. Настало время, когда поэзия может отойти от «идейной шагистики» и вернуться «к

* После смерти Я.П.Полонского (см. наст. Летопись, октябрь 1898 г.).

** Среди участников «Альманаха» Бунина не было.

своим обычным культурным занятиям до нового созыва ополчения» («Порывы свободного творчества», Кн. Нед., 1900, № 1). «В своем презрении к человечеству и всему человеческому поэты “Денницы” точно сговорились» (стихи Бальмонта, Сологуба, Гиппиус), при этом «самозванная поэтическая “плевада” дерзает клясться» великим именем Пушкина (П.Ф.Гриневиц [Якубович], Р. Бог., 1900, № 2). Некоторые имена в этом сборнике так же объединяются с пушкинским, как имена Булгарина и Сенковского, а «декадентский бред» Бальмонта («Я горько вас люблю, о бедные уроды...») и Сологуба («Проклятие смеху») не соединим с пушкинской ясностью, «проза похожа на рукописи, возвращенные из редакций» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., 1900, № 3). Поклонение «неизменно прекрасному» соседствует в сборнике «со зловонным пятном буренинского памфлета» (Северов [П.О.Морозов], Нов., 1900, 27 янв.).

А.Б. [А.И.Введенский] приветствовал возвращение к «языку чистой поэзии», к вкусу, «испорченному реалистиче­ско-декадентскими литературными течениями последнего времени»; даже у Ф.Сологуба — «возвышенность религиозных мотивов» («Я верю в творящего Бога...») (Моск. Вед., 1900, 4 февр.). «Светлый замысел» (А.Измайлов, Бирж. Вед., 1900, 22 янв.). 44 «разношерстных участника» хотят воспроизвести «идеальное ветхозаветное общество», где будут возлежать вместе овцы, козлища, львы и шакалы (Набл., 1900, № 3). Несбыточную задачу и безвкусную обложку альманаха поклонников «чистого искусства» отметил рецензент «Мира искусства» (1900, № 1–2).

В течение года в «Вестнике Европы» (№№ 5, 9) печатались стихотворения Вл.С.Соловьева «Две сестры», «Белые колокольчики»; в «Книжках Недели» (№№ 7, 10, 11) — «У себя», а также — «Под пальмами. Три разговора о мирных и военных делах».

В 1899 г. в Москве по инициативе Н.Д.Телешова возник литературный кружок «Среда», объединивший писателей-реалистов демократического направления. Впоследствии «Среды» посещали М.Горький, В.В.Вересаев, Л.Н.Андреев, А.С.Серафимович, Н.Г.Гарин-Михайловский, И.А.Бунин, Скиталец и др. (Н.Телешов. Записки писателя. М., 1950).

В течение 1899 года П.П.Перцов издал четыре сборника статей В.В.Розанова: «Сумерки просвещения» (СПб., 1899), «Ре-

лигия и культура» (СПб., 1899), «Литературные очерки» (СПб., 1899) и «Природа и история» (СПб., 1900), тиражом — 1200 каждый.

Д.С.Мережковский писал П.П.Перцову 22 сентября: «Розанов отнюдь не “маленький”. В особом пристрастии к нему Вы меня заподозрить не можете, но я признаю в нем искры *гения*. А гений... внушает мне род суеверного благоговения и суеверной осторожности. Лучше уж я преувеличу его значение, нежели умалю» (Р. Л., 1991, № 3, с. 137).

«Не ошибся ли г. Перцов,— спрашивал А.Б. [А.И.Богданович],— думая, что именно теперь время гг. Розановых приспело? Не запоздал ли он скорее со своими изданиями?», где автор «готов загонять людей в церковь дубинкой» и «предлагает скалозубовский метод воспитания» (Мир Б., № 4). «В лице г. Розанова русская мысль имеет большого, сильного... смелого и беспристрастного мыслителя» (А-т [В.К.Петерсен], Н. Вр., 24 марта). Этот «раскольник-духобор» остается «диким», «самобытным по-существу» мыслителем, далеким от «узкой партийности, умысленной предвзятости» (В.Грибовский, «Литературное духоборство», Кн. Нед., № 5). Розанов «одинок одиночеством большой литературной силы»; «резко оригинальная мысль выражается у него резкой оригинальностью слова» (Д.Шестаков, Мир Иск., 1900, № 23-24). Имя Розанова является «для большинства читателей синонимом обскурантизма и изуверства», но он как «крупная философская голова» «грозит изнутри взорвать цитадель реакционного мировоззрения», его «чисто юродивая сила» не может ни к кому прикнуть, он за всякое «алкание» против всякой «казенной сытости» (П.Струве, «Романтика против казенщины», Нач., № 3). «Феноменальный писатель», соединяющий «пифизм и оргиазм» с «резвым рассуждением» и «гимном розге» (Андреевич [Е.А.Соловьев], «Жизнь», № 9). «Наиболее рельефная и ценная» черта его литературной деятельности — «горячий протест... против механического взгляда на человека, природу и историю»; «не в “исторических законах”, а в живой индивидуальной душе ... заключается главный интерес и центр истории». Как последователь славянофилов, Розанов «горячо стоит» за «культ народного, своего, завещанного родной историей и бытом», но у него отсутствуют «строгая мысль», «стремление к чистой истине», «нравственное здоровье», уважение к «гражданским идеалам свободы» (Ю.Айхенвальд, Вопр. Фил. и Псих., 1900, № 2). «Славянофильствующий изувер и ханжа», доходящий до «цинизма, не знающего предела». Примером последнего может служить один из розановских афоризмов (сб. «Религия и культура», раздел «Эмбрионы»): «Что делать? —

спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай» ([А.И.Богданович], Мир Б., № 5). М.А.Протопопов назвал Розанова «каламбуристом мысли», производящим «культуру» от «культы», ибо культурен, по Розанову, только религиозный человек («Писатель-головотяп», Р. Мысль, № 8).

Ряд статей Розанова, «писателя во всяком случае чрезвычайно интересного», отмечает Н.К.Михайловский, создали вокруг него «зону безразличного предубеждения», и даже в немногих лучших его статьях, которые можно было бы издать под заголовком «Не угашайте духа», есть «червоточинка», юродство мысли, идущей «зараз и направо и налево». Критик отграничивает розановский «отказ от наследства» от отказа, провозглашенного «учениками» (т.е. марксистами), и связывает его с подобным же отказом декадентов, ибо «рано или поздно декаденты примут г. Розанова в свои объятия», хотя он «отказывается от наследства во имя славянофильского учения» (Р. Бог., № 9/12).

Итоги литературного года

«Литературный год» — вещь небольшая, — писал Андреевич [Е.А.Соловьев] («Жизнь», № 12), — это одна страничка из огромной и интересной книги жизни, но все равно страничка очень характерная, и многое написано на ней такими крупными буквами, что не надо особенной зоркости, чтобы рассмотреть их смысл... Ни малейшая мысль об упадке литературы даже не пришла мне в голову. А между тем пять-шесть лет тому назад такая мысль была бы неизбежной». Вершинным произведением года названо «Воскресение», затем «Фома Гордеев», в котором поднята та же проблема, что и в «Воскресении»: искание оправдания и смысла жизни «во тьме лжи и условностей». Вопреки прогнозам Н.К.Михайловского о скудости художественной литературы, связанной с марксизмом, появилась повесть Вересаева «Конец Андрея Ивановича», а вот «народнический дух исчез в литературе»: «мы утратили мужика», от него осталось «огромное пустое место»; «промышленный строй» выдвигает на сцену... новые слои общества».

«После целого ряда сереньких и скучных лет... небо вдруг озарилось ярким лучом сильного и самобытного творчества» — романом «Воскресение», этим «художественным открытием русской жизни», повлиявшим и на остальную литературу года: «вся она

как-то подтянулась и почистилась», писатели «стали искать для своих произведений свежего идейного материала». Другое выдающееся произведение — «Фома Гордеев» — «широкая, смелая и в художественном отношении очень сильная картина жизни русской буржуазии» (Северов [П.О.Морозов], Нов., 1900, 1 янв.).

Ч.Ветринский [В.Е.Чешинин] выделил два события: Пушкинский юбилей и «Воскресение» Толстого (Н. Л., 29 дек.; то же Р. Вед., 1900, 1 янв.).

Последние 25 лет — это «эпоха упадка» или, по крайней мере, «литературного затишья»: один Л.Толстой «остался от старших богов», а Чехов, Короленко, Горький, Мамин-Сибиряк, Потапенко, Мельшин, Накрохин «только новеллисты», им «не суждено воскресить славные традиции русского романа» (Н. Вр., 1900, 1 янв.).

«Все, что дала нам прошлогодняя беллетристика, отнюдь не указывает на симптомы общественного упадка, пессимизма, разочарования» (произведения Короленко, Чехова, Горького, Вересаева и др.). Лучшие русские журналы («Русское богатство», «Русская мысль», «Мир Божий», «Жизнь», «Вестник Европы») имели успех и хорошее распространение. И наоборот, многие библиотеки по требованию читателей отказывались от подписки на такие органы, как «Наблюдатель» и «Русский вестник» (Н.Геккер, Од. Нов., 31 дек.).

«Жалобные причитания» прошлых лет об упадке литературы «никоим образом не могут относиться к минувшему литературному году, в продолжение которого сотни тысяч номеров “Нивы” разносили по России удивительный роман Л.Толстого “Воскресение”... И про литературу, выделившую из себя такое явление, уже нельзя сказать, что она находится в хроническом упадке...» Талант Чехова «впадает в безнадежный пессимизм». «Молодой журнал “Жизнь” жил по преимуществу Максимом Горьким», «оригинальность этого журнала состоит в особом внимании к новым литературно-философским направлениям» (Ницше, Метерлинк). «В “Русском богатстве” сильнее всего раздавался голоса издателей этого журнала Н.К.Михайловского и В.Г.Короленко», причем «в минувшем году в народническом журнале уже не замечалось прежней непримиримости по отношению к новому экономическому направлению» (даже проскользнуло объявление о студенческом сборнике под редакцией Михайловского, Короленко, Туган-Барановского и Струве). Особо был отмечен кризис, пережитый «Новым временем», которому целые общественные слои объявили бойкот (Н-ъ [А.В.Амфитеатров], Рос., 1900, 2 янв.).

Лишь А.Б. [А.И.Богданович] охарактеризовал прошедший год, за исключением «Воскресения», как «сероватый и бесцветный». В русском искусстве «чувствуется усталость, пресыщенность реализмом, жажда нового, которое помогло бы выразить сложность новой жизни»; «период непонимания настроения марксизма уже прошел... В марксизме отделится узкое доктринерство от жизненного и вполне закономерного искания новых решений вопроса, который стоит на пороге столетия...» (Мир Б., 1900, № 1).

1900 год

Январь

А.П.Чехов — рассказ «На святках» (Пб. Газ., 1 янв.); повесть «В овраге» («Жизнь», № 1).

Отослав повесть в редакцию журнала, Чехов писал 26 декабря 1899 г. М.О.Меньшикову: «В этой повести я живописую фабричную жизнь, трактую о том, какая она поганая, — и только вчера случайно узнал, что “Жизнь” — орган марксистский, фабричный. Как же теперь быть?» (т. 8, с. 335). Но редакция «Жизни» приняла рассказ с восхищением. «Какая беспощадная, какая зловещая правдивость! — писал В.А.Поссе автору 28 декабря. — Ни одного намека на эффект, а впечатление огромное, проникающее в душу и постепенно растущее, уже после того, как повесть прочитана...» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 54). «...Огромное и горячее спасибо Вам за “Жизнь”, — писал Горький Чехову 12–13 февраля. — Ее хоть и замалчивают, но Ваш рассказ свое дело сделает. Вы здорово поддержали ее, и какой вещью!» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 20).

Чехов был недоволен «целой оргией типографской неряшливости» в своем рассказе (письмо к Поссе от 5 февраля) и дилетантским характером издания: «Раздражает меня в “Жизни” и провинциальные картинки Чирикова, и картина “С новым годом!”*, и рассказ Гуревич», — писал он Горькому 15 февраля (т. 9, с. 53).

Первым откликом была статья Горького «По поводу нового рассказа А.П.Чехова “В овраге”» (Н. Л., 30 янв.). Оспаривая «нелепый упрек» критики, не увидевшей в высоком представлении Чехова о жизни определенного мировоззрения («его глубоко человеческий объективизм называли бездушным и холодным»), Горький назвал Чехова «одним из лучших друзей России, другом умным, беспристрастным, правдивым... любящим ее, сострадающим ей во

* Первый номер «Жизни» открывался фотографией босяка, под которой была надпись «С Новым годом!»

всем»; за «меткими упреками людям» в его рассказах стоит «что-то простое, сильное, примиряющее всех и вся» и «каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни...». Против этой статьи выступил В. Гольцев, писавший, что Горький преувеличивает «бездарность» предшествующей критики и что Чехов никогда «не скажет и не подумает того, что навязывает ему г. Горький» (Кур., 14 февр.). Сам Чехов, однако, с благодарностью писал Горькому 15 февраля: «Ваш фельетон в “Нижегородском листке” был бальзамом для моей души... Я думал сначала, что фельетон мне очень нравится, потому что Вы меня хвалите, потом же оказалось, что и Средин, и его семья, и Ярцев — все от него в восторге. Значит, валийте и публицистику...» (т. 9, с. 52–53).

9 февраля Л. Толстой пишет Горькому о повести «В овраге»: «Как хорош рассказ Чехова в “Жизни”. Я был очень рад ему» (т. 72, с. 303).

Если в «Мужиках» видели «посрамление деревенских устоев», то в новой повести можно увидеть «картину полной дифференциации крестьянского мира на работающих и работу дающих, вернее отделение от крестьянского мира эксплуататоров и обращение эксплуатируемых в одну определенную группу». Повесть (в отличие от произведений Короленко) оставляет «чувство непримиримого ожесточения»: «Все тут мрачно, реально и неподдельно страшно» (Н.Г. [Н.Л.Геккер], Од. Нов., 1 февр.). Чехов «входит в полноту своих огромных сил», «обнаруживает тонкое понимание народного быта», поколебленного вторжением «новой и страшной силы — капитализма». Чем «беднее и зависимее» становится народ, тем более крепнет в нем высокое нравственное утешение: «кроткие наследуют землю», «кротость превозмогает зло». В трех женских образах повести Меньшиков видит три стихии: 1) хищную, разрушительную (Аксинья), 2) «сохраняющую, культурную» (Варвара) и 3) «кроткую энергию народа» — это «таинственное творящее начало, все созидательное, всему служащее» (Липа) (М. Меньшиков, «Три стихии», Кн. Нед., № 3). Вся суть повести, которая «не принадлежит к лучшим» произведениям Чехова, — «это потрясающая картина зла и греха, сопряженная с процессом возникновения новой самобытной “буржуазии”». В Варваре воплощено «непротавление злу насиллем», «толстовская неуязвимая добродетель», которая в соответствии с увеличением зла все более «полнеет» и «белеет». Липа с матерью и Костыль символизируют «пассивную непримиримость со злом» — «своеобразный протест в виде страха» (Д. Овсяннико-Куликовский, С. Кур., 4 и 5 мая).

Большинство критиков подчеркивали безотрадные и мрачные краски повести Чехова: «Обычное для теперешних произведений автора унылое настроение» (И. [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 11 февр.). «Тоскующие ноты доходят до крайнего кресчендо» (А. Скабичевский, Сын От., 18 февр.). В «Мужиках» показано «материальное обнищание», здесь — «духовная запущенность», но рассказу недостает «стройности и единства» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 19 марта). «Наша русская деревня с окутывающим ее беспросветным мраком умственной и духовной косности» — материал «грустных наблюдений» Чехова и источник «его нынешнего безотраднo-пессимистического мировоззрения» (Р. Вест., № 4, с. 614). «Мрачная и ужасающая», но «вполне законченная картина современной действительности», где в виде «хищной бабы» Аксиньи представлена «в своем роде великолепная доморошенная марксистка» (В. Буренин, Н. Вр., 25 февр.). «Перед нами палачи и жертвы», а «в отдалении слепотствующая Немизида» (Н. Каспийский, «Вопли из «Оврага», Обр., № 3). Чехов далек «от простой фотографической передачи» картин русской жизни, он предоставляет читателям рассматривать их с разных точек зрения (Северов [П.О.Морозов], Нов., 23 марта). «Может быть, из всех рассказов Чехова это самый сильный, жизненный и потрясающий», это целый роман, где «мелочам придан трагический характер» и «проклятие поэта гремит над жизнью захребетников» (М. Белинский [И.И.Ясинский], Еж. Соч., № 2-3). «Радиус «сферы влияния» чеховской Аксиньи слишком мал, чтобы она могла показаться грозной общественной силой», но это «настоящая выжимка» мещанской психологии с ее «тупостью, невежеством, низостью духа», от нее «веет холодом смерти», а от всего творчества Чехова «безнадежным пессимизмом» и «тоской неверия» (Андреевич [Е.А.Соловьев], «О хищниках и одиноких людях», «Жизнь», 1901, № 2).

М. Горький — рассказ «Пузыри» (С. Кур., 1 янв.) и статья «Сирано де Бержерак (Героическая комедия Эдмона Ростана)» (Н. Л., 5 янв.). Герой пьесы — «это личность, та самая личность, которая, говорят, не имеет никакого значения в ходе истории, но которая, тем не менее, всегда может ускорить движение жизни, если захочет этого».

8 января Л.Н. Толстой записывает в дневник: «Читаю газеты, журналы, книги и все не могу привыкнуть приписать настоящую цену тому, что там пишется, а именно: философия

Ницше, драмы Ибсена и Метерлинка, и наука Ломброзо... Ведь это полное убожество мысли, понимания и чутья» (т. 54, с. 7).

8 января А.П.Чехов пишет А.С.Суворину: «Новости» падают, и это не удивительно... Вы спрашиваете: почему «Северный курьер» имеет успех? Потому, что наше общество утомлено, от ненавистничества оно ржавеет и киснет, как трава в болоте, и ему хочется чего-нибудь свежего, свободного, легкого, хочется до смерти!» А 25 января сообщает брату Александру: ««Россия» имеет большой успех в провинции, «Новое время» падает и падает. И, по-моему, вполне справедливо» (т. 9, с. 10 и 28).

8 января на заседании Отделения русского языка и литературы Императорской академии наук происходили выборы в почетные академики по разряду изящной словесности. Были избраны: Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, В.Г.Короленко, А.М.Жемчужников, А.А.Потехин, А.А.Голенищев-Кутузов, Вл.С.Соловьев, А.Ф.Кони, К.Р. (вел.кн. Константин Константинович).

Академия совершила «беспристрастный выбор», независимый от «образа мыслей» избранных, и «во всем или почти во всем» совпала со «свободным выбором русского образованного общества» (Вест. Евр., № 2, с. 878–879). «Хорошо делается на душе, когда видишь, что русское независимое слово... без всякого мундира может иметь значение и власть» и начинается «тихая, бескровная борьба в области идей!» (Ариель [Н.П.Ашешов], «Жизнь и фантазия», Кур., 30 янв.).

Печать ликует и провозглашает «новую эру», лишь «сами избранные... не участвуют в этом ликовании». Льву Толстому и Антону Чехову Академия не нужна, но академиям нужны великие имена (М.О.Меньшиков, «Покровительство музам», Кн. Нед., № 2; то же — Мордвин (В.А.Тихонов), Рос., 28 янв.).

Среди имен, незаслуженно обойденных, чаще всего называли Н.К.Михайловского: «Михайловский положил бы прочное основание новому отделению, и избрание его удовлетворило бы 3/4 всей литературной братии», — писал А.П.Чехов 8 января А.С.Суворину и добавлял, что звание «почетного академика» «ничего не значит, все равно как почетный гражданин города Вязьмы или Череповца: ни жалованья, ни права голоса. Ловко обошли!» (т. 9, с. 11). «Академия уравнила и радушно приняла в свою среду августейшего поэта К.Р. и горячего проповедника реформы общественного строя гр. Л.Н.Толстого; изящный эстетик гр. А.А.Голенищев-Кутузов стоит здесь рядом с певцом гражданской скорби А.М.Жемчужниковым и беллетристом-народником В.Г.Короленко» (Кн.

Нед., № 1, Из лит. мира). По поводу своего избрания Чехов писал М.О.Меньшикову 28 января: «Званию академика рад... Но еще более буду рад, когда утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения. А недоразумение произойдет непременно, так как ученые академики очень боятся, что мы будем их шокировать. Толстого выбрали скрепя сердце. Он, по-тамошнему, нигилист» (т. 9, с. 30–31).

Л.Толстой никак не откликнулся на избрание его почетным академиком и заседания в Академии не посещал.

В конце января В.Г.Короленко отвечал А.М.Калмыковой на упрек в том, что, приняв звание академика, он разрушил «миф» вокруг своего имени как имени «гонимого писателя»: «Когда меня гнали, я нес это, как умел, и не сделал ничего, чтобы заслужить милость, чью бы то ни было. Не сделаю и впредь ничего, чтобы поддержать чье бы то ни было официальное расположение. Не думаю, однако, чтобы факт с моей стороны чисто пассивный — мог подавать повод для каких бы то ни было важных заключений. Я не избран на какую бы то ни было штатную должность, не иду на какую бы то ни было казенную синекуру. Академия, как учено-литературная корпорация, выразила свое платоническое в данном случае мнение о моих работах, и я не вижу повода отвечать пренебрежением, что, конечно, означал бы мой отказ»* (Избр. письма в 3-х тт. Т. II. М., 1932, с. 162).

В.Буренин и Ефим Простосердов [А.П.Пятковский] выразили неудовольствие избранием В.Г.Короленко, который более известен своими «гражданскими» заслугами, нежели литературными (Н. Вр., 28 янв.; Набл., № 4). А.П.Пятковский усомнился также в праве на избрание «эксцентричного философа» Вл.С.Соловьева.

Пл.Краснов в статье «Старшие почетные академики» заметил, что Толстой никак не отвечает требованиям, которые может предъявить Академия, учреждение, по существу своему, консервативное. Но «Академия не могла обойти гр. Л.Н.Толстого. Это было бы равносильно неизбранию Д.И.Менделеева или отставке Ломоносова: такие грехи прощительны только по одному на сто лет, и в XIX веке такой грех был уже совершен. Повторить его — значило бы отставить академию от литературы» (Кн. Нед., № 5, с. 201).

13 января Горький вместе с В.А.Поссе впервые посещает Л.Толстого в московском доме в Хамовниках. Об этом посеще-

* Повод для отказа не замедлил явиться в виде «академического инцидента» с Горьким в 1902 г., когда Короленко и Чехов вернули свои дипломы.

нии Толстой записал в дневнике 16 января: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа» (т. 54, с. 8). «За все, что Вы сказали мне... сердечное спасибо, Лев Николаевич! — писал Горький 19 января. — Рад я, что видел Вас, и очень горжусь этим». О своем впечатлении Горький писал Чехову 22 января: «В сущности — ужасно глупо называть человека гением... Гораздо проще и яснее говорить — Лев Толстой... Смотришь на него, и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым. Вы понимаете? — за человека вообще приятно» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 13). Толстой ответил Горькому 9 февраля: «Мне ваше писание понравилось, а вас я нашел лучше вашего писания» (т. 72, с. 303).

22 января А.А.Блок пишет отцу: «Стихи подвигаются довольно туго, потому что драматическое искусство — область более реальная, особенно когдаходишь в состав труппы...» (т. 8, с. 10).

В конце января — начале февраля В.Я.Брюсов записал в дневнике: «Смотрели еще “Одиноких” Гауптмана... Художественный театр имеет успех громадный; заслуга его — отсутствие кое-чего из рутины, его величайший недостаток — пошлый реализм» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 80).

Ал.Потапов — «А.П.Чехов и публицистическая критика» (Обр., № 1). Сравнивает творчество «оптимиста» Потапенко и «пессимиста» Чехова, который «не разыскивает светлых явлений, не находит удовлетворения и боится “героев”». В начале он «давал слишком мало поводов для публицистических бесед», теперь стало проглядывать желание перейти “с индивидуальной” почвы “на почву общественных отношений”. От его произведений «по-прежнему отдает безотрадным пессимизмом, и их провиденциальная задача — порождать недоверие ... между прочим и к тому, о чем пишет г. Потапенко», который «бодро шагает по проторенной дорожке под бесцветным знаменем оппортунизма».

27 января Л.Толстой записал в дневнике: «Ездил смотреть “Дядю Ваню” и возмутился. Захотел написать драму “Труп”, набросал конспект» (т. 54, с. 10). Вл.И.Немирович-Данченко, беседовавший с Толстым после спектакля, писал Чехову: «Он очень горячий твой поклонник — это ты знаешь... Но пьес не

понимает. ...Говорит, что в «Дяде Ване» есть блестящие места, но нет трагизма положения» (Ежегодник МХАТ. Т. I. М., 1946, с. 129).

С.Елпатьевский — «Из случайных встреч (Воспоминания доктора)» (Р. Мысль, № 1). В очерке изображен молодой парень — разносчик фруктов, который мечтает о более «соответствующей» работе на металлургическом заводе, где есть товарищи, книги, возможность самообразования.

Андреевич [Е.А.Соловьев] — «Очерки текущей русской литературы (Искание смысла жизни)» («Жизнь», № 1): «...дни торжества всех этих смешных декадентов, символистов, эстетов, людей новой красоты и других живых мертвецов прошли невозвратно... Неприлично молодому, почти не жившему обществу, воспитанному все же в школе общественности, в демократических порывах и стремлениях, проповедовать, что человек должен жить только для себя». «Меняются литературные темы, типы, еще больше меняется настроение, в котором почти незаметно уныния, а чувствуется бодрость, желание борьбы с жизнью и победы над нею...» Андреевич отмечает интерес литературы, с одной стороны, к типу современного купца, с другой — к его противоположности, человеку труда: «Смысл труда (а значит, и смысл человеческой жизни) и его положение — таков основной вопрос наших дней...» «Исчезает из сферы литературного творчества самодовлеющий мужик» и бальзаковские барыньки.

Арк.Горнфельд — «Памяти Герцена» (Р. Бог., № 1). «Жизнь его была поистине микрокосмом русской жизни», хотя «по натуре Герцен не был ни политиком, ни агитатором, ни партийным деятелем», он был «человеком без ярлыка» (по определению Н.В.Шелгунова), был «художественной натурой на политической основе» и в «Письмах к старому товарищу» «выражал свое несочувствие грядущему “не художественному” укладу западного коммунизма. Свобода личности была центром его общественных воззрений».

П.Б.Струве — «О нашем времени. I. Высшая ценность жизни» (С. Кур., 16 янв.).

«Мне особенно симпатична та этическая струя, — писал Н.А.Бердяев П.Б.Струве 25 февраля, — которая проходит через Вашу статью, пора уже наконец марксистам признать самостоя-

тельное значение этической точки зрения» (Лица. Вып. 3. М.; СПб., 1993, с. 127–128).

25 января, в Париже, умер П.Л.Лавров. «Отошел человек, давший теоретическое выражение целой полосе русской общественной мысли», — писал в некрологе П.Н.Милюков (Мир Б., № 3, отд. II, с. 34). 29 января Н.К.Михайловский писал Н.С.Русанову: «Я не знал покойного лично, даже никогда не видел его, но был всегда преисполнен глубочайшего к нему уважения... Комитет Союза писателей послал сочувственную телеграмму дочери покойного... Шла речь о перенесении праха в Петербург, но это, конечно, немислимо» (РГБ, ф. 358, карт. 412, ед. 6).

В.Серошевский — «Повести и рассказы». СПб.: изд. С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1900, тираж — 4100.

А.Б. [А.И.Богданович] упрекал писателя «за тенденциозное нагромождение эффектов, которыми автор подменяет жизненную правду» (Мир Б., № 3). Главная тема книги — интеллигентный человек, заброшенный [ссылкой] в глухую тайгу: «сильное чувство, яркие краски», пристрастие к эффектам, «мужественное, бодрящее настроение»; вернувшись в прежнюю культурную среду, Серошевский проиграл как писатель ([А.И.Потапов], Р. Бог., № 12, Нов. Кн.). Серошевскому доступен и «трагический эпос жизни», и «мягкий, светлый лиризм», и пейзаж в духе «Кзаков» Л.Толстого (Old Gentleman [А.В.Амфитеатров], Рос., 26 февр.). Серошевский «зовет к жизни, к деятельности, к борьбе», он пантеист, но «не хочет отрешиться от мира людей»: «люди-крошки», но «через них действует та же мировая энергия» (А.Н. [А.О.Благодарзумов], «Жизнь», № 6, Б-фия). «Художник-пантеист» умеет проникаться красотами природы, «поднимаясь в своих описаниях до поэзии»; человек у него «бессилен и ничтожен» перед «подавляющей природой» (А.Скляр, Обр., № 12, Кр-ка и б-фия). «Широкое и пантеистическое настроение», даже «борьба человека с природой» не противопоставляют «инертную природу живому человеку» (Р. Мысль, № 6, Библиограф. Отд.).

А.Л.Волынский — «Борьба за идеализм». СПб., 1900, тираж — 1200. Статьи ранее печатались в «Северном вестнике».

«Непонимание толпы», на которое жалуется Волынский, вызвано крайней неопределенностью его собственного знамени; под ним, однако, «очень определенно разносились Белинский, Добро-

любов, Чернышевский и другие писатели, с литературной деятельностью которых связаны наиболее светлые моменты в умственной жизни русского общества» (И. [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 11 февр.). А.Б. [А.И.Богданович] писал, что статьи Волынского производили в свое время «немалый шум», который объясняется чрезвычайной характерностью для 90-х годов этой «небольшой фигурки, заносчивой и высокомерной» (Мир Б., № 9). Книгу поддержал рецензент «Ежемесячных сочинений» (№ 1), писавший, что Волынский «удивительно верно наметил дорогу», хотя сам пошел «чрезвычайно извилистым и неудобным путем». Вл. Гиппиус назвал Волынского, несмотря на его «сухую и неглубокую» мудрость, «выразителем самых основных движений интеллигентной толпы», наметившим «насуточно нужную», «новую точку зрения в нашей критике» («О новой точке зрения в русской критике», Мир Иск., № 13–14).

Февраль

П.Д.Боборыкин — повесть «Одной породы» (Вест. Евр., №№ 1–2).

В повести противопоставлены две героини: одна посвятила свою жизнь «меньшому брату», другая, фанатическая марксистка Иславина, «совершенно индифферентно» относится к «народному бедствию» (голоду) и представляет «точный снимок с натуры» современных представительниц марксизма, «сильно отдающих “нигилизмом” былых годов» (Номо Novus [А.П.Пятковский], Набл., № 5).

К.Бальмонт — «Из мира легенд» («Жизнь», № 2).

«Убийственные стихи», «бессильные и претенциозные потуги к созданию чего-то необыкновенно сильного и красивого» (Ч.Ветринский, Н. Л., 29 марта).

Андреевич [Е.А.Соловьев] — «Толстой и культура» («Жизнь», № 2). Толстой, являясь «крупным и ярким выразителем всех лучших идеалистических сторон нашей прежней культуры», выступает ее отрицателем, проповедуя «вандализм» по отношению к науке, искусству и культуре. Индивидуализм Толстого достигает кульминационного пункта в проповеди непротивления злу насилием, которая выражает «не смирение, а гордыню», «великое пренебрежение к внешним условиям существования». При всем том его проповедь сохраняет «дивную красоту и привлекательность».

Old Gentleman [А.В.Амфитеатров] — «Литературный альбом» (Рос., 18 и 26 февр.). На смену литературе, во главе которой стоял «талантливый ювелир слова» Чехов, «певец маленьких людей, золотой середины, маленьких чувств» и т.п., пришло «молодое литературное поколение», которое «выдвинуло из среды своей и поставило вождем своим такого огромного писателя, как Максим Горький, — писателя, которого одного уже достаточно для определения целой художественной эпохи, с новым, резко оригинальным направлением. Но разве Максим Горький одиноко выступил на арену художественного слова? Разве одновременно с ним или вслед за ним не идут с окраин России, из захолустьев ее... литературные сверстники и ровесники этого замечательного писателя — может быть, с менее громкими и ясными, чем у него, голосами, но все же слышными, осмысленными, интересными?»

В.Альбов — «Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка» (Мир Б., №№ 1–2). Писатель показывает развращающее влияние золота, вызывающего «ураган стяжания», а также процесс дифференциации масс; «следит за проникновением капитализма во все сферы человеческой жизни: в семью, в область правовых отношений, в нравы и понятия, в науку и литературу».

28 января — 26 февраля в Петербурге, в Музее Штиглица, состоялась вторая выставка картин «Мира искусства» (В.Серов, И.Левитан, М.Врубель, К.Коровин, К.Сомов, А.Н.Бенуа и др.), с большим отделом декоративно-прикладного искусства (А.Головин, С.Малютин, Е.Д.Поленова и др.) (Мир Иск., № 5–6).

31 января М.В.Нестеров писал А.А.Турыгину из Киева: «Это, брат, уже XX столетие и нам, людям XIX, — не по зубам». 5 февраля: «Внешний успех Дягилева (вообще) теперь большой. Большое умение было не пасть духом в начале. Теперь ему будет легче» (М.В.Нестеров. Письма. Л., 1988, с. 178–179).

Выставка «очень характерна как показатель вымирания декадентских тенденций» и перехода на позиции Дж.Рескина, который выдвигает «на первый план» «этические требования в искусстве» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 3). Выставки «Мира искусства», «пока все еще приветствуемые свистками и руганью... выделяются своей новизной и оригинальностью»; во главе этого течения «станут такие крупные художественные величины, как Серов, Левитан, Нестеров» (А.Ростиславов, «Обновление искусства и

партийность художников», Т. и Иск., № 15, 9 апр.; ст. была одобрительно отмечена в Мире Иск., № 5–6, с. 118). На выставке в Музее Штиглица наибольшим вниманием пользовалась скульптура П. Трубецкого. «Работы Коровина, Бенуа, Малютина и Сомова... кроме эффекта неожиданности... никакого другого эффекта производить не могут» (П. Ге, «Жизнь», № 5).

24 февраля Д. С. Мережковский написал П. П. Перцову: «Тому, что Вы переселились в Новое Время я очень сочувствую. И остроумно и даже мудро. Нельзя ли мне туда же? Уготовьте мне путь. Я с радостью... Одно не хорошо — Энгельгардт и всякая подобная мразь им нужны — для них насущный хлеб, а мы только десерт, роскошь» (Р. Л., 1991, № 2, с. 141).

А. М. Жемчужников — «Песни старости. Стихотворения 1892–1898 гг.». СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1900, тираж — 1200.

К. К. Арсеньев приветствовал поэта, который остался верен «высокому строю» эпохи «обновления России»: «он не отказывается от имени поэта-гражданина; он гордится тем, что был “глашатаем забытых, старых истин”» («По поводу одной “цветущей старости”», Вест. Евр., № 3; то же: М. Пр[отопопов], «Прекрасный закат», Р. Мысль, № 3). И. А. Бунин в статье, посвященной 50-летию литературной деятельности Жемчужникова, назвал его «рыцарем духа», верным характерному для русской литературы «этическому элементу». Настроение «кающихся дворян», «оказавших несомненную и большую услугу России», Жемчужников сочетает с «религиозными настроениями»; гуманизм и гражданственность — с любовью к родине и ее природе, его пейзажи наследуют «реализм и искренность» Тургенева, Л. Толстого и Фета («Поэт-гуманист», Вест. Восп., № 3). Свое «не знавшее побед, но незапятнанное знамя» Жемчужников все 50 лет нес с «чисто юношеской бодростью и силой». Его «святое беспокойство», «нелицемерная и действенная любовь» к народу выливались «в негодующие строфы против равнодушных современников». «Личные печали поэта», выраженные в стихах, делают его личность, «интимно нам близкой и дорогой» (статья без подписи «А. М. Жемчужников», Р. Бог., № 3). «Истрадавшаяся душа поэта-гражданина» только в природе «находит себе отраду и убежище» (К. Левин, «Последний из могикан (По поводу 50-летия литературной деятельности А. М. Жемчужникова)», «Жизнь», № 2).

Г. Гауптман — «Драматические сочинения». Перевод под ред. и с предисловием К. Бальмонта. М., 1900, тираж — 3600.

М. Волошин — «В защиту Гауптмана. По поводу переводов г. Бальмонта» (Р. Мысль, № 5). Показано «самое бесцеремонное обращение с текстом» — «“отсебятины” в декадентском стиле» вместо «отчетливых и красивых образов Гауптмана».

Такие же упреки высказал Е. Деген: «бессмыслицы» в тексте подходят к «безбрежностям» Бальмонта или А. Добролюбова, но «поэзия Гауптмана всегда сохраняет очень определенные границы логического смысла» (Мир Б., № 5). В защиту переводов выступила редакция «Ежемесячных сочинений» (№ 9, [И. И. Ясинский]): «Ах, будет время, когда они будут преклоняться пред Бальмонтом и забудут Гауптмана!»

Март

6 марта Чехов сообщает Горькому о предстоящих в Ялте в апреле гастролях Московского Художественного театра и зовет его приехать: «Вам надо поближе подойти к этому театру и присмотреться, чтобы написать пьесу» (т. 9, с. 67).

Ариель [Н. П. Ашешов] писал о Художественном театре (Кур., 12 марта): «И не даром этот театр любят. И как любят? Хорошей, молодой любовью, полной юношеской чистоты...»

9 марта в Академии наук состоялось первое объединенное заседание Отделения русского языка и словесности вместе с разрядом изящной словесности, на котором присутствовали вновь избранные почетные академики А. М. Жемчужников, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, Вл. С. Соловьев и В. Г. Короленко. Августейший президент академии, вел. кн. Константин Константинович, в приветственной речи подчеркнул, что рост разряда изящной словесности в будущем должен протекать «постепенно и правильно», «под влиянием строгой и осмотрительной разборчивости» (Кн. Нед., № 3, Из лит. мира).

28 марта редактор «Русских ведомостей» В. М. Соболевский пишет А. П. Чехову: «Эти две вещи [«Чайка» и «Дядя Ваня»] продолжают господствовать в репертуаре не только театра, но и вообще умственного обихода интеллигенции. На них упражняются, учатся думать, разбираться в жизни, искать выхода и т. д. Вот что значит затронуть самую суть и самые наболевшие

струны» (Записки отд. рук. б-ки им. В.И.Ленина. Вып. 8. М., 1941, с. 61).

Л.Мельшин [П.Ф.Якубович] — рассказ «Любимцы каторги» (Р. Бог., № 3).

Андреевич [Е.А.Соловьев] — «О журнале эклектическом» («Русская мысль») («Жизнь», № 3). «Каждая книжка почтенного журнала приспособляется решительно на все вкусы», а «в период спора народничества и марксизма “Русская мысль” знала то лишь, что, с одной стороны, надо сознаться, с другой — нельзя не признаться» (с. 289–290).

В.Розанов — «Умственные течения в России за 25 лет» (Н. Вр., 21 марта). Самые крупные русские философы — Тургенев, Достоевский, Толстой, раскрывшие глубины человеческой души. С нигилизмом боролись также Катков, Гиляров-Платонов, К.Леонтьев, Данилевский, Страхов. Менее даровит лагерь «красных индейцев»: Михайловский, Скабичевский, Шелгунов, Протопопов, Гольцев, но их практическая защита народных интересов «выше всяких похвал». Шумный успех марксистов связан с капитализацией России.

Пл.Краснов — «Первые поэты-академики» (К.Р., А.А.Голенищев-Кутузов, А.М.Жемчужников) (Кн. Нед., № 3). «Один — чистый лирик, представитель самодовлеющего искусства, другой — бесстрастный поэт-пессимист с философской подкладкой, третий — политический поэт, бодрый и жизнерадостный даже в 79 лет. Каждый из них в своей области является образцовым».

В марте вышел первый номер журнала «Ежемесячные сочинения» И.И.Ясинского, который «сочинялся» почти исключительно одним редактором-издателем, писавшим под псевдонимами: М.Белинский, М.Чуносков, Независимый, И.Я., под звездочками и без всякой подписи. Среди других участников журнала были А.Шеллер-Михайлов, К.Бальмонт (большие циклы стихотворений в №№ 7, 9–12), К.Фофанов, К.Случевский, А.Коринфский, А.Измайлов. В журнале печатался под сенсационным названием «1 марта 1881 года» роман И.Я. [Ясинского].

Джемс Линч [Л.Н.Андреев] писал, что от этого «ежемесячно сочиняемого» исторического романа идет дух, «словно от вспотевшего Иуды» (Кур., 3 сент.).

В статье М.Чуносова [Ясинского] «Кошмарное время» (№ 1) — так именовалось современное состояние литературы, стремящейся к демократизации и имеющей своим вождем «певца рвани» Горького, — отказ в 80-е годы от традиций 60–70-х годов был назван «свежей струей». В редакционной статье «Наш идеал подобен солнцу» (№ 5–6), отвергнув всю современную «партийную» журналистику, Ясинский объявил себя поклонником «Красоты, Правды и Бога».

Выход «Ежемесячных сочинений» приветствовал лишь «Русский вестник» (№ 4). В.Г.Короленко в неподписанной рецензии замечал, что И.И.Ясинский, когда-то бывший сотрудником лучших русских журналов, «давно уже величаво помещается “по ту сторону стыда”, а его произведения по ту сторону литературы», в том числе и ныне печатаемый «бульварный роман». В качестве одного из «покушений» нового журнала «на простодушного читателя при помощи беззастенчивой рекламы» Короленко сослался на объявление о предстоящем появлении в «Ежемесячных сочинениях» статей Вл.С.Соловьева, который письмом в газеты «резко отрицал какое бы то ни было участие свое в солнечном журнале» (Р. Бог., № 4, Нов. Кн.). От этих страниц, написанных «сплошь одной рукой», отдает «ничем не стесняющимся самодовольством» (Северов [П.О.Морозов], Нов., 27 июля).

Н.Минский — «Альма» («трагедия из современной жизни»). СПб., 1900, тираж — 600.

Ф.Д.Батюшков в статье «Комедия и трагедия индивидуализма» [о «Накипи» Боборыкина и «Альме» Минского] находил в произведении Минского много ценного и существенного для понимания современного мирозерцания, которое «основывается на непомерном возвеличении своего “я”» (Нов., 16 апр.). Ему возражал Н.К.Михайловский: «Это — не индивидуализм, г. Батюшков, индивидуализм ставит в центре миропонимания личность как таковую... он требует уважения к личности, своей и чужой. Это деспотизм, аристократизм, эгоизм, “эготизм”, “ячество” (термин покойного Шелгунова)...» Н.Минский создал произведение, «чрезвычайно типичное для нашего декадентства», порхающего по цветам современной европейской литературы, но собирающего не мед, но яд, — «сосстряпал окрошку из Ницше, Ибсена, Метерлинка, буддизма, Толстого» (Р. Бог., № 5). С таким же резко отрицательным отзывом выступил Андреевич [Е.А.Соловьев], заявив-

ший, что «никакого общественного значения “Альма” не имеет», так как «в страданиях и радостях героев вы не видите жизни масс» («Жизнь», № 9). А.Б. [А.И.Богданович], назвав «Альму» пародией одновременно и на Метерлинка и на Ибсена, тем не менее увидел в образе героини — «символ глубоко скрытой, но не умирающей в душах наших справедливости, которая не может мириться со злом и страданием...» (Мир Б., № 5). «Новая женщина» Минского, с ее «романтическим презрением к действительности», с «иссушающим сердце культом своего “я”» — ведет «только в бездну» (М.К.Цебрикова, Р.Мысль, № 9). М.Ч. [И.И.Ясинский] причислил пьесу к «обезьяньей литературе» символистов, которая «полными пригоршнями» «черпает в последнее время из Ницше» (Еж. Соч., № 4).

К положительной оценке склонялся Тихон Полнер, писавший о большом успехе этой философской драмы, трактующей «самые болезненные вопросы современности», в особенности вопрос об «освобождении личности» (Кур., 10 авг.). С безоговорочной похвалой отзывалась о пьесе З.Гиппиус, относя ее автора, говорящего о «душе, ищущей Бога», к представителям «истинно нового» литературного движения и отказывая в этом звании даже Бальмонту, Брюсову и А.Добролюбову. Предвосхищая идеи журнала петербургских символистов «Новый путь», З.Гиппиус пишет: «нужна обновленная религия нашему обновленному сознанию». Всю остальную современную литературу З.Гиппиус назвала «вопросной литературой», провозгласив гением ее Горького, который «в самый центр» попал; этой же литературе «покорился» Чехов («Торжество в честь смерти», Мир Иск., № 17–18).

В.Я.Брюсов в письме к И.Коневскому, вторая половина апреля, сообщает: «“Альму”, если судить судом праведным, должно осудить. Какой-то свод общих мест из новой поэзии, заранее все наизусть знаешь, каждое предложение словно краденое. Но, конечно, в разговорах я прославляю эту драму» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 489).

Д.С.Мережковский пишет В.В.Розанову 8 июня: «Читали Вы “Альму” Минского и рецензию на нее Зин. Николаевны... По моему мнению это вещь в высшей степени замечательная и любопытная, как знамение времени» (Рос. Литературовед. Журн., 1994, № 5–6, с. 237).

М.А.Лохвицкая (Жибер) — «Стихотворения. Т. III. 1898–1900». СПб.: изд. А.Суворина, 1900, тираж — 1500.

«Перед нами бесспорный поэтический талант», «музыка здоровой и сильной души», рвущейся «от будничной прозы» «в солнеч-

ный край мечты, где все — любовь, счастье и полнота жизни; среди недостатков — «узость духовного кругозора», «наивность и умственная неразвитость», отсутствие художественного чутья ([П.Ф.Якубович], Р. Бог., № 8, Нов. Кн.). Однообразие темы (любовь), воспевание «физиологических основ чувства», «подражание декадентам», склонность к «извращенному, болезненному», но в основе лежат «настроения благородные и возвышенные» (Пл.Краснов, «Женская поэзия», Кн. Нед., № 10). «Г-жа Лохвицкая с большой виртуозностью играет на одной струне» (Андреевич [Е.А.Соловьев], «Жизнь», № 9, с. 312).

Тан [В.Г.Богораз] — «Стихотворения». СПб.: изд. С.Дорова-товского и А.Чарушникова, 1900; очень большой для поэтического сборника того времени тираж — 6200.

Мих.Чадаев выделял «Стихотворения» П.Я. [П.Ф.Якубовича] (2-е изд., СПб., 1899) и «Стихотворения» Тана из ряда других поэтических сборников, отдавая предпочтение П.Я. Поэзия Тана изобилует «шаблонными образами», которым придано аллегорическое толкование (мрак сменяется светом, зима весной, лучи солнца разгоняют туман... и т.д.) («Жизнь», № 4). «Грубоватый подчас голос» Тана, содержащий «призыв к борьбе, ненависть к злу и насилию», заставляет забывать недостатки его стихотворений (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 5). Н.Г. [Н.Л.Геккер] подчеркивал в стихах Тана «активное и жизнедеятельное настроение, не закрывая, однако, глаза на длинноты, повторения, перегруженность аллегориями («Поэзия борьбы», Од. Нов., 6 июня). «Передовицами в стихах» назвал поэзию Тана Old Gentleman [А.В.Амфитеатров], а самого автора — умным и образованным версификатором (Рос., 10 июня). «Из г. Тана может выработаться сильный гражданский поэт», но этому препятствует «клеймо шаблонности» и тягучесть стихов (Р. Мысль, № 7, Библиограф. Отд.). Эта «несносная риторическая шумиха» нагоняет «ничем непобедимую зевоту», перепевы Лермонтова и Надсона оборачиваются «бессознательной пародией» и даже в смысле «боевого настроения» поэзия Тана «крайне неудовлетворительна» ([П.Ф.Якубович], Р. Бог., № 7, Нов. Кн.).

Александр Добролюбов — «Собрание стихов» с предисловиями Ив.Коневского и Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1900, тираж — 300. Продукция издательства, организованного на средства московского мецената С.А.Полякова.

Д.Шестаков в «Мире искусства» (№ 11–12) отметил, что книга хорошо издана (с вариантами и примечаниями), но туманные

произведения А. Добролюбова вряд ли можно назвать стихами. Рецензент «Ежемесячных сочинений» (№ 8) назвал предисловие В. Брюсова «О русском стихосложении» «недурным» и содержащим «несколько острых замечаний». А. Добролюбов «замыслил сотворить свой мир вне человеческих чувств и вне человеческих мнений, вне тела и вне ума...» («Встал ли я ночью? утром ли встал? / Свечи задуть иль зажечь приказал? / С кем говорил я? один ли молчал? / Что собирал? что потерял?»).

П. Д. Боборыкин — «Европейский роман в XIX столетии». СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1900, тираж — 2000.

«Научность — это... боевой клич автора», исходящего из «самодовлеющего характера прекрасного», отвергающего «субъективный элемент» и утверждающего, что «“морализирование” мешало творчеству Диккенса и Теккерея». Однако его труд не оставляет ощущения «строгости научно-дисциплинированной мысли» — он иногда «догматик, иногда импрессионист, реже всего историк» ([А. Г. Горнфельд], Р. Бог., 1901, № 1, Нов. Кн.).

Апрель

2 апреля А. П. Чехов пишет В. М. Соболевскому: «Я получаю очень много газет. Получаю и “Россию”, и “Северный курьер”, и теперь, когда мне приходится много читать и невольно сравнивать, я с каждым днем все больше убеждаюсь, что нет лучше газеты, как “Русские ведомости”. Прежде я как-то поддавался общему гулу, что газета ведется скучновато, сухо, что нужно бы ее разнообразить и проч., теперь же, разбираясь в белиберде текущих событий, я вижу, что в этой якобы скуке было спасение» (т. 9, с. 80).

М. Горький — «Мужик» («Жизнь», №№ 3–4). Печатание было прервано автором на второй главе, третья глава при жизни Горького опубликована не была.

Начало повести широко обсуждалось в печати. «Да, идут новые люди, может быть, и не так быстро, как утверждает романтический архитектор из мужиков в опять-таки покуда романтическом “Мужике” М. Горького, — но идут всюду, и твердым шагом» (Old Gentleman [А. В. Амфитеатров], Рос., 4 апр.). Шебуев — «новый человек среди дряблой провинциальной интеллигенции» «представляет живой интерес по той жажде жизни и практически нужного людям дела, какая обуревает его и изливается в полных лиризма монологах» (Ч. Ветринский, Н. Л., 13 апр.). Та «чернозем-

ная сила», которая гибнет в Фоме Гордееве, здесь выходит на дорогу «прозаического прагматизма»; отстаивает гармонию умственного и морального в человеке (А.Измайлов, Бирж. Вед., 12 мая). «Новый человек» повести близок к идее Ницше: «Иди за собой, а не за кем-либо» (В.Яковлев, Дон. Речь, 12 мая). «Запас жизненной энергии» позволяет герою выйти «за ограду окружающей его детства среды» (Кн. Нед., № 6, Из рус. изд.). Герой повести «совсем не мужик, а архитектор», при этом «какой-то необыкновенный», с чисто книжной «интересностью». Горький — «Марлинский наших дней» (В.Буренин, Н. Вр., 1 сент.). В «Мужике» Горький намеревался «дать тип положительного протестанта», «строителя, а не разрушителя своего собственного естества». Но повесть «разочаровывает» еще больше, чем «Фома Гордеев» (М.Чуносков [И.И.Ясинский], Еж. Соч., № 9). И. [И.Н.Игнатов] отмечал намерение Горького вывести новую, мужицкую интеллигенцию, пришедшую на смену старой интеллигенции из дворян и разночинцев, однако пока «практическая деятельность нового миссионера» (ясли, чайная, почлежный дом, народный театр и читальня) повторяет то, что делалось и раньше, потому что «история не создала еще из оставшихся «внизу и назади» той «родни», которая сознательно стремилась бы к тому же, к чему стремится Шебуев» (Р. Вед., 7 апр. и 17 мая). Эту мысль о неизменности задач, стоящих перед старой и новой интеллигенцией, подчеркивали многие рецензенты. «Не рано ли еще интеллигенции делиться по классам на враждующие группы?» (Л.Е.Оболенский, С. Кур., 20, 22 мая; см. также: В.Гольцев, Кур., 22 мая; А.-лов [А.И.Шепкалов], Дон. Речь, 6 авг.). «Нам кажется крупным событием в литературе наших дней,— писал Н.Геккер — появление теперь “Мужика” г. Горького», так как в нем выведен «представитель рабочей интеллигенции», «редкий положительный тип в нашей литературе», «непосредственный участник жизни, боец, протестант». «“Мужик” принес не новую мудрость и не новую программу, а новое *настроение*, доброе, свежее, энергичное и жизнерадостное». Однако исповедь Шебуева не вяжется с его последующими делами, его «культу денег» (Од. Нов., 15 и 20 апр., 25 мая). “Мужик” снова начинает делаться героем нашей беллетристики», но Горький «ожегся на мужике, слышком поспешно пустил его в печать», а затем оставив неоконченным; редакция «Жизни» обещает в будущем году напечатать «пересмотренного и переработанного» «Мужика» (Неизвестный [И.Н.Потапенко], Рос., 25 ноября). «Отрицательное отношение автора к интеллигенции» в «Мужике» «приняло ярко тенденциозный характер, неблагоприятно отразивший-

ся на художественных достоинствах» («Литература в 1900 году», Р. Вед., 1901, 1 янв.).

Горький сообщил А.П.Чехову 11–12 октября, что Л.Толстой «поругал» его за «Мужика» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 63).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — «Около господ» (Р. Мысль, №№ 1, 3, 4).

О начале повести А.П.Чехов писал редактору «Русской мысли» В.А.Гольцеву: «...это грубая, безвкусная и фальшивая чепуха» (т. 9, с. 29).

Мамин-Сибиряк не удержался на высоте дарования, написав «что-то мелкое, скучное, никуда и ни над чем вас не возвышающее» (Н.Геккер, Од. Нов., 17 мая). «Саморазложение литературного реализма»: «изображает мужика как нравственную жертву господ», при этом «равнодушен как фотографический аппарат» (А.Басаргин [А.И.Введенский], «Один из эпигонов бравурного реализма», Моск. Вед., 16 дек.).

В апрельском номере «Мира Божьего» напечатаны «повесть из жизни прокаженных» В.Серошевского «Предел скорби» и рассказ С.Юшкевича «Кабатчик Гейман».

Н.Геккер отмечал, что обе повести имеют характерную для всей русской литературы черту — «благожелательное, великодушное и терпимое отношение к инородцам и иноверцам» (Од. Нов., 4 мая).

6 апреля Главное управление по делам печати обращается к председателю Петербургского цензурного комитета с просьбой «сделать зависящее распоряжение, чтобы на будущее время все не дозволенные цензурою или дозволенные с важными исключениями статьи, предназначаемые для журналов “Русское богатство”, “Жизнь”, “Мир Божий” и “Научное обозрение”, представляли его сиятельству [начальнику Главного управления по делам печати Н.В.Шаховскому] с цензорскими отметками, так как ему важно знать не только то, что появляется в печати в этих изданиях, но и то, что предполагалось ими напечатать» (К.Д.М у р а т о в а. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966, с. 55).

13 апреля редактор-издатель «Северного курьера» В.В.Барятинский написал Л.Толстому о вынужденном отказе от намерения напечатать несколько глав его статьи «Новое рабство», так как получено предупреждение от министра внутренних дел и

Главного управления по делам печати, что в случае напечатания этой статьи газета будет закрыта (ЛЖТ Толстого, с. 347–348).

В апреле Московский Художественный театр гастролировал в Севастополе и Ялте, что дало возможность Чехову посмотреть ряд спектаклей («Дядю Ваню», «Чайку», «Одиноких» Гауптмана, «Гедду Габлер» Ибсена). Находящийся в это время в Ялте Горький знакомится с режиссерами и актерами театра, рассказывает К.С.Станиславскому о замысле пьесы «На дне». Дарит В.Э.Мейерхольду трехтомник своих рассказов с надписью: «Вы с вашим тонким и чутким умом, с вашей вдумчивостью — дадите гораздо больше, чем даете...» (сб. «Москва театральная». М., 1961, с. 349).

18 апреля И.А.Бунин пишет из Ялты брату Ю.А.Бунину: «Горький написал в “Жизнь”, чтобы “Жизнь” издала мои стихи, у которых тут много поклонников. Горький в высокой славе, за ним ухаживают, умоляют его написать пьесу» (Р. Л., 1963, № 2, с. 181).

Н.К.Михайловский — «Кое-что о г. Чехове» (Р. Бог., № 4). В этой статье, написанной в связи с выходом первого тома марксовского издания, говорилось, что Чехов пришел в литературу «в необыкновенно трудное для начинающего писателя время», когда общество ощущало «надломленность идеальных идеалов и верований». «Цельного, большого зеркала, в котором бы отразилась вся жизнь целиком или хоть значительная доля ее, — в его распоряжении не было; но у него были бесчисленные зеркальные осколки, комически отражающие столь же бесчисленное множество отдельных эпизодов житейской пошлости» и «огромный запас свежего, молодого юмора». Не хватало «ноты — не скажу гнева, а какой-нибудь из многочисленных форм недовольства». Затем, примерно со времени «Скучной истории», из-под его пера стали выходить «картины одна другой мрачнее». В творчестве Чехова появилась «потребность идеала», при этом писатель «вырос почти до неузнаваемости», и тем не менее «конца г. Чехова еще далеко не видно» — только что он «дал широко задуманный и превосходно выполненный рассказ “В овраге”, и это новый шаг вперед».

«В этом “кое-что”, — писал о статье Н.К.Михайловского Н.Геккер, — сказано очень многое и, без преувеличения, гораздо больше, чем в последние годы о г. Чехове во всей нашей литературе...

М. Горький открыл нам особый мир и умел внушить к нему и сочувствие и жалость. Чехов раскрыл нам двери в мир еще более широкий, не в особые закоулки общества, а в самые недра его, но сочувствия нашего и живого участия к ним он не всегда добивался» (Од. Нов., 17 мая; характеристика, данная Михайловским, была поддержана и журналом «Образование», № 5-6). Андреевич [Е.А. Соловьев], признавший Чехова много лет спустя после Михайловского, заявил, что последний наконец-то «вразумился на счет огромности и важности дарования г. Чехова» («Жизнь», № 5).

П. Гриневич [П.Ф. Якубович] — «Заметка читателя» (Р. Бог., № 4). В некоторой части нашей литературы «художественные красоты» вытесняют «высшую красоту для человека» — справедливость и человечность. А.Б. [А.И. Богданович] утверждает в «Мире Божьем» (№ 1): лишь марксисты и символисты представляют в нашей молодежи «живое и здоровое зерно», а «реальное искусство отстало от жизни», но при этом вынужден «беспошадно» оценивать представителей российского символизма и «воскурять фимиам» Л. Толстому. Возникла литературная группа, противоестественно связавшая экономический материализм, некоторые идеи Ницше и символизм, хотя «нищестанство принципиально враждебно толпе», а символизм «презирает все грубо материальное»; их объединяют «нападки на эпоху 70-х годов» и презрительное отношение к «народу», который заменен марксистами своей частью — «классом», а «интеллигенции отведено последнее место в истории».

С возражениями выступил Е.А. Соловьев: «Русское богатство» «нехорошо злоупотребляет» своим «любимым упреком» в невнимании к жизни «униженных и оскорбленных», в отсутствии «идеалов» и т.п. («Об идеалах», «Жизнь», № 5).

В.В. Вересаев писал Горькому 16 сентября: «...золотарем должен быть тот противник, который унижится до того, чтобы принять за перчатку такую полемическую гадость, как с[оловь]евская статья “об идеалах”» (Архив А.М. Горького).

Андреевич [Е.А. Соловьев] — первая статья из цикла «Вольница» («Жизнь», № 4), в которой творчество Горького оценивалось «как литературная революция». «Глубокая жалость и страдание», с которым относились к босяку Достоевский, Гл. Успенский, Помяловский, Левитов, Мельшин и Максимов, заменены у Горького «разнузданным, но удивительно привлекательным культом “свободы”, этим дерзким вызовом, брошен-

ным в лицо культурному обществу, одинаково изолгавшемуся в своих добродетелях и пороках». Горький «немного ницшеанец» и общее настроение его сводится «в конце концов к тому, что он поет славу “безумству храбрых”». Вместо «служения добру» и «собственному усовершенствованию», по «могучей указке Толстого», «тут чувствуется сила, какая — все равно, но сила».

Пл.Краснов — «Молодые беллетристы-академики» (Кн. Нед., № 4). Посвящена сопоставлению творчества Короленко и Чехова. Первый предпочитает «исключительные» сюжеты, он — «несомненный оптимист» с настроением «бодрящим и примиряющим с жизнью», «гораздо более субъективный писатель», даже поэт, предпочитающий «этюды». Чехов «любит описывать самое обыкновенное, заурядное», «даже пошрое», он — пессимист, «вслед за сумерками» у него «наступила не заря, а мрачная, беспросветная ночь», «писатель совершенно объективный, без “предвзятых мыслей” и конечных выводов, художник, всегда дающий нечто цельное, законченное» и потому «настоящий учитель и истолкователь жизни».

А.Б. [А.И.Богданович] — «Критические заметки» (о весенних художественных выставках в Петербурге) (Мир Б., № 4). «Болезненность и естественное отмирание старого искусства» у передвижников, где преобладает пейзаж и нет «идейных картин с направлением», как в былые годы: «мужик на выставке не в авантаже обретается»; «Голгофа» М.Нестерова «из рук вон плоха»; И.Репин выставил «недоконченные портреты» [в частности, М.Горького] — «нечто небывалое на выставках». Петербургских художников отличает «банальность содержания» и «шаблонность приемов». На выставках академической и «Мира искусства» — чувствуется «присутствие молодого духа, стремительного и подчас ударяющего в крайности».

Вл.С.Соловьев — «Стихотворения». Изд. 3, доп. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1900, тираж — 1200 (помимо раздела «Новые стихотворения», с включением поэмы «Три свидания», в «Приложения» вошли статьи о символистах, «Особое чествование Пушкина»).

«Настоящий», хотя и не «выдающийся», поэт; его лучшие стихи — «на границах религии и философии»; его мысли о «Вечной женственности» смутны и недосказанны (В.В.Розанов, Н. Вр., 9 июня). «Он не выработал себе оригинальной формы и пишет то как Тютчев, то как Фет, то как Хомяков», «у него нет ни

песен любви, ни картин природы, ни песен на общественные темы». Ему свойствен «мистический дуализм» — вера, что «рядом с видимым, тленным миром живет другой, лучший, трансцендентный», который открывается в минуты «торжества чистого, светлого начала»; при этом Соловьев чужд фанатизма и лицемерия (Пл.Н.Краснов, «На высокие темы», Кн. Нед., № 6). Стихи «не отличаются особенной силой и звучностью»; полумистические настроения никогда не покидают поэта: «неопределенные порывы к “нездешней” красоте», «предчувствие неведомой истины», «сны души, охваченной томлением новой жизни, в ожидании зари обновления» (К.А.[рабаки]н, С. Кур., 24 авг.). «Веда остроумную и победоносную борьбу с российскими “символистами”, сам Соловьев писал... стихи, символичности которых нередко могли бы позавидовать и его противники», но «поэт был задавлен в нем метафизиком и резонером» ([П.Ф.Якубович], Р. Бог., № 10, Нов. Кн.). Соловьеву «и в голову не приходило, что поэзия может служить “оправданию добра” лучше, нежели самые тонкие диалектические кружева»; свои рифмы он посвящает Афродите (М.Протопопов, «Немножко философии и немножко поэзии», Р. Мысль, № 7). У Соловьева «есть самое важное, что можно требовать от поэзии: новый мир души»; его «круг настроений» — «поклонение Вечной женственности», близость «мира Времени» и «мира Вечности», конечная победа «Добра» над «Злом» — неотделим от «заветных убеждений философа-христианина» (В.Я.Брюсов, «Русский архив», № 8).

М.О.Меньшиков — «Народные заступники и другие нравственно-бытовые очерки». СПб., 1900, тираж — 1200.

«Меньшиков указывает, как на огромную заслугу народничества, на заступничество за народ, что составляет... нравственную цель этой доктрины». Однако его утверждение, что «в наше время понизился интерес к народу и в литературе, и в обществе» — неверно; просто сделан «огромный шаг вперед в... расчленении народа», который уже «не рисуется в виде огромной однолитной единицы, противопоставляемой интеллигенции». Горький — пример «не ослабевающего интереса к народу», но прежнее «народозаступничество» уступило место «справедливости по отношению к народу» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 8).

Н.К.Михайловский — «Литературные воспоминания и современная смута». Тт. 1-2 (т. 1 вышел в декабре 1899 г.). СПб.: изд. журн. «Русское богатство», 1900, тираж — 2000. (Статьи из «Русской мысли» и «Русского богатства» за 1891-

1894 г.). В предисловии автор оговаривал, что и в прошлом «было много смуты, и в настоящем не все смута, но я не умею иначе суммировать пестрое содержание книги».

Н.К.Михайловский изображает «потерянный рай» «Отечественных записок» 70-х годов и «с высоты такого славного прошлого... смотрит вниз, в настоящее нашей литературы...» (Д.Шестаков, Мир Иск., № 13–14). Основной тон книги «самоумнение и самовлюбленность», однако Михайловский сохраняет «объективное и строго научное отношение к декадентству и нищезанятию», в его изложении «Ницше выступает в очень симпатичном освещении», хотя критик указывает на его противоречия и увлечения (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 9). Михайловский «весь в прошлом, весь в 70-х годах», там «у него самое дорогое, самое светлое... Теперь у него веки низко-низко опущены», однако «экстраординарный талант Горького» он увидел (Андреевич [Е.А.Соловьев], «Жизнь», № 3).

А.Л.Волынский — «Леонардо да Винчи». СПб.: изд. А.Ф.Маркса, тираж — 2100.

Май

В первой половине мая Л.Толстой написал два акта драмы «Труп» (ЛЖТ Толстого, с. 349–350).

В.Г.Короленко, в неподписанной рецензии на книгу некоего Кр-ского «Беззаботное неряшество. Наше отношение к искусству. Теория Л.Н.Толстого» (СПб., 1900), выступил против нападок на Толстого и претензии выработать сначала теорию искусства, «а до тех пор, по-видимому, надлежит прекратить всякую художественную деятельность». Между тем, «не один г. Кр-ский» с его «дешевыми сарказмами» забывает, что «жизнь идет впереди всяких определений, а практика искусства впереди теорий» (Р. Бог., № 5, Нов. Кн.).

В мае Н.К.Михайловский и В.Г.Короленко были утверждены в звании официальных редакторов «Русского богатства» (Р. Бог., 1917, № 11–12).

Н.Тимковский — повесть «Жизнь» (Р. Бог., № 5).

Повесть изображает «обывательское житие от юных дней... до той поры, когда жизнь безжалостно прогонит всякое мечтание и

введет обывателя в предназначенную ему от колыбели колею» (Ч.В-ий [В.Е.Чешихин-Ветринский], Н. Л., 3 июля). Несмотря на незначительность и бледность вещи Тимковского, она является характерной для нашего времени, так как показывает «мучительный процесс приспособлений и компромиссов» (Н.Геккер, Од. Нов., 8 июня).

Е. Чириков — «Фауст» («Жизнь», № 5): гибель человеческой души в трясине обывательской жизни.

Леонид Андреев — «На реке» («Журнал для всех», № 5). Пасхальный рассказ, в котором идет речь о человеческой солидарности в момент стихийного бедствия — половодья.

«“На реке” — очень хорошо», — писал Горький Л. Андрееву 25–27 сентября 1901 г., после выхода первого андреевского тома «Рассказов». Есть свидетельства, что рассказ понравился и Льву Толстому (ЛН. Т. 72, с. 96 и 421).

18 мая М.В.Нестеров пишет А.А.Турыгину о своем знакомстве в Ялте с Горьким, Маминым-Сибиряком и С.В.Рахманиновым: «...Я очень люблю талант Горького и жду от него много впереди, как жду от Малявина и Шаляпина, этих трех мужиков, выдвинувшихся так ярко и быстро... Рахманинов — это балованный молодой музыкант, который себе цену знает. Мамин-Сибиряк... проживший жизнь неудачник...» (М.В.Н е с т е р о в. Письма. Л., 1988, с. 181–182).

П.Н.Ге — «Художественные выставки 1899–1900 годов» («Жизнь», № 5). Итоги выставочного сезона невелики: «гг. художники, претендующие на новизну и передовое положение в искусстве, не показали публике ничего действительно нового». На весенней выставке в Академии художеств выделился Ф.А.Малявин со своими «бабами»; другие участники стремились продемонстрировать, что «они — символисты, декаденты, что угодно, но только не то, что были русские художники до них». Выставки передвижников и петербургских художников сохраняют связь с реализмом, но передвижники давно утратили «характер национально-народнического искусства, у них преобладает пейзаж и портреты, в частности, «неоконченный, но очень жизненный портрет М.Горького» (И.Репина).

В конце мая прекратила свое существование газета народнической ориентации «Сын отечества». «Причина смерти — рас-

стройство дел товарищества “Издатель”, издававшего газету. При крайней малочисленности у нас честных и серьезных органов печати эта утрата является весьма чувствительной» (Р. Мысль, № 7, с. 257).

В. Розанов — «Что приснилось философу» (Н. Вр., 16 мая). В «интеллигентном дыромоляе», молящемся пустоте (упомянут в статье Вл. Соловьева «О поддельном добре»), Розанов угадывает Л. Толстого и замечает: «как ни печальны для нас» «отрицательные» и «пассивные» идеалы Толстого, нельзя сомневаться в его преданности «лику Христа».

Д. С. Мережковский писал В. В. Розанову 8 июня: «Ваша статья о Влад. Соловьеве по поводу “дыромоляев” мне не понравилась. Ведь Соловьев, хоть и “смерд”, такой же как Евгений Соловьев (вот Смердяков!), в данном случае совершенно прав. И “Лев” и “овцы” действительно “дыромоляи”. Почему же этого нельзя сказать? Что за Далай Лама такой Левушка, что о нем и говорить нельзя, не ползая на коленях. Да ведь и Вы против Л. Толстого в самом важном» (Рос. Литературовед. Журн., 1994, № 5–6, с. 237).

В мае Д. С. Мережковский пишет П. П. Перцову: «Нам нужно по-новому, по-своему “идти в народ”... Я чувствую, как это трудно, почти невозможно, труднее, чем нигилистам. Но... современный культурный слой в России не может нам ответить — он весь или наивно-либерален, или наивно-декадентен, т. е. гнил до конца... что-то везде, во всех (даже в марксистах) совершается, зреет, и мы пойдем навстречу» (Р. Л., 1991, № 3, с. 147).

Андреевич [Е. А. Соловьев] — «О многописании и мародерстве» («Жизнь», № 5). «Отвратителен... узкий догматизм» «либеральных, радикальных и иных будочников», разделяющих книги на «вредные» и «полезные»; на смену приходят меценаты и «господин Рынок», последний доказывает, что «гроши сильнее миллионов». Даже «Мир искусства» «опустил свой декадентский флаг», а его редактор [С. П. Дягилев] «поступил в чиновники особых поручений при директоре театров». «Только синие и зеленые рожи» на обложке напоминают о периоде декадентства. Рыночное многописание «раскупается довольно охотно, но редко какая книга выживает два-три года».

Вл. С. Соловьев — «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об анти-

христе и с приложениями», СПб., 1900, тираж — 2100 (ранее в Кн. Нед., 1899, №№ 10, 11, 1900, №№ 1–2; 2-е изд. в октябре, тираж — 2200). «Повесть об антихристе» содержит пророчества о новом вторжении монголов в Европу, которое произойдет в XX веке и вызовет крушение цивилизации, появление антихриста, и в борьбе с ним, объединение трех церквей и наступление царства Божия на земле. В предисловии автор порицает интеллигентных «дыромоляев» [толстовцев], которые «наружно примыкают к Христову евангелию», а на самом деле, подобно буддистам, «возвещают пустоту». К «повести об антихристе» Вл. Соловьев поставил эпиграфом свои собственные строки:

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...*

Северов [П.О. Морозов] писал, что «в 60-х гг. подобные беседы не появлялись даже в “Домашней беседе”» (Нов., 9 марта). «У нас как-то незаметно для всех исчезла... серьезная публицистика... Теперь на кафедре является почтенный ученый, профессор, философ и известный публицист, и начинает толковать апокалипсис применительно к злобам дня...» (А.Б. [А.И. Богданович], Мир Б., № 7). Н.К. Михайловский, иронически оговорив свою некомпетентность в вопросе об антихристе, отметил в «Разговорах...» Вл. Соловьева «очень хорошие и поучительные страницы», направленные против отношения Л.Н. Толстого «к евангелию вообще и против учения о непротавлении злу в частности» (Р. Бог., № 7, отд. II, с. 99). В виде «случайного светского разговора» автор развивает очень серьезную мысль о зле как мировой силе (С.Н. Трубецкой, Вопр. Фил. и Псих., № 3).

К. Бальмонт — «Горящие здания. Лирика современной души». М., 1900, тираж — 1200.

Большинство критиков встретило сборник неодобрительно. Рецензент «Русского богатства» [П.Ф. Якубович] (№ 7) увидел в поэзии Бальмонта, при «виртуозности формы», «одно лишь сплошное старание быть оригинально-нелепым», «сплошное резонерство и выдумки» и «холодную рассудочность», вообще свойственную русским декадентам. По поводу строк «Я хочу горящих зданий. Я хочу кричащих бурь!» — критик восклицает: «Что же это такое? Анархизм или сумасшествие?» — и возмущается тем, что «крас-

ный, ярко-огненный и ярко-красный цвет так и бьет в глаза в новых песнопениях неутомимого декадентского поэта...» Рецензент «Мира Божьего» (№ 8) уверял, что «вечно рисующийся, вечно неискренний, всегда равнодушный и холодный, г. Бальмонт не в силах написать ни одного стиха, вырвавшегося из сердца», а только «бесконечный трескучий поток слов». «Зачем сжигать все? — восклицал Ю.Беляев (Н. Вр., 22 июля). — Можно обойтись и одними верхушками, а на старом фундаменте вывести новое здание, легкое и светлое, как беззаботное веселье»; основной тон поэзии Бальмонта элегический. В.Буренин нашел эту заметку чересчур одобрительной, а поэзию Бальмонта «грубым» и «наглым кривлянием» (Н. Вр., 4 авг.). Назвав книгу «лирикой современной души», поэт «кинул в лицо всему интеллигентному русскому обществу обвинение в декадентстве». Несмотря на «культ лучезарной, всемогущей красоты», на культ сильной и свободной личности (альбатрос, скифы, испанец-завоеватель), в его поэзии все же преобладают пессимистические ноты (В.Шулятиков, «Поэт-декадент», Кур., 4 дек.).

Среди общего неодобрения выделилась оценка М.Горького. Автор «Горящих зданий» «много ругают», но «никто, кажется, не решился поговорить серьезно. А между тем этот поэт несомненно обладает талантом. Размеры и общественное значение его таланта трудно понять ввиду крайней туманности мышления г. Бальмонта и странного, быть может, искусственного, стремления к символизации... Но у г. Бальмонта есть простые и сильные стихи, позволяющие до некоторой степени уловить и угадать его настроение». «От всей души следует пожелать Бальмонту более частых ощущений этой бодрой радости ясного творчества» («Стихи К.Бальмонта и В.Брюсова», Н. Л., 14 ноября).

Июнь

В ответ на приглашение П.Ф.Якубовича принять участие в сборнике, посвященном 40-летию литературной деятельности Н.К.Михайловского, А.Чехов писал 14 июня: «Я глубоко уважаю Н.К.Михайловского с тех пор, как знаю его, и очень многим обязан ему... Мне кажется, что Н.К. слишком большой и слишком заметный человек, чтобы празднование его 40-летнего юбилея можно было ограничивать изданием сборника, книги, которая вся будет состоять из статей, быть может, и превосходных, но случайного характера... Если бы от меня зависело, то я объявил бы конкурс на книгу о деятельности Н.К., очень хорошую и нужную

книгу... издал бы указатель статей его и о нем, выпустил бы прекрасный портрет его...» (т. 9, с. 88-89).

15 июня — запись в дневнике А.С.Суворина: «Рассказывают, что митрополит Антоний разослал по всей России секретные циркуляры с строгим наказом всему духовенству не признавать графа Толстого православным. В этом циркуляре граф объявляется непослушным, враждебным критиком православной церкви и еретиком... Митрополит желал публичной прокламации, но святейший синод отказал ему в этом» (Дневник А.С.Суворина. М.-П., 1923, с. 242).

Е. Чириков — «Именинница (Из жизни погибших)» («Жизнь», № 6).

«Да, “Именинница” — здорово! — писал Горький И.А.Бунину. — Я рад за Чирикова и даже написал ему — “хорошо, дядя!” Читал я в компании из местных мужичков и выжал у них много глубокомысленных словечек насчет души человеческой, а один даже всплакнул» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 43). Ч.Ветринский (Н. Л., 24 июля) увидел в «жесткой правде» рассказа отголосок впечатления, произведенного «Воскресением» Толстого (см. также Н.Геккер, Од. Нов., 14 июля). Героиня Чирикова «может быть уподоблена как бы Орлеанской деве русской проституции», «мстящей обществу за свой позор» ([И.И.Ясинский], «Садовая литература», Еж. Соч., № 8). К «миру погибших с легкой руки г. М.Горького» уже «проторены тропы»; Чириков «прав в своем тысяча первом протесте», но он напрасно прибегает «к столь утрированным драматическим эффектам» (Кн. Нед., Из рус. изд., «Благородный скандал»).

К.Бальмонт — «Три стихотворения» («Ведьма», «Родник» и «Придорожные травы»), посвященные М.Горькому («Жизнь», № 6).

«А что Вы скажете о стихах Бальмонта? — спрашивал Горький И.А.Бунину. — Мне, грешному, «Ведьма» очень понравилась. Знай я, где он живет, — поблагодарил бы поэта за внимание, ей-богу, очень для меня лестное. Ваш брат, поэт, — аристократ, и Ваша похвала всегда дороже всякой критики и всякой публики и т.д.» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 43).

Ф.Сологуб — «Для чего в пустыне дикой / Ты возник мой вешний цвет? / ...Если в мире нет святыни / И надежды в небе нет» (Кн. Нед., № 6).

В. Розанов — «Судьбы нашего журнального консерватизма» (Н. Вр., 30 июня). «Русский вестник», не появляющийся уже два месяца, перешел к новому владельцу А. Филиппову, ранее купившему «мертвую душу» скончавшегося «Русского обозрения» и собирающемуся, по-видимому, открыть «оптовый склад умершего консерватизма».

По поводу этой статьи В. Г. Короленко писал 9 июля Ф. Д. Батюшкову: «Пусть теперь Розанов делает из своих ангельских перьев выводы плоско-либеральные и добронамеренные, мне это, извините, наплевать... в искренность такого человека, в искренность его мысли — я не верю. Он просто почувствовал, что на этом кликушестве далеко не уедешь, и начинает упражняться в другом направлении... Но приемы его те же, никуда не годные, и место им в “Нов. Времени” настоящее. Придет новая минута, и он скажет: “Э! да ведь я опять ошибался. За настоящие-то перья держатся именно консерваторы!” Бог с ним и с его либеральной эволюцией. Дело это пустое. Самое большее — это симптом» (В. Г. Короленко. Письма. Пг., 1922, с. 150–151).

С. Дягилев — «Выставки» (Мир Иск., № 5–6). «Цельность и система» выставок сохранилась только в Обществе петербургских художников, вокруг которого сгруппировалось «все самое банальное, самое безвкусное и бездарное». Среди «передвижных болот», ежегодно таскаемых по всей России, нет былого единства: там есть Серов, Коровин, Левитан и Нестеров, а рядом «развязная банальность» Богданова-Бельского, «отвага режущих “правду-матку”» Касаткиных, Савицких и др. Нужна выставка, «которая будет служить искусству без “академической ветхости”», «петербургской пошлости» и «передвижной скорби».

6 июня С. П. Дягилев телеграфировал Ал. Н. Бенуа: «“Мир искусства” получил ежегодную субсидию на три года по пятнадцать тысяч в год». 10 июня то же сообщает Н. М. Минскому, добавив: «государь приказал выдавать из личных своих средств» (Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. М., 1982, с. 53–54). 15 июня Игорь Грабарь писал В. Э. Грабарю: «На парижской выставке в русском отделе искусства награды получили исключительно сотрудники “Мира искусства”» (В. А. Серов, П. П. Трубецкой, Ф. А. Малявин, К. А. Коровин, С. В. Малютин, А. Я. Головин и др.). «Когда царь узнал об этом, он сделал большие глаза... Значит они там в Академии меня надували, когда уверяли, что эти в “Мире искусства” — декаденты!.. Извольте

повелеть: выдавать редакции журнала “Мир искусства” по 15000 р. в год!» (Игорь Грбарь. Письма. 1891–1917. М., 1974, с. 133). 24 июня М.В.Нестеров писал А.А.Турыгину: «Дягилев получил от государя 45 тысяч руб. на ведение “Мира искусства” на три года — это выхлопотал Серов во время сеансов в Зимнем дворце» (Серов работал над портретом Николая II) (М.В.Нестеров. Письма. Л., 1988, с. 182). А.Бенуа в «Моих воспоминаниях» (М., 1993, т. 2, с. 288) сообщает, что «примеру царя последовали и несколько частных лиц»: С.С.Боткин, И.С.Остроухов и др.

М.Горький — «Рассказы». Т. I–IV (апр.–июнь). СПб.: изд. т-ва «Знание», 1900, тираж каждого тома — 12000 (т. IV — с посвящением А.П.Чехову).

«Успех громадный. Берут нарасхват», — писал К.П.Пятницкий Горькому 16 июля (Архив А.М.Горького).

«Читатели найдут в этих четырех томиках, — писал А.Б. [А.И.Богданович], — свежий и бодрый талант», «всепроникающий дух свободы, который веет от каждой строчки его произведений... Горький — великий оптимист, он любит жизнь, верит в людей, верит в себя и эту бодрую веру внушает и читателю. В этом его талант, его сила и значение». Но ему «не следует пускаться в публицистику» (Мир Б., № 8). «Нищие, бродяги, пропойцы, воры, от которых мы ограждаем себя и свою собственность законами, заборами и крепкими замками», изображаются «со всею жизненной правдой» и «оживляют в сердце читателя братскую любовь» к ним (А.Виницкая, Вест. Евр., № 5).

М.Меньшиков посвятил Горькому две статьи: «Из глубин народных пришел даровитый писатель и сразу покори себе всю читающую Россию». Эту шумную славу Меньшиков объясняет, помимо дарования Горького и того, что он «пришел как раз вовремя», его биографией, получившей известность в обществе*. «Нижегородский мещанин Пешков... заговорил в журналах, как власть имеющий, заговорил с художественной увлекательностью», рассказы — «целые поэмы преступной и грязной жизни, которая вся — протест, вся — ненависть против общества...» Явившись в момент обостренного внимания к пролетариату [Меньшиков, как и многие другие критики, ставил знак равенства между босяками и про-

* Горький, не раз выражавший недовольство по поводу опубликования биографических сведений о нем, писал 10 сентября В.Ф.Боцяновскому: «По справедливому замечанию г. Меньшикова, моя биография мешает правильному отношению ко мне» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 53).

летариями], Горький был взят «на разрыв» обоими лагерями — и марксистами и народниками. Для первых он явился «Гомером будущего, певцом героев, еще не пришедших, но уже выступивших в поход»; вторые — подчеркивали отрицательное отношение Горького к хваленому экономическому прогрессу. Меньшиков высказывает недовольство «цинической философией» Горького, которую он принял от «базельского мудреца» [Ницше] и в которой не только начисто отсутствуют элементы христианской морали, но и объявлена им последовательная борьба. Писатели-народники 60-х гг. «искали человека в звере», Горький «тщательно ищет зверя в человеке», «красивого, сильного, молодого, бесстрашного». Его вдохновляют «идеалы насилия, захвата, торжества, свободы», характерные для века нигилизма, дарвинизма, эстетизма, нищезанства, марксизма». По поводу «Песни о Соколе», которая пользуется бешеным успехом среди молодежи, критик замечает, что раньше поэты думали о «Боге великом» и о тихих ангелах, а «современный поэт заменяет ангела хищной птицей и поет “безумство храбрых”», что голос Горького является не голосом «кроткого» и религиозного русского народа, а голосом тех образованных слоев русского общества, которые приходят в восторг от одного слова «борьба» («Красивый цинизм», Кн. Нед., № 9).

Статья эта «очень понравилась» Л.Толстому, отозвавшемуся о ней в письме автору (т. 72, с. 462).

Во второй статье М.О.Меньшиков развил те же мысли. «Босые герои» Горького сами стремятся стать «оскорбителями и унижителями», примкнуть к «расе вождей»; его «бродяги» противостоят религиозному типу «странника» с его «всегдашним, естественным, народным способом спасения — отойти от гибнущего мира, отойти от зла»: «Не “безумство храбрых” спасает мир, его спасает мудрость кротких», вопреки «модному учению марксизма», восхваляющему «капитализм — орудие сильных» («Вожди народные», Кн. Нед., № 10).

Горький писал по поводу Меньшикова А.П.Чехову в сентябре: Он «прав, упрекая меня в романтизме, хотя не прав, говоря, что романтизм почерпнут мной у интеллигенции. Какой у нее романтизм! Чорт бы ее взял. В “Неделю” не пойду, некогда. ... Он — злой, этот Меньшиков. И он напрасно толстовит, не идет это к нему — и... только мешает развернуться его недюжинному, страстному таланту». В.Ф.Боцяновскому 5 ноября: «Меньшиков не возбуждает особенного моего внимания к себе, но он — мой враг по сердцу (ибо кротость мудрых — не уважаю), а враги очень хорошо говорят правду» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 61, 65).

Другие претензии предъявил «блестящему дарованию» Горького Тихон Полнер, выразивший опасение, что над Горьким тяготеет «проклятие больших русских художников» — стремление учить жить, а так как «определенного знамени» у него нет, то он пускает в ход «возвышающий души обман». Далее Полнер предлагает прислушиваться «к разумным соображениям ужа», так как «свободные полеты вольных птиц... иной раз дорого обходились человечеству» (Кур., 2 и 16 окт., 1 ноября). Андреевич [Е.А.Соловьев] писал, что «отвращение к жизни» у босяков «не переходит в апатию» — они «жадно хотят жить» и «ни словом не поминают о Боге». Критик видит в Фоме Гордееве протест против «мещанского миропонимания», но протест «босяцкий, пролетарский» [эти понятия Андреевич сближает], так как «ничто героическое не дается ему... Страшная драма полной духовной слепоты и духовной немощи разыгрывается перед нами...» («Вольница», «Жизнь», № 6).

Июль

С.Елпатьевский — «В подвале» (Р. Бог., № 7).

Критика сопоставляла рассказ Елпатьевского с чеховским «Человеком в футляре», так как в нем поднята та же тема — «страх многих русских людей пред всем сильным, ярким, своеобразным» (Ч.Ветринский, «Журнальные заметки», Н. Л., 13 авг.; то же в Кн. Нед., № 10).

З.Гиппиус — «Сумерки духа» («Жизнь», №№ 5–7).

Если не считать мимоходом брошенного замечания А.Богдановича о «несомненной оригинальности» нового романа Гиппиус (Мир Б., № 10), отзывы были сплошь отрицательные, причем многие отмечали непоследовательность редакции «Жизни», устраивающей на своих страницах «удивительную окрошку из марксизма и декадентства» (Н.Геккер, Од. Нов., 14 июля). «В болезненных ощущениях больных людей г-жа Гиппиус старается постичь какую-то... “тайну”, недоступную обыкновенным смертным» (Ч.Ветринский, Н. Л., 24 июля). «Совсем галиматья» (В.Гольцев, Кур., 11 авг.). «Философия сама по себе, а перипетии драмы сами по себе», а в общем — «тусклое, бледное и вымученное творение» (Тихон Полнер, Кур., 28 авг.). В.Буренин в отзыве на роман Гиппиус привел «письмо читателя», который просит защитить его от «разнузданности» современной литературы (Н. Вр., 11 авг.). «В романе проводится мысль, что в любви мы постигаем тайну мироздания, что любовь есть нечто всеобъемлющее»; но у Гиппиус по-

бедило не «светлое начало», а «тьма» (Кн. Нед., № 9, Из рус. изд.).

22 июля умер И.И.Левитан. «Имя же его в истории русского пейзажа начерчено яркими буквами...» — писал 30 июля М.В.Нестеров (Письма. Л., 1988, с. 185). «Великий поэт природы русской», передавший «свежесть тургеневского утра, аромат толстовского сенокоса», «меткость чеховских штрихов» (С.Дягилев, «Памяти Левитана», Мир Иск., № 15–16). «Влияние таланта Левитана широкой волной разливалось по всей живописи молодых русских художников» (С.С.Голоушев, Кур., 24 июля).

31 июля умер Вл.С.Соловьев. В ряде некрологов ([В.А.Мякотин], Р. Бог., № 8; Андреевич [Е.А.Соловьев], «Жизнь», № 9; П.С. [П.Б.Струве], Мир Б., № 9; М.Ф. [М.М.Филиппов], Науч. Обзор., № 9) подчеркивалось, что, при всем несогласии с философскими, религиозными и политическими воззрениями Вл.Соловьева, демократия ценит гуманность, ум и блестящее литературное дарование скончавшегося философа и поэта, а также ряд его публицистических выступлений (полемика с Н.Н.Страховым о славянофильстве, осуждение национальной и религиозной нетерпимости, протест против смертной казни, отстаивание духовной свободы человека и т.п.). «Красивая импозантная фигура сошла с литературной сцены... — сожалел П.Ф.Якубович в неподписанном отзыве, — он был богослов, философ, публицист, оратор, поэт, критик и даже юморист», сочетал «мистика-аскета со свободным мыслителем», одно время «числился даже в рядах пострадавших за гражданские убеждения... Наконец, и наружность у него была в высшей степени эффектная, благородная, напоминающая собою лик Христа...» (Р. Бог., № 10, отд. II, с. 46). Н.К.Михайловский в поминальных словах о Вл.Соловьеве отметил его «плутания по безграничному полю мысли» и верность «одной своей коренной святыне — свободе мысли и слова»* (Р. Бог., № 9, отд. II, с. 132). Андреевич [Е.А.Соловьев] подчеркнул оптимизм покойного философа, его «проповедь торжества конечного» — «будущая теократия должна сменить власть Антихриста» («Жизнь», № 9). Умер «светоч нашей... философско-религиоз-

* В 1891 г. Вл.Соловьев хлопотал о Н.К.Михайловском, высланном из Петербурга (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 100).

ной мысли», — писал В. Розанов; «задушевная его область» — поэзия, в критике ему недоставало спокойствия и чувства действительности (Мир Иск., № 15–16). Он изменил тип религиозности, перейдя от «Бога быта» к Богу как закону индивидуальной совести (Н. Вр., 20 авг.). «Одни ценили в нем только публициста, другие — критика, третьи — философа», почти всем было чуждо его учение «Положительного Всеединства». «Мы смело можем признать его одним из великих художников слова не только русской, но и мировой литературы» (С.Н. Трубецкой, Вест. Евр., № 9). «Редкое сочетание самых драгоценных качеств ума и сердца», «оригинальный мыслитель, философ и поэт, он в то же время обладал остроумием в духе Козьмы Пруtkова, был замечательным полемистом» (Л.З. Слонимский, Вест. Евр., № 9). «Бессмертными» его сочинения делают сочетание «мистицизма, глубоко коренящегося в русских людях», с рационализмом, а также «удивительный блеск его языка» (Э.Л. Радлов, Журн. Мин. Нар. Просв., № 9).

В июльском номере английского журнала «The Athenaeum» Бальмонт сообщает об образовании издательства «Скорпион», «вокруг которого сгруппировались молодые поэты» (названы Брюсов, Балтрушайтис, Поляков и др.), «имеющие отношение к символизму и импрессионизму». По этому поводу А.Б. [А.И. Богданович] иронизировал: «К великому стыду своему, — мы должны признаться, что наречение “Скорпиона” прозвали и имена знаменитых молодых поэтов “Балтрушайтис” и “Поляков” ничего не говорят нашему сердцу», Брюсов же известен строчкой «о закрой свои бледные ноги!» (Мир Б., № 8, с. 13–14).

В автобиографии Брюсов рассказывает: «С самого основания книгоиздательства [“Скорпион”] я принял в нем самое деятельное участие, сначала чисто дружеское, позже официальное...» (Русская литература XX века (1890–1910). Т. I. М., 1914, с. 113).

Август

Л.Н. Толстой работает над драмой «Труп» (ЛЖТ Толстого, с. 357–358).

А.П. Чехов пишет пьесу «Три сестры», с нетерпением ожидаемую Художественным театром (ЛЖТ Чехова, с. 629–632).

Во второй половине августа М. Горький сообщает Чехову, что пьеса, начатая по его настоянию, «благополучно скончалась» на третьем акте: «...Драму все-таки напишу. Непременно!» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 47).

James Lynch [Л.Н. Андреев] — «Москва (Мелочи жизни)» (Кур., 20 авг.). О Художественном театре — «маленький театр, такой молодой, но такой уже умный, такой привлекательный. Узкой дверью в мир нового искусства явился он и сразу стал образцовым», каждая его постановка — событие «не только художественное, но и общественное».

С 14 августа В.Я. Брюсов принял на себя обязанности секретаря журнала «Русский архив», выходящего под редакцией П.И. Бартенева. В этой должности он пробыл три года, напечатав в журнале ряд статей и библиографических заметок (Н.А. Шук и н. В. Брюсов. М., 1929, с. 132–133).

Ив. Бунин — цикл стихов «Из путевого альбома» (Мир Б., № 8).

Н. Тимковский — повесть «Кочерыгины» («Жизнь», № 8): тема обывательского существования.

25 августа Горький пишет Л.В. Средину: «Чехова ругают? Это ничего! Я берусь раздавить всех его хулителей разом, пусть только выйдет собрание его сочинений... У меня готов план статьи о Чехове, и я буду обращаться в ней с публикой, как с китайцами. Люблю бить по морде публику! ... О Чехове можно писать с громом, с треском, с визгом от злобы и наслаждения» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 48–49).

Андреевич [Е.А. Соловьев] — последняя глава цикла «Вольница» («Жизнь», № 8). Выступил против тех, кто смотрел на босяков Горького с этнографической точки зрения и находил их «слишком уж умными и даже начитанными». Между тем в горьковских босяках, «возвышающихся до символизма», изображено «мятежное восстание против условностей... борьба с мещанскою пошлостью». Отрицательное отношение Горького к культуре и интеллигенции не имеет ничего общего с толстовским отрицанием культуры, так как не против интеллигенции в истинном смысле слова выступает Горький, а против «мещанской культуры», против интеллигентов типа Полканова [«Варенька Олесова»], зараженных «мещанской проказой, мещанской при-

ниженностью духа, мещанским самодовольством». Герои Горького «не могут назвать своих врагов по имени», они раздавлены «стихийными процессами жизни», и этим объясняется «пессимистическая нотка» писателя, «вошедшего в самый круговорот современной мысли».

А. Чехов — «Повести и рассказы». СПб.: изд. А.Ф.Маркса, 1900, тираж — 28000.

«Это лишь пробы шаловливого и еще не достигшего литературного совершенства таланта» (А.Басаргин [А.И.Введенский], Моск. Вед., 30 сент.).

К.М.Фофанов — «Иллюзии. Стихотворения». СПб.: изд. А.С.Суворина, 1900, тираж — 2000.

В этом огромном томе, в 500 страниц, охватывающем лишь последние 5 лет творчества поэта, перед нами встает «удручающая скукой и безжизненностью пустыня с редкими цветущими оазисами», напоминающими прежний «певучий, пленительно-музыкальный стих» Фофанова; в его поэзии, «несомненно более чистой и благородной, нежели верленовская, есть все же больные, мистические струны», за которые «ухватились наши российские цимбалы», «начавшие уверять молодого поэта, что он — законченный и прирожденный глава русского символизма» ([П.Ф.Якубович], Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). А. [Андреевич-Соловьев] находил, что Фофанов — «поэт маленькой человеческой души», не соприкасающейся с исторической эпохой. «Для обильной лирики у Фофанова слишком мало душевного содержания», поэтому перед нами не «Иллюзии», «а вполне реальная неодолимая груда бумаги» («Жизнь», 1901, № 1). А.Б. [А.И.Богданович] писал об «искренности чувства», которая выделяет Фофанова из рядов современных поэтов; лучше всего ему удаются картины природы, любовная поэзия «расплывчата и туманна», а поэмы скучны и длинны, так как Фофанов менее всего эпик, «чужая душа закрыта для него» (Мир Б., № 12). Восторженная заметка появилась в «Ежемесячных сочинениях» (№ 10), где Фофанов был назван «истинным поэтом», «предшественником Бальмонта», при этом отдавалось предпочтение его «звонкому стиху» перед «размеренною прозой» Некрасова.

И.Коневской писал В.Я.Брюсову 21 апреля о новом сборнике Фофанова: «этот поэт безличного недвижного восторга удержался на той же точке напряжения и отчасти даже превзошел ее. Что ни говорите — это самый свободный поэтический голос в нынешней русской поэзии» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 508).

Сентябрь

4 сентября Горький принят в состав товарищества «Знание» (ЛЖТ Горького, с. 278).

11 сентября В.Г.Короленко переезжает на постоянное жительство в Полтаву, не прерывая редакторской работы в «Русском богатстве» (В.Г.К о р о л е н к о. Полн. посмертное собр. соч. Харьков, 1929. Т. 5, Биограф. канва).

13 сентября Горький пишет В.В.Вересаеву о своем огорчении по поводу намерения Вересаева уйти из журнала «Жизнь»: «Жаль Поссе, который положил в него много души и силы, но я думаю, что вы поступаете — хорошо. Я и Поссе советую уйти. Уйдет Поссе — я уйду. Но пока он там — я буду с ним, хотя бы 10 Соловьевых танцевали пьяный танец» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 54). Вересаев ответил 16 сентября: «Почему же Вы не можете поступить так же хорошо?! Вересаев для “Жизни” — орнамент на карнизе дома... Горький для нее — главная свая в фундаменте, и удалить ее — все здание сейчас же развалится... Мы переживаем смутное и тревожное время. Мысль ищет основ и выходов, и все бредут в разные стороны. Господи, если нет общего пути, если нет человека, который бы объединил всех ищущих и повел их к намеченной цели, — то пускай же люди хоть искренно и честно ищут этих путей! И вот почему я зываю: о, “Новое время”, о “Россия”, возьмите себе от нас все таланты, способные на “пьяные танцы”, поглотите их в своих ямах, как поглотили Буренина, Амфитеатрова, Дорошевича и прочих» (Архив А.М.Горького).

А.Свирский — повесть «Преступник. Записки арестанта» («Жизнь», №№ 8, 9).

Л.Мельшин [П.Ф.Якубович] — рассказ «Пасынки жизни» (Р. Бог., № 9); о нищенском существовании почтовых служащих.

Ив.Бунин — цикл стихотворений «Акварели» («Жизнь», № 9).

Андреевич [Е.А.Соловьев] — «Очерки текущей русской литературы (о людях красных, серых и ультрафиолетовых)» («Жизнь», № 9). К первой категории критик относит героя

60-х годов, отказавшегося от личного счастья, ко второй — героя современной беллетристики, к третьей — героев декадентских произведений вроде «Альмы» Н. Минского. Истинного «героя нашего времени», отражающего «пафос эпохи», критик видит в представителе того класса общества, который заявит «Я не прошу, а требую» и проявит «силу, мужество, а потом и полновластие».

Андреевичу-Соловьеву возражал В. Г. Подарский [Н. С. Русанов]: «“Жизнь” вообще и г. Андреевич в частности выражают собою до некоторой степени антитезу русского идейного движения 60-х и 70-х годов», которое критик к тому же «плохо знает» (Р. Бог., № 12).

Old Gentleman [А. В. Амфитеатров] — «Литературный альбом» (Рос., 19 сент.). В современной литературе Бальмонт «играет роль как бы двуликого Януса»: одно лицо, переводчика, «озарено светом ума, таланта, трудолюбивых и почтенных вдохновений». Другое, «декадентствующего поэта» — «маска плутоватого дурачка, полушарлатана, полуюродивого».

В сентябре «Скорпион» задумал издать альманах, вышедший уже в следующем году под заглавием «Северные цветы». Один из организаторов В. Брюсов записал в дневнике, что альманах «прельстил почему-то Бунина, и у него началась погоня за литераторами, стали мы “альманашниками”. Бунин писал Максиму Горькому, тот отвечал: “Альманах? Могу”. В субботу, кажется, мы виделись с Горьким в Большой Московской. Как всегда, он в рубахе. Усы мужицкие. Полунамеренная грубость речи... Мне очень руку пожимал, просил прислать книгу.

— О вас давно наслышан. Интересуюсь очень. Вот Иван Алексеевич читал. Прелестъ» (В. Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 91). Горький сообщает о своем знакомстве с Брюсовым А. П. Чехову: «Очень он понравился мне, — скромный, умный, искренний» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 60). Однако участия в альманахе Горький не принял, хотя у него и явилось желание «позлить» публику (см. упом. письмо к Чехову, а также письмо к Брюсову от 12 января 1901 г. Там же, с. 92).

В середине сентября Горький пишет А. П. Чехову: «Художественный театр — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве. Не любить его — невозможно, не работать для него — преступление, ей-богу!» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 55).

28 сентября А.П.Чехов пишет О.Л.Книппер: «Я того мнения, что Ваш театр должен ставить только современные пьесы, только! Вы должны трактовать современную жизнь, ту самую, какую живет интеллигенция и какая не находит себе трактования в других театрах, за полную их неинтеллигентностью и отчасти бездарностью» (т. 9, с. 125).

29 сентября М.О.Меньшиков просит Л.Н.Толстого поддержать редактируемую им «Неделю»: «Хотелось бы, чтобы Ваше невидимое присутствие чувствовалось заметнее, чем теперь». Толстой ответил 14 октября: «...наши отношения с вами — людей, видящих друг в друге сотрудников не журнала, а дела жизни, — настолько для обоих нас важны, что редакторские дела не могут помешать им» (т. 72, с. 484–485).

В связи со смертью Ф.Ницше и В.Либкнехта Н.К.Михайловский писал, что Европа похоронила двух людей, которые «принадлежали не только своей родине, Германии». Один — «индивидуалист, аристократ», другой — «социалист и демократ», «вернейший из учеников Маркса, принужденный присутствовать под конец своей жизни при шатании, казалось, неколебимых доктрин своего учителя». Но несмотря на «полярную противоположность», оба были людьми, «искренно и трудно искавшими истину и с разных сторон к ней приблизившимися, хотя и не достигшими ее» (Р. Бог., № 9, отд. II, с. 132).

Андреевич [Е.А.Соловьев] — «Книга о Максиме Горьком и А.П.Чехове», «с приложением автобиографии Горького и портретов Горького и Чехова». СПб., 1900, тираж — 3000. Книга составлена из статей, ранее печатавшихся в «Жизни».

«Несмотря на восторженный панегирик г. Андреевича, настоящее значение произведений М.Горького остается необъясненным» (Т. [А.Н.Пыпин], Вест. Евр., № 12). Северов [П.О.Морозов] отмечал важность книги для современности, но выражал недовольство тем, что Горький поставлен на первом плане, а Чехов пристегнут «для контенанса» (Нов., 5 окт.). В.Буренин не согласился с высокой оценкой творчества Горького в книге Андреевича и зачислил Горького «в ряды таких крупных второстепенных писателей, как Гаршин, Гл.Успенский, Лесков, В.Слепцов, Левитов, Ник.Успенский, Короленко, ну, пожалуй, Чехов» (Н. Вр., 13 окт.).

Иннокентий Анненский — «Миф об Оресте у Эсхила, Софокла и Еврипида. Этюд». СПб., 1900 (оттиск из журн. Министерства народного просвещения, 1900, № 7–8), тираж — 200.

Сообщая об отсылке этой работы в редакцию, И.Ф. Анненский писал А.В. Бородиной 29 ноября 1899 г.: «Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего...» (Книги отражений. М., 1979, с. 447).

Октябрь

2 октября Л.Толстой пишет А.Файфильду, заведующему английским филиалом издательства «Свободное слово»: «Издавая так, как вы издаете, вы исполняете самое близкое моему сердцу желание иметь своим читателем большую публику, рабочего, трудящегося человека и подвергнуть свои мысли его решающему суду» (т. 72, с. 473).

8 октября М.Горький и В.А.Поссе посещают Л.Толстого в Ясной Поляне. 11–12 октября Горький писал А.П.Чехову: «Статьи Льва Николаевича “Рабство нашего времени”, “В чем корень зла?” и “Не убий” — произвели на меня впечатление наивных сочинений гимназиста. Так все это плохо, так ненужно, однообразно и тяжело, и так не идет к нему. Но когда он, Л.Н., начал говорить о Мамине — это было чорт знает как хорошо, ярко, верно, сильно! И когда он начал передавать содержание “Отца Сергия” ... я слушал рассказ, ошеломленный и красотой изложения, и простотой, и идеей» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 62).

15 октября Л.Н.Толстой пишет дочери, М.Л.Оболенской: «Последние дни густо шел литератор. Началось с Веселитской, потом молодой марксист Тотомьянц из “Северного курьера”, потом Поссе, редактор “Жизни”, потом Горький, потом Немирович-Данченко. Это все от того, что прошел слух, что я написал драму, а я только набросал» (т. 72, с. 487).

10 октября в Москве отмечалось 40-летие литературной деятельности П.Д.Боборыкина. Сам юбиляр сказал, что 40 лет литературного служения сопровождались 25-ю годами глумления и 15-ю — пренебрежения. Накануне, 9 октября, в Малом театре состоялась премьера пьесы Боборыкина «Накипь» (см. наст. Летопись, декабрь 1899 г.), на которой после четвертого акта

часть публики выразила свое неодобрение (Н.Рок [Н.О.Ракшанин], Нов., 14 окт.). «На юбилее Боборыкина занимались преимущественно итогами количественными... За сорок лет им написано 100 томов... творчество измерили кубическими метрами и разошлись по своим делам»; это «художник-корреспондент» без «руководящей идеи», однако необходимый наряду с «художниками-учителями» (Андреевич [Е.А.Соловьев], «Жизнь», № 12). Боборыкин всегда тревожил «сонную, заплевывающую жизнь»; в «Накипи» «затронул три самые живые, яркие и крупные проблемы... современности: декадентство, капитализм и нищезанятие» и предложил всего один путь бегства от них — помощь голодающим (James Lynch [Л.Н.Андреев], Кур., 15 окт.). Внушает уважение «несокрушимая энергия, жизнелюбие его писательского дарования», умение «нарисовать новую и яркую картину» (А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 11). «Типичный интеллигент-эклектик» (А.Басаргин [А.И.Введенский], «Писатель без литературного облика», Моск. Вед., 15 окт.). Боборыкин «изображает смену наших общественных настроений»; в этом «вся сила и все значение» его. Недостаток его таланта «не внешний, а внутренний... У него нет любви и ненависти... к своим героям... Он зоркий, но хладнокровный, любопытный, но равнодушный наблюдатель» (Кн. Нед., № 11, «Месяц о Боборыкине»). «Вместо серьезной критики произведения его встречали чаще молчание, или насмешку», хотя его право на внимание публики росло с каждым годом. «Сторонник, в принципе, авторского бесстрастия и объективизма, он на самом деле относился к изображаемому им далеко не безразлично» (Вест. Евр., № 11, Из общ. хроники). В статье, посвященной 40-летию литературной деятельности Боборыкина, З.А.Венгерова отмечала, что в противоположность западным романистам он — оптимист, «верит в человека», и в этом свойстве заключен его главный недостаток, ибо для того, чтобы обличать темные стороны жизни, «необходимо верить в истину, лежащую вне человека», в противном случае «художественное творчество сводится к исторической летописи» (Обр., №№ 11, 12).

Ив.Бунин — «Листопад. Осенняя поэма», с посвящением М.Горькому, и рассказ «Антоновские яблоки» (Картины из книги «Эпитафии») («Жизнь», № 10).

Бунин пишет «красиво, умно, красочно, читаешь его с удовольствием и все никак не можешь дочитать до главного», так как он «описывает все, что попадает под руку». «Настроения» у него ис-

кренные, но «как много ему нужно строк и строчек, чтоб выразить их» (Неизвестный [И.Н.Потапенко], Рос., 10 ноября). «Старая полоса русской жизни в ее поэтических чертах, поэзия “дворянских гнезд” оживает в набросках г. Бунина. Но эти гнезда давно уже разорены или разоряются неумолимым напором новой экономической жизни... Какой общественный смысл имеет эта идеализация впечатлений времени и среды, от идеала очень далеких?» Однако «элегичность» тона можно простить Бунину, так как он все же «хоронит прошлое, как милое его сердцу» (Ч.Ветринский, Н. Л., 11 ноября). Рассказ Бунина напоминает «лучшие страницы воспоминаний С.Т.Аксакова»; несмотря «на грустные изменения», автор все же улавливает «связь между прежней и теперешней жизнью» (Кн. Нед., № 12, «Идиллия старинного быта»).

«А еще большее спасибо за “Яблоки”, — писал М.Горький Бунину около 25 ноября. — Это — хорошо. Тут Иван Бунин, как молодой бог, спел. Красиво, сочно, задушевно. ...Злой и глупый отзыв Потапенко в “России” — смешон. Недурно написал Чехин-Ветринский в “Нижегородском листке”...» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 72).

Леонид Андреев — «Первый гонорар» (Кур., 10 и 12 окт.); «Рассказ о Сергее Петровиче» («Жизнь», № 10).

Второй рассказ автор считал наиболее значительным из своих ранних произведений (письмо к А.А.Измайлову от апр. 1901 г. Р. Л., 1962, № 3, с. 195). «“Рассказ о Сергее Петровиче” — писал в октябре 1901 г. Горький автору, — хорошая, умная и тонкая вещь, — представьте! Раньше это не нравилось мне, а теперь вот прочитал и сказал — ого!» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 170).

Изображая «неспособное к жизни существо», Л.Андреев не относится к людям «злобно-раздражительно», но герой его «взят без всякого отношения ко времени и пространству», не показана общественная атмосфера реакции, на фоне которой была бы понятна его смерть (И. [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 18 ноября). В.Г.Подарский [Н.С.Русанов] считал, что «Рассказ о Сергее Петровиче» не отличается психологической убедительностью (Р. Бог., № 12). «В слепой и равнодушной силе, рождающей и убивающей нас, нечего искать разума и справедливости — таков итог наблюдений и впечатлений нашего автора. Но человек может внести в то кольцо, которым смыкается жизнь и смерть, — и разум, и справедливость. Сумел же, — по-своему, конечно, — разрешить задачу жизни и смерти Сергей Петрович» (Н.К.Михайловский, Р. Бог., 1901, № 11).

А.М.Федоров — драма «Старый дом» («Жизнь», № 10).

В основном конфликте пьесы между выродившимся дворянином Палаузовым, хозяином «старого дома», и потомком крепостных крестьян Силуяновым, олицетворяющим новые, демократические силы жизни, критика не без основания видела отзвуки горьковского «Мужика». В монологах Силуянова находили прямые совпадения с высказываниями Шебуева (И. [И.Н.Игнатов], Р. Вед., 18 ноября; А.Б. [А.И.Богданович], Мир Б., № 12). Критика отмечала также подражательный характер пьесы, испытавшей на себе самые разные влияния: Чехова и Потехина, Метерлинка и д'Аннунцио (Неизвестный [И.Н.Потапенко], Рос., 10 ноября; Кн. Нед., № 12, «Модная подражательность»; В.Г.Подарский [Н.С.Русанов], Р. Бог., № 12; Я.А.Фин [Фейгин] «Письмо о современном искусстве», Р. Мысль, 1901, № 1).

П.Ф.Гриневич [Якубович] — «Надсон и его неизданные стихотворения» (Р. Бог., №№ 9 и 10). Начиная с 1887 г. стихи Надсона издаются почти каждый год по 6000 экз. (Всего — 87100). Этот «феноменальный успех» объясняется тем, что он был не только «певцом большого поколения», но и «певцом юности», ее «порываний к идеалу». 15 лет наша поэзия «бессильно бьется в цепях подражания Надсону», как раньше «в путях некрасовской манеры». Чтобы выработать «новую оригинальную форму», нужен «огромный поэтический талант», а не «мерные звуки» Минского, воспевающего «свободу от долга, чести и любви к родине», не «дерзновенный смех» Мережковского «над всем, что было до сих пор свято и дорого», не «гимны Бальмонта — мору, чуме, убийству, палачам и Нерону» и не прочая «уродливая, больничная поэзия вампиров и демонов».

В.Буренин откликнулся призывом «развенчать легенду» о Надсоне, который хорошо расходуется из-за «дешевизны» содержания и цены: это «поэзия гимназистов старшего возраста, кадетов, курсисток, вообще... “зеленой”, недоразвитой публики» (Н. Вр., 27 окт.).

В.Брюсов — «Tertia vigilia. Книга новых стихов. 1897–1900». М.: Скорпион, 1900, тираж — 600. В предисловии автор указывал на свои литературные симпатии к Пушкину и Майкову, Тютчеву и Фету, Баратынскому и Некрасову. Главная задача «нового искусства» — «даровать творчеству полную свободу».

В конце октября Брюсов дарит книгу находящемуся в Москве Горькому с надписью: «Максиму Горькому, сильному и свободно-

му, жадно любящий его творчество Валерий Брюсов» (ЛЖТ Горького, с. 285). Горький откликнулся на сборник рецензией (Н. Л., 14 ноября): «Относясь к задачам поэзии более серьезно, Брюсов все же и теперь является пред читателем в одеждах странных и эксцентричных, с настроением неуловимым и с явно искусственным пренебрежением к форме и красоте стиха. Он воспевает Гекату и Изиду, посвящает стихи Александру Великому, Кассандре, воспевает Клеопатру, Орфея и многих других покойников, в одном стихотворении разбудил Рамзеса... Стихи Брюсова читать трудно, они шероховаты, подавлены претенциозностью и не остаются в памяти». Среди удачных стихотворений Горький отмечает «Сказание о разбойнике» и «На новый колокол», в которых «прекрасно выдержан народный склад речи».

26 ноября Горький писал Брюсову: «Что Вы читали мою заметку о Ваших стихах, мне, признаться, это неприятно. Заметка — глупая, говоря по совести. А Вы — лучше Ваших стихов пока. Мне искренно хочется, чтоб было наоборот, ибо наоборот — выгоднее для искусства» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 73).

8 ноября К.К.Случевский писал Брюсову: «...Неужели Вы не могли поступиться многими вещами... Иногда, при слушании, мне становилось не только досадно, но прямо-таки обидно» (Нов. Лит. Обзор., 1996, № 18, с. 249).

Андреевич [Е.А.Соловьев] отзывался о сборнике Брюсова: «Стихи как стихи; есть даже недурные, звучные, красивые, но все без исключения удивительно ненужные, даже в высшей степени ненужные». «Здоровый индивидуализм», который проповедовали 30–40 лет назад, не имеет ничего общего с «хищническим индивидуализмом Мережковского, Минского, Брюсова и Бальмонта, принятым у Ницше, Штирнера, Малларме, Метерлинка и др. Этот индивидуализм отъединяет личность от социального процесса и в конце концов не обогащает, а кастрирует ее», являясь естественным порождением «хищнического капитализма» («Жизнь», № 12). «Московские ведомости» (7 ноября) писали, что, оставив «бессмысленные вирши» и пробуя писать «как все», Брюсов «только наглядным образом выставляет свое литературное убожество». И.И.Ясинский в безымянной рецензии замечал, что Брюсов не только поэт, но и мыслитель и стоит на верной дороге (Еж. Соч., № 12). П.Ф.Якубович в неподписанной рецензии обращал внимание «на двусмысленное отношение» к поэту «с некоторым... дарованием», тогда как Бальмонт, Мережковский, Минский и Сологуб «принимаются и публикой и критикой всерьез»; причина в «декадентских претензиях», сказавшихся и на внешнем виде книги, хотя «внутри есть и кое-что новое» («Сказание о разбойнике»);

судя по заявленной «равной любви» к русским поэтам, он «сделался просто индифферентистом в искусстве» (Р. Бог., 1901, № 3).

В.Саводник утверждал, что «в произведениях Брюсова замечается явное преобладание мысли». В разделе «Любимцы веков» поэт обращается к величественным образам минувших времен, которые сильнее, чем окружающая действительность, привлекают его внимание, потому что являются «воплощением, олицетворением силы... Упоение силы, могущества, гордости, вот чего ищет поэт в дали минувшего, вот отчего преклоняется с благоговением перед величественными образами царей и героев». В разделе «Город» «ближайшее будущее представляется поэту в виде громадного бесконечного разросшегося города»; «дряхлое человечество, создавшее "город", сойдет со сцены, погибнет вместе с своей гордой цивилизацией; придут новые племена, начнется новая, иная жизнь, полная дикой кипучей силы и стихийной свободы» (Р. Вест., 1901, № 9, «Современная русская лирика»).

Впоследствии Брюсов писал в автобиографии: «С "Tertia vigilia" началось мое "признание" как поэта. Впервые в рецензиях на эту книгу ко мне отнеслись как к поэту, а не как к "раритету", и впервые в печати я прочел о себе похвалы (М.Горького, с которым мне приходилось встречаться лично, И.Ясинского и др.)» (Русская литература XX века (1890–1910). М., 1914, с. 143).

28 октября Чехов и Горький присутствуют на спектакле «Чайка» в Художественном театре. В антракте произошло объяснение Горького с частью зрителей, слишком назойливо выражавших свое любопытство к нему. Газеты раздули этот «инцидент», искажая смысл слов, произнесенных Горьким, и обвиняя его в грубости и бестактности. Чехов в письме к А.С.Суворину от 16 ноября протестовал против того, что писали об этом «инциденте» в «Новом времени» разные «очевидцы». 18 ноября в «Северном курьере» появилось письмо в редакцию Горького, перепечатанное затем многими газетами. В нем Горький передавал действительное содержание своего обращения к публике, которая, «слушая полную огромного содержания пьесу Чехова, в антракте занималась пустяками», и выражал недоумение по поводу острого внимания прессы к этому «пустяковому происшествию». Разговор об «инциденте» не прекращался весь ноябрь. Были в печати и выступления в защиту Горького (Кур., 15 и 17 ноября, Л.-в [Л.Н.Андреев] и Н.Д.Телешов). Слово-Глаголь [С.С.Гусев] писал, что Горький, «поговорив с москвичами, сейчас же садится за статью о "писателе, который зазнался", и разрабатывает в ней сюжет, им самим нечаянно вы-

двинутый и по нечаянности же названный им сущим пустяком» (Од. Нов., 26 ноября).

В.Ф.Боцяновский — «Максим Горький. Критико-биографический этюд. С портретом и факсимиле М.Горького». СПб.: тип. А.Суворина, 1901, тираж — 3300. Автор книги собрал и проанализировал критические статьи о Горьком, появившиеся к тому времени в газетах и журналах.

5 ноября Горький писал В.Ф.Боцяновскому: «Книга Ваша — нравится мне, ибо в ней есть любовь. Вы, очевидно, очень любите литературу, это сверкает всюду в Вашем очерке... Думаю, однако, что обо мне еще рано писать серьезно и рано возводить меня в величину. Я, кажется, из тех, которые никуда не приходят, а все только идут» (Письма. Т. 2. М., 1997, с. 65).

Боцяновский считает биографию Горького «очень важным пособием для объяснения его сочинений». «Дарование М.Горького не подлежит сомнению», но судя по тем литературным течениям, которые им увлекаются и с ним сопоставляются (нищестество), — на его произведениях отражается «болезненность времени» (Т. [А.Н.Пыпин], Вест. Евр., № 12).

Ноябрь

11 ноября К.П.Пятницкий сообщает Горькому, что предпринимает новое издание четырехтомника его «Рассказов», по 10300 экз. каждый том (Архив А.М.Горького).

15 ноября в Петербурге, в Союзе писателей, отмечалось 40-летие литературной деятельности Н.К.Михайловского. В.Г.Короленко писал жене 17 ноября: «...Было набито битком, и пришлось отказывать очень многим за недостатком места... Читались не все адреса... Целую массу телеграмм не было никакой возможности даже прочесть... Редакторы петербургских газет и журналов... были приглашены к Шаховскому, который сообщил, что от Сипягина из Ливадии пришла телеграмма: ничего не писать в газетах о предстоящем юбилее... Ни слова же на следующий день. Но общего циркуляра, по-видимому, не было... Среди адресов было немало марксистских, в которых заявлялось о разногласиях, но и о глубоком уважении ко всей деятельности Михайловского. В этом же смысле... сказал Струве — умно и искренно. От молодежи множество адресов... К обеду пришла новая гора телеграмм и писем. На следующий день все еще приходила масса телеграмм, преимущественно из-

за границы. Вообще — все соглашаются, что ничего подобного по размерам в области литературных юбилеев еще не бывало» (Л. Г., 1992, 25 ноября).

22 декабря В.А.Горинов писал В.Г.Короленко из Н.Новгорода: «О юбилее Н.К.Михайловского мы здесь ровно ничего не знаем, — в здешних газетах вычеркивал цензор всякий намек на это событие» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 21, ед. 34).

Однако статьи общего характера, анализирующие деятельность Михайловского в целом, не упоминая о праздновании, могли появляться. Ч.Ветринский писал, что мировоззрение Михайловского до сих пор «вносит в жизнь нечто творческое и жизнеспособное», ибо во главу угла в нем поставлены интересы «гармонически развитой личности» (Н. Л., 15, 16 ноября).

Позднее В.М.Дорошевич вспоминал, что «предупреждения» редакциям делались устно, потому что начальник Главного управления по делам печати кн. Н.В.Шаховской не пожелал подписать такой циркуляр, «опасаясь смеха будущих историков» (Р. Сл., 1914, 28 янв.). Лишь одному В.Дорошевичу, под псевдонимом «Профан», коим в 70-е годы пользовался и Михайловский, удалось упомянуть о юбилее в статье о 40-летию танцовщика П.А.Гердта: «Человек шестидесятих годов. Современник Н.К.Михайловского. И оба юношески свежи и неутомимы. Один 40 лет головой проработал, другой — ногами... О голове — ничего, дозвольте хоть про ноги шестидесятих годов. Это можно!» (Рос., 5 дек.). В ответ Михайловский назвал В.Дорошевича «чрезвычайно остроумным писателем» (Р. Бог., 1901, № 4, отд. II, с. 141).

Редакция «Русского богатства» подготовила литературный сборник, посвященный Н.К.Михайловскому «На славном посту (1860–1900)», СПб., 1900 (среди участников В.Г.Короленко, П.Ф.Якубович, Д.Н.Мамин-Сибиряк, С.Я.Елпатьяевский, Н.Ф.Анненский, А.Г.Горнфельд, В.И.Семевский, Н.И.Кареев, К.К.Арсеньев, С.А.Венгеров, А.В.Пешехонов, В.А.Мякотин и др.). Сборник был задержан цензурой до начала 1901 г. (2-е изд. СПб., 1906).

Ник.Бердяев — «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском». С предисловием П.Струве. СПб.: изд. О.Н.Поповой, 1901, тираж — 2000. Автор трактовал Михайловского как «превосходного будильника мысли», но «человека 70-х годов, чуждого многим духовным запросам нашего времени»; «субъективная философия» дает «идеал будущего» вместо «научного прогноза». Отмечал и свои «точки соприкосновения» с Михайловским:

«святость человека как самоцели», противостояние социал-дарвинизму, самостоятельность этической точки зрения при всех оценках, исторических, социальных, экономических и т.д. П. Струве писал в предисловии: «Вопреки Бердяеву мы склонны индивидуалистическую тенденцию этики г. Михайловского зачесть ему в заслугу».

Книга Бердяева должна была появиться в конце октября, но издательница, О.Н. Попова, задержала ее, чтобы не совпасть с юбилейными празднествами. По этому поводу Н.А. Бердяев писал 7 ноября П.Б. Струве из Вологды, где находился в ссылке: «Вряд ли Михайловскому может быть особенно приятно, что его юбилей чествуется приостановкой выпуска книг и наложением временного запрета на свободную критику...» (альм. «Лица». Вып. 3. М.; СПб., 1993, с. 138). О реакции самого Михайловского на этот запрет писал 8 ноября А.И. Иванчин-Писарев П.Ф. Якубовичу: «Крупная новость — это письмо Николая Константиновича к Поповой с просьбой, чтобы она пустила в продажу книжку Бердяева... Попова обещала ... сегодня же пустить в продажу произведение Бердяева» (ИРЛИ, ф. 648, ед. 42).

А. Васильев отмечал, что П. Струве «гораздо с большей симпатией относится к г. Михайловскому, чем к представителям... “ортодоксального” марксизма». Одобрение рецензента вызывает критика Михайловского в «этюде» Бердяева, но не критика марксизма («Жизнь», № 12).

Скиталец [С.Г. Петров] — рассказ «Октава» («Жизнь», № 11); напечатан при содействии Горького, принявшего живое участие в судьбе безвестного фельетониста «Самарской газеты».

Критика отметила появление нового дарования, «может быть, не выдающегося, но бесспорного» и указала на некоторую идеализацию «души деревенского жителя» в сравнении с «огрубевшим сердцем городских обитателей» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 20 дек.; Ч. Ветринский, Н. Л., 22 дек.; Неизвестный [И.Н. Потапенко], Рос., 8 дек.). «Действительно ли деревня, остающаяся без влияния противоречий, характеризующих жизнь интеллигентов, дает такое успокоение?» — спрашивал И. [И.Н. Игнатов] и ссылался на первые страницы новой повести Горького «Трое», где деревня показана совсем иначе (Р. Вед., 23 дек.). В «Октаве» «предпочтение деревни городу принимает уже характер явной идеализации деревенских условий», а это симптом того, что «русский марксизм пытается отрешиться от своей односторонности» (В.Г. Подарский [Н.С. Русанов], Р. Бог., 1901, № 2). Рецензент «Книжек Недели» (1901, № 1) в заметке «Певчие-марксисты» указывал,

что герои «Октавы» в какой-то момент доходят «до выводов во вкусе неомарксистов “Жизни”, и восклицал: «Ах, г. Горький, ведь это вы виноваты в появлении на свете певчих-марксистов!» Скиталец — «не певец народной обездоленности, во вкусе Гл.Успенского» и «не оптимист, пытающийся представить русского мужика благодушным пейзажем» с «залежами добрых чувств, кротости и ангельского смирения» в духе Златовратского и Засодимского, хотя и его герой — «рыцарь без страха и упрека». Скиталец — «герольд той силы, которая поднимается со дна жизни» вместо «обесиленных интеллигентов»; «много точек соприкосновения с философией Горького» (А.Измайлов, «Новые веяния в народнической литературе», Бирж. Вед., 1901, 24 дек.).

К.Бальмонт — «Гармония слов» («Жизнь», № 11).

*Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,
И гармония красочных слов?*

*Почему в языке современных людей —
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?..*

Н.Минский — цикл «Сухие листья (I. Листопад. II. Под вихрем. III. Успокоение)» (Вест. Евр., № 11). Последнее стихотворение послужило одной из моделей для декадентских стихов Калерии в «Дачниках» Горького:

*...Испадайте, хлопья снега, скройте,
Усыпите, скрасьте, успокойте!
Вас, о хлопья снежные, мы ждем!
...Гризный прах, где страждем и бодем,
Осените чистым мавзолеем,
Хлопья снега, мрамор неземной...*

21 ноября умер А.К.Шеллер-Михайлов. В некрологах («Жизнь», № 12, Р. Бог., 1901, № 1) отмечалась кровная связь этого не обладавшего крупным дарованием писателя с настроением 60–70-х годов, связь, которая обеспечила ему популярность главным образом среди молодежи.

24 ноября В.Г.Короленко пишет жене из Петербурга: «Вчера — огромный скандал в Малом театре Суворина: ставили пьесу Литвина (Ефрона) и В.Крылова. Ефрон — выкрещенный еврей, Крылов — переводчик “Натана” (Лессинга), а

пьеса, прежде называвшаяся “Сыны Израиля” [СПб., 1899], — грубая антиеврейская стряпня, вызывавшая уже в провинции нападки публики и скандалы. К сожалению, режиссером Малого театра теперь — Карпов, который, вместо того, чтобы прямо отказаться режиссировать эту дрянь, пошел на какие-то уступочки: изменил заглавие (“Контрабандисты”), приделал глупо сентиментальный конец и т.д. Публика не могла, впрочем, и оценить этих стараний, так как сразу же начались шиканья и скандал. Карпов... вышел к рампе и стал остерить: “Извините, что я вас перебиваю” (т.е. перебивает свистки и т.д.). Кончить пьесу все-таки не пришлось: скандал вышел огромный» («Согласие», 1993, № 8–12, с. 197). О продолжении «контрабандистской истории» Н.Ф. Анненский, возглавлявший суд чести при Союзе писателей, писал В.Г. Короленко 19 декабря: «Не знаю, кто в этой истории лучше: Карпов с Сувориным и К^о или “Курьер” с Яворской... Карпов обвиняет Мордовцева в клевете на него. Группа членов Союза вносит в комитет предложение предать суду чести Карпова. Студенты подают в Союз петицию о предании суду Суворина-отца и т.д. и т.д. Я готов поступить, как Соломон, и сказать, что все правы в своих обвинениях друг друга. Но все-таки не желал бы быть судьей...» (РГБ, ф. 135, р. II, карт. 17, ед. 46).

Националистическая печать уверяла, что протесты «жидовского гагала» создали «неумышленную рекламу» пьесе, которая показывает «талмудический мирок», живущий «личной корыстью» и «узким племенным эгоизмом», «осужденными евангельским учением» (Ефим Простосердов [А.П. Пятковский], «Еврейские претензии на завладение русской сценой», Набл., 1901, № 1; то же: 1901, № 2). М. Чуносков [И.И. Ясинский] сожалел, что в «Контрабандистах», в сравнении с текстом «Сынов Израиля», сделаны уступки «еврействующему патриотизму» («Апофеоз Израиля», Еж. Соч., 1901, № 3). В то время, как «Сыны Израиля» (Ист. Вест., 1899, № 1) прошла «почти незамеченной», «антихудожественная, аляповатая, лубочная пьеса» «Контрабандисты» пробудила «стадный инстинкт любопытства», вызванный скандалом; «самый яркий юдофоб согласится, что пьеса тенденциозно утрирована» (Ник. Негорев [А.Р. Кугель], Т. и Иск., 1901, № 3).

Д.С. Мережковский — исследование «Л. Толстой и Достоевский» (Мир Иск., №№ 1–22, янв.–ноябрь).

С высокой похвалой отозвался В. Розанов: после сплошного непонимания, которое встретил Достоевский в русской критике, начиная с Добролюбова и Писарева и кончая Михайловским и Про-

топовым, он, наконец, дождался истинного толкования его творчества как религиозного (Н. Вр., 24 июня). П.Перцов использовал отзыв о работе Мережковского для нападок на «гаерские статьи» Михайловского и Скабичевского, характерные для «темного и слякотного» периода современной русской литературы, на фоне которого возможен «чудовищный успех Максима Горького», этот «громадный пуф» (Н. Вр., 17 ноября). Н.К.Михайловский в неподписанной рецензии писал: точка зрения автора пока «туманна и расплывчата», Толстой — «тайновидец плоти», Достоевский — «тайновидец духа», «оба они велики, но односторонни»; в будущем «на русской почве скажется новое великое слово»; «христианство, нищезанство и славянофильство сливаются в какой-то поток слов, звучных, красивых, полных воодушевления, но... какой смысл скрывается в них — дело темное» (Р. Бог., 1901, № 5, Нов. Кн.).

10 мая 1901 г. М.А.Волошин писал матери о работе Мережковского: «это самое глубокое, что было написано о Толстом и Достоевском» (Ежегодник РО ПД на 1973 год. Л., 1976, с. 151).

В.Я.Брюсов, ездивший в ноябре в Петербург, записывает в дневнике «Вечером у Бальмонта были Мережковские... Зашла речь о Горьком. Мережковский бранил его жестоко. Я защищал и не без успеха» (В.Б р ю с о в. Дневники. М., 1927, с. 96).

Ал.Бенуа — «История живописи в XIX веке. Русская живопись». Ч. I. СПб.: изд. т-ва «Знание», 1901, тираж — 5400.

Декабрь

М.Горький — начало повести «Трое» («Жизнь», №№ 11, 12), которое сразу же вызвало критические отклики.

В.Гольцев писал, что, в отличие от «Мужика», в этой повести у Горького твердая почва под ногами и пока мало философских рассуждений (Кур., 8 дек.). Неизвестный [И.Н.Потапенко] выражал неудовольствие, что в повести вновь выведены «подонки», от которых «мы должны ждать обновления и спасения». Там, «среди буйства, пьянства, разбоя, убийства и всевозможных пороков, воспитывается мальчик Илья, из которого по всем признакам автор сделает героя». Выражает надежду, что когда-нибудь опять вспомнят об интеллигенции, которая «была у нас единственным светильником», а «возна с босяками и пропойцами» — это «болезнь десятилетия» (Рос., 8 дек.). И. [И.Н.Игнатов] указывал,

что в повести не чувствуется прежнего бодрого настроения, а «витают та же безысходная, мучительная и неизбежная тоска, которую проникнуто, например, существование действующих лиц рассказа “В овраге”» (Р. Вед., 23 дек.). Горький изображает «отвратительную школу жизни», которая «наполнит детскую душу ужасом и страхом перед всем живущим» (Н.Геккер, Од. Нов., 15 дек.).

15 декабря О.Л.Книппер сообщала Чехову со слов Л.А.Сулержицкого, что Толстой «не мог дочитать повесть Горького “Трое”, на что Чехов отвечал 28 декабря: «“Трое” — хорошая вещь, но написана по-старому и потому читается нелегко людям, привыкшими к литературе. И я тоже еле дочитал до конца» (т. 9, с. 168).

Д.Н.Мамин-Сибиряк — «Медовые реки» (Р. Бог., №№ 10–12).

Последние повести Мамина-Сибиряка «Около господ» и «Медовые реки» А.Басаргин [А.И.Введенский] отнес к «прозаическому реализму», который «принижает душу», ибо отказался от «высот идеализма», «измельчал, опошлил и зачах» («Один из эпигонов бравурного реализма», Моск. Вед., 16 дек.). Андреевич [Е.А.Соловьев] дал общую оценку Мамина-Сибиряка, как «несомненного народника по настроению, по основным влечениям натуры», который каждой своей страницей показывает «хищнические подвиги нашего капитала» и разложение народной жизни, «поэтическим вдохновением возводимой до святости». Мамин — «человек лесных идеалов» и видит в культуре «носителю разлада» («Жизнь», № 12). «Медовые реки» — «своего рода эпитафия тем “мечтаньям”, которым предавалась молодежь конца семидесятых годов» (Ч.Ветринский, Н. Л., 11 ноября).

В декабрьской книжке «Русского богатства», в новом разделе «Наша текущая жизнь (Журнально-газетное обозрение)», В.Г.Подарский [Н.С.Русанов] затевает полемику с Андреевичем [Е.А.Соловьевым], стремящимся оторвать современное радикальное движение от движения 60–70-х годов, между тем как «наиболее живые и энергичные» представители марксизма «начинают считать себя даже продолжателями прогрессивных традиций прошлого».

По этому поводу редактор «Жизни» В.А.Поссе писал Горькому 28 марта 1901 г.: «Он, в конце концов, наклеет нашему Андреевичу» (Архив А.М.Горького).

Н.Гарин — очерки «В сутолоке провинциальной жизни» (Мир Б., №№ 2–4, 9, 11–12).

Гарин проявляет «капиталистический субъективизм», идеализируя культурное влияние на деревню фабрики, железной дороги, вообще капиталистического хозяйства, которое «крутыми мерами» превращает «разоренных крестьян в благоустроенную “исправительную колонию”» (Кн. Нед., №№ 3, 10, Из рус. изд.). «Своеобразная идеализация» «мага и волшебника наших дней», который провозглашает: «Верю, что железная дорога, фабрика, капиталистическое хозяйство несут в себе сами культуру, а с нею и самознание» (Ч.Ветринский, Н. Л., 29 сент.).

Леонид Андреев — рассказ «Молчание» («Журнал для всех» № 12).

А.Куприн — рассказ «Тапер» (Од. Нов., 25 дек.).

Д.С.Мережковский — «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (Мир Б., №№ 1–12).

18 марта Д.С.Мережковский писал П.П.Перцову: «Читаете ли Вы моих “Воскресших богов”? Кажется, их никто не читает — никому это, в сущности, не нужно, — не ко двору» (Р. Л., 1991, с. 143).

П.Гриневич [П.Ф.Якубович] писал, что роман «Воскресшие боги», печатавшийся в прошлом году в журнале «Начало», теперь гостеприимно принят другим прогрессивным журналом. «Невольно возникает вопрос: чем же таким пленилась почтенная редакция в этом романе? Неужели “сверхчеловеческой” моралью героя? Неужели реабилитацией Иуды?» или «единственно “художественными красотоми”»? (Р. Бог., № 4, отд. II, с. 141). Иллюстрацией к философским трактатам Ницше, с его «культом героев», назвал роман Мережковского В.Шулятиков (Кур., 13 дек.; то же в Кн. Нед., № 7, «Из рус. изданий. Сверхчеловек времен возрождения»).

В.Л.Величко — «Вселенский христианин. Жизнь и творения Вл.С.Соловьева» (Кн. Нед., №№ 11–12; прод. 1901, №№ 1–2).

Ф.Батюшков — «Критик-уравнитель» (о Н.К.Михайловском) (Обр., № 12). Речь идет об «уравнении представителей различных классов... и самих этих классов», в «возведении в принцип» «личного начала»; при этом индивидуализм Михайловского условен, ибо не ведет «к теории самодовлеющей личности», но превращается «незаметно в проповедь справедливос-

ти». Эстетика Михайловского отвергает «чистое искусство», «протоколизм», «объективное творчество», опирается на субъективный «критерий целостности», сочетающий рационализм и утопизм.

Н.К.Михайловский — «Мой промах» (письмо в редакцию Р. Вед., 7 дек. и статья в Р. Бог., № 12). О своем неточном цитировании («Литература и жизнь», Р. Бог., № 11) статьи В.Я.Богучарского «Что такое земледельческие идеалы» (Нач., 1899, № 3). «Богучарский, хотя и не извратил Успенского, но совершенно его не понял», ибо «ортодоксально-марксистское сердце» заставляет критика обвинять Гл.Успенского в том, что он в защите «земледельческих идеалов» «договаривается до непостижимого бреда»; между тем, Успенский «бесстрашно» изображал деревню, не соотносясь «с какими бы то ни было доктринерскими мерками».

«Один из результатов этой истории,— писал Михайловский В.Г.Короленко 7 декабря,— Вересаев взял у нас “Записки врача” и отдал их в “Мир Божий”. Это, по-моему, большая потеря» (РГБ, ф. 135, отд. II, к. 30, ед. 3). В письме Н.Ф.Анненского к Короленко от 19 декабря пояснялось, что «фактические погрешности» произошли из-за того, что Михайловский судил о статье Богучарского по «старой рукописи Мельшина» [П.Ф.Якубовича]; последний так был «угнетен всем произошедшим», что «даже заболел», и Михайловский «сначала негодовавший», «должен был его успокаивать», а сам Анненский — брать «часть вины» на себя, хотя сама по себе «статья Богучарского действительно очень глупая» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 17, ед. 46).

18 декабря В.Г.Короленко пишет Л.Л.Толстому, сообщая об отказе напечатать в «Русском богатстве» его роман «Начало жизни», обличающий толстовцев: «Мы, как Вам известно, не “толстовцы”, но, во-первых, не можем все-таки не признать, что у этого учения есть последователи, более искренние, честные и умные, чем выведенные Вами “темные”. Во-вторых,— это-то собственно решает дело,— мы преклоняемся перед тем настроением, которым проникнуты все призывы Льва Николаевича, перед этой постоянной чуткостью совести, обличающей страшные неправды всех сторон жизни, грехи не только отдельных человеческих душ, но и всего человеческого строя. Пусть при этом Лев Николаевич порой посягает не только на дела рук человеческих, но и на самые законы природы. С этим, конечно, можно спорить. Но Ваш герой... впадает в худшую,

по моему искреннему убеждению, крайность — полного примирения и даже безразличия ко всему, что выходит за пределы семьи и отношений к ближайшим соседям» (т. 10, с. 321).

19 декабря Л.Н.Толстой записывает в дневнике: «Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит, или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках» (т. 54, с. 74).

22 декабря на совещании министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Святейшего синода было постановлено прекратить издание газеты «Северный курьер» («Жизнь», 1901, № 1, с. 396). «Если такие безобидные органы... не терпят более», значит в нашей печати «нет места живому общественному слову» («Искра», 1901, № 2).

В течение года в «Вестнике Европы» (№№ 2, 8, 9) печатались стихотворения Вл.С.Соловьева «Les Revenants», «Вновь белые колокольчики», «Дракон (Зигфриду)».

В течение февраля–декабря Л.Н.Андреев ведет в газ. «Курьер» два постоянных раздела: «Впечатления» (под псевд. Л.-ев) и «Москва (Мелочи жизни)» (под псевд. James Lynch).

В течение мая–декабря А.Серафимович вел в газ. «Донская речь» раздел «Беседы с читателями» (на местные темы).

Сергей Глаголь [С.С.Голоушев] — «Проблески новых веяний в искусстве и московские театры» («Жизнь», № 12). «Маленькая труппа полулюбителей-полуартистов затмила силы образцовой сцены» Малого театра, с ее традициями «правды». У Художественного театра другая «правда» — «умение передать настроение». Предлагает отбросить определение «общедоступный», которое больше подходит театру Корша.

Ив.Иванов — письмо в редакцию «Горе героям!» (о «Докторе Штокмане» Ибсена на сцене Художественного театра) (Р. Мысль, № 12). Спектакль вызвал «сильнейшее театральное волнение», так как поставил проблему «героя» и «толпы» в период современного «упадка личности». В «резко-индивидуальной фигуре» Штокмана Станиславский дает «искусную, унизи-

тельную анатомию явления идеального и героического, в сущности — явления творческого и прогрессивного, унижаемого во славу сил косных и стадных».

В.Я.Брюсов записал в дневнике под заголовком «Праздники [о рождестве]: «Я был на “средах”*, но там ничего и никого любопытного... Любопытнее было собрание у доктора Н., где Юргис [Балтрушайтис] повторил свой реферат о д'Аннунцио. А раньше студент Чулков читал начало своего реферата о моей поэзии. Я не думал дожить до таких оценок, а еще менее думал присутствовать лично на чтении такого реферата. Апофеоз при жизни.

Новый год, новое столетие. С детства мечтал я об этом XX веке... И вот он!» (В.Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 100).

М.О.Меньшиков — «Кончина века» (Кн. Нед., № 12). «Жаль уходящего века», он был «самым работающим в истории» и в литературе, завершившись великой прозой Толстого. Грядущий век угрожает человечеству «психологией толпы» — социализмом с его борьбой, которая приведет к «торжеству массы над элементом ее, личностью». Рабство — удел многих стран в XX столетии, ибо «социализм есть самая тяжкая... форма государственности».

В конце декабря выходит первый номер общерусской нелегальной марксистской газеты «Искра» со статьей В.И.Ленина «Насущные задачи нашего движения» [передовая]: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость... Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного» (т. 4, с. 376-377).

А.П.Чехов — «Пьесы». СПб.: изд. А.Ф.Маркса, [1900], тираж — 10500.

«На пороге XX века не верится», что русская интеллигенция способна лишь «к нытью и самооплевыванию», «религиозному примирению с судьбой» и «вере только в загробное воздаяние» (Северов [П.О.Морозов], Нов., 28 дек.).

* Имеются в виду «среды» Н.Д.Телешова. См. наст. Летопись, декабрь 1899 г.

Н. М. Минский — «Новые песни». СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1901, тираж — 1200.

23 января 1901 г. В. Я. Брюсов пишет автору, приславшему свою книгу: «Впечатление, что здесь ваши лучшие стихи... Читаю и буду читать эти “Новые песни” со страстью, с тем чувственным услаждением образами, звуками, красками, которому противоположить вашего бесстрастия — не умею» (ЛН, т. 85, с. 663).

«Со стороны поэтической формы “Новые песни” представляют нечто столь же притязательное и жалкое, как и со стороны содержания. Утратил г. Минский настроение, когда-то приподымавшее ... его, в сущности, скромный талант и, вместе с “бесстрастием”, в писания его проникла струя холодной аллегоричности и надутой риторики» ([П. Ф. Якубович], Р. Бог., 1901, № 3, Нов. Кн.). «Сфера» г. Минского — это искание религиозно-философских основ жизни», «поэзия одиночества», «индивидуализм в его неприимимой форме», подобно «поэзии Ницше». Книга удачна, но его поэзия «холодна и риторична» (Андреевич [Е. А. Соловьев], «О “новых песнях” г. Минского», «Жизнь», 1901, № 3). «Перед нами все тот же г. Минский последних лет, взвинченный и ходульный, манерный и высокопарный, холодный и деланный»: лучшая вещь «Гефсиманская ночь» написана лет 15 назад (Мир Б., 1901, № 3, Библиограф. Отд.). Книга «истинного поэта»: «чистота, образность, музыкальность» стиха. Центральная вещь — «Гефсиманская ночь», философские «новые песни» оставляют «бледное и неясное впечатление» (Р. Мысль, 1901, № 9, Библиограф. Отд.).

В течение года в нескольких изданиях вышли сочинения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Происхождение трагедии», «Помрачение кумиров», «Человеческое, слишком человеческое». «Очевидно, существует спрос на философию Ницше», но в ней охотнее всего воспринимают имморализм, «апологию жизни и силы»; «всякого рода нравственные дегенераты приветствуют Ницше как “своего” философа» (С. Штейнберг, Обр., 1901, № 2). В. Шулятиков отмечал, что в основании движения «новых русских романтиков» [т. е. декадентов] лежит антисоциальная философия Ницше: «вместо альтруизма — ненависть к народу, вместо самоотречения — служение самому себе, вместо стремления уйти от собственной личности — крайний культ собственной личности» («Новое искусство», Кур., 20 дек.). Он же писал: «В образе Заратустры воплощены честные мечты одинокого, несчастного, страдающего, слабого интеллигента, не успевшего примириться с “новым обществом”» («Мечты о сверхчеловеке»,

Кур., 29 дек.). Заратустра принес «только желание поучать истине», Ницше — «свою жажду быть пророком, свои страдания», «свой бурный талант, похожий на Ниагару». «Новую истину» принесет миру будущий сверхчеловек (Н. Минский, Мир Исск., № 19-20).

29 декабря Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Читал Ницше “Заратустра” и заметку его сестры о том, как он писал, и вполне убедился, что он был совершенно сумасшедший, когда писал, и сумасшедший не в метафорическом смысле, а прямом, самом точном: бессвязность... перескакивание с одной мысли на другую по контрасту или созвучию и все на фоне пункта сумасшествия — *idée fixe* о том, что, отрицая все высшие основы человеческой жизни и мысли, он доказывает свою сверхчеловеческую гениальность. Каково же общество, если такой сумасшедший и злой сумасшедший признается учителем?» (т. 54, с. 77).

Итоги литературного года

Газеты «Новое время» (1901, 1 янв.) и «Московские ведомости» (1901, 6 янв.) вновь подняли разговор об «оскудении» и «литературном безвременье». В последней А. Басаргин [А.И. Введенский] писал, что «молодая литература (Чехов, Короленко и Горький) не оправдала возлагаемых на нее надежд и не создала «ничего крупного», и выражал надежду, что в русской литературе на смену западническому лозунгу «На чужбину!» («миражная призрачность всеобщего благоденствия») придет славянофильский — «Домой!» (возврат к национальным истокам).

Демократическая печать отмечала среди выдающихся произведений года — «В овраге» Чехова и «Мужика» Горького, а также общее стремление к «социализации» литературы (Р. Вед., 1901, 1 янв.). Северов [П.О. Морозов] писал о смутных очертаниях нового героя нашего времени, появившегося в конце века (Нов., 1901, 25 янв.). Андреевич [Е.А. Соловьев] противопоставлял бодрое настроение современности состоянию литературы недавнего прошлого, когда в ней звучали: «Проповедь Толстого, навеянная... ужасом приближающейся могилы, странные, болезненные напевы наших символистов и декадентов, эстетический нигилизм Мережковского, пессимизм Минского, а потом... полное торжество “Нового времени”, наглая разнузданность “Гражданина”, самодовольная тупость “Северного вестника”» («Настроения», «Жизнь», 1901, № 1).

А.Б. [А.И.Богданович], подводя литературные итоги прошедшего года и прошедшего века, писал, что первый итог довольно скуден (особого выделения заслуживают лишь «В овраге» и «Мужик»), второй же, напротив, величествен. Прежде всего, за последнюю четверть века народился новый, демократический читатель, жадно стремящийся к самообразованию. Статистика показывает, что следом за столичными и университетскими городами идут в этом отношении южные и поволжские губернии, т.е. районы с развитой промышленностью. Итог всего литературного развития XIX века состоит в том, что «наша великая литература, которая стоит теперь на уровне любой западной, не только всеми признана как равная по силе и гениальности русского народа, но некоторыми признается даже выше...» «Своих успехов русская литература добилась поистине кровавой борьбой»: Радищев с «венком терновым на челе», безумный Батюшков, объявленный сумасшедшим Чаадаев, «миллион терзаний» Грибоедова, трагическая судьба Пушкина, титанический дух Лермонтова, трагический облик Гоголя, полураздавленный Белинский, цепи Достоевского, муки изгнания Герцена и Огарева, «иссеченная муза» Некрасова, безвременная смерть Добролюбова и Писарева — «вот эти этапы мученического развития ...литературы, которая составляет ныне нашу славу и гордость... эта литература завещает нам ряд великих задач, поставленных ею, но далеко не решенных, и ...призывает к дальнейшей работе» (Мир Б., 1901, № 1).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, АЛЬМАНАХОВ И СБОРНИКОВ

- А.Б. — см. Богданович А.И.
А.В. — 330
 «Современное искусство. Генрих Ибсен» — 330
А.Е. — 327
 «Итоги “дней Белинского”» — 327
А.Х. — 151
 «Детские мечты» — 151
А.Э. — 54
Абрамов Я.В. — 267, 268, 318, 329, 333, 334 (статья)
 «Люди больной совести» — 318
 «Наша жизнь в произведениях Чехова» — 329
 «По разным ведомствам» — 333, 334
Аверкиев Д.В. — 116
Авилова Л.А. — 362, 369, 372
Аврелий Марк — 250
Авсенко В.Г. (Номо) — 28, 116, 131, 132
 «Вырождаемся ли мы?» — 132
Адрианов С.А. (С.А-в) — 65
Айвазовский И.К. — 316, 317
Айхенвальд Ю.И. — 230, 338, 352, 418
Аксаков И.С. — 30
Аксаков С.Т. — 38, 203, 464
Александр Македонский — 466
Александр III — 23, 167, 168, 229, 317, 387
Александров А.А. — 19, 64, 137
Альбов В.П. — 431
 «Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка» — 431
Альбов М.Н. — 25, 30, 38, 176, 208, 225
Амнель А. — 134, 139
 «Дневник» — 139
Амфитеатров А.В. (Old Gentleman) — 9, 70, 199, 240, 263, 327, 337, 373, 381, 400, 406, 408, 416, 420, 429, 431, 437, 438, 459, 460
 «Брильянтовый год» — 70
 «Литературный альбом» — 431, 460
Андреев Л.Н. (Джемс Линч; Л.-в; Л.П.) — 70, 318, 341, 348, 354, 363, 374, 377, 387, 394, 413, 417, 435, 446, 457, 463, 464, 467, 475
 «Алешка-дурачок» — 341
 «Баргамот и Гараська» — 318
 «Большой шлем» — 413
 «В Сабурове» — 377
 «В холоде и золоте» — 70
 «Впечатления» — 477
 «Защита» — 348
 «Из жизни штабс-капитана Каблукова» — 354
 «Любовь, вера и надежда» — 341
 «Молодежь» — 374
 «Молчание» — 475
 «Москва (Мелочи жизни)» — 457
 «На реке» — 446
 «Памятник» — 377
 «Первый гонорар» — 464
 «Петька на даче» — 394
 «Рассказ о Сергее Петровиче» — 464

- «Рассказы» (1901) — 446
«Случай» — 363
«У окна» — 387
Андреева М.Ф. — 177
Андреевич — см. Соловьев Е.А.
Андреевский С.А. — 46, 128, 133, 158, 174, 176, 230, 344, 416
Анненский И.Ф. — 6, 72, 271, 309, 312, 462
«А.Н.Майков и педагогическое значение его поэзии» — 271, 309, 312
«Гончаров и его Обломов» — 72
«Миф об Оресте у Эсхила, Софокла и Еврипида» — 462
Анненский Н.Ф. — 66, 79, 114, 170, 190, 195, 239, 262, 271, 294, 307, 368, 384, 469, 472, 476
«Несколько итогов Нижегородской выставки» — 239
д' Аннуцио Г. — 253, 332, 465, 478
Антокольский М.М. — 104, 105, 317
Антоний, митрополит — 450
Антоний (Храповицкий А.П.), архиепископ — 25
Антонович М.А. — 66, 67
Антоновский Ю.М. — 354
Анучин Д.Н. — 52
Апухтин А.Н. — 14, 19, 24, 121, 155, 230
«Стихотворения» (1891) — 24
Арабажин К.И. — 401, 444
Аракчеев А.А. — 172
Ардов Е. (Апрелева Е.И.) — 159
«Выдающаяся женщина» — 159
Арсеньев К.К. — 189, 207, 262, 286, 317, 368, 432, 469
«По поводу одной "цветущей старости"» — 432
Архипов А.Е. — 284, 316
Арцыбашев М.П. — 75
«Санин» — 75
Аскоченский В.И. — 203
Астафьев П.Е. — 103
«Генезис нравственного идеала декадента» — 103
Астырев Н.М. — 51
Афанасьев М. — 41
Афанасьев Ф.Е. — 325
Ахматова А.А. — 5
«Вечер» — 5
Ачкасов П.А. (Матвеев П.А.) — 160, 166, 175, 197
«Н.В.Гоголь и его переписка с друзьями» — 160
«Письма о литературе» — 175, 197
Ашешов Н.П. (Ариель) — 425, 433
«Жизнь и фантазия» — 425
Ашукин Н.С. — 308, 457
«Валерий Брюсов» — 308, 457
Б-ч М.А. — 185
Бабореко А.К. — 245
«И.А.Бунин. Материалы к биографии» — 245
Багдасарян И.С. — 6
Бажин Н.Ф. — 365
Байрон Дж. — 246
Бакст Л.С. — 282, 348, 366
Бакунин М.А. — 194
Бакунин П.А. — 94
Балтрушайтис Ю.К. — 456, 478
Бальзак О. — 159
«Крестьяне» — 159
Бальмонт К.Д. — 38, 51, 81, 85, 124, 126, 145, 146, 161, 172, 180, 182, 186, 194, 195, 201, 218, 219, 234, 255, 270, 283, 287, 292, 302, 310, 317, 336, 338, 339, 344, 353, 358, 359, 364, 403, 406, 416, 417, 430, 433, 434, 436, 448–450, 456, 458, 460, 465, 466, 471, 473
«Бездомные» — 302
«Белый лебедь» — 302
«Болото» — 145

- «Бьериестерне Бьерисон» — 81
«В безбрежности» — 145, 218, 219 (книга)
«Ведьма» — 450
«Гармония слов» — 471
«Горящие здания (Лирика современной души)» — 403, 448, 449
«Избраннику» — 317
«Избранный» — 403
«Из Испании» — 302
«Из мира легенд» — 430
«Отзвучали веселые песни вдали» — 195
«Отчаяние» — 403
«Под северным небом» — 145
«Полночь и свет» — 403
«Правда» — 234
«Придорожные травы» — 450
«Разрыв» — 403
«Родник» — 450
«Сборник стихотворений» (1890) — 145
«Свеча горит и меркнет...» — 178
«Сердце сердец (Перси Биши Шелли)» — 85
«Символ смерти, символ жизни» — 178
«Скифы» — 403
«Тинтина» — 338, 339
«У берегов Скандинавии» — 126
«У норвежского фьорда» — 145
«Челн томленья» — 146
«Эдельвейс» — 234
«Я горько вас люблю, о бедные уроды...» — 417
«Я мечтою ловил уходящие тени» — 161
- Баранова-Шестова Н.Л. — 415
Баранцевич К.С. — 10, 13, 44, 50, 51, 66, 80, 117, 118, 161, 176, 208, 225, 285, 312, 343, 352, 363, 364, 370
«Деревенская идиллия» — 10
«Записки» — 363
«Петербургский случай» — 80
- «Последняя воля» — 44, 50
«Семейный очаг» — 117
«Сказки жизни» — 312
«Чего не сказал Макар Иванович» — 364
- Баратынский Е.А. — 157, 158, 229, 395, 407, 465
Бартепев П.И. — 457
Барятинский В.В. — 401, 416, 440
Басаргин А. (Введенский А.И.) — 313, 322, 328, 344, 357, 358, 362, 376, 390, 393, 399, 405, 410, 417, 440, 458, 463, 474, 480
«Идиллик и прозаик» — 357
«Одни из эпитогов браваурного реализма» — 440, 474
- Баталин А.Ф. — 40
Баталин И.А. — 260
Батюшков К.Н. — 166, 230, 481
Батюшков Ф.Д. — 276, 306, 314, 320, 347, 401, 404, 435, 451, 475
«Комедия и трагедия индивидуализма» — 435
«Критик-уравнитель» — 475
«Критические очерки и заметки» — 401
«Утопия всепародного искусства» — 314
- Башкирцева М.К. — 94, 95
«Дневник» — 94, 95
Безобразов П.В. — 199
Безродная Ю.И. — 208
Бекетов А.Н. — 15, 262
«Нравственность и естествознание» — 15
- Беклин А. — 366
Белинский В.Г. — 10, 19, 81, 83, 96, 100, 136, 137, 158, 160, 175, 183, 203, 211, 278, 314, 325, 327, 328, 336, 345, 358, 359, 416, 481
Белоусов И.А. — 124
Беляев Ю.Д. — 247, 449

- «В.Ф.Коммиссаржевская» — 247
Бенедикт — 149
Бенедиктов В.Г. — 116
Бенговин В.И. (Импрессионист) — 221
Бенуа А.Н. — 282, 289, 308, 317, 318, 348, 350, 366, 380, 431, 432, 451, 452, 473
«История живописи в XIX веке. Русская живопись» — 473
«Мои воспоминания» — 308, 318, 350, 452
Бер Б.В. — 191
Бердяев Н.А. — 4, 403, 428, 469, 470
«Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» — 469, 470
Берне Л. — 343
Билибин В.В. — 38, 42, 247
Бирон Э. — 172
Бирюков П.И. — 118, 266, 341
Благодаразумов А.О. — см. Недолли А.О.
Блок А.А. — 8, 345, 427
[Блок А.Л.] — 345, 427 (отец)
Боборыкин П.Д. — 10, 13, 32, 47, 49, 51, 52, 70, 77, 78, 87, 94, 98, 100, 107, 111, 112, 138, 140, 147, 153–155, 175, 179, 181, 187, 193, 208, 225, 227, 238, 262, 272, 277, 285, 303, 323, 325, 326, 332, 376, 386, 407, 408, 430, 435, 438, 462, 463
«В отъезде» — 10, 13
«В путь-дорогу» — 94
«В усадьбе и на порядке» — 94
«Василий Теркин» — 77, 78, 94, 98, 112, 147, 154
«Дельцы» — 77
«Европейский роман в XIX столетии» — 438
«Жертва вечера» — 94
«Китай-город» — 77
«Княгиня» — 238
«Красота, жизнь и творчество» — 111
«Куда идти?» — 376
«Накипь» — 407, 408, 435, 462, 463
«На ущерб» — 94
«Наши люди» — 107
«Неизлечимые» — 140
«Обречена» — 49
«Одной породы» — 430
«Перевал» — 153, 154 (роман), 155, 323
«Перед чем-то» — 87
«По-американски» — 94
«Поделили» — 94
«По-другому» — 277, 303
«Поумиел» — 32, 94, 179
«Тяга» — 325, 326
«Ходок» — 193
«Цена жизни» — 51, 52
Богданов-Бельский Н.П. — 316, 451
Богданова О.А. — 6
Богданович А.И. (А.Б.) — 79, 172, 183, 184, 192, 196, 201, 216, 218, 219, 230, 234, 252, 253, 257, 259, 261, 266, 275, 282, 287, 295, 296, 303, 305–307, 311, 314–316, 321, 326, 331, 333–335, 339, 343, 356, 357, 359, 360, 362, 386, 388, 391, 400, 408, 410, 413, 414, 416–419, 421, 429, 430, 431, 436, 437, 442–445, 448, 452, 454, 456, 458, 463, 465, 481
«Два рассказа на одну тему: Д.Н.Мамина “Исповедь” и Л.Н.Толстого “Хозяин и работник”» — 172
«Критические заметки» — 192, 261, 414, 443
«Хлеб”, роман г. Мамина, как иллюстрация хищнической стадии капитализма» — 197
Богучарский В.Я. — 476

- «Что такое земледельческие идеалы» — 476
- Бодлер Ш. — 32, 70, 82, 86, 89 (Baudelaire), 90, 120, 156, 162, 180, 194, 204, 205, 232, 312
- «Маленькие поэмы в прозе» — 89
- «Стихотворения» (1895) — 180
- Боккаччо Дж. — 51, 52
- «Декамерон» — 51, 52
- Бокль Г.Т. — 179
- Бомарше П. — 137
- Боннар П. — 366
- Борисов Я. — 314
- Бородин А.П. — 312
- Бородина А.В. — 462
- Боткин С.С. — 316, 317, 349, 366, 457
- Боткин Ф.В. — 282
- Боцяновский В.Ф. — 452, 453, 468
- «Максим Горький» — 468
- Брандес Г. — 351, 352, 415
- Бруно Дж. — 137
- Брюсов В.Я. (Бронни; Даров В.; Маслов В.А.; Созонтов К.; Фуке З.) — 6, 61, 83, 95, 128, 148, 149, 156, 162, 168, 169, 174, 182–184, 186, 193, 198–202, 204, 214, 217–219, 223, 229, 232, 244, 246, 257, 258, 260, 287, 308–310, 336, 339, 340, 344, 351, 353, 365, 366, 379, 395, 406, 407, 411, 427, 436–438, 444, 449, 456–458, 460, 465–467, 473, 478, 479
- «Апология символизма» — 199
- «Ассаргадон» — 406
- «Зоилам и аристархам» — 198
- «На новый колокол» — 466
- «О, закрой свои бледные ноги» — 198, 201, 407, 456
- «О искусстве» — 309, 351
- «О русском стихосложении» — 438
- «Сказание о разбойнике» — 466
- «Я действительности нашей не вижу» — 258
- «Chefs d'oeuvre» — 198, 201 («Шедевры»), 257
- «Documenta» — 200
- «In Tirannos» — 244
- «Me eum esse» («Это я») — 257, 258
- «Tertia vigilia» — 366, 465–467
- Бубнов Б.М. — 24, 65, 74
- Буковский А. — 240
- Булгаков С.Н. — 4, 6, 143, 370
- Булгаков Ф.И. — 32, 45, 74, 81, 267
- «Диоген новейшей поэзии» — 74
- «Новое светило английской литературы» — 81
- «Против материализма в литературе» — 45
- «Смерть натурализма и первозданная поэзия» — 32
- Булгарин Ф.В. — 384, 416, 417
- Бунин И.А. — 8, 45, 62, 93, 108, 119, 149, 182, 188, 189, 192, 208, 231, 245, 249, 254, 256, 257, 259, 267, 289, 324, 341, 342, 351, 353, 364, 365, 372, 375, 376, 379, 416, 417, 432, 441, 450, 457, 459, 460, 463, 464
- «Акварели» — 459
- «Антоновские яблоки» — 463, 464 («Яблоки»)
- «Байбаки» — 254
- «Без роду-племени» — 376
- «Буря» — 192
- «Вести с родины» («Неожиданность») — 192
- «Из путевого альбома» — 457
- «Кастрюк» — 188
- «Листопад» — 463
- «На даче» — 257
- «На край света» — 208
- «На край света и другие рассказы» — 256, 257, 259
- «На хуторе» — 189

- «На чужой стороне» («Святая ночь») — 188
«Под открытым небом» — 341, 342
«Поэт-гуманист» — 432
«Стихотворения» (1891) — 62
«Тапька» («Деревенский эскиз») — 108
«Учитель» («Тарантелла») — 231, 257
- Булин Ю.А. — 249 (брат), 441
- Буренин В.П. (граф Алексис Жасминов) — 11, 16, 19–22, 25, 26, 28, 37, 38, 40, 45, 49, 50, 67, 68, 70, 73, 75, 77, 80–82, 85, 93, 100–102, 104, 105, 109, 124, 127, 132, 136, 138, 140, 142, 145, 154, 160, 174, 181, 183, 199, 203, 212, 218, 254, 272, 313, 324, 334, 337, 339, 350, 358, 361, 363, 380, 388, 389, 412, 416, 426, 439, 449, 454, 459, 461, 465
«Голубые звуки и белые поэмы» — 199
«Критические очерки» — 82
- Бурже П. — 32, 82, 83, 127
- Бутковский Я. — 240
«Письма с выставки в Нижнем Новгороде» — 240
- Быков П.В. — 66, 73, 167, 226, 278
- Быстренин В.П. — 280
«Житейские были» — 280
«Ищущий правды» — 280
«Сын народа» — 280
- Бьернсон Б. — 81, 136, 278, 291
- В.Г. — 96
В.М. (Мосолова В.А.) — 83
В.Н. — 59
В.Ф. — 234
«Странный культ» — 234
- Вагнер Р. — 132
- Вановский В.А. — 272
- Василевский И.Ф. (Буква) — 35, 38, 45, 69, 104, 132, 221, 315, 373, 408
«Петербургские наброски» — 315
«Последний учитель натурализма» — 45
- Васильев А.А. 470
Васильев Н.З. — 120
- Васнецов А.М. — 282, 307, 348, 375
- Васнецов В.М. — 240, 307, 348–350, 366, 387
- Введенская В.М. — 6
- Введенский А.И. (Аристархов) — 31, 33
- Вейнберг П.И. — 38, 46, 67, 93, 176, 243, 343, 353, 416
- Величко В.Л. (В.Л.) — 46, 47, 50, 51, 205, 206, 324, 416
«Вселенский христианин. Жизнь и творения Вл.Соловьева» — 475
«Философ-поэт» — 205, 206
- Венгеров С.А. — 93, 116, 176, 179, 275, 357, 469, 475
«Отзывчивый писатель (Из этюда о П.Д.Боборыкине)» — 179
- Венгерова З.А. — 83, 132, 224, 251, 258, 293, 328, 352, 355, 370, 414, 463
- «Литературные характеристики» — 258
«Поэты-символисты во Франции» — 83
«Поль Верлен» — 224
«Das jungste Russland» — 414
- Вербицкая А.А. — 356, 370, 407
«Первые ласточки» — 407
«Сны жизни» — 356
- Вересаев В.В. — 80, 114, 197, 220, 222, 267, 291, 332, 333, 346, 348, 352, 363, 369, 370, 373, 374, 379, 390, 396, 398, 400, 401, 402, 405, 417, 419, 420, 442, 459, 476

- «Без дороги» — 197, 220, 332, 333, 363, 374
 «В одиночку» — 291
 «В сухом тумане» — 374
 «Записки врача» — 476
 «Конец Андрея Ивановича» — 363, 373, 374, 419
 «Лизар» — 402
 «На мертвой дороге» — 222
 «Очерки и рассказы» (1898) — 332
 «Повеetrie» — 332, 333, 348, 369, 370, 379
 «Подземное царство» — 80
 «Товарищи» — 114
 Верлен П. — 32, 74, 83, 90, 120, 121, 128, 132, 155, 162, 174, 224, 232, 235, 244, 312
 «Романсы без слов» — 174
 Вермель С.С. — 106
 Весселовский Алексей Н. — 16, 38, 137, 187, 272, 378
 «Мертвые души» — 16
 «Этюды и характеристики» — 137
 Ветринский Ч. — см. Чешихин-Ветринский В.Е.:
 Вилье де Лиль-Адан Ф.-О.-М. — 244
 Виницкая А.А. — 21, 208, 452
 «Поленова и Ярославцевы» — 21
 Висковатый П.А. — 33
 Водовозов В.В. (В-зов) — 117, 370
 Водовозова М.И. — 364
 Войнич Э.-Л. — 329
 «Овод» — 329
 Волконский С.М. — 79, 111
 «Искусство и нравственность» — 111
 «Художественное наслаждение и художественное творчество» — 79
 Волошин М.А. — 433, 473
 «В защиту Гауптмана» — 433
 [Волошина-Кириенко Е.О.] — 473 (мать)
 Волчанинов М.Г. — 27
 Вольтман А. (Флексер А.Л.) — 10, 11, 13, 16, 20, 23–25, 30, 37, 39, 40, 42, 44, 45, 47–49, 53, 61, 64, 65, 67, 69, 75, 77, 79, 80, 85, 86, 91, 93, 96, 97, 99, 101–103, 106, 118, 124, 128, 132, 133, 136, 137, 145–147, 150, 160, 166, 169, 175, 192, 193, 195, 196, 199, 208, 211–213, 215–218, 221–223, 225, 227, 230, 241, 246, 249, 256, 264, 270, 278–281, 284, 289, 297, 299, 300, 310, 319, 323, 324, 327, 328, 331, 335, 339, 349, 353, 356, 358–361, 404, 405, 408, 429, 430, 445
 «Аполлон и Дионис» — 249
 «Борьба за идеализм» — 429, 430 (книга)
 «Вражда и борьба партий» — 147
 «Идеализм и буржуазность» — 222
 «Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды» — 328, 445
 «Литературные заметки» — 45, 65, 280
 «Н.А. Добролюбов» — 147
 «Н.С. Лесков. Критический очерк» — 280
 «Начало драматического сезона» — 221
 «Нравственная философия гр. Льва Толстого» — 40
 «Наука, философия и религия» — 124
 «О символизме и символистах» — 359
 «Оскар Уайльд» — 215
 «Русские критики» — 211
 «Современная русская беллетристика» — 225
 Вольтер Ф. — 137, 287
 «Кандид» — 287
 Вольтман Л. — 403

- «Исторический материализм» — 403
- Вольф Б.М. — 100, 187
- Вольф М.О. — 5, 383
- Воронцов В.П. (В.В.) — 121, 122, 207, 229, 249, 267
- Востряков Б.Д. — 340
- Врубель М.А. — 221, 240, 284, 307, 308, 316, 348, 366, 375, 403, 431
- Гааз Ф.П. — 301
- Гайдебуров В.П. — 260, 416
- Гайдебуров П.А. — 11, 67, 94, 130, 353
- Галлен А. — 308, 366
- Гамсуи К. — 65, 278
- «Голод» — 65
- «Пан» («Лесной человек») — 278
- Ганзен П.Г. — 54, 278
- «Современная норвежская литература в изображении Б.Бьернсона» — 278
- Гарин-Михайловский Н.Г. (Гарин Н.Г.; Н.Г.) — 56, 67, 73, 75, 76, 88, 91, 98, 120, 134, 135, 152, 160, 162–164, 169, 176, 178, 189, 194, 208–210, 220–222, 239, 240, 245, 265, 266, 271, 278, 300, 326, 346, 370, 401, 402, 413, 417, 474, 475
- «Бурлаки» — 178
- «В суতোлке провинциальной жизни» — 474
- «В усадьбе помещицы Ярышевой» — 169
- «Гимназисты» — 134
- «Деревенские напорамы» — 152
- «Детство Темы» — 66
- «Жизнь бессловесная» — 222
- «Жюри и художник» — 240
- «Из окна вагона» — 402
- «Инженеры» — 327
- «Ищца и Давыдка» — 73, 91
- «Карадашом с натуры» — 160, 413
- «Картинки Вольши» — 265
- «Клотильда» — 370
- «На выставке» — 239
- «На станции» — 91
- «На ходу» — 120
- «Несколько лет в деревне» — 75, 76, 326
- «Орхидея» — 271, 300, 305
- «Очерки и рассказы» (1893) — 91
- «Очерки и рассказы» (1895) — 194
- «Письма из деревни» — 66
- «Сочельник в русской деревне» — 120
- «Студенты» — 209, 220
- Гаршин В.М. — 53, 65, 86, 91, 100, 196, 203, 257, 280, 318, 341, 461
- «Красный цветок» — 86
- Гаршин Е.М. — 66, 67
- Гауптман Г. — 116, 187, 188, 219, 258, 268, 272, 279, 291, 407, 427, 433, 441
- «Ганнеле» — 187, 188
- «Драматические сочинения» (1900) — 433
- «Одинокие» — 427, 441
- «Потопувший колокол» — 268, 272
- «Ткачи» — 219
- Гациский А.С. — 112
- Ге Н.Н. — 43, 144, 366, 375
- Ге Н.Н. (сын) — 43
- Ге П.Н. — 349, 390, 446
- «Характерные течения современной русской живописи» — 349
- «Художественные выставки 1899–1900 гг.» — 446
- «Художественные журналы» — 390
- Гегель Ф. — 211, 327
- Гейне Г. — 205, 343

- Геккер Н.Л. (Н.Г.) — 296, 388, 398, 401, 412, 413, 423, 437, 439–441, 446, 450, 454, 474
«Поздняя борьба» — 437
- Геккерен (Дантес Ж.-Ш.) — 287
(Геккерн)
- Гердт П.А. — 469
- Геренштейн Н.М. — 293
- Гермоннус А.К. — 261
- Гербаповский М.М. — 183
- Герострат — 199
- Герцен А.И. — 3, 10, 405, 428, 481
«Былое и думы» — 338, 370
- Гершензон М.О. — 338, 370
- Гиляров-Платонов Н.П. 434
- Гиппиус Вл.В. — 406, 430
«О новой точке зрения в русской критике» — 430
- Гиппиус З.Н. — 16, 18, 25, 51, 63, 82, 136, 170, 186, 207, 214–217, 225, 229, 231, 232, 244, 248, 249, 254, 259, 270, 292, 293, 296, 297, 302, 344, 358, 359, 386, 407, 416, 417, 436, 454
«Без талисмана» — 231, 244
«Богиня» — 136
«В Москве» — 16
«Ведьма» — 297
«Вечер» — 302
«Зеркала» — 248, 296, 297
«Златоцвет» — 231, 232, 297
«Злосчастная» — 82
«Критика любви» — 407
«Любовь одна» — 254
«Люди-братья» — 170
«Мисс Май» — 207
«Молитва» — 302
«Новые люди» — 216, 229
«Одинокий» — 25
«Осень» — 254
«Песня» — 214–216
«Посвящение» — 186
«Родина» — 297
«Среди мертвых» («Живые и мертвые») — 270
- «Сумерки духа» — 454
«Тетя Лиза» — 136
«Торжество в честь смерти» — 436
«Чрезвычайное событие» — 51
- Глаголь Сергей (Голоушев С.С.) — 403, 455, 477
«Проблески новых веяний в искусстве и московские театры» — 477
- Глинский Б.Б. — 10, 83, 150, 193, 211, 217, 223, 224
«Болезнь или реклама?» — 150, 211
- Гнедич П.П. — 14, 38, 354, 397, 416
«Пустыня» — 14
«Театр будущего» — 397
- Говоруха-Отрок Ю.Н. (Николаев Ю.; Елагин Ю.; Vox) — 9, 13, 15, 19, 20, 22, 25–27, 29, 30, 33, 34, 36, 37, 39–41, 44–46, 50, 54, 59, 60, 64, 65, 72, 77, 80, 87, 95, 98, 101, 105, 110, 111, 115, 119, 123, 130, 140, 154, 156, 168, 184, 206, 209, 211, 242, 254, 314, 390
«Апофеоз разночинца» — 72
«В.Г.Короленко» — 110
«Конкуренты Никольского рынка» — 19
«Литературные заметки. По поводу драмы Ибсена “Нора”» — 60
«Нечто о вере и неверии» — 20
«Нечто о национализме» — 40
«Нигилисты» — 105
«Новая апология шестидесятых годов» — 72
«Растрепанные гении» — 60
«Современный либерализм» — 34
«Старая погудка на новый лад» — 156
- Гоголь Н.В. — 19, 22, 27, 47, 102, 106, 137, 147, 160, 217, 267,

- 283, 328, 352, 385, 397, 405, 481
«Выбранные места из переписки с друзьями» — 102, 328
«Женигъба» — 211
[«Мертвые души»] — 397 (Ноздрев)
[«Ревизор»] — 358 (Хлестаков)
Голенщев-Кутузов А.А. — 19, 21, 155, 205, 230, 416, 425, 434
«31 стихотворение. 1880–1890» — 21
Головин А.Я. — 281, 348, 366, 431, 451
Головин К.Ф. (Головин-Орловский К.Ф.) — 386
«Второе поколение» — 386
Головинский М.В. — 401
Голоушев С.С. — см. Глаголь Сергей
Гольдонн К. — 24
«Трактирица» — 24
Гольцев В.А. (О.Т.В.; Шатров Н.) — 10, 14, 17, 20, 23, 29, 32, 44, 47, 49, 51, 52, 57, 82, 94, 106, 107, 112, 121, 142, 144, 145, 152, 153, 156, 160, 161, 170, 171, 176–178, 181, 185, 196, 209, 224, 236, 246, 255, 315, 319, 349, 373, 374, 376, 392, 398, 403, 423, 434, 439, 440, 454, 473
«А.П.Чехов» — 152
«Благотворительность и предубежденность» — 51
«В.Г.Короленко» — 178
«Заметки о современном романе» — 32
«Из литературных наблюдений» — 255
«Несколько замечаний о натурализме в искусстве» — 156
«Н.Н.Страхов как художественный критик» — 224
«Об искусстве» — 32, 144
«Разночинец и дворянская культура» — 112
Гольштейн А.В. — 226
Гомер — 229, 453
«Илиада» — 229
Гоншуров Э. и Ж. — 32, 71, 84, 129
Гончаров И.А. — 10, 37, 47, 55, 72, 100, 164, 250, 281, 397
«Обломов» — 37, 72, 397
«Обрыв» — 281
«По Восточной Сибири, в Якутске и Иркутске» — 10
«Фрегат “Паллада”» — 10
Горбунов-Посадов И.И. — 64, 87, 172, 360
Горев Ф.П. — 407
Горемыкин И.Л. — 232
Горшков В.А. — 469
Горнфельд А.Г. — 83, 165, 192, 219, 233, 250, 251, 257, 258, 312, 351, 352, 376, 388, 401, 415, 428, 438, 469
«Критика и лирика» — 250, 251
«Муки слова» — 388
«Памяти Герцена» — 428
Городецкий Д.М. — 390
«Два портрета. Горький и Вересаев» — 390
Горький М. (Пешков А.М.; А.П.; Иегудилл Хламид) — 58, 75, 78, 82, 84, 91, 112, 114, 120, 124, 143, 166, 172, 186, 188–191, 193, 195, 203, 217, 218, 220, 221, 223, 224, 232–235, 239, 241, 253, 256, 267–270, 281, 284, 285, 288–291, 293, 298–300, 303, 311, 317–325, 328, 329, 332, 333, 336, 342, 343, 345–348, 350, 352, 355, 357–359, 361–365, 367–370, 372–375, 377–382, 387–402, 404, 405, 412, 417, 419, 420, 422–424, 426, 427, 431, 433, 435, 436, 438, 439–446, 449,

- 450, 452–454, 457–468, 470, 471, 473, 474, 480, 481
«Беседы о ремесле» — 78
«Бывшие люди» — 290, 291, 300
«В степи» — 369, 380, 399
«Ванькина литература» — 367
«Варенька Олесова» — 319, 323, 324, 329, 398, 399, 457
«Граф Нелепо и все тут» — 120, 166
«Дачники» — 471
«Двадцать шесть и одна» — 412
«Дед Архин и Ленька» — 143
«Детство» — 5
«Дружки» — 343, 399
«Емельян Пиляй» — 120
«Еще о черте» — 365
«Еще поэт» — 84, 218
«Исключительный факт» — 113
«Кани и Артем» — 362, 399
«Кирилка» — 362, 363, 399
«Коновалов» — 267–270, 285, 288, 300, 374
«М. Врубель и “Принцесса Греза” Ростана» — 221
«Макар Чудра» — 82, 120
«Маленький фельетон» — 350
«Мальва» — 298, 320, 321, 323, 362, 380
«Мой спутник» — 172, 399
«Мужик» — 438, 439, 440, 465, 473, 480, 481
«На дне» — 441
«На соли» — 120
«О маленькой фсе и молодом чабане» — 189
«О черте» — 362, 398
«О Чижке, который лгал, и о Дятле — любителе истины» — 124
«Однажды осенью» — 195, 396, 399
«Озорник» — 270, 285
«Открытое письмо к А. С. Суворину» — 368
«Очерки и рассказы» (1898) — 317, 320, 346
«Очерки и рассказы» (1899) — 397, 399
«Ошибка» — 203, 322
«Песня о Соколе» — 186, 322, 387, 396, 453
«По поводу нового рассказа А. П. Чехова “В овраге”» — 422, 423
«Поль Верлен и декаденты» — 232
«Последнее сказанье» — 239
«Проходимец» — 328, 329, 399
«Пузыри» — 424
«Разрушение личности» — 75, 91
«Рассказы» (1900) — 452
«Сирано де Бержерак. (Героическая комедия Э. Ростана)» — 424
«Скуки ради» — 322
«Старуха Изергиль» — 166, 188
«Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова» — 449
«Супруги Орловы» — 288, 363 (Орлов), 373, 374 (Орлов)
«Тоска» — 241
«Трое» — 470, 473, 474
«Финоген Илыч» — 373
«Фома Гордеев» — 5, 377 (Игнат Гордеев), 378, 391–393, 398, 419, 420, 439, 454
«Челкаш» — 190, 191, 220, 241, 285, 320–322, 362
«Читатель» — 223, 347, 398, 399
«Ярмарка в Голтве» — 350, 380 («Ярмарка»)
Гофштеттер И. А. (Залетный И.) — 48, 50, 147, 155,
«Политический роман» — 155
«Свобода мнений и проступки слова» — 147
Грабарь В. Э. — 451
Грабарь И. Э. — 451, 452
Градовский Г. К. — 262
Гревс И. М. — 168, 226
Греч Н. И. — 416
Грибовский В. М. — 337, 353, 416–418

- «Литературное духоборство» — 418
«Порывы свободного творчества» — 416, 417
«Художник-мыслитель» — 337
Грибосов А.С. — 112, 137, 193, 481
[«Горе от ума»] — 193 (комедия)
Григорович Д.В. — 18, 38, 93, 125, 126, 140, 143, 144, 176, 263, 270, 401, 405, 414
«Антон Горемыка» — 125, 270, 414
«Порфирий Петрович Кукушкин» — 143
Григорьев А.А. — 81, 96, 100, 211, 227, 314
Григорьев В.Н. — 11, 17, 74, 307
Григорьев Л. — 219
«Ленин и “Ткачи” Гаунтмана» — 219
Грингмут В.А. (Spectator) — 229, 255, 267
«Есть ли в России партии» — 255
«Наша партия» — 229
Гросс Г. — 373
Гросс К. — 402
Грот Н.Я. — 14, 15, 40, 46, 90, 103, 122, 264
«Еще о задачах журнала» — 15
«Нравственные идеалы нашего времени (Ф.Ницше и Л.Толстой)» — 103
Грушецкий Н. — 340
Гуревич Л.Я. — 30, 46, 67, 99, 211, 213, 214, 222, 235, 270, 320, 324, 327, 336, 357, 370, 422
«Идеализм и буржуазность» — 222
«История “Северного вестника”» — 357
Гурлянд И.Я. (Арсений Г.) — 162, 200, 201, 319, 354
«Московские декаденты» — 162, 200, 201
Гусев П.Н. (П.Г.) — 378
«Книга о “погибших людях”» — 378
Гусев С.С. (Слово – Глаголь) — 467
Гуцков К. — 177
«Уриэль Акоста» — 177
Гюго В. — 137, 328
Гюнсманс Ж. — 261
Д.М. — 139, 152, 154
«Журнальные новости» — 139
Давыдов Д.Я. — 234
Давыдова А.А. — 68
Далонов В. — 397, 409
Даннелсон Н.Ф. (Николай -он) — 163, 207
Данилевский Н.Я. 115, 434
Дарвин Ч. — 179, 26
Дебютаит — см. Жулев Г.Н.
Дега Э. — 366
Деген Е. — 433
Дедлов (Книг В.Л.; 1; Д.) — 11, 15, 26, 71, 75, 114
«А.П.Чехов» — 71
«Беседы о литературе» — 15, 26
«Сашенька» — 75
Дельвиг А.А. — 416
Деманж Ш. — 173
«Депица», альм. — 344, 416, 417
Диккенс Ч. — 438
Джамшиев Г.А. — 17, 47, 267
Дюген — 27
Дмитриева В.И. — 208
Добролюбов А.М. — 19, 81, 83, 96, 133, 147, 175, 198, 199, 201, 211, 228, 407, 433, 436–438
«Собрание стихов» (1900) — 437
«Natura naturans. Natura naturata» — 198, 228
Добролюбов П.А. — 19, 81, 83, 96, 133, 147, 175, 211, 349, 358, 429, 430, 472, 481
Доде А. — 32
Долликей М. — 50

- Дороватовский С.П. — 317, 320, 355, 365, 370, 378, 397, 399, 400, 416, 429, 437
- Дорошевич В.М. (Профан) — 381, 408, 459, 469
«По ту сторону здравого смысла» — 408
- Достоевский Ф.М. — 14, 15, 22, 25, 44, 82, 84, 103, 107, 130, 150, 195, 205, 215, 218, 233, 234, 248, 250, 251, 273, 281, 297–299, 301, 306, 322, 345, 367, 376, 385, 387, 405, 434, 442, 472, 473, 481
«Бсы» — 72, 281
«Братья Карамазовы» — 14, 22 («Легенда о Великом Инквизиторе»), 25, 215 («Легенда о Великом Инквизиторе»), 376 (Алеша Карамазов)
«Записки из Мертвого дома» — 233, 299 («Мертвый дом»)
«Идиот» — 248, 297
- Дрейфус А. — 173, 306, 328, 347
- Дробыш-Дробышевский А.А. (Уманьский А.) — 226, 234, 271
- Дубовской Н.Н. — 375
- Дузэ Э. — 24, 26
- Дурнов М.А. — 406
- Дьяков А.А. (Житель) — 68, 69, 82, 83, 92, 104, 105
«Декаденты» — 82
«Идеализм наших дней» — 68
«Люди конца века» — 83
- Дюма А. (сын) — 24, 279
«Дама с камелиями» — 24
- Дягилев С.П. (Паспорту) — 282, 284, 289, 290, 292, 307, 308, 313, 328, 348–350, 366, 380, 408, 431, 447, 451, 452, 455
«Выставки» — 451
«Искусство и ремесла» — 328
«Памяти Левитана» — 455
«Письмо по адресу И.Е.Репина» — 380
- «Сложные вопросы» — 313, 349
«Современная скандинавская живопись» — 292
- Е.Г. — 231
- Евгеньев-Максимов В.Е. — 89, 117, 213, 226, 235, 270, 319, 338
«Из истории “Русского богатства”» — 177, 226, 319, 338
«Из прошлого русской журналистики» — 213, 235, 270
- Евдокимов Е.А. — 41
- Еврипид — 99, 100, 462
«Ипполит» — 99
- Егоров Е.П. — 62
- Ежов Н.М. — 367
- Елиссев Г.З. — 3, 10, 53, 55,
«Из далекого прошлого двух академий» — 10
- Елпатьевский С.Я. — 103, 239, 286, 303, 305, 306, 375, 376, 428, 454, 469
«В подвале» — 454
«Из случайных встреч» — 428
«Миша» — 286, 303, 375
«Очерки и рассказы» (1899) — 375
«Очерки Сибири» — 103, 375, 376
«Спирька» — 305, 306, 375
- Емельянов-Коханский А.Н. — 198, 201
«Обнаженные нервы» — 198
- Ермак — 104
- Ермолова М.Н. — 24, 63, 80, 319
- Есинов Н. — 45
«Из жизни одной бесплатной читальни» — 45
- Жемчужников А.М. — 10, 16, 51, 55, 69, 93, 203, 260, 263, 287, 425, 432–434
«Животная проза и декадентская поэзия» — 260
«Песни старости» — 432

- «Стихотворения» (1892) — 69
Жиркевич А. В. — 176, 309, 401
Житель — см. Дьяков А. А.
Жуковский В. А. — 166, 230
Жулев Г. Н. (Дебютант) — 77, 89, 160
«Конец легенде» — 160
- Загуляев М. А. — 262
Зайончковская Н. Д. — 21
Засодимский П. В. — 10, 11, 23, 107, 136, 189, 190, 207, 208, 212, 276, 283, 315, 365, 471
«Блудный сын» — 136
«“Власть тьмы” в культурной среде» — 276
«Восточный магазин» — 212
«Грех» — 107
«Из рассказов о героях и герониях нашего времени» — 315
«Перед потухшим камельком» — 11
«Повесть из давних лет» — 283
- Засулч В. И. (Иванов В.) — 97, 277, 300, 301
«Карьера ингилиста» — 97
«Плохая выдумка» — 277
- Земский В. Г. (Чарнолуцкий В. И. и Фальборк Г. А.) — 35, 40
Златовратский Н. Н. — 40, 51, 52, 66, 76, 109, 121, 203, 207, 208, 294, 295, 306, 365, 382, 471
«Мечтатели» — 109
«Старые тени» — 52
- Знакомый — 20, 25
Золя Э. (Зола) — 71, 84, 122, 127–129, 146, 156, 249, 277, 306, 325, 384
«Я обвиняю» — 306
- Зомбарт В. — 300
Зудерман Г. — 278
- И. Вл. — 400
Ибсен Г. — 46, 54, 60, 63, 84, 118, 131, 132, 165, 189, 201, 250, 251, 258, 261, 268, 272, 277, 278, 291, 330, 425, 435, 436, 441, 477
«Бранд» — 54
«Гедда Габлер» — 54, 60, 277, 323, 441
«Доктор Штокман» — 54, 477
«Джон Габриэль Боргман» — 268
«Кукольный дом» («Нора») — 46, 54, 60
«Привидения» — 54
«Северные богатыри» — 63
«Эллида» — 54
- Иван Грозный — 104
Иванов Вяч. И. — 6, 168, 226, 341
«Дни недели» — 341
Иванов И. И. — 20, 38, 46, 59, 91, 92, 101, 104, 106, 107, 110, 130, 132, 140, 141, 146, 150, 154, 187, 312, 330, 362, 378, 390, 477
«Горе героям!» — 477
«Заметки читателя» — 154
«Метерлики и его драмы» — 107
«Новая культурная сила» — 130
«Поэзия и правда мировой любви» — 390
«Современный герой» — 141
«Современный сфинкс» — 330
«Чем может и должен быть современный русский писатель» — 312
- Ивановская П. С. — 95, 111, 151, 157, 236, 311
Иванушка Дурачок — 148
«Московские символисты» — 148
- Иванчин-Писарев А. И. (Иванчин) — 88, 156, 162, 164, 167, 170, 178, 180, 195, 203, 210, 235, 266, 278, 319, 326, 364, 470
- Игнатов И. Н. (И.; И-т) — 197, 224, 231, 234, 238, 248, 273, 277, 287, 290, 291, 298, 305, 314, 321, 332, 342, 343, 353, 354, 361, 389, 392, 397, 400,

- 424, 430, 439, 464, 465, 470, 473
«Семья Обломовых» — 397
«Современная русская поэзия» — 248
- Измайлов А.А. — 328, 335, 338, 355, 361, 362, 374, 385, 389, 394, 410, 411, 417, 424, 434, 439, 464, 470, 471
«Залог будущей славы» — 338
«Литературное обозрение» — 394
«Неслюдовщина» — 410, 411
«Новые веяния в пародийской литературе» — 471
- Иисус Христос — 27, 64, 111, 123, 187, 188, 227, 269, 337, 368, 380, 387, 415, 447, 455
- Иксукуль В.И. — 232
- Иловайский Д.И. — 33
- Инокентий (Павлов-Веннаминов И.Е.), архиепископ — 10
- Ильин Н.Д. — 64
«Дневник толстовца» — 64
- Ипбер О.А. (Кин) — 361, 374
- Иоанн Кронштадский — 47, 48, 236
- Исаков П.Н. — 262
- К.Р. — см. Романов К.К.
- К-ни, М. — 228
«Поэзия М.А.Лохвицкой» — 228
- Кр-ский — 445
«Беззаботное перьяшество. Наше отношение к искусству. Теория Л.Н.Толстого» — 445
- Каблиц-Юзов И.И. — 93, 121, 122, 125, 294
«Основы пародийчества» — 121
- Кавелин К.Д. — 330
- Калмыкова А.М. — 229, 370, 384, 426
- Кальдерон Д. — 250
- Каит И. — 124, 358
- Каресв Н.И. — 163, 176, 262, 469
- Карлейль Т. — 32, 39, 49, 65, 163
- «Герои и героическое в истории» — 39, 49, 65
- Каролин-Петропавловский Н.Е. — 20, 27, 55, 56, 66, 73, 74, 115, 116, 203, 274, 342, 382
«Бабочкин» — 342
«Борская колония» — 342
«Мой мир» — 342
«Учитель жизни» — 20, 342
- Карпенгер Э. — 315
«Современная наука» — 315
- Карпов Е.П. — 272, 343, 472
- Карышев Н.А. — 162, 164, 190
- Касаткин Н.А. — 316, 451
- Каспийский Н. (Н.К.) — 371, 391, 409, 424
«Вопли из “Оврага”» — 424
«Преступное бездействие сверх-среднего человека» — 391
- Катков М.Н. — 94, 235, 351, 383, 386, 434
- Киги В.Л. — см. Дедлов.
- Киплинг Р. — 66, 71 (Kipling), 81
- Клеопатра, царица Египта — 198, 466
- Клинг О.А. — 6
- Ключевский В.О. (К.) — 32
«Грусть» — 32
«Книга раздумий», сб. — 406
- Кинипер О.Л. — 350, 396, 461, 474
- Коган П.С. — 382
«Жертвы жизни» — 382
- Козлов А.А. — 25, 26, 185
«Письма о книге Л.Н.Толстого “О жизни”» — 25
- Кольшико И.И. (Серенький) — 313
- Кольцов А.В. — 100, 229
- Коммиссаржевская В.Ф. — 247, 407
- Кондратьев А.М. — 319
- Коневской Ив. (Ореус И.И.) — 406, 407, 436, 437, 458
«Мечты и думы» — 406, 407
- Копп А.Ф. — 93, 247, 301, 396, 425, 433

- «Ф.П.Гааз» — 301
Коповицер Е.З — 293
Константин Константинович — см.
Романов К.К.
Корецкая И.В. — 6
Кориинфский А.А. (Ап.К.; Кор. А-п;
Присяжный читатель) — 149,
174, 183, 199, 208, 209, 228,
241, 245, 246, 256–258, 269,
271, 279, 283, 287, 295, 296,
303, 310, 324, 331, 337, 353,
362, 407, 416, 434
«Милезингер наших дней» — 241
«Поэзия К.К.Случевского» — 337
«Тени жизни. Стихотворения
1895–1896» — 245
«Черные розы» — 208, 209
Коробка Н.И. — 303
«Новые люди и новые веяния в
прошлогодней беллетристике» —
303
Корочевский Д.А. — 19, 72, 75,
77, 140 (Д.А.К.)
«Герой нового типа» — 77
«Отцы и дети “нашего первого
века”» — 75
«Роковая ошибка» — 19
«Характер современной журна-
листике» — 72
Коровин К.А. — 240, 282, 284, 308,
348, 375, 431, 432, 451
Короленко А.С. (жена) — 78, 88,
403, 468, 471
[Короленко И.Г.] — 120 (брат)
Короленко В.Г. (В.К.; О.Б.А.; W.) —
8, 11, 14, 17, 38, 45, 47, 49, 51–
53, 60, 62, 65, 66, 70, 71, 74, 78,
79, 82, 84, 87–91, 95, 98, 100,
102, 103, 106–109, 111, 112,
114, 115, 117, 120, 129, 133,
134, 137, 138, 141, 144, 147,
151, 153, 157, 160, 166, 167,
169–172, 175, 177–179, 188–
190, 203, 206, 208, 220–222,
224–226, 234–236, 239, 242,
243, 249, 262, 265, 266, 278–
280, 285, 286, 290, 294, 300,
303, 306, 307, 310, 311, 317,
322, 327, 330, 338, 340, 341,
343, 344, 346–348, 353, 359,
361, 362, 367–369, 373, 377,
381, 384, 388–390, 396, 400,
401, 403, 404, 420, 423, 425,
426, 433, 435, 443, 445, 459,
461, 468, 469, 471, 472, 476,
480
«Ат-Давап» — 84, 87, 95, 98
«Без языка» — 188, 220
«Божий городок» — 160
«В борьбе с дьяволом» — 151
«В голодный год» — 78 (коррес-
понденции), 106, 117, 129, 137,
141
«В облачный день» — 224
«В подследственном отделе-
нии» — 235
«Декларация В.С.Соловьева» —
14
«Драка в Доме» — 169
«Знаменитость конца века» —
347
«Марусина записка» («Мару-
ся») — 388, 390
«Мултанское жертвоприношение»
— 206
«На затмении» — 95
«Над лиманом» — 290
«Необходимость» — 347
«Ночью» — 112
«О сложности жизни» — 381,
403, 404
«Об инквизиции» — 347
«Очерки и рассказы» (1893) —
95
«Парадокс» — 151
«Прелести сословного земства» —
347
«Река играет» — 51, 52, 95
«С двух сторон» — 72, 112

- «Слепой музыкант» — 112, 208, 401
«Смиренные» — 361, 362, 390
«Современная самозванщина» — 242
«Соп Макара» — 60
«Тени» — 49, 60, 111, 112
«Фабрика смерти» — 222
«Черкес» — 47
Корш Ф.А. — 14, 46, 477
Котляревский Н.А. — 34
 «М.Ю.Лермонтов. Личность поэта и его произведения» — 34
Кохановская Н. (Соханская Н.С.) — 21
Кощобинский М.М. — 413
 «Ради общей пользы» — 413
Краснов В. (Мазуркевич В.А.) — 198, 199
Краснов П.Н. (Пл К) — 100, 109, 124, 125, 145, 146, 148, 150, 155, 156, 162, 168, 170, 174, 181–183, 188, 201, 218, 219, 241, 246, 258, 272, 292, 295, 299, 310, 318, 328, 332, 337, 339, 345, 409, 426, 434, 437, 443, 444
 «Буржуазный аристократизм» — 332
 «В поисках идеала» — 146
 «Вне житейского волнения» — 337
 «Глава декадентов» — 345
 «Женская поэзия» — 437
 «Загадочная драма» — 272
 «Ложный идеализм» — 328
 «Молодые беллетристы-академики» — 443
 «На высокие темы» — 444
 «Неоромантическая и мистическая поэзия» — 292
 «Новый идеализм» — 188
 «Осенние беллетристы»:
 1. «В.Г.Короленко» — 170
 2. «А.П.Чехов» — 174
 3. «Д.Н.Мамин-Сибиряк» — 181
 «Первые декаденты» — 162
 «Первые поэты-академики» — 434
 «Поэзия мгновений» — 183
 «Поэзия Плещеева» — 124
 «Поэзия прозы» — 318
 «Поэт нашего времени» — 241
 «Поэт одиночества» — 156
 «Русские декаденты» — 201
 «Старшие почетные академики» — 426
 «Тоска по людям» — 299
 «Три Федры» — 100
 «Фотография в литературе» — 109, 150
 «Что такое декаденты» — 125
 «Чуткий писатель» — 164
 «Чуткий художник и стилист» — 182
Крестовская М.В. — 46, 50
 «Артистка» — 50
Кривенко С.Е. — 290, 296, 307
Кривенко С.Н. (Глазов; С.К.) — 66, 88, 107, 121, 162, 170, 176, 190, 207, 227, 249, 255, 266–268, 294, 299, 306, 307, 324, 383
 «Бюро литературно-похоронных процессий» — 306
 «Кровь растерзанного сердца», сб. — 199
Крылов В.А. — 471, 472
 «Контрабандисты» («Сыны Израиля») — 472
Крылов И.А. — 121, 166
Кугель А.Р. (Homo Novus; Негорев Ник.) — 16, 35, 336, 472
 «Кормить или любить» — 35
Куплетский М.А. (К-ский М.) — 25, 31, 39, 44, 59, 67, 76, 78, 80, 87, 99, 122, 130, 181, 188, 191, 192, 196, 203, 209, 210, 212, 213, 231, 261,
Куприн А.И. — 117, 130, 161, 167, 170, 172, 253, 259, 266, 301,

- 302, 326, 340, 341, 348, 365,
372, 375, 414, 475
«В лесной глуши» — 340
«В огне» — 414
«Впотьмах» — 117
«Дознание» («Из отдаленного
прошлого») — 161
«Киевские типы» — 229
«Куст сирени» — 167
«Лидочка» — 172
«Луною ночью» — 130
«Миниатюры» — 301, 302 (кни-
га)
«Молох» — 253, 259, 266, 326
«Ночная смена» — 365
«Олеся» — 348
«Тапер» — 475
Куренной А.А. — 349
Курсинский А.А. — 244
Куцынский — 40
Кушнерев И.Н. — 27
Кюн Ц.А. — 93

Л.К. — 235
«Поэзия упадка» — 235
Лавров В.М. — 10, 87, 105, 107
Лавров П.Л. — 429
Ладожский Н. — см. Петерсен В.К.
Лажечников И.И. — 284
Лазарева М.А. — 129
Лазурский В.Ф. — 156, 158
Лансере Е.Е. — 282
Лафорг Ж. — 83
Левдик П.Ф. (П-о) — 38
Левенсон А.А. — 180
Левин К.Н. — 432
«Последний из могикан» — 432
Левитан И.И. — 60, 282, 307, 309,
316, 348, 350, 366, 375, 431,
451, 455
Левитов А.И. — 323, 442, 461
Лейкин Н.А. — 80, 247
Ленин В.И. — 8, 87, 107, 122, 162,
181, 186, 197, 209, 219, 222,
378, 395, 402, 422, 434, 478
«Насущные задачи нашего движе-
ния» — 478
«Что такое “друзья народа” и как
они воюют против социал-демо-
кратов» — 122, 162
Лепский А.П. — 63, 407
Лептовский М.В. — 207
Леонардо да Винчи — 292, 328,
358, 370, 372, 445, 475
Леонтьев К.Н. — 31, 45, 46, 115,
227, 434
«Записки Отшельника» — 31
«Из воспоминаний консула» — 45
Лермонтов М.Ю. — 32, 33, 46, 229,
283, 312, 385, 437, 481
Лесевич В.В. — 190
Лесков Н.С. — 5, 8, 10, 16, 17, 24,
26, 29, 30, 32, 34, 47–49, 56, 63,
65, 72, 74, 78, 87, 92, 99, 106,
107, 118, 119, 121, 123, 127,
130, 161, 164, 166, 172, 176,
182, 197, 261, 266, 280, 281,
312, 385, 437, 461, 481
«Апофеоз» — 130
«Вдохновенные бродяги» — 166
«Всевозможные бетизы» — 130
«Возвышенные порывы» — 130
«Дама и фефела» — 172
«Дурачок» — 10
«Загон» — 130
«Зимний день» — 164
«Импровизаторы» — 92
«Интервал» — 130
«Легендарные характеры» — 63
«Лечение сажей» — 130
«На пожарах» — 49, 281
«Невинный Пруденций» — 10
«Некуда» — 49, 72, 280
«Обуянная соль» — 10
«Под Рождество обидели» — 10
«Полупощники» — 47, 72
«Продукт природы» — 119
«Пустоплясы» — 99
«Рассказы кстаги» — 130
«Соборяне» — 49, 182

- «Тяготение к желудку и к корыту» — 130
«Шут Севацкой» — 130
«Юдоль» — 78
Лессинг Г.Э. — 471
[«Натан Мудрый»] — 471 («Натан»)
Леткова-Султанова Е.П. — 323
Либкнехт В. — 461
Литвин С.К. (Эфрон Ш.Х.) — 471, 472
«Контрабандисты» («Сыны Израиля») — 472
Ломброзо Ч. — 132, 425
Ломоносов М.В. — 426
Лонгфелло Г. — 372
«Песнь о Гайавате» — 372
Лопатин Л.М. — 103
«Большая искренность» — 103
Лохвицкая М.А. — 228, 229, 310, 416, 436
«Стихотворения» (1896) — 228, 229
«Стихотворения» (1898) — 310
«Стихотворения» (1900) — 436
Луговой А.А. — см. Тихонов В.А.
Лукьянов А.А. — 47
Львов (Цитрон А.Л.) — 392, 396, 410
«На литературном вечере» — 396
Львов К.П. — 11, 45, 186, 254, 268, 279, 293, 302, 401, 416
«Астры» — 302
«Водопад» — 302
«Демон» — 302
«Друзья, не плачьте над могилой» — 302
«Замок мира» — 254
«К делу о недобросовестном обвинении» — 268
«Лирические стихотворения» — 279
«Мне чужд холодный свет луны» — 302
«Небесный огонь» — 254
«Недобросовестное обвинение» — 268
«Одиночество» — 254
«Ночь. Не сплю. Томит забота» — 302
«Повисли серые туманы» — 255
«Последний день» — 254
«Призраки» — 254
«Пространство меж нами легло» — 254, 255
«Психея» — 254
«Снега» — 254
«Тополь» — 302
«Я с детства слышал эти звуки» — 254
Любомирский, кн. — 353
Лялин В.С. (Петербургец) — 92
Ляцкий Е.А. — 384
«Итоги Пушкинской годовщины» — 384
Мазаев М.Н. — 155, 401
Майков А.Н. — 14, 15, 205, 230, 248, 250, 271, 312, 465
Майков В.Н. — 211
Майков Л.Н. — 166
«Историко-литературные очерки» — 166
Маковский А.В. — 316
Маковский В.Е. — 69, 316, 317, 375
Маковский К.Е. — 69, 317
Максимов Д.Е. — 213, 235, 270
«Из прошлого русской журналистики» — 213, 235, 270
Максимов С.В. — 195, 263, 266, 306, 442
Малларме С. — 83, 120, 125, 148, 235, 345, 466
Малютин С.В. — 282, 308, 348, 366, 380, 403, 431, 432, 451
Малявин Ф.А. — 446, 451
Мамни-Сибиряк Д.Н. (Мамни) — 39, 45, 50, 51, 66, 67, 73, 76, 82, 92, 93, 98, 100, 114, 115, 124,

- 125, 135, 138, 165–167, 172, 175, 176, 181, 196, 197, 207, 208, 210, 212, 220, 225, 235, 243, 249, 253, 254, 262, 284, 309, 346, 347, 363, 388, 389, 402, 420, 431, 440, 446, 462, 469, 474
«Без названия» — 166
«Без особенных прав» — 210
«Братья Гордеевы» — 39
«Великий грешник» — 124
«Весенние грозы» — 125
«Враг» — 212
«Главный барин» — 124
«Да, виновен» — 181
«Детские тени» — 92, 135
«Жид» — 135
«Золото» — 76
«Исповедь» — 172
«Легенды» — 309
«Летные» — 115
«Любовь» — 92
«Медовые реки» — 474
«Озорник» — 253
«Около господ» — 440, 474
«Охонны брови» — 82
«Охотничьи рассказы» — 114
«Падающие звезды» — 402
«Платина» — 45, 50
«По новому пути» — 243
«Сибирские рассказы» — 309
«Суд идет» — 363
«Темная вода» — 124
«Тени богов» — 124
«У святых могилок» — 388
«У теплого моря» — 346, 347
«Ученое горе» — 66
«Хлеб» — 196, 197, 220
«Черты из жизни Пепко» — 166
Мамонтов С.И. — 240, 255, 348
Манасени В.А. — 262, 368
Мандельштам И.Е. — 47
Маракуев — 194
Маркевич Б.М. — 386
Маркс А.Ф. — 33, 261, 265, 280, 337, 365, 403, 405, 445, 458, 478
Маркс К. — 128, 142, 271, 275, 294, 295, 377, 383, 461
«Капитал» — 383
Марлинский А. (Бестужев А.А.) — 298, 439
Мартов Э. (Бугон А.Э.) — 168
Маслов П.П. (П.М.) — 245, 369, 370
Матвеев П.А. — см. Ачкасов П.А.
Мачтет Г.А. — 18, 47, 49, 51, 66, 73, 94, 114, 129, 138, 180, 207, 262
«В тундре и в тайге» — 49
«Жид» — 129
«На заре» — 114
«Новые рассказы» (1891) — 18
«Силуэты» — 129
Медведский К.П. (К-ский; Quidam) — 61, 71, 74, 77, 82, 105, 106, 135, 142, 154, 165, 212, 234–236, 242–244, 253, 261, 273, 277, 279, 283, 287, 305, 313, 328, 331, 351
«В поисках нового» — 244
«Жертва безвременья» — 243
«Из “радикальной” журналистики» — 235
«Интеллигенты на каторге» — 234
«Лакейская беллетристика» — 106
«Новый пасквиль на русского мужика» — 261
«Один из забытых поэтов (о Ф.И.Тютчеве)» — 74
«Ответ “Русскому богатству”» — 235
«Отрицательная литература» — 283
«Символизм на русской почве» — 142
«Символическая комедия» — 253

- «Современные литературные деятели» — 165
- Мельшин Л. — см. Якубович П.Ф.
- Мещелесв Д.И. — 426
- Мендес К. — 83
- Меньшиков М.О. — 39, 50, 76, 86, 93, 101, 103, 110, 114, 116, 118, 123, 125, 127, 128, 130, 133, 153, 157, 176, 182, 184, 190, 220, 224, 227, 251, 274, 301, 342, 352, 356, 357, 392, 401, 411, 422, 423, 425, 426, 444, 452, 453, 461, 478
- «Без воли и совести» — 86
- «Вожди народные» — 453
- «Две правды» — 114
- «Думы о счастье» — 157, 356, 357
- «Китайская стена» — 130
- «Клевета обожания» — 251
- «Кончина века» — 478
- «Красивый циннизм» — 392, 453
- «Критические очерки» — 401
- «Критический декаданс» — 103, 118
- «Литературная хворь» — 116
- «Народные заступники и другие нравственно-бытовые очерки» — 444
- «О литературе будущего» — 93
- «О литературе и писателях» — 50
- «О любви» — 356, 357
- «О писательстве» — 356, 357
- «Покровительство музам» — 425
- «Пределы литературы» — 127
- «Пределы критики» — 101
- «Прогресс и предание» — 220
- «Работа совести» — 123
- «Роман хорошего человека» — 301
- «Смысл свободы» — 227
- «Старые и молодые таланты» — 153
- «Три стихии» — 423
- «Элементы романа» — 301
- Мережковский Д.С. — 10, 11, 13, 15, 16, 18, 25, 28, 37, 40, 42, 45–47, 49–51, 55, 59, 61, 62, 70, 74, 84, 85, 90, 92, 93, 98–102, 108, 110, 116, 118, 126, 128, 133, 136, 137, 141, 145, 149, 152, 159, 164, 167, 169, 170, 172, 182, 183, 186, 192, 193, 201, 205, 217, 219, 225, 227–230, 242, 248, 250, 251, 254, 286–288, 292, 293, 297, 299, 301, 302, 315, 336, 337, 339, 341, 344, 358, 359, 370–372, 384, 385, 387, 394, 414–416, 418, 432, 436, 447, 465, 466, 472, 473, 475, 480
- «А.Н.Майков» — 15
- «Бумажные цветы» — 118
- «В сумерки» — 136
- «Вера» — 61
- «Вечные спутники» — 250, 251
- «Возращение» — 59
- «Воскрешение бога» — 370, 371 (роман), 372, 475
- «Голубое небо» — 170
- «Гроза проняла» — 99
- «Две повеллы XV века» — 242
- «Дети ночи» («Перед грозой») — 164, 183
- «Зимние цветы» — 302
- «Зимний вечер» — 219
- «И вновь, как в первый день созданыя...» — 254
- «Конец века» — 61
- «Крестьянин во французской литературе»:
I. Бальзак — 159
II. Мишле — 205
- «Л.Толстой и Достоевский» — 472, 273
- «Леда» — 219, 227
- «Леонардо да Винчи» — 219
- «Любовь-вражда» — 84
- «Микель Анжелло» — 286
- «Мистическое движение нашего века» — 110

- «Не падо звуков» — 219
«Новые стихотворения» — 227, 229
«Ноябрь» — 219
«О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» — 85, 92, 100
«Ода человеку» — 149
«Осенью в Летнем саду» — 170
«Отверженный» («Юлиан Отступник») — 192, 193, 299
«Парки» — 84, 217, 227
«Перед грозой» — 254
«Песнь Маргариты» — 126
«Песня вакханок» — 172
«Песня во время грозы» — 152
«Праздник Пушкина» — 288
«Пустая чаша» — 219
«Рабство любви» — 219
«Свет вечерний» — 92
«Семья» — 28
«Символы» — 61, 62
«Скука» — 219
«Смерть» — 13, 16, 61
«Сорренто» — 254
«Спокойствие» — 302
«Темный ангел» — 219
«Франциск Ассизский» — 61
«Эту заповедь в сердце своем напиши» — 167
Мережковские — 336, 473
Метерлинк М. — 71, 107, 108, 125, 131, 132, 148, 153, 156, 189, 199, 201, 210, 211, 223, 224, 228, 232, 233, 235, 253, 261, 284, 354, 363, 364, 370, 420, 425, 435, 436, 465, 466
«Аглавена и Селизета» — 261
«Втируша» («Вторжение смерти») — 108, 232
«Ингерьер» («Тайны души») — 223
«Пелеас и Мелисанда» — 108
«Пять драм» — 232, 233 (пьесы)
«Семь принцесс» — 108, 232
«Слепые» — 153, 232, 284
«Смерть Таптажилл» — 232
«Тайны души» — 211, 232
«Три этюда» — 224
«Эгоизм» — 364
Мечников И.И. — 36, 68
«Закон жизни» — 36
Мешинг Э.И. — 211, 336, 358, 370
Мещерский В.П. — 64, 85, 147, 236
Микулич В. (Веселитская Л.И.) — 16, 69, 118, 127, 208, 225, 311, 336, 462
«Мимочка» — 16, 69, 311
«Мимочка на водах» — 16, 69
«Мимочка-невеста» — 69
«Мимочка отравилась» — 127
«Черемуха» — 311
Милоков П.Н. — 115, 178, 267, 429
«Разложение славянофильства» — 115
Минский Н.М. — 16, 45, 46, 47, 50, 51, 53, 55, 74, 84, 93, 98, 100, 110, 142, 153, 169, 172, 182, 186, 187, 215, 223, 229, 248, 254, 256, 258, 261, 265, 287, 302, 311, 313, 315, 320, 323, 325, 329, 331, 333, 334, 336, 337, 339, 348, 355, 357–359, 377, 384, 385, 414, 416, 435, 436, 451, 459, 465, 466, 471, 479, 480
«Альма» — 435, 436, 459
«Бездействие» — 110
«Вечерняя песня» — 254
«Гефсиманская почва» — 479
«Заветы Пушкина» — 377, 384
«Генрих Ибсен, его жизнь и литературная деятельность» — 258
«Картины и эскизы И.Е.Репина» — 265
«Молчание» — 110
«Несколько слов о современной русской поэзии» — 348
«Новые песни» — 479

- «Осенняя мелодия» — 254, 302
«Песня» — 254
«Песня песен» — 254
«При свете совести» — 256
«Смерть» — 110
«Сон» — 110
«Сонет» — 254, 302
«Стихотворения» (1896) — 215, 216
«Сухие листья» — 471
«У отшельника» — 254
«Усталость» — 110
«Холодные слова» — 223
«Шелест листьев» — 302
«Cum grano veneni» — 110
«Ospedaletti» — 254
- Мирбо О. — 71
Мирнов С. — 35
Миролюбов В.С. — 254, 318, 345, 364, 377
Миропольский А.Л. (Ланг А.А.) — 148, 149, 156, 168, 244
Михайловская Н.В. — 75, 88, 189, 271, 278
Михайловский Н.К. (Н.М.) — 9, 11, 13, 18, 19, 21, 23, 28–34, 36, 44, 45, 47–49, 51–53, 56, 57, 61, 64, 65, 67, 68, 71, 72, 76, 78, 79, 81, 85, 86, 88, 89, 91, 94, 95, 100–102, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 119, 121, 122, 124, 128, 129, 131–133, 135, 137, 142–146, 150, 151, 155, 158, 159, 162–164, 166, 167, 170, 173, 176, 179, 182–184, 187, 190, 191, 195, 199, 202–205, 207, 210, 211, 215–217, 226, 227, 229, 235, 236, 249, 250, 252, 255, 256, 258, 260, 262, 263, 266, 270, 271, 275, 278, 279, 281, 283, 286, 287, 289, 291, 293–295, 298–301, 307, 314, 316–318, 321, 322, 326, 327, 329–331, 333, 334, 344–346, 348, 352, 353, 359, 364, 369–371, 379, 382, 384, 385, 388, 389, 396, 398, 404, 405, 408, 410, 414, 415, 419, 420, 425, 429, 434, 435, 441, 442, 444, 445, 448, 449, 451, 455, 461, 464, 468–470, 472, 473, 475, 476
«Герой безвременья» — 32
«Декамерон» — 51, 52
«Г-жа Гиппиус и “ступени к новой красоте”» — 216, 217
«Еще по поводу современной беллетристики» — 369
«Еще о г. Максиме Горьком и его героях» — 298, 299, 322
«Еще о декадентах, символистах и магах» — 109
«Карьера Оладушкина» — 11, 111, 388, 389
«Кое-что о г. Чехове» — 252, 331, 441
«Литература и жизнь» — 21, 49, 53, 61, 68, 108, 131, 142, 146, 150, 155, 159, 173, 182, 236, 289, 388, 476
«Литературные воспоминания и современная смута» — 444
«Мой промах» — 476
«О г. Максиме Горьком и его героях» — 321
«О г. Розанове и о том, почему он отказывается от наследства. О мозанчности культуры» — 81
«О г. Соловьеве, как “моменталисте-трансформисте” и развизном человеке вообще» — 404
«О гр. Л.Н.Толстом» — 146
«О гр. Льве Толстом и наркотиках» — 9
«О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова» — 329
«О совести г. Минского, страхе смерти и жажде бессмертия» — 256

- «О страшной силе г. Novus'a, о моей робости и о некоторых недоразумениях» — 293
«Об экономическом материализме» — 142
«Памяти Я.П.Полонского» — 344
«Письма о разных разностях» — 33
«Русское отражение французского символизма» — 102
«Случайные заметки» — 85, 86
«Сочинения» (1896–1897) — 250
«Фальсификация художественности» — 44, 48
«Четыре художественных выставки» — 316
Михаловский Д.Л. — 353
Михневич В.О. — 95, 104, 123
«Барышня-баловница» — 95
«Чем мы живы?» — 123
Мицкевич А. — 353
Мишле Ж. — 205
Мокиевский П.В. — 264
«Молодая поэзия», сб. — 182, 183
Мольер Ж.-Б. — 137
Мопассан Г. — 25, 83, 129, 134, 301, 340, 379
Мордовцев Д.Л. — 472
Мореас Ж. — 83
Морозов П.О. (Северов; П.М.) — 19, 114, 227, 230, 344, 398, 409, 413, 417, 420, 424, 425, 435, 448, 461, 478, 480
Морозовы, коллекционеры — 240
Музиль Н.И. — 319
Муравьев Н.В. — 232
Муравьев Н.Н. — 10
Муратова К.Д. — 365, 440
«Возникновение социалистического реализма в русской литературе» — 365, 440
Мякотин В.А. — 286, 287, 388, 455, 469
«Из Пушкинской эпохи» — 388
«Новые слова о старых деятелях» — 286, 287
Мясоедов Г.Г. — 316, 375
Meditator — 256
«Из области современной мысли» — 256
Надеждин Н.И. — 83
Надсон С.Я. — 45, 74, 90, 105, 182, 186, 230, 280, 296, 414, 437, 465
Накрохин П.Е. — 420
Налимов А.П. — 333
Нани С.П. — 354
Натансон М.А. — 151
Наумов Н. (Коган Н.Л.) — 106, 128, 129
«В глухом местечке» — 106, 128, 129
Наумов Н.И. — 121, 279, 306
Неведомский М. (Миклашевский М.П.) — 370, 372, 375, 382, 388
«О современном искусстве» — 375
«Художник-интеллигент» — 370
Недолин А.О. (Благодаразумов А.О.) — 376, 416, 429
Некрасов Н.А. — 19, 21, 100, 215, 228, 296, 318, 336, 458, 465, 481
Немирович-Данченко Вас.И. — 175, 181, 241, 242, 267
«Волчья сыть» — 241, 242
Немирович-Данченко Вл.И. (Гобой) — 14, 38, 51, 87, 204, 265, 272, 273, 282, 319, 325, 336, 341, 343, 353, 397, 427, 462
«Губернаторская ревизия» — 204
«Цена жизни» — 265
Нервный Ник. — 331
«Футлярные люди» — 331
Нерон — 465

- Нестеров М.В. — 113, 187, 240, 255, 282, 284, 285, 288, 290, 316, 348, 350, 380, 387, 431, 443, 446, 451, 452
- Нефедов Ф.Д. — 110, 137
- «Детство Протасова» — 110
- Николаев Н.Н. (Н.Н.) — 169, 201
- «Русские символисты и кое-что о символизме вообще» — 169, 201
- Николаев П.Ф. — 6, 79, 135, 190, 192, 197, 210, 213, 224, 231, 232, 238, 244, 246, 253, 259, 277, 285, 286, 290, 294, 297, 302, 303, 311, 315, 324–326, 337
- «Вопросы жизни в современной литературе» — 6
- Николаев Ю. — см. Говоруха-Отрок Ю.Н.
- Николаевский Б.В. — 251
- Николай II — 167, 171 (царь), 176, 177, 236, 452
- Никольский Б.В. — 230, 237, 264
- Ницше Ф. — 45, 90, 91, 103, 128, 141, 154, 159, 161, 173, 182, 186, 192, 193, 213, 215, 226–228, 249, 250, 263, 269, 291, 299, 322, 332, 335, 339, 352, 354, 355, 358, 363, 372, 377, 385, 393, 407, 408, 412, 415, 420, 425, 435, 436, 439, 442, 445, 453, 461, 466, 475, 479, 480
- «Вагнерианский вопрос» — 161
- «По ту сторону добра и зла» — 479
- «Помрачение кумиров» — 479
- «Происхождение трагедии» («Рождение трагедии») — 249, 372, 479
- «Так говорил Заратустра» — 186, 269, 354, 355, 372, 379, 480 (Заратустра)
- «Человеческое, слишком человеческое» — 479
- Нович Н. (Бахтин Н.Н.) — 168
- Нордау М. — 83, 131, 132, 145, 237, 244
- «Вырождение» — 131, 132
- Нотович О.К. — 308
- Обнинский П.Н. — 123
- «Из области современной этики» — 123
- Оболенская М.Л. — 462
- Оболенский Л.Е. (Л.О.; Созерцатель) — 15, 20, 50, 116, 125, 135, 136, 145, 154, 184, 189, 207, 215, 253, 257, 259, 262, 267, 274, 371, 381, 386, 389, 410, 439
- «Гетеризм и героизм» — 50
- «Журнальное обозрение» — 386
- «Молодые таланты. I. З.Н.Гиппиус» — 386
- «Народ в жизни и народ в литературе» — 274
- «Орган наших марксистов» — 371
- «Печальное и радостное в текущей литературе» — 259
- «Почему столичная публика не поняла “Чайки” Ант. Чехова» — 253
- «Правда ли, что наша журналистика падает?» — 215
- «Реклама или безумие» — 125
- «Что такое новый роман г. Боборыкина?» — 154
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. — 251, 340, 370, 423
- «А.П.Чехов» — 340
- Огарев Н.П. — 229, 230, 481
- Одоевский В.Ф. — 416
- Ольденбург С.Ф. — 370
- Омулевский И.В. — 80
- Онэ Ж. — 132
- Островский А.Н. — 78, 139, 206, 267, 391, 392
- «Бедная невеста» — 206

- [«Бедность не порок»] — 391, 392 (Любим Торцов)
- Острогорский В.П. — 32, 38, 124, 262, 414
- «Поэт сермяжных героев» — 414
- «Мотивы лермонтовской поэзии» — 32
- «С.Т.Аксаков» — 38
- Остроумов А.А. — 272
- Остроухов И.С. — 348, 452
- «Отклик», сб. — 52
- П.Я. — см. Якубович П.Ф.
- П-в — 289
- «Капитал идет!» — 289
- Павленков Ф.Ф. — 13, 18, 39, 49, 65, 94, 119, 159, 195, 258
- «Памяти А.А.Потебни», сб. — 83, 84
- «Памяти В.А.Гольцева», сб. — 106, 107, 145, 161, 177
- Павловский А. — 35
- Пальмин Л.И. — 13
- Паптелеев Л.Ф. — 166, 176, 179, 262
- Папер Я.Л. — 180
- Парнис А.Е. — 6
- Пастернак Л.О. — 69, 308, 373
- «Первые литературные шаги», сб. — 210
- Переплетчиков В.В. — 282, 403
- Перцов В.В. — 182
- Перцов П.П. — 61, 80, 92, 93, 96, 100, 128, 133, 148, 182–184, 186, 187, 198, 200, 214, 217–219, 228–230, 232, 251, 292, 293, 297, 301, 310, 337, 341, 383, 387, 388, 394, 410, 415, 417, 418, 432, 447, 473, 475
- «Изъяны творчества (Повести и рассказы А.Чехова)» — 100
- «Литературные воспоминания» — 93, 128, 182, 293
- «Литературные окаменелости» — 388
- «Письма о поэзии» — 187
- «Психология русского марксизма» — 383
- Петерсен В.К. (А.-т; Ладожский Н.) — 22, 31, 132, 252, 261, 269, 281, 286, 288, 291, 298, 418
- «Гений на суде психиатра» — 132
- «Крайности индивидуализма» — 22
- Петр I — 104
- Пешехов А.В. — 346, 384, 469
- «Неудавшийся праздник» — 384
- Пешкова Е.П. — 396
- Писарев Д.И. — 3, 19, 68, 83, 119, 159, 160, 183, 211, 227, 287, 358, 472, 481
- Писемский А.Ф. — 72, 164, 184, 281
- «Взбаламученное море» — 72, 281
- Плетнев П.А. — 166
- Плеханов Г.В. (Бельтов Н.; Каменский Н.; Н.К.) — 58, 91, 163, 212, 222, 277–280, 289, 292
- «К вопросу о развитии монашеского взгляда на историю» — 163
- «Н.И.Наумов» — 279
- «О материалистическом понимании истории» — 289
- «Судьбы русской критики» — 277, 278
- Плещеев А.Н. — 26, 51, 67, 93, 124, 330
- Плотников М.А. — 79, 112
- По Э. — 180, 194
- «Баллады и фантазии» — 180
- «Таинственные рассказы» — 194
- Победоносцев К.П. — 237, 300, 344
- «Московский сборник» — 237
- Поварнин С.И. (С.П.) — 246
- Погодин М.П. — 166
- Погожева А.В. (А.П-ва) — 51
- Полевой Н.А. — 83, 211
- «Параша Сибиряка» — 211
- Полежаев А.И. — 230
- Полепов В.Д. — 240, 348, 366

- Поленова Е.Д. — 282, 348, 350, 366, 431
- Полилов Н.Н. — 372
- Полнер Т.И. — 269, 333, 436, 454
- Половцев А.В. — 366, 375
- Полонский Я.П. — 11, 13, 46, 50, 54, 93, 114, 171, 193, 194, 224, 230, 248, 263, 287, 313, 344, 416
- «Декадент» — 224
- «Навеянное» — 313
- «О законах творчества» — 114
- «По поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л.Н.Толстого» — 193, 194
- Полтавский М. (Дубинский М.И.) — 140, 173, 183, 188, 191, 192, 195, 196, 199, 203, 204, 209, 214
- Поляков С.А. — 230, 234, 437, 456
- «Помощь голодающим», сб. — 51, 52
- Помяловский Н.Г. — 195, 416, 442
- Попов А.Н. — 249, 255, 256, 268
- «Вопрос о передаче журнала “Новое слово” в суде чести Союза русских писателей» — 268
- Попов Е.И. — 64
- Попов М. — 53
- Попов С.И. — 66, 167, 226, 278
- Попова О.Н. — 190, 208, 255, 256, 267, 268, 370, 469, 470
- Португалов В.В. — 245
- Поссе В.А. — 114, 176, 191, 233, 241, 249, 253, 266, 267, 269, 284, 285, 298, 311, 314, 322, 326, 331, 335, 352, 363, 364, 384, 393, 395, 405, 422, 426, 459, 462, 474
- «Мой жизненный путь» — 176
- «На холере» — 114
- «Певец протестующей тоски» — 322
- Потапенко И.Н. (Неизвестный; Фингал) — 13, 15, 17, 24, 25, 31, 37, 44–46, 50, 51, 53, 58, 65, 66, 70, 71, 73, 80, 87, 98, 100, 126, 127, 138, 147, 170, 175, 180, 187, 195, 208, 220, 225, 247, 262, 274, 285, 326, 341, 344, 381, 401, 413, 420, 427, 439, 464, 465, 470, 473
- «Встреча» — 381, 413
- «Генеральская дочь» — 24
- «Добрые люди» — 31
- «Задача» — 66
- «Здравые понятия» — 17, 53
- «Земля» — 73
- «Исполнительный орган» — 87
- «Клавдия Михайловна» — 187
- «Крылатое слово» — 13
- «Любовь» — 80
- «На действительной службе» — 53, 147
- «На пенсию» — 126
- «Не герой» — 44, 50
- «Общий взгляд» — 24, 25
- «Проклятая слава» — 17
- «Речные люди» — 195
- «По голодным местам» — 58
- «Светлый луч» — 326
- «Семейная история» — 126
- «Смертный бой» — 170
- «Шестеро» — 31
- Потапов А.И. — 276, 331, 357, 374, 427, 429
- «А.П.Чехов и публицистическая критика» — 276, 331, 427
- «Общественная философия г. Меньшикова» — 357
- Потебня А.А. — 47, 83, 165
- «Из записок по русской грамматике» — 165
- «Из лекций по истории словесности» — 165
- «Мысль и язык» — 165
- Потехин А.А. — 38, 243, 263, 284, 343, 425, 433, 465
- Потресов А.Н. (А.К-р-ий) — 222, 245, 378, 379

- «Не в очередь» — 379
«Почип», сб. — 187
«Пошечина общественному вкусу», сб. — 5
Преображенский Вл. — 288, 293, 298, 305, 324, 341, 347, 361, 362, 376
Преображенский В.П. — 90, 355
 «Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма» — 90
Протопопов М.А. — 13, 21, 28, 36, 44, 47, 49, 51, 55–57, 59, 69, 74, 77, 79, 83, 91, 94–96, 100, 101, 104, 105, 111, 121, 123, 133, 154, 159, 161, 183, 185, 189, 190, 203, 208, 211, 213, 228, 233, 234, 242, 248, 276, 288, 296, 300, 314, 323, 341, 357, 387, 396, 398–402, 411, 419, 432, 434, 444, 472
 «Беллетрист-публицист» — 77
 «Беллетристы новейшей формации» — 398
 «Бодрый талант» — 341
 «Большой талант» — 49
 «Воинствующее народничество» — 121
 «Гончаров» — 44
 «Женское творчество» — 21
 «Жертва безвременья» — 79
 «Критик-декадент» — 211
 «Критика критиков» — 401
 «Из истории нашей литературной критики» — 83
 «Литературно-критические характеристики» — 203
 «Народник-идеалист» — 74
 «Не от мира сего» — 411
 «Немного философии и немного поэзии» — 444
 «Писатель-головотяп» — 419
 «Писатель-оптимист» — 189
 «Письма о литературе» — 36, 55, 57, 91
 «Поэт-ветеран» — 248
 «Поэт забытых слов» — 69
 «Поэты переходного времени» — 296
 «Прекрасный закат» — 432
 «Пропадающие силы» — 323, 387
 «Психологический вопрос» — 28
 «Публицист-идиллик» — 357
 «Свободное творчество» — 154, 155
 «Удобная мораль» — 185
 «Ярмарка женского тщеславия» — 51, 95
Пружанский Н. — 261, 262
 «Наша книга на базаре житейском» — 261, 262
 «Путь-дорога», сб. — 119, 120
Пушкин А.С. — 16, 89, 94, 150, 166, 205, 207, 228–230, 241, 250, 257, 283, 288, 296, 345, 352, 377, 383–385, 388, 395, 414, 416, 417, 443, 465, 481
 «Евгений Онегин» — 16
 «Поэт и толпа» — 166 («Чернь»), 230
Пыпин А.Н. (Т.; А. В-н) — 13, 19, 33, 159, 160, 179, 327, 356, 461, 468
Пятковский А.П. (Номо Novus; Ефим Простосердов) — 260, 263, 399, 426, 430, 472
Пятницкий К.П. — 452, 468
Радищев А.Н. — 3, 83, 405, 481
 «Путешествие из Петербурга в Москву» — 83
Радлов Э.Л. — 265, 456
Рахманинов С.В. — 446
Рейнгольд А.А. — 116, 278
 «Герман Зудерман» — 278
 «Драматург-реформатор» — 116
Рембо А. — 74, 83, 120
Рембрандт — 266
Ремзов М.Н. (Ан.) — 47, 60, 63, 354

- Репин И.Е. — 60, 87, 90, 104, 131, 157, 252, 265, 290, 309, 312, 313, 348, 349, 366, 380, 396, 443, 446
«В защиту новой Академии художеств» — 290
«Заметки художника» — 157
«Письма об искусстве» — 131
«По адресу “Мира искусства”» — 380
- Рерих Н.К. — 375
- Рескин Дж. — 288, 431
- Решетников Ф.М. — 80, 135, 152, 203, 382
«Между людьми» — 135
- Рихтер В.Ф. — 33
- Ровинская И.Л. — 6
- Розанов В.В. — 4, 14, 22, 31, 68, 81, 115, 119, 125, 143, 179, 201–203, 215, 224, 227, 229, 236, 237, 242, 251, 254, 263, 271, 281, 288, 292, 301, 327, 338, 384–386, 409, 414, 417–419, 434, 436, 443, 447, 451, 456, 472, 473
«В чем главный недостаток наследства 60–70 годов» — 31
«Два исхода» — 31
«Две гаммы человеческих чувств (по поводу Ходынской катастрофы)» — 236, 237
«Еще о мозаичности и эклектизме в истории» — 81
«Кому “горе от ума” в действительной жизни?» — 227
«Красота в природе и ее смысл» — 215
«Кроткий демонизм» — 301
«“Легенда о Великом Инквизиторе” Ф.М.Достоевского» — 14, 22
«Литературные волнения» — 229
«Литературные изгнанники» — 22
«Литературные очерки» — 418
- «Может ли быть мозаична историческая культура?» — 81
«Несколько слов о Гоголе» — 22
«Нечто о декадентах, “лампадном масле” и о проицительности нашей критики» — 254
«О символистах» — 201, 202
- «О трех фазисах в развитии нашей критики» — 81
«Обманчивые слова» — 386
- «Ответ г. Вл.Соловьеву» — 143
«Пассивные идеалы» — 409
«1 марта 1881 г. — 18 мая 1896 г.» — 237
«По поводу одной тревоги графа Л.Н.Толстого» — 202
«Почему мы отказываемся от наследства?» — 31
«Природа и история» — 418
«Путанные идеи» — 386
«Религия и культура» — 417–419
«Свобода и вера. По поводу религиозных толков нашего времени» — 179
«Семья и жизнь» — 301
«Смена мировоззрений» — 179
«Смысл аскетизма» — 301
«Судьбы нашего журнального консерватизма» — 338, 451
«Сумерки просвещения» — 417
«Умственные течения в России за 25 лет» — 434
«Христианство пассивно или активно» — 288
«Что приснилось философу» — 447
- Рок Н. (Ракшанин Н.С.) — 374, 397, 463
- Романов К.К. (К.Р.) — 344, 425, 433 (Константин Константинович), 434
- Ростан Э. — 221, 328, 424
«Принцесса Греза» — 221
«Сирано де Бержерак» — 328, 424

- Ростиславов А.А. (Александр Р.; А.Ров) — 253, 308, 431
«Обновление искусства и партийность художников» — 431, 432
- Рубакин Н.А. — 26, 30, 45, 136, 262, 267, 370
«Из жизни одной бесплатной читальни» — 45
«К характеристике читателя и писателя из народа» — 26
«Митрошкино жертвоприношение» — 370
«Читающая публика» — 30
- Русанов Г.А. — 133, 140, 271
- Русанов Н.С. (Кудрин Н.; Подарский В.Г.; Сергиевский Ив.) — 58, 163, 207, 333, 389, 405, 429, 460, 464, 465, 470, 474
«Голод в России» — 58
«Наша текущая жизнь» — 474
«Русские символисты», сб.:
Вып. 1-й — 148, 169, 348
Вып. 2-й — 156, 168, 169, 348
Вып. 3-й — 198, 348
- Руссо Ж.-Ж. — 68
- Рыбаков К.Н. — 319
- Рылов К. (Соколов А.А.) — 248
«“Чайка”, или Подлог на Александрийской сцене» — 248
- С. — 186
- С-в К. — 116, 123
«Совет гр. Л.Н.Толстого» — 123
- Ст-ий П.О. — 393
- Саблин М.А. — 166
- Савицкий К.А. — 451
- Саводник В.Ф. — 467
«Современная русская лирика» — 467
- Савонарола — 314
- Салов И.А. — 208
- Салтыков-Щедрин М.Е. — 19, 21, 79, 106, 147, 215, 284, 305, 330, 375, 405
- Санин А.А. — 245, 271
- «“Самарский вестник” в руках марксистов» — 245, 271
- Сапожниковы, коллекционеры — 240
- Сарду В. — 279
- Сафо — 228
- Сафонов С.А. (Печорин С.) — 211, 353
- «Сборник в пользу голодающих» — 47
- Сведенцов-Иванович И.И. — 222
«Кошмар» — 222
- Сверский А.И. — 194, 195, 238, 378, 395, 459
- «По тюрьмам и вертепам» — 194
- «Погибшие люди» — 195, 378
- «Преступник» — 459
- «Смертная казнь и другие рассказы» — 395
- «Смех и горе» — 237
- Свифт Дж. — 137
- Северин Н.И. — 242
- «Северные цветы», альм. — 460
- Селиванов Н.А. — 408
- Селецкий А.А. — 234
- Семевский В.И. — 121, 262, 469
- Семенов М.Н. — 266–268
- Семенов С.Т. — 160
«Крестьянские рассказы» — 160
- Сементковский Р.И. — 71, 72, 94, 131, 132, 165, 210, 213, 265, 281
«Что такое Ибсен» — 165
- «Шестидесятые годы и современная беллетристика» — 71
- Семирадский Г.И. — 316
- Сенкевич Г. — 291, 353
- Сенковский О.И. — 416, 417
- Серафимович А.С. — 17, 210, 214, 220, 244, 332, 388, 417
«Аптека ночью» — 244
«В тундре» — 17
«На заводе» — 388
«На льдине» — 17
«На плотях» — 17

- «Подземлей» — 210
«Под праздник» — 214
«Снепщик» — 332
Сервантес М. — 250
Сергеев Н. А. — 366
Сергеенко П. А. — 343
Серов В. А. — 60, 282, 308, 316, 348, 350, 366, 431, 451, 452
Серошевский В. Л. — 179, 220, 370, 386, 395, 400, 401, 429, 440
«Повести и рассказы» (1900) — 429
«Предел скорби» — 440
«Риштау» — 386
«Хайлак» — 179
«Чукчи» — 395
«Якутские рассказы» — 179
Сибиряков К. М. — 119
Сипягин Д. С. — 468
Скабичевский А. М. — 10, 13, 16, 18–21, 24–26, 28, 31, 33, 34, 36, 45, 48–50, 52, 53, 56, 59, 60, 66, 71, 76, 77, 79, 80, 86, 87, 93, 98, 100, 101, 106, 107, 111, 114, 117, 121, 123, 125, 127, 130, 135, 137, 139, 144, 146, 147, 152, 154, 156, 157, 160, 166, 176, 178, 181, 183, 185, 187, 189, 193, 194, 197, 203, 206–209, 211, 217, 225, 227, 230–232, 238, 248, 249, 253, 257, 259, 262, 267, 268, 270, 274, 285, 286, 288, 292, 295, 296, 305, 313, 320, 324–326, 331, 345, 347, 353, 358, 359, 361–363, 373, 376, 382, 389, 393, 402, 404, 411, 412, 424, 434, 473
«Больные герои больной литературы» — 259
«Дмитрий Наркисович Мамин» — 249
«Есть ли у г. Чехова идеалы?» — 106
«Еще несколько слов о связи мистицизма с большой совестью» — 130
«История новейшей русской литературы» — 71, 292
«Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне» — 345, 346
«Кое-что из моих личных воспоминаний» — 45
«Курьезы и абсурды молодой критики» — 230
«Литература в жизни и жизнь в литературе» — 208
«Мужик в русской беллетристике» — 382
«Не понимающий себя талант» — 53
«Падающие звезды» — 402
«Сатурналии последних эстетиков» — 79
«Спор Нового года со Старым» — 98
«Типы строптивых людей среди народа» — 285
«Чем отличается направление в искусстве от партийности (По поводу сочинений Н. С. Лескова)» — 26
«Эстетические понятия г. Михайловского» — 19
Скворцов И. В. (Solo) — 212
Скворцов П. Н. — 142, 245
«Экономическая причина голодовок в России» — 142
Скиталец (Петров С. Г.) — 417, 470, 471
«Октава» — 470, 471
Скитянин — 206
«Поэзия аскетической любви» — 206
Скляр А. С. (Ляр.) — 356, 387, 400, 416, 429
«Бытописатель провинциальной жизни» — 356
Скрябин А. Н. — 350

- Скрябина-Исакович В.И. — 350
Славинский М.А. (М.С.) — 355, 356
Славянский М. (Шевляков М.В.) — 199
Слепцов А.А. — 48, 50, 66, 115, 207
 «Литература в 1891 г.» — 48, 50, 66
 «Н.Е.Петропавловский (Каролин)» — 115
Слепцов В.А. — 461
Слонимский Л. З. (Л.С.; Л.) — 28, 185, 237, 239, 256, 456
 «О “великой лжи” нашего времени» — 237
Случевский К.К. — 20, 46, 54, 93, 165, 207, 269, 305, 337, 344, 353, 365, 407, 414, 416, 434, 466
 «Исторические картинки» — 207
 «Песни из уголка» — 305, 337, 365
 «Профессор бессмертия» — 20
 «Сочинения» (1898) — 337
Смагин А.И. — 48
Смирдин А.Ф. — 416
 «Сто русских литераторов» — 416
Смирнов А.А. — 253
 «Театр душ» — 253
Смирнова С.И. — 21
Собко Н.П. — 349, 350
Соболевский В.М. — 52, 78, 88, 433, 438
Современник — 50, 86
Соловьев Вл.С. (Вл.С.) — 4, 14, 15, 24, 25, 29, 30, 33, 37, 39–41, 46, 47, 51, 52, 55, 56, 79, 81, 91, 115, 116, 128, 141–143, 149–151, 155, 169, 182, 189, 193, 196, 199–201, 205, 207, 219, 230, 237, 242, 262–265, 269, 287, 288, 301, 302, 330, 344, 355, 377, 385–387, 417, 425, 426, 433, 435, 443, 444, 447, 448, 455, 456, 475, 477
 «А.А.Фету» — 302
 «Белая лилия» — 142
 «Белые колокольчики» — 417
 «Буддийское настроение в поэзии» — 155
 «В Архипелаге ночью» — 355
 «Вновь белые колокольчики» — 477
 «Две сестры» — 417
 «Дракон (Зигфриду)» — 477
 «Другу молодости» — 302
 «Еще о символистах» — 199
 «Запоздалая вылазка из одного литературного лагеря» — 30
 «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» — 414
 «Идеал сверхчеловека» — 377
 «Идолы и идеалы» — 29
 «Из вопросов культуры. Исторический сфинкс» — 116
 «Иматра» — 219
 «Импрессионизм мысли. Стихотворения К.Случевского» — 269
 «Личная нравственность и общее дело» — 51
 «Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи» — 355
 «Лучей блестящих полк за полком» — 219
 «Милый друг, иль ты не видишь» — 205
 «Мимо Троицы» — 355
 «Мнимые и действительные меры к подъему народного благосостояния» — 91
 «На смерть А.Н.Майкова» — 302
 «На том же месте» — 355
 «Народная беда и общественная помощь» — 39
 «Национальный вопрос в России» — 33, 386
 «Наш грех и наша обязанность» — 39
 «Нет, силой не свернешь тяжелого покрыва...» — 302

«Нильская дельта» — 355
«Ночь на рождество» — 219
«О подделках» — 25
«О поддельном добре» — 447
«О причинах упадка средневекового мирозерцания» — 40, 56
«Око вечности» — 302
«Оправдание добра» — 263, 264
«Опять надвинулись» — 219
«Особое чувство Пушкина» — 443
«Ответ на “Плач Ярославны”» — 355
«Отзыв на “Песни из уголка”» — 305
«Отшедшим» — 219
«Памяти А.А.Фета» — 302
«Первый шаг к положительной эстетике» — 128, 141
«Песня моря» — 355
«Порфирий Головлев о свободе и вере» — 355
«Поэзия гр. А.К.Толстого» — 189
«Поэзия Я.П.Полонского» — 193
«Против исполнительного листа» — 385
«Родина русской поэзии» — 219
«Русская философская литература» — 15
«Сайма зимой» — 219
«Сайма» — 241
«Словесность или истина» — 269
«Слово увещательное к морским чертям» — 355
«Смысл войны» — 196, 264
«Смысл любви» — 143
«Сон наяву» — 219
«Старому другу» — 302
«Стихотворения» — 24, 205, 443
«Судьба Пушкина» — 287
«Сумерки над Иматрой» — 219
«Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой истории об

Антихристе и с приложениями» — 447, 448
«Три свидания» — 355, 443
«У себя» — 417
«Я озарен осеннею улыбкой...» — 302
«Ex oriente lux» — 205
«Les Revenants» — 477
Соловьев В.С. — 41, 46
Соловьев Е.А. (Андреевич; А.; А-ч; Е.С.; Скриба П.; Scr.) — 22, 32, 34, 37, 39, 41, 43, 44, 51, 119, 216, 217, 225, 227, 228, 232, 235, 238, 241, 259, 264, 269–272, 274, 276, 277, 283, 286, 288, 289, 291, 295, 297, 309, 310, 313, 321, 328, 332, 335, 364, 372, 377, 386, 390, 395, 404, 405, 407, 412, 415, 418, 419, 424, 428, 430, 434, 435, 437, 442, 445, 447, 454, 455, 457–461, 463, 466, 474, 479, 480
«Антон Павлович Чехов» — 377, 390
«Возрождение романтизма» — 291
«Вольница» — 442, 454, 457
«Д.И.Писарев, его жизнь и литературная деятельность» — 119
«Заметки об искусстве» — 51
«Искание смысла жизни» — 407
«Книга о Максиме Горьком и А.П.Чехове» — 461
«Марксизм и мужик» — 276
«Настроения» — 480
«О журнале эклектическом» — 434
«О многописании и мародерстве» — 447
«О новых песнях г. Минского» — 479
«О сословном духе литературы» — 404

- «О хищниках и одиноких людях» — 424
«Об идеалах» — 442
«Очерки текущей русской литературы» — 428, 459, 460
«Поэтико-баллетристические результаты 1896 года» — 259
«Прекрасное есть жизнь» — 395
«Семидесятые годы» — 404
«Голстой и культура» — 430
Соловьев М.П. — 300
Соловьева П.С. (Allegro) — 210, 344, 356, 416
«Стихотворения» (1899) — 356
Сологуб Ф.К. — 5, 84, 110, 152, 161, 172, 173, 201, 213, 214, 217, 218, 220, 229, 235, 238, 243, 244, 246, 249, 254, 258, 259, 287, 292, 302, 332, 336, 344, 358, 359, 363, 382, 384, 385, 414, 416, 417, 450, 466
«В мае» — 152
«Для чего этой тленной жизнью болеть» — 243
«Золотого счастья кубок» — 254
«Золушка» — 332
«К звездам» — 244
«Красота» — 363
«Короткая радость сгорела...» — 302
«Мелкий бес» — 5
«Настроенный мимолетных» — 249
«Не опасайтесь шутки смелой» — 243
«Негодование» — 161
«Порою туманной» — 302
«Приручив себя к мечтаньям» — 254
«Проклятие смеху» — 417
«Проходил я мимо сада» — 254
«Путь мой трудный, путь мой длинный» — 302
«Снова сердце жаждет воли» — 254
«Стихи. Книга 1-я» — 217, 229
«Творчество» — 110
«Тени» — 172, 173
«Тени. Рассказы и стихи» — 246
«Тяжелые сны» — 213, 214, 220
«Утешение» — 382
«Царевной мудрой Арнадной» — 254
«Червяк» — 238
«Я верю в творящего Бога» — 417
Сомов К.А. — 282, 316, 348, 350, 366, 380, 431, 432
Софокл — 70, 341, 462
«Антигона» — 70, 341
Спасович В.Д. — 34, 250, 262, 368
Спинноза Б. — 30
Спенсер Г. — 265
Средин Л.В. — 423, 457
Станиславский К. С. — 14, 51, 177, 282, 319, 325, 441, 477
Стапокович В.К. — 169, 193, 198, 204, 379, 395
Станюкович К.М. (Откровенный писатель) — 10, 16, 20, 33, 51, 66, 76, 84, 92, 126, 135, 176, 207, 208, 210, 225, 252, 262, 266, 267, 299, 300, 364, 401, 413
«Бесшабашный» — 66
«В море!» — 126
«Вокруг света на “Коршуне”» — 252
«Жрецы» — 299
«История одной жизни» — 210
«Морские силуэты» — 208
«Моряки. Очерки и рассказы» — 33
«Нянька» — 208
«Пассажирка» — 84
«Первогодок» — 364
«Первые шаги» — 10, 16, 20
«Равнодушные» — 413
«Решение» — 92
«Современные картинки» — 300
Старый Книгоед — 41

- Стасов В.В. — 60, 90, 105, 113, 126, 132, 133, 290, 293, 307, 308, 311, 313, 349, 366, 373, 380, 409–411
«Нищие духом» — 349
«Подворье прокаженных» — 366
«Радость безмерная» — 311
«Чудо чудесное» — 380
- Стасюлевич М.М. — 10, 33, 34, 37, 47, 69, 128, 150, 282, 354, 432, 438, 443, 479
- Стахесв Д.И. — 14, 242
«Карточный вор» — 14
- Степняк Ф.М. — 301
- Степняк-Кравчинский С.М. — 97, 117, 141
«Андрей Кожухов» — 97
- Стороженко Н.И. — 38, 187, 375
- Страхов Н.Н. — 15, 22, 30, 36, 65, 81, 85, 86, 100, 113, 118, 119, 137, 176, 179, 184, 206, 224, 227, 242, 314, 434, 455
«Толки о Толстом» — 36
«Философские очерки» — 179
- Стрепетова П.Я. — 343
- Стриндберг А. — 45
- Струве П.Б. (Novus) — 151, 162, 163, 222, 229, 245, 267–269, 274, 275, 293, 294, 300, 364, 369, 370, 384, 396, 403, 418, 420, 428, 455, 468–470
«Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» — 162
«О нашем времени» — 428
«Романтика против казенщины» — 418
- Суворин А.А. — 104, 105
- Суворин А.С. — 16, 18, 24–28, 30, 33, 34, 37, 40–42, 46, 52, 59, 61–63, 68, 75, 76, 80, 90, 93, 95, 99, 104, 105, 107, 132, 134, 135, 148, 161, 171, 177, 180, 182, 188, 194, 196, 197, 210, 221, 225, 236, 240, 247, 252, 260, 268, 269, 272, 273, 281, 283, 284, 300, 338, 366, 367, 381, 383, 385, 416, 425, 436, 450, 458, 467, 468, 471, 472
«Маленькие письма» — 368
- Сулержицкий Л.А. — 474
- Сумбатов-Южин А.И. — 272, 273, 319
- Сумцов Н.Ф. — 83
- Суриков В.И. — 316, 375
- Сытин И.Д. — 70, 82, 134, 173, 262
- Тан Н. (Богораз В.Г.) — 282, 370, 383, 384, 388, 398, 400–402, 437
«Моя муза» — 370
«На стойбище» — 282
«Разбойникам пера» — 383
«Стихотворения» (1900) — 437
«Чукотские рассказы» — 400
- Танеев С.В. (С.Т.) — 247
«Петербургские письма» — 247
- Танеев С.И. — 196
- Тард Ж. — 49
«Законы подражания» — 49
- Тарле Е.В. — 227, 267, 370
- Тверитянин — 116
- Теккерей В. — 438
- Телешов Н.Д. — 265, 382, 417, 467, 478
«За Урал. Из скитаний по Западной Сибири» — 265
«Записки писателя» — 417
«Повести и рассказы» (1899) — 382
- Тенишева М.К. — 348
- Терзаев С. (Патараки С.А.) — 198, 199
- Тернер К. — 65
- Тимковский Н.И. — 78, 243, 244, 259, 272, 276, 277, 303, 364, 413, 416, 445, 446, 457
«В борьбе за жизнь» — 413
«Жизнь» — 445
«Кочерыгины» — 457

- «Повести и рассказы» (1900) — 416
- «Приват-доцент» — 276, 277 (рассказ), 303
- «Сергей Шумов» — 243, 416
- «Сон» — 78
- «Среди людей» — 364
- Тихомиров Л.А. — 111, 121, 123, 147, 168, 202, 207, 208, 223, 242, 254, 255, 263
- «К вопросу об упадке творчества» — 121
- «Почему я перестал быть революционером» — 202
- «Эпизод из истории “толстовщины”» — 255
- Тихонов В.А. (Луговой А.А.; Мордвинов) — 41, 71, 243, 370, 381, 391, 399, 425
- Тихонравов Н.С. — 38
- Толстая А.А. — 164
- Толстая С.А. — 23, 24, 34, 43, 46, 63, 64, 70, 71 (жена), 85, 89 (жена), 127 (жена), 167 (жена)
- Толстая М.Л. (Оболенская М.Л.) — 204, 462
- Толстой А.К. — 205, 229, 230, 343, 354
- «Царь Федор Иоаннович» — 343, 354
- Толстой Л.Л. — 329, 476
- «Начало жизни» — 476
- «Прелюдия Шопена» — 329
- Толстой Л.Н. — 5, 6, 8–11, 14–18, 20, 22–30, 32–44, 46–48, 50–55, 57, 58, 60, 61, 63–65, 68–72, 82, 84–87, 89, 92, 94, 99, 100, 103, 106, 107, 112, 113, 118, 119, 122, 123, 125–127, 129–135, 139, 140, 146, 148, 150, 156, 158, 160, 161, 164, 167–169, 172, 173, 175–178, 184–187, 192–197, 202–204, 206, 207, 209–212, 214, 220, 223, 225, 226, 232, 237, 241, 242, 250, 252, 255, 259, 265, 266, 269, 272–276, 281, 290, 293, 298, 301, 302, 308–310, 312–316, 325, 328–330, 334, 337, 338, 341, 343, 349, 351, 355–357, 359, 360, 363, 364, 367, 372, 373, 377, 380, 381, 384, 387, 401, 402, 405, 408–412, 414, 415, 419–421, 423–427, 429, 430, 432, 434, 435, 440–443, 445–448, 450, 456, 461, 462, 472–474, 476–478, 480
- «Анна Каренина» — 139, 343
- «Бог правду видит» — 314
- «В чем корень зла» — 462
- «В чем моя вера» — 204
- «В чем счастье» — 27
- «Власть тьмы» — 207, 211, 223, 259, 273, 276
- «Война и мир» — 22, 139, 192, 343
- «Воскресение» — 5, 196, 204, 225, 330, 341, 373, 402 (Маслова), 408–411, 419–421, 450
- «Голод или не голод?» — 330
- «Детство» — 135
- [«Живой труп»] — 456 («Труп»)
- «Кавказский пленник» — 314
- «Казачи» — 343, 429
- «Крейцера соната» — 16, 23, 27, 28, 42, 92, 301, 314, 329
- «Кто прав?» — 118
- «Не убий» — 462
- «Неделание» — 107, 122
- «Новое рабство» — 440, 441
- «О вине и табаке» — 9
- «О голоде» — 40
- «О жизни» — 25, 27, 204
- «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» — 51, 60
- «Отец Сергей» — 328, 462
- «Отрочество» — 135
- «Первая ступень» — 72

- «Плоды просвещения» — 9, 27, 38, 51, 112
«Письмо в редакцию» — 35
«Письмо к фельдфебелю» — 360
«Почему голодают русские крестьяне» («Помощь голодным») — 58
«Противоречия эмпирической нравственности» («Религия и нравственность») — 178
«Рабство нашего времени» — 462
«Сказка» — 51, 52, 178
«Смерть Ивана Ильича» — 92, 314, 363
«Страшный вопрос» — 42, 43
«Стыдно» — 212
«Суратская кофейня» — 99
«Три притчи» — 187
«Трудолюбие или торжество земледельца» — 27
«Хаджи-Мурат» — 242
«Ходите в свете, пока есть свет» — 119
«Хозяин и работник» — 172, 184–186, 197, 204, 220, 274, 401
«Холстомер» — 27
«Христианство и патриотизм» — 133
«Царство Божие внутри вас» — 113, 193, 204
«Что такое искусство?» — 5, 298, 308, 309, 312, 313, 410
Тотомьянц В.Ф. — 462
Трегубов И.М. — 266
Третьяков П.М. — 158, 349
Трубецкой П.П. — 432, 451
Трубецкой С.Н. — 448, 456
Туған-Барановский М.И. — 245, 267, 268, 269, 300, 370, 371, 388, 420
«Русская фабрика в прошлом и настоящем» — 388
Тургенев И.С. — 44, 47, 52, 100, 102, 133, 140, 161, 164, 197, 215, 241, 273, 274, 281, 312, 334, 340, 341, 397, 405, 432, 434
«Гамлет Щигровского уезда» — 376
«Записки охотника» — 341
«Новь» — 72, 281
«Отцы и дети» — 102, 397
«Певцы» — 241
«Рудин» — 102, 197
«Собака» — 102
Турыгин А.А. — 113, 187, 240, 284, 288, 289, 350, 380, 431, 446, 452
Тэн И. — 156
Тютчев Н.С. — 78
Тютчев Ф.И. — 74, 205, 230, 283, 395, 407, 443, 465
Уайльд О. — 215, 231, 261,
Уитмен У. — 131
Ульянова А.И. — 219
Ульянова М.А. — 402
Урусов А.И. — 194, 319
Усов А. — 120
«Несколько слов о декадентах» — 120
Успенский Г.И. — 10, 11, 16, 17, 20, 40, 44, 51, 52, 57, 58, 66, 76, 88, 100, 108, 109, 115, 121, 152, 203, 284, 305, 306, 320, 323, 330, 342, 361, 362, 442, 461, 471, 476
«Из памятной книжки» — 51, 52
«Кочевники и переселенцы» — 16
«Письма переселенцев» — 10
«Подкидыш» — 115
«Пьяницы» — 320
«Тягота» — 11
Успенский Н.В. — 284, 461
Ухтомский Э.Э. — 262
Файнерман И.Б. — 43
Файфильд А. — 462

- Фаресов А.И. — 34, 118, 121
«Л.Н.Толстой о голоде» — 34
- Федоров А.М. — 328, 465
«Старый дом» — 465
- Федосеев Н.Е. — 245
- Федотова Г.Н. — 63, 319
- Фейгин Я.А. (Я.А.Ф-ин) — 465
«Письмо о современном искусстве» — 465
- Феокистов Е.М. — 190, 293
- Фета А.А. — 33, 35, 54, 59, 89, 111, 144, 146, 166, 187, 205, 230, 244, 248, 280, 283, 302, 432, 443, 465
«Гром не грянет, мужик не перекрестится» — 33
- Филиппов А. — 451
- Филиппов М.М. — 124, 265, 389, 410, 455
«Новый талант г. Михайловского» — 389
«Ребяческий идеализм» — 124
- Философов Д.В. — 385, 408
«Ответ Вл.Соловьеву» — 385
- «Философские течения русской поэзии», сб. — 229, 230
- Флексер — см. Вольнский А.Л.
- Флеров С.В. — 319
- Флобер Г. — 32, 84, 250, 251
- Фонвизин Д.И. — 137
- Фор Ф. — 306
- Фотий, архимандрит — 203
- Фофанов К.М. — 11, 19, 46, 51, 53, 55, 61, 94, 100, 110, 111, 124, 141, 142, 169, 182, 183, 186, 209, 215, 240, 241, 248, 254, 287, 318, 344, 352, 416, 434, 458
«В бессонницу» — 254
«Вечерние гости» — 254
«Во тьме» — 254
«Иллюзии» — 458
«Исполнен мир живой надеждой и отрадой» — 254
«Мы одни» — 254
- «На смерть Плещеева» — 124
«Наслаждение — одиночество вдвоем» — 254
«Перед весной» — 254
«Прежние» — 254
«Пусть наш союз язвят невежды» — 254
«Символисту» — 215
«Стихотворения» (1896) — 240
«Тени и тайны» — 53
«Толпа» — 141
- Фруг С.Г. — 11, 13
- Фудель И.И. — 242
- Хирьяков А.М. (Сакмаров А.) — 251, 410
«Лишние люди накануне XX века» — 410
- Хомяков А.С. — 443
- Хруслов Е.М. — 255
- Щебрикова М.К. — 436
- Цертелев Д.Н. — 49
- Циммерман Р.Э. — 245
- Чаадаев П.Я. — 205, 481
- Чадаев М. — 296, 437
- [Чайковский М.И.] — 128 (брат)
- Чайковский П.И. — 128
- Чарушников А.П. — 317, 320, 355, 397, 399, 400, 416, 429, 437
- Червинский Ф.А. — 18
- Чернышевский М.Н. — 96
- Чернышевский Н.Г. — 3, 19, 83, 91, 96, 97, 102, 112, 128, 133, 137, 141, 142, 144, 146, 147, 160, 175, 211, 349, 395, 430
«Заметки о современной литературе» — 146
«Критические статьи» — 96, 97
«Очерки гоголевского периода» — 96
«Что делать?» — 127
«Эстетика и поэзия» — 96

- «Эстетические отношения искусства к действительности» — 96, 128, 141
- Чернов В.А. — 352
- Чертков В.Г. — 17, 27, 48, 52, 266, 360, 373
- Черткова А.К. — 48, 223
- Четыркин Ф.В. (Ф.Ч.) — 46
- «Последние дни К.Н.Леонтьева в Троице-Сергиевом посаде» — 46
- Чехов Ал.П. — 42 (брат), 367, 425 (Александр)
- Чехов А.П. — 5, 9, 11, 14, 16, 18, 19, 24–28, 30, 33, 34, 37, 40, 42, 45, 46, 48, 51–55, 58, 59, 62–66, 68, 71–73, 75, 76, 79, 80, 85–87, 90–93, 95, 98–100, 104–107, 114, 119, 128, 132–135, 138–141, 143, 147–149, 152, 153, 158 161, 170–175, 177, 180–182, 186, 187, 190, 196, 197, 203, 206–212, 220, 225, 227, 230, 231, 235, 240, 241, 243, 246–249, 251–253, 257, 259–262, 266, 268, 269, 272–277, 281, 283–285, 288, 290, 293, 298, 302, 303, 306, 309, 311, 323, 325, 326, 329–331, 333–336, 340, 341, 343, 345, 346, 350–354, 359–365, 367, 369, 370, 372, 374, 375, 377–380, 382, 390, 391, 393, 395–397, 401, 405, 411, 412, 420, 422–428, 431, 433, 436, 438, 440–443, 449, 452–454, 456–458, 460–462, 465, 467, 474, 478, 480, 481
- «Анна на шее» — 206
- «Ариадна» — 212, 225
- «Бабы» — 28
- «Бабые царство» — 139, 140, 153, 174
- «Винт» — 369
- «В овраге» — 395, 422, 423, 441, 474, 480, 481
- «В родном углу» — 290
- «В ссылке» — 73
- «В сумерках» — 55
- «В усадьбе» — 160
- «Володя большой и Володя маленький» — 134
- «Вопрос» (заметка) — 40
- «Дама с собачкой» — 412
- «Дом с мезонином» — 230, 259
- «Душечка» — 360
- «Дуэль» — 42, 55, 72, 141
- «Дядя Ваня» — 268, 269, 336, 350, 351, 378, 390, 396, 397, 427, 428, 433, 441
- «Жена» — 59, 98
- «Иванов» — 268, 269
- «Именины» — 133
- «Ионыч» — 340
- «Крыжовник» — 334, 335
- «Лебединая песня» — 268
- «Медведь» — 268
- «Моя жизнь» — 252, 259, 273, 276
- «Мужики» — 252, 261, 269, 273–277, 288, 303, 369, 382, 405, 423, 424
- «Налим» — 369
- «На подводе» — 298
- «На святках» — 422
- «Новая дача» — 360, 361
- «Огни» — 79
- «О любви» — 334, 335
- «Остров Сахалин» — 51–52 («Беглые на Сахалине»), 134, 158, 159
- «Палата № 6» — 86, 87, 90, 98, 106, 141, 181, 203, 354, 405
- «Панихида» — 351
- «Пестрые рассказы» — 55
- «Печенег» — 290
- «Повести и рассказы» (1894) — 158, 173
- «Повести и рассказы» (1900) — 458
- «По делам службы» — 360

- «Попрыгунья» — 59
«Предложение» — 14, 268
«Пьесы» (1897) — 268
«Пьесы» (1900) — 478
«Рассказ неизвестного человека» — 105, 106, 141, 152
«Рассказ старшего садовника» — 172
«Рассказы» (1899) — 405
«Скрипка Ротшильда» — 143, 174
«Скучная история» — 79, 86, 181, 441
«Случай из практики» — 352, 353
«Соседи» — 80
«Степь» — 79, 87
«Страх (Рассказ моего приятеля)» — 92
«Студент» («Вечером») — 149, 174
«Супруга» — 187
«Трагик поневоле» — 268
«Три года» — 180, 181, 186, 197, 209, 225
«Три сестры» — 456
«У знакомых» — 311
«Убийство» — 209
«Учитель словесности» — 158, 174
«Хмурые люди» — 9, 55
«Хористка» — 119
«Чайка» — 243, 247, 248, 253, 259, 268, 269, 325, 336, 353, 354, 433, 441, 467
«Человек в футляре» — 330, 331, 334, 454
«Черный монах» — 139, 140, 174, 326, 354
Чехов И.П. — 18 (Иван), 149
Чехова М.П. — 24 (сестра), 105
Чехихин-Ветринский В.Е. (Ветринский Ч.; Ч. В-ий) — 65, 270, 277, 290, 325, 404, 420, 430, 438, 446, 450, 454, 464, 469, 470, 474, 475
Чириков Е.Н. — 159, 178, 198, 206, 207, 220, 234, 274, 277, 286, 287, 289, 303, 311, 352, 355, 363, 369, 370, 374, 385, 386, 395, 399, 400, 402, 422, 446, 450
«Блудный сын» — 374
«В лесу» — 178
«В лощине между гор» — 395
«Журнальные заметки» — 454
«Именинница» — 450
«Инвалиды» — 286, 287, 303, 355, 400
«Как это случилось» — 402
«Калигула» — 311
«Митька» — 206, 207
«Очерки и рассказы» (1899) — 355, 385, 399
«Очерки и рассказы» (1900) — 399, 400
«Провинциальные картинки» — 395, 422
«Прогресс» — 355
«Ранние входы» — 198
«Фауст» — 446
«Хлеб везут» — 277
«Чужестранцы» — 363, 385
«Caudeamus igitur!» — 159
Чичерин Б.Н. — 264, 301
«О началах этики» — 301
Чубаров Н. — 61
Чуйко В.В. — 91, 98, 100, 101, 105, 127, 136, 175, 184, 201, 203, 212, 260, 288, 298, 316
«Общественные идеалы Ницше» — 105
«Русская литература в 1892 году» — 98
«Русская литература в 1894 году» — 175
Чулков Г.И. — 478
Чюмина О.Н. — 45, 416
Шаврова Е.М. — 16
Шалагинов М.П. — 360

- Шаляпин Ф.И. — 255, 311, 394, 446
- Шашир О.А. — 21, 22, 208
- Шаховской Н.В. — 440, 468, 469
- Шевелев А.А. (А.Ш.; Скопинский А.) — 116, 119, 272, 383
«Нечто о “свободе” театра» — 272
- Шекспир В. — 24, 107, 132, 211, 351, 352, 397, 415
«Антоний и Клеопатра» — 24
«Гамлет» — 211
«Король Лир» — 397
«Отелло» — 211
«Ромео и Джульетта» — 24
- Шелгунов Н.В. — 10, 13, 17, 21, 23, 34, 53, 55, 56, 203, 428, 434, 435
«Очерки русской жизни» — 10, 21, 23
- Шеллер-Михайлов А.К. — 80, 94, 164, 284, 365, 434, 471
- Шелли П.-Б. — 85, 339
- Шенкалов А.И. (А-лов) — 335, 439
- Шершеневич Г.Ф. — 264
- Шестаков Д.П. — 92, 183, 406, 418, 437, 445
- Шестеркин А.Е. — 60
- Шестов Л.И. — 351, 352, 415
«Добро в учении гр. Толстого и Ф.Ницше» — 415
«Шекспир и его критик Брандес» — 351, 415
- Шехтель Ф.О. — 319
- [Шиллер Ф.] — 288
[«Разбойники»] — 288 (Карл Моор)
- Ширков В. — 352
- Шнишкин И.И. — 90, 316, 375
- Шнишко Л.Э. (П.Б.) — 405
- Шляпкин И.А. — 243
- Шмелев И.С. — 195, 245
«На скалах Валаама» — 245
«У мельницы» — 195
- Шоненгауэр А. — 82, 91, 265
- Шпажинский И.В. — 319
- Шперк Ф.Э. (Апокриф; Ф.Ш.) — 215, 216, 238, 264
«Ненужное оправдание» — 264
«Таланты последней формации» — 238
- Штейнберг С. — 479
- Штиглиц А.Л. — 307, 366, 431, 432
- Штирнер М. — 466
- Шулятиков В.М. — 449, 475, 479
«Мечты о сверхчеловеке» — 479
«Новое искусство» — 479
«Поэт-декадент» — 449
- Щеглов И. (Леонтьев И.Л.) — 64, 92, 99, 100, 260, 283
«Затерянный мудрец» — 283
«Около истины» — 64, 99, 100
«Убыль души» — 92
«Шемякин суд» — 283
- Щеглов Д.Ф. — 29, 30
«История социальных систем» — 29
«Своеобразный журнальный конкурс» — 29
- Щепкина-Куперник Т.Л. — 221, 416
- Щербина Н.Ф. — 230
- Эльзон М.Д. — 6
- Эльпе (Попов Л.К.) — 15
- Энгельгардт Н.А. — 234, 241, 264, 276, 281, 432
«Лженародничество» — 241
«Оклеветание мужика» — 276
«Преступная душа» — 234
- Эртель А.И. — 44, 56, 66, 72, 87, 94, 100, 106, 107, 112, 135, 140, 176, 181, 185, 197, 209, 212, 225, 235, 238, 340
«Духовидцы» — 135
«Карьера Струкова» — 238
«Макарьевское попечительство» — 100

- «Падает ли русское общество?» — 212
 «Письма о трионзмах» — 112
 «Смена» — 44, 72, 112
 Эртель М. В. — 106
 Эстергази Ф. — 347
 Эхил — 10, 462
 «Скованный Прометей» — 10
 Эфрос Н. Е. (Д-т; -ф-) — 77, 80, 397
- Южаков С. Н. — 162, 163, 165, 176, 190, 229, 294
 Южин А. И. — 63
 Южный М. (Зельманов М. Г.; Юный М. Г.) — 13, 19, 20, 22, 30, 31, 42, 44, 48, 56, 59, 76, 77, 87, 95, 97, 103, 105, 116, 123, 127, 130, 138, 159, 160, 175, 180, 184, 187–189, 194, 196, 204
 «Давнишняя ложь» — 103
 «Клеветническая литература» — 77
 «На безрыбье» — 196
 «Нечто о “разночнице”» — 77
 «Ни этика, ни эстетика» — 103
 «По поводу изданий сочинений Писарева» — 160
 «Рыцари на час» — 204
 «Человеческий документ» — 95
- Юзов — см. Каблиц-Юзов И. И.
 Юркевич П. Д. — 211
 Юровский И. — 258, 272
 Юшкевич С. С. (Июшкевич С.) — 100, 286, 394, 440
 «Записки студента Павлова» — 394
 «Кабатчик Гейман» — 440
 «Портной (Из еврейского быта)» — 286
- Яворская Л. Б. — 221, 401, 472
 Ядринцев Н. М. — 306
 Языков Д. Д. — 37
- «Литературная деятельность И. А. Гоголя» — 37
 Языков Н. М. — 230
 Яковлев В. — 439
 Яковенко В. И. — 39
 Якубович П. Ф. (Гринович П. Ф.; Мельшиц Л.; П. Я.) — 180, 195, 204, 205, 209, 213, 216, 220, 227, 228, 232–234, 248, 250, 259, 263, 268, 276, 278–280, 283, 287, 290, 295, 296, 299, 303, 306, 307, 311, 317, 318, 326–328, 331, 336, 338, 339, 342, 345, 346, 356, 364, 372, 379, 388, 389, 407, 414, 417, 420, 434, 437, 442, 444, 448, 449, 455, 458, 459, 465, 466, 469, 470, 475, 476, 479
 «А. С. Пушкин» — 388
 «Бодлер, его жизнь и поэзия» — 232
 «В мире отверженных» — 213, 233, 259, 306, 345
 «Еще из мира отверженных» — 299
 «Заметка читателя» — 442
 «Итоги двух юбилеев» — 318, 327, 336
 «Конец Шеласевской тюрьмы» — 331
 «Красобой из “Недели”» — 227
 «Любимцы каторги» — 434
 «На службе общества» — 388
 «Надсон и его неизданные стихотворения» — 465
 «Обзор нашей современной поэзии» — 209, 228, 279, 287
 «Пасынки жизни» — 459
 «Певец большого поколения» — 280
 «Переслащенное народолобие» — 306
 «Стихотворения» (1898) — 295, 296, 437
 «Юность» — 279

- Якупчикова М.В. — 282, 348
Якушкин В.Е. (В-в) — 82, 383
Янжул И.И. — 11
 «Искусство писательства» — 11
Яроцкий А. — 391
Ярошенко Н.А. — 69, 316, 330,
 370, 372
Ярцев Г.Ф. — 60, 423
Ясинский И.И. (Белинский Макс-
 сим; Независимый; Чупосов М.;
 Рыцарь Зеркал; Я.) — 25, 44,
 45, 56, 70, 75, 85, 99, 150, 201,
 206, 207, 209, 225, 229, 231,
 244, 248–250, 256, 260, 261,
 353, 393, 399, 407, 411, 416,
 424, 433–436, 439, 450, 467,
 472
 «Апофеоз Израиля» — 472
 «Карьера» — 85
 «Кошмарное время» — 399, 411,
 435
 «Критические наброски» — 250
 «Критические наброски о “Мужи-
 ках”» — 261
 «Кровь» — 231
 «Лицемеры» — 109
 «Наш идеал подобен солнцу» —
 435
 «Новая жизнь» — 44, 45
 «Новый поэт» — 407
 «О символизме» — 229
 «Ординарный профессор» — 25
 «1 марта 1881 г.» — 434, 435
 «Петербургские туманы» — 70
 «Садовая литература» — 450
 «Тараканий бунт» — 260, 261

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
Список сокращений печатных источников	7
1891 год (сост. <i>О.А. Богданова</i>)	9
1892 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	57
1893 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	99
1894 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	139
1895 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	176
1896 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	221
1897 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	260
1898 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	305
1899 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	360
1900 год (сост. <i>М.Г. Петрова</i>)	422
Указатель имен, названий произведений, альманахов и сборников (сост. <i>И.С. Багдасарян</i>)	482

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН*

**ЛЕТОПИСЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ
конца XIX — начала XX в.
(1891 — октябрь 1917)**

Выпуск 1

1891–1900

Корректор
Сченснович Е. Н.

Оригинал-макет изготовлен
Мишутиной Т. И.

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 33. Тираж 1000 экз.
Заказ № 7161

ИМЛИ РАН,
121069, МОСКВА, УЛ. ПОВАРСКАЯ, Д. 25-А.
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

